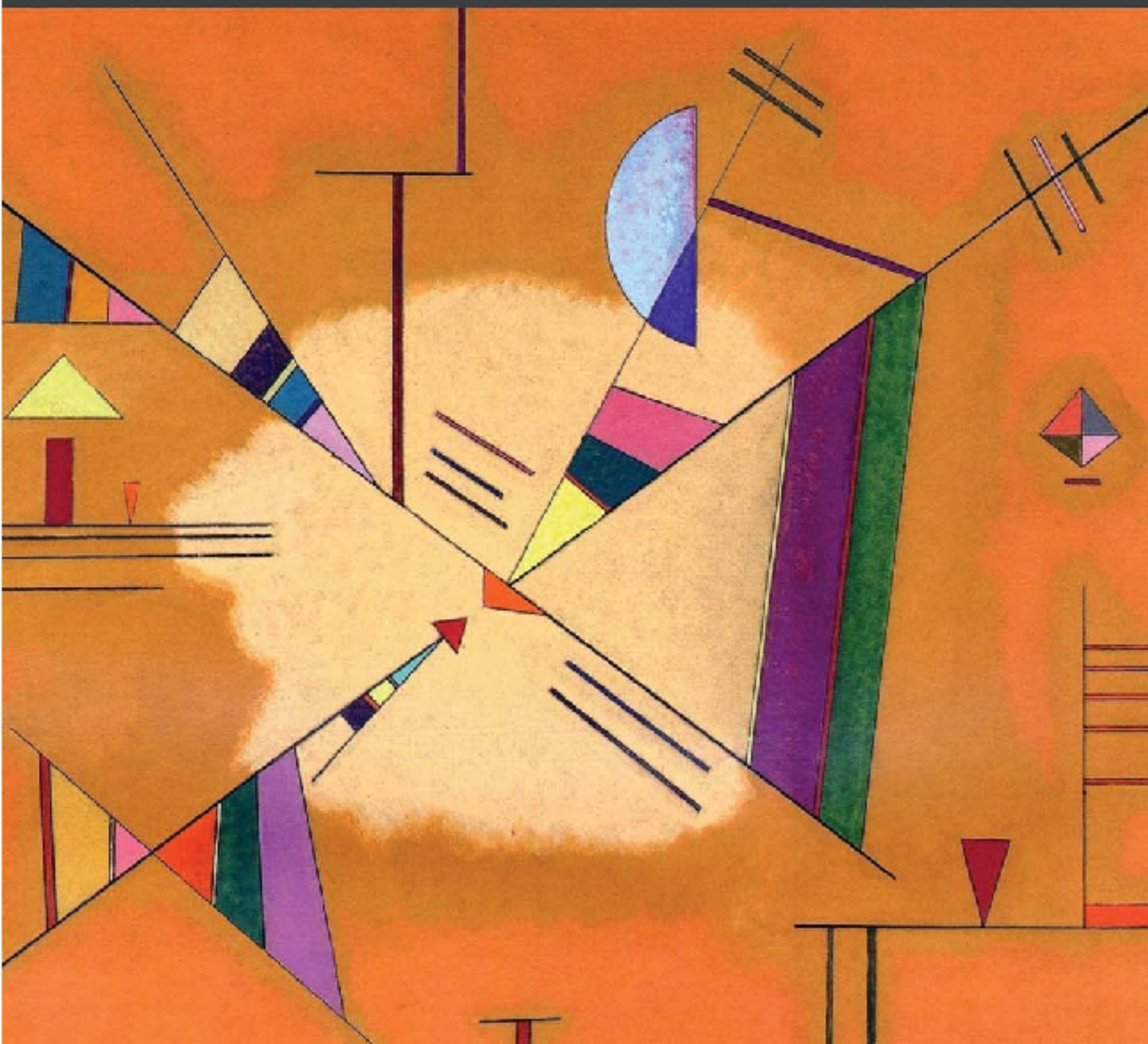
РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

ВЫЗОВЫ СОСЕДСТВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В.А. КОЛОСОВА



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ВЫЗОВЫ СОСЕДСТВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В.А. КОЛОСОВА

Москва — 2018

ББК 65.049
УДК 910.3 (911.5)
Р74

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства».

Утверждено к печати
Ученым советом Института географии РАН

Рецензенты:
академик РАН П.Я. Бакланов
доктор политических наук, проф. И.М. Бусыгина

Авторский коллектив: ***В.А. Колосов, О.И. Вендина, М.В. Зотова, А.Б. Себенцов, А.А. Гриценко, М.С. Карпенко, Н.Н. Клюев, Е.В. Михайлова, К.А. Морачевская, Ф.А. Попов, Н.Л. Фролова, М.А. Самохин, Т.А. Галкина***

Российское пограничье: вызовы соседства / Под ред. В.А. Колосова — Москва: ИП Матушкина И.И., 2018 — 562 с. + 32 с. ил. — ISBN 978-5-94101-325-8

Редактор-составитель к.г.н. М.В. Зотова

Уникальная особенность России — соседство с 16 странами. Наряду с исключительным разнообразием приграничных территорий по природным условиям, степени освоенности, структуре хозяйства, социально-экономической обстановке, этническому составу населения, истории, состоянию двусторонних отношений и потенциальных угроз национальной безопасности, это означает, что Россия сталкивается с огромным разнообразием проблем соседства, набор которых сильно различается от одной пары границ к другой. Цель монографии, в которой подводятся итоги работы авторского коллектива по гранту Российского научного фонда №14-18-03621 — выявить и проанализировать влияние приграничного положения, интеграционных процессов и политических вызовов международного и регионального уровня на развитие приграничных регионов России. Масштаб задачи потребовал систематизации вызовов соседства, которые были сведены к шести группам — демографическим, социально-экономическим, экологическим, институциональным, геополитическим и дискурсивным. Работа охватывает широкую проблематику современных исследований пограничья — от сопоставления социально-экономической ситуации в приграничных регионах и городах России с их соседями и взаимодействий с ними до особенностей символического ландшафта и повседневной жизни людей, институциональной и нормативной базы, направлений и перспектив приграничного сотрудничества в современных геополитических условиях. Книга содержит много картографического и табличного материала и ориентирована на исследователей пограничья — географов, специалистов по международным отношениям, историков, социологов, а также широкий круг заинтересованных читателей.

© Коллектив авторов, 2018.
© Институт географии РАН, 2018.

ISBN 978-5-94101-325-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

Часть 1. ПОГРАНИЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ДОСТИЖЕНИЯ 17

Единство и дифференциация мировой системы границ 20

Территориальность, этничность и государственность: фокус пограничных исследований 23

Символическое значение границ: территориальные идентичности и геополитические представления 25

Границы неконтролируемых территорий 28

Глобализация: «мир без границ» или новые барьеры? 32

Часть 2. СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОСЕДЯМИ 39

Глава 2.1. Морфология и контрастность российских границ 39

Разнообразие ситуаций 39

«Новые» границы России 50

Глава 2.2. Диспропорции развития приграничных районов России и соседних стран 59

Расселение: проблема депопуляции и миграции 62

Экономический потенциал и хозяйственные связи 68

Уровень жизни и рынок труда 77

Глава 2.3. Барьерность и проницаемость границ 86

Методика оценки барьерности границ 89

Барьерность российских границ 92

Типология российского пограничья по показателям барьерности 101

Глава 2.4. Повседневная жизнь в российском пограничье 109

Повседневность — ключ к пониманию проблем пограничья 110

Пространственное неравенство как стимул пересечения границы 119

Трансграничный стиль жизни: не слишком свои и не слишком чужие 126

Часть 3. ГРАНИЦЫ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ 131

Глава 3.1. Поиск национальной идентичности и российские политические дискурсы 131

Источники информации и методы анализа 133

Два вектора внешней политики России и проблема границ 139

Глядя на Восток: «евразийская интеграция» и соседство со странами бывшего СССР 141

Глядя на Запад: от иллюзий интеграции к конфронтации 164

Семантический анализ дискурса 176

Глава 3.2. Фантомные границы на постсоветском пространстве 183

Значимость для различных сфер жизни 184

Связь с актуальными политическими процессами 189

Фантомные границы в России 194

Глава 3.3. Историческая память и символический ландшафт пограничья 200

От логики единого пространства к логике межгосударственного рубежа (российско-украинская граница) 203

Преодолевая логику противостояния (российско-китайская граница) 211

Конструирование приграничного ландшафта 221

Часть 4. ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 233

Глава 4.1. Институциональное измерение приграничного сотрудничества 233

Правовые условия институционализации 235

Институциональное строительство в 1990-х — начале 2000-х гг. 241

Программы приграничного сотрудничества 251

Местное приграничное передвижение 267

Подходы к типологии институционализированного сотрудничества 270

Глава 4.2. Города-близнецы в российском пограничье 277

Эволюция понятия «города-близнецы» 278

Города-близнецы: историко-географические реалии и формат сотрудничества 281

Российский опыт 287

Часть 5. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ 305

Глава 5.1. Экологические угрозы развитию регионов российского приграничья 305

Особенности эколого-географического положения России 305

Международное экологическое сотрудничество в приграничье 318

Глава 5.2. Трансграничные речные бассейны: единство природной системы и политическая фрагментация 322

Исторический опыт разработки норм международного права 326

Экономические механизмы решения трансграничных водных проблем: трудности реализации 332

Технические условия решения трансграничных водных проблем 337

Международное сотрудничество России в области управления трансграничными водными объектами 340

Часть 6. РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ 357

Глава 6.1. Города на границе: представления и настроения людей 357

Миграционное давление на приграничные города 360

Отношение к «другим»: неприятие и толерантность 367

Ценности горожан 372

Плюрализм и конформизм городских сообществ 378

Опыт трансграничных взаимодействий 382

Глава 6.2. Калининградская область: пути компенсации эксклавности 386

Эксклавность как вызов развитию региона 388

Внутрироссийские ответы на региональную обособленность 391

Приграничное сотрудничество 395

Развитие туризма 401

Глава 6.3. Приграничное положение и периферийность в развитии российско-белорусского пограничья 409

Формирование государственной границы и усиление периферийности пограничья 411

Насколько периферийны муниципальные районы приграничных областей? 415

Характер трансграничных взаимодействий 419
Зависимость взаимодействий от иерархии поселений 422
Типология муниципальных образований российских пограничных областей 427

Глава 6.4. Кризис российско-украинских отношений и его последствия для приграничных взаимодействий 433

Политические, исторические и этнокультурные особенности приграничных регионов России и Украины 433
Морфология и социально-экономические градиенты российско-украинского пограничья 442
Современное состояние приграничных взаимодействий 453

Глава 6.5. Приграничные регионы России и Казахстана в условиях евразийской интеграции 471

Становление государственной границы 474
Своеобразие расселения 479
Размежевание культурного пространства: вызовы для сотрудничества 484
Экономический потенциал: проблемы «малой интеграции» 487

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 497

ЛИТЕРАТУРА 507

ABSTRACT 547

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 555

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена анализу разнообразия ситуаций в российском пограничье. Опираясь на материалы многолетних полевых исследований, авторы предпринимают попытку систематизировать широкий круг проблем, с которыми сталкиваются власти приграничных регионов и их жители, описать практику трансграничных взаимодействий и выявить факторы, определяющие их эволюцию и динамику. Основное внимание в книге уделено исследованию влияния границы на жизнь и развитие российских приграничных регионов, сопоставлению интеграционных и дезинтеграционных процессов, идущих между сопредельными территориями соседних стран, оценке воздействия на них политических вызовов международного и регионального уровня.

Современная российская реальность дает богатую пищу для размышлений на эту тему. Всего четверть века назад границы с Норвегией, Финляндией, Польшей, Монголией и Китаем были «на замке» и непроницаемы для повседневных контактов населения, а со странами Балтии, Белоруссией, Украиной, странами Южного Кавказа и Казахстаном их просто не было. Препятствий для многочисленных хозяйственных, бытовых, семейно-родственных, дружеских, образовательных и прочих связей или не существовало, или они были относительно невелики. С окончанием советской эпохи все изменилось. Закрытые межгосударственные границы открылись, а бывшие административные обрели жесткость межгосударственных, определив новые координаты окружающего мира. То, что еще вчера казалось «своим», в одночасье стало «чужим». Новые границы затруднили перемещения людей и экономические взаимодействия, что повсеместно привело к глубокому социальному и производственному кризису.

Следующим важным событием стало расширение ЕС на восток. Вопреки декларациям об открытости, оно способствовало усилению барьерных функций по всему периметру границ «новой Европы». Свой вклад в изменение жизни российского приграничья внесли и конфликты на постсоветском пространстве. Возникли частично признанные государства Южная Осетия и Абхазия. Украинский кризис ознаменовал-

ся изменением линии российской границы в 2014 г. в результате вхождения Крыма в состав РФ и появлением серых зон — ДНР и ЛНР, разрывом или резким сокращением хозяйственных связей с Украиной и усложнением формальных требований к россиянам, въезжающим в эту страну. В то же время, процессы, происходившие на Дальнем Востоке, имели противоположную направленность: барьеры между РФ и Китаем постепенно снижались, а уровень взаимодействий и взаимного доверия рос, хотя эхо событий на западных границах страны доносилось и сюда.

Приступая к столь амбициозному проекту, как создание монографии обо всем российском пограничье, авторы отдавали себе отчет в трудности поставленной задачи. Уникальная особенность России — многососедское положение: после признания Абхазии и Южной Осетии страна граничит по суше с 16 государствами. Такого числа соседей нет ни у одного другого государства мира! Это значит, что Россия неизбежно втянута в их дела и сталкивается с многочисленными проблемами соседства, набор которых сильно различается от одной пары границ к другой: ведь общая протяженность сухопутных границ — свыше 22 125 км. Кроме того, российское пограничье исключительно разнообразно по природным условиям, степени освоенности приграничных территорий, структуре хозяйства, социально-экономической обстановке. Значительно различаются история и современное состояние двусторонних отношений, степень социально-культурной и этнической контрастности сопредельных регионов, предпосылки и уровень двустороннего сотрудничества, существующие и потенциальные угрозы национальной безопасности (вклейка, рис. 1, 2).

Помимо объективного разнообразия ситуаций, на становление внешнеэкономических, культурных и иных контактов между Россией и ее соседями сильно влияют процессы национально-государственного строительства в постсоветских странах, не завершенные до настоящего времени. Различается и скорость адаптации населения и хозяйства приграничных регионов к происходящим изменениям. Граница — это одно из немногих мест, где государственная политика и жизненная рутина «маленького человека» тесно переплетены. Идея государственного суверенитета, представления о дружественности или враждебности соседа, чужих успехах и своих неудачах (или наоборот) глубоко инкорпорированы в восприятие окружающего мира на местах. Это превращает локальные представления в индикатор стабильности государства и легитимности его полномочий в глазах населения.

Такое сочетание разнородных и разнонаправленных факторов неизбежно приводит к дифференциации функций российских границ. Соотношение двух главных из них — барьерной и контактной — находится в динамическом равновесии и сильно варьирует от одного участка границы к другому в связи с ростом различий в политико-правовом, экономическом и социально-культурном пространстве соседних стран. Это делает невозможным использование стандартных решений возникающих проблем.

Однако было бы неверно сводить характеристику российского пограничья к анализу трудностей и противоречий. Приграничные районы часто выступают естественными локомотивами региональных интеграционных процессов и развития двусторонних отношений. В эпоху глобализации и быстрого роста взаимодействий между странами приграничное положение рассматривается как важная предпосылка ускорения локального социально-экономического развития, катализатором которого становятся межкультурные контакты. Этот тезис подтверждается и российской практикой.

Вступление в силу с 1 января 2015 г. договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и отсутствие таможенных границ между Россией, Белоруссией и Казахстаном способствует развитию приграничного сотрудничества — «малой» интеграции как существенной части интеграции «большой», ее опытного полигона. Такое «сшивание» разграниченных пространств чрезвычайно полезно для решения широкого круга местных, региональных и государственных проблем. Во-первых, обеспечения нормальных условий жизни населения приграничных территорий — их культурно-бытовых связей, приграничной торговли, совместного решения коммунальных и экологических проблем, оказания медицинских, образовательных, культурных услуг и пр. Во-вторых, лучшего исполнения государственных функций — транспортно-логистических, охраны границы и защиты национального экономического пространства, предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий, борьбы с нелегальной миграцией и терроризмом и пр. В-третьих, стимулирования прямой и посреднической внешнеэкономической и производственно-инвестиционной активности приграничных регионов.

Модели приграничного сотрудничества на разных участках границ и успешность их внедрения в конкретную практику определяются

многими факторами: 1) международно-правовым статусом конкретного участка; 2) характером отношений между соседними странами; 3) требованиями широко понимаемой национальной безопасности; 4) уровнем социально-экономического развития регионов, размещением населения и хозяйства; 5) этнокультурными особенностями и историческим опытом взаимодействия приграничных сообществ; 6) полномочиями региональных властей в области международной деятельности; 7) состоянием приграничной инфраструктуры; 8) экологическими факторами и возможностью совместного использования находящихся в приграничной зоне природных ресурсов и др.

Центральные и региональные органы власти, ведомства и местные сообщества сталкиваются с многочисленными вызовами соседства, на которые призваны дать адекватный ответ. Важно подчеркнуть, что понятие «вызовы соседства» интерпретировалось не только как угроза развитию приграничных регионов, создающая определенные ограничения и дополнительные проблемы, но и фактор, предоставляющий, как правило, широкие возможности для использования выгод приграничного положения, требующий от российских регионов модернизации структуры хозяйства, управления и социума. Логика вызовов соседства определила логику анализа проблем пограничья и содержательную структуру книги. Основное внимание авторы сосредоточили на следующих сюжетах:

- *геополитические вызовы*, роль которых возросла за последние годы в результате мощных геополитических сдвигов: воссоединения Крыма с Россией и появления там нового закрытого государственного рубежа; гражданской войны вблизи российских границ в Донбассе и резкого сокращения связей с Украиной; ухудшения отношений с ЕС и особенно многими его «новыми» членами — Польшей и странами Балтии, санкций Запада против России и контрсанкций, оказавших прямое влияние на положение в российских приграничных регионах; «поворота» России на восток, в частности, развития экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР);
- *демографические вызовы:* депопуляция российского приграничья и, напротив, миграционное давление на приграничные территории не только со стороны соседних государств, но и всего постсоветского пространства;

- *социально-экономические вызовы:* асинхронность развития по разные стороны границы, значительные социально-экономические градиенты, которые в некоторых случаях оказывают положительное воздействие на российские приграничные территории, но гораздо чаще представляют собой серьезное препятствие для успешных взаимодействий и угрозу безопасности российских регионов;
- *экологические вызовы,* вызванные несовпадением природных и политических рубежей, различием государственных приоритетов, затрудняющих решение экологических проблем и выработку общих подходов к согласованию интересов регионов России и соседних государствах в сфере природопользования;
- *институциональные вызовы:* уровень развития институтов взаимодействия между региональными и местными органами власти, субъектами хозяйственной деятельности и общественными организациями соседних стран; адекватность и совместимость международной и национальной договорно-правовой базы, компетенций региональных и местных органов власти, наличие региональной политики по отношению к приграничным регионам, и пр.;
- *дискурсивные вызовы:* противоречивость политических дискурсов, различие подходов соседних стран к оценке совместного прошлого, иногда прямая враждебность исторических нарративов и символической политики, формирующих представления о России в общественном мнении жителей соседних стран.

Разумеется, приведенный перечень нельзя назвать исчерпывающим. Так, вопросы, связанные с вызовами безопасности страны, особенно актуальные в приграничных регионах, лишь косвенно затрагиваются в книге. В числе существующих и потенциальных угроз национальной безопасности — сосредоточение вблизи государственных рубежей вооруженных сил соседних стран или военно-политических блоков (НАТО), других вооруженных формирований; международный терроризм; территориальные притязания к России, выдвигаемые на государственном уровне или определенными общественно-политическими силами; неопределенность международно-правового оформления границы, нестабильность и напряженность обстановки в приграничье, в том числе вызванная сепаратистскими движениями, межнациональными и религиозными противоречиями в сопредельных государствах; неконтролируемая миграция; трансграничная преступ-

ность и незаконный оборот наркотиков и оружия; риск природных и техногенных катастроф. Анализ этих вызовов и угроз выходит за рамки настоящей работы.

Авторы ограничились сравнительным анализом сухопутного пограничья России. Морские границы страны — предмет особого, не менее масштабного исследования, обладающего выраженной спецификой.

Одна из главных особенностей концепции исследования состоит в сопоставлении социально-экономической, политической и экологической обстановки не только в российских приграничных регионах, но и на соседних территориях вдоль всей линии границы.

Другая особенность — рассмотрение пограничья как сложной и взаимосвязанной системы, реагирующей как целое на политические, социально-экономические, экологические и прочие изменения на любом ее участке. В книге показано, что последствия быстрых политических и социальных трансформаций, которые нередко приводят к закреплению роли приграничных регионов как экономической, а иногда и культурной периферии своих стран, негативно сказываются и на российском пограничье.

«Изюминка» исследовательского подхода, нашедшего отражение в книге — сопряженный анализ объективных и субъективных характеристик пограничья, показателей социально-экономической статистики и представлений людей, исторических нарративов и символической политики. В одних случаях экономика и дискурсы, продвигаемые государством и циркулирующие в местных сообществах, способствуют укреплению трансграничных взаимодействий, в других — вступают в открытое противоречие, разрушая логику экономической рациональности.

Особое внимание авторы стремились уделить специфическим участкам российского пограничья: эксклавной Калининградской области; территориям, сравнительно недавно по историческим меркам входившим в состав других государств, в Карелии, Псковской области и др.; регионам, граничащим со странами ЕАЭС — Белоруссией и Казахстаном, а также с Украиной, переживающей ныне острый политический и экономический кризис.

В работе над книгой использованы разнообразные источники информации. Во-первых, официальные статистические данные по при-

граничным регионам и муниципальным образованиям России и сопредельных стран. На их основе была составлена база данных, охватывающая период с 2000 по 2014–2016 гг. По некоторым показателям, прежде всего демографическим, статистическая ретроспектива составила более двадцати лет, включая 1989, 1990 и 1995 гг. Был произведен трудоемкий пересчет стоимостных показателей по коэффициентам паритета покупательной способности населения (ППС). Пришлось столкнуться и с необходимостью пересмотра статистических рядов, имеющих денежное выражение, в связи с корректировками Всемирного банка ППС за 2012–2015 гг. Серьезной проблемой стало несовпадение показателей и методики сбора статистической отчетности в России и других странах, проводимые ими реформы в системе статистического учета. Созданная база данных включила в себя также первые появившиеся статистические материалы по Республике Крым и Севастополю. Этот информационный фундамент позволил охарактеризовать генезис и особенности разных участков российской границы, их этническую, конфессиональную и лингвистическую контрастность, структуру и взаимодополняемость экономики приграничных регионов, различия (градиенты) в социально-экономических показателях, внешнеэкономические связи и т.п.

Во-вторых, за весь постсоветский период проведен сплошной мониторинг одной из «качественных» российских ежедневных газет, уделяющих большое внимание внешней политике и проблемам постсоветских государств и отражающих эволюцию официального политического дискурса о роли, функциях и режимах границы. Эта информация была дополнена материалами четырех других газет, представляющих позиции различных политических сил. Благодаря созданной базе данных и ее семантическому анализу удалось сопоставить трансформации, происходящие в политическом дискурсе, с реальными изменениями функций границ на различных участках и эволюцией трансграничных взаимодействий.

В-третьих, уникальным источником информации стали многочисленные интервью и наблюдения, собранные в ходе многолетних полевых исследований в приграничных регионах России и сопредельных стран. Некоторые авторы этой книги еще в начале 1990-х гг. одними из первых в стране обратились к проблеме становления новых постсоветских границ. С 1994 г. эти исследования поддерживались грантами

РФФИ, РГНФ и других отечественных фондов. Авторы участвовали в крупных международных проектах, посвященных пограничью, поддержанных 5–7-й Европейскими рамочными программами. Значительной вехой в деятельности коллектива стала работа над одноименным с настоящей книгой грантом РНФ (№14-18-03621, 2014–2018 гг.), благодаря которому она и была написана. За последние восемь лет (2010–2017) участники проекта побывали практически на всех диадах (парах) российских границ, на многих из них — по несколько раз. Во время этих экспедиций удавалось посетить не только центры пограничных субъектов федерации, но и ближайшие к границе районные центры, отдельные населенные пункты. Эти поездки дали возможность провести несколько сот экспертных интервью в региональных, районных, городских и местных администрациях, с преподавателями вузов и сотрудниками исследовательских учреждений, представителями интеллигенции, хозяйственными руководителями и предпринимателями, журналистами, сотрудниками таможенных служб, внешнеполитических ведомств и консульств, некоммерческих организаций, а также многочисленные беседы с местными жителями.

В-четвертых, в своих исследованиях авторы опирались на теоретические работы, посвященные границам и пограничью (*border studies*). Наиболее важным достижением этой междисциплинарной области знания в последние годы стали представления о том, что границы — сложная социальная категория, результат процесса воспроизводства разграничений (*bordering*) разными социальными и политическими силами общества. Режим и функции границ в современных условиях — результирующая деятельности не только различных государственных институтов, но и других субъектов принятия решений — крупного бизнеса, этнических движений, региональных и местных властей, отдельных групп населения и др. (более подробно см. часть 1).

Монография состоит из шести разделов. В первом характеризуются основные тенденции развития и достижения современных исследований границ. Второй раздел книги посвящен общей характеристике сухопутных рубежей России — их морфологии и степени контрастности: совпадению государственных, этнических и иных рубежей, выявлению градиентов основных демографических и социально-экономических показателей, анализу их динамики под влиянием асинхронности развития соседних стран и регионов. Особое внимание уделено воз-

действию границы на повседневную жизнь населения российского пограничья — его социальному самочувствию, мотивам трансграничной мобильности, восприятию соседей. Третья часть книги касается дискурсивной природы воспроизводства функций границ, роли границ в формировании национальной и региональной идентичности, в том числе значения коллективной исторической памяти, нарративов и символического ландшафта пограничья. В четвертом разделе показано институциональное измерение приграничного сотрудничества — его нормативно-правовые основы и формы, различия разных участков границы. Пятый раздел посвящен трансграничным экологическим проблемам, сотрудничеству России с соседними странами в этой области и анализу его эффективности. Наиболее подробно авторы останавливаются на сотрудничестве и конфликтах, возникающих при использовании международных речных бассейнов, поскольку крупные реки, пересекающие территории двух или нескольких стран, чрезвычайно важны для прилегающих к ним регионов как источники водоснабжения, энергоресурсов, транспортные коммуникации. Наконец, в шестом разделе анализируются региональные и локальные проблемы пограничья: особенности развития городов в «новых» (граничащих со странами бывшего Советского Союза) и «старых» пограничных регионах, Калининградской области — одного из самых крупных эксклавов в мире по численности населения. Освещены проблемы пограничья России с двумя странами-«основателями» ЕАЭС — Белоруссией и Казахстаном, а также радикальные изменения, произошедшие после 2014 г. в характере соседства с Украиной.

Авторы книги — в основном сотрудники лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Руководитель авторского коллектива — зам. директора института и зав. лабораторией проф. В.А. Колосов. Монография представляет собой поистине общий труд лаборатории, поскольку стала результатом совместных экспедиций, многочисленных формальных и неформальных обсуждений, обмена идеями и опирается на созданные в лаборатории базы данных. В авторский коллектив входят также зав. кафедрой гидрологии суши географического факультета МГУ проф. Н.Л. Фролова, к.г.н., н.с. этой кафедры М.А. Самохин, н.с. кафедры географии мирового хозяйства Е.В. Михайлова и старший преподаватель Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета к.г.н. К.А. Морачевская.

Введение, заключение и часть 1 написаны В.А. Колосовым, глава 2.1 — В.А. Колосовым и М.В. Зотовой, глава 2.2 — М.В. Зотовой, А.А. Гриценко, В.А. Колосовым и А.Б. Себенцовым, глава 2.3 — М.В. Зотовой, В.А. Колосовым и А.Б. Себенцовым, глава 2.4 — М.В. Зотовой, О.И. Вендиной, А.А. Гриценко и А.Б. Себенцовым, глава 3.1 — В.А. Колосовым, Ф.А. Поповым, М.В. Зотовой, О.И. Вендиной, А.А. Гриценко, А.Б. Себенцовым, Т.А. Галкиной, глава 3.2 — В.А. Колосовым, глава 3.3 — О.И. Вендиной и А.А. Гриценко. Авторы главы 4.1 — А.Б. Себенцов и М.С. Карпенко, главы 4.2 — Е.В. Михайлова, главы 5.1 — Н.Н. Клюев, главы 5.2 — Н.Л. Фролова и М.А. Самохин. В региональной части глава 6.1 написана О.И. Вендиной, глава 6.2 — А.Б. Себенцовым и М.В. Зотовой, глава 6.3 — К.А. Морачевской и В.А. Колосовым, глава 6.4 — М.В. Зотовой и В.А. Колосовым, глава 6.5 — М.С. Карпенко и А.Б. Себенцовым.

Благодарности. Авторы выражают искреннюю благодарность всем коллегам из России и «ближнего зарубежья», которые поделились своим бесценным опытом и оказали содействие в организации экспедиционных поездок: к.г.н., доц. В.И. Амельченко и к.г.н., доц. Т.А. Терещенко (Уральск); академику РАН П.Я. Бакланову и д.э.н., проф. Н.П. Рыжовой (Владивосток); председателю Управляющего совета Казахстанского национального географического общества к.ф.-м.н. К. Байгарину (Астана); директору общественного объединения «Дом географии» А.А. Вервекину (Павлодар); д.г.н., проф. Т.И. Герасименко (Оренбург); д.г.н., проф. А.Г. Дружинину (Ростов-на-Дону); к.г.н. А.М. Кирюхину (Харьков); д.г.н., проф. А.Г. Манакову (Псков); д.э.н., проф. Н.М. Межевичу (Санкт-Петербург); д.г.н., проф. Л.И. Попковой (Курск); д.э.н., проф. Т.В. Морозовой и д.э.н., проф. О.В. Толстогузову (Петрозаводск); д.г.н., проф. Г.М. Федорову (Калининград).

Для авторов были очень важны совместное участие в конференциях и семинарах и научные обмены с давними партнерами из «дальнего зарубежья», особенно проф. Джеймсом Скоттом и проф. Илккой Лиикаеном (Университет Восточной Финляндии, Йоенсуу), профессорами Пьером Бекушем, Клодом Граланом, Янном Ришаром и Пьером Торезом (Франция).

Часть 1.

ПОГРАНИЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Границы — это одновременно и философская категория, и один из фундаментальных социальных феноменов. Они заключают в себе противоречие между непрерывностью и дискретностью. Дискретность предполагает, что границы существуют в реальности, маркируют и структурируют пространство, отделяя одни явления от других, в то время как непрерывность земного пространства одновременно отрицает их объективное существование и ставит проблему их делимитации.

Пограничные исследования (*border studies*) переживали в последние годы этап бурного развития: множилось число исследовательских центров и групп, все более частыми и разнообразными становились международные конференции в этой области, увидели свет новые монографии и атласы. Летом 2014 г. в Йоенсуу (Финляндия) и Санкт-Петербурге состоялся 1-й Всемирный конгресс Ассоциации пограничных исследований. Практически ежегодно созываются представительные конференции *Borderscapes* и BRIT (*Border Regions in Transition*) — группы исследователей, сформировавшейся первоначально из числа авторов международного журнала *Journal of Borderland Studies*: их проведено уже 17. Вышло немало специализированных номеров других журналов, посвященных пограничным проблемам, реализованы крупные международные проекты, в том числе при поддержке 5–7-й Европейских Рамочных программ.

Исследования границ, зародившиеся главным образом в лоне географии, охватывают теперь широкий спектр дисциплин: политическую науку, социологию, антропологию, историю, международное право и, с недавнего времени, искусствоведение и даже философию и этику. Границы заметно влияют едва ли не на все сферы деятельности,

и любая из них в эпоху глобализации может рассматриваться через призму воздействия рубежей между странами и регионами. Это дало основание Виржини Мамаду, председателю Комиссии Международного географического союза по политической географии, говорить об «эпидемии бордеритиса» (*borderitis*) — моды на исследования границ, распространившейся среди обществоведов (Mamadouh, 2015).

Ренессанс пограничных исследований частично объяснялся появлением новых дискурсов о глобализации в 1990-х гг., в которых были выявлены процессы, характерные для «мира без границ» и возникшие под воздействием новых технологий и глобализации общественной жизни, таких как формирование киберпространства и свободных потоков капитала, расширение Европейского Союза. С 2000-х гг. тенденции постепенно менялись. Возрастали угрозы международного терроризма и неконтролируемых миграций, росла напряженность между Востоком и Западом, переросшая в результате кризиса на Украине в беспрецедентное после окончания холодной войны ухудшение отношений между ними. Все чаще нарушались нормы ВТО и проявлялось стремление к «огораживанию» национальных или региональных рынков. Эти процессы прямо затронули функции и режим государственных границ, еще более усилили внимание исследователей к их изучению.

Исследователи границ перешли от изучения почти исключительно границ между государствами к изучению иных социальных границ в разных географических масштабах, начиная от местных, муниципальных и кончая макрорегиональными и надгосударственными рубежами в глобализирующемся мире. Их фокус сместился от «материальных» границ к невидимым, но чрезвычайно важным культурным, социальным и религиозным границам, определяющим фрагментацию политического пространства, сдвиги в территориальной идентичности и способы управления обществом. Иными словами, наряду с традиционными подходами[1], возникли новые, когнитивные и символические. Возникли попытки создания единой междисциплинарной теории разграничения политического пространства.

---

[1] Традиционные и многие новые подходы в пограничных исследованиях проанализированы нами ранее (Колосов, Мироненко, 2001; Колосов, 2008; Российско-украинское пограничье..., 2011).

Ключевое понятие в современных исследованиях границ, которое трудно однозначно и кратко перевести на русский — «*bordering*». Оно означает не только формирование и обустройство границ, но и постоянный процесс изменения их режима, функций, общественного значения — например, в результате изменения политических стратегий и дискурса в СМИ, сдвигов в международной обстановке и двусторонних отношениях, курса валют и мировых цен, в ходе повседневной деятельности политических институтов и практики трансграничных взаимодействий, изменения представлений, содержащихся в школьных учебниках и т.д. Границы не есть нечто раз и навсегда данное: они представляют собой результат социально-политических процессов и постоянно меняются в процессе функционирования. Есть как минимум два широких и нередко пересекающихся направления пограничных исследований, которые можно условно назвать *прагматическим* (изучение и обобщение происхождения, делимитации, режима и практики пересечения границ) и *критическим* (теоретическое осмысление закономерностей фрагментации политического пространства на разных уровнях и используемых при ее изучении категорий и подходов).

Настоящая глава не претендует на всесторонность и полноту обзора современных пограничных исследований. Ее ограниченный объем вынуждает авторов оставить в стороне такие важные темы, как роль границ в формировании территориальных диспропорций, образы границ в искусстве, изменения в оценке характерных свойств пограничья — маргинальности, лиминальности, гибридности, а также специфические типы границ — постколониальные, постсоветские и др., частично рассмотренные в других работах (Kolossov, 2011; Kolosov and Scott, 2013). В главе не затронуты теоретические взгляды на возникновение трансграничных функциональных регионов и принципы трансграничного сотрудничества: это темы особого мощного потока публикаций. В дальнейших разделах ставится вопрос о взаимосвязи деятельности государства и социальных процессов, воздействующих на изменение режима и функций границ, контроль над территорией, обеспечение национальной безопасности и суверенитета, а также происходящем во многих странах и регионах мира укреплении режима границ на новом историческом витке.

Единство и дифференциация мировой системы границ

Главная причина появления новых концепций в пограничных исследованиях — изменение функций границ в связи с кризисом государственного суверенитета. Под влиянием глобализации и интеграции территория многих государств становится политически менее однородной. Во-первых, регионализация и федерализация ранее централизованных государств может спровоцировать создание новых государств. Например, Каталония требовала полного суверенитета и институционально готова получить его. Во-вторых, экономические нужды и военно-политические ограничения толкают государства к созданию свободных экономических зон и размещению иностранных баз или даже иностранных анклавов, которые не полностью контролируются центральным правительством или исключены из национального правового пространства. В-третьих, столицы и некоторые другие крупные города по всему миру интегрированы в космополитическую систему мировых городов. В бедных странах такие города нередко имеют более сильные культурные и социальные связи с похожими центрами других стран, чем с территорией государства, в котором они находятся (Beaverstock и др., 1999). В-четвертых, международная миграция ведет к росту числа людей с двойной и множественной идентичностью. Соотношение между их идентичностями могут довольно быстро меняться. Это свойство идентичностей при помощи современных информационных технологий используется для многообразных манипуляций с целью ослабления или, наоборот, укрепления самоидентификации граждан с определенными национальными или политическими сообществами и соответственно изменения границ. При этом стратегия этнических и других политических активистов часто состоит в усилении региональной и местной идентичности в ущерб общегосударственной. Растет политическое значение сообществ, возникших на основе идентичности, формирующейся в ином масштабе — над-или субгосударственной (например, региональных националистических группировок или трансграничных сообществ, формирующихся на рубежах стран с открытыми границами). Подвижность современных идентичностей используется также транснациональными компаниями, религиозными миссиями и спецслужбами, преследующими свои частные, корпоративные интересы. В результате крупные, всеобъемлющие идентич-

ности замещаются локальными, племенными, а мировые религии уступают место сложной мозаике новых конфессий и сект.

Усиливаются культурные, языковые, религиозные и социально-профессиональные идентичности, которые не всегда четко связаны с определенной территорией, что опять-таки приводит к ослаблению общегосударственной (национальной, политической) идентичности. Люди чаще ассоциируют себя с конкретным местом, где они живут — поселением, муниципальным образованием или регионом, и хотят возвести административные барьеры, отделяющие их от «чужих» (мигрантов, бедных, людей другого вероисповедания и т.д.).

В том же направлении действует растущий индивидуализм: люди не хотят иметь дело с «чужими» проблемами. Высшие слои общества, а сейчас и средний класс, хотят жить в изолированных, социально однородных сообществах, которые можно строго контролировать (жилые комплексы закрытого типа, коттеджные поселки). Некоторые не всегда хорошо заметные границы между соседними сообществами (например, между бедными и богатыми кварталами) представляют собой труднопреодолимые социальные барьеры. Более того, идентичность социальных групп, живущих по обе стороны таких границ, основывается именно на разграничении между ними и контроле над своей территорией (Newman, 2001).

Жители «богатых» регионов не хотят, чтобы выплачиваемые ими налоги тратились на поддержку бедных регионов. Это способствует ослаблению самоидентификации граждан с крупными политико-административными единицами.

Естественно, границы культурных ареалов не всегда совпадают с формальными границами. Культурные границы в первую очередь выполняют внешние функции, обеспечивая контакты между культурными ареалами, в то время как формальные границы принимают на себя главным образом внутренние функции, способствуя укреплению суверенитета и территориальной целостности государства, социальной и этнокультурной интеграции его населения.

Бывшие государственные границы иногда становятся административными и/или культурными границами, и наоборот. Новые политические границы на всех иерархических уровнях практически никогда не возникают «с нуля» и лишь изредка пересекают старые границы. Чаще всего культурные границы трансформируются в формальные.

В то же время бывшие формальные границы при определенных исторических обстоятельствах могут вернуть полностью или частично свой официальный статус, вновь став границей государства или его провинции (см. главу 3.2).

Постмодернистские концепции позволили преодолеть пробелы в исследовании границ между государствами и других социально или политически значимых границ, международной и внутренней политики. Перефразируя выражение Бенедикта Андерсона, можно сказать, что любая граница направлена вовне, чтобы сохранить единство социальной группы, и внутрь, чтобы отделить ее территорию от территории соседей. Проблема состоит в перераспределении функций между границами разных типов и уровней под влиянием глобализации и интеграции, что нередко называют детерриториализацией и ретерриториализацией.

В то же время наблюдается очевидное противоречие между интеграцией различных политических, административных и культурных границ в единую, тесно взаимосвязанную систему и их растущей дифференциацией. Функции, режим и роль границ в обществе все больше зависят от географического контекста. Как предположил Ж.-М. Бланшар (Blanchard, 2005), пять основных функций границ распределяются неравномерно между их различными парами или участками[2]. Некоторые государственные границы («фронтальные», или «глобальные») важнее, чем другие, из-за особенно сильных барьерных функций или потому что они совпадают с «неформальными» культурными, экономическими и лингвистическими границами, как, например, американо-мексиканская граница. Кроме того, сами государства в высшей степени неравны. Большинство суверенных государств — малые или карликовые. Их суверенитет неизбежно ограничен экономической и/или политической зависимостью от более крупных держав. В свою очередь, это ведет к сильному неравенству в режимах и функциях их границ.

---

[2] Ж.-М.Бланшар выделял военно-стратегические, экономические, конституционные (поддержание государственного суверенитета и правового пространства), легитимирующие (формирование национальной идентичности) и внутриполитические функции границ.

Территориальность, этничность и государственность: фокус пограничных исследований

В прошлом границы и идентичности определялись не принадлежностью к территориям, а скорее, легитимностью правителей и религией. Решающее влияние государства на понимание истории и, в частности, «западной» истории привело к тому, что современные исследования границ сфокусированы главным образом на национальных государствах. Так или иначе, территориальное размежевание до возникновения современных государственных границ (знаменитой «Вестфальской революции») до сих пор привлекало недостаточно внимания исследователей. Исключение — разве что анализ предпосылок к появлению нынешних государств в виде формирования их исторических «ядер» в классическом исследовании Н. Паундза и С. Болла (Pounds, Ball, 1964).

Истоки исследований границ восходят к детерминистским традициям историков и культурологов, вдохновленных трудами Гердера, Гегеля, Дарвина и Фихте, в которых становление национальных государств и их границ интерпретировалась как историческая необходимость или «Божья воля». Современные национальные государства попрежнему трактуются как высшая форма социальной организации, остающаяся основным источником политической, культурной и социальной идентичности. Классические исследования таких ученых, как Ф. Ратцель (Ratzel, 1899), Р. Хартшорн (Hartshorne, 1933, 1937), Л.Д. Кристоф (Kristof, 1959) и Дж. Минги (Minghi, 1963), основывались на идее коэволюции границ и государств. Хотя попытки создания наднациональных политических и экономических институтов в Европе начались почти сразу после 1945 г., именно в эпоху холодной войны материализовалась идея национальной гегемонии. Принцип национального суверенитета как источник геополитической стабильности, обеспеченной в том числе государственными границами, служащими эффективными маркерами суверенитета, оставался почти неприкосновенным (Kolosov and Scott, 2013).

Ориентация на государство в исследованиях границ сохраняется и даже усиливается текущими событиями. Действительно, одной из главных политических тенденций после окончания холодной войны, совпавших с распространением дискурсов об «исчезновении границ» и закате национального государства, было стремление к национальному

самоопределению в странах Центральной и Восточной Европы. Оно привело к созданию новых границ и нанесло смертельный удар по многонациональным федерациям, таким как Югославия, Чехословакия и Советский Союз, разрушительным войнам и жестоким этническим чисткам.

Несмотря на сложность взаимозависимостей, порождаемых процессами глобализации, центральной проблемой исследований границ остается непрерывное воспроизводство и модификация функций и режима границ в результате государственного строительства и изменения форм социально-политической организации государства. Как утверждает А. Пааси (Paasi, 2012), понимание этого процесса является по сути проблемой изучения функционирования современного государства. Таким образом, главное — понять, «*...как могут быть использованы границы для мобилизации общественного мнения и укрепления контроля над территорией, безопасности, идентичностей, различных форм национальной социализации, эмоций и коллективной памяти*» (Paasi, 2012, p. 49).

Разумеется, «зацикленность» исследователей границ на государстве подвергается критике. О. Крамш утверждал, что изучение границ исключительно с точки зрения истории возникновения государства отрицает специфику того или иного периода и повседневной деятельности в создании границ (Kramsch, 2010). Большинство исследователей границ согласно в том, что мировая система государственных границ будет меняться. Кроме того, в исследованиях границ редко высказывалось мнение, что государственный суверенитет есть нечто абсолютное; напротив, многие авторы отмечали, что он зависит от многих факторов (Flint, Taylor 2007; Held et.al., 1999; Agnew, 2009; Smith, 2001).

Правовой статус, функции и режим границы являются продуктом властных отношений в обществе и, в свою очередь, затрагивают практически все аспекты жизни. Это вытекает из исключительности суверенитета: границы используются для сортировки людей по их принадлежности к определенной этнической, культурной, политической и социальной (классовой), профессиональной и возрастной группе. Другими словами, прозрачность, физическое и символическое значение границы различны для разных людей.

Власти определяют критерии или категории, с помощью которых проводится демаркация границы, когда, какие и в чьих интересах их устанавливают и делимитируют, когда и как меняют их режим или устраняют вообще. Обустройство и функционирование границ, а именно их делимитация, демаркация, управление, режим и т.д. — все это функции власти на национальном и местном уровнях.

Власти также решают, насколько строгим должен быть режим границы, какие документы необходимы для ее пересечения — будь то паспорт или виза. Ни одно исследование «материальных» или ментальных границ на местном или государственном уровне невозможно без изучения их роли в осуществлении государственной власти.

Поскольку границы неодинаково прозрачны для различных социальных групп в зависимости от их происхождения, гражданства, материального положения и социально-профессиональной принадлежности, рубежи государства неизбежно связаны с дискриминацией и социальной несправедливостью. Мировая система политических границ отражает неравенство между глобальным Севером и Югом, богатыми и бедными. Например, возрастающая закрытость внешних границ ЕС сравнима с узаконенным апартеидом: «право рождения» определяет мобильность людей по всему миру.

Символическое значение границ: территориальные идентичности и геополитические представления

Границы не только служат практическим целям, но имеют также глубокое психологическое значение. Известно, что роль, восприятие и использование пространства отдельными людьми и социальными группами постоянно меняются в зависимости от социальной практики (Harvey, 1989). Теория социального конструирования пространства способствовала глубокой трансформации методологических подходов в социально-экономической географии и к появлению так называемой критической геополитики (Ó Tuathail 1996, 2003, 2006; Dalby, Ó Tuathail 1998; Mamadouh, Dijkink 2006). Границы играют важную роль в формировании территориальности (освоенного пространства) человека. У каждой социальной и региональной группы формируется свой образ территории и ее границ.

Одно из ключевых понятий критической геополитики — геополитическая картина мира. Его можно определить как нормативную мен-

тальную политическую карту мира или региона в сочетании с представлениями о политических силах, элементах политического пространства, национальной безопасности, преимуществах и недостатках различных стратегий во внешней политике (Dijkink, 1996, 1998). Геополитическая картина мира включает также представления о территории и границах государства и/или этнической группы, оптимальных политических режимах, моделях и стратегии государства, внешних и внутренних факторах, способствующих или препятствующих ее реализации.

Геополитическая картина мира формируется под воздействием семейных традиций, образования, личного опыта, рекламы, литературы и искусства, кино и особенно средств массовой информации, которые создают и воспроизводят набор мифов и стереотипных представлений о национальной истории и территории (Sharp, 2000; Ó Tuathail, 2006; Dodds, 2008). Эти представления распространяются в процессе политического дискурса, обобщающего определенные сведения о международных делах или политической ситуации в привязке к территории.

Ключевая идея критической геополитики заключается в необходимости изучения взаимодействия между «высокой» и «низкой» геополитикой. Первая формируется политическими лидерами, учеными, журналистами и другими специалистами, занимающимися международными отношениями. Вторая представляет собой совокупность общественных представлений о месте страны в мире, принципах и направленности ее внешней политики, потенциальных союзниках и внешних угрозах ее безопасности, о ее символах и образах. В современном демократическом обществе «высокая» и «низкая» геополитика неразделимы: хотя они могут развиваться независимо, как правило, они дополняют и подпитывают друг друга. «Низкая» геополитика основывается на национальной геополитической культуре, является неотъемлемым элементом национальной идентичности (Archer, Shelley, Leib 1997, Brewer et al. 2004). Отвечая на вопрос *«Где, в какой стране и в какой местности я живу?»*, человек неизбежно отвечает на вопрос *«Кто я?»*, *«Каковы мои идеалы и ценности?»*. Геополитическое видение мира связано со сравнением ситуации в стране, с которой человек себя ассоциирует, с другими странами, особенно соседними: *«здесь и там»*, *«хорошо и плохо»*.

Естественно, эти ответы меняются с течением времени. Геополитическая ситуация в стране меняется под воздействием различных глобальных и других внешних процессов, но также и потому, что люди пересматривают свое отношение к властям различного уровня.

Национальные стереотипы обязательно включают в себя образы пространства: регионы, которые в общественных представлениях входят в состав государственной территории, получают в них свои «коды», и многие из них стали национальными символами (как Косово для Сербии или Севастополь для России).

Таким образом, дискурс о государственных границах — это основа государственного строительства. Государство создает свою иконографию — систему символов, образов, национальных праздников, регулярных смотров, фестивалей, публичных церемоний, традиций и манифестаций — все, что может помочь цементировать национальную солидарность и четче выявить культурные различия между народами по разные стороны государственной границы (Paasi, 1996).

Во многих регионах мира ситуация в приграничных районах определяется «геополитикой памяти». Культивируя определенные представления, государство выделяет ключевые периоды общей с соседними странами или регионами истории. Негативное толкование таких периодов помогает противопоставить формирующуюся идентичность идентичности, доминирующей по другую сторону границы, углубить различия в интерпретации событий, в то время как позитивное отношение выковывает чувство солидарности и примирения с соседом. «Геополитика памяти» включает изменения в экспозициях музеев, возведение или разрушение памятников, переименование улиц и городов и т.д. (см. главу 3.3).

Пограничные регионы часто трансформируются в «ландшафты памяти», изобилующие памятниками и музеями. В некоторых случаях даже сформировались «пограничные театры» — периодические церемонии, мемориалы, специальные экспозиции, обзорные пункты, из которых можно наблюдать, что происходит по другую сторону границы. Их цель — распространять и укреплять определенные взгляды на конфликт и обвинять противоположную сторону в его развязывании. Яркий пример — демилитаризованная зона между КНДР и Республикой Корея. Отдельные ее участки стараниями южнокорейской стороны превращены в места притяжения туристов. «Театрализованы» или

«музеефицированы» также отрезки границ между Кипром и Турецкой Республикой Северного Кипра, Турцией и Арменией, Боснией и другими бывшими югославскими республиками. Эти места стали сакральными пространствами национальной (государственной) или этнической памяти. «Музеефицированные» границы представляют противоположную сторону как постоянную угрозу и иногда являются своего рода аргументом для развязывания конфликта (Bechev and Nicolaidis, 2010; McCall, 2013).

Границы неконтролируемых территорий

Вестфальский порядок означал попытку европейских держав навязать всему миру четкие границы, делимитирующие пространство, на которое распространяется суверенитет государства, разделив мир на своего рода клетки-«контейнеры». Но реальный мир — ни природа, ни общество — за редким исключением, не знает жестких разделительных линий. Обычно налицо переходные между различными территориями пространства, где один набор атрибутов и признаков постепенно сменяется другим. Языковые границы или границы идентичности — это социальные конструкции. Национальные «языки» появились в результате усилий государства по установлению общих норм, объединяющих его территорию, и считались признаком успешного государственного строительства. Различия между «языком» и «диалектом» неясны. В определенных политических обстоятельствах «диалект» может быть провозглашен отдельным языком вне зависимости от глубины его отличий от нормативного языка.

Политические границы редко совпадают с этническими, языковыми и культурными границами. Таким образом, мировая политическая карта, показывающая границы, строго делящие мир на клетки-«контейнеры», отражает представления политических элит, в то время как многие люди не признают и не ассоциируют себя с закостенелым и строго фиксированным делением пространства на территории отдельных государств (van Houtum, 2005).

Кризис государственного суверенитета проявляется в том, что десятки легитимных государств не полностью контролируют свои территории в течение многих лет и даже десятилетий. Хотя Вестфальская модель предполагает, что государство выступает в международных отношениях как единое целое, некоторые неконтролируемые террито-

рии вроде «партизанских республик», или тем более непризнанные государства давно стали де-факто субъектами международных отношений. Их относительная устойчивость — одно из наиболее очевидных свидетельств детерриториализации и изменения функций и всей системы границ. Этот феномен по-новому ставит проблему государственного суверенитета и контроля над территорией в современном мире (Ильин, Мелешкина, 2010).

Его можно определить как право пользоваться и распоряжаться людскими, экономическими, природными и другими ресурсами территории и как гегемонию сформировавшихся в обществе практик политической власти (Murphy, 2010). Различают внешний, или де-юре, и внутренний, или де-факто суверенитет. Внешний суверенитет — это право государства контролировать свою территорию — другими словами, юридическое признание членами международного сообщества государств, которое ныне является основой мирового геополитического порядка и теоретически гарантирует целостность территории и возможность сотрудничать с другими государствами. Внутренний суверенитет означает реальный контроль государства над своей территорией, что проявляется в уважении граждан к законам этого государства и в том, что они идентифицируют себя с этим государством. Это позволяет ему получать ресурсы для своего существования (Ильина, Кудряшова, 2010; Kolstø, 2006; Murphy, 2010). Суверенитет предполагает и обосновывает соответствие между территорией, идентичностью и политическим сообществом. Суверенитет, безопасность и идентичность — основа территориального государства (Agnew, 2001).

Различаются разные виды и степени контроля над территорией: по видам — силовой, политический, идеологический и экономический (законный или криминальный); по степени (полный или спорадический, очаговый, сетевой), по стабильности — продолжительный, временный, сезонный и т.д. Часто территориальный контроль может осуществляться в разрозненных очагах, связи между которыми в пространстве образуют сеть. Власть формируется путем установления связей и союзов. Неконтролируемые зоны можно разделить на территории, не имеющие государственности (геополитические «черные дыры», представляющие собой конгломераты территорий под властью местных вождей, полевых командиров, крупных землевладельцев, наркобаронов и т.д.), и регионы с переходной государственностью и

государства де-факто, то есть суверенные единицы, которые имеют все необходимые атрибуты «нормального» государства и полный контроль над своими территориями (Себенцов, Колосов, 2012). Различия между «легитимными» и непризнанными государствами зыбки. Часто государства де-факто гораздо больше соответствуют традиционным критериям суверенности, чем многие легитимные государства (Kolossov, O'Loughlin, 1999, 2011).

Как правило, неконтролируемые территории поддерживают симбиотические отношения с их законными центральными правительствами и/или с соседними суверенными государствами, наднациональными и международными организациями. Для эпохи постмодерна характерно взаимопроникновение контролируемых и неконтролируемых территорий, законных и незаконных политических единиц. Границы между ними часто прозрачные и неопределенные, и через них постоянно циркулируют люди, товары и капитал. Это размывает само понятие государственной границы.

Страны, не контролирующие полностью свои территории, нередко выглядят как архипелаги «суверенных» образований, разделенных целым рядом границ, очерчивающих их «суверенность» в различных сферах. Но в некоторых случаях границы между районами под контролем легитимного государства и неконтролируемыми территориями представляют собой «замороженные» линии фронта, гораздо более важные, чем формальные государственные границы.

Некоторые государства де-факто можно классифицировать как «частично признанные»: они установили дипломатические отношения с одной или несколькими странами и тем или иным образом участвуют в деятельности международных организаций (Косово, Турецкая Республика Северного Кипра, Абхазия и Южная Осетия). Тем не менее, статус непризнанного государства означает, что такое государство глубоко вовлечено в неразрешенный конфликт и может вновь стать ареной войны. Как правило, непризнанные государства расположены в беднейших регионах мира или/и в районах, которые находятся в состоянии болезненного перехода, в зонах контакта крупных культурных регионов («цивилизаций») со смешанным населением, имеющим сложные, иерархически организованные идентичности, на краю развалившихся империй. Таково положение всех четырех непризнанных

или частично признанных республик на постсоветском пространстве (Kolossov, O'Loughlin, 1999).

Длительность существования неконтролируемых территорий и даже рост их числа можно рассматривать как признак дальнейшей фрагментации легитимных государств. Хотя государства остаются самыми важными акторами на международной политической арене, возникает вопрос, представляет ли собой государство заключительный этап в эволюции мирового геополитического порядка и существует ли предел фрагментации нынешних государств и, соответственно, умножения политических границ: государственный суверенитет является конечной целью сотен сепаратистских движений во всем мире (Попов, 2011). Существует обширная литература о наборе критериев, которые могут быть использованы международным сообществом, чтобы признать, по крайней мере, уже существующие де-факто государства и тем самым способствовать разрешению серьезных конфликтов (см., например, Berg, Toomla, 2009; Berg, 2012). Границы неконтролируемых территорий остаются источником напряженности, нередко являются зонами вооруженных столкновений, которые могут спровоцировать кровавые региональные войны.

Во многих случаях «спящие» пограничные конфликты могут быть быстро реанимированы и по меньшей мере составить серьезное препятствие сотрудничеству и трансграничным взаимодействиям. Они обычно связаны с противоречиями в толковании общей истории и памяти о старых победах и поражениях, реальных или воображаемых травмах и несправедливостях.

Особый случай — непримиримые споры о принадлежности территории, которую две или более этнические или культурные группы считают своей исторической колыбелью (Yiftachel, 1999). В таких случаях защита границ приводит к насилию и острым конфликтам, которые каждая сторона воспринимает исключительно эмоционально и полагает себя их жертвой. Подобный взгляд увековечивается в исторических нарративах и произведениях искусства, в свою очередь, используемых в целях мобилизации сторонников политическими лидерами и «этническими предпринимателями». Таким образом, жертвы конфликтов прошлого вносят свой «вклад» в борьбу против угрожающего «чужого».

Глобализация: «мир без границ» или новые барьеры?

За последние двадцать лет пограничные исследования поставили под сомнение взгляд на границы как жестко фиксированные рубежи между «клетками» поделенного на государства мира. Доказано, что человеческая деятельность основана на сетевых взаимодействиях и не замыкается в строго ограниченных «клетках»-государствах. Потоки, соединяющие узлы глобальных сетей, характеризуются постоянной изменчивостью. Фиксированные границы мало, а часто и совсем не могут повлиять на коммуникации в этих сетях.

Очевидно, что независимо от того, может ли быть «стерта» физическая граница, в большинстве регионов киберпространство, спутниковые технологии и глобальные информационные потоки вовсе не способствуют выравниванию пространственных различий, поскольку не устраняют недостатка знаний о том, что находится по другую сторону границы. Глобализация никогда не приведет к «миру без границ» (Ohmae, 1999) или «миру без стен» (Moore, 2003). Наоборот, она зависит от разделения пространства на отдельные государства и в растущей степени — различий между их внутренними регионами и городами, поскольку капитал может циркулировать только между соперничающими за его привлечение легитимными территориальными единицами при их гарантиях. Таким образом, мировой системе нужны неравенство и увековечивающие его политические границы, а эти границы, в свою очередь, немыслимы без специфических идентичностей, которые делают их легитимными (Kolossov, O'Loughlin, 1998). Политические границы представляют собой биоэтносоциальную константу деятельности общества, так как без мембран невозможно регулировать обмен между этнической и/или государственной территорией и внешним миром, защищая тем самым эту территорию от хаоса и растраты людских и материальных ресурсов (Raffestin, 1992).

Однако миграционная мобильность в глобальном масштабе часто преувеличивается. Подавляющее большинство жителей планеты живет в тех странах, где они родились, и не имеют возможности пересекать границы. Опрос более 9300 студентов из 18 стран, включая БРИК, Сенегал, Камерун и Египет, проведенный участниками проекта «EuroBroadMap» при поддержке 7-й Европейской Рамочной программы (2009–2010), показал, что за пределами ЕС почти 100% респондентов родились в тех же странах, что и их родители.

Соответственно, космополитическая идентичность «гражданин мира» характерна в основном для западных стран, хотя ныне она распространяется и за их пределами. Ценности, на которых она основывается, ассоциируемые с американским и в целом западным влиянием, нередко вызывают отторжение. Например, в мусульманских странах лишь 4% граждан считают, что глобальные проблемы являются действительно важными (Загладин, 2011). По данным опроса, проведенного в 2009 г. в 45 странах, в которых сконцентрировано более 2/3 населения мира, 66% респондентов ассоциируют себя прежде всего со своими странами, 10% считают себя «гражданами мира» и 20% сочетают национальное самосознание и веру в общечеловеческие ценности (Kolosov, Zotova, 2013).

Однако граница во все большей степени становится не только линией, очерчивающей территорию государства и его территориальные воды. Развитие транспорта и международная торговля порождает появление национальных границ, пропускных пунктов и пограничного контроля внутри территории государства, например, в международных аэропортах, вокруг специальных таможенных зон и в свободных экономических зонах. Во многих странах полиция может проверить документы предполагаемых нелегальных мигрантов в любое время и в любой точке страны. Роль «перемещенных» и «мобильных» границ стоит в центре внимания ряда авторов. Призыв Дж. Урри (Urry, 1999) к социологам больше изучать не собственно общества, а их мобильность, и идея «сетевого индивидуализма» Д. Уэллмана (Wellman, 2001) способствовали актуализации такой тематики. Но наиболее известны в этой области труды М. Кастельса (Castells, 1994), развивавшего концепцию «пространства потоков», заменившего «пространство мест». В результате этих процессов пограничное пространство теперь вовсе не обязательно примыкает к линии государственной границы. Политические границы могут быть совершенно прозрачными для крупной транснациональной компании, поскольку затраты на их пересечение для них несущественны. Напротив, те же границы могут быть серьезным препятствием для индивидуальных предпринимателей или для среднего и малого бизнеса. Таким образом, глобализация спровоцировала переход от одной строго фиксированной линии границы к границе, состоящей из множества линий, созданных для различных акторов. Границы могут принимать множество форм. Рубежи погра-

ничного пространства стали нередко настолько расплывчатыми, что целые страны теперь могут быть пограничными территориями: как писал французский философ Э. Балибар, когда-то страны имели границы, а теперь, по его выражению, некоторые из них сами — границы (Balibar, 1998).

Существует объективное противоречие, с одной стороны, между необходимостью открытости границ и гибкостью их режима, диктуемой экономическими потребностями эпохи глобализации, а с другой стороны — желанием общественного мнения и обязанных прислушиваться к нему политиков «закрыть» границы по соображениям безопасности — борьбы с терроризмом и нелегальной миграцией. В последнее время хрупкий баланс между контактными и барьерными функциями границ явно качнулся в сторону сторонников секьюритизации, которые объясняют это необходимостью обеспечить безопасность из-за угроз с противоположной стороны границы.

Безопасные границы — важная социальная и психологическая потребность человека. Общественное мнение имеет тенденцию иррационально воспринимать политические границы как главный барьер, защищающий граждан от нежелательных воздействий окружающего мира. Глобализация, экономическая нестабильность, ускорение изменений в обществе ставят секьюритизацию границ и контроль над миграциями в центр общественных дебатов во многих странах. Вопреки иллюзиям, возникшим по окончании холодной войны, современный мир вовлечен в восходящую спираль секьюритизации, оправдываемую глобальными угрозами и рисками (Beck, 1992) и ведущую к едва ли не повсеместному укреплению границ (*rebordering*) (Andreas, Biersteker, 2003). Секьюритизация границ, то есть одновременное возведение административных и физических препятствий для контроля миграции — это не попытка «закрыть» территории (что бесполезно), а способ фильтровать транснациональные потоки и сортировать их на законные и нелегальные, приветствуемые и нежелательные. Как ни парадоксально, интенсификация трансграничных потоков — одна из главных черт глобализации, и в то же время эти потоки подрывают безопасность и политическую стабильность.

После атаки террористов на крупные города США 9 сентября 2001 г. в США и террористических актов в других странах дискурс о секьюритизации стал еще более значимым. В целях борьбы с угрозой

международного терроризма многие государства стали усиливать режим границ и даже периодически закрывать их. Дискурс о секьюритизации стали использовать для оправдания жесткого противодействия нелегальным экономическим миграциям. На некоторых диадах границ сооружены физические барьеры — бетонные стены, заграждения из колючей проволоки, установлена современная аппаратура круглосуточного слежения. Это породило многочисленные публикации сначала в Северной Америке (Andreas, Snyder, 2000; Huspeck, 2001; Andreas, Biersteker, 2003; Salter, 2004; Brunet-Jailly, 2004), а позднее — и в Европе (Foucher, 2007; Rosière, Reece, 2012). Большинство барьеров воздвигнуты вдоль вполне мирных границ, например, между США и Мексикой или между странами Шенгенской зоны и их соседями (Jones, 2012; Rosière, Reece, 2012). Чтобы примирить растущую потребность в трансграничных перемещениях и секьюритизацию, в США была предложена модель «умных границ», основанная на использовании передовых технологий (Andreas, Bierstaker, 2003; Salter, 2004; Kolossov, Borodulina, 2009).

Возрастающее использование самых современных технологий — камер, датчиков, радаров — быстро усиливающаяся тенденция к укреплению пограничных барьеров (Andreas, Bierstaker, 2003). Биометрический контроль сочетается с созданием колоссальных баз персональных данных и применением информационных технологий. Р. Кларк назвал этот процесс «электронной слежкой» (*dataveillance*) (Clarke, 1988). В его основе — концепция «континуума безопасности» (*security continuum*), применение которой приводит к стиранию грани между внутренней и внешней безопасностью, внутренней территорией и границами. Борьба с международной преступностью предполагает сетевой контроль всей территории, а не только границ. Так что границы тоже становятся «сетевыми»: такие сети включают контрольно-пропускные пункты и узлы коммуникаций, связанные с подразделениями спецслужб и базами данных. Эти системы делают современные границы вездесущими и мобильными. Мобильность физических лиц ограничена замкнутыми пространствами (Ballif, Rosière, 2009), что позволяет говорить о «замкнутом мире» (*gated globe)*, (Cunningham, 2004). Даже успешное пересечение границы может привести человека к столкновению с новыми (социальными) барьерами, так как он может стать членом дискриминируемого меньшинства или не получить

доступа к социальным услугам и социальной помощи. Электронная слежка и стремление к безопасности порождают серьезный риск нарушения фундаментальных прав человека и новые политические и этические проблемы (van Houtum, Boedeltje, 2009; Rosière, Reece, 2012).

* * *

Даже краткий и неполный обзор наиболее важных концепций в исследованиях границ показывает, во-первых, их дифференциацию, тематическое разнообразие и междисциплинарный характер (Newman, 2009, 2011). Во-вторых, он демонстрирует впечатляющую смену парадигм: от оптимистической перспективы «мира без границ» и «европеизации» к укреплению режима, сооружению физических барьеров и секьюритизации, которые рискуют стать долгосрочной тенденцией благодаря растущему комплексу по разработке и производству средств безопасности и его мощному лобби и вследствие кризиса системы территориальных идентичностей в связи с глобализацией. Использование новых технологий в охране границ стимулировало исследования секьюритизации и фильтрации трансграничных потоков. Новые технологии стирают различия между пограничными и внутренними районами и превращают всю государственную территорию в «сетевое» пограничье. Парадоксальным образом технический прогресс не облегчил мобильность, но, напротив, создал для нее новые препятствия и, более того, новые риски нарушения прав человека и новые морально-этические проблемы. В 1990-х гг. иллюзия «мира без границ» окончательно развеялась; наоборот, в последних публикациях границы рассматриваются как биосоциальная константа и необходимый элемент общественной жизни.

Пограничные исследования доказали, что последние события серьезно повлияли на общественную значимость границ, изменили диалектическую взаимосвязь между их твердой фиксированностью в пространстве и постоянно меняющимся режимом, поставили проблему влияния границ на человеческую деятельность в новых условиях. Границы не только имеют разное значение для разных акторов, но и служат проявлением властных отношений в обществе на различных уровнях. В частности, они отражают нормативную власть международных организаций, включая ЕС, и асимметричное соотношение экономиче-

ского и военно-политического потенциала между соседними государствами. При этом обзор последних публикаций свидетельствует о нехватке сравнительных и количественных подходов в пограничных исследованиях.

В то же время пограничные исследования открывают практические способы преобразования спорных участков границы в «мирные границы» (Newman, 2012). Границы — одно из важнейших условий открытости и международного сотрудничества. Эта цель может быть достигнута только с помощью многоуровневого, многостороннего и долгосрочного подхода, который предполагает структурные преобразования на разных уровнях и требует также культурных изменений по разные стороны границ.

Часть 2.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОСЕДЯМИ

Глава 2.1.

Морфология и контрастность российских границ

Одна из основ географического подхода к изучению государственных границ — учет неоднородности пограничья. В настоящей главе предпринята попытка типологии российских границ по их основным свойствам, а также анализа некоторых особенностей «новых» границ России с постсоветскими государствами.

Разнообразие ситуаций

Классификации границ — традиционная тема географических исследований. В политической географии она заложена трудами известного британского государственного деятеля, дипломата и публициста лорда Дж. Керзона, одного из сторонников концепции «естественных» и «искусственных» границ. Он предложил различать границы «разделяющие» и «контактные» (Prescott, 1965).

Известны частные классификации границ (Колосов, Мироненко, 2001) по:

- *морфологии* (разной степени извилистости; проведенные по правильной кривой или прямой линии, в том числе по меридиану или параллели; в таком случае их называют геометрическими или астрономическими);
- *природным особенностям* — по рекам и озерам (гидрографические), горным хребтам или иным водоразделам (орографические);
- *этнокультурной контрастности* (совпадающие с этническими, религиозными или культурными рубежами или делящие ареалы

проживания различных этнических и других социальных групп между одной или несколькими странами);

- *происхождению, истории и длительности существования*;
- *историческим условиям и последовательности возникновения* (появившиеся после мировых и других войн; дезинтеграционные, то есть сформировавшиеся в результате распада страны; компенсационные; колониальные; спорные и др.);
- *функциям* (барьерной, фильтрующей, контактной и другим, о которых речь пойдет в следующих главах).

Можно также классифицировать границы по степени освоенности прилегающих к ним территорий. Есть «глухие» границы, вблизи которых практически нет следов человеческой деятельности. И есть, напротив, границы, которые буквально «по живому» режут густонаселенную территорию. В качестве показателей здесь можно использовать число населенных пунктов в приграничной полосе на 1 км границы, численность населения в приграничной полосе на 1 км границы, или долю населения, проживающего в приграничных административных районах, во всем населении региона. Немаловажно и то, сечет ли граница единые в социально-экономическом отношении территории (в некоторых случаях граница разделяет сросшиеся населенные пункты) или же трансграничные связи слабы (Колосов, Туровский, 1997; Колосов, Галкина, Туровский, Клесова, 1997). Анализировать можно густоту транспортной сети, пересекающей границу, число автомобильных и железных дорог разного ранга, проходящих через нее.

Контрастность границы по каждому признаку можно оценить количественно, используя стандартные статистические индикаторы и экспертную оценку. Суммируя балльные показатели по различным группам признаков, можно получить и общую оценку контрастности, которая одновременно будет отражать потенциальную стабильность границы и возможность изменения ее режима или «закрытия».

Рассмотрим свойства разных участков российских границ. По морфологическим особенностям выделяются отрезки, делимитированные по геометрическому принципу. Это достаточно протяженные части российско-казахстанской границы: прежде всего, граница Алтайского края с Павлодарской и Восточно-Казахстанской областями. Другой пример — граница Астраханской области с Западно-Казахстанской. Прямые участки значительной протяженности встречают-

ся и на российско-финляндской границе, особенно в ее северной части.

Орографические границы сравнительно мало распространены в российском пограничье. Однако на Кавказе и Алтае они составляют большую часть протяжения границы. Особенно хорошо выражен участок, на котором граница проходит по труднодоступному Главному Кавказскому хребту. При этом небольшая часть грузинской территории (район Степанцминда/Казбеги) расположена на северном его склоне. Здесь мало перевалов, подходящих для строительства автомобильных или железных дорог. Кавказская орографическая граница делится на два участка: западный (российско-абхазская граница в Краснодарском крае и Карачаево-Черкесии, российско-грузинская граница в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, российско-южно-осетинская граница в Северной Осетии) и восточный (российско-грузинская и российско-азербайджанская границы в Дагестане). Эта граница обозначена высокими горными вершинами, особенно в центральной части (высоты составляют порядка 2500–3000 м, но в отдельных случаях превышают 4000 м).

Другая орографическая граница расположена на Алтае и Саянах. По Алтайским горам проходят рубежи Алтайского края и Республики Алтай с Восточно-Казахстанской областью Казахстана, с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая и с аймаком Баян-Улгий Монголии. Правда, эта граница лишь частично следует водоразделу, проходя по Тигирецкому, Коксуйскому, Катунскому хребтам и хребтам Южный Алтай, Сайлюгем и Таван-Богдо-Ула. Имеются три отклонения от водораздела: в районе хребта Листвяга (граница смещена в сторону Казахстана), южнее Катунского хребта и севернее хребта Южный Алтай (граница смещена в сторону России). По Саянским горам (Большой Саян, Джидинский хребет) проходят границы Республик Тува и Бурятия с монгольскими аймаками Хувсгел, Булган и Сэлэнге, по хребту Эрмана Забайкальский край граничит с монгольским аймаком Хэнтий.

На местности на западном участке алтайская граница выражена хуже, нежели кавказская, ее отмечают вершины высотой до 2600 м. Более отчетлива орографическая граница в районе Катунского хребта, Южного Алтая и Большого Саяна (вершины от 3000 до 4500 м). На восточном участке орографические алтайская и саянская границы выражены так же ярко, как и кавказская, но ее протяженность мала.

Гораздо большие по протяженности участки российской границы относятся к числу гидрографических. Однако непрерывных участков *гидрографических* границ немного: речь скорее идет о множестве «обрывков» речных границ, составляющих в сумме существенную часть российской границы. Наиболее известная российская граница по крупной реке — значительный участок российско-китайской границы (около 80%) по Амуру с Аргунью, ныне в соответствии с общепринятыми нормами международного права — по тальвегу, хотя раньше вся река принадлежала России/СССР, так как линия разграничения совпадала с китайским берегом. Речные границы характерны и для западных участков пограничья. Наибольшую часть протяженности границы они занимают на «ленинградско-эстонском» (Нарва) и «калининградско-литовском» (Неман, Шешупе, Ширвинта, Лепона) участках. Кроме того, к разряду гидрографических относятся протяженные участки «краснодарско-абхазской» (Псоу), «дагестано-азербайджанской» (Самур) и российско-норвежской границы (Паз/Патсойоки и Ворьема). Почти весь российско-северокорейский рубеж проходит по фарватеру реки Туманная (по-корейски Туманган), около 1,9 км — по эстуарию реки в акватории Японского моря. Хорошо выраженные гидрографические границы есть и на других участках, но протяженность их невелика. Например, российско-финская граница частично проходит по рекам Тенниёйоки, Оланга (Оуланкайоки), Коулайоки, российско-белорусская граница — по Западной Двине и Днепру, российско-украинская — по Северскому Донцу, российско-монгольская — по Селенге и Чикою, российско-казахстанская — по Уралу и протокам в дельте Волги.

Таким образом, к разряду ярко выраженных природных относятся границы с Норвегией, Абхазией, Китаем и странами Закавказья, основная часть которых является гидрографическими либо орографическими. Природной с некоторой натяжкой можно считать и алтайско-саянскую границу России с Казахстаном и Монголией, но она пролегает по менее высоким горным вершинам и не везде по водоразделу. Природный фактор является определяющим на границе с Эстонией на участке Ленинградской области и на границе Калининградской области с Литвой. Выраженных природных границ на других участках нет.

Этнические свойства границы можно анализировать с помощью показателей этнической контрастности — например, отношения долей

русских в населении приграничных районов с разных сторон границы (вклейка, рис. 3, 4, 5). Наиболее контрастные границы, практически следующие этническим рубежам, характерны для участков, совпадающих с границами бывшего Советского Союза (российско-китайская, российско-норвежская, российско-монгольская и российско-финляндская).

В новом пограничье ситуация менее однозначная. Если для одних участков границы характерна высокая этническая контрастность, то для других — скорее этнокультурная однородность. Контрастными являются прежде всего российско-литовская граница в Калининградской области, российско-эстонская — в Псковской, основная часть кавказской границы (российско-грузинская граница в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, частично — в Северной Осетии, Чечне, Дагестане), отдельные участки российско-казахстанской границы (граница Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей с Бокейординским, Жанибекским, Казталовским и Жалпаклталским районами Западно-Казахстанской области, Оренбургской области — с Чингирлауским районом Западно-Казахстанской области, Хобдинским, Карабутакским и Айтекебийским районами Актюбинской области, граница Алтайского края с Лебяжинским районом Павлодарской области, Республики Алтай — с Катон-Карагайским районом Восточно-Казахстанской области).

На российско-украинской границе наибольшей этнической контрастностью отличается северный участок, тогда как на юге, особенно в районе Донбасса, с украинской стороны проживает много этнических русских.

Более низкий уровень этнической контрастности отмечается на целом ряде участков российско-белорусской и российско-казахстанской границы (граница Оренбургской области с Бурлинским районом Западно-Казахстанской области, Мартукским и Ленинским районами Актюбинской области, граница Курганской области с Жамбылским районом Северо-Казахстанской области, граница Омской области с Северо-Казахстанской и Алтайской с Восточно-Казахстанской областью, граница Новосибирской области и Алтайского края с Железинским, Успенским и Щербактинским районами Павлодарской области). Очень слабо выражены этнические свойства российско-казахстанской границы на ее участке, который отделяет Алтайский край и Республику Алтай от Восточно-Казахстанской области (точнее, от Шемо-

наихинского, Глубоковского, Зыряновского районов и территории Лениногорска). Здесь с казахстанской стороны наблюдается минимальная доля казахов в населении: в Шемонаихинском районе казахи составляли в 2015 г. 14,5%, Риддере (бывшем Лениногорске) — 13,3%, Зыряновском районе — 19,6%.

Постоянное чередование русских и казахских районов — характерная черта большей части российско-казахстанской границы. Такая мозаичность определяется трансграничным расселением обоих этносов (Герасименко, 2011, 2016). Для западного участка характерно преобладание казахов по обе стороны государственной границы. Согласно данным переписи населения 2010 г. в Астраханской области проживает крупнейшая казахская община — 149,4 тыс. чел. (16,3% жителей). Особенно велика доля казахов в Володарском районе области — 68,1%. Для восточного участка границы (от Челябинской области до Республики Алтай), наоборот, характерно преобладание русского населения. Контрастность для России на этом участке границы особенно мала, если учитывать не только русское, но и русскоязычное «европейское» население с казахстанской стороны — украинцев, белорусов и немцев. Средняя контрастность характерна для протяженного оренбургского участка российско-казахстанской границы, хотя в отдельных районах Оренбургской области доля казахов достигает 30%, а в Домбаровском районе даже превышает 40%.

Мозаичность расселения этносов в российском пограничье не позволяет отнести многие участки границы к межэтническим даже в ее наиболее контрастных межгосударственных секторах. Например, граница, разделяющая Нарву и Ивангород на ее ленинградско-эстонском участке, по обе стороны которой абсолютно доминирует русское население. Разделяет один этнос граница между Северной и Южной Осетией. На участке границы с Азербайджаном по реке Самур с обеих сторон границы проживают лезгины. Для российско-абхазской границы характерно трансграничное расселение русских и армян.

Таким образом, существенная часть новой российской границы рассекает ареалы проживания одного и того же этноса, что в ряде случаев провоцировало территориальные конфликты (Kolosov, Glezer, Petrov, 1992; Kolosov et al., 1995).

Важная характеристика государственных границ — их историческая зрелость. Как правило, чем дольше существует политическая гра-

ница, тем более органично она включена в национальную и этническую идентичность, тем лучше население и хозяйство приспособлены к особенностям приграничных территорий (Колосов, Себенцов, 2016).

Современные границы Российской Федерации формировались в течение длительного времени. Часть из них полностью или частично унаследована еще от Российской империи.

Российско-норвежская граница была установлена в 1826 г. между Российской империей и королевством Норвегия (на тот момент в унии со Швецией). Тем самым был положен конец долгим пограничным спорам между скандинавскими странами и Россией за право обладания Кольским полуостровом. Однако в 1920–1944 гг. советская сторона не имела границы с Норвегией в результате передачи получившей независимость Финляндии западной части полуострова Рыбачий (район Печенги /Петсамо). Территория современного Печенгского района была возвращена СССР по итогам Второй мировой войны. При этом морская граница с 1926 г. оставалась спорной. Договор о делимитации Баренцева моря и Северного Ледовитого океана между двумя странами был подписан только в 2010 г.

Граница с Китаем была установлена Айгунским договором 1858 г. и Пекинским 1860 г. В период обострения отношений между СССР и КНР в 1960–1980-х гг. китайская сторона не признавала этой линии разграничения. Вопрос о границе между двумя державами был урегулирован лишь в 1991 г., накануне распада Советского Союза. Исключение составили два небольших, но важных участка близ Хабаровска, где граница была окончательно установлена в 2004 г. в результате подписания главами двух государств дополнения к соглашению о государственной границе. В соответствии с этим дополнением в 2008 г. произошла передача Китаю трех участков территории общей площадью 337 кв.км, из которых основная часть — остров Тарабаров и западная оконечность острова Большой Уссурийский напротив впадения в Амур р. Уссури.

В 1861 году была официально установлена граница между Российской империей и Кореей. Она сразу же приобрела важное стратегическое значение, так как стык границ России и Кореи изолировал Китай от доступа к акватории Японского моря. В период 1905–1945 гг., когда Корея перешла под власть Японии, российско-корейская граница фактически превратилась в часть российско-японской, а затем советско-японской. В 1990 г. СССР и КНДР подписали договор об уста-

новлении линии государственной границы по фарватеру реки Туманной, благодаря чему территория бывшего острова Ноктундо площадью 32 кв. км была признана советской. Эту сделку не признала Южная Корея, которая продолжает считать территорию Ноктундо своей.

После отделения Монголии от Цинской империи в начале XX века возникла российско-монгольская граница, окончательно приобретшая свои современные очертания после установления в 1914 г. протектората Российской империи над Урянхайским краем (нынешней Тувой). Однако ее линия сложилась большей частью значительно раньше, в 1726 г. как часть российско-китайской границы. После распада Российской империи Урянхайский край (с 1921 г. — Народная Республика Танну-Тува) до включения в состав Советского Союза в 1944 г. был независимым государством. Его граница с Монголией стала советско-монгольской границей.

Это дает основание относить часть этой границы к послевоенным границам, возникшим в итоге Второй мировой войны. К ним можно причислить важные участки российско-финляндской границы, первоначально возникшей в 1917 г., когда бывшее Великое княжество Финляндское, входившее в состав Российской империи, обрело независимость. Затем линия границы была изменена в результате «зимней войны» 1939–1940 гг. между СССР и Финляндией, когда к СССР отошли Карельский перешеек с г. Выборгом, Выборгским заливом и рядом островов, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Приозерск, Сортавала и Суоярви. Вскоре по окончании Великой Отечественной войны в 1947 г. в результате обмена территориями между СССР и Финляндией в состав СССР вернулся район Печенги, ранее дававший Финляндии выход к Баренцеву морю.

Послевоенной можно считать и границу России (Калининградской области) с Польшей. По решениям Ялтинской и Потсдамской конференций после разгрома фашистской Германии часть ее территории — бывшая Восточная Пруссия — была разделена между Польшей и СССР. В советской части, центром которой являлся город Кенигсберг, переименованный в Калининград, была образована Калининградская область. После распада СССР она оказалась изолированной от России.

В том же 1945 г. сформировалась нынешняя граница между СССР (Россией) и Японией, неоднократно менявшаяся на протяжении

XIX–XX вв. По Петербургскому договору 1875 г. весь остров Сахалин стал российским, а Курильские острова — японскими. После поражения России в русско-японской войне 1905 г. Япония приобрела по Портсмутскому договору южную часть Сахалина. В августе 1945 г. в соответствии с обязательствами перед союзниками СССР объявил войну Японии, выступавшей во Второй мировой войне на стороне Германии. После поражения Японии Советский Союз вернул южную часть острова Сахалин и приобрел Курильскую гряду. Однако советско-японский мирный договор не был подписан. Япония не признает принадлежность России южных островов гряды — Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, что существенно омрачает отношения между двумя странами.

Из постсоветских границ исторически более зрелая — российско-литовская. Она претерпела интересную метаморфозу. С XIII в. эта граница функционировала как рубеж между Пруссией и Литвой (Польшей). После вхождения Литвы в состав России в XVIII в. она вплоть до 1945 г. стала линией разграничения между Пруссией, а затем Германией и Россией, а по окончании Великой Отечественной войны утратила статус государственной и стала внутренней границей в СССР. Таким образом, она существует около 700 лет, но в разных качествах. Исключение составляет только крайний западный участок в районе Клайпеды, где литовско-германская граница проходила только в 1924–1945 гг. и прежде по обе стороны границы были германские земли.

Почти пять столетий существует и российско-эстонская граница, которая восходит к границам между древними новгородскими землями и этнической территорией эстов. Она оформилась в середине XIII в. как граница Новгорода с Данией, затем — с Ливонским орденом, а в 1478 г. после присоединения Новгорода к Москве стала российско-ливонской. В 1721 г., когда Россия присоединила Эстляндию, функции этого участка границы изменились: он стал границей Ревельской (с 1783 г. Эстляндской) губернии. Аналогична история российско-латвийской границы.

Относительно зрелой является и российско-белорусская граница, которая на большей своей части в прошлом представляла собой границу Полоцкого княжества, затем выступала в качестве русско-польской границы (см. главу 6.3). Наиболее длительную историю имеет граница между двумя странами на участке Витебской области, восходящая к

рубежам новгородских и псковских земель с Полоцким княжеством, которая позднее превратилась в российско-польскую границу и утратила статус государственной в 1772 г. Таким образом, эта граница имеет исторический аналог, просуществовавший не менее 500 лет. От Орши и южнее, на участке Смоленской области, российско-белорусская граница существовала в качестве российско-польской в 1514–1618 и 1667–1772 гг., то есть в общей сложности на протяжении более чем 200 лет. Брянский участок российско-белорусской границы служил линией разграничения с Польшей (Речью Посполитой) в 1503–1618 и 1667–1772 гг., то есть также более 200 лет (Колосов, Туровский, 1999).

Исторически зрелой может считаться граница России на Кавказе, которая в течение столетий разделяла грузинские и тюркские государства с полунезависимыми государственными образованиями северокавказских горцев. Свой статус эта граница окончательно утратила в XIX в., когда весь Кавказ окончательно вошел в состав России.

Исторические корни имеют значительные участки российско-казахстанской границы, хотя ее аналоги лишь приблизительно совпадали с нынешней линией границы (см. главу 6.5).

Российско-украинская граница характеризуется разной степенью зрелости. Северная часть границы в целом установилась очень давно, так как тяготеет к рубежам между древними историко-географическими областями — «землями» в пределах княжеств (см. главу 6.4). Этот участок границы теперь почти точно соответствует этнической границе. Напротив, центр и частично юг российско-украинского пограничья, ранее именовавшийся Диким Полем, регулярно опустошался кочевниками и позже, при поддержке Османской империи — крымскими татарами. Эта территория была заселена украинскими и российскими крестьянами главным образом только в XVII в., после обеспечения российским государством ее безопасности. Здесь в 30–40-е годы XVII в. создавалась Белгородская засечная черта, которая примерно соответствовала нынешней российско-украинской границе на курском, белгородском и воронежском участках. В этой исторической области, называемой Слобожанщина, теперь разделенной между Россией и Украиной, административные границы часто менялись. Эти изменения происходили в пределах одного и того же государства и зависели от тяготения земель к главным городам, а не от этнических или лингвистических причин. Российские и украинские деревни часто соседствовали друг с другом.

Административные границы в основном следуют линиям разграничения XVII и XVIII столетий между казачьими полками — военно-территориальными единицами вокруг городов-крепостей, центров управления и самообороны. Самая южная часть пограничной области — территория новой массовой колонизации. Доля русских там уменьшается при переходе через границу в соотношении всего лишь два к трем, хотя доля украинцев изменяется более значительно (Колосов, Туровский, 1997). Эта территория частично охватывает исторические земли Области Войска Донского, теперь также разделенные границей. Наиболее плотно населенный и урбанизированный район юга российско-украинского пограничья — Донбасс, большая часть которого принадлежит Украине, а меньшая, восточная часть находится в России. В ходе индустриализации, начавшейся в конце XIX в., Донбасс заселялся выходцами из русских, а затем и украинских областей.

Невысокую степень зрелости имеет граница с Азербайджаном по Самуру, которая была государственной границей Дербентского и Кубинского ханств менее ста лет — с 1747 по 1765 г., когда Дербентское ханство почти на 30 лет лишилось независимости, и с 1791 по 1806 г., когда оба ханства были фактически присоединены к России[1].

Таким образом, в постсоветском пространстве наиболее высока историческая зрелость границ России с Эстонией, Латвией, Литвой и Белоруссией (с Витебской областью), а также основная часть новых границ на Кавказе. Существенно меньше историческая зрелость российско-белорусской границы на смоленском и брянском участках. Есть исторические аналоги, хотя и не столь значимые, у российско-украинской и российско-казахстанской границ.

Показатели степени хозяйственно-демографической освоенности приграничной полосы можно рассматривать как «синтетические», поскольку они зависит и от морфологических свойств границы и, в частности, от степени ее совпадения с природными рубежами, и в определенной мере от этнических особенностей, обстоятельств возникновения границы, характера соседства. Высокой степенью освоенности отличаются приграничные территории Северной Осетии, Амурской и Еврейской автономной областей, юг которых продолжает основную полосу расселения России и отличается более благоприятными при-

[1] Юридически они были присоединены по Гюлистанскому мирному договору от 12 октября 1813 г.

родными условиями. Сравнительно велика плотность населения в приграничье Оренбургской области, а также в таких староосвоенных районах, как Калининградская область (часть единой в прошлом Восточной Пруссии), в новом пограничье — Белгородская, Брянская и Псковская области, и даже в некоторых горных регионах — Республике Алтай и Карачаево-Черкессии. Напротив, малолюдны степные районы ряда областей, граничащих с Казахстаном, некоторые горные районы на Северном Кавказе.

На самой границе или совсем близко от нее расположены несколько крупных городов: Сочи (в 2016 г. — 401,3 тыс. жителей), Орск (231,1 тыс.), Благовещенск (224,3 тыс.), Новотроицк (89,3 тыс.) и другие. Однако в целом крупных поселений и городов как в старом, так и в новом российском пограничье относительно мало. Территориальные структуры России и большинства соседних стран повернуты друг к другу «спинами» — сравнительно малоосвоенными и слабо урбанизированными районами.

«Новые» границы России

Границы России с бывшими советскими республиками, в отличие от государственных рубежей, унаследованных от СССР, нередко называют «новыми». Однако такое название весьма условно, во-первых, они стали государственными уже более 25 лет назад. Население и хозяйство постсоветских стран успели в существенной степени адаптироваться к этим рубежам (Колосов, 2004; Российско-украинское..., 2011) Во-вторых, на значительном протяжении они уже играли роль государственных границ в прошлом и в зависимости от продолжительности выполнения этих функций могут считаться более или менее зрелыми (Foucher, 1995; Foucher, 1993). Тем не менее, «новые» границы еще сохраняют ряд особенностей. В их числе — незавершенность процессов демаркации и делимитации в соответствии с международным правом, а также адаптации системы коммуникаций к возникшей после 1991 г. конфигурации государственных рубежей; политическая нестабильность и нерешенность конфликтов в пограничных районах, связанная со сложностями постсоветской перестройки системы идентичностей — национальной (политической), этнической, региональной (Колосов, Криндач, 1994; Колосов, Туровский, 1997; Колосов, Туров-

ский, 1999; Колосов, 2004; Колосов, 2012; Kolossov, 2011; Колосов и Себенцов, 2016; Тархов, 2005).

Большая часть новых государственных границ на постсоветском пространстве относится к категории дезинтеграционных, то есть возникших на месте границ между республиками, входившими в состав СССР.

Российская дипломатия проделала огромную работу по договорно-правовому оформлению новых границ в соответствии с нормами международного права. В большинстве случаев экспертам, входившим в двусторонние комиссии по делимитации и демаркации границы, удалось решить спорные локальные проблемы и избежать их политизации.

Особые трудности возникли в переговорах с Латвией и Эстонией, для которых принципиальное значение имеет преемственность их нынешней государственности с независимыми республиками, существовавшими в 1920–1940 гг., до их присоединения к Советскому Союзу. Ссылаясь на договоры, заключенные советской Россией в период гражданской войны (1920) и довоенное разграничение, Латвия и Эстония выдвигали официальные претензии на соседние территории Псковской (Печорский и Пыталовский районы) и Ленинградской областей (часть Кингисеппского района) с преобладающим русским населением. Однако эти районы до революции 1917 г. никогда не входили в балтийские губернии. Позже, готовясь к вступлению в НАТО и ЕС, Эстония и Латвия официально отказались от территориальных претензий, хотя многие общественные организации этих стран по-прежнему их поддерживают. Россия связала пограничную проблему с положением русскоязычных меньшинств в Эстонии и Латвии, значительная часть которых не получила гражданство. В России надеялись, что вступление в ЕС смягчит позицию балтийских стран по отношению к их русскоязычным жителям, но этого не произошло.

В июне 2005 г. эстонский парламент ратифицировал договор о границе, но добавил к нему преамбулу, которая не обсуждалась во время переговоров и не была согласована с российской стороной. Эта преамбула позволяла, во-первых, рассматривать документ как временный, предполагающий позже новые договоренности и возврат к Тартускому договору 1920 г. и, во-вторых, потенциально открывала дорогу к возможным требованиям материальной компенсации Эстонии за «оккупацию» Советским Союзом. Это означало бы согласие российской сторо-

ны интерпретировать вхождение Эстонии в состав СССР как ее аннексию. Поскольку такая позиция принципиально не устраивала Россию, договор был денонсирован, и вопрос до настоящего времени не решен.

Латвия в течение долгого времени не проявляла интереса к процессу легитимации границы. Но, в отличие от Эстонии, российско-латвийский договор о границе, который также был готов еще в 1997 г., в марте 2007 г. был ратифицирован.

В случае Литвы ситуация иная. Согласно пакту Молотова-Риббентропа, в результате присоединения к СССР Литва получила значительные территории от Польши и потому была заинтересована в сохранении унаследованных от СССР границ с Россией. Однако делимитация некоторых участков границы, особенно по озерам и рекам, вызвала довольно долгие дебаты. Пограничный договор был готов в 1997 г., литовский парламент ратифицировал его в 1999 г., а российская Государственная дума — только в 2003 г.

Делимитация границы с Казахстаном, самой длинной сухопутной границы в мире (более 7000 км), была чрезвычайно важной для России. Стороны начали с наиболее острой проблемы — делимитации Каспийского шельфа, богатого углеводородами (1998 г.). Делимитация сухопутной границы началась в 1999 г. В некоторых случаях части единых поселений и крупных промышленных предприятий размещались по разные стороны границы. Граница также пересекала природные заповедники и дамбы (см. главу 6.5). Обсуждение таких участков вызывало эмоциональные дискуссии на встречах двусторонней комиссии. Однако проблемы не были политизированы и успешно решены на уровне экспертов. Стороны обменялись равнозначными участками или достигли иного компромисса. Президенты двух стран подписали договор о делимитации границы в январе 2005 г.

Соглашение о делимитации более чем двухтысячекилометровой сухопутной границы Украины с Россией было подписано и ратифицировано в 2003 г. В 2010 г. завершена ее демаркация. Не урегулированной оставалась морская граница по Азовскому морю, по которой у сторон имелись серьезные разногласия. Согласно российской позиции в делимитации морской границы в Азовском море необходимо было применить тот же принцип, как и в Каспийском море: дно должно быть разделено, а воды остаются в совместном пользовании и имеют статус внутренних вод обеих стран. Украина твердо настаивала на полном

разделении моря, которое могло сделать Керченский пролив, соединяющий Черное и Азовское моря, украинским. Политизация вопроса о государственной принадлежности косы Тузла, от которой зависел режим Керченского пролива, спровоцировала в 2003 г. серьезный кризис в российско-украинских отношениях, ставший предвестником драматических событий 2014–2015 гг. Киев рассматривал неуступчивость в переговорах как средство укрепления политической идентичности и утверждения государственности. Ужесточение режима границ с Россией интерпретировалось значительной частью украинской политической элиты как доказательство европейского выбора страны и ее готовности к интеграции в ЕС. Это соответствовало и интересам ЕС, стремящегося к эшелонированному укреплению своих восточных границ. С первых лет независимости многие украинские политические деятели и эксперты считали, что граница с Россией не могла оставаться «незащищенной».

После острого политического кризиса, связанного со смещением в 2014 г. президента В. Януковича, конфигурация и режим российско-украинской границы радикально изменились. В результате референдума о статусе Крыма, проведенного 16 марта 2014 г., в состав России вошли Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Результаты референдума не были признаны украинскими властями, поэтому новая граница не получила официального оформления. Кроме того, украинские власти не контролируют участки границ между Россией, ДНР и ЛНР. В соответствии с Минскими соглашениями условиями возврата их под контроль Киева являются отвод тяжелых вооружений от линии соприкосновения между украинской армией и формированиями республик, а также определение статуса донбасских территорий как автономных регионов в составе Украины, которое бы гарантировало разрешение конфликта и мир на юго-востоке страны.

Таким образом, не все новые границы России получили договорно-правовое оформление, делимитированы и демаркированы.

Возникновение «новых» границ России привело к частичной деформации транспортных сетей. Однако эксцентриситет (сдвиг центральных элементов системы к периферии) системы железных дорог увеличился, связность ее европейских и азиатских территорий уменьшилась, а железные дороги Калининградской области полностью отделены от «материковой» части страны (Тархов, 2005).

Российские стратегические железнодорожные коммуникации восточного направления пересекают территорию Казахстана. Более чем 100 км Транссибирской магистрали на отрезке между Курганом и Омском проходят через Казахстан. Еще два хода проходят по его территории на протяжении соответственно 700 и 1200 км. Единственный ход, который пролегает только через территорию России, не в состоянии полностью обеспечить связи между Европейской частью страны, Восточной Сибирью и Дальним Востоком.

Между Волгоградской и Западно-Казахстанской областями железные дороги также пересекают границу много раз. Ныне около 500 км железных дорог в Казахстане принадлежит ОАО «РЖД». Схожие проблемы наблюдаются и с автомобильными дорогами (Голунов, 2005). В свою очередь, Казахстан зависит от транзита через российскую территорию. Больше чем 300 км железных дорог в российском пограничье принадлежат государственной компании «Казахстан Темир Жолы». При этом Казахстан активно строит обходы через свою национальную территорию.

После распада СССР северо-кавказская сеть стала своего рода полуостровом. Кратчайший железнодорожный ход от Москвы до Ростова и далее на Северный Кавказ, который в советское время чаще всего использовался для пассажирского сообщения, пересекал Восточную Украину. Чтобы избежать задержек, вызванных пограничным контролем, с середины 1990-х гг. многие поезда, соединяющие Санкт-Петербург и Москву с курортами на Черном море, были перенаправлены через Воронеж, хотя этот ход более длинный. Но даже эта линия, полностью принадлежащая «Российским железным дорогам», пересекала 37-километровый участок украинской территории. С апреля 2015 г. в связи с обострением обстановки в Донецкой и Луганской областях Украины железнодорожные войска России начали строить обход протяженностью 137 км, завершенный в сентябре 2017 г.

Сложное соотношение между этническими и государственными границами между советскими республиками и автономиями в западной литературе любят объяснять далеко идущими геополитическими замыслами Сталина и его стратегией «разделяй и властвуй» (см., например, Carrère d'Encosse, 1993). На самом деле, конечно же, принципы территориально-государственного размежевания были значительно сложнее. Большевицкие лидеры руководствовались необходимос-

тью расширения своей социальной базы, для чего требовался рост рабочего класса как опоры режима, и в то же время слом традиционных институтов социального и политического контроля в национальных районах. Поэтому разграничение отчасти опиралось на результаты исследований этнического состав населения, заказанных специалистам. Разумеется, принимались во внимание и чисто политические соображения, связанные с реинтеграцией большей части бывшей Российской империи с помощью местных политических союзников, военной силы и дипломатических усилий: согласно ленинскому лозунгу, интересам рабочего класса наилучшим образом соответствовало крупное государство. Таким образом, решения принимались исходя из специфического в каждом случае баланса между этническими, экономическими и политическими аргументами, продвигаемыми внутрипартийными группировками (O'Loughlin, Kolosov, Radvanyi, 2007).

Поэтому новые независимые государства унаследовали от Советского Союза границы, которые часто значительно расходятся с рубежами ареалов расселения разных этнических групп. К тому же во многих случаях его мозаичная структура делала невозможным совмещение этнических и политико-административных границ, даже если такая цель была поставлена.

Кроме того, этническая разнородность постсоветского пространства увеличилась в советские годы в результате индустриализации многих территорий, которые становились областями притяжения рабочей силы. В результате идентичность населения многих районов стала смешанной и сложносоставной, особенно в пограничных районах. Например, украинский Донбасс — территория с сильной региональной идентичностью. Политико-географы насчитывали здесь в начале 1990-х гг. до шести наслаивавшихся друг на друга идентичностей — советскую, украинскую национальную (политическую), украинскую этническую, российскую национальную и русскую этническую (Chinn and Kaiser, 1996). Донбасская региональная идентичность ярко проявлялась на общеукраинских выборах и нашла отражение в негативной реакции значительной части населения на переворот в Киеве в феврале 2014 г. и провозглашении затем Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР).

Хотя в советское время границы между республиками были полностью прозрачны, они явно оказали важное влияние на формирова-

ние идентичностей. Этнические границы — это территориальное проявление изменчивых идентичностей, которые трансформируются в том числе под воздействием перемещений, естественного движения населения и особенно процессов социализации, во многом определяемых государственной политикой в сфере образования и средствами массовой информации. Так, перепись 1926 г. зарегистрировала в трех районах тогдашней Курской области, в настоящее время граничащих с Украиной, 1 268 тыс. украинцев, или 26–55% населения. Однако в 2000-х гг. их доля там не превышала 5–10%. Ни незначительные изменения границы перед Великой Отечественной войной, ни миграции не могут объяснить такие изменения. Естественно, местные украинцы не исчезали: храня память о своей украинской культуре, они теперь считают себя русскими. В 1934 г. сталинский режим упразднил так называемые национально-культурные районы компактного проживания этнических меньшинств. С этого времени, в отличие от соседних украинских областей, образование в заселенных преимущественно украинцами районах российских пограничных областей велось только на русском языке, который был также языком социального продвижения. В результате разделения некогда единой Слобожанщины между Россией и Украиной большинство жителей стали считать себя соответственно русскими и украинцами.

Таким образом, идентичность населения многих приграничных территорий многослойна и неоднозначна, и государственные границы в постсоветском пространстве, в том числе и российские, редко соответствуют этническим. Многие «родовые» особенности постсоветских границ чрезвычайно устойчивы, хотя большая часть их за более чем четверть века, истекшие после распада СССР, узаконена в соответствии с нормами международного права или их легитимация продвинулась достаточно далеко, а сеть международных коммуникаций претерпела значительные изменения. Сохранение этих особенностей объясняется прежде всего высокой конфликтностью процессов государственного строительства и создания в постсоветских странах новой политической идентичности, оказывающих сильное влияние на символическое значение, функции и режим границ.

* * *

Границы — линейные объекты, но как давно показано исследователями-географами (Ancel, 1938), их многообразные свойства и особенности функционирования высоко дифференцированы на разных участках, поскольку различны территории, которые они разделяют. Поэтому одна из важных исследовательских операций — деление границ не по административному принципу — на диады, разделяющие две страны или две провинции, а выявление на основе совокупности признаков характерных типов, близких по набору характеристик. Эта операция аналогична районированию площадных объектов. На основе синтеза природных, геометрических, этнических и исторических свойств новых российских границ была предложена следующая их типология (Колосов, Туровский, 1999), расширенная на все государственные рубежи страны.

Природно-этноисторический тип составляют границы, у которых хорошо выражены природные, этнические и исторические свойства. К этому типу границ относятся: а) российская граница на Кавказе, за исключением осетинского и лезгинского участков; б) российско-литовская граница на большем своем протяжении, за исключением крайне западного участка, который не является историческим, и некоторых восточных участков, которые нельзя считать природными; в) российско-китайская граница по рекам Амур, Аргунь, Уссури, а также по Алтайским горам; г) российско-норвежская граница; д) российско-абхазская граница по реке Псоу; е) российско-монгольская граница по хребтам Алтайско-Саянской горной страны и ряда рек; ж) граница с КНДР по реке Туманган (Туманная).

К этноисторическому типу относятся границы, которые плохо выражены в природном ландшафте, но выделяются на этнической карте и отличаются высокой исторической зрелостью: а) российско-грузинская граница в восточной части Северной Осетии, Ингушетии, Чечне и западной части Дагестана, которая не совпадает с водоразделом, но отделяет грузинские исторические области Хеви, Тушети и Хевсурети от этнических земель осетин, ингушей, чеченцев и аварцев; б) российско-эстонская граница в Псковский области; в) российско-латвийская граница в Псковской области; г) российско-белорусская граница в Псковской и частично Смоленской областях.

У границ этнического типа выражены только этнические свойства, исторические аналоги практически отсутствуют, природные свойства выражены слабо, как у российско-казахстанской границы на астраханском (кроме дельты Волги), волгоградском и саратовском участках и у украинской границы в Восточном Донбассе.

У границ природного типа выражены только природные свойства, подобно: а) восточной части российско-азербайджанской границе по р. Самур, которая почти не имеет исторических аналогов, рассекает ареал расселения лезгин; б) западному участку российско-казахстанской границе на Алтае, который проходит по горным хребтам, разделяющим территории с абсолютным доминированием русских (Тигирецкий, Коксуйский хребты).

Границы природно-этнического типа являются одновременно и природными, и этническими: это восточный участок российской-казахстанской границы на Алтае, проходящий по горным хребтам и разделяющий алтайцев и русских с казахами.

Наконец, к природно-историческому типу принадлежат границы, у которых выражены природные свойства и которые отличаются высокой исторической зрелостью, но рассекают территорию проживания одного этноса: российско-эстонская граница на ленинградском участке и граница России с Южной Осетией.

Основная часть новых российских границ отличается средней контрастностью. Однако на некоторых участках контрастность низка по всем параметрам. Такие границы, как правило, соответствуют прежним административным границам, почти не выражены на этнической и физико-географических картах и не имеют устойчивых исторических аналогов. К данному типу относится российско-казахстанская граница на большей части оренбургского, челябинского, курганского, тюменского, большей части омского, новосибирского и алтайского участков.

Разработка типологий и учет контрастности границ по разным основаниям имеет практическое значение, поскольку они необходимы для проведения выверенной пограничной политики и реализации программ приграничного сотрудничества.

Глава 2.2.

Диспропорции развития приграничных районов России и соседних стран*

Многими исследователями показано, что политические границы не только в большей или меньшей степени соответствуют «реальной» дифференциации пространства, но и сами ей способствуют, формируя различия между людьми и социальными системами по разные стороны рубежа (Newman, 2002; Kolossov, Scott, 2012; Герасименко, 2016). В силу огромной протяженности сухопутных границ российские регионы граничат с территориями, значительно различающимися по уровню социально-экономического развития. На разных диадах российских границ сложились определенные территориальные диспропорции в организации хозяйства и общества — в расселении, системе коммуникаций, уровне развития экономики и др. Хотя такие различия часто устойчивы, все же ситуациям в приграничных регионах присуща изменчивость. Это связано не только с неравномерностью и разным характером социально-экономической динамики соседних стран, кризисными и модернизационными трансформациями в их хозяйстве, но и текущими внешнеполитическими решениями и обстоятельствами (военные конфликты, санкции, торговые войны и др.).

Контрасты в уровне развития могут представлять собой значительное препятствие для успешного приграничного сотрудничества и угрозу безопасности российских регионов (Колосов и др., 2016). Сильные трансграничные градиенты часто порождают асимметрию взаимодействий и подозрительность в отношениях между странами-соседями. Чем больше разрыв в демографических и социально-экономических показателях между соседними странами и регионами, тем, как правило, меньше их заинтересованность в сотрудничестве и выше риск потерь одного из партнеров от неравноправных экономических отно-

---

* Опубликовано: Зотова М.В., Колосов В.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б., Карпенко М.С. Территориальные градиенты социально-экономического развития российского пограничья // Известия РАН. Серия Географическая. 2018. №5. — С. 6–20.

шений (Зыков, Севастьянов, 2016). При существенных различиях в показателях экономической эффективности, уровня жизни, социального обеспечения и развития гражданского общества сложно создать условия для равноправного партнерства, еще сложнее его реализовать (Вардомский, 2009). Однако в некоторых случаях социально-экономические различия между смежными пограничными территориями (плотность населения, наличие крупных городов и транспортных магистралей, характер и структура экономики, соотношение цен) оказывают положительное воздействие на регионы России, позволяя их жителям полнее удовлетворять потребительский спрос, получать услуги более высокого качества или, наоборот, расширяя внутренний рынок за счет граждан сопредельных стран (Себенцов, Зотова, 2013). Значительные градиенты могут способствовать более интенсивным трансграничным обменам, повышая на российской стороне культуру производства, потребительские стандарты и в целом меняя образ жизни.

Исследование проблем соседства через оценку различий в уровне развития приграничных районов России и соседних стран позволяет, с одной стороны, проанализировать процессы, происходящие в экономике и социуме приграничных территорий, а с другой стороны, оценить перспективы двусторонних взаимодействий.

Задача настоящей главы — выявить и оценить трансграничные градиенты и контрасты между соседними территориями, а также направления развития пограничья, оказывающие непосредственное влияние на динамику и потенциал трансграничных связей путем сопоставления основных демографических и социально-экономических показателей между российскими и сопредельными зарубежными регионами.

Информационной основой анализа послужила собранная авторами база статистических данных по всем сегментам российской границы за 2000–2015 (2016[2]) гг., а в отдельных случаях и на более глубокую ретроспективу. Она включила 65 показателей, отражающих особенности демографического, социального и экономического развития, внешнеэкономических связей и инвестиционной привлекательности всех приграничных регионов по обе стороны российской границы. Этот крупный структурный блок был дополнен 30 показателями по 1326 муниципальным образованиям России (районы и города) и 256 муни-

[2] По некоторым социальным и демографическим показателям.

ципальным образованиям 14 граничащих с Россией стран. Информация по странам Южного Кавказа (Грузии и Азербайджану) и частично признанным государствам (Абхазии и Южной Осетии) была представлена показателями государственного уровня из-за недостоверности данных по районам этих стран. В 2016 г. в базу была включена предварительная статистическая информация по районам и городам Крыма. Все показатели приведены к сопоставимому виду с учетом паритета покупательной способности населения в соответствии с изменениями, внесенными Всемирным банком в 2016 г., и соотношением курсов национальных валют. При создании базы были решены многие методические задачи, связные с несовпадением и изменениями методики сбора статистической отчетности.

Во-первых, между странами существуют значительные расхождения в подходах к ведению статистического учета. Одни и те же виды экономической деятельности могут включаться в разные отрасли хозяйства, и необходимо привлекать дополнительные данные о каждом секторе экономики. Во-вторых, во всех странах серьезной проблемой остается недоучет неформальной экономики, что существенно искажает реальную картину. В российских республиках Северного Кавказа доля неучтенных средств в неформальной экономике, по оценкам экспертов, равна или даже превосходит дотации и субвенции из федерального бюджета (Kolosov et al., 2017).

Значительные сложности возникли в связи с переходом российской, белорусской и украинской статистики с советского классификатора ОКОНХ (общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства) на современные международные классификаторы видов экономической деятельности (КВЭД). Сравнение ключевых стоимостных показателей потребовало обращения к базам данных Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ), постоянного мониторинга статической информации, ее пересчета и корректировки.

Расчеты, выполненные на основе собранных данных, позволили сравнить трансграничные градиенты по демографическим и экономическим показателям, уровню жизни населения, определить специфику возникающих вызовов.

Расселение: проблема депопуляции и миграции

Приграничные регионы России и сопредельных государств существенно различаются по численности и плотности населения. В российской части пограничья, занимающей 27% территории страны (4,6 млн. км^2.) сосредоточена почти половина (67 млн. чел.) всего населения России (табл. 1), поскольку основная полоса расселения «прижата» к современным границам страны, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке (Полян, 2014). Похожая ситуация характерна только для Белоруссии — в ее восточных регионах проживает почти 40% населения. В других же соседних с Россией государствах доля приграничных административно-территориальных единиц первого порядка в численности населения колеблется от 20 до 30%, за исключением Норвегии, Польши, Азербайджана и Китая, где она не превышает 10%.

В большинстве случаев численность населения российских регионов либо приблизительно равна численности своих vis-à-vis, либо превосходит их. Только в нескольких случаях российские регионы уступают по населению соседним регионам на другой стороне границы, даже если рассматривать их по крупным сегментам. Например, в граничащих с Белоруссией российских регионах проживает на 1,5 млн. человек меньше, чем в соседних белорусских областях. Число жителей Калининградской области в 3,5 раза меньше, чем в двух приграничных воеводствах Польши. Но наиболее разителен контраст в численности и плотности населения на российско-китайском участке, где на китайской стороне проживает на 100 млн. человек больше, чем на российской.

По показателям плотности населения градиенты в целом сложились не в пользу РФ. На западном и юго-западном отрезках, за немногими исключениями, приграничные районы сопредельных стран имеют более высокую плотность и уровень хозяйственного освоения. Даже Ленинградская область практически в два раза отстает от старопромышленного региона Ида-Вирумаа в Эстонии. На Кавказе, несмотря на высокую численность населения, к границе прилегают труднодоступные малонаселенные горные районы. Дальше на восток линия границы проходит южнее основной полосы расселения бывшего СССР, пересекая степи Заволжья, Южного Урала и юга Сибири. На этом сегменте границы, напротив, плотнее заселены и более экономически развиты приграничные районы РФ, а не Казахстана, относящиеся к зоне очагового расселения (вклейка, рис. 6). В пограничье с Монголией

Таблица 1.
Численность и динамика населения приграничных субъектов России и сопредельных государств (СГ) по секторам российского пограничья

Сектора российского пограничья	Численность населения приграничных субъектов (административно-территориальных единиц), млн. чел.					
	2000		2016		2000 2016	
	РФ	СГ	РФ	СГ	РФ	СГ
Норвежский	0,94	0,07	0,76	0.08	–0,18	0,01
Финский	3,36 (8,11)	1,15	3,17 (8,40)[1]	1,14	0,19 (0,29)	0,01
Эстонский	2,78	0,45	2,43	0,39	–0,05	–0,06
Латвийский	0,79	0,64	0,65	0,47	–0,14	–0,17
Литовский	0.96	0.71	0.98	0,57	0.02	0,14
Польский	0,96	3,59	0,98	3.74	0,02	0,15
Белорусский	3,32	4.11	2,83	3.68	0,49	0,43
Украинский[2]	11,10	13,14	12,79 (10,46)	12,40 (11,35)	– (–0,64)	– (–0,74)
Абхазский	5,13	0,20	5,51	0.24	0,38	0,04
Грузинский	5,90	1,36	6,92	1,04	1,02	0,34
Юго-осетинский	0,69	0,05	0,70	0,05	0,01	0
Азербайджанский[3]	2.44	8.03	3,02	9,70	0,58	1,67
Казахстанский	25,79	5,73	24,10	4,27	1,39	1,46
Монгольский[3]	2,80	2,40	2.60	3.06	–0.2	0,66
Китайский	6.33	107,18 (87,93)[4]	5,53	113,73 (90,75)[4]	0,8	6,55 (2,82)[4]
Северокорейский	2,17	22,89	1.92	24,45	–,25	1,56
Всего:	61,62 (66,36)	171,7 (132,45)[4]	61,99 (67,22)[4] (59,67)[2]	179,01 (156.03)[4] (177.96)[2]	0,37	7,31

Источник: (Регионы России, 2017)

[1] Включая г. Санкт-Петербург;

[2] Для 2000 г.: регионы РФ в составе Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской и Ростовской областей; регионы Украины в составе Черниговской, Сумской, Харьковской, Луганской и Донецкой областей. Для 2016 г.: регионы РФ в составе тех же областей плюс Республика Крым и г. Севастополь, в скобках без Крыма и г. Севастополь; регионы Украины в составе тех же областей плюс Херсонская область, в скобках без Херсонской области;

[3] Данные по Азербайджану и Монголии приведены в национальном разрезе;

[4] В скобках без Синьцзян-Уйгурского автономного района.

плотность населения с обеих сторон почти одинакова и не превышает 3 чел. на км^2 (Грибова, 2011).

На российско-китайской границе ситуация иная. Даже не слишком заселенная по китайским меркам провинция Хэйлунцзян в 7,5 раз превосходит по плотности населения Приморский край — наиболее освоенный регион российского Дальнего Востока, а Амурскую область — более чем в 40 раз. Тем не менее, демографическое давление Китая на российское пограничье не столь значительно, как может показаться на первый взгляд. Расселение в китайском пограничье, как и с российской стороны, носит очаговый характер; значительны малолюдные пространства. К тому же для северо-востока Китая характерен миграционный отток населения в климатически более благоприятные и экономически более развитые прибрежные регионы юга и юго-востока страны.

Российское пограничье в целом более урбанизировано, чем приграничные территории соседних стран (вклейка, рис. 7). В нем расположено 463 города, в которых проживает около 65% всего населения пограничья. Среди них восемь городов-миллионеров (Санкт-Петербург, Воронеж, Ростов-на-Дону, Волгоград, Самара, Челябинск, Омск, Новосибирск) и десять крупных городов с населением от 500 тыс. до 1 млн. жителей (Краснодар, Махачкала, Астрахань, Саратов, Тольятти, Оренбург, Тюмень, Барнаул, Хабаровск, Владивосток). В соседних государствах городов сопоставимых размеров не так много. Города-миллионеры, помимо украинских Харькова и Донецка (до событий 2014–2015 гг.) — только китайские (Харбин, Цицикар, Суйхуа, Дацин, Муданьцзян, Урумчи, Хэйхэ). В числе крупных городов — Гомель (Белоруссия), Луганск (Украина), Трехградье (Гданьск-Гдыня-Сопот, Польша), Актобе (Казахстан). Многие из этих городов привлекают миграционные и иные потоки, так как зоны их экономического влияния распространяются далеко за пределы национальной территории (Себенцов, Зотова, 2013).

Для всего периметра «новых» российских границ характерны тесные взаимосвязи между населенными пунктами, которые возникли благодаря формированию единой системы расселения сначала в Российской империи, а затем в Советском Союзе. Интенсивные связи существовали между городами северо-западных и центральных регионов бывшего СССР и в среднеурбанизированных областях Центрального Черноземья и Европейского Юга. Пары городов, близко расположен-

ных по разные стороны границы, во многом сохраняют значение опорных баз приграничного сотрудничества в российско-белорусском, российско-казахстанском и до недавнего времени российско-украинском пограничье (Анисимов и др., 2013а). Естественно предположить, что в районах пересечения границы транспортно-коммуникационными коридорами международного значения и близкого расположения пар городов трансграничные взаимодействия более активны, и сотрудничество может дать наибольший эффект.

Приграничная полоса регионов России в целом характеризуется относительно стабильной демографической ситуацией с тенденцией к сокращению населения в результате его естественной убыли и миграционного оттока (вклейка, рис. 8). За период 2000–2015 гг. статистика зафиксировала сокращение численности населения в приграничье на 2,4%, однако этот показатель вряд ли фиксирует реальную миграционную убыль и включает незарегистрированных трудовых мигрантов и переселенцев. Официальные данные показывают также высокую вариативность процессов роста/убыли населения как в пределах отдельных сегментов границы, так и регионов (вклейка, рис. 9). Регионы северо-западных и западных сегментов российской границы (Мурманская, Псковская, Смоленская, Брянская и Курская области, Карелия) преимущественно теряют население: его убыль составила свыше 10%. Похожая ситуация — в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (Забайкальском, Хабаровском и Приморском краях, Амурской области и Еврейской АО).

Противоположная тенденция характерна для кавказского сегмента границы, где во всех регионах наблюдается рост населения — от 5,5% в Краснодарском крае до 36,8% в Дагестане и 78,9% в Чеченской Республике.

Помимо Северного Кавказа, рост населения отмечался: 1) в экономически привлекательных для трудовых мигрантов экспортно-ориентированных регионах РФ: Тюменской, Челябинской и Белгородской областях, 2) в регионах, центрами которых являются крупные агломерации — Ленинградской и Новосибирской областях и 3) в республиках востока страны — Туве, Горном Алтае и Бурятии. В последнем случае ключевую роль в увеличении численности населения играли не миграции, а высокий естественный прирост.

За тот же период население приграничных регионов сопредельных государств выросло на 1,5% — до 144,1 млн. чел. 80% этого приро-

ста пришлось на приграничные провинции Китая и Монголии, где депопулирующие российские регионы Сибири (Забайкальский край) и Дальнего Востока граничат с монгольскими аймаками и китайскими провинциями, традиционно отличающимися стабильными темпами роста населения. Значительны также различия в динамике населения между регионами Поволжья (Волгоградской, Самарской, Саратовской, Оренбургской областями) и нефтегазовыми регионами Западного Казахстана (Атырауской, Западно-Казахстанской, Актюбинской областями), где отмечается заметный рост населения. Сказалась также целенаправленная политика правительства Казахстана по переселению на север и северо-восток страны как оралманов (репатриантов), так и жителей трудоизбыточных южных регионов страны (вклейка, рис. 10).

Для западных соседей России характерна убыль населения. Так, в Латгалии население сокращалось вдвое быстрее, чем в среднем по Латвии. Аналогичная картина в Белоруссии, где население трех пограничных с Россией областей уменьшилось за 2000–2014 гг. на 10% при среднем для страны уменьшении населения на 5,3%, а также на Украине (соответственно 12,5% и 7,9%). Эти процессы связаны не только с демографическим кризисом, переживаемым многими постсоветскими странами, но и усилением периферийного характера экономики приграничных районов (Kolosov et al., 2015).

Один из наиболее серьезных вызовов развитию всего приграничья — миграции. Российские пограничные регионы испытывают как миграционный отток «своего» населения в другие регионы страны и за рубеж, так и его замещение трудовыми мигрантами и переселенцами из ближайших регионов соседних стран. Наиболее серьезной проблемой стал «негативный отбор» населения, сказывающийся на качестве трудовых ресурсов и населения в целом.

В целом диспропорции российского рынка труда привели к тому, что только 14 приграничных регионов получают молодое трудоспособное население, а остальные его теряют. Миграционный отток населения достиг наибольших значений в Мурманской области, Еврейской АО, Туве и Забайкальском крае (вклейка, рис. 11).

Регионы российского пограничья являются скорее транзитными для трансграничных миграций, поскольку основной миграционный поток направляется в столичные центры (Москва, Московская об-

ласть, Санкт-Петербург) и нефтегазовые округа страны (Антонов, 2016). Миграционной привлекательностью обладают лишь отдельные регионы российского пограничья, характеризующиеся относительной экономической и социальной стабильностью (Тюменская, Новосибирская, Ленинградская, Калининградская, Белгородская области и Краснодарский край). Только в трех приграничных регионах — Белгородской, Ленинградской и Калининградской областях — миграционный прирост полностью компенсирует естественную убыль населения, обеспечивая положительную динамику его численности.

Приграничные города и районы Европейской России, попадающие в зону влияния столичных агломераций — ядер национальных рынков, теряют трудовые ресурсы (Нефедова, 2015; Мкртчян, Флоринская, 2016). Один из типичных примеров — город Донецк Ростовской области, где в результате сворачивания угольной промышленности, по оценкам местных экспертов, около 7 тыс. человек, преимущественно мужчин были вынуждены стать отходниками, т.е. на продолжительное время отправиться работать за пределами своего города, а чаще и области.

В регионах соседних стран миграционный отток населения еще более заметен. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в странах Балтии, где открытие европейского рынка труда привело к массовой эмиграции и значительному сокращению населения. В Литве почти четверть потерь пришлась на три граничащих с Россией уезда, причем более половины отъезжающих составили молодые люди в возрасте от 20 до 29 лет (Golunov, 2013). Заметный отток населения наблюдался также в регионах Северного и Восточного Казахстана (Северо-Казахстанская, Костанайская, Актюбинская и Восточно-Казахстанская области). Из всех российских соседей за счет более высокого уровня доходов и качества жизни привлекательными для мигрантов на протяжении последних пяти лет были только Финнмарк в Норвегии, Кюменлааксо и Северная Остроботния в Финляндии, Поморское воеводство в Польше, Харьковская область на Украине и Атырауская область в Казахстане.

Таким образом, демографические вызовы российскому пограничью — это депопуляция, замещение населения периферийных приграничных территорий мигрантами, неравенство демографических потенциалов сопредельных регионов. Значительная часть пограничных регионов России и соседних стран теряет население более высокими темпами, чем

в среднем по своей стране. Эти регионы являются периферийными как в масштабе своих стран, так и пограничья в целом. Во всем приграничье прослеживается общая тенденция — стягивание населения в экономически благополучные города и районы своих государств: из сельской местности в малые города, из малых городов — в крупные центры и их пригороды, имеющие развитый рынок труда, из экономически депрессивных районов — в более развитые. При этом на отдельных участках пограничья (российско-китайском, российско-казахстанском) углубляется разрыв в демографическом потенциале соседних территорий, что усиливает асимметрию трансграничных взаимодействий.

Экономический потенциал и хозяйственные связи

Характер экономического сотрудничества на каждом участке пограничья в значительной мере определяется особенностями развития приграничных регионов, объемом и структурой их экономики, уровнем жизни населения, экономическим значением для своего государства.

Суммарный ВРП регионов по обе стороны от государственной границы России, рассчитанный исходя из паритета покупательной способности национальных валют (ППС), в 2013 г. составил 2 810,3 млрд. долл. Страна с таким ВВП могла бы занять восьмую строку в рейтинге стран по объему экономики после России и Бразилии. Огромный экономический потенциал российского пограничья гипотетически открывает большие возможности для кооперации и сотрудничества, однако существенным препятствием для этого является пространственная неравномерность развития и периферийность многих приграничных районов относительно главных экономических центров страны. В результате большинство приграничных регионов по обе стороны границы отличаются невысокими показателями душевого производства ВРП относительно средних значений по своим странам (рис. 1). Исключение — регионы ресурсного типа, в которых добываются наиболее ликвидные виды сырья, прежде всего нефть и газ: Финнмарк в Норвегии, Тюменская область в России, Атырауская область в Казахстане и др. Высокие показатели душевого ВРП имеют также некоторые старопромышленные районы (например, до недавнего времени Донецкая, Луганская и Харьковская области Украины) и регионы, расположенные рядом с политическими и экономическими столицами

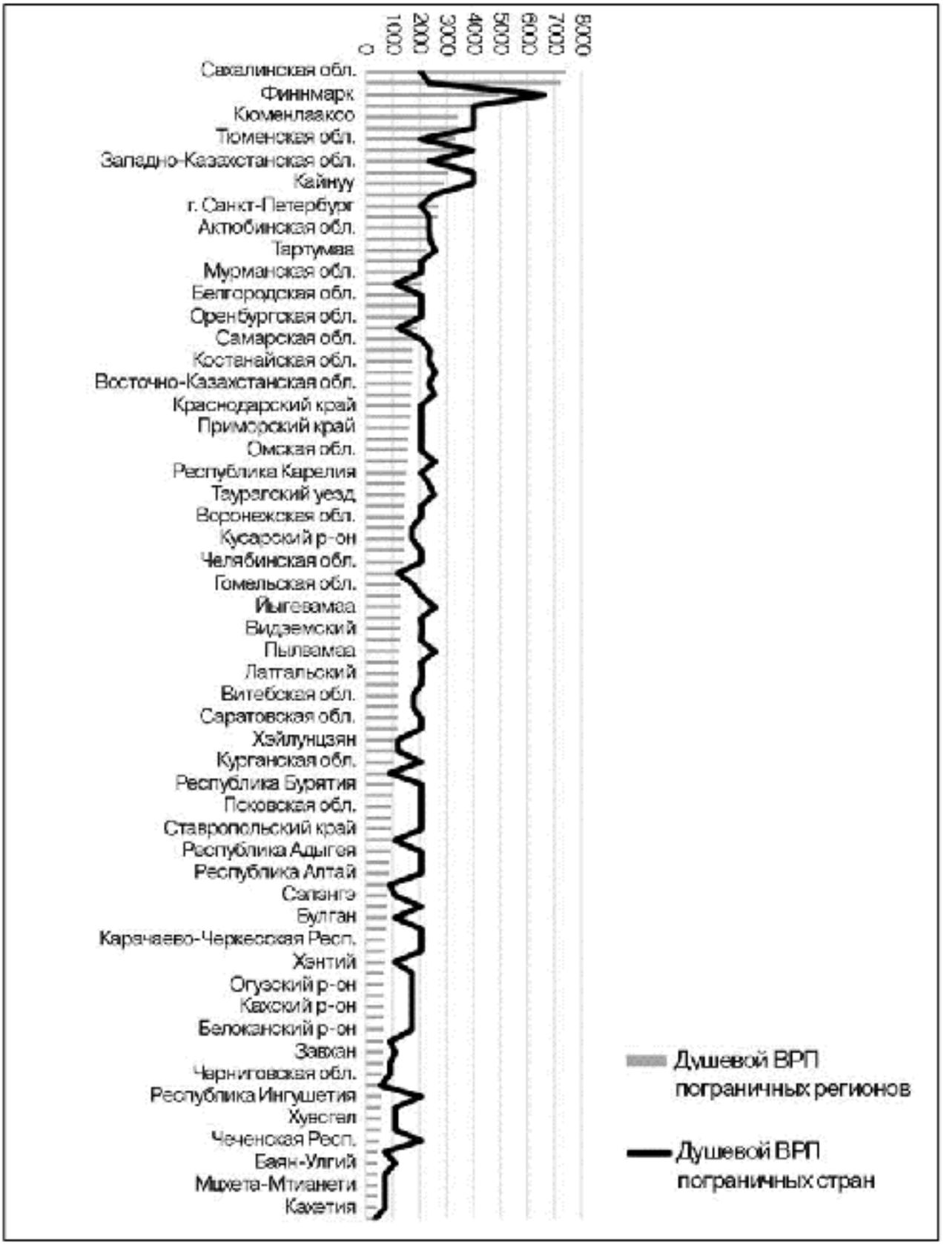
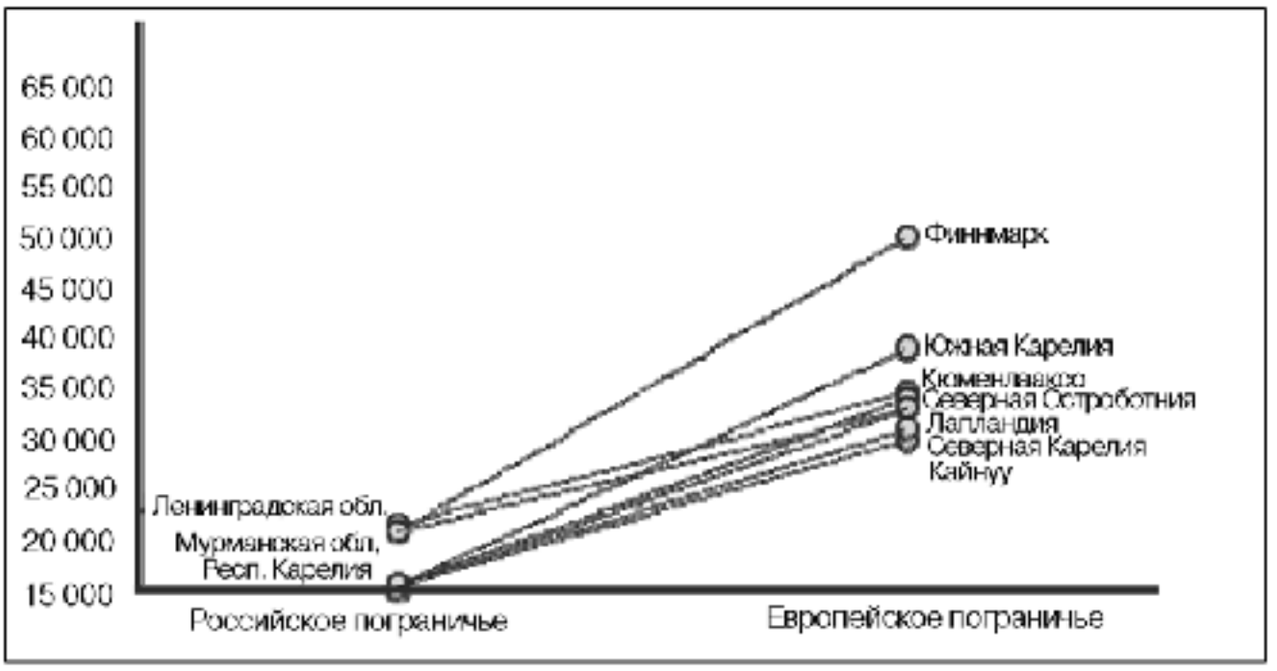


Рис. 1. Соотношение душевого ВРП в приграничных регионах России и ее соседей в общестрановых показателях каждой из стран в 2013 г. (долл. США по ППС).

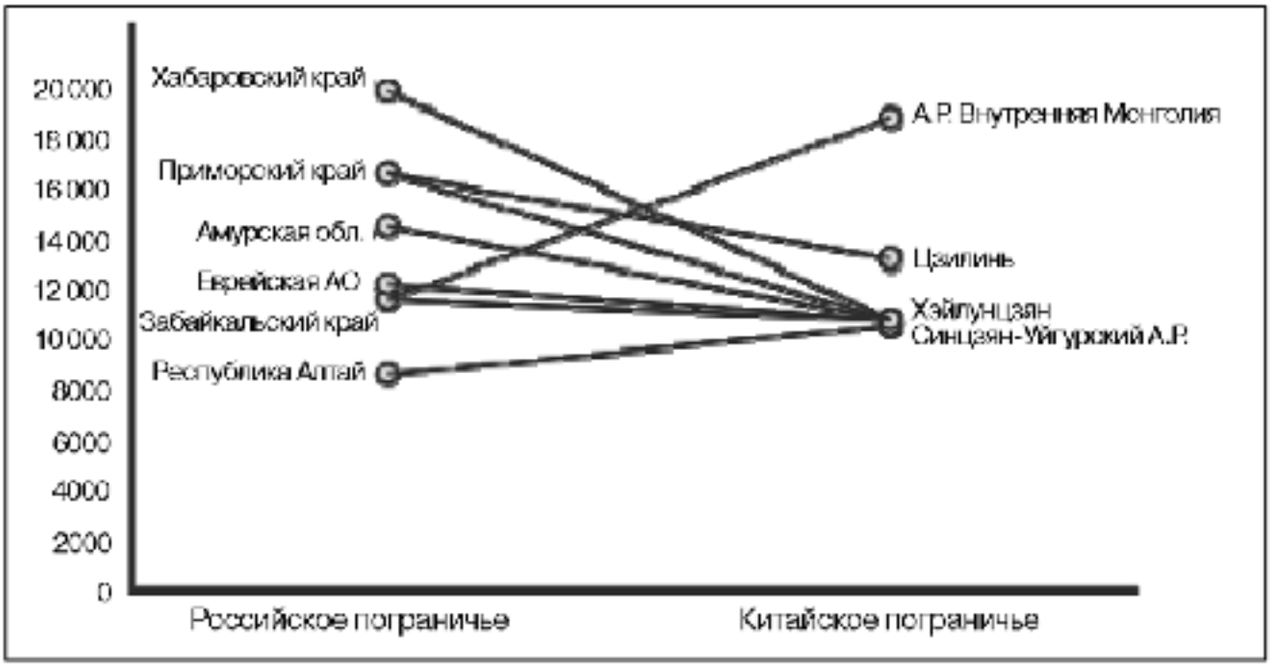
(Колосов, Зотова, Себенцов, 2014). Многие из этих регионов существенно превосходят по объемам душевого ВРП средние показатели своих стран, поэтому государственные границы с такими регионами часто характеризуются высокой контрастностью по большинству социально-экономических показателей.

Хозяйственная периферийность и заметные градиенты в уровне развития наиболее ярко проявляются на «старых», унаследованных от СССР границах в Европейской части страны (вклейка, рис. 12). Несмотря на сравнительно малый вклад приграничных регионов соседних стран ЕС в свою национальную экономику (в пределах 10–15% ВРП), достигнутый там уровень жизни и экономической эффективности значительно превышает аналогичные показатели с российской стороны: на отдельных участках — в 5–7 раз (Горячко, 2016).

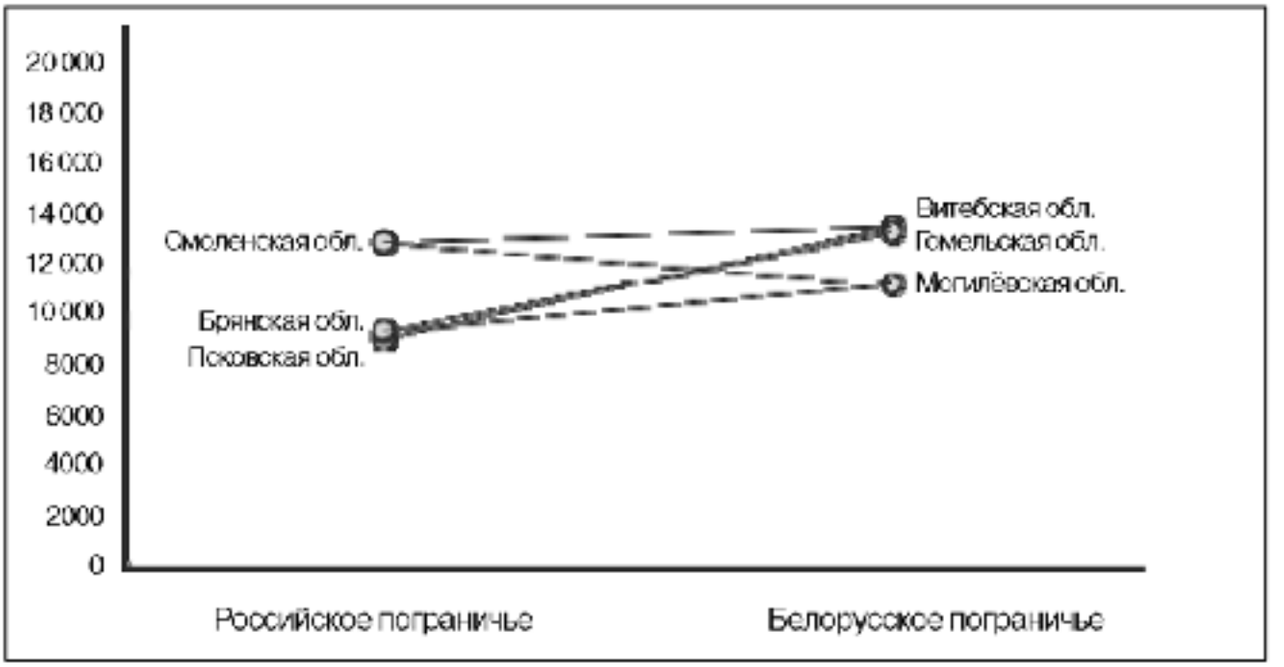
Даже Ленинградская область — один из российских регионов-лидеров по большинству социально-экономических показателей уступает соседним регионам Финляндии, которые не относятся там к категории наиболее развитых (рис. 2а). Различия в душевом ВРП между Карелией и Мурманской областью, с одной стороны, и Норвегией и Финляндией, с другой, достигают трех и более раз. Немногим меньше «перепад» ВРП на границе между Псковской областью и ее прибалтийскими соседями — Эстонией и Латвией (Колесников, Толстогузов, 2016).



а) на границе России с Норвегией и Финляндией



б) на российско-китайской границе



в) на российско-белорусской границе

Рис. 2. Градиенты душевых показателей ВРП
между приграничными регионами РФ и соседних стран.

На сибирском и дальневосточном участках российской границы градиенты по некоторым показателям пока складываются в пользу России. Забайкальский край превосходит монгольские аймаки по душевому ВРП примерно вдвое. Контрасты между Амурской областью,

Хабаровским и Приморским краями и двумя соседними китайскими провинциями составляют 1,5–2 раза в пользу российских регионов (рис. 2б). Однако депрессивные и слабоосвоенные по местным меркам китайские провинции стремительно догоняют дальневосточные регионы России по душевому ВРП и уже существенно превосходят их по душевым объемам промышленного и сельскохозяйственного производства (Бакланов, Новиков, Птицын, 2016).

Для «нового» российского пограничья характерна иная ситуация. Здесь большинство граничащих с РФ регионов отличаются значительным вкладом в национальные экономики. В первую очередь, это касается Казахстана, где доля приграничных областей в ВРП приближается к 40%, Украины (24,3% по данным на 2014 г.), Белоруссии (27,5%), Эстонии (21,3%), Грузии (около 30%). На границах с этими странами социально-экономические градиенты выражены слабее, но и здесь они не всегда складываются в пользу России.

В 2015 г. после обесценивания рубля и падения цен на нефть разрыв на многих участках пограничья усилился. Так, в 2015 г. на российско-казахстанской границе только Тюменская область по-прежнему опережала Северо-Казахстанскую по душевому ВРП (в 1,6 раза). Остальные же области уступали в 1,3–1,8 раза по уровню ВРП на душу населения своим казахстанским соседям. Менее заметные различия были характерны для российско-белорусского пограничья, где душевые показатели ВРП в 2015 г. были сопоставимы при небольшом перевесе белорусских областей (рис. 2в). Противоположные градиенты сложились на российско-украинской границе (см. главу 6.4), а также на Кавказе. Здесь даже наименее развитые в экономическом плане регионы Северного Кавказа по душевому ВРП превышают соседние регионы Грузии в 1,5–2,5 раза, а по объему промышленного производства — в 5–7 раз. Краснодарский край по душевому ВРП превосходит соседнюю Абхазию в 2,4 раза.

Статистический анализ подтверждается результатами геоинформационного мониторинга. Контрастность хозяйственной освоенности постсоветских участков пограничья не так велика, как на старых границах (Колосов, Зотова, Медведев, 2017). Вместе с тем, в новом приграничье отчетливо прослеживается тенденция к развороту экономики приграничных регионов от границ внутрь своих стран.

Проведенные расчеты позволили выделить в российском пограничье девять типов региональных экономик в зависимости от вклада, который вносят в ВРП ее аграрный, индустриальный и сервисный сектора. Большинство приграничных регионов располагает всеми видами экономической деятельности и принадлежит к промежуточным типам экономики (вклейка, рис. 13). Ключевая тенденция в этой обширной полосе регионов — масштабное сокращение промышленного производства, которое привело к упрощению его отраслевой структуры, а также росту доли услуг по обе стороны границы. Этот тренд свидетельствует скорее об использовании традиционных способов выживания населения в результате социально-экономических и политических трансформаций и разрыва производственных связей, нежели об инновационном постиндустриальном развитии. «Сервисный крен» такого рода, проявляющийся в гипертрофии традиционных отраслей сферы услуг, прежде всего, розничной торговли, наблюдался во многих регионах Северо-Запада РФ, Южного и Северного Кавказа. Сходные процессы, хотя и в иных масштабах, происходили в приграничных воеводствах Польши, испытавших деиндустриализацию при переходе к рынку, и приграничных районах Финляндии, экономика которых зависела от промышленной кооперации с СССР (Колесников, Толстогузов, 2016).

На западном участке границы индустриальную структуру экономики сохранили в основном приграничные регионы Белоруссии, промышленность которых ориентирована на российский рынок, а также Курская и Белгородская области, совмещающие сырьевую специализацию (добыча железной руды и производство железорудного концентрата) с перерабатывающими отраслями промышленности — черной металлургией, пищевой промышленностью и электроэнергетикой (Колосов, Зотова, Себенцов, 2014). Следует отметить качественные сдвиги в экономике Ленинградской и Калининградской областей, вызванные появлением новых предприятий. «Новая индустриализация» повлекла за собой и развитие остальных секторов хозяйства.

На границе с Казахстаном российские индустриальные регионы также имеют ресурсную специализацию, за исключением Самарской области, сохранившей машиностроение и другие отрасли обрабатывающей промышленности. Ресурсные регионы резко выделяются по душевым показателям промышленного производства от приграничных

регионов сопредельных стран. Некоторые из них сумели не только сохранить, но и модернизировать свой промышленный потенциал.

Несмотря на дезинтеграционные процессы, которые значительно усилились за прошедшие постсоветские годы, «новое» российское пограничье по-прежнему имеет наибольший потенциал развития трансграничных производственных связей, унаследованный от советского времени.

Так, для российско-казахстанской границы особую важность имеет сотрудничество в области транспортировки и переработки нефти и газа, поставок электроэнергии и угля (Колосов, Торез, Торез, 2015). В Казахстане до последнего времени почти половину общего объема сырья, поступающего для нефтепереработки, составляли поставки из РФ. Один из крупнейших в стране Павлодарский НПЗ ориентирован на переработку западносибирской нефти. В свою очередь, значительная часть казахстанского газа, добываемого на Карачаганакском месторождении, перерабатывается на заводе в Оренбурге (см. главу 6.5). На российско-белорусском и российско-украинском сегменте границы исторически наибольшее развитие получила кооперация в области сельскохозяйственного и тяжелого машиностроения (Карпенко, 2017) (см. главы 6.3, 6.4). Однако на российско-украинской границе такие возможности после политического кризиса 2014 г. закрыты.

Разнонаправленные процессы были характерны для российско-китайского пограничья: спад промышленного производства на российском Дальнем Востоке и его рост в северо-восточных провинциях Китая (Горячко, 2016). Промышленность этих китайских регионов производит от 40 до 56% их ВРП. Уже сегодня они превосходят российских соседей по показателям объема промышленного производства в два-три раза (вклейка, рис. 14). При этом их индустриализация продолжается, что в будущем увеличит существующие градиенты.

Характерная особенность всего пограничья России — сравнительно небольшое число аграрных и аграрно-сервисных регионов. В настоящее время к ним можно отнести только приграничные регионы Монголии, стран Южного Кавказа, отдельные районы республик российского Северного Кавказа и Юга Сибири. Вместе с тем, аграрный или аграрно-сервисный характер экономики приграничья зачастую не означает высокого уровня развития сельскохозяйственного производства и заметного участия региона в межрайонном обмене продукцией.

Об уровне развития и интенсивности сельского хозяйства в какой-то степени позволяют судить объемы душевого сельскохозяйственного производства и показатели урожайности зерновых культур (вклейка, рис. 15, 16).

Российское пограничье отличается большим разнообразием агроклиматических ресурсов и социально-экономических условий развития сельского хозяйства, включая освоенность и обустроенность территории, ее заселенность и обеспеченность трудовыми ресурсами. На эту отрасль также оказывают сильное влияние различия экономических моделей в соседних странах, баланс цен и специфика внутреннего спроса на аграрную продукцию, близость рынков сбыта, в том числе и внешних (Нефедова, 2013).

На российско-казахстанской границе большое значение имеет наличие трудовых ресурсов на селе: депопуляционные процессы затронули российские регионы в меньшей степени. Перевес в агропроизводстве большинства российских приграничных регионов над казахстанскими и украинских над российскими в основном определяется также лучшими почвенно-климатическими условиями. Наибольшими контрастами отличается российско-китайский сегмент границы, где развитию сельскохозяйственного производства в китайских регионах и его зерновой специализации благоприятствуют и природно-климатические условия, и значительный демографический потенциал сельской местности.

С учетом низкого уровня нормы инвестирования в экономику большинства приграничных регионов как в России, так и в сопредельных странах, заметных структурных изменений в их хозяйстве в ближайшее время ожидать не приходится. В российских приграничных регионах сдвиги обычно связаны с крупными инвестиционными проектами. Наибольшими объемами инвестиций отличаются в первую очередь экспортно-ориентированные сырьевые регионы (Тюменская и Астраханская области), регионы «новой индустриализации» (Ленинградская область) и территории, охваченные масштабными инвестиционными программами (Амурская область, Хабаровский и Краснодарский края) (вклейка, рис. 17).

В приграничных регионах соседних стран наибольшие абсолютные и душевые показатели объема инвестиций (более 5000 долл. США на чел. в год) связаны преимущественно с активным развитием обра-

батывающей промышленности (все регионы Северо-Восточного и Западного Китая) и нефтегазовым комплексом (Атырауская и Западно-Казахстанская области Казахстана). Высокие душевые показатели инвестиций характерны для приграничных регионов Финляндии и Норвегии (от 7 тыс. долл. и выше), но чем ближе к границе, тем показатели становятся ниже, опускаясь до 6 тыс. долл.

Чем больше разрыв в демографических и социально-экономических показателях между соседними странами и регионами, тем выше вероятность неравноправных экономических отношений. Так, приграничные взаимодействия российских регионов с норвежскими, финскими, польскими, в меньшей мере — с прибалтийскими соседями строятся по модели «бедный регион — богатый регион» (Kolosov et al., 2015). В экспорте приграничных субъектов РФ в страны ЕС преобладают сырье и продукция с низкой добавленной стоимостью, в импорте — наоборот, готовые изделия с высокой степенью обработки. В экспорте Карелии около 40% занимает круглый лес и пиломатериалы — продукция с низкой добавленной стоимостью, вывозимая в основном в соседнюю Финляндию (Стратегия..., 2008). Регионы Сибири и Дальнего Востока имеют устойчивое отрицательное сальдо в торговле с Китаем, причем превышение импорта над экспортом составляет 4–5 раз. Экспорт в Китай состоит почти исключительно из товаров топливно-сырьевой группы — нефти и нефтепродуктов, круглого леса и пиломатериалов. На продукцию лесного хозяйства приходится почти половина экспорта, причем 90% вывоза древесины составляет круглый лес (Грибова, 2011). В итоге потребительские рынки ряда российских регионов, внешнеэкономические связи которых ориентированы преимущественно на соседнюю страну, оказались в довольно сильной зависимости от импортируемых из них товаров. Такая ситуация сложилась в пограничье с Китаем (Бакланов, Мошков, 2017). Например, в общем объеме товаров, поступивших в 2010 г. на потребительский рынок Амурской области, более 85% составляли готовые продукты из Китая (О приграничном..., 2011). К тому же в 2015–2016 гг. товарооборот с Китаем падал.

Однако негативная тенденция снижения оборота российско-китайской торговли, вызванная в том числе падением общемировых цен на сырьевые товары, в 2017 г. была переломлена. За последние два года заметно вырос экспорт продуктов питания из российского приграа-

ничья; китайский рынок был открыт для поставок зерна из регионов Сибири и Дальнего Востока. Тем не менее, в товарной структуре экспорта в Китай из приграничных регионов России половина по-прежнему приходилась на минеральные продукты (Кондратюк, 2016). В импорте основную долю (62,1%) в 2016 г. занимали товары потребительского назначения, машины и оборудование. Примеры производственного сотрудничества и развития кооперационных связей на этом участке границы остаются пока единичными. Его развитие сдерживается в том числе институциональными различиями и несогласованностью законодательства.

Уровень жизни и рынок труда

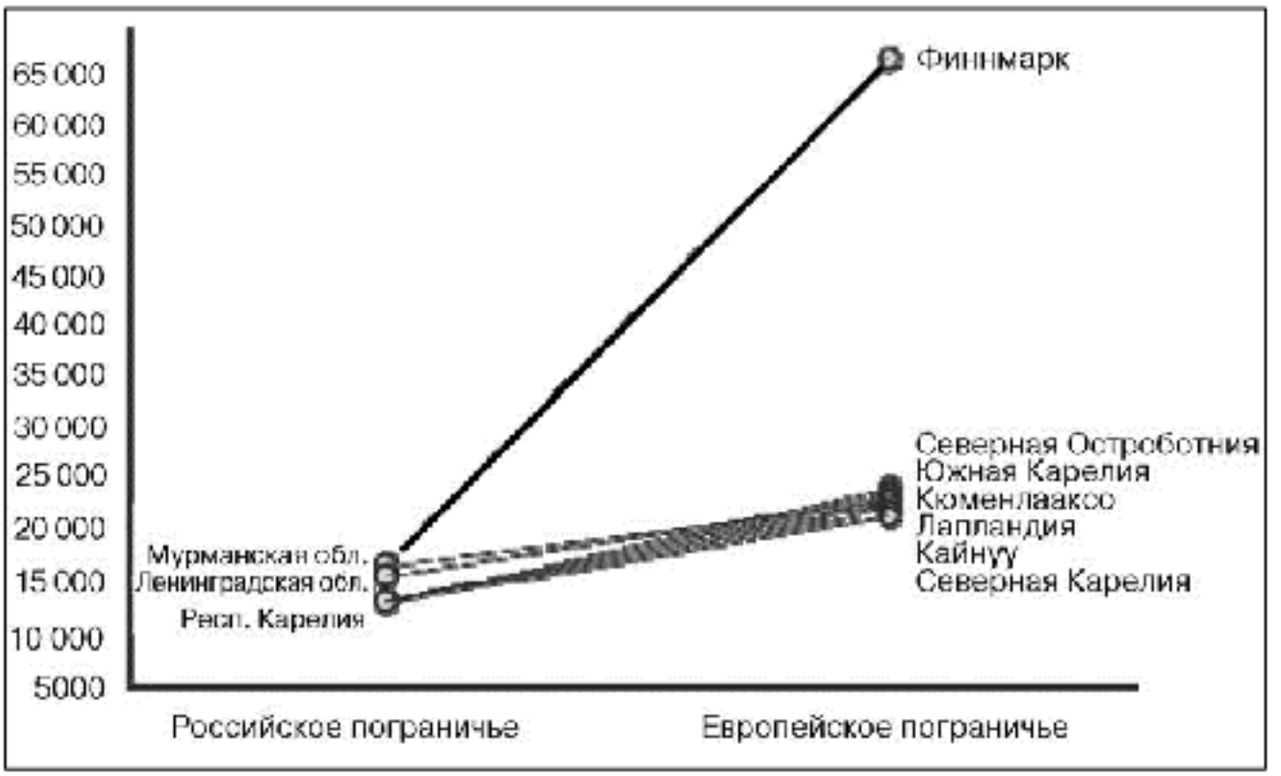
Асинхронность экономических процессов в приграничных районах России и соседних стран в значительной мере определяет уровень жизни местного населения. Социально-экономические контрасты, с одной стороны, выступают фактором трансграничной мобильности населения, способствуя оживлению предпринимательской и иной инициативы за счет пограничной ренты и отчасти сглаживая имеющиеся различия (см. главу 2.4). С другой стороны, неравенство в уровне жизни и резкие социальные градиенты вызывают у приграничных сообществ массовую фрустрацию, основанную на сравнении ситуации в своих районах и у соседей (Вендина, 2015). Ограниченность ресурсов и возможностей у значительной части населения — нередкое явление в российском пограничье — трансформируется в угнетенное психологическое состояние, характеризуемое пониженной самооценкой, неуверенностью и тревожностью. Овладевая сообществом, оно усиливает негативные тенденции демографического и миграционного поведения его представителей, в первую очередь, наиболее адаптивных и пассионарных. Кроме того, состояние фрустрации создает благоприятную почву для разнообразных идеологических и социокультурных влияний и манипуляций, а также приводит к асимметрии приграничных отношений (Вендина, Гриценко, 2017).

В связи с этим трансграничные сравнения уровня жизни имеют важное значение для оценки социальных взаимодействий и перспектив локального экономического развития. Уровень материального благосостояния домохозяйств во многом определяет характер спроса на услуги и основные потребительские товары и выступает одним из

факторов трудовой миграции наиболее активной части приграничного населения. Судить об уровне жизни населения приграничных регионов России позволяют данные о его денежных доходах, безработице, самозанятости, покупательной способности и обеспеченности индивидуальным автотранспортом.

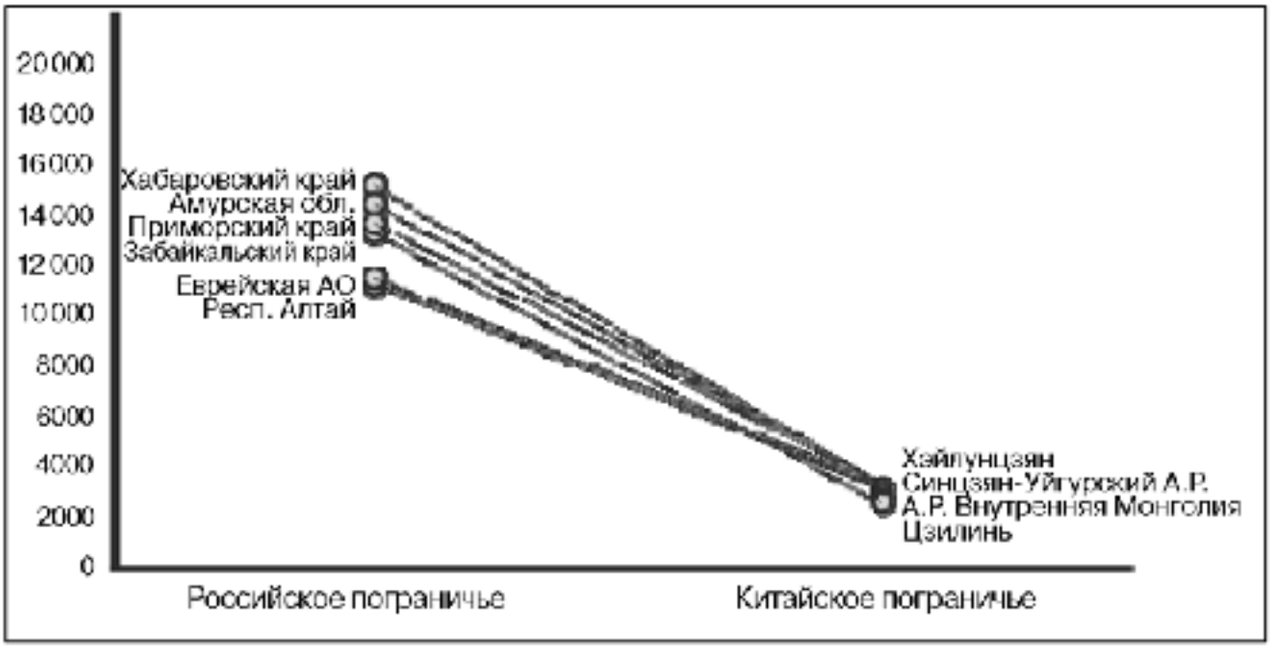
Российские регионы превосходят своих соседей по многим социальным показателям на участках границы с Монголией, Китаем, Казахстаном и Грузией. Более дифференцированным по уровню жизни остается российско-украинское пограничье и пограничье со странами ЕС.

Как правило, приграничные регионы Норвегии и Финляндии опережают своих российских соседей, а стран Балтии — уступают им. Так, среднедушевые денежные доходы в Мурманской области в пересчете по паритету покупательной способности[3] в 2014 г. были в 3,5 раза ниже, чем в приграничном Финнмарке (Норвегия), и почти в 1,5 раза ниже, чем в соседней Лапландии (Финляндия) (рис. 3а). По объему роз-

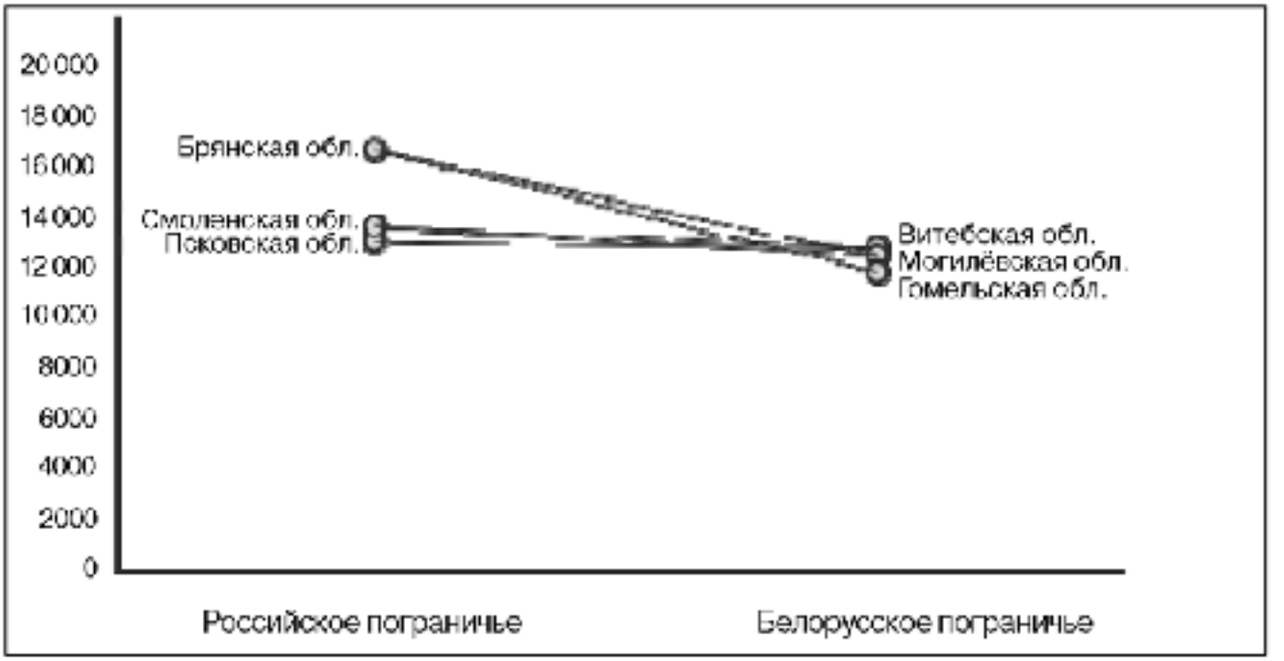


а) на границе России с Норвегией и Финляндией

[3] Для российских регионов в расчет не принимался коэффициент, учитывающий внутристрановую поляризацию по величине минимального прожиточного минимума.



б) на российско-китайской границе



в) на российско-белорусской границе

Рис. 3. Градиенты душевых доходов между приграничными регионами РФ и соседних стран.

ничного товарооборота и обеспеченности индивидуальным автотранспортом эти регионы также уверенно опережают Мурманскую область (вклейка, рис. 18, 19). В Финнмарке заметно лучше ситуация на рын-

ке труда, уровень безработицы вдвое ниже. Доходы граждан Финляндии и степень их «автомобилизации» почти вдвое выше, чем в российской Карелии и Ленинградской области. Качество жизни, связанное прежде всего с социальной защищенностью, доступностью инфраструктуры, качеством среды, услугами населению и т.д., в российских регионах объективно ниже, чем в Финляндии (Морозова, Белая, Мурина, 2013). Социальная ситуация в Республике Карелия и Мурманской области усугубляется их удаленностью от основных национальных рынков, низкой степенью освоенности территории и узкой промышленной специализацией.

На других диадах российских границ социальные градиенты складываются, как правило, в пользу России, что, однако, не говорит о высоком уровне жизни населения в ее приграничных регионах (рис 3б, в).

Прибалтийский сегмент отличается заметным разбросом социальных показателей. Самые существенные отличия наблюдаются между Литвой и Калининградской областью и между Латвией и Псковской областью. Так, литовские приграничные уезды существенно отстают от Калининградской области по среднедушевым доходам и значительно опережают ее по безработице (вклейка, рис. 20, 21).

Проблема занятости остро стоит почти перед всеми приграничными регионами Литвы, Латвии, Эстонии и Польши. Так, в Варминско-Мазурском воеводстве Польши и Марьямпольском уезде Литвы в 2013 г. уровень безработицы достигал соответственно 21,6% и 17,2%, превысив средние по стране показатели в 1,5–2 раза (Зотова, Себенцов, Головина, 2015б). В большинстве приграничных регионов Эстонии (в первую очередь, в уезде Вырумаа) уровень безработицы выше, чем в соседней Псковской области. Эстонские приграничные мааконды по уровню доходов сопоставимы с Ленинградской областью, но заметно обгоняют Псковскую область (Манаков, 2016). При этом все социальные показатели в этой области выше, чем на соседних латвийских территориях (Латгалия и Видземе).

В начале 2010-х гг. статистика фиксировала в приграничных регионах Латвии и Псковской области неустойчивую динамику обеспеченности населения индивидуальным автотранспортом — то рост, то резкую убыль. Это объясняется тем, что часть автопарка, зарегистрированного в Латвии и Литве, использовалась в России. До недавнего вре-

мени нередки были случаи, когда гражданин России из соображений экономии покупал в странах Балтии подержанную иномарку по доверенности. Согласно этой схеме, автомобиль, зарегистрированный в странах Балтии, пересекал границу России в статусе «временно ввезенного», что позволяло избегать таможенного оформления и уплаты налогов. Изменения в российском законодательстве прервали эту практику. В результате в 2013 г. владельцам автомобилей, купивших в странах Балтии, пришлось перерегистрировать свои машины, что привело к увеличению числа автомобилей в Псковской области и симметричному уменьшению их в соседних уездах Латвии (вклейка, рис. 22).

Регионы российско-белорусского пограничья по уровню жизни в целом схожи между собой. Различия в доходах населения лишь незначительно растут по мере продвижения на юг. Так, в Витебской и Могилевской областях они выше, чем в соседних Псковской и Смоленской областях России, а в Гомельской области — немного ниже, чем в Брянской. Белорусские приграничные регионы выделяются также очень низким уровнем безработицы (0,4–0,7%) (см. главу 6.3).

В российско-украинском приграничье лидируют российские регионы — уровень доходов и автомобилизация здесь вдвое выше. Наиболее сильные градиенты наблюдаются на белгородско-сумском и белгородско-луганском участках границы. До 2014 г. уровень жизни в Донецкой области Украины был примерно сопоставим с Ростовской областью. Однако из-за военных действий и экономической блокады непризнанных ЛНР и ДНР социальные различия на границе значительно усилились. Отсутствие достоверной статистической информации не позволяет точно оценить их, однако полевые наблюдения говорят о том, что они стали теперь не меньше, чем между Белгородской и Харьковской областями (см. главу 6.4).

На кавказском сегменте границы однозначно судить о социально-экономической ситуации нелегко, поскольку официальные данные лишь отчасти отражают уровень жизни населения. Благосостояние здесь сильно зависит от личных подсобных хозяйств и теневых форм предпринимательской деятельности (Kolosov et al., 2017). Официальные статистические данные фиксируют значительные различия в доходах населения: российские регионы в 3–5 раз опережают своих соседей в Грузии и в 2–3 раза — в Абхазии, Южной Осетии и Азербайджане.

От участка к участку различаются градиенты в протяженном российско-казахстанском пограничье. Не в пользу России они только на астраханско-атырауском участке, где Атырауская область лидирует как по доходам населения, так и обеспеченности легковыми автомобилями. В то же время Самарская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Тюменская и Омская области в 1,5–2 раза опережают по основным социальным показателям соседние регионы Казахстана, остальные российские регионы — в полтора раза. Наименьшие различия в уровне жизни сложились в восточном секторе, на границах Алтайского края и Республики Алтай с Павлодарской и Восточно-Казахстанской областями. Однако в действительности градиенты здесь отражают перепад между «низким» и «очень низким» уровнем жизни (Колосов, Торез, Торез, 2015).

В восточном приграничье России наиболее заметны контрасты на границе с Китаем. Амурская область, Хабаровский и Приморский края пока опережают по доходам населения провинции Цзилинь, Хэйлунцзян и Внутреннюю Монголию. Республика Алтай, отстающая по этому показателю от большинства российских регионов, опережает, но уже не столь существенно, периферийный Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. С Монголией в целом (доступных и сопоставимых данных по ее аймакам нет) градиенты несколько слабее, особенно на бурятско-монгольском участке. Такая картина в восточных регионах России сохраняется благодаря более высоким темпам роста доходов, чем в соседних регионах Китая и Монголии (Бакланов, Новиков, Птицын, 2016). Восточные регионы России лидируют и по обеспеченности населения легковыми автомобилями, особенно по сравнению с Китаем. В северных провинциях Китая важным средством передвижения пока остается более дешевый мототранспорт. Однако из-за диспропорций на российском рынке труда уровень безработицы в восточных регионах России, как правило, выше, чем в соседних регионах Поднебесной.

* * *

Граница представляет собой чрезвычайно устойчивый социальный феномен, определяющий территориальную структуру страны, в том числе соотношение между центральными и периферийными регионами, конфигурацию коммуникаций, а также региональную идентич-

ность. Демографические и социально-экономические контрасты по разные стороны границы, а стало быть, и «разность потенциалов», генерирующая трансграничные потоки, определяются в первую очередь различиями в системе расселения и территориальной структуре хозяйства.

Практически все приграничье России и соседних стран, за некоторыми исключениями, характеризуется неблагоприятной демографической ситуацией: наряду с естественной убылью населения, приграничные районы страдают от его миграционного оттока. При этом демографические контрасты на западных границах России невелики: население одинаково сильно сокращается и в российских западных областях, и в регионах соседних стран Балтии, Польши, Белоруссии и Украины. На Кавказе градиенты также незначительны: здесь население, наоборот, стабильно или даже растет за счет более высокого естественного прироста. Наоборот, на восточных границах в основном депопулирующие российские регионы граничат с провинциями Китая, аймаками Монголии и областями Казахстана, где население растет.

Важным следствием таких демографических процессов стали структурные сдвиги в этническом составе населения приграничья, рост этнической контрастности российских границ. Наиболее заметные изменения произошли на российско-казахстанской границе в результате старения, естественной убыли и оттока русского населения, с одной стороны, и притока казахского населения в результате целенаправленной государственной политики — с другой. Это свидетельствует о постепенном стирании следов единого постсоветского пространства, характеризовавшегося большей гомогенностью и смешанностью состава населения. В результате одним из основных следствий сложившейся демографической ситуации становится сокращение социального капитала трансграничного сотрудничества.

Социально-экономическая ситуация в российском пограничье характеризуется, во-первых, периферийностью. Как правило, территории России и соседних стран соприкасаются периферийными частями. Во-вторых, заметными градиентами в уровне экономического развития. Такие градиенты наиболее ярко проявляются на «старых», унаследованных от СССР границах в Европейской части страны. Наиболее значительные диспропорции сложились на границах России с Норвегией, Финляндией и Китаем. В норвежской и финской частях

пограничья российские регионы отстают от соседей почти по всем социальным и экономическим показателям, в китайской же части — в основном по численности населения и душевому объему сельскохозяйственного и промышленного производства.

В постсоветском пограничье контрастность экономического развития не так велика, как на старых границах, но здесь отчетливо прослеживается тенденция к «развороту» экономики приграничных регионов от границ внутрь своих стран и нарастанию периферийности приграничных зон. Перспективы взаимодействия с приграничными регионами балтийских стран в силу интенсивной депопуляции и слабой экономической базы выглядят неопределенно. В кавказской части пограничья двусторонние взаимодействия минимальны, что объясняется схожими проблемами развития — избытком трудовых ресурсов, преимущественно сельскохозяйственной специализацией, низким уровнем жизни

На белорусском и казахстанском участках благодаря унаследованным производственным связям и поддержке интеграционных процессов в рамках ЕАЭС региональные хозяйственные структуры в целом сопоставимы. Однако пограничное взаимодействие здесь пока реализуется в основном в рамках старых кооперационных связей, а развитие новых сдерживается периферийностью экономик, невысокой плотностью экономической жизни и государственным протекционизмом.

Сложная ситуация после событий 2014 г. сложилась на российско-украинском пограничье: трансграничные градиенты усилились, а взаимодействия сократились до минимума. На границах с непризнанными ДНР и ЛНР экономические взаимодействия осложняются их неопределенным политическим статусом, приостановкой деятельности многих украинских предприятий.

Ключевая тенденция экономических процессов в приграничной полосе — деиндустриализация и асинхронность сдвигов в отраслевой структуре, особенно на старых границах. Такие сдвиги наиболее заметны на российско-китайской границе, где на фоне упрощения структуры хозяйства и масштабного сокращения промышленного производства российских дальневосточных регионов происходит интенсивное наращивание индустриального потенциала соседних китайских провинций. На западных границах постиндустриальная трансформация хо-

зяйства европейских регионов контрастирует с процессом реиндустриализации российского Северо-Запада (создание особых экономических зон, размещение предприятий импортозамещения в сфере машиностроения и автомобилестроения и т.д.). Асинхронность структурных сдвигов в экономиках соседних стран заметно снижает потенциал приграничного сотрудничества.

Сильные диспропорции в условиях сравнительной открытости границ порождают перераспределение ресурсов в пользу более сильной стороны, подрывая доверие между соседями и препятствуя равноправному сотрудничеству. Так, асимметричные отношения сложились между российским приграничьем и соседними регионами стран ЕС и Китаем. Российская часть пограничья предстает поставщиком сырья и продукции с низкой добавленной стоимостью в сопредельные регионы и потребителем товаров с высокой степенью обработки и услуг из них. В итоге потребительские рынки ряда российских регионов, внешнеэкономические связи которых ориентированы преимущественно на соседнюю страну, оказались в довольно сильной зависимости от импортируемых из них товаров.

Вследствие такой асимметрии экономические и торговые отношения между приграничными регионами России и сопредельных стран часто весьма ограничены. Расположенные здесь предприятия редко выступают инвесторами в соседней стране, в том числе для организации нового бизнеса. Производственные, логистические, торговые и иные кооперационные связи с партнерами по ту сторону границы не имеют широкого распространения и активны только в отдельных точках и коридорах — городах, расположенных на крупных транспортных магистралях. Большинство же российских приграничных территорий остаются периферией и соседствуют с периферийными и депрессивными регионами сопредельных стран, что затрудняет взаимодействие и сотрудничество. Результат этих трансформаций — снижение удельного веса и значения хозяйства приграничных регионов РФ, а также недоиспользование экономического потенциала регионов.

Глава 2.3.

Барьерность и проницаемость границ

Соотношение двух главных функций государственных границ: барьерной и контактной, как, впрочем, и любых других, а также их характеристик — традиционный предмет исследований политико-географов и других специалистов (Колосов, Туровский, 1999; Осмоловская, 2016; Goertz, Diehl, 1992). Активная интеграция и интернационализация хозяйственной жизни и стремительный рост трансграничных потоков людей, информации, товаров и капитала приводит к тому, что государственные границы теряют часть своих барьерных функций. Глобализация и либерализация экономики, развитие новых технологий и средств коммуникации постепенно превращают государственные границы из барьеров отчуждения в линии интеграции социальных систем.

В то же время, несмотря на глобализацию и рост всеобщей взаимозависимости, парадоксальным образом стала остро актуальной проблема усиления барьерных функций границ. Стало очевидно, что процессы глобализации носят далеко не линейный характер. Они сильно зависят от геополитической ситуации, фазы длинных и иных циклов в мировом хозяйстве, географического положения, структуры экономики стран и регионов. До крайности обострилось старое противоречие между необходимостью в трансграничных коммуникациях и потребностью в сохранении национальной и региональной идентичности в условиях унификации экономической жизни и массовой культуры. В процессах глобализации возможны попятные движения, вызванные мировыми кризисами и попытками отгородиться от ее негативных и непредвиденных последствий, торможение и дестабилизация, вызывающие «закрытие» территорий (Ghorra-Gobin, 2012). Под ним подразумевается появление барьеров на протяжении десятков тысяч километров международных границ, основанное на стремлении более полно контролировать товарные, финансовые, а иногда и информационные потоки, защи-

---

* Опубликовано: Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Барьерная функция российских границ // Известия РАН. Серия Географическая. 2016. №5. — С. 8–20.

тить национальное экономическое пространство от излишней конкуренции. Закрытие выражается также в участившихся грубых нарушениях принципов ВТО, санкциях и контрсанкциях, более жесткой и «гегемонистской» регламентации разных сфер деятельности, культурных и символических акциях. Важнейшие причины новой закрытости — ускорение и одновременно усиление турбулентности и неопределенности перспектив общественного развития; нарастание рисков и угроз; увеличение политической фрагментации и диверсификации мира, проявляющееся в расширении территорий, не контролируемых легитимными правительствами, усилении влияния сепаратистских движений, локальных конфликтах, дестабилизации демократических режимов, подрыве общепринятых норм международного права.

Пожалуй, наиболее ярко тенденции закрытия территорий проявились в попытках ограничить и поставить под контроль международные миграции, в том числе путем сооружения мощных физических барьеров вдоль государственных границ в виде заграждений из колючей проволоки, рвов, бетонных стен и даже минных полей. В 2012 г. их протяженность оценивалась в 22 тыс. км и еще около 13 тыс. км находилось в процессе строительства (Jones, 2012; Rosière, Reece, 2012). В качестве примеров можно привести бетонную стену, отделяющую Израиль от западного берега реки Иордан, американо-мексиканскую стену, забор из колючей проволоки между Индией и Бангладеш, а также украинский проект «Европейский вал» на границе с Россией. К функциям границ предъявляются все более жесткие требования: их проницаемость должна быть все более избирательной для разных субъектов деятельности и потоков. С особой остротой эта проблема встала во время кризиса 2015 г., порожденного невиданным потоком в Европу мигрантов из разоренных гражданскими войнами и международным вмешательством стран Северной Африки и Ближнего Востока. Перед напором сотен тысяч мигрантов оказались бесполезными контрольно-пропускные пункты, таможни и даже наспех возведенные ограждения вдоль границ Евросоюза. В конце 2015 г. шесть стран Шенгенской зоны (Австрия, Германия, Дания, Франция, Норвегия и Швеция) временно вернули паспортный контроль на своих границах и обратились в Еврокомиссию с просьбой законодательно подготовить возможность временного введения пограничного контроля на внутренних шенгенских границах на срок до двух лет.

Сохраняющийся и даже местами усиливающийся гигантский перепад в уровне благосостояния на многих государственных рубежах, в особенности между глобальным Севером и Югом, делает проблему барьерности границ долгосрочной и фундаментальной не только для Евросоюза или США. В настоящее время каждый 35-й житель планеты — международный мигрант. По данным ООН, в 2016 г. общее число граждан, проживающих вне страны своего рождения, превысило 250 млн. и составило 3% населения мира — вдвое больше, чем в 1980 г. (UN DESA database, 2010; Вишневский, 2018).

В постсоветском пространстве барьерность границ менялась далеко не линейно. Поначалу она была слабой и фрагментарной (кроме стран Балтии, которые уже летом 1992 г. ввели визовой режим с Россией, на что российское руководство ответило симметричными мерами). Граница была необустроенной, население еще не воспринимало ее как государственный рубеж, контроль осуществлялся лишь на основных переходах. Ожидалось, что принадлежность соседних стран к единому государству в течение многих десятилетий или даже веков создаст благоприятные предпосылки для приграничного сотрудничества и облегчит интеграцию в новой форме. Этого, однако, не произошло, и барьерность большинства пар границ усиливалась. Исключение составили лишь российско-белорусская граница, оставшаяся открытой для граждан, и добавившаяся к ней после создания ЕАЭС граница с Казахстаном, хотя на ней сохраняется пограничный контроль.

Типы новых российских границ становятся все более разнообразными, а их функции — дифференцированными. Процессы усиления контактных или барьерных функций противоречиво сочетаются на разных участках сухопутной границы РФ. Сложные отношения между постсоветскими странами, поиски национального самоопределения и политика формирования идентичности сильно влияют на ситуацию. Реальные физические, социально-экономические и транспортные барьеры оказываются значительно ниже, чем идеологические и ментальные.

Задача настоящей главы — определить понятие барьерности границ России для российского гражданина, направляющегося за рубеж, оценить степень барьерности и провести с этих позиций типологию разных участков российского пограничья.

Методика оценки барьерности границ

Барьерность — динамичная категория во времени и пространстве. Она зависит от процессов перераспределения контактных и барьерных функций между границами разных иерархических уровней, а также векторов внешней политики и интеграции (Scott, 2000).

Антитеза барьерности — понятие проницаемости, заимствованное из физики. Под ним понимается скорость проникновения потока вещества или излучения в определенную среду. Это понятие используется также в геологии. Так, водопроницаемость пород зависит от частоты и интенсивности осадков, а также таких измеримых физических характеристик, как состав, плотность и др. По аналогии в общем виде барьерность можно определить как затраты времени, финансовых средств, энергии на пересечение границы, зависящие от географических, исторических и социальных причин, правового статуса, режима и инфраструктуры границы, а также материальных и иных выгод от ее преодоления, получаемых различными субъектами деятельности (давления на границу — например, миграционного).

Соответственно, можно выделить барьерность ландшафтную; коммуникационную (слабое развитие трансграничных коммуникаций, недостаток и плохое оснащение пунктов пропуска); административно-правовую (визовой режим, иные ограничения, произвол и коррупция при пограничном контроле и т.д.); социокультурную (неблагоприятная среда для граждан страны в соседнем государстве, дискриминация и т.п.); экономическую (неблагоприятный курс валют, внешнеторговые тарифные и иные ограничения, отсутствие режима наибольшего благоприятствования в торговле и проч.) (Прозрачные..., 2002).

Заинтересованность в пересечении границы с одной или обеих сторон, в свою очередь, зависит от широкого набора факторов разного уровня — геополитической ситуации и принадлежности соседних стран к международным союзам; политико-правовой основы двустороннего и, в частности, приграничного сотрудничества; экономических различий и перепада в уровне благосостояния населения между приграничными регионами; соотношения цен на товары и услуги; восприятия границы и привлекательности соседнего государства (Stéphenne, Pesaresi, 2006). Необходимость преодолевать государст-

венный рубеж и сотрудничать с партнерами по другую его сторону объясняется также издержками, которые несет каждый из них в случае ограничения контактов. Эти издержки связаны с дублированием различной инфраструктуры, отсутствием экономии на масштабе производства товаров или услуг, принятием более затратных и менее эффективных мер по охране окружающей среды (Ratti, Schuler, 2013). В соответствии с моделью приграничных взаимодействий «политика–восприятие–практика», развитой рядом авторов (van Houtum, 1999; Scott, 2000; Kolosov, 2012;), барьерность — одновременно и фактор этих взаимодействий, и следствие, ибо во многом определяется интенсивностью трансграничных потоков. Полностью закрытых границ, почти не имеющих контактной функции, в современном глубоко взаимосвязанном и взаимозависимом мире практически нет. Даже если между соседними государствами сложились крайне холодные или открыто враждебные отношения, им обычно приходится обеспечивать транзит через их территорию, заботиться о предотвращении стихийных бедствий, согласовывать квоты на использование разделенных границей природных ресурсов и т.п.

Барьеры для перемещения граждан в другую страну ныне далеко не обязательно связаны с внешними границами, поскольку большинство иностранцев въезжают в страну через аэропорты. Как отмечено в главе 1, функции пограничных переходов становятся сетевыми: миграционный контроль осуществляется на всей территории страны, обычно на вокзалах, аэропортах, в крупных городах. Более того, наблюдается тенденция к перенесению барьерных функций границы вглубь территории стран–источников миграционных потоков, где консульства и специальные организации фильтруют потенциальных мигрантов, отбирая тех из них, кто подходит по квалификации, возрасту и иным характеристикам (Amilhat-Szary, Koop, 2011; Ratti, Schuler, 2013).

Барьерность — сложная категория, состоящая из многих компонентов и описываемая рядом показателей, часть из которых трудно поддается параметризации. Во-первых, факторы барьерности можно подразделить на общие, оказывающие влияние на все виды потоков (пропускная способность коммуникаций, ведущих к границе, и пунктов пропуска, их плотность в расчете на 100 км границы, быстрота и качество работы таможенных и пограничных служб), и частные, воз-

действующие в основном на какой-либо один вид потоков, например, визовой режим.

Во-вторых, следует учитывать, что барьерность различна для разных видов потоков — миграционных (физических лиц), товаров, капиталов, информации.

В-третьих, барьерность часто носит асимметричный характер[4]. В связи с падением курса рубля экономические барьеры на российских границах для граждан большинства соседних стран ЕС в настоящее время менее значимы, чем для россиян. В экономической сфере нетарифные барьеры (экспортные и импортные пошлины, меры фитосанитарного контроля) для одних и тех же групп товаров могут сильно различаться при пересечении одной и той же пары границ в разных направлениях. Даже в рамках единой таможенной территории ЕАЭС для его внутренних границ пока характерна асимметрия. Так, экспорт товара из России в Белоруссию в результате действия нетарифных барьеров приводит к его удорожанию в среднем на 25%, в то время как экспорт товара из Белоруссии в Россию ведет только к десятипроцентному удорожанию (Винокуров, Пелипась, Точицкая, 2014).

В-четвертых, степень барьерности границы зависит от вида транспорта и места жительства граждан, пересекающих границу. В России она существенно ниже для жителей столиц и городов, где расположены иностранные консульства, а также жителей отдельных приграничных регионов (Псковская и Мурманская области), где действует режим малого приграничного передвижения (МПП), позволяющий при получении специального разрешения (карточки) посещать без визы приграничные районы соседнего государства сроком не более 30–60 дней за одну поездку и не более 90 дней за полгода.

---

[4] Известно, что гражданам с низкими доходами, не обладающим высокой квалификацией, значительно труднее перемещаться через границы. Французский географ Стефан Розьер (Stéphane Rosière) в одной из своих лекций назвал это явление «lowcost citizenship» подразумевая под ним «плохое гражданство» бедных стран — поставщиков дешевой рабочей силы, которое в отличие от «хорошего» гражданства развитых стрна не позволяет легко пересекать границы.

Барьерность российских границ

Авторы попытались оценить барьерность внешних границ РФ для среднестатического российского гражданина, следующего за рубеж.

Источником информации послужили открытые материалы интернет-порталов бывшего Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации (Росграница), Дирекции по строительству и эксплуатации объектов Росграницы (ФГКУ Росгранстрой), а также территориальных органов таможенной и пограничной служб России и соседних стран, тематические блоги и форумы. Оценка пропускной способности пункта за час (в единицах автотранспорта, по числу физических лиц) проводилась на основе анализа космических снимков с геопорталов maps.yandex.ru, maps.google.com. В результате использованы следующие показатели, характеризующие реальный режим и сложность пересечения границ:

1) число автомобильных, железнодорожных, речных и морских пропускных пунктов (ПП), их тип (международные, двусторонние, местные) и плотность на 100 км границы, пропускная способность, часы работы;
2) режим границы (при визовом — процент отказа, стоимость, сроки рассмотрения, сложность оформления; при безвизовом — возможность пересечения границы по внутреннему или общегражданскому международному паспорту);
3) действие режима МПП или де-факто упрощенное получение визы (в приграничных районах);
4) интенсивность потоков физических лиц и транспортных средств;
5) наличие мер, облегчающих прохождение границы (возможность предварительного бронирования места в очереди, видеотрансляция);
6) инфраструктурные ограничения (различия в ширине железнодорожной колеи, допускаемой крутизне поворотов и других параметрах).

Следует, однако, иметь в виду, что согласованное между Россией и соседними странами число пунктов пропуска не соответствует числу реально действующих. При оценке загруженности автомобильных ПП необходимо учитывать, что число полос с российской стороны

примерно в половине случаев не равно числу полос с противоположной стороны границы и что не все полосы постоянно открыты, многие ПП не работают в круглосуточном режиме. Кроме того, тщательность контроля и скорость пропуска часто зависят от политической ситуации.

Поскольку на национальном, региональном и локальном уровнях действуют разные факторы барьерности, применен полимасштабный подход. На национальном уровне большая часть пересечений границы РФ приходится на московские и несколько других крупнейших аэропортов (в 2014 г. — более половины). На рис. 4 видны сильные различия в людских потоках, пересекающих разные участки границ, и роль международных аэропортов, особенно Московского авиационного узла как главных по сравнению с ПП на границе «ворот» страны.

Для определения барьерности границы на национальном уровне была использована балльная система оценки, в которую были включены параметры режима границы, сложности оформления визы, сроки рассмотрения документов, стоимость визы и сервисный сбор, а также процент отказа (табл. 2). При экспертной оценке сложности оформления визы учитывался список необходимых документов для предоставления в посольство или визовый центр и средний срок действия выдаваемой визы. Границе с каждой страной по каждому параметру присваивался балл от 0 (минимальная сложность) до 10 (максимальная сложность), затем эти характеристики корректировались на индекс значимости каждого параметра, определенный методом экспертной оценки. Полученные скорректированные баллы суммировались. Основной параметр, влияющий на барьерность и получивший наибольший индекс (1) — режим границы (визовый или безвизовый). В свою очередь, безвизовые режимы различаются перечнем необходимых документов. В ряд стран (Абхазия, Белоруссия, Казахстан, Южная Осетия) жители РФ могут въехать по внутреннему паспорту, в другие (Азербайджан, Грузия, Украина) — только по действующему загранпаспорту.

Визовый режим накладывает на взаимодействия сильные ограничения. Дискуссия об отмене виз в сообщении между Россией и ЕС уже много лет занимает особое место в их отношениях (Войников, Корнеев, 2013). Визовый режим дает возможность отказывать подозритель-

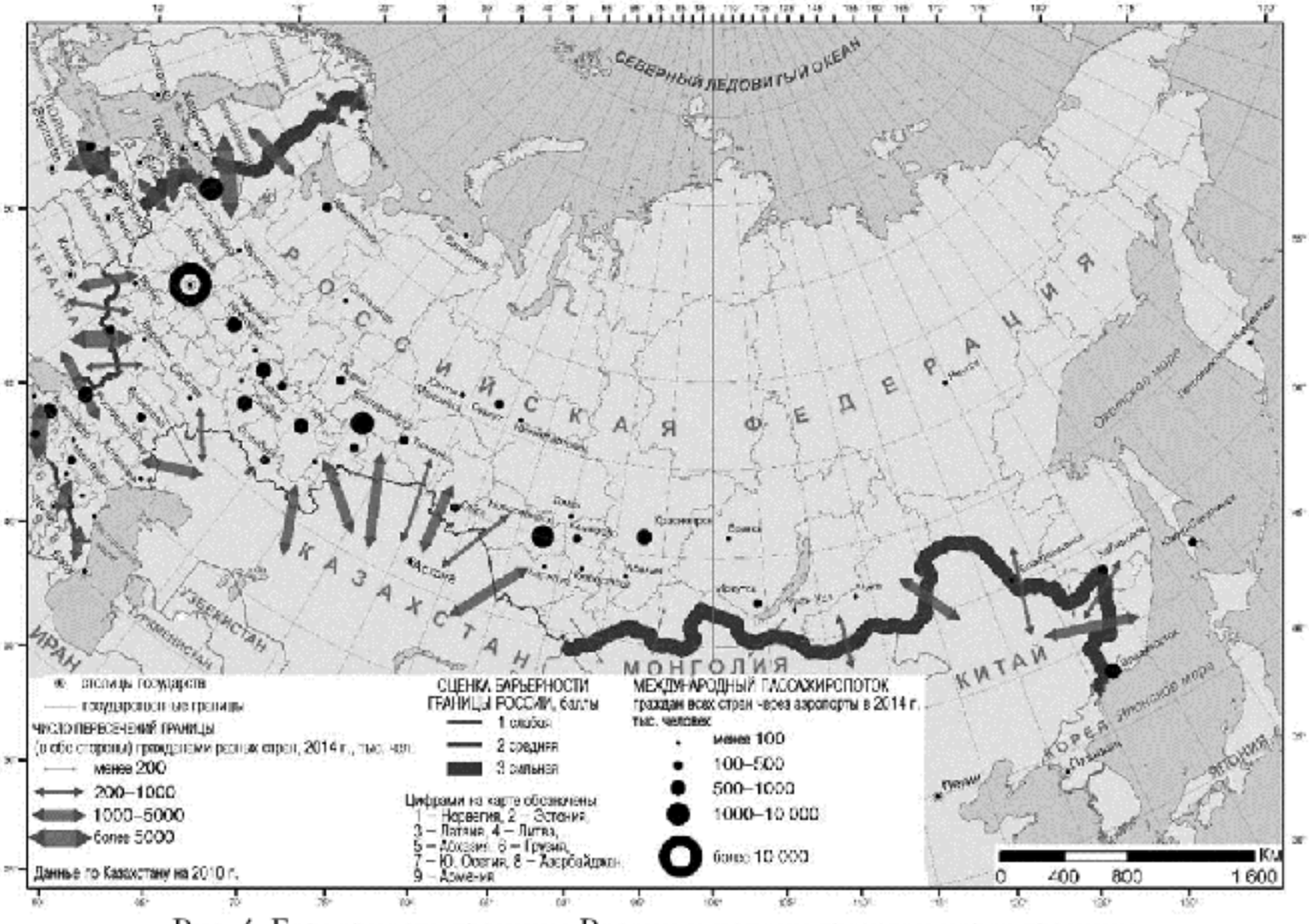


Рис. 4. Барьерность границы России и потоки граждан через границу.

Источник: данные Федерального Агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации: www.rosgranitsa.ru и расчеты авторов. Выполнено Е.Д. Головиной.

Таблица 2.

Оценка ограничений международных взаимодействий на национальном уровне

Страна сосед	Режим границы	Процент отказа в визе	Стоимость оформления визы, сервисный сбор	Максимальные сроки рассмотрения заявления, дни	Сложность оформления визы, баллы	Итоговая оценка, баллы
Норвегия	Виза	...	35 евро – 1344 руб.	10	9	11,5
Финляндия	Виза	0,83	35 – 25 евро	7	6	11,5
Эстония	Виза	1,23	35 / 25,5 евро	30	9	13,2
Латвия	Виза	0,35	35 – 25 евро	10	9	11,8
Литва	Виза	0.53	35 – 18 евро	14	9	12,1
Польша	Виза	0,61	35 / 19,5 евро	10	8	11,9
Белоруссия	Внутр. паспорт	0	0	0	0	0
Украина	Загран. паспорт	0	0	0	0	4
Грузия	Загран. паспорт	0	0	0	0	4
Абхазия	Внутр. паспорт	0	0	0	0	0
Южная Осетия	Внутр. паспорт	0	0	0	0	0
Азербайджан	Загран. паспорт	0	0	0	0	4
Казахстан	Внутр. паспорт	0	0	0	0	0
Монголия[5]	Загран. паспорт	0	0	0	0	0
Китай	Виза	0,1	60 долл.	5	3	11,1
КНДР	Виза	...	40 долл.	30	10	12,5

Источник: расчеты авторов на основе данных консульств и визовых центров.

[5] На срок пребывания до 30 дней.

ным или нежелательным заявителям на основе непрозрачных критериев, часто подразумевающих этническую, гендерную и другие формы дискриминации (Golunov, 2012). Известно, что некоторые консульства с предубеждением относятся к выходцам из республик Северного Кавказа независимо от их этнического происхождения (Golunov, 2011). После политических событий 2014–2015 гг. упрощения визового режима со странами ЕС и ослабления барьерности западной границы России в обозримой перспективе не предвидится (Выступление..., 2014). Более того, введенная с 14 сентября 2015 г. для российских граждан процедура сбора биометрических данных серьезно ограничила практику заочного оформления шенгенских виз через фирмы-посредники. Хотя визовая политика стран Шенгенской зоны едина, сложность получения визы и средний срок ее действия в разных консульствах различны.

На региональном и локальном уровнях барьерность границы в значительной мере определяется числом пунктов пропуска и их плотностью. На начало 2015 г. на границах России было установлено[6] 388 ПП всех типов — сухопутных, морских, речных, воздушных и др. Большая их часть создана в начале 1990-х гг. по инициативе и при участии региональных властей, заинтересованных в упрощении трансграничных контактов и развитии внешнеэкономической деятельности. Со второй половины 2000-х гг. началась оптимизация сети ПП, и их число сокращается.

На сухопутных границах к 2015 г. было установлено 230 ПП, предназначенных для пассажирского или грузопассажирского сообщения (табл. 3). Реально действовавших ПП было существенно меньше — 158, или 68,7% от числа установленных. Для более полной картины к этому числу следует добавить еще и удаленные пункты пограничного и таможенного контроля, которые работают при скором и скоростном железнодорожном сообщении с Украиной и Финляндией. Число ПП и их плотность в значительной мере определяются историей и современным состоянием двусторонних отношений России и ее соседей,

[6] Согласно ст. 12 Закона РФ от 01.04.1993 №4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» пункты пропуска через государственную границу устанавливаются международными договорами РФ или Правительством РФ. Пункт пропуска открывается по завершении его строительства (реконструкции), оборудования и принятия в эксплуатацию.

Таблица 3.

Число сухопутных пунктов пропуска, включая смешанные, на границе России и их динамика (без учета грузовых)

Страна-сосед	Протяженность сухопутной границы с данной страной, км	Число установленных ПП на 2015 г.	Число действующих ПП на 2013 г.	Число действующих ПП на начало 2015 г.	Плотность ПП на 100 км границы 2015 г.
Норвегия	195,8	1	1	1	0,5
Финляндия	1271,8	20[1]	14(16)	14(16[1])	1,1
Эстония	138	7	6	6	4,3
Латвия	270,5	8	6	6	2,2
Литва	266	7[2]	6	6	2,6
Польша	204,1	8	5	5	2,4
Украина[3]	1925,8	62[3]	43[4]	37(41[3])	1,9
Грузия	372,5	1	1	1	0,2
Абхазия	255,4	2	2	2	0,8
Южная Осетия	70	1	1	1	1,4
Азербайджан	372,6	6	5	5	1,3
Казахстан	7512,8	48	48	48	0,6
Монголия	3485	29	10	10	0,3
Китай	4209,3	24	15	15	0,4
КНДР	17	1	1	1	5,9

[1] Включая два ПП, осуществляющих пограничный и таможенный контроль в поездах, которые следуют в Финляндию со станций Выборг и Санкт-Петербург-Финляндский.

[2] Включая автомобильный ПП Дубки–Рамбинас, установленный в марте 2013 г. в целях выведения транзитных транспортных потоков за пределы города Советска. ПП Советск–Панемуне планируется использовать для пешеходного сообщения и рейсовых автобусов.

[3] На российско-украинской границе на участке между Республикой Крым и Херсонской областью в данных на 2015 г. учитывались в качестве действующих автомобильные ПП Армянск, Джанкой, Перекоп, в качестве установленных — железнодорожные пассажирские и грузопассажирские ПП Армянск, Джанкой, Симферополь.

[4] Включая четыре ПП, осуществляющих пограничный и таможенный контроль в поездах, которые следовали в Украину со станций Москва-Киевская, Белгород, Брянск-Орловский, Наумовка.

Источник: расчеты авторов на основе данных Федерального Агентства по обустройству государственной границы: www.rosgranitsa.ru

а также плотностью населения и общим уровнем освоенности территории. Закономерно, что наиболее развитая система ПП сложилась на границах России с постсоветскими государствами. В 2015 г. из 139 установленных на этих границах ПП работало 112 (71% всех сухопутных пассажирских и грузопассажирских ПП России). Для многих участков постсоветских границ характерна высокая плотность ПП на 100 км границы — от 1,9 до 4,3 на 100 км (исключения — протяженная российско-казахстанская граница, разделяющая слабозаселенные территории, а также труднодоступные для транспортного сообщения российско-грузинская и российско-абхазская границы). Другая важная особенность постсоветских границ — высокая доля действующих ПП в общем числе установленных (81%).

Однако уровень их оснащения и модернизации, а также пропускная способность существенно различаются от участка к участку. На российско-украинской границе под влиянием политической напряженности число действующих ПП сокращается: к концу 2014 г. Госпогранслужбой Украины были закрыты не только все 155 местных двусторонних ПП (кроме Меловое–Чертково), но и некоторые международные. Часть их потом возобновила работу. Вместе с тем, на крымском участке границы, которую Украина считает административной, установлено шесть новых ПП, из которых функционируют только три автомобильных. Кроме того, Государственная пограничная служба Украины не признает деятельность ПП в Донецкой и части ПП в Луганской областях на территориях, которые контролируют пророссийские ополченцы.

На границах с пятью странами ЕС действует 37 ПП (23% общероссийского числа). Соседство со странами Балтии — бывшими советскими республиками объясняет сравнительно высокую плотность ПП (1,7 на 100 км) и долю действующих ПП в числе установленных на этих границах (74%).

На российско-монгольском и российско-китайском участках плотность ПП чрезвычайно низка вследствие меньшей освоенности территории — соответственно 0,3 и 0,4 на 100 км. Для обоих участков характерна невысокая доля действующих ПП в числе установленных.

Новые ПП устанавливаются по инициативе федеральных органов государственной власти, крупных экспортеров, субъектов Российской Федерации. Так, развитие торгово-экономических связей и рост числа

пересечений границы привели к модернизации существовавших и открытию новых пунктов пропуска на старых границах, например, с Финляндией и Польшей.

Проектная пропускная способность (ППС) пограничных переходов характеризует транспортный поток и интенсивность экономического взаимодействия между странами. Однако высокая проектная пропускная способность далеко не всегда обеспечивает снижение барьерности границы в силу концентрации потоков людей и транспортных средств. Во многих случаях к увеличению барьерности ведут существенные инфраструктурные ограничения: качество дорог, отсутствие прямой связи между локальными пограничными переходами, находящимися в относительной близости друг от друга, режим работы и статус ПП. В результате часть из них не работает на полную проектную мощность, другие, обычно расположенные на крупных магистралях, оказываются постоянно перегруженными.

Для оценки барьерности участков российской границы для каждого ПП был рассчитан коэффициент загруженности, представляющий собой соотношение реального потока автотранспортных средств и людей через пункт пропуска и его проектной пропускной способности (ППС) в среднем за год. Исходя из информации о ППС одной полосы в единицу времени, режиме работы и числе полос оценена пропускная способность всех автомобильных ПП. Расчеты показали, что по данным на 2013 г. наиболее перегружены были ПП на отдельных участках границ с Китаем, Украиной, Польшей, Финляндией и Азербайджаном (табл. 4). На рубежах с Украиной, Польшей и Финляндией перегруженность вызвана высокой в то время интенсивностью и концентрацией трансграничного потока, с Китаем и Азербайджаном — скорее недостаточным развитием инфраструктуры. Недогруженными оказались ПП на границах с Латвией и Монголией, что указывает на невысокую интенсивность контактов, а также ряд ПП на границе с Украиной и Финляндией, расположенных на второстепенных автодорогах с низким качеством покрытия, или с неудобным графиком работы.

В 2005–2015 гг. барьерные функции многих участков российских границ усилились вследствие вооруженных конфликтов в приграничной с Россией зоне (Южная Осетия, 2008; Украина, 2014–2015), эко-

Таблица 4.

Интенсивность пересечения границы и коэффициент загруженности (КЗ) некоторых автомобильных пропускных пунктов, 2013 г.

Наименование пункта пропуска на территории РФ	Субъект РФ	Наименование пункта пропуска на территории сопредельного государства	Сопредельное государство	Число пересечений границы из РФ, тыс.	КЗ
Троебортное	Брянская обл.	Бачевск	Украина	1073	3,3
Тагиркент-Казмаляр	Республика Дагестан	Хачмаз	Азербайджан	472	2,9
Краскино	Приморский край	Хуньчунь	Китай	148	2,0
Багратионовск	Калининградская обл.	Безледы	Польша	864	2,0
Советск	Калининградская обл.	Панемунис	Литва	383	1,8
Светогорск	Ленинградская обл.	Иматра	Финляндия	1134	1,7
Ивангород	Ленинградская обл.	Нарва	Эстония	1826	1,4
Борисоглебск	Мурманская обл.	Стурскут	Норвегия	158	1,2
Верхний Ларс	Северная Осетия	Кавбети	Грузия	761	0,6
Брунцисево	Псковская обл.	Полезье	Латвия	255	0,5
Весело-Вознесенка	Ростовская обл.	Новоазовск	Украина	728	0,3
Хандагайты (Борнео)	Республика Тува	Борнео	Монголия	133	0,2
Сювяоро	Республика Карелия	Колмиканта	Финляндия	5	0,1

Источник: расчеты авторов на основе данных Федерального агентства по обустройству государственной границы: www.rosgranitsa.ru

номических санкций Запада и ответных мер России, резкого ослабления курса рубля.

В то же время несмотря на глубокий политический кризис и взаимные санкции, барьерность границ России со странами ЕС измени-

лась незначительно. Добрососедские отношения и связи между муниципальными образованиями соседних стран сохранились, невзирая на недружественную политическую риторику на межгосударственном уровне. Приграничное сотрудничество пока сильно не затронуто санкциями ЕС; сохранены программы Европейского инструмента соседства (ENI), режим МПП отменен только на российско-польской границе.

В наименьшей степени изменились приграничные отношения на российско-белорусской и российско-казахстанской границе, хотя и на них заметно усиление контроля и повышение требований к обеспечению безопасности.

Типология российского пограничья по показателям барьерности

Проведенные расчеты и сопоставления показали, что разработка интегральной количественной оценки барьерной функции государственных российских границ остается трудно решаемой задачей. Использование абсолютных значений интенсивности трансграничных потоков не является корректным. Приведение же их к норме — непростая методологическая проблема, связанная с неопределенностью методов нормирования числа пересечений из-за сложности определения границ и глубины области взаимодействия, а также невозможности использования административных границ ввиду их несопоставимости. Кроме того, при разработке методики авторы не ставили цель адаптировать ее для разных типов государственных границ, различающихся протяженностью и особенностями освоения территории.

Таким образом, авторы предлагают типологию российского пограничья на основе показателей барьерности на национальном уровне (рис. 4 и табл. 2), интенсивности пересечения границы, характера и динамики трансграничных потоков (рис. 5–9). Кроме того, по возможности учитывался характер взаимодействий на региональном уровне, для чего использовались данные Росстата, материалы федеральных и местных СМИ, а также результаты данных, полученных в ходе экспедиционных поездок на отдельные участки границы. В результате проведенных оценок были выделены следующие типы.

1) *Малоконтактные границы*, для которых характерно незначительное число пересечений российскими гражданами, низкая интенсивность потоков и отсутствие заметной динамики на фоне высоких значений индикатора барьерности границы и слабых связях местного населения. Этот тип характерен для корейского, монгольского (при невысокой барьерности) и норвежского сегментов российской границы (рис. 5).

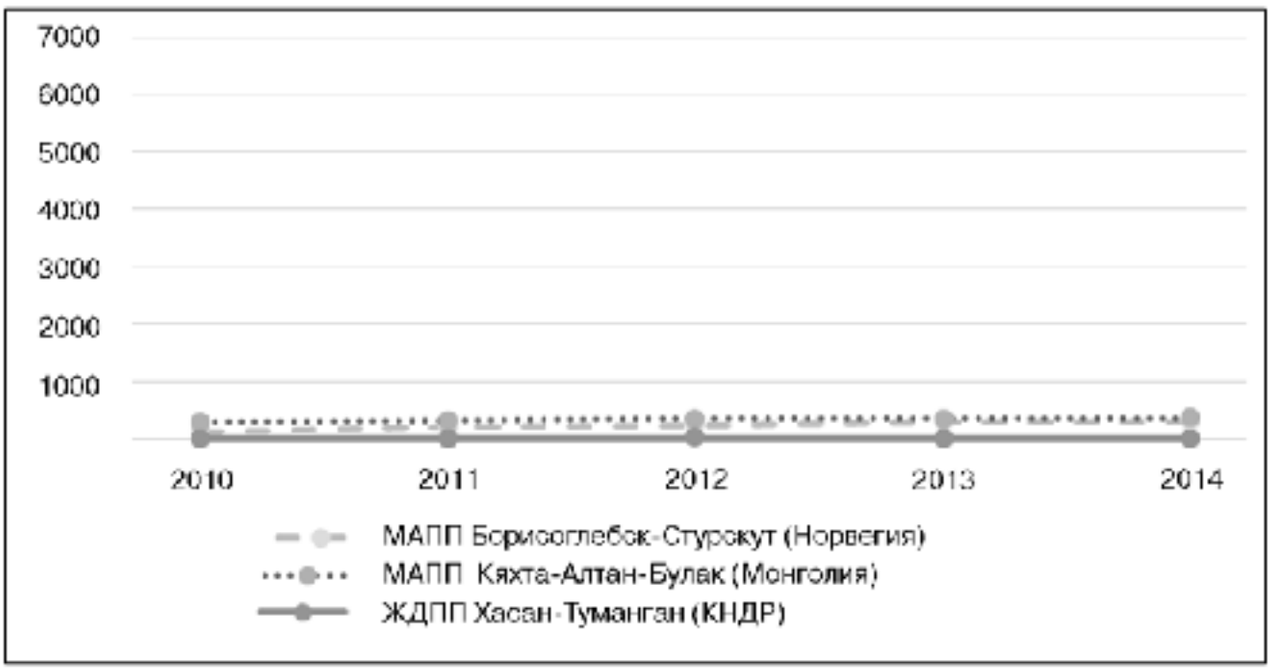


Рис. 5. Динамика числа пересечений малоконтактных границ физическими лицами через сухопутные и смешанные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс. пересечений.

Источник: расчеты авторов на основе данных Федерального агентства по обустройству государственной границы: www.rosgranitsa.ru

2) *Границы, «сдерживающие» развитие контактов*. Для этого типа характерно сочетание заинтересованности населения в контактах в силу родственных и дружеских связей при отсутствии динамики их развития, невысоком числе пересечений границы и средне-высоких показателях барьерности. Такая ситуация характерна для сегментов границы с Латвией, Литвой, Грузией и Азербайджаном (рис. 6).

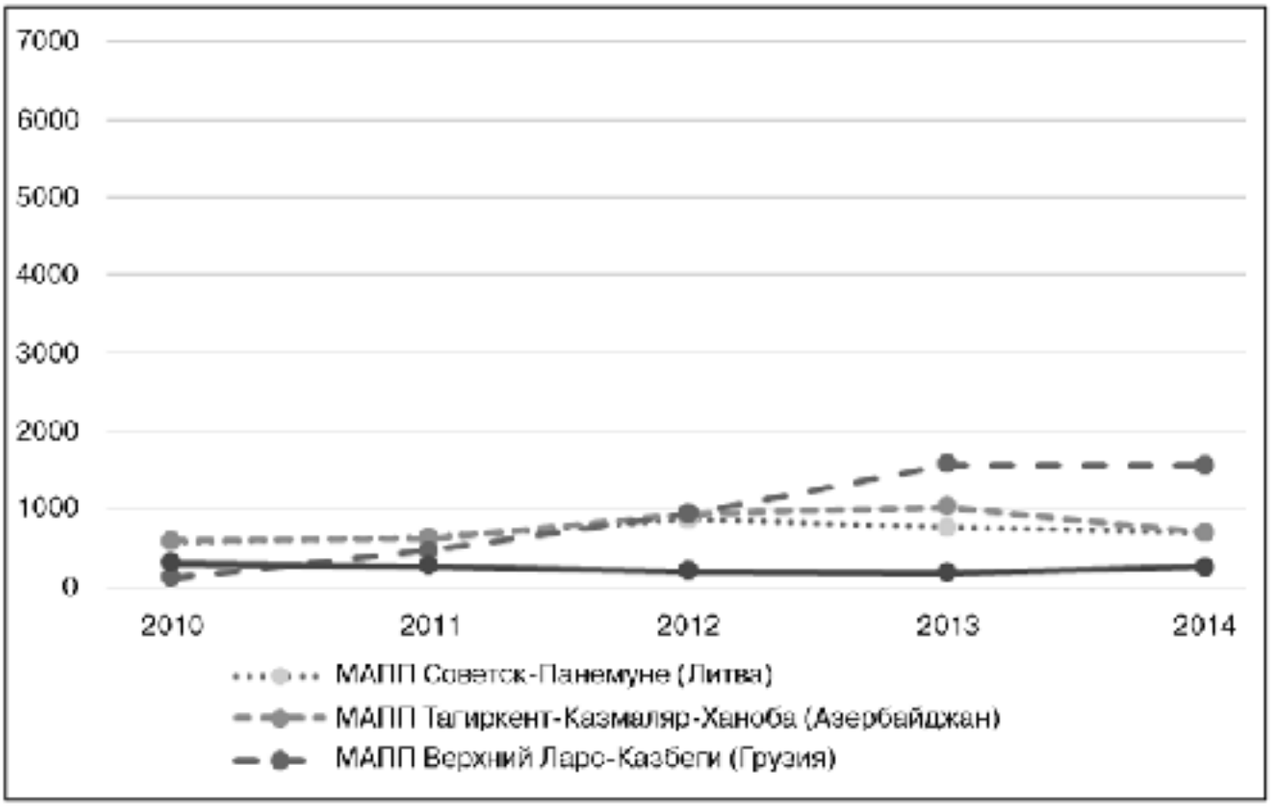


Рис. 6. Динамика числа пересечений физическими лицами границ, «сдерживающих» развитие контактов, через сухопутные и смешанные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс. пересечений.

Источник: расчеты авторов на основе данных Федерального агентства по обустройству государственной границы: www.rosgranitsa.ru

3) *Границы, «способствующие» развитию контактов*. В этом случае, несмотря на выраженную барьерность, наблюдаются интенсивные и растущие трансграничные потоки людей. К этому типу принадлежат границы с Финляндией, Польшей, Эстонией и Китаем. Наряду с другими факторами, существенную роль в этом случае играет упрощенный режим пересечения границы для жителей приграничных регионов, в том числе в результате введения режима МПП, облегчения Финляндией визового режима для жителей Карелии, Ленинградской области и Санкт-Петербурга, а также появление возможности получить китайскую визу на границе (рис. 7).

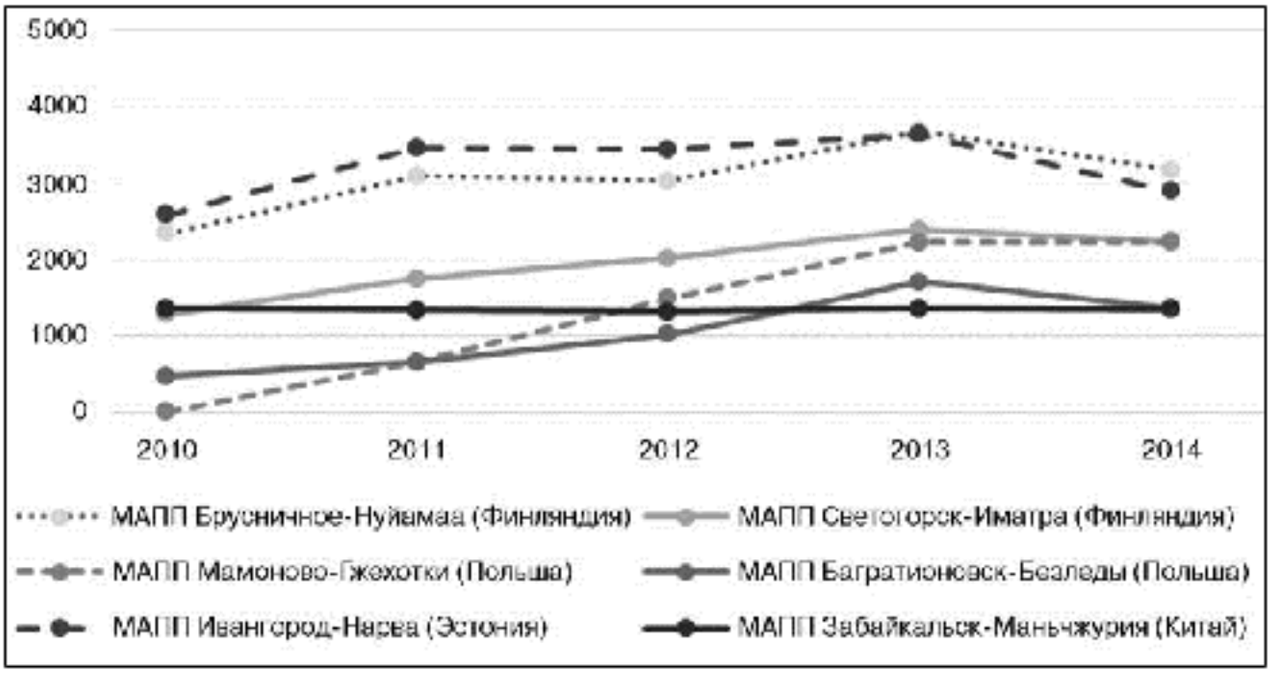


Рис. 7. Динамика числа пересечений физическими лицами границ, «способствующих» развитию контактов, через сухопутные и смешанные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс. пересечений.

Источник: расчеты авторов на основе данных Федерального агентства по обустройству государственной границы: www.rosgranitsa.ru

4) *Открытые контактные границы* между странами-членами Евразийского экономического союза — Белоруссией и Казахстаном. Здесь относительная стабильность числа перемещений сочетается с низкой барьерностью (рис. 8).

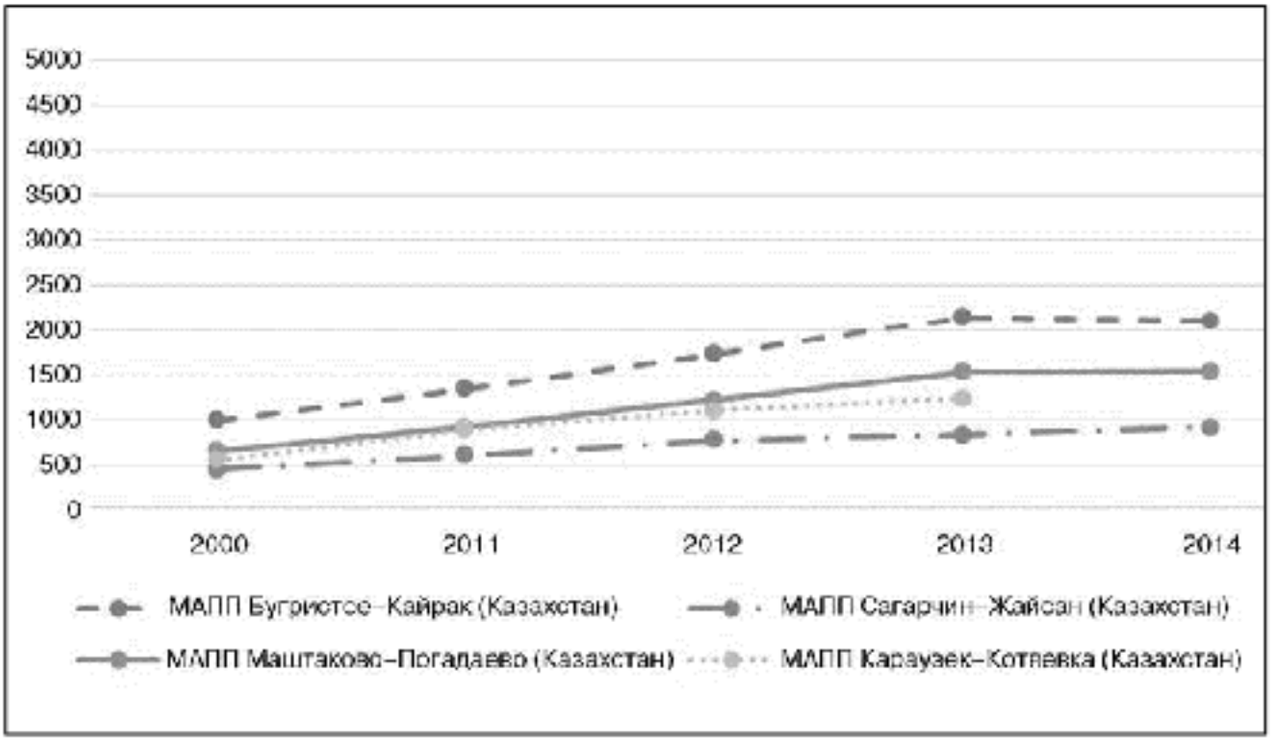


Рис. 8. Динамика числа пересечений российско-казахстанской границы физическими лицами через сухопутные и смешанные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс. пересечений.

Источник: расчеты авторов на основе данных Федерального агентства по обустройству государственной границы: www.rosgranitsa.ru

5) *Мутирующие границы*, характер функционирования которых сильнейшим образом зависит от геополитических обстоятельств. В этот тип попадает российско-украинская граница. Еще недавно высокая интенсивность трансграничных взаимодействий граждан сменилась здесь их резким спадом и ростом барьерности. Под влиянием кризиса в двусторонних отношениях число пересечений через автомобильные и железнодорожные пункты пропуска снизилось почти вдвое. В то же время на многих переходах в Ростовской области число пересечений границы в 2014 г. выросло за счет беженцев из зоны конфликта (рис. 9; см. главу 6.4).

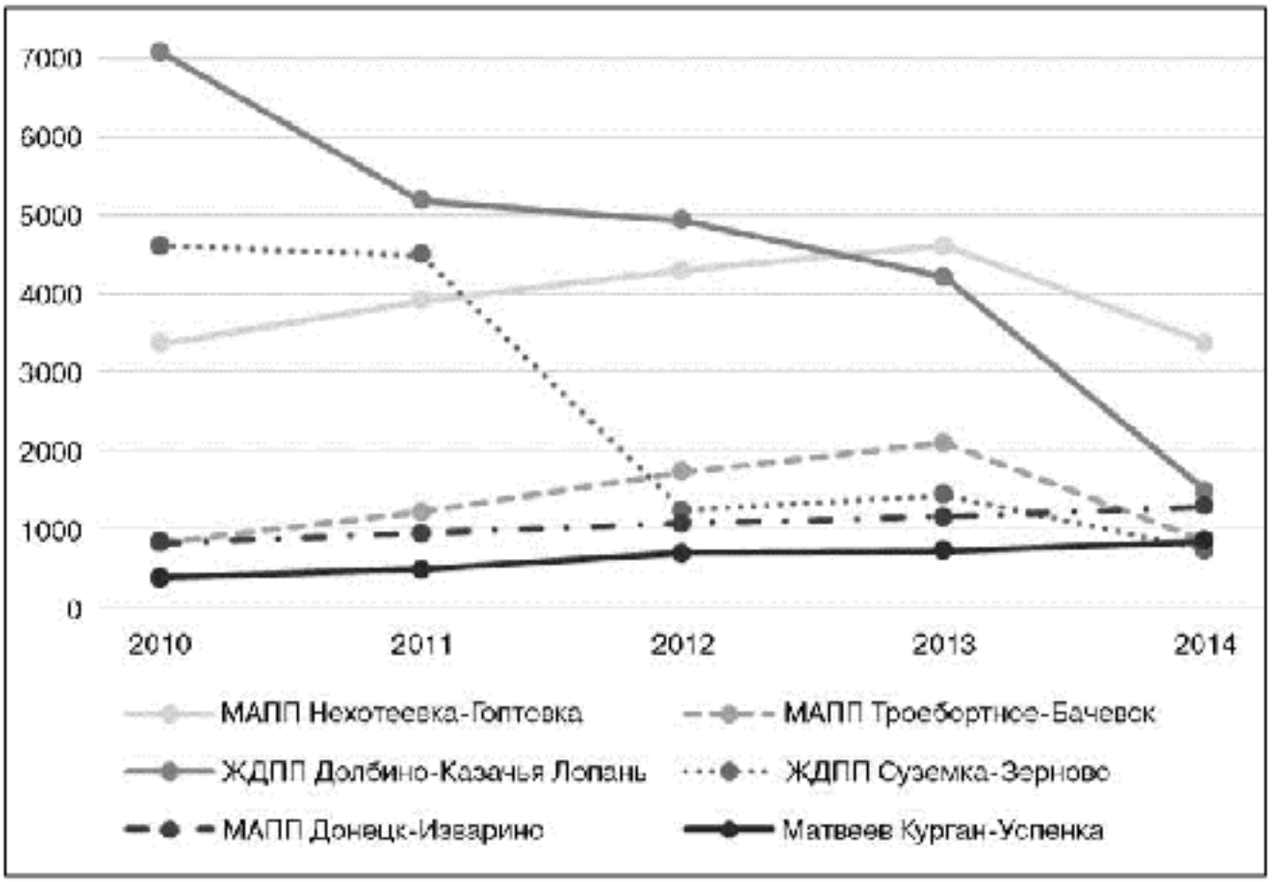


Рис. 9. Динамика числа пересечений российско-украинской границы физическими лицами через сухопутные и смешанные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс. пересечений.

Источник: расчеты авторов на основе данных Федерального агентства по обустройству государственной границы: www.rosgranitsa.ru

* * *

Разработка интегральной количественной оценки барьерности границы остается нелегкой задачей. Во-первых, возможности создания такого показателя ограничиваются многообразием комбинаций общих и частных факторов, которое определяется видами потоков и их направлением (в страну или из страны). Поэтому барьерность может быть измерена только по отношению к конкретному субъекту или объекту (или их группе).

Во-вторых, для барьерности характерна полимасштабность: государственный (национальный), региональный и муниципальный уровни взаимодействий регулируются различными факторами. На госу-

дарственном уровне барьерность в большой степени определяется визовым режимом и его применением. Барьерная роль визового режима может быть проанализирована с помощью системы балльных оценок, включающей такие характеристики, как режим границы, сложность оформления визы, набор и сроки рассмотрения документов, сервисные сборы, процент отказов.

На региональном и локальном уровнях степень барьерности зависит от характера расселения и пограничной инфраструктуры, в том числе плотности пунктов пропуска, их статуса и режима. Обеспеченность разных участков границ пограничными переходами значительно изменилась в результате сдвигов во взаимодействиях и характере отношений между Россией и соседними странами, а также оптимизации сети пунктов пропуска, которая началась со второй половины 2000-х гг.

Жесткий режим пропуска российских граждан и усиление барьерности в результате действий центральных властей соседних государств может привести к замиранию не только хозяйственных, но и культурно-бытовых связей. Это, в свою очередь, может вызвать замедление развития приграничных территорий, усилить отток населения, породить долговременное ухудшение социального климата и утрату социального капитала пограничного сотрудничества. Таким образом, степень барьерности сухопутных внешних границ для среднестатического гражданина РФ в значительной степени определяется политическими отношениями с Россией и геополитическими ориентирами соседних государств.

Вместе с тем, уровень обустройства государственной границы необходимо измерять не только путем сравнительного анализа отдельных участков границы, но и с помощью сопряженного анализа инфраструктурной обеспеченности и масштаба трансграничных потоков. Разработанный авторами и рассчитанный для каждого из участков границы коэффициент загруженности позволил выявить участки, где пункты пропуска работают со значительными перегрузками, что в свою очередь, увеличивает временные и финансовые затраты граждан на пресечение государственной границы. В результате наиболее барьерными с этой точки зрения оказались хорошо обустроенные участки границы с Польшей, Украиной, Финляндией, где интенсивность трансграничных потоков росла гораздо быстрее, чем сеть пунктов про-

пуска и их совокупная пропускная способность. В эту же группу попали и наименее обустроенные участки границы с Китаем и Азербайджаном, где редкая сеть пунктов пропуска небольшой пропускной способности не справляется с довольно скромными в масштабах страны трансграничными потоками.

Выявленные противоречия трансграничных взаимодействий и изменения барьерности границ не позволяют определить однозначного сценария приграничного сотрудничества. С одной стороны, как показывают примеры Белоруссии и Казахстана, относительной открытости границы еще недостаточно для активизации трансграничных контактов, с другой — кризисные явления в экономической и политической жизни не приводят к тотальному свертыванию сотрудничества: накопленный в предыдущие годы позитивный опыт взаимодействий поддерживает стремление партнеров к совместной деятельности.

Глава 2.4.

Повседневная жизнь в российском пограничье*

Маркиз де Кюстин в начале своего знаменитого травелога «Россия в 1839 году» приводит беседу с любекским трактирщиком, отмечающим различия в настроении русских, выезжающих за границу и возвращающихся домой, делая на этом основании выводы о жизни в России: «*...когда они едут в Европу, вид у них веселый, свободный, довольный; ... на обратном пути те же люди приезжают в Любек с вытянутыми, мрачными, мученическими лицами; ... вид у них озабоченный*» (де Кюстин, 1996, с. 62–63). Важность этого проницательного наблюдения почти двухсотлетней давности не в остроумии оценок, а в констатации факта — пересечение границы, соединяя ожидания и действительность, влияет на поведение людей. Однако одно дело, когда человек пересекает границу, эмигрируя, другое — отправляясь в командировку или отпуск, и третье, когда пересечение границы становится рутиной, способом жизни, входя в круг обыденных привычек.

Превращение границы из линии (полосы), разделяющей государства, в пространство повседневных взаимодействий между людьми кардинально меняет их жизнь. Местные жители с обеих сторон становятся своего рода рантье, извлекая выгоды из соседства — разницы цен, возможностей и обустройства жизни. Даже те, кто никак не участвует в трансграничных перемещениях, обменах и коммуникациях, получают свою частичку пограничной ренты, которая перераспределяется, во-первых, от «челноков» к членам их семейно-родственного и дружеского круга, а во-вторых, в другие сферы местной экономики, способствуя росту разнообразия товаров и услуг. В условиях стабильности и устоявшегося социально-экономического порядка столь же упорядоченной является и жизнь приграничных сообществ, подчиняющихся выработанным формальным и неформальным правилам. Но что происходит, когда привычный порядок рушится? Как различные

---

* Опубликовано: Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик // Мир России, 2018, №4

слои населения адаптируются к происходящим изменениям, переопределяющим характер взаимодействий с соседями через границу?

В этой главе, опираясь на материалы многолетних полевых исследований, мы предпринимаем попытку систематизировать разнообразие ситуаций на российских границах, описать повседневные практики населения и выявить факторы, определяющие динамику трансграничных взаимодействий.

Повседневность — ключ к пониманию проблем пограничья

Хотя понятие «повседневная жизнь» широко используется в пограничных исследованиях, важна не столько сама повседневность, сколько формирование пространства жизни приграничных сообществ, опознаваемых по их повседневным практикам. Такой подход далек от концепции повседневности, предложенной классиком социальной феноменологии А. Шюцем, с ее фокусом на непосредственном субъективном опыте человека и тезисом о верховной реальности повседневного мира (Шюц, 2004), но близок взглядам представителей структурализма, таким как Т. Парсонс, Р. Мертон или А. Лефевр[7]. Так, Лефевр предложил рассматривать повседневное как набор функций, которые связывают и объединяют системы, кажущиеся различными, как некий общий знаменатель, ключ к шифру современного мира (Лефевр, 2007). В такой трактовке понятие «повседневность» сближается с его обыденным толкованием как привычных, повторяющихся форм жизни человека, способа реализации ожиданий и насущных потребностей, сплава субъективных мотивов, конкретных действий и их объективных следствий. «Ускользающая реальность» повседневности[8] стано-

---

[7] Оба направления социальной философии развивались параллельно; их сторонники с большим интересом и уважением относились к трудам друг друга, черпая в них вдохновение. Примерно в то же время обрела широкое признание и школа «новой исторической науки» (школа «Анналов»), ориентированная на реконструкцию истории через описание устойчивых социальных и экономических практик, представлений и верований людей, характеристику повседневности. Особенно близок к структуралистам был Ф. Бродель с его интересом к географическим особенностям организации жизни общества, стремлением «вплести» повседневность в сложную систему макроэкономических отношений (Бродель, 2013).

[8] Как пишет Б. Вальденфельс, повседневность «разлита» повсюду, во всех слоях общества и потому «ускользает», как будто отсутствует (Вальденфельс, 1991).

вится доступной для параметризации, что открывает возможность выявления роли различных процессов и факторов в производстве и воспроизводстве социальной жизни.

Несмотря на более позднюю критику структуралистов за недоучет субъективных факторов, претензии на целостность и универсальность подходов, приоритет, отдаваемый функции, а не человеку, их идеи оказали значительное влияние на пограничные исследования. Граница — это одно из немногих мест, где государственная политика и жизненная рутина «маленького человека» тесно переплетены, а повседневность становится результирующей деятельности разноуровневых социальных систем — от государства и общества в целом до приграничных сообществ или трансграничных объединений. Будучи частью проекта государственного строительства, границы становятся фактом личной жизни приграничного населения. В то же время идея государственного суверенитета (власти), представления о дружественности или враждебности «соседа», чужих успехах и своих неудачах (или наоборот) глубоко инкорпорированы в его восприятие окружающего мира (Ghosh, 2011). В результате повседневная жизнь приграничных сообществ оказывается подверженной внешнему и внутреннему влиянию, становится индикатором стабильности государства и легитимности его территориальных прав в глазах населения (Bhan, 2008; Pfoser, 2015).

«*Граница* — пишет Р. Эшли, — *всегда находится в процессе маркирования («помечания»), трансгрессии (нарушения), стирания и восстановления. Вопросы, которыми мы задаемся, начинаются со слов «что» и «где»: «Где проходит граница?» или «Что является ее маркером?», а точнее было бы начинать со слова «как». Как, посредством каких социальных практик, апелляции к каким культурным ресурсам и сопротивления чему границы конституируются и ритуализируются?*» (Ashley, 1989, с. 311). Немногим раньше в том же ключе границу рассматривали Ф. Барт и его единомышленники (Этнические группы..., 2006). В этом контексте становится понятен интерес исследователей к деконструкции политических и обыденных дискурсов в отношении границы (Ó Tuathail, Agnew, 1992; Newman, Paasi, 1998; Paasi, 1996), выявлению противоречий между действиями, порожденными дискурсом об укреплении и безопасности границ (boundary-producing practices), и ростом числа лиц, пересекающих границы, благодаря повышению уровня их «прозрачности» (Berg, 2000; Pfoser, 2015).

Нередки случаи, когда процессы размежевания разделенных государственными границами территорий (*re-bordering*) и их «сшивания» (*de-bordering*) идут параллельно. А. Пааси обращает внимание на сочетание практик, усиливающих барьерность границ и подчеркивающих национальный суверенитет, с практиками транснациональных взаимодействий, направленных на согласование интересов разных сторон и создание зон сотрудничества (Paasi, Prokkola, 2008). Неоднозначность процессов, идущих на границе, когда соперничество принуждает к сотрудничеству, а сотрудничество происходит «поверх барьеров» (Вендина, Колосов, 2007; Бражалович и др., 2017), заставляет погружаться в повседневность, изучать детали, причины пересечения границы, трудовые миграции, практики шопинга, досуга и пр.

Мы исходим из того, что повседневность не просто фиксирует инаковость или сходство жизни людей, проживающих вблизи государственной границы, а позволяет понять причины формирования различных социокультурных пространств и дифференциации российского пограничья в целом.

В связи со спецификой предмета и отсутствием официальных данных (открытая ведомственная статистика не выделяет жителей приграничья из всего потока граждан, пересекающих государственную границу) использование каких-либо количественных оценок при изучении повседневности затруднено. Поэтому мы можем говорить только о наличии на данном участке границы явления в целом или о приблизительных оценках пограничников или местных жителей.

Изучение мотивов и факторов трансграничных практик опирается на обширные материалы полевых исследований, собранные авторами в период с 2010 по 2017 гг. в приграничных регионах России и сопредельных стран[9]. Основными источниками информации стали экспертные

---

[9] Исследования проводились в городах, расположенных по обе стороны от российской границы с:

— Финляндией: *Петрозаводск, Сортавала, Выборг, Светлогорск; Лаппеенранта, Йоэнсуу, Иматра*;

— Польшей: *Калининград, Светогорск; Гданьск, Эльблонг, Гдыня, Сопот*;

— Эстонией: *Ивангород, Гдов, Псков, Печоры; Нарва, Выру*;

— Латвией: *Пыталово и Себеж*;

— Литвой: *Советск*;

— Белоруссией: *Невель, Смоленск, Клинцы, Новозыбков; Гомель, Добруш*;

интервью (суммарно около 600) с представителями местной исполнительной власти, научно-образовательной и культурной элиты, журналистами, сотрудниками таможенных служб, внешнеполитических ведомств и консульств, некоммерческих организаций, а также многочисленные беседы с местными жителями, которые часто пересекают границу в процессе исполнения своих служебных обязанностей (таксисты, работники гостиниц, предприниматели), по хозяйственно-бытовым делам, для проведения досуга и иных видов повседневной деятельности.

Интервью проводилось по единому гайду, включающему порядка 20 вопросов, сгруппированных в следующие блоки: 1) восприятие и роль границ в жизни региона и респондента; 2) взаимодействия с соседями (интенсивность, цели, характер, особенности, имидж соседа); 3) трансграничный регион (признаки и стадии формирования). Кроме того, в ряде случаев были добавлены специальные вопросы, касающиеся специфики приграничного региона (например, про эксклавность в Калининградской области и т.д.). Основное внимание уделялось следующим вопросам: 1) трансграничные потоки людей: объемы и динамика; 2) направления движения; 3) социальный портрет пересекающих границу; 4) цели и причины поездок; 5) стимулы и препятствия для поездок, механизмы разрешения возникающих проблем; 6) логистические схемы; 7) контрабанда и теневой бизнес на границе; 8) приграничное сотрудничество и вовлеченность в него местного населения; 9) локальные аттракторы; 11) отношение к соседям, мифы и стереотипы; 11) влияние трансграничных связей на характер и ритм местной жизни.

Информация о трансграничных практиках населения была собрана из открытых интернет-источников и дополнена полевыми наблюдениями. В ходе посещения городских общественных мест и пространств (торговые объекты, бензоколонки, аптеки, кафе, музеи), а также при пересечении границы авторы следили за потоками автомобилей, поведением и интересами жителей пограничья. Большое значение авторы

— Украиной: *Стародуб, Почеп, Новозыбков, Рыльск, Суджа, Грайворон, Белгород, Ростов-на-Дону, Донецк, Симферополь; Джанкой, Чернигов, Новгород-Северский, Глухов, Белополье, Сумы, Ахтырка, Харьков, и др.*;

— государствами Южного Кавказа: *Махачкала, Дербент, Владикавказ, Нальчик, Степанцминда*;

— Казахстаном: *Оренбург, Соль-Илецк, Черлак, Омск, Барнаул; Уральск, Павлодар*;

— Китаем: *Благовещенск, Хабаровск, Владивосток; Хейхэ, Хуньчунь.*

отводили визуальным и маршрутным наблюдениям. Особое внимание уделялось элементам городской среды, символическому ландшафту, предлагаемым товарам и услугам, уличным вывескам, рекламе и т.д.

Собранная информация была систематизирована по мотивам пересечения границы соседнего государства, таких как трудовая деятельность, покупка продовольственных и других потребительских товаров, покупка топлива, получение услуг (в том числе медицинских и образовательных), посещение друзей и родственников, удовлетворение досуговых и религиозных потребностей. Выбор в пользу практик и мотивов пересечения границы обусловлен, во-первых, стремлением более четко разделить разные сферы деятельности человека — труд, быт, отдых, и др., поскольку одни и те же социальные потребности (например, мобильность или солидарность) могут удовлетворяться как в процессе труда, так и отдыха. Во-вторых, граница, являясь одновременно ограничителем и стимулом для развития контактов, по-разному влияет на граждан «своего» и соседнего государства (табл. 5).

Важно помнить, что рассуждения о влиянии границы на повседневную жизнь не всегда можно вести в однозначных терминах ограничений или возможностей, поскольку именно их сплав создает специфические условия трансграничной деятельности, определяя проблемы, нуждающиеся в разрешении. Наглядный пример — реализация в приграничных районах совместных проектов с участием обеих сторон. Их инициаторы и активные участники являются несомненными бенефициарами пограничной открытости, извлекая из этого как финансовые, так и моральные дивиденды. Однако сама потребность в такого рода деятельности не возникла бы, если бы не было проблем и ограничений, порожденных границами.

Выполняя функции фильтра, препятствующего в идеале распространению нелегальных практик (миграции, криминал, контрабанда, и пр.), границы одновременно несут в себе риски периферизации, изоляции и милитаризации приграничных регионов. В России и некоторых граничащих с ней странах (Финляндия, Литва) введены пограничные зоны, в пределах которых ограничено свободное передвижение людей и их хозяйственная деятельность. Приграничные зоны, как правило, закрыты для иностранцев. Это сильно затрудняет реализацию трансграничных проектов. Например, под большим вопросом находится использование знаменитой Ромынтенской (Ромницкой) пущи в Кали-

Таблица 5.

Возможности и ограничения повседневной жизни в приграничье

Основные сферы повседневной жизни	Граница как институт для «своих»		Граница как институт для «других»	
	Ограничения	Возможности	Ограничения	Возможности
Работа и учеба	Пограничный режим делает приграничные рынки труда и знаний менее открытыми, затрудняя взаимодействия, экономические и профессиональные связи. Зоны влияния городов локализуются, что препятствует инновационной деятельности и диффузии инноваций, потенциал развития туризма падает.	Возникают новые возможности трудоустройства, связанные с обслуживанием границы (пограничная, таможенная и другие службы, логистика), институты границы создают дополнительный спрос на товары и услуги, туристический потенциал региона. Поликультурный состав населения создает дополнительные возможности развития в сфере культуры и образования.	Затрудняется формирование общего рынка труда, обмен трудовыми ресурсами и специалистами, трансфер опыта и знаний.	Относительная доступность формального и неформального рынка труда РФ, использование в свою пользу экономических, нормативных и др. различий в ведении бизнеса; выполнение посреднических функций, организация трансграничного бизнеса, привлечение внешних инвестиций, повышение туристического потенциала за счет использования ресурсов двух стран и привлекательности для туристов самой границы.

Потребление и организация быта	Дополнительные издержки в связи с необходимостью тратить время и средства на оформление виз и пересечение границы.	Компенсация неустроенности повседневной жизни «дома» за счет использования возможностей потребительского рынка за границей. Потребление контрабандных товаров по более низким ценам. Стимулирование развития локальной сферы услуг неустойчивостью перенося потребления за рубеж из-за волатильности валют и изменчивости геополитической ситуации. Перенос полюбившихся образцов и моделей потребления на свою сторону. Стимулирование не только товарного рынка, но и рынка недвижимости.	Дополнительные издержки в связи с необходимостью тратить время и средства на оформление виз и пересечение границы.	Доступ к рынку товаров и услуг. Потребление контрабандных товаров по более низким ценам. Стимулирование не только товарного рынка, но и рынка недвижимости.
Отдых и прочая досуговая активность	Ограничения мобильности, накладываемые обеими сторонами, рост издержек на отдых в связи с необходимостью пересечения границы.	Привлекательность и доступность зарубежного туризма, особенно тех форм, где отечественные компании не могут предложить желаемого уровня сервиса. Возможность специализированного туризма: охоты, рыбалки, и пр.	Ограничения мобильности, накладываемые обеими сторонами, рост издержек на отдых в связи с необходимостью пересечения границы.	Дополнительные возможности досуга и развлечений при минимизации издержек. Ностальгический и шопинг-туризм.

нинградской области на границе с Польшей как потенциального объекта трансграничного туризма. Такая же проблема стоит в случае Виштынецкого озера на границе с Литвой (проект кластера «Европейский Байкал»), а также строительства велодорожек «от косы до косы» на разделенной границей Куршской и Балтийской косах. Из-за значительной глубины пограничной зоны (до 25 км) в Амурской области и Еврейской АО берега многих рек, в том числе Амура, Уссури и Аргуни, оказались недоступными для местного населения.

Несмотря на, казалось бы, очевидные неудобства пограничных зон, многие местные жители высказываются за их сохранение. Например, в Карелии населению приграничья кажется, что ограничение свободы передвижения обеспечивает безопасность их имущества: владельцам дач не приходится тратиться на охрану. Экологи видят преимущества в том, что погранзоны способствуют восстановлению и сохранению природы.

Другое существенное соображение касается несводимости характеристики повседневной жизни приграничного населения только к социальным практикам. Чтобы объяснить различия, возникающие на разных участках российской границы, необходимо учитывать плотность населения, характер и интенсивность экономической жизни, наличие или отсутствие крупных городов, транспортных магистралей и инфраструктуры, разницу не только в ценах, но и правилах ведения бизнеса. Все это сильно влияет на ожидания и поведение людей, на их мотивы к пересечению российской границы (табл. 6).

Структура мотивов пересечения границы заметно различается на «старых» границах, унаследованных от Советского Союза, и «новых», образовавшихся после его распада. Цели выезда россиян в страны ЕС, Китай и Монголию — преимущественно потребление и развлечения, а въезда в Россию из этих стран — покупка продуктов, отдельных товаров и бензина. В постсоветском пограничье доминируют родственные и дружеские связи. Но на этом симметрия заканчивается. Важными мотивами поездок в Россию из бывших республик СССР являются поиск заработков, более качественные медицинские услуги, образование, покупка бензина, развлечения и паломничество. А жители российского пограничья выезжают главным образом на более дешевые рынки, как правило, учитывающие потребности россиян.

Таблица 6.

Мотивы и направления повседневных приграничных потоков населения в российском пограничье

Сектора российского пограничья	Мотивы повседневных заграничных поездок															
	Из России								В Россию							
	1	2	3	4	5	6	7	8	8	7	6	5	4	3	2	1
Норвежский																
Финский																
Эстонский																
Латвийский																
Литовский																
Польский																
Белорусский																
Украинский																
Абхазский																
Грузинский																
Югоосетинский																
Азербайджанский																
Казахстанский																
Монгольский																
Китайский																
Северокорейский																

Условные обозначения: 1) трудовая деятельность; 2) образовательные услуги, 3) медицинские услуги, 4) покупка продовольственных и других потребительских товаров; 5) покупка топлива; 6) досуг и развлекательные услуги; 7) паломничество, 8) родственные и дружеские связи.

Источник: Составлено авторами на основе экспертных оценок и экспедиционных наблюдений.

Важно подчеркнуть, что прямой связи между разнообразием мотивов пересечения границы и интенсивностью трансграничных потоков нет. Так, на участках границы с Финляндией, Абхазией, Польшей и Украиной местное население активно участвует в таких видах транс-

граничной деятельности, как шопинг, проведение досуга и посещение родственников, создавая заметные потоки, а с Латвией, Литвой и Эстонией при той же структуре поездок потоки сравнительно невелики. В то же время активный въезд поляков в Калининградскую область до отмены режима МПП мотивировался главным образом более дешевым бензином. Заправив на российской стороне полный бак автомобиля в выходной день, жителю польского пограничья можно было не заботиться об этом всю следующую неделю.

Пространственное неравенство как стимул пересечения границы

Одна из характерных черт пограничья — периферийность и удаленность от центров с развитым рынком услуг. При этом географическая конфигурация пространства такова, что ближайший крупный город может находиться за границей. Например, для жителей ряда приграничных районов Смоленской области удобнее и быстрее добраться до Витебска или Могилева, чем до Смоленска, а Брянской — до Гомеля. В Калининградской области такую альтернативу составляют центры ближайших польских воеводств, а в Псковской — латвийских краев. Жителям приграничья Западно-Казахстанской области удобнее ехать в Оренбург или Самару, а Атырауской — в Астрахань. Это, конечно, неудобно, но может оказаться намного менее затратным по времени и стоимости, чем решать возникшие проблемы в своей стране. Пересечение границы становится способом компенсации издержек периферийности благодаря использованию инфраструктуры соседей.

Наиболее ярко это проявляется на примере медицинских услуг. Как правило, услуги высокого уровня, особенно в сфере кардиологии, хирургии, эндопротезирования и стоматологии, трудно получить в средних и малых приграничных городах. Их жители стоят перед выбором: куда обратиться — в медицинское учреждение, расположенное в областном центре, или в зарубежное. Ответ зависит от многих причин, в том числе внутренних страхов и опасений, но так или иначе жители Калининградской, Смоленской и Псковской областей освоили практику медицинского обслуживания в приграничных центрах Белоруссии, Эстонии, Латвии, Польши. Здесь даже появился термин «родильный туризм». Другая разновидность медицинского туризма — стоматологическая. Она получила развитие на границах с Китаем, где цены

на услуги стоматологов ниже, качество обслуживания выше, а предприимчивые жители китайского пограничья организовали сопутствующий сервис переводчиков и размещения. На российско-казахстанской границе за медицинскими услугами (роды, операции на открытом сердце, диагностика и лечение онкологических заболеваний) едут в Россию. Только в Центре микрохирургии глаза в Оренбурге ежегодно оперируют около 4 тыс. граждан Казахстана.

Граждане России активно осваивают и возможности получения образования в соседних европейских, а в последнее время и китайских университетах (Ларин, 2012). Вузы по другую сторону границы привлекают близостью к дому и более умеренной платой за обучение. Предлагая с точки зрения местных жителей хорошее образование, они вполне конкурентоспособны по сравнению с российскими университетами. Их преимущества: а) близость к дому (возможность часто посещать родителей); б) доступная стоимость образования и проживания студента; в) менее высокие требования на вступительных экзаменах. По мнению некоторых экспертов, такой выбор — это удел выпускников со слабым аттестатом и детей из семей с невысоким заработком (Ларин, 2009).

Но есть и другие мотивы. Например, карельские абитуриенты все чаще поступают в университеты Куопио, Миккели, Лаппеенранты, Иматры и Йоэнсуу, а калининградцы выбирают вузы Гданьска и Сопота, а не Калининграда. Это явление не имеет массового характера, но все-таки отчетливо маркирует приграничье. Как показали наши опросы студентов в Калининграде, Гданьске и Клайпеде[10], их стремление переехать в другую страну вызвано не переживаемыми трудностями и плохими перспективами в своей стране, а ожиданиями найти впоследствии высокооплачиваемую и интересную работу по специальности там, где кажется, что она есть у всех (Вендина, 2015). Обучение в университетах стран ЕС — первый шаг на этом пути. Диплом, признаваемый в западных странах, воспринимается как стартовое условие успешной карьеры.

В российско-казахстанском и российско-белорусском пограничье ситуация обратная. Казахстанцы и белорусы традиционно едут учиться в соседние российские города (Омск, Оренбург, Смоленск). В трех

[10] При деятельной поддержке проф. Г.М. Федорова (БФУ им. И. Канта), проф. Т Пальмовского и проф. Я Вендта (Гданьский университет), д-ра Э Спиряеваса (Клайпедский университет).

ведущих вузах Смоленска учится более полутора тысяч граждан Белоруссии, из них 70% приехали из Витебской и 20% — из Могилевской областей. По данным местных экспертов, в Оренбургском университете учится более тысячи студентов из Казахстана. Обучение детей в крупных центрах соседней страны становится одной из многоцелевых и долговременных жизненных стратегий населения.

Особенности повседневной жизни в пограничье часто определяются такими независящими от людей факторами, как соседство крупных городов и периферийных районов, близость основных транспортных магистралей. Соседство Харькова — второго по величине города Украины — с сельскими районами российского Черноземья долгое время определяло асимметрию взаимодействий на границе Харьковской и Белгородской областей (Заяц и др., 2017).

Свойства пространства предопределяют и практики на внутренних границах ЕАЭС. Формально здесь созданы условия для единого трансграничного рынка труда, и граждане соседних государств могут устраиваться на работу без патентов. В действительности же местным жителям выгоднее ехать на заработки в Москву, Минск или другие крупнейшие города, чем в соседние периферийные районы с невысоким уровнем зарплат.

Описанные факты подводят к фундаментальному выводу: отсутствие стимулов для пересечения границы может быть гораздо важнее препятствий, с которыми люди сталкиваются при преодолении государственных границ. Снятие пограничных барьеров при слабых стимулах их преодоления ничего не меняет, тогда как наличие сильных стимулов заставляет включать фактор границы в число неизбежных социальных издержек, возникающих на пути достижения поставленной цели.

Смягчение пограничного режима на российских границах, особенно введение режима МПП на некоторых ее диадах и облегчение процедуры выдачи виз, открыло для жителей приграничных районов новые возможности заработков — от трудоустройства на крупные предприятия за границей (Колосов, 2016) до мелкой контрабанды, обеспечивающей самозанятость населения (Зотова, Себенцов, Головина, 2015а).

На границе Финляндии и Карелии благодаря различиям в ресурсной обеспеченности и условиях хозяйственной деятельности возник трансграничный комплекс производств, включающий заготовку леса

на российской стороне и его переработку на финской. Хотя такое сотрудничество имеет асимметричный характер, оно создало рабочие места в периферийных районах Карелии и глубоко повлияло на экономику и социальную жизнь республики.

Помимо занятости в производственном секторе, основные сферы приложения труда в пограничье — торговля и сфера услуг. Прямо ориентированные на конечное потребление людей и очевидно выгодные для обеих сторон, они, тем не менее, играют совершенно разную роль в их жизни. Для одних — это рынок труда, а для других — потребления.

Самый яркий пример — российская граница с Китаем. В Китае приграничная торговля прошла несколько этапов — от стихийной самоорганизации до развития в преференциальных условиях правительственной программы создания «приграничного пояса открытости», предполагающего улучшение положения окраинных и потому наиболее отсталых городов и уездов за счет приграничной торговли (Рыжова, 2008). Действительно, благодаря этой политике, в приграничных городах, таких как Хэйхэ, Маньчжурия, Суйфэньхэ, Фуюань и др., многократно увеличилось население, выросли его доходы и принципиально изменилась структура экономики. В России подход был принципиально иным. В приграничной торговле видели предпосылки «расцвета» неформальной экономики, опасного ослабления миграционного контроля, отвлечение платежей и налогов из центрального бюджета (Рыжова, 2013; Михайленко, 2012).

Результирующая совокупного действия бытового восприятия и официально проводимой политики в пользу или против приграничной торговли — кардинальная разница в повседневной жизни приграничного населения и ее материальном обустройстве. Этот контраст многократно описан при сопоставлении Благовещенска и Хэйхэ. Последний из скромного провинциального городка превратился в яркую витрину Китая и, подобно Лас-Вегасу, манит россиян огнями ночной подсветки (Рыжова, 2003; Симутина, Рыжова, 2007). Можно наблюдать этот контраст и на границах с Польшей и Финляндией, встречающих потоки людей из России многочисленными супермаркетами, кафе и прочими заведениями, предоставляющими услуги. В небольшом городке Бранево периферийного Варминско-Мазурского воеводства Польши рядом с границей выросли гипермаркеты Biedronka и Intermarché, а в Ольштыне был даже построен новый

международный терминал аэропорта с учетом потребностей жителей Калининграда.

Помимо вполне легальных форм организации труда и повседневной жизни, в пограничье широко распространены и неформальные виды деятельности — челночная торговля и теневой бизнес: поставка дешевой ликероводочной и кондитерской продукции из Казахстана, серые схемы экспорта леса в Китай, теневая продажа морепродуктов на Дальнем Востоке, сигарет из Калининграда в Польшу, ввоз подержанных машин из ЕС и Японии, практиковавшийся до 2009 г. в силу низких ввозных пошлин. Среди поставщиков «кругляка» в Китай из Читинской области немало сельских жителей пограничья. Безработные или получающие мизерные зарплаты, они на мотоциклах вывозят на лесоприемный пункт по одному-два бревна, чтобы получить пару тысяч рублей (Янков, 2010).

Нанося заметный ущерб экономике приграничных регионов и подрывая деятельность некоторых местных предприятий, особенно в пищевой промышленности, теневой бизнес — источник доходов значительной части местного населения. Это не только личная «подушка безопасности», но и фактор социально-экономической стабильности приграничных районов, обеспечения самозанятости населения и поддержания привычного уровня жизни. Все это заставляет местную администрацию смотреть сквозь пальцы на то, что недопустимо с точки зрения региональных или федеральных властей.

Эти соображения касаются и многочисленных посреднических услуг по оформлению различных документов, в том числе международных страховок, необходимых для пребывания в соседней стране; консультационных и юридических услуг по открытию бизнеса предпринимателями; услуг переводчиков, особенно на российско-китайской границе; риэлтеров при покупке недвижимости, преимущественно в Финляндии и Эстонии.

Жизнь у границы заметно меняет характер потребления местных жителей. Разница в ценах дает возможность экономить, а богатство выбора повышает удовлетворенность жизнью. Потребительский туризм стал одним из самых популярных мотивов пересечения границы, особенно на границах России со странами ЕС и Китаем. Покупаемые в Европе товары, по мнению местных жителей, обладают более высокими потребительскими свойствами, чем их российские аналоги. Так, на

российско-финской границе вам расскажут, что финский «Fairy» моет посуду гораздо лучше продаваемого в России, а продающийся в Финляндии Nescafé невозможно сравнить по вкусу с тем, что доступен в России. В Калининградской области уверены, что сосиски из польского дискаунтера содержат больше мяса, чем купленные в местном магазине. В отличие от россиян, которым европейская продукция кажется лучше отечественной, финны и поляки не верят в качество российских продуктов (молока, мяса), и даже разница в ценах не приводит к росту потребительского спроса с их стороны.

Направление трансграничных потоков за покупками сильно зависит от экономической конъюнктуры и колебаний курса валют. Если до 2014 г., ознаменовавшегося не только украинским кризисом, но и падением цен на нефть, а следом курса рубля, отовариваться за границу ездили преимущественно россияне, то в конце 2014 г. произошел временный резкий рост потока в Россию из многих соседних стран, прежде всего, Китая, Казахстана, Белоруссии, Азербайджана и стран Балтии. В Благовещенске число китайских шопинг-туристов возросло за первые два месяца 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2014 г. на 340%. Одновременно поток жителей российского приграничья в соседние регионы ЕС и Китая заметно сократился. Однако сформировавшаяся устойчивая привычка к потреблению за рубежом взяла свое. Даже отмена польской стороной в июле 2016 г. режима МПП, которая означала для россиян рост трудностей с оформлением виз, а для поляков — падение покупательского спроса в приграничных супермаркетах, не привела к кардинальному изменению ситуации. Расходы калининградцев в магазинах по другую сторону границы в третьем квартале 2016 г. сократились всего на 15,3% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. (Razowski, 2017). В то же время число поляков, приезжающих за бензином в Калининградскую область, резко уменьшилось — наглядное свидетельство того, что сильные мотивы стимулируют преодоление препятствий, а не очень сильные — поиск альтернатив.

Однако не только выгодные покупки определяют привычку россиян выезжать в соседнюю страну, но и возможность сменить обстановку. «Развлекающийся покупатель» или «отдыхающий покупатель», совмещающий сразу несколько целей поездки — распространенное в пограничье явление (Van der Velde, Spierings, 2008; Бредникова, Воронков, 1999). Такая модель поведения диктуется стремлением оптимизировать затраты свободного времени.

Экономические мотивы в пользу совмещения покупок и отдыха могут принципиально различаться по разные стороны границы. Так, испытывая потребность в смене обстановки, россияне едут в Финляндию или Польшу скорее тратить, а финны или поляки — скорее экономить, учитывая значительную разницу в стоимости сервиса (Izotov, Laine, 2012). На российско-казахстанской границе соображения экономии становятся более существенными для россиян, как и на российско-китайской. Эти различия в поведении, а также сам облик «гуляющих» людей, тратящих деньги «на безделушки» или считающих копейки, рождают негативные этностереотипы у жителей пограничья. Они транслируются затем всем остальным, примерно так же, как любекский трактирщик, о котором упоминалось вначале, рассказывал маркизу де Кюстину о России, в которой он никогда не бывал, глядя на своих русских посетителей.

Отсутствие адекватных знаний о соседней стране укрепляет клише, въевшиеся в общественное сознание, что становится серьезным препятствием для взаимодействий. Например, многие студенты Гданьска ассоциируют Россию с *водкой, холодом, ГУЛАГом, экскурсиями по польским магазинам*, и пр. (Колосов, Вендина, 2014). Похожую предвзятость можно встретить в финском и норвежском пограничье (Laine, 2016). На российско-китайской границе не менее ярко проявляется глубоко укорененный взаимный страх — китайцев перед «угрозой с севера» и россиян перед «желтой опасностью» (Ларин, 2008).

Однако парадокс приграничной жизни состоит в том, что слабое знакомство с соседом при наличии возможности увидеть все своими глазами рождает любопытство и подталкивает к поездке за границу (Andersen, 2013). Так, на российско-китайской границе взаимный интерес друг к другу подогревается экзотичностью культуры соседней страны, а на границах с ЕС — регионом в меру знакомым и одновременно неизвестеным — работает сочетание факторов. Жители Карелии, Калининградской и Ленинградской областей охотно отдыхают на Балтийском побережье Польши, пользуются возможностями сельского туризма в Варминско-Мазурском воеводстве, аквапарков и спа-центров в Финляндии.

Трансграничный стиль жизни: не слишком свои и не слишком чужие

Знакомая среда — важнейшая составляющая повседневной жизни, отсутствие которой не позволяет характеризовать даже самые обычные действия человека в другой стране как повседневность. Опыт первой поездки за границу — это всегда стресс, связанный с множеством открытий: другой язык, другие деньги, неизвестные товары, незнакомые правила поведения. Но по мере повторения эксперимента приходит узнавание, культурный шок проходит, человек начинает искать что-то еще незнакомое, чувствуя себя за рубежом одновременно дома и не дома. Визуальные и социокультурные различия перестают восприниматься с тревогой, ощущения окрашиваются в позитивные тона, а поездка за границу становится безопасным приключением, вроде выезда «на природу» или турпохода (Van der Velde, Spierings, 2008; Houtum H. van , van der Velde, 2004).

Этому способствует и маркетинговая политика, ориентированная на привлечение покупателей из другой страны и создания для них психологического комфорта. В магазинах и ресторанах Гданьска, Гдыни и Эльблонга (Польша), Йоэнсуу, Лаппеенранты и Иматры (Финляндия), Хэйхэ и Суйфэньхэ (Китай) обязательными атрибутами стали вывески, меню, реклама на русском языке, работают русскоязычные служащие. На главной торговой улице Хэйхэ установлен памятник А.С. Пушкину, самые популярные рестораны называются по-русски — «Музыка» и «Березка», а косметические салоны носят женские славянские имена. В Варминско-Мазурском и Поморском воеводствах Польши появилась программа сертификации «Russian Friendly: здравствуйте!», объединяющая объекты, подготовленные к обслуживанию русскоязычных туристов.

Происходит и спонтанное общение с носителями другого языка на улицах, рынках, в транспорте, кафе и магазинах. Оно приводит к освоению отдельных иностранных слов, облегчающих взаимопонимание, и формированию локальных «пиджинов», обеспечивающих контакт при незнании (или слабом знании) языков друг друга и отсутствии мотивации к их изучению. Показательны русско-китайские, русско-казахские (Герасименко, Филимонова, 2011), русско-норвежские и прочие смеси. В Приамурье русско-китайский «пиджин» имел широкое рас-

пространение вплоть до 1930-х гг., затем был практически забыт и вновь стал восстанавливаться с 1990-х гг. (Оглезнева, 2011).

В случае этнокультурной контрастности границы реализуется иной сценарий: ориентация на соседнюю страну, интенсификация контактов и реализация совместных проектов стимулируют необходимость полноценного изучения языка партнера. Востребованность преподавателей иностранных языков растет, их изучение перемещается с улицы, где происходит спонтанное общение с носителями языка, в образовательные учреждения (школы, университеты, курсы). Языковая компетентность становится условием успешной карьеры. Этот процесс происходит практически вдоль всей линии российской границы с обеих ее сторон. Исключением, пожалуй, являются только российско-белорусское и российско-украинское пограничье, где доминирование русского языка в повседневной жизни препятствуют повышению статуса языка соседей.

Постепенное освоение повседневных практик, распространенных в соседней стране, и накопление знаний о них приводит к их «присвоению», формированию внутреннего запроса на то, чтобы собственная жизнь была не хуже, чем «у людей». Возникает демонстрационный эффект — заразительное влияние другого образа жизни и способа потребления, которые оцениваются как более современные и привлекательные. Из интервью в Калининградской области:

> *«Люди едут в Польшу за свои деньги, а мы получаем больше людей, которые проникаются некими элементами европейской жизни. Люди больше стали видеть, как может выглядеть другая жизнь, напрямую это не экстраполируется, но ... показывает им, что может быть иначе» (*предприниматель, 48 лет, Калининград, 2013 г.*).*

Такое воздействие вначале сказывается на поведении отдельных людей, меняя стандарты их потребления и привычки — от еды и одежды до досуга и здорового образа жизни (яркий пример — массовое распространение бега трусцой и городского велосипеда), затем проникает в бизнес и сервис (кафе, фестивали, магазины) и, наконец, городскую политику и благоустройство. Приграничные районы втягиваются в постоянный диалог, заимствуя друг у друга отдельные черты организации городской среды через обоюдный процесс имитации и дифференциации (Бийе, 2014).

Так, в Благовещенске по примеру китайских соседей обустроили часть набережной, осветили здания и стали использовать громкую музыку в общественных местах. В Хэйхэ появилась городская скульптура — элемент городской среды, привычный для россиян, но необычный для китайских городов. В Карелии получила распространение культура возведения качественного индивидуального жилья. В Ивангороде по примеру соседней Нарвы развивается велосипедный туризм, организован прокат велосипедов, созданы велодорожки. Город встраивается в единую систему велосипедных туристических маршрутов «Via Hanseatica», который соединяет Санкт-Петербург, Нарву/Ивангород, Тарту, Валгу/Валку, Валмиеру и Сигулду. В приграничных городах Польши увеличили время работы кафе и ресторанов.

Влияние соседа проявляется и в осознании выгодности культурных репрезентаций для развития и поддержания внутреннего туризма. Псевдоэтнографический бизнес позволяет достигнуть сразу нескольких целей: 1) повысить привлекательность места за счет его отличительности, 2) реанимировать остатки культурного наследия благодаря реконструированию тех народных (фольклорных) традиций, которые способны вызвать позитивные эмоции у потенциальных клиентов (ностальгическую грусть или веселость), и 3) создать возможность побывать «за границей» для тех, у кого недостаточно средств или смелости. Китайский Хэйхэ, известный в Китае как «окно в Европу», привлекает китайских туристов возможностью «посетить» Россию и обзавестись русскими сувенирами, не пересекая границу и не получая заграничного паспорта (Бийе, 2014).

* * *

При всем различии экономико-географических, социальных и этнокультурных характеристик разных сегментов российской границы и разнообразии образа жизни приграничного населения можно выделить несколько типов социальных практик, сочетание которых определяет многообразие сценариев повседневности. Во-первых, практики, основанные главным образом на значительной разнице цен на товары и услуги и зависящие от общей конъюнктуры рынка. Они особенно характерны для пограничья с Китаем. Во-вторых, практики, возникшие на контрастных в социально-экономическом отношении границах и компенсирующие «отставание» одного из со-

седей. Они во многом определяются общественными представлениями и меньше зависят от конъюнктуры. Наибольшее развитие они получили на границах России с ЕС, Белоруссией и Казахстаном. В-третьих, практики, основанные на родственных и дружеских связях, профессиональных контактах, характерные для участков постсоветского пограничья.

Поколения, которые связывало общее советское прошлое, учеба в университетах и работа на предприятиях, утрачивают свои консолидированные позиции и сходят со сцены. Их наследники движимы другими мотивами и интересами, придерживаются иных эмоциональных и прагматических ориентиров. Однако и этот тип трансграничных взаимодействий сохраняет свое значение благодаря смешанным бракам и новым волнам миграций в соседние страны. Наиболее устойчивы практики, компенсирующие дефицит качественных услуг и создающие своеобразный симбиоз приграничных сообществ.

Ключевыми факторами, определяющими сходство моделей повседневности на разных участках российской границы, являются: 1) социально-экономические различия между соседними территориями; 2) особенности территориальной организации и плотность хозяйственной жизни; 3) мотивы и стимулы пересечения границы; 4) знание соседней страны, культурная дистанция и господствующие в общественном сознании представления. Эти факторы непосредственно влияют на пространственную конфигурацию трансграничных связей. Их территориальная глубина зависит в первую очередь от плотности экономической жизни и инфраструктуры (вклейка, рис. 23–25). Несмотря на значительную вариативность, можно отметить расширение контактной зоны приграничья при движении с северо-запада на восток. Если в Европейской части России приграничными кажутся населенные пункты, расположенные не далее 25 км от границы, то в Сибири и на Дальнем Востоке вчетверо большие расстояния не являются ограничителем для повседневных трансграничных перемещений.

Другой важный вывод касается двойственности природы приграничных практик, связанных с имманентными свойствами повседневности. С одной стороны, они очень подвижны и могут быстро меняться в зависимости от международной обстановки и двусторонних отношений, состояния экономики сопредельных стран и регионов, курсов

валют, цен, таможенных пошлин, транспортных тарифов и пр., с другой — *очень устойчивы*. Они столь прочно вошли в жизнь приграничных сообществ, что люди уже не могут существовать без использования преимуществ приграничного положения, и даже существенные (но не радикальные, как в случае с Украиной) изменения режима границ не оказывают на них значительного влияния.

В целом повседневные трансграничные контакты населения, расширяя возможности реализации жизненных планов, способствуют росту удовлетворенности жизнью. Дело не только в том, что трансграничная экономика создает дополнительные источники доходов, но и в обретении людьми опыта действий в иной социальной среде, появлении интереса и доверия друг к другу, поддержании взаимовыгодных и добрососедских отношений, формировании идентичности «трансграничного жителя», которому комфортно по обе стороны границы. В результате возникает трансграничный рынок труда и потребления, общее информационное поле и социокультурное пространство жизни. Прямые контакты позволяют противостоять застарелым стереотипам, изживать предубеждения, сокращать культурную дистанцию. Позитивные политические тренды на укрепление трансграничных взаимодействий воспринимаются здесь как естественный ход дел, а кризисы и конфликты — как временное и преодолимое обстоятельство. Накопленный в предыдущие годы позитивный опыт способствует сохранению критически необходимого уровня контактов.

Часть 3.

ГРАНИЦЫ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ

Глава 3.1.

Поиск национальной идентичности и российские политические дискурсы*

Современные исследования границ все более сфокусированы на анализе их создания и трансформации в общественном сознании как «сверху», под воздействием политического дискурса при активном участии властей и социализации граждан системой образования, так и «снизу», в ходе общественной практики. Хотя действующие нормы международного права и декларируют равнозначность всех государственных границ любого возраста и генезиса, общественное сознание неизбежно дифференцирует их на «естественные» и «искусственные», «справедливые» и «несправедливые», «постоянные» и «временные». Конкретный набор коннотаций, приписываемый той или иной границе, заметно различается в зависимости от ее «возраста» и происхождения и от того, какая именно группа выступает носителем представлений. В общественном сознании обычно существуют устоявшиеся образы рубежей, которые давно не меняли статуса и положения и ассоциируются с определенными геополитическими кодами в отношениях между странами. Сдвиги и флуктуации в восприятии границ зачастую являют собой своеобразное эхо их перекройки в прошлом. Молодые границы, напротив, характеризуются отсутствием чётких когнитивных ориентиров. Возникновение новых границ — это всегда вызов

---

* В кратком изложении некоторые материалы этой главы опубликованы в: Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть I. Глядя на Запад // Полис. Политические исследования. 2018. №3. — С. 42–59.

идентичности определенных социальных и территориальных групп, сохраняющийся и по прошествии сравнительно долгого времени.

Для современной России эти вопросы стоят особенно остро: новое постсоветское пограничье широкой полосой протянулось по периферии бывшего СССР. Политический и бытовой лексикон после распада Советского Союза мгновенно наполнился цепкими пространственно детерминированными категориями: это, прежде всего, «ближнее зарубежье», консервирующее память о союзной границе как о сакральном историческом пределе российского государства, а также «постсоветское пространство», подчеркивающее целостность региона, и, как следствие, зыбкость прорезанных в нем политических рубежей. В этом же ряду стоят и понятие «соотечественники» — расплывчатое, но обладающее правовой силой. Оно охватывает, помимо прочего, широкий круг выходцев из СССР, сделавших *«свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией»*[1]. Все эти категории по сей день находятся в широком употреблении. Таким образом, геополитическая картина мира в сознании россиян по-прежнему в значительной мере завязана на символическом постсоветском «хартленде», скорее слитном, чем дробном, чье настоящее туманно, а будущее нуждается в решении.

Политический дискурс можно понимать двояко: во-первых, как набор смыслов, формирующих отношение к событиям, явлениям или объектам, основанный на определенном мировоззрении, ценностях и представлениях, и, во-вторых, как практику выстраивания политики через обсуждение событий, явлений и объектов (Фуко, 2004). В первом случае в исследовании используются подходы и методы критической геополитики, позволяющие провести деконструкцию политических заявлений. При этом выделяются наиболее существенные смыслы и выявляется дискурсивная реакция на внешние события. Политический дискурс, особенно в отражении СМИ — мощный инструмент формирования идентичности и легитимации границ как ее элемента. Во-вторых, дискурс рассматривается как зеркало общественных представлений о границах, территориях, соседях, безопасности, союзниках и исходящих из-за рубежа угрозах. На подходах критической геополитики основывается большая

---

[1] Федеральный закон от 24.05.1999 г. №99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». // Официальный интернет-портал правовой информации. Http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102059861

часть настоящей главы (Колосов, 2011). В заключение дан анализ политического языка на основе семантического анализа дискурса.

В то же время в заключительной части главы в качестве теоретической рамки анализа используется семантический подход, предложенный Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, направленный на исследование значений, то есть слов и смыслов, формирующих политический язык.

Ее цель — во-первых, рассмотреть изменение тематики и содержания постсоветского дискурса о границах на федеральном уровне. Во-вторых, проанализировать связь между важнейшими политическими проблемами, обсуждавшимися на протяжении двадцати лет, и изменениями режима и функций различных участков российских границ (*bordering*). Наконец, в-третьих, сопоставить официальный и опозиционный дискурс о границах .

Источники информации и методы анализа

Российский дискурс о проблемах соседства и границ (*bordering*) был проанализирован прежде всего путем сплошного скрининга «Независимой газеты» (НГ). Она была основана в декабре 1990 г. и позиционирует себя как «качественную» или «интеллектуальную» газету и (по крайней мере, до 2001 г.) как «газету различных мнений». Это частная газета, издающаяся ограниченным тиражом (в 2017 г. — около 40 000 экземпляров) и распространяемая в первую очередь в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах. Она служит площадкой для апробирования новых политических идей, которые становятся темами общественных дебатов, и обсуждения важнейших политических событий. Важнейшие публикации в газете известны администрации президента и правительственным учреждениям. Редакция уделяет особое внимание внешней политике, в частности отношениям между Россией и странами бывшего СССР. Редакционная политика носит в основном либеральный характер, но в газете регулярно печатаются авторы различной политической ориентации (кроме представителей наиболее радикальной части политического спектра), в том числе и те, кто выражает официальную позицию. Главные черты редакционной политики сильно не изменились, хотя хозяева газеты и ее главные редакторы дважды менялись с 1990 г.[2]

---

[2] С 2005 г. она принадлежит Константину Ремчукову — экономисту, журналисту, бизнесмену и бывшему депутату Государственной Думы. С 2007 г. он одновременно является и главным редактором.

Путем скрининга НГ была создана база данных, охватывающая, во-первых, начало постсоветского периода (1994 и 1995 гг.), когда постсоветская Россия еще находилась в поисках своего места в мире и новых союзников, стремилась определить внешние угрозы. Большинство новых границ, разделяющих постсоветское пространство, оставались прозрачными, так как еще не было ясно, какие геополитические коды будут определять отношения России с бывшими советскими республиками и каков должен быть режим и функции границ с ними.

Во-вторых, в базу данных вошли материалы, опубликованные в 2000–2003 гг. — в начале президентства В. Путина, когда отношения с «дальним» и «ближним» зарубежьем были пересмотрены и в основу российской внешней политики и геополитического видения мира положен принцип национального суверенитета — укрепления роли России как автономного центра многополярного мира. Это был период, когда сформировалось общее направление интеграционных процессов в Центральной и Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

В-третьих, база данных включает материалы, увидевшие свет в 2008–2012 гг. — в конце мандата Д. Медведева и в начале третьего президентского срока В. Путина. В эти годы Россия восстанавливала свои позиции главной региональной державы на постсоветском пространстве, в частности, в ходе острого конфликта с Грузией и «пятидневной войны» в августе 2008 года, спровоцированной попыткой этой страны разрешить конфликт с Южной Осетией с помощью военной силы. Одна из главных особенностей этого периода — возрастающее противоречие между стремлением России возглавить интеграционные процессы на части постсоветского пространства и растущей напряженностью в ее отношениях с ЕС.

Наконец, база данных охватывает период 2013–2015 гг., который ознаменовался ростом противоречий между Россией и коллективным «Западом», включая ЕС, но особенно возникновением крупнейшего со времен окончания «холодной войны» международного конфликта, вызванного государственным переворотом на Украине, последующим присоединением Крыма и гражданской войной на юго-востоке Украины.

Общее количество материалов, накопленных в базе данных, составляет 6158. Их распределение по видам публикаций (редакционные статьи, интервью, мнения авторов и т.д.) и по периодам приведено в таблице 7.

Таблица 7.

Распределение материалов по видам публикаций и дискурсивных событий, %

Газета	Дискурсивное событие (ДС)	Аналитические, редакционные статьи	Информационные сообщения	Новости, короткие заметки	Интервью, мнения
«Независимая газета»	1	27	41	10	22
	2	9	73	4	11
	3	30	58	9	3
	4	13	72	13	2
«Российская газета»	Всего	17	45	27	11
«Завтра»	Всего	50	10	2	38
«Советская Россия»	Всего	50	10	2	38
«Новая газета»	Всего	33	32	15	20

Скрининг газеты за длительный период поставил некоторые методические проблемы. Во-первых, ее полные электронные архивы доступны только после 2000 г. Более ранние выпуски имеются в цифровом виде в базе данных частного агентства «Интегрум», однако лишь в виде кратких резюме, не заменяющих полностью оригинальные тексты. Во-вторых, объем газеты значительно вырос, и теперь каждый выпуск состоит из основной части и приложения, темы которых варьируют по дням недели («Дипломатический курьер», «Сценарии», «Политика», «Религия» и «Экслибрис»). В-третьих, в 1995 г. из-за финансовых трудностей издание было приостановлено на два месяца. Наконец, последнее, но не менее важное — нельзя исключать человеческий фактор: хотя авторы старались тщательно отбирать любые публикации, имеющие хотя бы косвенное отношение к проблемам соседства и соответственно режиму и функциям границ, масштабу и структуре трансграничных потоков, подбор материалов за отдельные периоды зависел от субъективных решений. Вследствие всех этих факторов данные о распределении публикаций по темам, регионам и периодам пришлось подвергнуть нормированию.

Каждый материал получил код, обозначающий его тематические и региональные атрибуции (табл. 8). Были выделены пять широких тематических категорий, которые, в свою очередь, подразделяются на более конкретные темы: экономика, социальные проблемы, геополитика, пограничный режим и окружающая среда. Это дает возможность сортировать материалы и анализировать динамику содержания по периодам и регионам (участкам границ).

Таблица 8.

Классификация материалов, опубликованных в «Независимой газете» в 1994–2014 гг.

Тематический блок	Характеристика тематической категории	Код
Экономический блок	Трансграничные экономические связи и взаимодействия, экономические проблемы, за исключением упомянутых ниже	_econom
	Торговые войны (за исключением энергетических войн)	tradewar
	Энергетические войны, в т.ч. конфликты из-за трубопроводов	energwar
Геополитический блок	Контрабанда	_smug
	Проявления (гео)политической ориентации и принадлежности к определенному геополитическому региону	_(geo)poly
	Визовый режим	visa
	Делимитация границ, в т.ч. территориальные споры	_delim
	Демаркация границ, в т.ч. открытие / закрытие контрольных пунктов; состояние приграничной инфраструктуры	_demarc
	Национальная безопасность, вооруженные конфликты в пограничье, фильтрующие функции границ	secur
Интеграционный блок	Интеграция различных типов (политическая, экономическая и пр.)	integr
	Трансграничное региональное и местное сотрудничество различных типов (политическое, экономическое и пр.), в т.ч. создание и функционирование еврорегионов	_coop

Социокультурный блок	Трансграничные социальные связи и взаимодействия, в т.ч. миграции (легальные и нелегальные); диаспоры, трансграничные коммуникации, проблемы соотечественников за рубежом	socio
	Трансграничные культурные связи и взаимодействия, в т.ч. организация праздников и ярмарок, телемосты и т.п.	_cultur
	Положение русского языка за границей	_lang
	Прошлые изменения границ государства и административно-территориальные преобразования	_history
	«Естественные» границы наций, процессы нациестроительства	nation
Экологический блок	Трансграничные экологические проблемы и проекты их решения	_ecology

В каждом периоде было выбрано главное событие, вызвавшие длительное и напряженное обсуждение (табл. 9). В первом периоде (1994–1995) — заключение Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, которое определило формат отношений между сторонами и механизмы политического и экономического взаимодействия в различных областях. Во втором периоде (2000–2004) крупнейшим внешнеполитическим событием стало расширение НАТО и ЕС на восток. В марте 2004 г. семь стран (Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония) вступили в НАТО после осуществления национальных Планов действий, принятых в ноябре 2002 г. 1 мая 2004 г. те же страны, за исключением Болгарии и Румынии, а также Польша, Чехия, Венгрия, Словения, Словакия, Мальта и Кипр вошли в ЕС. Эти события спровоцировали долгие дискуссии об отношениях между Москвой и западным сообществом, включая вопрос о территориях исторического влияния России. Третий период (2008–2012) отмечен «пятидневной войной» между Россией и Грузией и последующим дипломатическим признанием Россией Абхазии и Южной Осетии. Эти шаги были расценены как решительная попытка России заявить о своих жизненно важных национальных интересах. На Западе они были восприняты как ответ Москвы на признание им Косова. Западные страны пытались обосновать его исключительность и коренное отличие ситуации в этом регионе от Абхазии и Южной Осетии, а Россия обвини-

Таблица 9.
Характеристика исследуемых периодов, соответствующих переломным этапам в развитии внешней политики России на пространстве бывшего СССР и эволюции восприятия россиянами постсоветских границ

Период	Дискурсивное событие	Характеристика внешней политики РФ на постсоветском пространстве	Изменение восприятия внутренних постсоветских границ
1994–1995 гг.	Подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве ЕС и РФ (1994 г.)	поиск внешнеполитических ориентиров, выявление потенциальных союзников и источников внешних угроз	сохранение общей ментальной несовокупности границ
2000–2003 гг.	Достижение договоренностей о расширении НАТО (2002 г.) и ЕС (2003 г.) на восток	переход к принципам *«равноудаленности и разноуровневой интеграции»*	первичная дифференциация границ по степени внутренней «прозрачности»
2008–2012 гг.	Пятидневная война между РФ и Грузией (2008 г.)	нарастание противоречий между проектами евразийской и европейской интеграции	ослабление барьерности одних границ при одновременном укреплении других
2013–2014 гг.	Государственный переворот в Украине и присоединение Крыма к РФ (2014 г.)	развитие полномасштабного конфликта с Западом	четкое разделение границ на линии контакта (со «своими») и линии отчуждения (с «чужими»)

ла их в применении двойных стандартов. В четвертом периоде, безусловно, главным событием стал конфликт между Россией и Западом, вызванный политическим кризисом на Украине, присоединением Крыма и гражданской войной в украинском Донбассе.

В дополнение к анализу материалов НГ рассмотрен дискурс, продвигаемый еще четырьмя газетами — «Российской газетой» — официальным правительственным изданием, «Завтра», представляющей «национально-патриотическую» часть политического спектра, «Новой газетой», выражающей взгляды современных российских «западников», и «Советской Россией», известной как неофициальное издание Коммунистической партии. Сравнение различных дискурсов дает представление о мнениях основных политических сил по наиболее актуальным вопросам, в каждом из этих периодов.

Два вектора внешней политики России и проблема границ

В соответствии с современными взглядами, режим, функции, символическое и политическое значение государственных границ постоянно меняется в зависимости от внешнеполитических событий, отношений с соседними странами, изменения мировых цен и курса валют и т.д. Поэтому темы дискурса о соседстве и границах весьма многообразны: это деятельность международных организаций; развитие проектов интеграции; концептуализация угроз национальной безопасности; динамика национальной (политической) идентичности; идентичность этнических групп, в том числе проживающих с обеих сторон границы; нарративы, касающиеся общего с соседями исторического прошлого; памятники и другие элементы символического ландшафта; представления о возможностях и ограничениях, связанных с близостью границы и т.д.

Политический дискурс по пограничным проблемам может быть структурирован по пяти следующим направлениям. Во-первых, следует различать взгляды, развиваемые чиновниками и интеллектуалами, связанными с правящими кругами, и мнение оппозиции: в случае России — либеральной, левой (в основном коммунистической) и «национал-патриотической».

Во-вторых, очевидно, что российский политический дискурс претерпел сильные изменения в течение последних двадцати лет. Имеет смысл рассматривать эти изменения не только во времени, но и опираясь на дискурс о крупных международных событиях. Значимость таких событий для соседних стран позволяет сравнивать их интерпретации по разные стороны границы, на Востоке и Западе.

В-третьих, даже на первый взгляд можно заметить, что несмотря на большие изменения, произошедшие за два с половиной десятилетия после распада Советского Союза, политические дебаты были всегда сфокусированы на одной и той же дилемме. Следует ли России идти по пути западных, европейских государств или, по крайней мере, стремиться к ассоциации с ними с целью экономической и социальной модернизации, или лучше искать специфическую модель развития, отвечающую национальной истории, традициям, геополитическому положению, стремясь сделать страну независимым полюсом многополярного мира, чтобы повторно интегрировать хотя бы часть бывшего СССР, ориентируясь на более тесное сотрудничество с быстро разви-

вающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Китая? Мы называем эту альтернативу дилеммой «Восток-Запад».

В свою очередь, в течение всего постсоветского периода споры по поводу этого фундаментального выбора касаются подходов к взаимосвязанным концептуальным и практическим проблемам (точнее, кластерам проблем): отношениям с ЕС и НАТО и особенно расширению НАТО, интеграции на постсоветском пространстве во всех ее разнообразных формах, строительству многополярного мира, сохранению территориальной целостности страны, связям с соотечественниками в «ближнем зарубежье» и укреплению суверенитета. В-четвертых, дискурс можно анализировать по регионам (участкам границы): поскольку Россия граничит с 16 странами, проблемы соседства варьируют в значительной степени не только во времени, но и в пространстве.

Дилемма «Восток-Запад» появилась уже в начале 1990-х гг., которые были отмечены первыми попытками постсоветской реинтеграции пространства и дискуссиями об отношении к ЕС и НАТО. Это означает, что пограничные проблемы определялись балансом между западным и восточным, или евразийским вектором во внешней политике. Западный вектор означал установление добрососедских отношений с западными странами как на двусторонней, так и многосторонней основе, постепенное сближение с ЕС и создание с его помощью так называемых четырех общих пространств, что подразумевало либерализацию трансграничных взаимодействий, ослабление или отмену визового режима, развитие инфраструктуры и институализацию долгосрочного трансграничного сотрудничества, финансируемого обеими сторонами. Восточная ориентация — это отражение фундаментального стремления политической элиты России к созданию многополярного мира, реинтеграции хотя бы части постсоветского пространства, превращению страны в самостоятельный центр силы и нежелания делегировать полномочия каким-либо наднациональным органам.

В зависимости от политических событий соотношение между восточным и западным векторами постоянно менялось, пока после возвращения В. Путина на пост президента весной 2012 г. и особенно после начала политического кризиса в Украине в ноябре 2013 г. восточный вектор не стал полностью доминирующим. При этом менялось и понимание сути «евразийской» интеграции: в 1990-е гг. и в начале 2000-х она интерпретировалась как естественное взаимное притяже-

ние России и других постсоветских стран — результат многолетнего сосуществования в рамках одного государства. Ныне евразийская интеграция часто представляется как одна из основных форм глобальной борьбы между Востоком и Западом, добром и злом. Отношения России и западного сообщества рассматриваются обеими сторонами как жесткая геополитическая конкуренция и «игра с нулевой суммой». Эта тенденция проявилась и в приграничных процессах вдоль западных границ и в резком ухудшении имиджа ЕС в России и образа России в общественном мнении соседей, относительном замораживании трансграничного сотрудничества и высокой вероятности появления новых, расширенных форм секьюритизации, ремилитаризации пограничья и укрепления пограничного режима.

Глядя на Восток: «евразийская интеграция» и соседство со странами бывшего СССР

В постсоветском пространстве восточный вектор проявляется в дальнейшей дифференциации режима и функций границ в зависимости от вовлеченности новых независимых государств в интеграционные процессы, инициированные Россией. Некоторые границы «открывались», другие, напротив, становились все более «закрытыми». Другими словами, интеграция отдельных стран под флагом общего противостояния внешней силе вызывала укрепление их общих внешних границ и, следовательно, дезинтеграцию более широкого пространства.

Дискурс об интеграции на постсоветском пространстве в НГ четко разделен на три тематических блока, которые соответствуют трем уровням постсоветской интеграции:

- интеграция в рамках СНГ в целом;
- «избирательная» интеграция в рамках Таможенного союза, Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза;
- интеграция в рамках Союзного государства России и Белоруссии.

Кроме того, обсуждалась и деятельность других интеграционных объединений: Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), созданной несколькими постсоветскими странами в качестве альтернативы инте-

грации под эгидой России. Дискуссию о возможном вступлении Южной Осетии и Абхазии в Российскую Федерацию также можно рассматривать в контексте интеграции.

Центр тяжести дискурса постепенно смещался от одного блока тем к другому: в середине 1990-х гг. и в самом начале 2000-х гг. в нем явно доминировали мотивы воссоединения пространства бывшего СССР, в 2001–2003 гг. на первый план вышло обсуждение перспектив новообразованного Союза России и Белоруссии (будущего Союзного государства), а после 2010 г. в фокусе оказались вопросы блоковой интеграции и идеологического размежевания постсоветских республик (рис. 10). Падение упоминаний избирательной интеграции в 2014 г., по всей видимости, связано с украинскими событиями, на тот момент фактически заслонившими прочие темы и сюжеты и обозначившими поворот к новому этапу в отношениях России с соседними странами и в международной политике в целом.

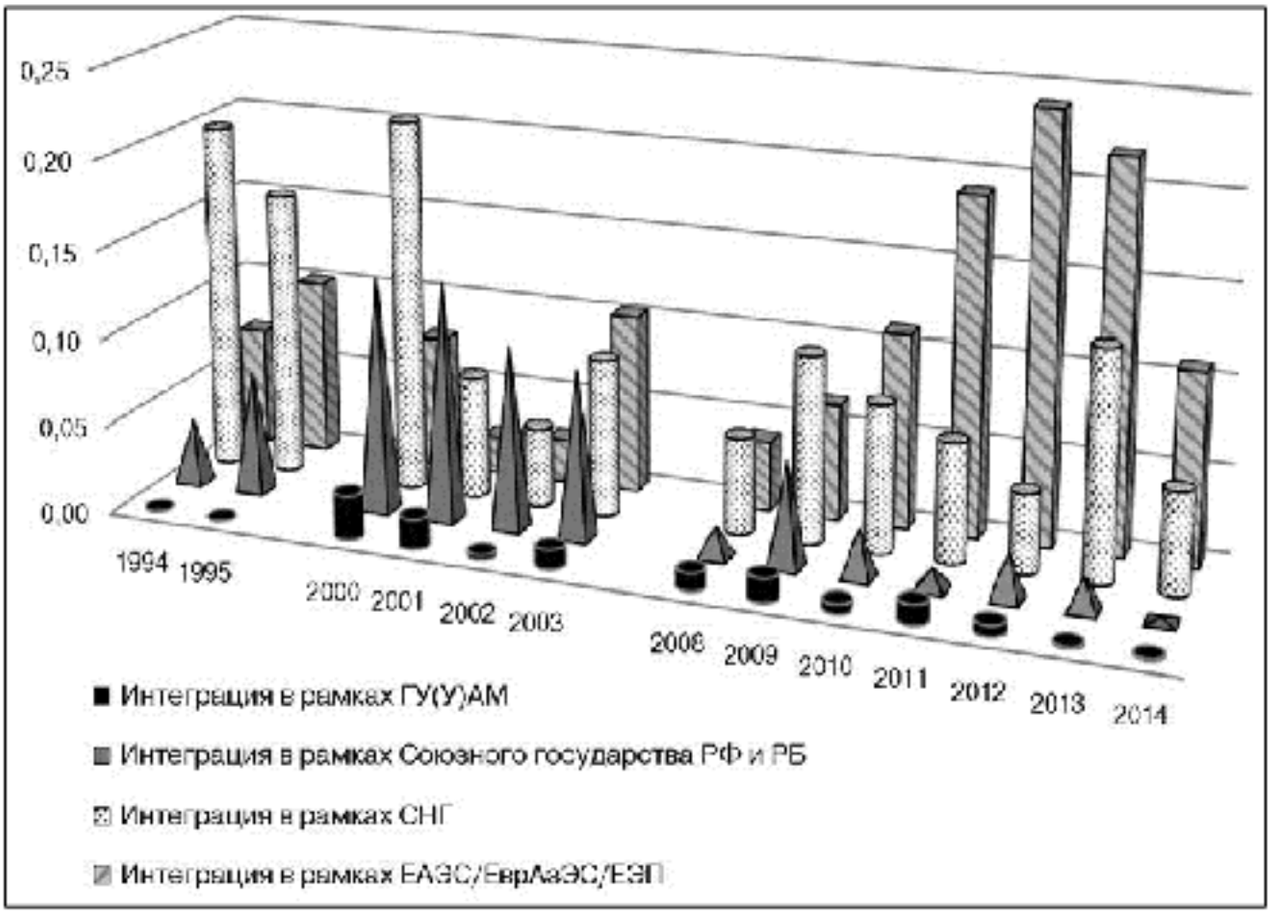


Рис. 10. Соотношение сюжетов в общем числе публикаций по евразийской интеграции в «Независимой газете» за весь период (составлено авторами по материалам исследования).

Первый ключевой сюжет в дискурсе о постсоветской интеграции — процессы политической консолидации *Союза (затем Союзного государства) России и Белоруссии*. Предполагалось тесное сближение двух стран, вплоть до их полного слияния и стирания разделяющей их границы. Несоответствие ожиданий и реальности стало центральным мотивом дискурса: за резкими подъемами оптимизма в середине 1990-х и в 1999–2000 гг. (юридическое создание Союзного государства) последовало разочарование, сменившееся к началу 2010-х гг. полным равнодушием. Пик интереса пришелся на 2001–2002 гг. (рис. 10). В развитии дискурса можно условно выделить три этапа: рассуждения о потенциальном сближении двух государств, анализ проблем и перспектив развития существующих форм интеграции и освещение дилеммы выбора внешнеполитического и внешнеэкономического вектора Белоруссии.

Первый этап приурочен к середине 1990-х гг.[3] В то время внешние границы исчезнувшей державы еще не стерлись с ментальных карт людей. В общественных представлениях рубежи России делились на внешние, отделяющие ее от остального мира, и внутренние — с новыми государствами. Этим объяснялось сохранение в политическом дискурсе надежды на восстановление единого пространства и прозрачных границ. Использовались такие понятия, как *единое цивилизационное поле, историческое пространство России, пространство русского духа, территория исторической ответственности России* и т.д. Россия пыталась обеспечить безопасность страны в старых советских границах (например, в Белоруссии, Армении и Таджикистане, где размещались российские пограничники). Возникло так и нереализованное предложение о совместной с Казахстаном охране его внешних рубежей, что сократило бы периметр российских границ. Сближение с Белоруссией рассматривалось как наиболее перспективный, если не единственно возможный, реинтеграционный проект[4]. Звучали призывы к активизации действий в этом направлении, *«пока еще республика готова и хочет первой «сделать шаг» на восток, навстречу России»*[5].

---

[3] Борис Ельцин отдает Белоруссии приоритет: российские солдаты защитят белорусские границы // Независимая газета. 23.02.1995.

[4] Затулин К.Ф. Прорыв возможен на «белорусском фронте» // Независимая газета. 24.01.1995.

[5] Колосов В.А., Криндач А.Д. Беларусь — Россия: союз пока еще возможен. // Независимая газета. 23.12.1994.

В наиболее радужных прогнозах слияние России и Белоруссии ожидалось уже в 1996 г.[6] Более реалистичные планы сводились к объединению финансовых систем и созданию рублевой зоны[7]. Оптимизма добавляло подписание договора о Таможенном союзе в январе и Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в феврале 1996 г. Вместе с тем, уже в те годы проявлялся мотив европейско-евразийского распутья и своеобразной позиции Белоруссии, воплощенной в любимой пословице Лукашенко: *«Ласковый теленок двух коров сосет»*[8]. Тогда же формировался привычный сейчас образ «батьки» — генератора интеграционных идей и собирателя славянских земель, скрывающего за популистской риторикой вполне прагматичные интересы[9].

Созданное в декабре 1999 г. Союзное государство называли *«единственным светлым пятном в постсоветской интеграции»*[10] (глава министерства РФ по делам СНГ Л. Драчевский) и *«не союзом бюрократий, а союзом народов»*[11] (В. Путин). Укреплялось видение Союзного государства как базиса для дальнейшей интеграции[12]. Утверждали, что Союзное государство *«доказало наивысшую способность к реинтеграции в сравнении со всеми другими постсоветскими интеграционными группировками»*[13] (госсекретарь Союзного государства П. Бородин).

---

[6] Стоянов Р. Минск и Москва все-таки обнимутся. А Киев — подождет // Независимая газета. 10.10.1995.

[7] Шевченко К. Союз с Белоруссией необходим // Независимая газета. 06.04.1994.[8] ЕС будет сотрудничать с Беларусью. Лукашенко подготовил сложную комбинацию // Независимая газета. 11.03.1995.

[9] Конфедерация — это не колхоз. Идею объединения России и Беларуси не так просто осуществить // Независимая газета. 05.10.1995; Шакина М. Александр Лукашенко хочет ввести президентский диктат. // Независимая газета. 29.11.1995.

[10] Годин Ю.Ф. СНГ готово к реальной интеграции // Независимая газета. 17.02.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-02-17/5_integration.html

[11] Айрапетова А. Путин и Лукашенко создали союз народов, а не бюрократий // Независимая газета. 27.01.2000. http://www.ng.ru/events/2000-01-27/1_lukashenko.html

[12] Балытников В. От союзного государства — к евразийскому союзу // Независимая газета. 26.01.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-01-26/5_ot_k.html; Вавилов Н. «За нами пойдут другие народы» // Независимая газета. 18.01.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-01-18/5_poidut.html

[13] Погодин Н. У народов Содружества есть надежда. // Независимая газета. 31.03.2000. http://www.ng.ru/ideas/2000-03-31/8_hope.html

К концу второго этапа, к 2004 г. эйфория в значительной степени рассеялась, и все чаще стали появляться сомнения в жизнеспособности и эффективности союза[14]. Отмечаемое торможение проекта связывали со сменой власти в Кремле[15], вызвавшей, в свою очередь, падение интереса к интеграции со стороны Лукашенко, ранее открыто претендовавшего на управление Союзным государством[16]. Отмечались экономические диспропорции и несовпадение экономических моделей, используемых партнерами[17]. Дальнейшее развитие дискурса шло под знаком все большего разочарования в проекте[18]. Нараставший в течение первой половины 2002 г. пессимизм[19] достиг высшей точки в августе, когда Путин выступил с предложением о вхождении Белоруссии в состав России на правах шести субъектов федерации. Общий вывод просматривался вполне отчетливо: *«вопрос о создании единого государства явочным порядком снят с повестки дня»*[20].

«Особые отношения» с Белоруссией в 1994–2000 гг. ценились российской стороной в значительной степени из-за ее репутации на-

---

[14] Айрапетова Н. Сюжет зависит от бюджета? // Независимая газета. 10.03.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-03-10/5_budget.html; Ханбабян А. Владимир Путин и судьба Содружества // Независимая газета. 12.05.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-05-12/5_cudba.html; Шершнев Л.И. Из песни слова не выкинешь // Независимая газета. 04.04.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-04-04/5_song.html

[15] Горностаев Д. Россия проводит ревизию внешнеполитических приоритетов. // Независимая газета. 12.04.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-04-12/1_revision.htm; Кузьмичев В., Касаев А. Сближение замедляется // Независимая газета. 25.05.2000. http://www.ng.ru/politics/2000-05-25/1_slow.html

[16] См., к примеру, Ханбабян А. Владимир Путин и судьба Содружества // Независимая газета 12.05.2000.

[17] Кузьмичев В., Касаев А. Москва диктует Минску условия интеграции // Независимая газета. 23.02.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-02-23/1_conditions.html

[18] Годин Ю.Ф. Союз Беларуси и России как зеркало постсоветской интеграции // Независимая газета. 02.04.2002. http://www.ng.ru/cis/2002-04-02/6_belorussia.html

[19] См., к примеру, Фадеев А.В. Тупики интеграции // Независимая газета. 11.03.2002. http://www.ng.ru/sodr/2002-03-11/9_integration.html; Белоруссия может стать «вторым Татарстаном» в составе России // Независимая газета. 18.06.2002. http://www.ng.ru/cis/2002-06-18/4_belorussia.html; Бряндин Е. Союз Белоруссии и России: курс на сворачивание? // Независимая газета. 14.06.2002. http://www.ng.ru/cis/2002-06-14/5_byelorussia.html

[20] Белковский С.А. Последние дни Содружества // Независимая газета. 8.10.2002.

дежного транзитного партнера, в отличие от Украины. Белорусское руководство использовало заинтересованность России в транзите для получения финансовой помощи, применения российских внутренних цен на энергоресурсы, несмотря на неплатежи, и других привилегий. В 2000-е гг., после прихода к власти В. Путина, ситуация начала меняться. Кремль был явно не рад заявлению Лукашенко, что раз Белоруссия защищает российские границы, размещает у себя российских военных, то не должна платить за газ. В 2003 г. Минск требовал отмены пошлин на поставки и транзит нефти из России как противоречащих новым принципам Таможенного союза. Белоруссия обвиняла Россию в развале союза, подавала иск в Экономический суд (суд ЕАЭС), грозила покинуть союз или же де-факто заморозить его имплементацию[21]. В итоге Москва поддалась и отменила пошлины в обмен на подписание Минской декларации о ЕЭП[22].

Дальнейшее затухание интереса к теме Союзного государства не было линейным процессом, но после создания в 2010 г. Таможенного союза она почти полностью исчезла со страниц газеты. Дискурс о ней едва ли не полностью распался на саркастические зарисовки о многообразных торговых войнах между союзниками[23].

Образ *СНГ*, рисуемый на страницах НГ, носит двойственный характер: оно интерпретируется, с одной стороны, как постсоветское пространство и «естественная» зона влияния России, а с другой — как организация, которая должна способствовать интеграции этого пространства.

На первом этапе лейтмотивом была неэффективность этой организации, которая исчерпала свою роль на начальном периоде своей деятельности, сразу после распада Советского Союза, способствуя «цивилизованному разводу» республик. Кроме того, многие авторы развивали тему «потери» СНГ Россией: его государства-члены становились все более самостоятельными и настойчиво искали союзников за рубежами бывшего СССР, а режим их границ с Россией становился все более

---

[21] См., к примеру, Ходасевич А. Таможенный союз взял тайм-аут // Независимая газета. 24.05.2010. http://www.ng.ru/cis/2010-05-24/7_soyuz.html

[22] Гамова С. В странах СНГ: Лукашенко вернулся в «семью» // Независимая газета. 13.12.2010. http://www.ng.ru/week/2010-12-13/8_cis.html

[23] Жильцов С.С. Геополитический шпагат Минска // Независимая газета. 12.04.2010. http://www.ng.ru/courier/2010-04-12/11_minsk.html

строгим. Отношение их лидеров к России зависело от предоставляемых финансовых и материальных ресурсов и политических уступок.

В то же время СНГ как пространство вызывало множество положительных коннотаций. Авторы НГ обосновывали необходимость реинтеграции многими аргументами: общими культурными ценностями и историческим прошлым, использованием русского языка как естественного средства межнационального общения, семейными связями, интересами русскоязычных меньшинств и, наконец, экономическими отношениями и устоявшейся системой коммуникаций. Подчеркивалось, что страны СНГ, *«даже став независимыми государствами, связаны с Российской Федерацией пуповиной многовековых хозяйственных и иных связей и взаимозависимостей»*[24].

На втором этапе, в начале 2000-х гг. все большее распространение получало высказанное еще в конце прошлого десятилетия утверждение, что Россия не может позволить себе субсидировать слабую экономику некоторых стран СНГ, страдавших от политической нестабильности и последствий гражданских войн. Подчеркивалось также, что уровень экономического развития не позволял этим странам полноценно участвовать в постсоветской интеграции. Руководство страны критиковали за то, что Россия тратила на поддержку стран СНГ свои ограниченные ресурсы, не получая от этого должной политической и иной отдачи. В итоге была выдвинута концепция разноскоростной и многоуровневой интеграции, в соответствии с которой *«темпы и глубина сотрудничества избираются в зависимости от степени взаимной готовности и заинтересованности партнеров»*[25].

На фоне явного общего тренда сокращения интереса к СНГ особенный всплеск дискурса о нем наблюдается в 2000 г., когда Россия вышла из Бишкекского соглашения о безвизовом передвижении людей между подписавшими его странами и в одностороннем порядке установила визовый режим с Грузией (рис. 6). Российское руководство обвинило Грузию в потворстве деятельности полевых лагерей чеченских сепаратистов на своей территории вблизи границы с Россией, в

---

[24] Овинников Р. СНГ не обуза для Москвы // Независимая газета. 16.04.1994.

[25] Михайлов В.П., Драчевский К.Л. По пути взаимодействия и сотрудничества // Независимая газета. 04.11.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-11-04/5_cis.html

ущелье Панкиси. Еще одной причиной такого шага России стала активизация отношений Тбилиси с НАТО. Этот сюжет наглядно демонстрирует тесную связь процессов интеграции и пограничных проблем.

На третьем и четвертом этапах некоторые всплески дискурса о СНГ отмечались в 2008 г., когда после «пятидневной» войны с Россией Грузия объявила о выходе из этой организации, и в 2013 г. в связи с обсуждением предстоявшего заключения Украиной договора об ассоциации с ЕС. Тема слабости СНГ соединилась с мотивом противостояния Западу. Сообщалось, что грузинские и украинские политики подчеркивали тотальное доминирование России в СНГ. При этом ГУАМ представала в дискурсе как своего рода институциональный «агент Запада», созданный в противовес пророссийским интеграционным блокам.

Формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Таможенного союза, Единого экономического пространства (ЕЭП). После 2000 г. концепция «разноскоростной интеграции» превратилась в символ эффективной и прагматичной политики России в постсоветском пространстве и обусловила смещение фокуса дискурса на «избирательную» интеграцию». При всем разнообразии таких объединений (реальных или гипотетических) наиболее значимые из них — Таможенный союз, Евразийский союз, ЕАЭС и др. — обнаруживают значительную преемственность, а набор стран, готовых принять участие в интеграционных союзах под эгидой России, оказывается ограниченным. Фактически можно говорить о сравнительно целостном дискурсе об интеграции России, Белоруссии, Казахстана и с большими оговорками Украины с привлечением Киргизии, Таджикистана и Молдавии.

Для этого дискурса была характерна цикличность: периоды эмоционального подъема, связанного с изменением формы интеграционного объединения, преподносившейся как прорыв, сменялись спадом; общий тон становился все более скептическим. На первом этапе пик дискурса соответствует подписанию договора о создании Таможенного союза в 1995 г., а на втором — договора об учреждении ЕАЭС в 2000 г.. Эйфория по этому поводу вступила в резонанс с надеждами на недавно избранного президента В. Путина, созданием проекта ЕЭП в 2003 г. и образованием в том же году Организации региональной интеграции в составе России, Белоруссии, Украины и Казахстана. Спектр позиций варьировал тогда от саркастического приравнивания

проекта к пиар-акции[26], вечной декларации о намерениях[27] и ритуальным заклинаниям[28] до объявления его едва ли не последним шансом реализовать продвинутую форму интеграции внутри СНГ[29].

Возник вопрос, зачем нужна еще одна интеграционная группа при «живом» ЕАЭС. Ее создание было обусловлено позицией Украины, не желавшей вступать в ЕАЭС, но заинтересованной в зоне свободной торговли[30]. Именно тогда при обсуждении «украинского вопроса» возникла дилемма — или евразийская интеграция, или ассоциация с ЕС с неопределенной перспективой последующего вступления в эту организацию.

На третьем и четвертом этапах, после 2008–2009 гг. дискурс о евразийской интеграции неуклонно активизировался и при этом претерпевал существенные изменения. Все большее внимание авторов стали занимать не сами интеграционные группировки, а участие в них отдельных государств. Главным мотивом стала необходимость выбора странами СНГ вектора политической ориентации — «постсоветского», олицетворяемого ЕАЭС/Таможенным Союзом/ЕЭП, или принципиально противостоящего ему «европейского».

Важную роль в дискурсе о евразийской интеграции и становлении границ на постсоветском и шире — всем общеевропейском пространстве играли проблемы цен на нефть и газ, тарифов за транзит по трубопроводам через территорию Украины, Белоруссии и стран Центральной Европы, а также возможность строительства новых трубопроводов. НГ подчеркивала, что Россия заинтересована в уменьшении барьеров на ее границах путем создания единого энергетического пространства с Украиной, Белоруссией, Казахстаном и Туркменией. Это предполагало единый уровень транзитных тарифов, упрощение тамо-

---

[26] «Саммит четырех» был эффективен лишь как пиар-акция // Независимая газета. 26.02.2003. http://www.ng.ru/cis/2003-02-26/6_sammit.html

[27] Дорожинский О.Л. Три кита интеграции // Независимая газета. 28.11.2003. http://www.ng.ru/ideas/2003-11-28/10_integration.html

[28] «Мы уже не можем быть вместе, но еще не можем быть врозь» // Независимая газета. 17.11.2003. http://www.ng.ru/cis/2003-11-17/3_opros.html

[29] Иванов И. Последний шанс для интеграции // Независимая газета. 09.04.2003. http://www.ng.ru/politics/2003-04-09/3_integration.html; Меликова Н. В Омске могут быть сюрпризы // Независимая газета. 15.04.2003. http://www.ng.ru/politics/2003-04-15/1_omsk.html

[30] Ивженко Т. Кучме предложили стать двурушником // Независимая газета. 11.06.2003. http://www.ng.ru/cis/2003-06-11/1_kuchma.html

женных процедур и общий энергетический баланс для всех пяти государств. Трубопроводы рассматривались как один из основных элементов общей безопасности и основа интеграции. Но при этом отмечалось, что лидеры стран СНГ относятся достаточно осторожно даже к взаимовыгодным идеям и проектам, если они могли привести к ограничению их суверенитета в экономической сфере.

Вопросы энергетики долго оставались одной из основных проблем, в частности, в отношениях между Россией и Украиной и практически всегда входили в состав «пакетов» соглашений между двумя странами. Некоторые из них включали приграничное сотрудничество. Москва обвиняла Украину в регулярных нарушениях платежей за российские поставки газа и нефти и незаконном пользовании транзитными газопроводами, в то время как Киев был убежден, что Россия заинтересована в ослаблении Украины посредством необоснованного роста цен на энергоносители, и подчеркивал свое намерение избавиться от односторонней зависимости от российских углеводородов. Экспортные газопроводы через территорию Украины, построенные в советское время, требовали дорогостоящих работ по их содержанию, которые Украина не могла себе позволить. Однако она отказалась от предложения российской стороны создать международный консорциум для их выполнения из-за экзистенциальных страхов потерять национальный суверенитет. Украина отвергала проекты экономической интеграции под эгидой России и отказывалась снять пограничные барьеры. Главным аргументом было *несоответствие интеграции интересам украинского народа*, поскольку страна имеет нейтральный статус и должна поддерживать тесные отношения и с Востоком, и с Западом. Украинские чиновники и эксперты заявляли на страницах НГ, что жесткая политика Россия подтолкнула Украину к поиску других экономических и политических партнеров.

В 2011 г. дилемма Украины обозначилась еще четче: либо присоединение к Таможенному союзу, что сделало бы невозможным переговоры с ЕС о создании зоны свободной торговли[31], либо отказ от интеграции, что повлекло бы введение торговых барьеров на границах со

---

[31] Украина намерена развивать отношения с Россией и странами Таможенного союза // Независимая газета. 08.04.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-04-08/6_ukraina.html; Ивженко Т. Киев ищет форму отказа от Таможенного союза // Независимая газета. 12.04.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-04-12/1_kiev.html

странами союза[32]. Предложенный президентом Украины В. Януковичем компромисс — сотрудничество по формуле «3+1»[33] — был жестко отвергнут тогдашним президентом России Д. Медведевым[34]. В свою очередь, Киев отклонил предложение Москвы, увязывающее вступление Украины в Таможенный союз с формированием цены на газ[35]. В 2012 г. образ маятника, качающегося между ЕС и Таможенным союзом, стал доминирующим элементом евразийского дискурса. Аналогичная дилемма постоянно вставала также перед Киргизией, Таджикистаном, Молдавией, реже Арменией и Азербайджаном и даже в определенной степени перед Белоруссией.

На последнем этапе новый импульс евразийскому дискурсу дало ожидавшееся в 2015 г. вступление в силу договора о создании Евразийского союза. При этом если в 1990-х — начале 2000-х гг. евразийская интеграция интерпретировалась как региональный процесс, основывающийся на общих интересах и ценностях постсоветских стран, то после 2012 г. она стала трактоваться как глобальный процесс формирования обновленного полюса силы во главе с Россией. Мотив постсоветской интеграции стал увязываться с противостоянием России и Запада, усилился «язык дилемм» — ЕЭП или ЕС, ОДКБ или НАТО, Россия или Запад. В евразийском дискурсе стали более активно использоваться культурно-исторические аргументы — идея виктимизации русского народа, искусственно разделенного несправедливыми границами, дискриминация русских и русскоязычных меньшинств, русского языка и культуры; интерпретация событий общего прошлого, особенно Великой Отечественной войны.

В центре внимания российских СМИ были *российско-украинские отношения*. Как справедливо указывал российский историк и философ В. Печатнов, Украина для России не просто иностранное государство: их исторические пути, культура, экономики, судьбы миллионов людей переплелись чрезвычайно тесно. Украина — вторая по масшта-

---

[32] Ивженко Т. Киев готовит ответ Путину // Независимая газета. 07.04.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-04-07/6_kiev.html

[33] Ивженко Т. Киев ищет форму отказа от Таможенного союза // Независимая газета. 12.04.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-04-12/1_kiev.html

[34] Гамова С. Заявление Медведева переполошило Киев // Независимая газета. 26.08.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-08-26/1_kiev.html

[35] Ивженко Т. Украина хочет дешевый газ без Таможенного союза // Независимая газета. 20.04.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-04-20/7_ukr.html

бам после России постсоветская экономика, и экономические взаимодействия были важны для обеих стран. В.Печатнов цитировал слова Генри Киссинджера:

> *«Обращаться с Украиной как с объектом конфронтации между Востоком и Западом — значит похоронить на десятилетия любую перспективу вовлечения России и Запада, особенно России и Европы, в кооперативную международную систему»*[36].

Поэтому острый политический кризис в Украине вызвал вал публикаций в НГ.

Их главный мотив — крайняя обеспокоенность и осознание фундаментальных последствий кризиса для России, Европы, всей системы международных отношений. Авторы НГ указывали, что политический кризис и приход к власти в Украине оппозиции, включая радикальных националистов, создали реальную угрозу раскола страны. Причина — глубокие различия в ценностях и ориентациях между жителями ее разных районов — Запада и Юго-Востока, у которых *«разные герои: у них — Бандера, у нас — советский воин»*[37]. При этом единодушно отмечалось, что в дезинтеграции Украины не заинтересованы ни Россия, ни европейские страны.

НГ подчеркивала, что односторонняя поддержка Россией сепаратистских тенденций в юго-восточных областях и тем более вмешательство в их отношения с центральными властями порождает *«фактор ненависти к ней в Украине»*, недоверие к российской политике в других постсоветских странах влечет за собой крупные материальные затраты[38]. Уже на раннем этапе конфликта отмечалось, что он может привести к закрытию границ и введению визового режима, чреватого экономическими потерями для обеих сторон, из-за чего

---

[36] Печатнов В. В воинственном угаре теряется ощущение реальности, и мало кто вспоминает об уроках прошлого // Независимая газета. 27.03.2014. http://www.ng.ru/world/2014-03-27/3_kartblansh.html

[37] Гамова С. Третий Украинский фронт. Республика распадается на Восток и Запад // Независимая газета. 20.02.2014. http://www.ng.ru/cis/2014-02-20/1_ukraina.html

[38] Башкатова А. Украинский кризис влетит России в копеечку. Помощь Крыму и санкции Запада могут пошатнуть федеральный бюджет // Независимая газета. 04.03.2014. http://www.ng.ru/economics/2014-03-04/1_crisis.html

миллионы украинцев в РФ могут оказаться на полулегальном положении[39]. В политике на украинском направлении Москва, — продолжали другие авторы, — стояла перед выбором: или *«нормальные добрососедские отношения, позволяющие развивать сотрудничество, или холодная война, закрытые границы и враждебность»*[40]. Авторы НГ предупреждали, что действия в Крыму неминуемо скажутся на внутренней ситуации в России: во-первых, потому что Россия — многонациональное государство, и в некоторых ее регионах существует риск сепаратизма[41]. Во-вторых, санкции против России, объявленные Западом вслед за разрешением Совета Федерации ввести на Украину российские войска для защиты проживающих там соотечественников, *«могут оказаться очень тяжелыми»*[42]. В-третьих, высказывались опасения, что осложнение геополитического положения страны, риск ее изоляции и санкции вызовут попытки «закручивания гаек» во внутренней политике[43]:

> *«Сегодня парламентарии и политики предателями называют противников присоединения Крыма, а завтра так же легко будет «закатать в асфальт» и борцов с коррупцией, и противников точечной застройки, и строптивых муниципальных депутатов, и принципиальных судей, и независимых журналистов»*[44].

---

[39] Башкатова А. Между Россией и Украиной сгущается визовый режим. Частичное закрытие границ уже началось // Независимая газета. 14.03.2014. http://www.ng.ru/economics/2014-03-14/4_visa.html

[40] Ивженко Т. Действия Москвы позволят Киеву реализовать давние планы Ющенко // Независимая газета. 03.03.2014. http://www.ng.ru/cis/2014-03-03/1_kiev.html

[41] Арбатова Н. Россия и международное сообщество могут только вместе выправить негативные последствия украинского кризиса // Независимая газета. 28.02.2014. http://www.ng.ru/cis/2014-02-28/3_kartblansh.html

[42] Самарина А., Трифонова Е. Майдан ворвался в российскую политику. Кремль прервал молчание, ответив и Украине, и Западу // Независимая газета. 03.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-03/3_maidan.html

[43] Родин И. Неделя в политике. На внешние звонки Кремль охотно отвечает, но на внутренних линиях — короткие гудки // Независимая газета. 16.03.2014. http://www.ng.ru/week/2014-03-16/8_politics.html

[44] Самарина А., Родин И. «Фултонская речь» Путина. Россию от Запада снова может отделить железный занавес // Независимая газета. 19.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-19/1_speech.html

Результатом станут нарастание авторитарных тенденций и раскол общества[45].

В одной из редакционных статей НГ указывала, что присоединение Крыма создало опасный прецедент в мировой политике, разрушающий сложившийся миропорядок, хотя при этом Россия выступает за его сохранение, решающую роль ООН и ее Совета безопасности в международных отношениях.

> *«Современная мировая держава, — писали авторы НГ, — утверждает свое положение не путем территориальной экспансии, а с помощью экономического влияния и способности укреплять свои базовые цивилизационные идеи, нормы и стандарты»*[46].

Высказывалась критика организации референдума о присоединении Крыма к России: отсутствие закона, регулирующего правила ведения агитации, сроки агитационного периода, права участников кампании и наблюдателей, необходимую долю избирателей, принявших участие в голосовании. Особо подчеркивалось несоответствие мировой практике исключительной краткости кампании, занявшей всего 10 дней[47]. Освещались протесты против политики руководства страны в отношении Украины[48].

Вместе с тем, НГ предоставляла свои страницы и сторонникам официальной точки зрения. Кинорежиссер С. Говорухин назвал использование российских вооруженных сил в Крыму «разумным и очень дипломатическим шагом» и осудил позицию «либералов»:

---

[45] Самарина А. Холодная война. Но в России Кремль меняет дискурс внутренней политики в сторону ее упрощения и ужесточения силовой составляющей // Независимая газета. 18.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-18/1_coldwar.html

[46] Россия провоцирует пересмотр глобальной системы, которую сама до сих пор поддерживала // Независимая газета. 12.03.2014. http://www.ng.ru/editorial/2014-03-12/2_red.html

[47] Самарина А., Горбачев А. Крым поглотил российскую оппозицию. Непарламентские партии не спешат давать оценку происходящему в Украине // Независимая газета. 13.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-13/1_crimea.html

[48] Гармоненко Д., Горбачев А. Крым подогрел внутрироссийские протесты. Шествие против политики Кремля в Украине стало самым массовым за последние два года // Независимая газета. 17.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-17/3_meeting.html

«Либерал — такой сухой гриб, который ты тронешь, а он обдаст тебя ядовитым газом!»[49].

Политолог М. Ремизов писал:

Решение Путина может скорее предотвратить кровопролитие, чем запустить эскалацию насилия ибо без военной мощи и сдерживания «мягкая сила» бесполезна»[50].

Многие авторы подчеркивали, что итоги крымского референдума, как ни относиться к его правомочности, отражают реальное волеизъявление большинства жителей полуострова, и нужно уважать их выбор. Если бы они чувствовали себя в Украине комфортно, он был бы иным[51].

Газета информировала о подъеме патриотических чувств, вызванных «возвращением Крыма в родную гавань», повышении рейтинга президента В. Путина и массовых манифестациях в поддержку проводимой им политики: *«мы надеемся, что весь мир понимает логику волеизъявления тех, кто живет в Крыму»*[52]. Результаты социологических опросов выявили также желание россиян разрешить конфликт мирным путем. Писали и о том, что риски экономической блокады Крыма Украиной преувеличены, и хозяйство региона выдержит испытания[53].

---

[49] Вежин С. «Как можно нацистов поддерживать?!» Совет по правам человека разделился по украинскому вопросу // Независимая газета. 05.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-05/2_nazi.html

[50] Казеннов С., Кумачев В. О мягкой силе и военной мощи. «Молодой украинской демократии» в преддверии неизбежного провала сегодня очень нужен внешний враг // Независимая газета. 05.03.2014. http://www.ng.ru/cis/2014-03-05/3_kartblansh.html

[51] Калягин А. Хочу сказать о Крымском референдуме. В международном праве есть необходимые инструменты для преодоления существующих разногласий // Независимая газета. 19.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-19/2_referendum.html

[52] Шпаков А. Этот исторический день. В Подольске прошел митинг-концерт в поддержку присоединения к России Крыма и Севастополя // Независимая газета. 20.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-20/2_podolsk.html

[53] Симонов К. Блокадные страшилки. Экономика Крыма выглядит совсем не так плохо, как ее рисуют новые украинские власти // Независимая газета. 12.03.2014. http://www.ng.ru/cis/2014-03-12/7_blokada.html

Многие авторы обвиняли в произошедшем коллективный Запад, для политики которого в отношении России всегда были характерны цинизм, двуличие и двойные стандарты[54]. На словах признавая за Россией статус крупной мировой державы, имеющей свои законные интересы, на деле США и Запад в целом отказывали ей в праве отстаивать их, не считали ее равноправной стороной[55], проводили жесткую политику вытеснения из Центральной и Восточной Европы. Политолог О. Гаман-Голутвина подчеркивала, что именно Запад отбросил принципы взаимного признания территориальных зон интересов и правового урегулирования конфликтов, на которых держалась относительная геополитическая стабильность[56]. Другие авторы упрекали Запад в том, что он выступил подстрекателем свержения законной власти на Украине и оказал прямую финансовую, моральную и политическую поддержку новым властям, названным хунтой, включая и их радикально-националистическую, профашистскую часть[57].

При этом как сторонники, так и критики официальной позиции высказывались за нейтральный статус Украины и контакты с западными партнерами в целях урегулирования кризиса. Звучало мнение о том, что федерализация Украины могла бы снять острые противоречия между ее регионами и предотвратить раскол[58].

Таким образом, «разноскоростная интеграция» и растущая зависимость отношений России со странами бывшего СССР от их участия в евразийской интеграции определила процессы изменения и перераспределения барьерных и контактных функций границ в постсоветском прост-

---

[54] Миронов Н. Убить дракона. Профашистские силы в XXI веке вновь подняли голову в Украине // Независимая газета. 04.03.2014. http://www.ng.ru/cis/2014-03-04/3_kartblansh.html

[55] Военные операции за рубежом как державная привилегия // Независимая газета. 04.03.2014. http://www.ng.ru/editorial/2014-03-04/2_red.htm

[56] Гаман-Голутвина О. Почему Запад нарушил негласный кодекс поведения. Россия вернулась в мировую политику в качестве субъекта, осознающего свои стратегические интересы и готового к их деятельной защите // Независимая газета. 27.03.2014. http://www.ng.ru/ideas/2014-03-27/5_west.html

[57] Миронов Н. Убить дракона. Профашистские силы в XXI веке вновь подняли голову в Украине // Независимая газета. 04.03.2014. http://www.ng.ru/cis/2014-03-04/3_kartblansh.html

[58] Швейцер В. Проблемы Незалежной: постсоветский и европейский ракурс. Россия и Евросоюз должны объединиться в помощи Украине // Независимая газета. 28.02.2014. http://www.ng.ru/cis/2014-02-28/6_problems.html

ранстве. Функции и режим постсоветских границ все более дифференцировались в зависимости от вовлеченности постсоветских государств в интеграционные процессы под эгидой России. Наиболее благоприятна ситуация в отношениях России с Белоруссией, Казахстаном, Арменией, Киргизией и Таджикистаном. Соответственно, граница между Россией и дружественными соседними странами ЕАЭС — Белоруссией и Казахстаном наиболее открыта; между ними создается единое экономическое пространство, сняты таможенные границы, устранены или устраняются препятствия для трансграничного передвижения капиталов, товаров и граждан. Страны ЕАЭС согласились координировать свою политику в ключевых областях экономики. Они являются также членами ОДКБ.

На другом полюсе — Грузия и Украина. С Грузией Россию глубоко разделяет признание независимости Абхазии и Южной Осетии и прозападный курс Тбилиси, официально заявившего о стремлении вступить в НАТО. Россия сохраняет визовый режим с этой страной, с которой после «пятидневной войны» 2008 г. у нее нет дипломатических отношений. Украина полагает присоединение Крыма к России незаконным, называет ее страной-агрессором и считает ее стороной конфликта в Донбассе. Руководство Украины приняло все возможные меры к резкому сокращению любых контактов с Россией; радикально изменился режим российско-украинской границы. Молдова, Азербайджан и Узбекистан занимают промежуточное положение; отношения России с этими странами, с которыми у нее нет общих границ, были после распада СССР нестабильными.

Отдельно необходимо отметить еще одну специфическую категорию «друзей» — это целая группа непризнанных или частично признанных государств пророссийской ориентации, образовавшихся на территории стран, взявших курс на союз с Западом: Абхазия и Южная Осетия, Донецкая и Луганская республики, а также не имеющее общей границы с Россией Приднестровье. В этом же контексте можно упомянуть Крым. Их возникновение отражает одну из знаковых черт избирательной интеграции: неудачи в привлечении на свою сторону Украины или Грузии частично уравновешивались сохранением в сфере влияния их осколков: *«влияние на Грузию было разменяно признанием Абхазии и Южной Осетии»*[59].

[59] Караваев А.В. Постсоветские конфликты: между Россией и Западом // Независимая газета. 16.12.2010. http://www.ng.ru/politics/2010-12-16/3_kartblansh.html

Пики дискурса об этих регионах соответствуют периодам активизации вооруженных столкновений (военных действий) или политической напряженности (рис. 11): о Крыме — во-первых, в 1994–1995 гг., когда на выборах президента автономной республики в составе Украины победил кандидат, открыто выступавший за присоединение к России. Он получил поддержку ряда российских политиков, в том числе депутатов Государственной Думы. Но авторы НГ были единогласно против этой позиции, противоречившей двусторонним и многосторонним соглашениям, подписанным Россией, включая договор о безъядерном статусе Украины, на который Киев согласился в обмен на российские и американские гарантии территориальной целостности страны. НГ подчеркивала ценность добрососедских отношений с Украиной, которые могли бы гарантировать соблюдение украинскими властями особого статуса Крымской автономии. Во-вторых, пик публикаций о Крыме, естественно, наблюдался в 2014 г., когда в результате политического переворота в Киеве полуостров был присоединен к России.

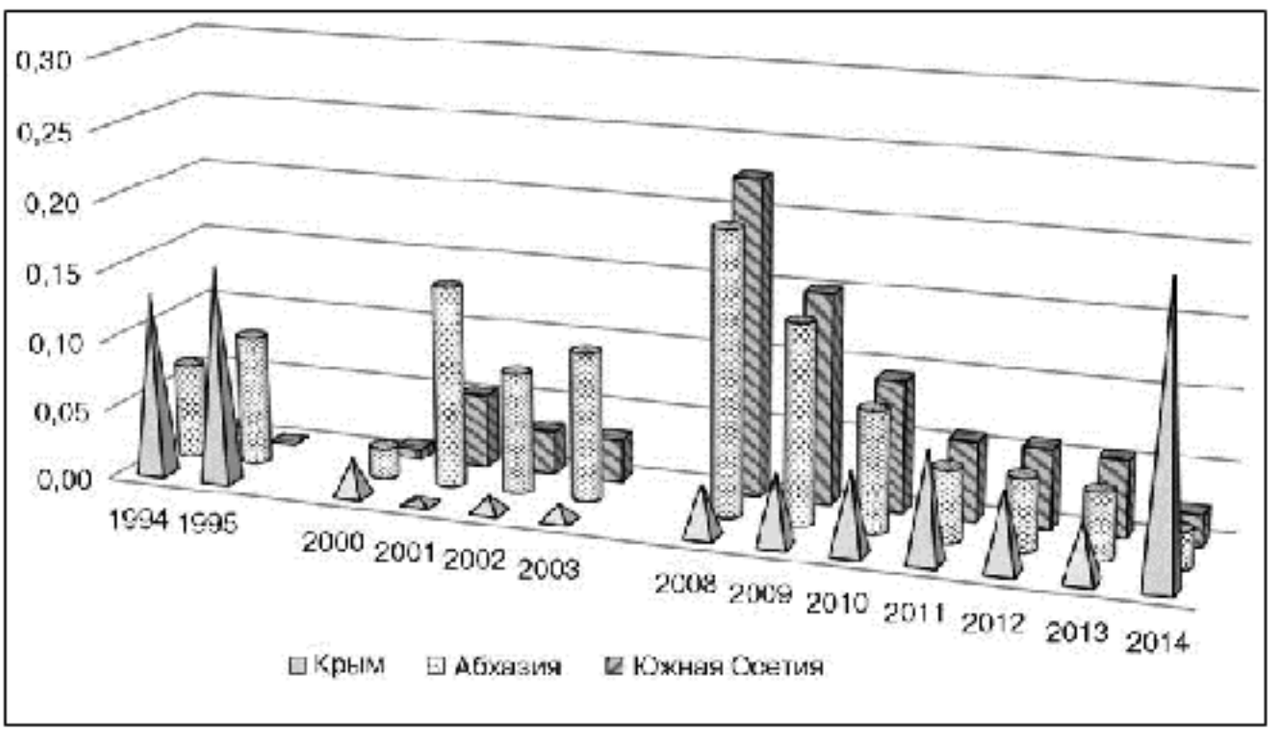


Рис. 11. Доля сюжетов с упоминанием отдельных регионов в общем числе отобранных публикаций за год (составлено авторами по материалам исследования).

В отличие от Крыма, ситуации в Южной Осетии и особенно в Абхазии газета уделяла внимание почти постоянно, однако, естественно, сильный всплеск публикаций наблюдался в 2008–2009 гг., до и после «пятидневной» войны между Россией и Грузией, спровоцированной попыткой Тбилиси решить южноосетинскую проблему силовым путем.

В результате на ментальных картах российских СМИ появлялись новые границы, обладавшие спорным статусом, но в то же время крайне существенные. Постсоветское пространство становилось еще более фрагментированным.

Альтернативные дискурсы. Отношение к евразийской интеграции коммунистической «Советской России», неоимперской и националистической газеты «Завтра» всегда было положительным и похожим. Они широко использовали концепцию евразийства, обновленную и существенно измененную такими идеологами, как А. Дугин или А. Панарин. Еще одна тема касалась приоритета СНГ как внешнего буферного пространства России.

В последние годы дискурс «Советской России» и «Завтра» все больше сближался. Лидер российских коммунистов и автор большей части программных статей «Советской России» Г. Зюганов раскрывал свои евразийские убеждения[60], получая в «Завтра» поддержку и трибуну[61]. А. Дугин пел оду постсоветской интеграции со страниц «Российской газеты»[62], а его единомышленник А. Проханов публиковал в «Завтра» статьи с названиями вроде «Мессианство Путина»[63], демонстрируя сверхлояльность действующей российской власти. «Завтра» регулярно публиковала и других авторов, исповедующих явно левые или радикально левые идеи (*«исторический флаг России — красный флаг»*), дополненные привычными антисемитскими тонами (*«Невоз-*

---

[60] Зюганов Г.А. Неюбилейный диалог. Г. Зюганов в «прямом эфире» на страницах интернетовской «Газеты.Ru» // Советская Россия. №19 (12362). 18 февраля 2003. http://www.sovross.ru/old/2003/019/019_3_01.htm

[61] Зюганов Г.А. Отступать некуда! // Завтра. Выпуск №47 (416). 12 ноября 2001. http://zavtra.ru/content/view/2001-11-1311/

[62] Дугин А.Г. Новая экономическая империя // Российская газета. №3337. 4 ноября 2003. http://www.rg.ru/2003/11/04/Novaya.html

[63] Проханов А.А. Мессианство Путина // Завтра. Выпуск №42 (986). 10 октября 2012. http://zavtra.ru/content/view/messianstvo-putina/

можно единство православного человека с иудеями-хасидами в черных шляпах, вваливающихся в священный Кремль как к себе домой!»[64]).

Присоединение Крыма к России и конфликт в Донбассе изображались обеими газетами как результат незаконного переворота в Украине при поддержке Запада и деятельности украинских ультранационалистов. Возвращение Крыма рассматривалось как шаг к самоутверждению России в качестве великой державы, который поможет восстановить историческую справедливость. При этом «Советская Россия» и «Завтра» обычно отделяли Украину как государство и ее «нелегитимную» власть от «*несправедливо страдающего и введенного в заблуждение*» украинского народа.

Для «Завтра» и «Советской России» Запад не просто геополитический соперник, но воплощение мирового зла. Оба издания отстаивали великодержавность и мессианство России, ценности консервативного православия, прославляли «русский мир» в противовес органически враждебной «западной цивилизации». Вполне в логике игры с нулевой суммой в обеих газетах дискурс о постсоветской интеграции с течением времени все более и более тесно связывал противостояние России и глобальную картину создания на постсоветском пространстве нового геополитического полюса в многополярном мире под эгидой России.

Различия касались в основном используемой риторики, эмоциональных акцентов и дихотомии «мы» — «они», что отразилось в противопоставлении «нашей» и «их» интеграции. Для авторов «Советской России» развитие постсоветской интеграции означало восстановление СССР и возвращение привычного биполярного мира. В статьях Г. Зюганова ответ на вопрос об «истинных» границах государства был ясен: «*Россия в ее нынешних противоестественных границах — это временное явление. Вокруг нее возродится новая Россия*»[65]. Особенно позитивно звучали в свое время материалы о строительстве Союзного государства, в которых роль главного интегратора постсоветского пространства отводилась А. Лукашенко. Имперцы из «Завтра» видели в евразий-

---

[64] Харчиков А. Царский штандарт в Новороссии? // Завтра. 27.09.2014. http://zavtra.ru/blogs/tsarskij-shtandar-v-novorossii

[65] Славянский союз — неизбежен! Доклад Г.А. Зюганова на II съезде народов Союзного государства Белоруссии и России. // Советская Россия. №42 (12665). 29 марта 2005. http://www.sovross.ru/old/2005/42/42_2_1.htm

ской интеграции путь к созданию мощной евразийской державы, «Пятой империи», способной сформировать адекватный противовес «либеральному Западу».

При обсуждении кризиса на Украине «Завтра» традиционно развивала имперские мотивы, а «Советская Россия» убеждала своих читателей в социалистической перспективе Украины и России. Авторы обеих газет использовали при этом сходный красочный, угрожающий и воинственный язык.

Что касается «Новой газеты», то она уделяла евразийской интеграции сравнительно меньше внимания и относилась к ней весьма скептически и нередко с иронией.

Государственное строительство и «битвы памяти» как фактор формирования границ на постсоветском пространстве. Начертание, режим и функции государственных границ в конечном счете определяются политической, или национальной идентичностью — лояльностью граждан своему государству по обе стороны границы. Почти все постсоветские государства — полиэтнические, и к тому же в некоторых из них (например, на Украине) весьма велики региональные различия в идентичности между представителями самой титульной нации. Поэтому перед политическими элитами новых независимых государств встала задача формирования на основе общих символов и ценностей политической нации, объединяющей всех граждан, независимо от их этнической или региональной принадлежности. Это крайне важно для легитимации границ (см. главу 3.2). Естественно, вопросы государственного строительства в странах СНГ, напрямую связанные с выбором вектора интеграции, постоянно были важным элементом политического дискурса.

Их можно разделить на три большие группы: 1) положение русского и русскоязычного населения, русского языка и культуры; 2) пересмотр исторических событий, связанных с общим прошлым, Российской империей и СССР; 3) национальная политика.

Доминирующей темой было притеснение «нас» властями постсоветских государств. Понятие «мы» трактовалось как в узком смысле, соответствуя понятию «соотечественники», давно использующемуся в политической риторике, закрепленному в российском законодательстве и означающему «россияне» и «русскоязычное население», так и в более широком смысле, когда имелись в виду пророссийские социаль-

ные или этнические группы и политические силы. За такой трактовкой стояло предположение, что они могут оказывать поддержку внешней политике России и помочь в реализации ее национальных интересов по естественным (в случае русских и русскоязычных) или культурно-историческим и политическим причинам, как, например, осетины или жители Приднестровья.

Общая идея публикаций в НГ заключалась в том, что их элиты пытались создать этнократии, апеллируя к европейской модели национальных государств XIX века, формально провозгласив своей целью построение новых политических наций, но в реальности отдавая предпочтение ценностям и историческим нарративам только титульной этнической группы или даже некоторых ее частей. Предполагалось, что идеал политической нации облегчит постсоветскую интеграцию и позволит новым странам прийти к союзу с Россией. Подчеркивалась тесная связь национализма с антироссийской внешней политикой, режимом и функционированием границ.

В сравнительно «сухой» НГ, старающейся казаться нейтральной, статьи, охватывающие вопросы национализма, как правило, самые эмоциональные. Сюжеты о печальной судьбе русского и русскоязычного населения в Крыму до его присоединения к России, на юго-востоке Украины, в Северном Казахстане и особенно в странах Балтии рисовали образ искусственно разделенной нации и, соответственно, искусственных границ.

В 1990-е гг. газета, с одной стороны, приветствовала распад Советского Союза, считала его неизбежным и рассматривала как возврат России к европейским демократическим ценностям. С этой точки зрения ее избавление от необходимости субсидировать республики Средней Азии, нуждающихся в крупных инвестициях для создания новых рабочих мест для быстро растущего населения, интерпретировалось как позитивный фактор. С другой стороны, предоставляя свои страницы авторам разной политической ориентации, НГ публиковала статьи, критикующие договоры, заключенные Россией с бывшими советскими республиками и, следовательно, произвольные границы с ними, делимитированные в советское время без учета важных исторических и этнокультурных факторов.

Не случайно материалы об Украине охватывают около трети публикаций по этнокультурным проблемам. Еще в марте 1994 г. газета пи-

сала, что Украина может разделиться на две части: с одной стороны, Запад и, возможно, Центр, которые могли бы создать жизнеспособную, хотя и недостаточно стабильную государственность, а с другой — Юго-Восток, который будет стремиться к интеграции с Россией как из-за напряженных отношений с Западом, так и по экономическим причинам. Его энергозатратная экономика не выживет в случае разрыва отношений с Россией. В то же время подчеркивалось, что Россия никак не заинтересована в расколе Украины — хотя бы потому что она не могла в условиях кризиса переходного периода обеспечить модернизацию и реструктуризацию экономики Юго-Восточной Украины, особенно Донбасса.

Одним из наиболее важных маркеров, отделяющих «нас», «интернационалистов», от приверженцев концепций государственного строительства на основе идентичности титульной нации, была интерпретация общей истории, особенно таких ее ключевых событий, как победа в Великой Отечественной войне. Наиболее ярко это проявлялось при освещении отношения к Дню Победы в странах Балтии, в которых победа Советского Союза над фашистской Германией официально ассоциируется не с освобождением, а продолжением советской оккупации, депортациями и репрессиями. НГ и другие российские газеты широко освещали ежегодные парады ветеранов «Ваффен СС» в Риге: «Независимая» делала это с недоумением, в то время как «Советская Россия» и «Завтра» пользовались случаем, чтобы еще раз обвинить балтийские страны в дискриминации русскоязычного населения и глумлении над его ценностями, полной отмене государственного финансирования высшего образования на русском языке и сокращении количества русских классов и уроков русского языка в средней школе, лишении русскоязычных «неграждан» права на участие в приватизации недвижимости, драконовских требованиях к тем из них, кто подал заявку на получение гражданства, и т.д.

Один из пиков этого дискурса наблюдался в 2007 г., когда эстонские власти решили перенести памятник советским солдатам из центра Таллинна на военное кладбище, что вызвало глубокий кризис в российско-эстонских отношениях, который привел к значительным экономическим потерям для обеих сторон.

Главный аргумент авторов НГ заключался в глубоком противоречии между намерением властей стран Балтии вступить в ЕС и несо-

блюдением ими давно принятых в Европе норм, нарушении основных принципов международного права. В 1990-х гг. обращали также внимание на несовместимость европейской ориентации Латвии и Эстонии с официальными (до 1994 г.) территориальными претензиями к России. Некоторые эксперты предлагали тогда увязать вывод российских войск из стран Балтии с их политикой в отношении русскоязычного меньшинства.

«Локальные» пики этого дискурса отмечены в освещении событий на Украине во время президентства В. Ющенко, как, например, посмертного награждения Степана Бандеры. Настоящая «битва памяти» развернулась вокруг темы Голодомора — трагического голода в Украине, спровоцированного сталинским режимом в 1932–1933 гг. С точки зрения Ющенко, это была целенаправленная акция геноцида против украинского народа. Российские историки и политики доказывали, что голод затронул также многие сельскохозяйственные регионы России и Казахстана.

Глядя на Запад: от иллюзий интеграции к конфронтации

В первый период после распада СССР западный вектор доминировал или, по крайней мере, был вполне сопоставим с восточным. Российская внешняя политика в целом была направлена на расширение сотрудничества с западными странами, которое рассматривалось как необходимое условие модернизации экономики. Дискурс НГ был близок к официальной позиции. Значительная часть правящей элиты разделяла романтические иллюзии скорого присоединения к западному сообществу и в то же время сохранения бывших советских границ как общих рубежей постсоветского пространства. Либеральная риторика широко использовалась в официальных СМИ. В июне 1994 г. Россия и ЕС подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (ратифицировано в декабре 1997 г.), которое определило формат их отношений и механизмы политического и экономического взаимодействия. По мнению НГ, это соглашение обеспечило *«возможность постепенного, но решительного выхода России на мировые рынки товаров, рабочей силы, услуг и капиталов»* как *«крупнейший шаг России на пути в Европу не только как политического, но и экономического партнера»*[66]. Число материалов о ЕС возрастало. Более того, росла и их доля в общем количестве публикаций о «Западе», НАТО и ЕС (рис. 12).

Но эйфория постепенно сменялась более реалистичными взглядами и скепсисом. Наблюдатели были разочарованы упрямой глухотой ЕС к интересам России. НГ подчеркивала двойственный характер отношений между Россией и ЕС. Примерно с середины 1990-х гг. европейская политика в отношении России стала интерпретироваться как неадекватная и преследующая только интересы ЕС. Отмечалось, что ЕС держит дистанцию с Россией, не воспринимает ее как европейскую страну. Это вызвало новый виток дискуссий о месте страны в мире и «вечный» вопрос российской геополитики: где заканчивается Европа и является ли Россия её частью:

> *«Россия пока не нашла своего прочного места в Европе, и отсюда, собственно, снисходительно-вежливое отношение к ней. Во всех общеевропейских учреждениях, куда Россия старается протиснуться, учтиво просят повременить, подождать или выдвигают условия, граничащие с вмешательством во внутренние дела»*[67].

Дискуссии об отношениях между Россией и ЕС почти всегда сочетались с дебатами о США и НАТО в единой теме евроатлантической интеграции. Подчеркивалось, что путь в ЕС был открыт только для членов НАТО. В результате проблема расширения ЕС на восток истолковывалась как расширение НАТО и воспринималась как неприемлемая угроза. Это породило порочный круг: *«...присоединение России к НАТО в обозримой перспективе маловероятно. Но и расширение НАТО без России будет означать их противостояние — вольное или невольное»*.[68]

Два фактора серьезно омрачали отношения России с ЕС. Во-первых, война в Чечне возродила в европейском общественном мнении *«былые страхи по поводу российского имперского экспансионизма и силового решения возникающих проблем»*[69]. Чеченский конфликт ускорил расширение НАТО и свел к нулю шанс России помешать этому про-

---

[66] 27.05.1994 завершила свою работу парижская конференция по пакту о стабильности в Европе // Независимая газета. 28.05.1994.

[67] Владимир Катин: «Отношения Европы и России можно охарактеризовать одним словом: двойственность» // Независимая газета. 08.06.1994.

[68] НАТО плюс Россия? Новые проблемы европейской безопасности // Независимая газета. 16.11.1994 г.

[69] Дашичев В.И. Европейская трагедия // Независимая газета. 10.10.1995.

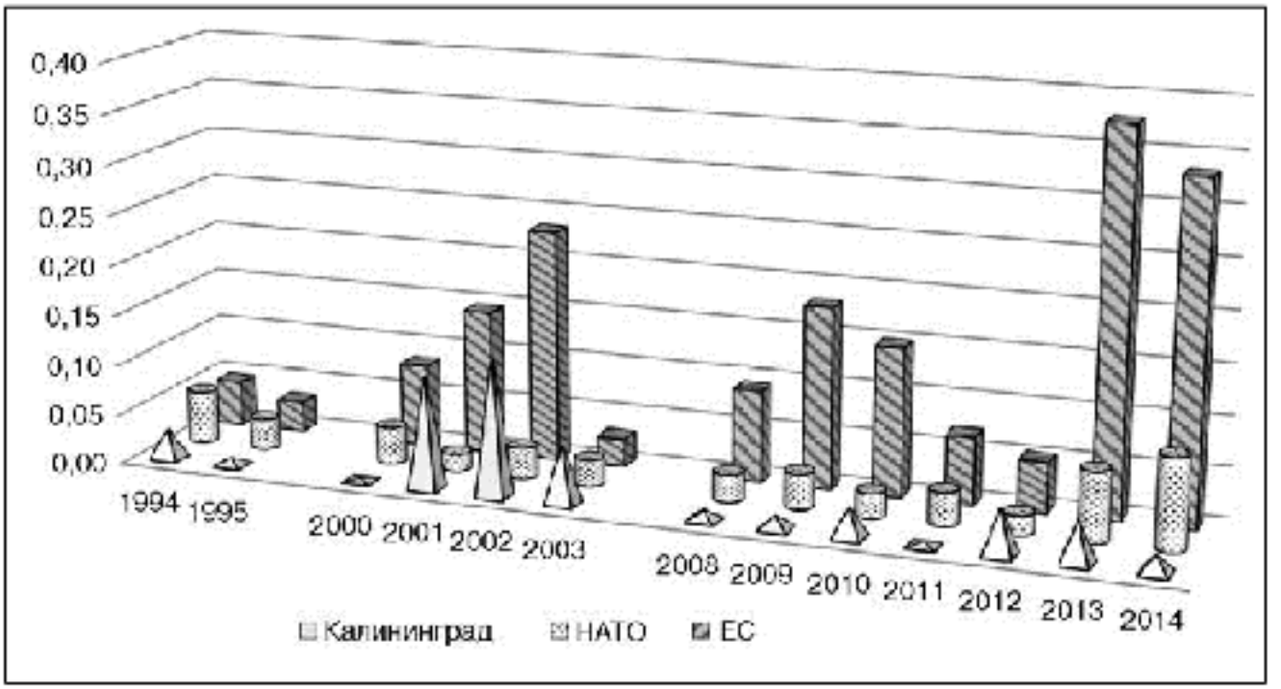


Рис. 12. Доля сюжетов с упоминанием отдельных регионов и межгосударственных объединений в общем числе отобранных публикаций за год (составлено авторами по материалам исследования).

цессу. Во-вторых, действия НАТО в Косово без согласия ООН рассматривались как *«действия против мира, вопреки нормам международного сообщества»*, *«массированное, грубое нарушение национальных и геополитических интересов России»*. Эти действия были осуждены всеми российскими политическими партиями и привели к серьезному кризису в отношениях с Западом. В политический дискурс вернулись такие понятия, как *«нерушимость границ»*, *«самоопределение народов»*, *«русское единство»*, *«идентификация через поиск и воспроизводство ценностей»*, *«национальная идея»*. В отличие от начала 1990-х гг., Россия начала позиционировать себя как иную цивилизацию, которая в отличие от Центральной и Восточной Европы, *«никогда не была частью Запада и воспринималась Западом как чуждая, экспансионистская азиатская держава»*[70].

[70] Самуйлов С. Межцивилизованный подход // Независимая газета 29.04.1994.

Во втором периоде (2000–2003) возникла тесная связь между дискурсами о европейской и евразийской интеграции, и ЕС сначала рассматривался как образец экономической и политической интеграции. После прихода к власти президент Путин высказывался за установление хороших отношений с Западом и особенно с Европой. Так, в доминирующем дискурсе о постсоветской интеграции использовались такие термины, как *«интеграция европейского типа»*, *«сообщество по примеру ЕС»*, *«союз по примеру ЕС»*, *«объединение двух стран на принципах ЕС»*, *«модель ЕС»* и т.п.

В то же время уже тогда можно было заметить, что потребность в евразийской интеграции оправдывалась противодействием расширению НАТО, хотя еще в мягкой форме (*«наш союз с Россией — это противовес НАТО»*[71]). Соглашение с ЕС 1994 г. не оправдало ожиданий России и не было полностью реализовано.

В 2002 г., накануне почти одновременного вступления ряда стран Центральной и Восточной Европы в НАТО и «Большую Европу», внимание к отношениям между Россией и ЕС достигло своего первого пика. Расширение НАТО означало радикальный сдвиг в отношениях между Россией и ее бывшими «внешними» (бывшие социалистические страны Центральной Европы) и «внутренними» (бывшие республики Советского Союза) «геополитическими оболочками». Хотя участие в НАТО и ЕС часто рассматривается в совокупности, отношение к ЕС российской общественности и экспертного сообщества всегда было значительно мягче. В любом случае распространение на восток правовых и экономических норм, в разработке которых Россия не принимала участия, было весьма тревожным фактором. Новые условия торговли России с новыми членами ЕС привели к значительным экономическим потерям.

Яркие эмоции и огромное количество комментариев вызвало включение соседних стран в Шенгенскую зону. СССР, а затем Россия на протяжении долгих десятилетий пользовались безвизовым режимом со всеми новыми членами ЕС, кроме стран Балтии (после 1992 г.).

Сложной темой переговоров с ЕС была трансформация Калининградской области в изолированный эксклав. Брюссель последователь-

---

[71] Вавилов Н. «За нами пойдут другие народы». Интервью с А.Г. Лукашенко // Независимая газета. 18.01.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-01-18/5_poidut.html

но отказывался от предложений России. Проблема Калининграда стала лакмусовой бумажкой в отношениях России и ЕС. Поскольку российские предложения о создании безвизовых коридоров для связи с Калининградом были отвергнуты, учреждение так называемого упрощенного документа для железнодорожного транзита через Литву нередко расценивалось как попрание суверенитета России (*«в собственный дом входить с разрешения соседа не следует»*[72]), хотя и стало на тот момент разумным компромиссом.

В этой ситуации в стремлении сохранить открытые границы с ЕС Украина впервые поставила вопрос о визовом режиме с Россией. Она заявила, что демаркация и делимитация границы с Россией должны быть проведены как можно скорее. Это сделало отношение к расширению ЕС на постсоветские страны более негативным. Оно рассматривалось как фундаментальный геополитический проект, тогда как реальная готовность страны к членству в ЕС стала второстепенным вопросом.

Комментируя расширение ЕС и включение его новых членов в Шенгенскую зону, НГ использовала образ стены[73]. «Великая шенгенская стена» (заголовок статьи) как новая разделительная линия в Европе стала одной из основных тем. В том же 2002 г. Россия официально обратилась к ЕС с предложением об отмене визового режима, что вызвало новый виток дискуссий. В ней участвовали дипломаты, ученые и политики из России, стран СНГ и Европы. «Шенгенскую стену» часто сравнивали также с новым железным занавесом. ЕС обвиняли в возведении таможенных и пограничных барьеров, непреодолимых для России: *«вольно или невольно провозглашение «единой Европы» прокладывает политически и психологически те самые новые разделительные линии, которых, как заявлено в Копенгагене, так хотели бы избежать»*[74].

Неудачи и ограничения в отношениях с Западом объяснялись принципиальными различиями в менталитете. Подчеркивалось, что для России *«общецивилизационный европейский выбор является скорее нравственным, мировоззренческим, а не институциональным понятии-*

---

[72] Мигалин С. Дальше от России, но ближе к Европе // Независимая газета. 10.10.2002. http://www.ng.ru/regions/2002-10-10/4_kaliningrad.html

[73] Янов А.Л. Не стоит рубить окно в Европу. Надо сломать стену // Независимая газета. 25.06.2002. http://www.ng.ru/ideas/2002-06-25/11_integration.html

[74] Григорьев Е.Е. Копенгаген — это только начало // Независимая газета. 16.12.2002. http://www.ng.ru/politics/2002-12-16/2_copenhagen.html

ем»[75]. Основной мотив заключался в том, что, несмотря на дружественную риторику, ЕС изолировал и «отчуждал» Россию. Е. Григорьев, журналист НГ, писал:

> *«Стена XXI века может сооружаться из чего угодно... Эта своего рода виртуальная, невидимая глазу стена по тысячекилометровому периметру ЕС строится официально против нелегальной иммиграции. Но в реальной практике она грозит «замуровать» жителей калининградского анклава, ввести новые препоны свободному общению и передвижению людей... Любая стена — это плод слабой, провальной и к тому же эгоистической политики, не знающей цивилизованного урегулирования возникающих проблем...»*[76].

Тема «Великой шенгенской стены» или «мягкой блокады» долгое время оставался в фокусе дискурса НГ о ЕС — в частности, из-за долгих и безуспешных переговоров с ЕС о либерализации визового режима. Как показывали социологические опросы, в глазах российского общественного мнения это был самый заметный признак добрососедства с ЕС.

Речь В. Путина в 2007 г. в Мюнхене стала предвестником нового этапа отношений между Россией и Западом. Президент России заявил, что они должны сотрудничать на равных, осудил попытки создать однополярный мир, где доминируют США как единственная сверхдержава, и подчеркнул, что это невозможно. Глава государства также осудил расширение НАТО и размещение американских ракет в Центральной Европе и отметил, что реорганизация постсоветского пространства не может быть осуществлена без участия России.

В третьем периоде (2008–2012) отношения с ЕС рассматривались через призму проекта «Восточное партнерство», продвигаемого европейской стороной (рис. 13). «Восточное партнерство» было оценено как новый вызов российским интересам в регионе. Его цель интерпретировалась как окончательный распад постсоветского пространства и сокращение связей стран СНГ с Россией. Ее отношения с ЕС все больше превращались в «игру с нулевой суммой» — борьбу за влияние на

---

[75] Иванов И.Д. Не поддаваясь на уловки Брюсселя // Независимая газета. 07.10.2002. http://www.ng.ru/courier/2002-10-07/12_buxelles.html

[76] Григорьев Е.Е. Идея стены живет и торжествует // Независимая газета. 08.07.2002. http://www.ng.ru/politics/2002-07-08/2_idea.html

постсоветском пространстве по принципу «победитель получает все». Российское руководство считало, что ЕС не могло строить свои отношения с Россией так же, как с небольшими соседними странами. В официальном дискурсе попытки распространить европейские ценности и нормы на соседние государства освещались в негативных тонах. Однако, несмотря на критическое отношение к проекту, в редакционных статьях прямо признавалось — *«шансов на то, что мы удержим «бывших наших» в своей орбите, честно говоря, не много»*[77].

Дискуссии о «Восточном партнерстве» и об отношениях с Западом приобрели особенно острый характер, поскольку совпали с обсуждением «критических выборов» в Молдове и Приднестровье, от которых зависели перспективы отношений между правым и левым берегами Днестра, и последствий «пятидневной войны» между Россией и Грузией. Это обсуждение вылилось в общие дебаты на тему о геополитическом самоутверждении России и о сфере ее международной ответственности и определило второй пик публикаций о ЕС в НГ в 2009 г. Многие из них напрямую касались места различных участков российской границы в системе национальной экономической и военной безопасности.

Так, Запад обвинил Россию в развязывании военных действий в Грузии, что было болезненно воспринято российским общественным мнением, которое было с самого начала уверено, что Грузия первая напала на Южную Осетию. В России преобладающий государственнический дискурс был основан на предположении, что Россия могла бы *«избежать втягивания в очередную кавказскую бойню»*, но это значило бы согласие на *«ограничение собственной роли на Южном Кавказе и усиление влияния Запада»*[78].

Эксперты часто подчеркивали, что Россия устала от неравноправного сотрудничества и двойных стандартов, применяемых Западом. Когда Москва признала независимость Абхазии и Южной Осетии, никто из авторов НГ не увидел разницы между сценариями Косова и откололовшихся от Грузии регионов. Единственное реальное различие, по мнению российских наблюдателей, заключалось в отсутствии каких-

---

[77] Европейский зонтик для СНГ // Независимая газета. 21.10.2009. http://www.ng.ru/editorial/2009-10-21/2_red.html

[78] Петровская Ю. Югоосетинский прецедент // Независимая газета. 11.08.2008. http://www.ng.ru/politics/2008-08-11/4_pretsedent.html

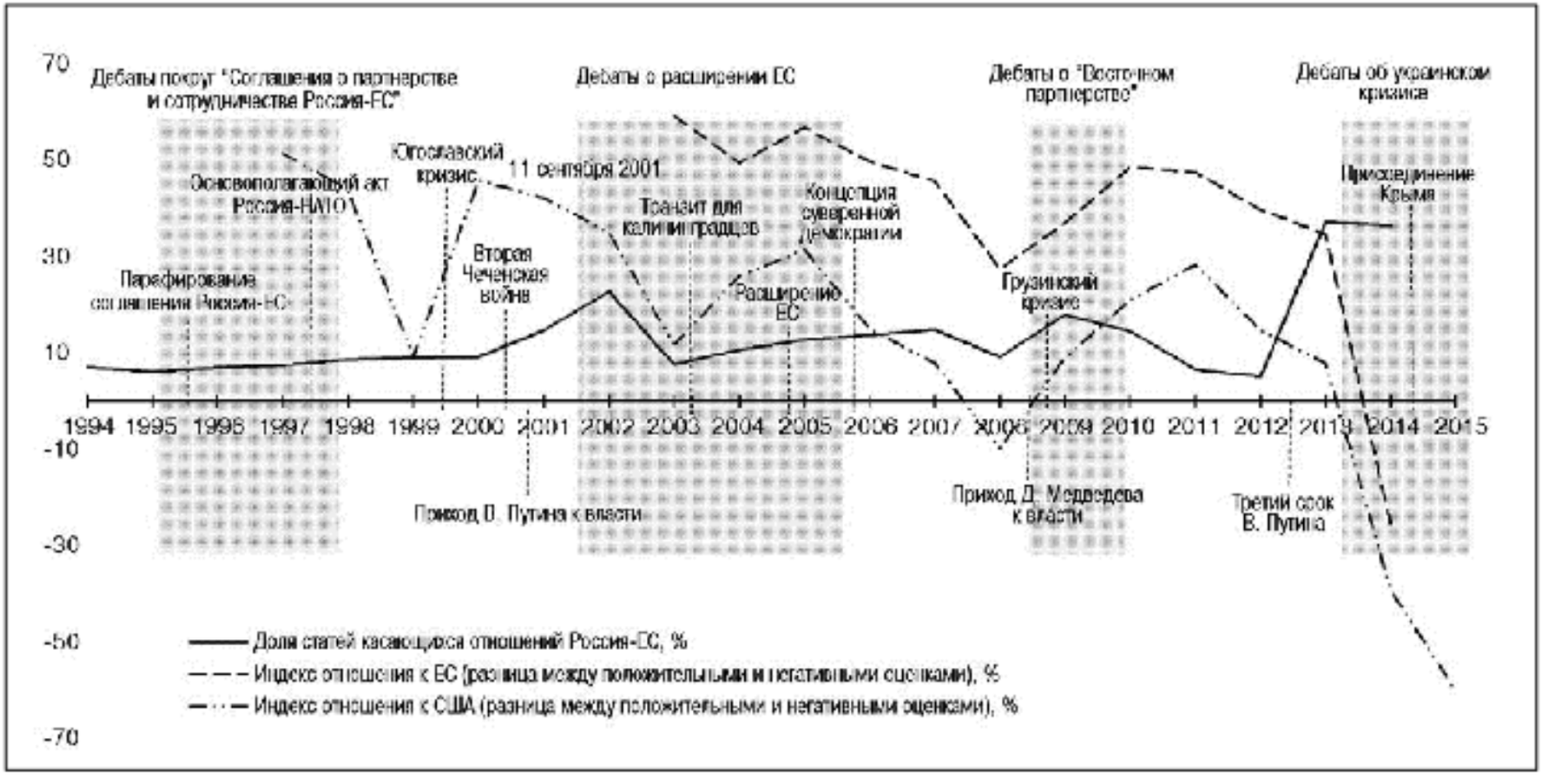


Рис. 13. Основные дискурсивные события во взаимоотношениях между Россией и ЕС за 1994–2015 гг.

Источник: Составлено авторами;
индексы отношения к ЕС и США приведены по: Общественное мнение, 2014.

либо перспектив признания Абхазии и Южной Осетии ЕС и странами НАТО.

Конфликт сильно осложнил отношения России с Западом, резко отдалил упразднение визового режима, спровоцировал замораживание переговоров о новом базовом договоре с ЕС. Возникла дискуссия о размещении американских ракет в Польше и Чехии, якобы не направленных против России. ЕС не допускал попыток российского бизнеса купить значительные пакеты акций европейских компаний, особенно в чувствительной для России сфере энергетики. Был принят Третий энергетический пакет, в котором, по мнению российской стороны, были проигнорированы ее объективные интересы. ЕС добивался твердых гарантий для инвестиций, требовал от России отменить платежи за авиационный транзит над Сибирью, упростить бюрократические процедуры регистрации иностранцев и убедить российское руководство не использовать санитарные и экологические требования в качестве инструмента политического давления (Кузнецова, 2007). Со своей стороны, Россия ограничивала иностранные инвестиции в стратегические отрасли экономики, в частности, добычу природного газа, сохраняла монополию на транспортировку газа и нефти. Тем не менее, урегулирование кризиса было воспринято с осторожным оптимизмом.

Дебаты о кризисе в Украине (четвертый период, 2013–2014) во всех российских СМИ переплетались с темой противостояния России и Запада. Примерно в 80% статей об отношениях с ЕС и НАТО речь шла о стратегическом выборе между Россией и Западом, евроатлантической и евразийской интеграцией, который должны были сделать Украина, Молдова, Грузия и Белоруссия. Украина представала настоящим полем битвы между РФ и странами Запада. В доминирующем дискурсе ответственность за развязывание конфликта возлагалась на Запад, который отверг российскую инициативу провести трехсторонние переговоры в формате Украина — Россия — ЕС. Однако подчеркивалось, что официальные лица и общественное мнение некоторых европейских стран, например, Финляндии и Германии, периодически выступали за нормализацию отношений с Россией. Крайне негативная роль отводилась США как главному противнику России, обвиняемому в обострении политической ситуации и руководящему «пассивной» Европой.

«Национал-патриотическая» риторика, обычно не свойственная официальному дискурсу до 2012 г., достигла пика в 2014 г.: подчеркивалось, что *«Россия — самостоятельный, активный участник международной жизни... У нее, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать»*[79]. В этом контексте принцип многополярного мира получил новое звучание: авторы публикаций постоянно настаивали, что Россия — один из главных его центров. Новая геоэкономическая ситуация, спровоцированная поворотом России на восток, рассматривалась как альтернатива однополярному миру, где доминируют США, в котором Запад уже не может диктовать другим странам свои условия и правила игры.

Альтернативные дискурсы. Левый дискурс, формируемый «Советской Россией», выглядит наиболее целостным и стабильным. Он основан на предположении, что отношение Европы к России всегда предвзятое и неравное. Запад и его инициативы почти всегда демонизируются. Предполагается, что Запад навязывает России глубоко чуждые модели развития, идеологию классового неравенства, эксплуатации и потребительства. Левый дискурс имел тенденцию к почти полному слиянию с «национально-патриотическим», развиваемым газетой «Завтра». Обе газеты предостерегали российские власти от слишком тесного сотрудничества и интеграции с ЕС и особенно с НАТО. Они подчеркивали, что ни одна попытка России улучшить отношения с Западом не удалась.

В левом дискурсе проект «Восточное партнерство» виделся как исключительно антироссийский и характеризовался как неоколониальный. «Советская Россия» указывала, что *«политика развитых стран строится по принципу «возьмите наши стандарты, а мы возьмем ваши ресурсы и уничтожим все, что в состоянии конкурировать с нами»*[80]. «Советская Россия» называла ЕС *«троянским конем НАТО»*[81].

---

79 Самарина А., Родин И. «Фултонская речь» Путина // Независимая газета. 19.03.2014. http://www.ng.ru/politics/2014-03-19/1_speech.html

80 Делягин М. Итоги интеграции Восточной Европы // Советская Россия. 31.10.2009.

81 Кириллов В. Троянский конь и НАТО // Советская Россия. 22.03.2007. http://www.sovross.ru/articles/6/349

Конфликт 2008 г. в Южной Осетии воспринимался как западный заговор:

«Тщательно продуманная и длительно готовившаяся операция, чтобы выкинуть Россию с Кавказа и из Средней Азии, создать тем самым предпосылки для дальнейшего расширения НАТО и выстраивания санитарного кордона враждебных государств вокруг России»[82]. Газета полностью одобряла действия властей: *«Россия впервые за всю свою новейшую историю приняла мужественное и независимое политическое решение, возложив на себя всю ответственность за его последствия»*[83]. Авторы «Советской России» были убеждены, что только признание Абхазии и Южной Осетии *«дает какие-то гарантии мира»* и что присутствие российских военных на их территории — это условие для него.

Либеральный дискурс в «Новой газете» 1990-х и начале 2000-х гг. был близок к дискурсу НГ. Но с середины 2000-х гг. различия между ними стали более заметными. НГ приближалась к центристской позиции и иногда даже публиковала материалы, которые могли бы появиться в «национально-патриотических» газетах. В то же время «Новая газета» стала более непримиримой и резкой.

Твердая позиция «Новой газеты» с самого начала заключалась в том, что *«будущее и цивилизационный выбор России, без всякого сомнения, европейские»*[84]. Несмотря на неудачи в развитии отношений с ЕС, либеральные авторы полагали, что интеграция России в Европу является основной национальной целью, и что *«стены должны быть уничтожены»*. (А. Янов). В начале 1990-х гг. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС было представлено либеральными авторами как инструмент позитивных реформ и преобразований в России. Подчеркивалось, что в нем сформулированы *«общие цели России и ЕС»*. Газета возлагала вину за отсутствие конструктивного диалога с ЕС исключительно на российские власти, которые не уделяли достаточного внимания экономическим реформам и шли по пути строительства «управляемой демокра-

---

[82] Пять лет пятидневной войны. Что нам оставят от победы? Из интервью с Ю.А. Квицинским // Советская Россия. 08.08.2013. http://www.sovross.ru/articles/948/16067

[83] Свиридов П. У поворота истории // Советская Россия. 28.08.2008. http://www.sovross.ru/articles/219/3911

[84] Иванов И. Не поддаваясь на уловки Брюсселя // Новая газета. 07.10.2002. http://www.ng.ru/courier/2002-10-07/12_buxelles.html

тии». *«Россия выбрала идеологию государства-нации, государства-мессии, великой России. Это не вписывается в европейский проект»*[85].

Отношения между Россией и Европой на страницах газеты называли диалогом глухонемых: *«и Россия, и ЕС говорят о «демократии», «правах человека», «рыночной экономике», но понимают под этими понятиями совершенно разные вещи»*[86]. Либералы были убеждены, что различия в ценностях между Россией и Западом являются основным препятствием для смягчения визового режима и подчеркивали, что демократизация была бы условием неизбежного партнерства с западными странами.

В либеральном дискурсе отношение к «Восточному партнерству» было весьма положительным. В нем видели поддержку европейских устремлений государств постсоветского пространства и компенсацию невозможности их приема в ЕС. Официальную реакцию России на европейскую инициативу называли *«противоречивой, судорожной и неэффективной»*. Либеральные наблюдатели считали модели ЕАЭС и Единого экономического пространства непривлекательными для постсоветских государств. Либералы уверены, что Россия должна быть преобразована из великой империи *«в нормальную страну, смириться с этим статусом и включиться в традиционную европейскую политическую среду»*. В противном случае *«страна обречена на противостояние с Европой, в котором Россия может испытать еще более чувствительное поражение, чем Украина»*[87].

В южноосетинском конфликте позиция «Новой газеты» сильно отличалась от других газет. Она заявила, что *«российское вторжение в Грузию было заранее спланировано»*[88]. Действия России в августе 2008 г. были интерпретированы как *«использование любых способов предот-*

---

[85] Европа подошла к окну и прикрыла форточку // Новая газета. 05.05.2004. http://www.novayagazeta.ru/society/24023.html

[86] Решетка на окне в Европу // Новая газета. 26.01.2004. http://www.novayagazeta.ru/society/24987.html

[87] Кузнецова Е. Москве следует поддержать европейский выбор Украины // Независимая газета. 09.02.2005. http://www.ng.ru/politics/2005-02-09/2_choise.html

[88] Фельгенгауэр П. Это была не спонтанная, а спланированная война // Новая газета. 14.08.2008. https://www.novayagazeta.ru/articles/2008/08/13/36960-eto-byla-ne-spontannaya-a-splanirovannaya-voyna

вратить вступление Грузии в НАТО»[89]. Операция в Южной Осетии сравнивалась с *«вторжением в 1999 году в Чечню»* и называлась *«разборкой»* на основе *«идеи защиты русского мира за пределами границ РФ»*[90]. Отмечался рост имперских амбиций российского руководства в борьбе за традиционные сферы влияния.

Для либеральных наблюдателей кризис 2014 г. в Украине стал рубиконом в отношениях между Россией и ЕС, переход через который означает достижение точки невозврата[91]. Виноваты в этом, по мнению авторов газеты, российские власти, которые выбирают неверный путь, ведущий к изоляции страны; правильный путь заключается в сближении с ЕС, а не в создании ЕАЭС. Подчеркивалось, что усиление авторитарного режима, ужесточение полицейских мер и избирательное применение законодательства лишит Россию надежды наладить конструктивный диалог с Западом и страна движется по направлению к *«бесконечному застою»*.

> *«Если Россия собирается быть частью современного мира... нужно четко понимать, какой частью его она может стать и на каком месте в нем она способна оказаться»*[92].

Либеральная риторика все в большей степени противоречила официальной позиции, осуждалась центристскими и левыми СМИ и маргинализировалась.

Семантический анализ дискурса

Семантический анализ текста позволяет проанализировать зависимость значения характерных для какого-либо дискурса слов от контекста фразы, раскрыть их смысл, заключенное в них «послание» определенной читательской аудитории. В этих целях использован алгоритм AdaGram, позволяющий оперировать большими массивами ин-

---

[89] Минеев А. Не спрашивай, на кого падают бомбы? // Новая газета. 9.08.2008. http://www.novayagazeta.ru/politics/39058.htm

[90] Мартынов К. «Пятидневная война» сегодня // Новая газета. 10.08.2015. http://www.novayagazeta.ru/columns/69485.html

[91] Лукьянов Ф. Другая Европа и друга Евразия // Российская газета. 11.12.2014. http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6337589.shtml

[92] Иноземцев В.Л. О целях и методах конструктивной оппозиции // Независимая газета. 18.01.2013. http://www.ng.ru/ideas/2013-01-18/5_opposition.html

формации. Он был применен к базе данных для анализа дискурса о соседстве и границах[93]. Были выбраны три группы понятий, связанных с делимитацией границ, их обустройством, пересмотром и изменением прочей приграничной деятельностью и трансграничными взаимодействиями:

- европейская интеграция, отношения с коллективным Западом (США, НАТО, ЕС, отдельными странами);
- евразийская интеграция под эгидой России во всех ее формах и отношения со странами постсоветского пространства, за исключением Эстонии, Латвии и Литвы;
- миграции со всеми проявлениями, проблемами и последствиями, а также проблема гражданства.

Эти понятия легко распознаваемы в тексте, но в то же время представляют собой туманные, нейтральные и неопределенные сгустки («хабы») смыслов (пустые значения, по терминологии Э. Лаклау). Были разработаны запросы, раскрывающие и уточняющие возможные смыслы в рамках названных трех групп понятий. Вопросы могут носить общий характер и относиться ко всем им (например, «граница-boundary» или «граница-border») или только к конкретным элементам только одного из понятий. Они также могут состоять из нескольких слов, включая аббревиатуры в именительном падеже без заглавных букв. Всего было сделано 138 запросов, касающихся однокоренных слов и терминов.

Тексты всех подразделов были подготовлены для обработки: знаки препинания, символы и прописные буквы удалены, все существительные, прилагательные и местоимения поставлены в именительный падеж, а глаголы — в неопределенную форму. Полученные результаты были очищены от союзов, местоимений, предлогов и других незначащих слов. Было решено ограничить результаты расчетов 30 наиболее вероятными ассоциациями и установить порог в размере 0,01 минимальной вероятности.

Программное обеспечение использует двухвекторную скип-грамм модель (word2vec) распознавания слов и определяет вероятность

---

[93] Авторы выражают искреннюю благодарность А.Новикову (генеральному директору), Е.Серовой и другим сотрудникам компании Habidatum за содействие в освоении возможностей этого алгоритма и обработку массива данных.

встретить слово в контексте запроса[94]. Это означает, что алгоритм определяет не частоту употребления этого слова, но вероятность встретить его в определенном контексте, вместе с другими специфическими словами. Например, если запрашивается наиболее вероятная комбинация слов, связанных с «Петром», то это будет «он ходит в школу» или «он ездит в школу». Таким образом, наиболее значимые слова будут «ходит» и «ездит». Они позволяют отличить одно действие от другого. В данном контексте эти слова одинаково важны и определяют смысл, хотя слово «ходит» используется чаще. Слово «школа» также является значимым, поскольку оно определяет занятия Петра и отделяет его учебную деятельность, скажем, от его досуга.

Расчеты дали возможность выделить ряд ключевых ассоциаций, задающих рамки дискурсивного поля за последние 25 лет. Для евразийской интеграции эти ассоциации связаны с темами разрыва единого пространства бывших советских республик и необходимостью его восстановления с учетом прагматических интересов каждой страны и неизбежных стадий постсоветского развития. В свою очередь, эти процессы сопряжены с государственным строительством и возможностью его ускорить благодаря интеграции. Ключевые понятия: *«братство»*, *«союз»*, *«потенциал интеграции»*.

Тема европейской интеграции обсуждалась в основном с точки зрения идеализированных морально-этических позиций с акцентом на *«партнерстве»*, *«добрососедстве»*, *«равноправии»*, *«демократии»*, *«исключительности»*, *«перспективах»*, *«стратегии»*, *«отсутствии антагонистических устремлений»* и *«гегемонии»*.

Поля евразийского и европейского дискурсов не совпадают, хотя иногда частично перекрывают друг друга. Одни и те же сюжеты интерпретируются с различных углов зрения, как, например, в случае обсуждения ценностей. В евразийском дискурсе вероятность найти рассуждения на тему ценностей была намного выше, чем в случае европейской интеграции.

Хотя миграции стали очень острой проблемой и несмотря на зафиксированное социологическими опросами негативное отношение общества к мигрантам, дискурс, развернутый НГ, был в целом сфокусирован на экономических нуждах и культурной близости.

---

[94] Это означает, что алгоритм позволил рассматривать слова, ассоциированные типичным образом, до и после каждого запроса.

Ответ на запрос может носить общий и уникальный характер, так же, как и сам запрос. Например, категория «миграции» охватывает следующий набор ассоциаций, общий для всех трех групп понятий: *«этнический», «меньшинство», «культура», «труд», «нация», «русский»* и т.д. Перечень специфических ассоциаций, связанных только с миграциями, был совершенно иным: *«преступление», «депортация», «гастарбайтер», «иммигрант», «контрабанда», «наркоторговля», «уходить», «легализация».*

Наиболее важные общие ассоциации с евразийской интеграцией были: *«культурный», «постсоветский», «ценность», «традиции», «великий», «евратлантический», «союз»* и т.д. Специфические ассоциации включали понятия: *«реставрация», «крушение», «реальность», «основать», «наследие», «обширные земли», «мусульманин» («мусульманский»), «взрывы»* и т.д.

Европейская интеграция ассоциировалась, в первую очередь, с положительными коннотациями: *«партнерство», «демократический», «равный», «восточный», «расширение добрососедства».* Специфические ассоциации были разнообразнее: *«регионализм», «устремление», «евро», «недовольство», «ждать», «отказаться», «противостоять», «раздражение», «безопасность»* и т.д.

Эти различия дифференцируют риторику, адресованную различным аудиториям и имеющую различные цели: декларативные и практические публичные дискурсы существуют параллельно, но не изолированно друг от друга. Первый касался перспектив и создавал мифологию идеального будущего и поэтому был (по крайней мере, частично) утопическим. Второй отвечал текущим практическим потребностям. Их одновременное развитие изменяло и искажало восприятие политических решений общественным мнением.

Хронологический подход позволил выявить слова (смыслы), доминировавшие в дискурсе в разные периоды. Например, в 1995–2001 гг. наиболее важные комбинации смыслов в дискурсе о ценностях и геополитических ориентациях были: *«универсализм», «великодержавность», «демократизация», «духовность», «либерализм», «модернизм», «постиндустриальное развитие», «автономия», «законность и правопорядок»* и т.д. В 2012–2014 гг. этот набор стал включать совершенно другие смыслы: *«благополучие», «восстановление», «восточно-христи-*

анский», «духовный», «естественный», «единство», «искусство», «община», «традиция», «цивилизация» и т.д.

Слово «граница» стало значимым в контексте отобранных понятий только в начале 2000-х гг., приобретая все более разнообразные смыслы. В первой половине 2000-х гг. граница ассоциировалась с *«делимитацией», «дифференциацией», «аванпостами», «службой в армии», «контролем», «государственностью», «суверенитетом и федерализмом»*. В конце 2000-х ассоциации были связаны с конкретными участками границы: *«российско-грузинской», «российско-казахстанской»* и т.д. Таким образом, риторика стала менее общей; усилился акцент на темах секьюритизации и рисков, с одной стороны, и близости, соседства и смежности, с другой. Появились новые ассоциации: *«антитеррористический», «миграция», «перевал», «переправа», «укрепление»*. Новая особенность — использование лексикона XIX века — *«караульный», «служба», «казак»*. В 2011–2014 гг. возникли темы организации приграничной деятельности и охраны границы, которые еще недавно были на периферии дискурса: *«регулярный», «контакт», «мобильный», «снабжение», «размещение», «пресс-служба», «подразделение»*.

Некоторые слова были все время в политическом лексиконе и могли встретиться в разных контекстах, другие возникали и исчезали, третьи были переосмыслены и вернулись в дискурс. Так, слово «расширение» было заметным элементом в политическом дискурсе о европейской интеграции в 1990-х гг., затем отошло на второй план, но вернулось в значимую часть политического дискурса в 2010–2014 гг., причем в гораздо большем числе контекстов, чем раньше. Оно стало использоваться в дискурсе о целом ряде организаций — от НАТО до ГУАМа, приобрело новые смыслы и ассоциируется не только с интеграцией, но и с дезинтеграцией и угрозами.

Сторонники различных идеологических доктрин меняли свой лексикон, нередко заимствуя некоторые термины друг у друга. Например, слова «самосознание», «самоорганизация» и «самоидентификация», которые доминировали в 1990-х гг., в 2000-х гг. были вытеснены термином «идентичность». Они кажутся синонимами, но относятся к разным языковым практикам, основанным на политических традициях евразийцев и западников.

В целом семантический анализ на основе алгоритма AdaGram существенно дополнил исследование дискурса, позволил прийти к неочевидным при применении только качественных подходов выводам. В частности, это относится к взаимосвязи дискурса о европейской и евразийской интеграции. Весьма полезным оказался семантический анализ для понимания сдвигов в дискурсе за двадцатилетний период.

* * *

Изначально входивший в исследовательское поле географии когнитивный подход к исследованиям границ завоевал большую популярность и открыл новые исследовательские перспективы представителям других социальных наук — историкам и экономистам, социологам и «международникам». Анализ дискурса о границах страны в центральных российских газетах подтвердил высокий потенциал этого подхода. Этот дискурс затрагивает невероятно богатый набор сюжетов — от делимитации и демаркации, режима и функций границ, приграничного сотрудничества до, казалось бы, чисто политических проблем, таких как законодательство о соотечественниках или политика памяти в России и соседних странах.

Изучение этого дискурса показывает, что перераспределение функций между различными участками границ России со многими республиками бывшего СССР (*de-bordering* и *re-bordering*) определялось фундаментальным вызовом, который долгие годы стоял перед многими из них: или ассоциация с ЕС, или участие в различных проектах евразийской интеграции. Что касается «старых» границ России, унаследованных от Советского Союза, то их эволюция зависела от изменений в соотношении между «западным» и «восточным» векторами российской внешней политики: медленным и крайне трудным поиском компромиссов с ЕС и другими западными странами и попыток найти особый путь развития, органически связанный с укреплением сотрудничества с быстро развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего, Китаем. Поиск оптимального баланса между «западным» и «восточным» векторами — извечная проблема, которую с разным успехом пытались решать историческая Россия и ее преемник, Советский Союз. В истории двух последних столетий можно выделить пять повторяющихся фаз изменения отношений между Россией и Европой (Цымбурский, 2007).

Такая цикличность объясняет удивительное постоянство главных тем постсоветского дискурса о границах. Альтернатива «Восток — Запад» определяла контактные и барьерные функции разных участков границ, дискурс об их роли в конфликтах, соперничестве и сотрудничестве между Россией и соседними странами на разных пространственных уровнях (Krasteva, 2015).

Преемственность дискурса парадоксальным образом сочетается с его фундаментальными изменениями, особенно разительными в конце рассматриваемого периода. Геополитический поворот, спровоцированный политическим кризисом на Украине, но подготовленный многими предшествующими событиями, широко обсуждавшимися в российской печати, привел к глубокому расколу между Россией и коллективным Западом и декларациям о переориентации на восток. Следствием этого раскола стал рост озабоченности как России, так и ее западных соседей вопросами безопасности, появление жесткого барьера вдоль границы с Украиной, превратившейся во враждебную страну.

Одновременно значительно укрепилась гегемония официального дискурса, развиваемого главными федеральными телеканалами. Парламентская оппозиция поддержала ключевые решения руководителей страны, оказавшие влияние на функции разных участков границ, что размыло различия между официальным и оппозиционным дискурсами. Левый и национал-патриотический дискурс по многим внешнеполитическим вопросам практически слились. Либеральный дискурс, продвигаемый слабыми и раздробленными внепарламентскими силами, вытеснен на далекую периферию общественного внимания, тогда как в его центр выдвинулись претензии на цивилизационную исключительность России. В общественных представлениях страна вновь выглядит «осажденной крепостью», что оказывает прямое влияние на функции границ и приграничное сотрудничество. Объективное усложнение международных проблем сопровождалось упрощением их отражения в СМИ.

Однако в глобализирующемся мире практически ни одна граница не может быть герметически «закрыта», и в дискурсе о границах противоречиво переплетаются сюжеты, сочетающие в разных пропорциях все три элемента триады «конфликты — соперничество — сотрудничество». Один и тот же сосед может рассматриваться и как привилегированный партнер, и как угроза.

Глава 3.2.

Фантомные границы на постсоветском пространстве*

Политическая карта мира, на которой каждая страна закрашена сплошь определенным цветом, обманчива. На ней нет «белых пятен» — практически незаселенных пространств, не показаны спорные территории, десятилетиями не контролируемые центральным правительством. Все мировое пространство упрощенно представляется разделенным на единые и неделимые атомы, клетки-государства. Однако большинство государств мира — многонациональные. Известный английский философ и социальный антрополог Эрнест Геллнер образно сравнил политическую карту мира с картинами Амедео Модильяни, для которых характерны крупные фрагменты с относительно чистыми тонами, а этнокультурную — с многоцветными, пестрыми полотнами Оскара Кокошки. Несовпадение государственных границ с этнокультурными и переделы мира оставили на карте многочисленные «шрамы истории» (выражение французского философа О. Маркара) — несуществующие более рубежи, оказывающие, однако, влияние на жизнь общества.

Картографирование и анализ происхождения и истории государственных границ — один из традиционных подходов в пограничных исследованиях (Колосов, Тикунов, 2005; Колосов, 2008). Большое внимание в них всегда уделялось формированию государственной территории, морфологии ее границ в разные периоды. Изучение динамики границ в пространстве-времени и их устойчивости стало одним из достижений политической географии первой половины XX века. Они тесно связаны с именем выдающегося американского географа Ричарда Хартшорна и его известных публикаций о границах Верхней Силезии (Hartshorn, 1933, 1936), в которых он показал влияние политических границ на культурные особенности территории. Хартшорн первым исследовал различия между границами, установленными до возникно-

---

* Более ранняя версия настоящей главы опубликована в: Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета, сер. 5. География. 2017, №5. — С. 3–11.

вения современного культурного ландшафта («пионерными», или «антецедентными»), рубежами, секущими сложившиеся территориальные социально-экономические и культурные водоразделы («субсеквентными»), и бывшими (реликтовыми) политическими границами.

Перекройка государственных границ после Второй мировой войны, а затем процесс деколонизации, в ходе которого на политической карте мира появились десятки новых независимых государств, вызвали новый всплеск интереса к бывшим политическим границам, в том числе доколониальным. Еще примерно через четверть века распад Советского Союза и Югославии в очередной раз возродил интерес к проблеме «справедливых» границ и их изменений. Этой проблеме посвящены исследовательские проекты, исторические карты и атласы (см., например, Ширяев, 1991; Foucher, 2011; Grandits et al., 2015).

Французский географ Ив Лакост назвал границы историей, запечатленной в пространстве. Как существовавшие в прошлом границы проявляются в культурном ландшафте, как сказывается на их сегодняшней значимости давность потери ими функции разделительных линий между государствами? Почему одни бывшие границы заметнее, чем другие?

В настоящей главе будет показана значимость исторических (реликтовых, фантомных) границ в укреплении или конструировании территориальной идентичности, рассмотрены основные направления и теоретические подходы к их географическому изучению и охарактеризованы их взаимосвязь с культурными рубежами в российском пограничье.

Значимость для различных сфер жизни

Конфигурация государственной территории — это яркий и емкий образ страны, прочно запечатлевшийся в сознании граждан. После технологической революции в полиграфии в конце XIX века, сделавшей географические карты доступными для широких слоев населения, абрис государственных границ стал частью национальной идентичности. Контуры государств служат их своеобразными логотипами: их помещают на плакаты и карикатуры, широко используют в прессе и школьных учебниках. Как заметил С.Н. Ушакин, *«воображение играет ключевую роль в поддержании идеи исторической «незыблемости»...*

границ национального «тела». ...Идея целостности (воображаемого) тела нации сливается с идеей государственного суверенитета» (Ушакин, 2009).

Распространению представлений о территории как теле государства, а границе — как его уязвимой «коже» способствовали классические работы Ф. Ратцеля и его последователей — географов, историков и публицистов, в которых государство уподоблялось живому существу, которое появляется на свет, растет и развивается, проходит стадию зрелости, стареет и умирает. Эти труды породили антропоморфические образы государственной территории как живого, обычно женского тела, сливающиеся с представлениями о матери-родине, которую каждый гражданин призван всеми силами защищать от внешних посягательств.

Соответственно, всякое покушение на это тело, будь то претензия на несколько гектаров приграничья в целях спрямления границы или же попытка отделения целой провинции, рассматривается общественным мнением чрезвычайно эмоционально. Особенно болезненно воспринимается раздел государства, сецессия его части или передача соседям участка территории. Такие события оставляют глубокий след в идентичности людей, воздействуют на геополитический «код» отношений с соседями и всем мировым сообществом. В развитие метафорической ассоциации государства с человеческим телом утрата его части сравнивается с ампутацией конечности: хотя ее уже нет, человек еще длительное время ощущает ее, страдает от фантомных болей в ней (Gorzelak, 2006).

По этой аналогии фантомными называют границы между государствами, утратившие свои наиболее важные функции, но остающиеся политическими и культурными барьерами, проявляющимися в различных формах в современной экономической, социальной и политической деятельности. Возникает естественный вопрос, все ли реликтовые (исторические) можно считать фантомными. Термин «фантомные границы» нередко используется как синоним реликтовых границ (von Hirschhausen, 2017). Однако, по-видимому, более правильно рассматривать фантомные границы как особый вид реликтовых. В отличие от них, фантомные границы и поныне вызывают сильные эмоции в общественном мнении, остаются предметом политического дискурса и, следовательно, могут быть использованы для политической мобилиза-

ции, усиления или трансформации национальной, этнической или региональной идентичности.

В социальных представлениях государственная территория нередко сохраняет уже несуществующую конфигурацию. Ее ментальные границы могут не совпадать с реальными. Такие представления отражают ностальгию по утраченным территориям, действительному или мнимому былому величию государства, усиливаемую популярными картографическими изображениями. Например, в Венгрии широко распространяются карты, показывающие ее территорию до Трианонского мирного договора (1920), по которому страна как правопреемник потерпевшей поражение в Первой мировой войне Австро-Венгерской империи лишилась 64% населения и 72% территории, в том числе выхода к морю. Трианонский договор и теперь воспринимается в Венгрии как национальная трагедия.

Подобные далеко не единичные примеры породили так называемую «картографическую озабоченность», возникающую в случае, если часть граждан, в особенности принадлежащих к какому-либо меньшинству, ассоциирует себя с иной, не совпадающей с признанной в международном праве территорией. «Картографическая озабоченность» может быть связана с «картографической агрессией» других государств, особенно соседних, показывающих на картах старые границы (Billé, 2013). Так, на некоторых эстонских тематических картах, например, почвенных, наряду с официально признанной границей с Россией, отображалась и старая, довоенная, относящая к Эстонии территории Печорского района Псковской и часть Кингисеппского района Ленинградской области. Всем жителям Курильских островов и японским гражданам, пользующимся соглашением о безвизовых делегациях, в Японии вручались разговорники с искаженными картами, на которых четыре южных острова Курильской гряды показаны как японские (Пономарев, 2008). Так пользователю лишний раз напоминали о «несправедливой» границе.

Политические границы прошлого обычно разделяют территории с разной структурой расселения и хозяйства, а главное, разной идентичностью населения, сохраняя в его глазах определенную легитимность. Нынешняя территория любого государства — продукт длительного исторического развития: войн, присоединения соседних регионов, внутренних конфликтов, сецессий и вторжений из-за рубежа, приведших

к потере части земель. Современные границы — это материальное выражение памяти о прошлом (O'Dowd and Wilson, 2002). Границы одновременно представляют собой *инструмент*, закрепляющий власть некоторой социальной и/или этнической группы над территорией и показывающий ее способность осуществлять экономический, культурный, идеологический и политический контроль над ней, и *отражение* этого контроля (Себенцов, Колосов, 2012).

Поэтому дискурс вокруг границ прошлого часто используется различными политическими силами как эффективное средство борьбы за захват власти в государстве путем культивирования реваншизма, призывов к перекройке границ. По мнению Л. Бялашевич, фантомные границы — это *«невероятно сильная политическая метафора, отражающая определенное видение общества, мощный «контейнер» определенных мифов»* (Bialasiewicz, 2009).

Яркое выражение значимости исторических границ — их способность привлекать туристов. Любая государственная граница аттрактивна для туристов, если только вблизи нее стабильна политическая и криминальная обстановка и не разворачивается вооруженный конфликт (Александрова, Ступина, 2014; Dallen, 1995). На фантомных, исторических границах дополнительным фактором привлекательности выступают связанные с ними исторические события и посвященные им монументы, которые увековечивают память о битвах с захватчиками и национальных героях, в свою очередь, запечатленную в мифах и стереотипах. Часто главная цель подобного рода экспозиций — разделить «пришлых» и «коренных» жителей приграничного района, приписав «коренным» большую способность к построению эффективной экономики, «цивилизованность», «европейскость» и т.п. (Balibar, 2002).

Граница и прилегающие к ней ландшафты приобретают статус объектов культурного наследия. В качестве примеров можно привести Великую китайскую стену, ставшую самым узнаваемым памятником Китая, Берлинскую стену — один из главных символов холодной войны и в целом бывшую границу между ГДР и ФРГ. В современной Германии насчитывается 22 посвященных ей музея. Музеефицирована местами даже такая старая граница, как рубеж Римской империи (*лимес*) (Гринько, 2016).

Необходимость изучения фантомных границ объясняется многими причинами.

Во-первых, многие по историческим меркам недавно установленные границы носят явно «искусственный» характер, разделяя районы расселения этнических групп, территории, входившие ранее в состав других государств и/или сходные в экономическом отношении, и т.п.[95] Новые границы нередко вызывают ностальгию по «справедливым» старым (фантомным) государственным рубежам (Border Disputes, 2015), потенциально грозящую обострением конфликтов. Более того, процессы глобализации, связанные с определенным нивелированием условий ведения бизнеса и стиранием культурных различий под натиском массовой культуры, неминуемо вызывают укрепление этнотерриториальных идентичностей. Возрастает риск дальнейшей фрагментации политической карты мира в результате деятельности многочисленных сецессионистских движений, а следовательно, образования новых фантомных границ (Попов, 2012).

При всеобщем признании в мировом сообществе принципа мирного разрешения территориальных споров происходят новые вооруженные конфликты. Поскольку фантомные границы играют важную роль в мобилизации этнических и иных групп, укреплении или изменении их идентичности, исследование таких границ и прилегающих к ним территорий служит задачам предотвращения и урегулирования конфликтов мирными средствами.

Во-вторых, границы, унаследованные от прошлого, значимы в государственном строительстве: они разделяют территории с различающимися идентичностями, что необходимо принимать во внимание при создании или укреплении общей идентичности граждан страны. Кроме того, такие границы обычно служат внутренними административными рубежами.

В-третьих, следует учитывать влияние фантомных границ на многие сферы деятельности — от сельского хозяйства до транспорта. Так, германский географ С. фон Левис показала различия в современной организации и продуктивности сельского хозяйства по обе стороны

---

[95] Британские и французские колониальные власти делимитировали 40% современных границ за пределами Европы (в том числе 87% — в Африке), и на 60% их протяженности эти границы не имеют ничего общего с реальными этнокультурными и иными рубежами. Унаследованные от колониальной эпохи границы разделяют ареалы расселения 187 этнических групп. Даже в Европе 19% границ установлены внешними силами (Foucher, 1991).

бывшей границы между Российской и Австро-Венгерской империями, ныне разделяющей Хмельницкую и Тернопольскую области Украины (von Löwis, 2015). Изменение государственных границ ставит политических лидеров перед необходимостью избавиться от транзита через соседние страны в сообщении между своими городами через выступы территории соседей, улучшить связи со столицей, а также получить новые выходы на транспортные сети зарубежных стран, в особенности для доступа к морским портам. Однако решение этих задач требует немало времени, и старая граница еще многие годы сказывается на коммуникациях. Благодаря работам С.А. Тархова на примере Румынии и стран бывшего Советского Союза (Тархов, 2005, 2011) изучен механизм адаптации железнодорожной сети к государственным границам. Резкое их изменение, например, в результате распада СССР, ведет к образованию «обрубков» старой сети и изолированных сегментов, упрощению топологической структуры, сокращающему возможности хозяйственного маневра.

В-четвертых, фантомные границы, как правило, определяют культурный ландшафт пограничья. Вследствие ограничений хозяйственной деятельности и расселения там лучше сохранились природные ландшафты, поэтому во многих странах, в том числе и в России особо охраняемые природные территории (ООПТ) тяготеют к государственным границам. Нередко ООПТ создаются симметрично по обе стороны границы. Это обстоятельство открывает возможность сотрудничества между соседними странами и регионами и их примирения на этой основе в случае конфликтов (так называемые парки мира). В пограничье сохранились ценные объекты природного и культурного наследия сопредельных стран, привлекательные для развития туризма, который может стать движущей развития многих территорий.

Связь с актуальными политическими процессами

Таким образом, общее свойство фантомных границ — возможность их использования в целях укрепления или конструирования территориальных идентичностей (Jańczak, 2015). Как показал Д. Ньюмен, между границами и идентичностью существует диалектическая взаимозависимость (Newman, 2011). Этот феномен ставит извечный вопрос, что первично — территориальные идентичности или границы. С одной стороны, политические границы разного ранга форми-

руют идентичности. Так, несмотря на искусственный характер границ между странами Тропической Африки, унаследованных от колониального периода, большинству из них за годы независимости удалось сформировать политическую идентичность. С другой стороны, политические границы часто следуют культурным рубежам — лингвистическим, религиозным и т.п. В XX веке логика делимитации европейских границ по итогам двух мировых войн опиралась именно на культурные рубежи и два главных критерия — этнический и исторический (Opiola, 2014).

Некоторые страны представляют собой «классические» полигоны для изучения соотношения между фантомными границами и культурными рубежами. Обширная литература по этой теме посвящена Польше, чья современная территория в результате разделов конца XVII века складывается из трех частей, находившихся под контролем Российской и Австро-Венгерской империй и Пруссии. Границы между ними до сих пор прослеживаются и в характере хозяйства, и в уровне благосостояния населения, и в нормах организации политической жизни (уважение к закону в Пруссии, традиции парламентаризма в Австро-Венгрии, централизация в самодержавной России).

Предложено немало моделей, объясняющих устойчивость этих различий. В них используются два основных подхода — структурный и нормативный. Сторонники первого из них делают акцент на инерционности экономического развития (*path dependence*), связывая, например, отставание восточных («российских») воеводств с исторически сложившейся слабостью инфраструктуры, а опережающие темпы экономического роста западных — с близостью к европейским рынкам. Нормативный подход ориентирован на нормы и ценности, доминирующие в разных частях страны, унаследованные от политических традиций держав, которым польские земли принадлежали в XIX веке, и сложившиеся также в результате перемещений населения после Второй мировой войны. В итоге исторические границы разделяют ныне зоны с разными типами политической культуры, которые проявляются в географии голосования на общенациональных и местных выборах (Jańczak, 2015). Т. Зарыцкий отмечает популярность в последнее время интерпретации электоральных и иных различий на основе «ориенталистских стереотипов». В соответствии с ними всякое наследие Российской империи оценивается исключительно негативно путем проти-

вопоставления «прогрессивной» западной цивилизации «отсталой» российской (Zarycki, 2015).

Другой полигон изучения фантомных границ — Украина. Ее современная территория сложилась в результате длительного исторического развития. Предложено множество схем более или менее детального деления страны на историко-культурные регионы. В Украину входят и районы, охватывающие исторический очаг формирования украинского этноса, и земли Новороссии, и сопредельные территории российского государства, заселенные с разрешения царя беженцами из России и Украины (Слобожанщина). Специфическую часть Украины составлял Крым, переданный в ее состав совсем недавно, в 1954 г. и возвращенный в Россию в марте 2014 г. На макроуровне всегда выделяется Западная Украина, которая с XIII века до 1939 г. никогда не входила в состав общего с Россией государства.

Границы между различными регионами Украины, ставших частями ее территории в разное время, предопределили, в частности, значительные географические различия в распространении украинского и русского языков. С ними тесно связаны политические культуры, благодаря которым исторические границы отражаются на картах голосования. На них страна весьма четко делится на западную и восточную часть по так называемой линии Субтельного (по имени известного канадского исследователя-украиноведа О. Субтельного) (Subtelny, 1998). Хорошо заметен и рубеж между историческим ядром Украины и землями, отвоеванными Российской империей у Османской империи и Крымского ханства и совместно освоенными переселенцами из украинских и русских земель на юге — бывший фронтир — рубеж или, скорее, переходная зона между основной и колонизуемой территорией. В отличие от государственной границы, служащей объединению политической нации, обеспечению безопасности и отделению ее территории от «чужих» и обращенной «внутрь» государства, фронтир обращен «вовне».

Бывшие фронтиры, связанные с историей формирования и освоения государственной территории, представляют собой фантомные границы во многих странах. Основоположником теории фронтира обычно считается американский историк начала прошлого века Ф.Дж. Тернер, который назвал так передний край движущейся вперед колонизационной волны — линия встречи «цивилизованности» и «дикос-

ти». Так, история США неразрывно связана с колонизацией Дикого Запада, Турции — пограничья с Ираком и Сирией, Китая — западных районов, населенных монголами, уйгурами и тибетцами, Бразилии — Амазонии, Польши — восточных земель, охватывавших большую часть современной Украины и Белоруссии, где польским магнатам и шляхте принадлежали обширные земли. Поляки составляли вплоть до Второй мировой войны большинство населения в таких крупных городах, как Львов, Станислав (Ивано-Франковск), Гродно и др. Из этих земель в рамках послевоенного «обмена населением» на территорию современной Польши были переселены около 1090 тыс. чел. (по другим подсчетам, 1526 тыс.), в том числе из Украины — 790 тыс., Белоруссии — 231 тыс. (Полян, 2007).

История восточных земель до сих пор вызывает в польском общественном мнении сильные чувства. Не случайно именно польские авторы опубликовали немало работ, в которых обосновываются отличительные черты фронтиров, называемых в польской литературе кресами (окрестностями), как важного элемента политической карты мира в прошлом (Koter, 2001; Sobczynski, 2008; Rykała, 2013). Термин «кресы» был предложен еще в середине XIX века крупным польским географом и поэтом Винценты Полем, который понимал под этим понятием обширные, отдаленные, труднодоступные и политически нестабильные окраинные пространства с пестрой и сложной этнической и религиозной структурой населения. Фронтиры были присоединены к нему в результате освоения территории, завоеваний, заключения династических союзов и т.п. Освоение фронтиров, как правило, порождает множество романтических легенд и мифов, воспевающих пионерный и миссионерский менталитет поселенцев как носителей передовой культуры.

Фронтиры — динамичный феномен: их дальнейшая государственная принадлежность зависела от успехов освоения, в том числе строительства коммуникаций, экономической и культурной политики государства. Внешние рубежи фронтирных зон не были четко определены, отличались высокой проницаемостью и требовали особой заботы, которую в России взяло на себя особое социальное сословие — казаки. Польский географ Марек Котер выделил такие специфические черты кресов, как периферийное положение и слабая доступность, более суровый климат, низкая плотность и культурная разнородность населе-

ния, разреженность сети городов, отставание в экономическом развитии. Представители доминирующего этноса сосредоточены главным образом в городах — своего рода культурных эксклавах.

Обстановка на фронтире характеризовалась частыми беспорядками и вспышками насилия как между поселенцами и местными жителями, так и самими «коренными» группами, в том числе инспирированными соседними странами. Эти регионы обычно имели в государстве особый административный и правовой статус (Koter, 2001). Особенности бывших фронтиров наложили отпечаток и на сегодняшнюю политическую культуру их жителей. Поселенцы отличались сильной этнической идентичностью и независимостью, утрированным, радикальным «патриотизмом», чувством превосходства над «аборигенами» и культом силы, усугубляемым необходимостью бороться за контроль над кресами с соседними державами.

Можно выделить несколько подходов к изучению фантомных границ, обычно сочетающему количественный анализ и качественные методы. Первый, старейший подход — *историко-морфологический*, предполагающий исследование происхождения границы, изменений ее конфигурации и соотношения с другими границами, в том числе природными, этнокультурными и административными. Морфология фантомных границ — это материальное выражение соотношения экономической, политической и военной мощи соседних стран и их союзов.

Вторая группа подходов — *функциональные и структуралистские*. Одна из их задач — проследить изменение функций и режима границы, их укрепления и ослабления в разные исторические периоды (*re-bordering* и *de-bordering*). В структуралистской парадигме и в соответствии с теорией социально-территориальных «разломов» (*cleavages*) С. Роккана — Х. Китчелта — Д. Сейлера приграничные территории, лежащие за пределами фантомных границ, рассматриваются как элемент системы «центр–периферия».

Третий подход — *геополитический*, нацеленный на изучение реального или возможного использования фантомных границ в целях расширения влияния одной из сторон или перекройки политической карты. Этот подход опирается на теории идентичности и национализма и направлен, в частности, на изучение особых пограничных идентичностей, а также теории государственного строительства. В их числе можно назвать, к примеру, теорию «национализации» Карла Дойча,

объясняющую попытки государства интегрировать территорию теми или иными средствами. К этому же подходу следует отнести «классические» оценки значимости фантомных границ через изучение глубины различий в электоральном поведении, которые тоже можно рассматривать в контексте политической интеграции (национализации) пространства.

В качестве особого четвертого подхода можно выделить *конструктивистский*, основанный на постмодернистских теориях конструирования пространства и методах, например, анализа политического дискурса, символического капитала (иконографии) и политики памяти.

Фантомные границы в России

Можно выделить два главных типа фантомных границ в России (вклейка, рис. 27). Первый из них составляют рубежи территорий, присоединенных к бывшему Советскому Союзу (РСФСР) перед Великой Отечественной войной и по ее итогам и входивших ранее в состав других европейских стран: Калининградской области, западных районов Ленинградской и Мурманской областей, Печорского и Пыталовского районов Псковской области. Принадлежность в прошлом к иным историко-культурным и политическим регионам оказывает заметное влияние на социальные практики и идентичность их жителей, хотя в Калининградской области и на бывших финских территориях в первые послевоенные годы произошло полное замещение населения переселенцами из внутренних районов России и Белоруссии.

Повседневные интересы и практическая деятельность десятков тысяч людей и бизнеса, особенно малого, по обе стороны границы связана с трансграничным взаимодействием на местном уровне. В пограничье сформировались социальные общности, живущие «на две страны», чьи сезонные и недельные перемещения связаны с пересечением границы. В их числе — смешанные супружеские пары и их дети, предприниматели, осевшие в соседних странах российские специалисты. В Финляндии, согласно официальной статистике, постоянно проживает 29,6 тыс. российских граждан и еще столько же людей считают русский своим родным языком. Большинство из них живут либо в столице, либо в приграничных с Россией регионах. В норвежском Киркенесе, ближайшем городе к присоединенному к СССР/России Печенгскому району, около 10% жителей — русскоязычные. Члены таких

«трансграничных» общностей — естественные инициаторы и активные участники совместных проектов. Значительное смягчение визового барьера создавало до политического кризиса 2014 г. реальные предпосылки формирования в пограничье между Россией и ЕС нескольких функциональных трансграничных районов, прежде всего между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши.

Регулярные поездки в соседнюю страну оказывают значительное воздействие на российские приграничные территории и составляют в них важный фактор модернизации. Взаимодействие с европейскими партнерами способствует социальной мобильности. По стилю жизни приграничные территории, присоединенные к России после Великой Отечественной войны, значительно отличаются от глубинных даже при сходном уровне благосостояния.

Приграничные взаимодействия облегчают процесс диффузии инноваций, перетока знаний и компетенций. Так, многолетнее сотрудничество с соседними территориями Финляндии обеспечило трансферт технологий и перенос производств на территорию Карелии в традиционных для партнеров отраслях — в частности, технологий лесовосстановления и деревообработки. В результате производительность труда в лесопромышленном комплексе выросла примерно вдвое. «Открытие» границы с Финляндией глубоко повлияло на территориальную структуру республики. Если раньше главная ее ось была направлена с юга на север, вдоль полимагистрали от Петербурга на Мурманск, то теперь, благодаря созданию семи пунктов упрощенного пропуска и трех международных автомобильных пунктов пропуска через границу, формируется и ось запад — восток. Ее развитие помогает смягчить упадок периферии, дает ряду малых городов шанс обрести «второе дыхание» (Толстогузов, 2012).

Второй тип фантомных границ в России образуют бывшие фронтиры, сыгравшие в истории страны большую роль. Основание считать рубежи продвижения российской хозяйственной и военно-политической колонизации фантомными границами дает несовпадение части из них с нынешними государственными рубежами на юге, а на востоке — некоторые особенности развития и освоения вплоть до XX века. Австрийский историк А. Каппелер предложил различать в России два исторических фронтира — степной на юге и юго-востоке и лесной на северо-востоке и востоке. Степной фронтир, связанный с земледельчес-

кой колонизацией, был переходной зоной между лесостепью и степью, оседлой и кочевой формой хозяйства, религиозно-культурным рубежом между славянами — православными христианами и этническими группами, исповедовавшими ислам, буддизм или языческие верования, и наконец, мобильной военно-политической границей. Продвижение славянских поселенцев в этом направлении мотивировалось более высоким плодородием земель по сравнению с лесной зоной. История их колонизации была достаточно длительной: массовая распашка началась лишь в конце XVIII века, когда российские войска смогли одержать ряд побед в борьбе за контроль над этими землями с Османской империей и ее вассалом — Крымским ханством.

Лесной фронтир перемещался гораздо более стремительно, чем степной, хотя продвижение в восточном и северо-восточном направлении требовало преодоления огромных расстояний и трудностей сурового климата. Это объяснялось отсутствием или зачаточными формами государственности местного населения (за исключением Сибирского ханства). Колонизация восточных территорий носила стихийный характер и также мотивировалась главным образом экономическим фактором — сбором ясака. Они были формально интегрированы в основную территорию государства с существенным опозданием (Каппелер, 2003).

Российские фронтиры пролегли в XVI–XIX веках вдоль укрепленных линий, строившихся, обновлявшихся, соединявшихся между собой, а чаще всего замещавшихся новыми все дальше от исторического ядра страны. Часть этих линий — сторожевых, оборонительных, береговых — возникла еще во времена Киевской Руси. Они служили основой системы охраны и обороны границ.

На юге Европейской России укрепленные линии были рубежами между центральными районами и Диким полем (Западные окраины..., 2006; Скобелкин, 2013). В период правления Екатерины II границы России сдвинулись на Северный Кавказ, где в течение многих лет возводились новые укрепленные линии — Азово-Моздокская, Кубанская, Терская, Кизлярская, Сунженская. Они были опорными пунктами переселения на новые плодородные земли русского и в целом славянского населения, численность которого росла быстрее строительства фортификаций. В результате появлялись новые цепочки поселений за внешней стороной укрепленных линий.

Фортификационные сооружения маркировали также рубежи освоения территорий на юго-востоке, в том числе бывшие укрепленные линии в современном пограничье с Казахстаном. Они сочетались с крепостной системой прикрытия границ. Города, возникшие в узлах Сибирской линии (Уральск, Оренбург, Омск, Петропавловск и др.), ныне разделенной границами России и Казахстана, были не только гарнизонными, но и торговыми центрами, в которых обменивались товарами русские и среднеазиатские купцы, предлагавшие продукцию кочевого скотоводства и оазисного земледелия (Голунов, 2005). Со временем полоса «фронтирных» поселений также сдвинулась на юг. Населенные пункты по обе стороны административной границы были соединены железной дорогой. Ныне она не раз пересекает границу, что приводит к очевидным неудобствам.

Таким образом, бывшие укрепленные линии остаются важными элементами каркаса расселения и осями экономического развития и отчетливо видны в социально-экономическом и культурном пространстве. В условиях сокращения доли русского населения в республиках Северного Кавказа старые укрепленные линии вновь обрели функцию своего рода фронтира — «интерфейса» между русской и кавказскими культурами.

Хозяйственное освоение территорий восточного фронтира происходило крайне медленно вследствие малочисленности русского населения, удаленности от исторического ядра страны, нацеленности поселенцев на начальном этапе колонизации почти исключительно на сбор дани с местного населения. Государство долгое время рассматривало восточные территории лишь как сырьевые придатки (Воробьева, 2012). В течение долгого времени российско-китайская граница не была жестким межгосударственным рубежом: китайцы имели возможность селиться и вести хозяйство по обоим берегам Амура, что привело к существованию зоны смешанного расселения.

«Фронтирное» освоение влияет, во-первых, на связи между пограничными районами России и даже потенциально на весь комплекс ее отношений с сопредельными странами — Украиной и Казахстаном. Некоторые окраинные украинские земли входили в ареал расселения казачества, в том числе в пределах нынешних ЛНР и ДНР. В северных областях Казахстана в первые годы после распада СССР в среде каза-

чества сформировались ирредентистские настроения, вызвавшие озабоченность властей; латентная напряженность существует и поныне.

Во-вторых, история российских фронтиров сказывается в культуре некоторых пограничных районов — свободолюбии, самоуважении в сочетании с индивидуализмом. Районы фронтирного освоения никогда не знали крепостного права; именно здесь, а не в районах наиболее сильного угнетения крестьянства зарождались в прошлом народные восстания. Эти территории — районы относительно слабого влияния Русской православной церкви как по историческим причинам, так и из-за больших расстояний. Во фронтирных районах, сельские жители которых благодаря высокой обеспеченности землей и богатству природных ресурсов были сравнительно зажиточными, силен культ материального преуспевания (Замятина, 1998).

В-третьих, в переломные исторические периоды из бывших фронтиров исходят требования автономии и даже полного отделения от России. Как отмечает А. Серенко, казаки служили центральной власти тогда, когда она была сильна и непоколебима (Серенко, 2011). Некоторые лидеры требовали самостоятельности и признания казаков отдельным народом. Так, на Дону в 1990-х гг. получила распространение идея создания на базе Ростовской области особой казачьей республики, которая включала бы части соседней Волгоградской области (в ней в царскую Область Войска Донского входило 25 районов из 33), а также Донецкой и Луганской областей Украины. Ряд сибирских деятелей обвиняли центральное правительство в низведении богатых ресурсами периферийных районов (в частности, Сибири) до положения внутренней колонии, обеспечивающей весомую часть доходной части бюджета государства, но обделенной его вниманием (Михайлов, 2017). Подобные мотивы звучали, например, в 1990-х гг. на мероприятиях ассоциации регионов «Сибирское соглашение».

* * *

Изучение фантомных границ, в том числе и истории российских фронтиров имеет не только академическое, но и вполне практическое значение. Один из центральных вопросов в изучении фантомных границ — почему некоторые из них важнее, чем другие? Когда, как и при каких обстоятельствах реликтовая граница может превратиться в фантомную? Очевидно, что фантомная граница более заметна, когда сов-

падает с этническими или этноконфессиональными рубежами, как, например, нынешняя граница между Южным Тиролем (Больцано) и другими провинциями Италии, бывшие границы Венгрии до Версальского конгресса, или те, что были навязаны внешними силами. На заметность фантомных границ, несомненно, влияет глубина разрыва в благосостоянии между разделяемыми ими территориями, политические различия между соседними странами, их участие в разных экономических и политических союзах, как в случае России и Финляндии, политика памяти и другие факторы. Во всяком случае, прямой корреляции между давностью потери реликтовой границей функций государственной границы и ее сегодняшней ролью нет.

Другие принципиальные проблемы, связанные с фантомными границами — механизм передачи особой политической культуры и идентичности пограничья от поколения к поколению, их устойчивость. Чрезвычайно важны бывшие государственные границы для исторического примирения между странами, пережившими острые конфликты — Германией и Польшей, Чили и Боливией, Россией и Финляндией, а ныне — Россией и Украиной и др. Так, решение руководства Финляндии после Второй мировой войны не поднимать «территориальный вопрос» стало основой ее внешней политики и «особых отношений» с Советским Союзом (Kolosov, Scott, 2012). Необходимы новые исследования, посвященные роли интеграционных процессов в признании общественным мнением сложившихся границ, в том числе свободы передвижения и приграничного сотрудничества, правовых гарантий этнокультурным меньшинствам и др.

Глава 3.3.

Историческая память и символический ландшафт пограничья

Зигмунт Бауман, характеризуя современные государства, использовал метафору садовника, который, ухаживая за своим участком земли, пропалывает сорняки и сажает (насаждает) полезные растения, проявляя заботу о сохранении ландшафтного дизайна и внесении в него актуальных изменений (Bauman, 1987). Эта метафора довольно точно описывает ситуацию пограничья, где наглядно проявляются различия предпочтений соседних «государств-садовников», на свой лад культивирующих контролируемые ими пространства, насыщая их разнообразными знаками, монументами и символами. С помощью памятников утверждаются идеи, укореняется политическая мифология, решаются многообразные задачи — от укрепления патриотизма и поддержания национальной гордости до доказательства несостоятельности претензий политических оппонентов и исторических врагов.

Подобная политика далеко не всегда достигает своей цели: ее осуществлению мешает исходное различие природы культурных и административно-политических границ. Культурные границы в подавляющем большинстве случаев представляют собой зоны (иногда чрезвычайно обширные) плавных переходов или культурной чересполосицы, а политические — это линии, обозначающие жесткие пределы юрисдикции государств. Примеры их совпадения редки. Политическая граница, как правило, рассекает относительно однородные в культурном отношении ареалы; государства принуждают население, живущее по разные ее стороны, следовать разным правилам. Навязываемый порядок редко встречает одобрение, даже если ему подчиняются. Латентное несогласие людей проявляется в отстаивании своих культурных особенностей, локальных идентичностей, исторической памяти, формировании пантеона местных героев — другими словами, в создании своей версии истории, не вписывающейся в большой государственный нарратив. История регионов входит в противоречие с историей нации. Если принять во внимание роль, которую культура сыграла в станов-

лении современных государств и обосновании их легитимности[96], то станет понятно, почему наличие приграничных сообществ, обладающих признаками, не сводимыми к общему знаменателю, воспринимается как риск нелояльности, мятежности, ирредентистских и сепаратистских настроений.

Может возникнуть впечатление, что подозрительное отношение к жителям приграничных областей — следствие формирования национальных государств. Еще Аристотель в «Политике» писал, что пограничных жителей не стоит допускать к участию в обсуждении вопроса о войнах с их соседями, *«так как они, руководствуясь собственными интересами, не в состоянии подать правильный совет»*[97]. Подобные опасения и невозможность смириться с утратой «своих» территорий из-за того, что их население демонстрирует приверженность культуре соседней страны, лежит в основе идеи желательности и естественности совпадения культурных и государственных рубежей. Мощные процессы роста национального самосознания в Европе, которые пришлись на вторую половину XIX века, сделали эту мысль практически неоспоримой[98].

Своих горячих сторонников она имела и в России. Николай Страхов писал в 1882 г.:

> *«В начале нынешнего века стала возникать сознательная идея, что наилучший порядок тот, когда пределы государства совпадают с пределами отдельного народа. Европа ищет для себя самого естественного порядка и все тверже и спокойнее укладывается в свои*

---

[96] Современные государства претендуют на то, чтобы быть политическим выражением культурного единства народа. Как пишет Б. Андерсон, «быть нацией — это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» (Андерсон, 2016, с. 42. См. также: Геллнер, 1991; Stepan, Linz, Yadav, 2011; Stepan, 2010).

[97] Аристотель. Политика, кн. VII. 1330a (20).

[98] Современные взгляды на эту проблему принципиально иные. В 1980–1990-е гг. в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума и др., ставших классическими, понятия «этнос» и «нация» рассматриваются как социально-политические конструкции, имеющие дискурсивную природу, формирующиеся элитами и базирующиеся на мифах, символах, мнениях, стереотипах, традициях и пр. Дальнейшее развитие этих идей привело к смещению фокуса исследований национализма с элит на национальные чувства людей, наполняющие смыслом их повседневные практики (Brubaker and all, 2007; Collins, 2012; Bonikowski, 2016).

естественные разделы; не будь великого интернационального зла, социализма, начало народности, исповедываемое Европой, обещало бы ей успокоение» (Страхов, 2010, с. 395–396).

Практическая реализация этой идеи требовала от государств и обществ использования разнообразных средств — от насильственных (войны, этнические чистки, отселения, культурные запреты) до воспитательных (патриотизм, система школьного образования, служба в армии, языковая политика) и от рациональных (экономика, институты, коллективная безопасность) до эмоциональных, предполагающих трансформацию общественных представлений под воздействием произведений искусства и монументальной пропаганды.

Последней принадлежит особая роль. Во-первых, памятники и мемориалы, вписанные в ландшафт, сохраняются длительное время, становясь «второй природой», обладающей топографической достоверностью. Во-вторых, они не просто визуально воспринимаются, а включаются в контекст повседневной жизни и в этом смысле становятся «родными». Встреча с памятником воспринимается как встреча с прошлым или кем-то близким. В-третьих, памятники — восклицательные знаки, расставленные в «тексте» культурного ландшафта, — свидетельства внимания к наиболее важным страницам истории и знаковым личностям (Пятигорский, 1996; Лотман, 1992)[99]. Доносимые ими послания адресованы всем, но прежде всего тем, кто живет и действует в данном конкретном пространстве, и они доходят до всех, независимо от степени лояльности человека властям. Перемены в обществе, конечно, вносят свои коррективы, приводят к перекройке культурного ландшафта: часть монументов сносится, им на смену приходят другие, но «свято место» пустым не остается.

В «наступлении» памятников на границы отчетливо прослеживаются две тенденции. Одна связана с расширением культурного суверенитета государства за пределы политической юрисдикции, другая от-

[99] А. Лефевр говорит не о «тексте», а о «текстуре» пространства, предполагающей многослойность и различную ориентацию составляющих его частей, поразному воспринимаемых и проживаемых. Он предложил различать дискурс о пространстве, дискурс в пространстве и дискурс пространства (Лефевр, 2015). Говоря о современном культурном ландшафте российского пограничья, мы концентрируем основное внимание на «дискурсе в пространстве», формируемом и репрезентируемом государствами.

ражает ревнивое отношение власти к знакам и символам иных политико-культурных образований на своей территории. В первом случае государство реализует стратегию продвижения своего видения истории на территорию соседа и поддерживает культурную отличительность населения пограничья[100], во втором — прикладывает значительные усилия к стиранию нежелательных исторических воспоминаний, знаков и символов на своей территории, массовому замещению одних монументов другими, пересмотру музейных экспозиций и пр.[101]

Изучение культурного ландшафта пограничья постсоветских государств дает множество примеров реализации обоих сценариев, но особенно ярко описанные тенденции проявляются там, где межгосударственные отношения подверглись наибольшим изменениям. Политика размежевания и утверждения национального суверенитета через монументальную пропаганду достигла наибольшего масштаба на российско-украинской границе, а политика примирения — на российско-китайской. Рассмотрим оба случая.

От логики единого пространства к логике межгосударственного рубежа (российско-украинская граница)

Рассуждать о восточных границах Украины невозможно без оглядки на советское прошлое, к которому сегодня нередко добавляется эпитет «колониальное». Однако, как пишет Р. Суни, Советский Союз стал единодушно восприниматься как империя только после своего распада, вследствие чего обществоведы увидели в нем нелегитимное составное политическое образование, потенциально неспособное сдер-

---

[100] Поскольку никакие границы не способны защитить от проникновения идей, нарративов и символов, произведенных за рубежом, то подобная политика является вполне легитимным средством борьбы за культурно-символическую власть на сопредельных территориях. Ту власть, которая благодаря эффекту мобилизации настроений людей позволяет получать эквивалент того, что раньше достигалось с помощью армии или экономической экспансии (Бурдье, 2007).

[101] Э. Ренан еще в конце XIX века проницательно заметил, что создание нации основано не только на общих воспоминаниях, но и на общем забывании того времени, когда различные группы не образовывали единую нацию. Именно потому прогресс исторических и географических исследований представляет опасность для элит «молодых» наций, требующих пересмотра истории и создания ее новых версий (Ренан, 1902).

жать рост внутренних наций (Суни, 2007). Этот глобальный мейнстрим способствовал легитимации прежде маргинальных общественных нарративов в отношении России и их превращению в доминирующий политический дискурс[102]. Итогом сведения истории взаимоотношений Украины с Россией и русскими исключительно к угнетению и пребыванию украинцев в «тюрьме народов» стало формирование представления о России как стране, «укравшей» у украинцев не только возможности развития, которые могли бы поставить Украину в один ряд с ведущими европейскими державами, но и саму историю и культуру.

В этом взгляде на украинскую историю, как в зеркале, отражаются идеи М. Кундеры, высказанные им в эссе «Похищение Европы». *«Что же значит Европа для венгра, чеха, поляка?»* — задавался он вопросом и отвечал:

> *«Для них слово «Европа» относится не к географии, а к сфере духа, являясь синонимом слова «Запад». В тот момент, когда Венгрия перестает быть частью Европы, она перестает быть частью Запада, а значит — лишается собственной истории и судьбы, утрачивает свою суть. ... Нам пора осознать: происходящее в Праге или Варшаве в основе своей — это не драма Восточной Европы, советского блока или коммунизма; это драма Запада — ему угрожают, его теснят, промывают ему мозги, а он упорно защищает свою суть»*[103].

Все эти аргументы, основанные на подмене понятий, хорошо узнаваемы и широко растиражированы. Однако для нас важна не их правомерность или обоснованность, а то, что они воспринимаются в качестве таковых, что люди более склонны к поиску тех, кому можно верить и кто донесет до них «истину», чем к поиску знания. На этой потребности базируются технологии политических манипуляций. Они позволяют влиять на поведение людей не прямо, что чаще всего оценива-

---

[102] Большой интерес представляет опубликованное в 1995 году исследование печатных СМИ западных областей Украины, проведенное А. Миллером (Миллер, 1995). Практически все сформулированные тогда идеи являются сегодня достоянием общенациональных СМИ Украины и звучат с высоких политических трибун.

[103] Цитируется по Кундера М. Трагедия Центральной Европы / пер. с англ. А. Пустогаров // Проза.ру. http://www.proza.ru/2005/12/16-142

ется негативно, а через механизмы интериоризации продвигаемых или навязываемых представлений, конструируемых с опорой на ценностные ориентиры. Э. Дюркгейм отмечал, что действенность социальных и политических регуляторов определяется не только их принудительной силой, но и желательностью для индивида (Durkheim, 2012). Отзвук в душе человека заставляет относиться с доверием к тому, что иначе было бы отвергнуто.

Возвращаясь к Украине, хотелось бы обратить внимание на то, что массовая борьба против «российской гегемонии» и «империализма» развернулась в стране не «до», а «после» обретения Украиной независимости, достигнув своего апогея спустя четверть века после распада СССР. Главный нерв этой борьбы крылся не в экономической или политической сфере, а в культуре, стремлении размежеваться с Россией (см. также главу 6.4) и утвердить это размежевание не только «на бумаге», но и в пространстве, усиливая различия пейзажа по разные стороны границы, превращая его в зримый рубеж. Достичь этого непросто, учитывая тесноту связей между двумя странами, обилие культурных заимствований и взаимовлияний.

В советское время между соседними республиками единого государства слабели, а сходство, которое и до того было значительным, нарастало. Мощные социально-экономические сдвиги, которые пришлись на советские годы (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования, миграции, и пр.) и Великая Отечественная война, резко обострившая чувство национального (а не этнического) единства в борьбе с общим врагом, способствовали гомогенизации культуры региона. Утвердившаяся система единых знаков и символов обеспечила, как и повсюду в СССР, «минимум разнообразия на максимуме пространства».

На обширной территории, включающей почти всю Левобережную Украину, Донбасс, промышленный юг Украины и соседние территории России, сформировался украино-российский континуум, характеризующийся глубокой этнокультурной интерференцией, смешанным этническим составом населения, незначительной вариативностью традиционной культуры и осознанием своей близости к России, независимо от этнической самоидентификации (Чижикова, 1988). Широкое распространение получило двуязычие — свободное владение и параллельное использование русского и украинского языков. Тесные кон-

такты населения способствовали возникновению суржика — разговорного языка, производного от русского и украинского, но не сводимого ни к одному из них (Курохтина, 2012). Наличие трансграничной культурной общности выразилось и в локальных особенностях восприятия населения, его двойной или размытой идентичности (Городяненко, 2009), эклектичности самосознания (*«хохол, но русский в душе»*), исторической памяти и культурном наследии. Проведенные в этом культурном ареале социологические исследования показали, что среди опрошенных в Брянской области на долю тех, кто считает «своими земляками» жителей приграничных городов Украины — Новгорода-Северского, Сум, Глухова, Харькова, Волчанска и др., приходится около 10%, в Курской таковых 25%, а в Белгородской — 30%. При этом в категорию «земляков» часто не попадали жители своей области, если места их жительства располагались на значительном удалении от границы (Крылов, Гриценко, 2012).

Однако было бы опрометчиво рассматривать этот обширный трансграничный ареал как зону плавных переходов от большей выраженности элементов украинской культуры к русским и наоборот. Картина намного сложнее.

Во-первых, в сознании людей, пусть и в стертом виде, сохраняется память об историко-культурных провинциях, обладавших различной юрисдикцией, таких как Область Войска Донского, Слобожанщина, Гетманщина, Великое Княжество Литовское, которые сегодня разделены между областями России, Украины и Белоруссии. Эти знания, будучи ранее достоянием интеллектуалов, краеведов и музейных работников, дают все больше поводов для широких публичных дискуссий, реанимации канувших в прошлое нарративов, установки местных монументов и мемориалов.

Во-вторых, несмотря на взаимное дружелюбие и тесные связи российского и украинского населения приграничных районов, механизмы конструирования представлений друг о друге различаются. Если россияне рассматривают соседние украинские области как территории проживания земляков, независимо от этнической принадлежности, то с украинской стороны локальная модель отношений между соседями вытеснена политизированной моделью отношений между государствами. В результате на российских соседей переносится ответственность за политику российского государства.

В-третьих, различие в отношении к «украинскому» в России и «русскому» на Украине, которое так ярко проявляется в современном кризисе, но уходит корнями в XIX век, все постсоветские годы способствовало подчеркиванию значимости украинского начала и ослаблению чувства «противоестественности» существования российско-украинской границы, проведенной «по живому телу» народа (Гриценко, Крылов, 2012).

Результатом происходящих тектонических процессов стало «растрескивание» сложившегося культурного ареала, прежде консолидированного единством взглядов на события прошлого и привычками людей. Постепенно малозаметная в культурном и политическом отношении граница между Россией и Украиной начала трансформироваться в исторический рубеж, конфликтность которого подчеркивалась возводимыми или сносимыми мемориалами и памятниками. Новая «актуальная» версия прошлого потребовала ревизии событий советской эпохи. Первая масштабная кампания по монументальной пропаганде продвигаемых идей была развернута после «оранжевой революции» 2004 г. и нацелена на увековечивание памяти о голоде 1932/1933 гг., вошедшем в историю как Голодомор. Вторая — после событий «евромайдана» 2013–2014 гг., потребовавшего декоммунизации публичного пространства страны, очищения его от советских символов и памятников.

Закон «О Голодоморе» был принят Верховной Радой Украины в 2006 г., юридически определив эти трагические события как геноцид, то есть сознательные и целенаправленные действия советского руководства по уничтожению этнических украинцев. Публичное отрицание этой точки зрения было признано административным правонарушением. Президент страны В. Ющенко чрезвычайно эмоционально высказывался по этому поводу:

> *«Те, кто сегодня отрицают Голодомор, глубоко и убежденно ненавидят Украину, ненавидят нас, ненавидят наш дух, наше будущее, они отрицают не историю — они отрицают украинскую государственность»*[104].

---

[104] Обращение президента на Михайловской площади. Информационное агентство УНiАН. 25 ноября 2006. https://www.unian.net/politics/24192-yuschenko-ne-prosit-a-trebuet-ot-vr-priznaniya-golodomora-genotsidom.html

Закон также обязывал региональные и местные органы власти участвовать в возобновлении и сохранении памяти украинцев о жертвах трагедии, устанавливая мемориалы и памятные знаки. Кампания развернулась на всей территории страны. В местных исторических и краеведческих музеях появились разделы, посвященные Голодомору. Их главным экспонатом стали увесистые тома с именами умерших от голода. Однако эмоциональная составляющая экспозиций доминировала над документальной в силу недостаточности архивной базы и материалов исследований.

Отличительной чертой политики увековечивания памяти жертв Голодомора в регионах Восточной Украины стало возведение новых мемориалов в наиболее заметных местах, нередко на дорогах, ведущих к российским границам. Учитывая, что для украинской публицистики характерно отождествление понятий «советское руководство» и «московские власти», подчеркивающее их равную чуждость Украине, то обвинительное послание, доносимое памятниками, считывается как переадресация нынешней московской власти — наследнице и правопреемнице прежней.

Другая мемориальная кампания связана не с возведением новых памятников, а с массовым сносом прежних. В апреле 2015 г., спустя год после событий евромайдана, Верховная Рада Украины приняла закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарного режимов и запрете пропаганды их символики». Острие закона было направлено против памятников Ленину, а также деятелям и героям советской эпохи. У закона была своя предыстория.

Случаи демонтажа памятников Ленину накануне и сразу после обретения Украиной независимости происходили достаточно редко и не имели характера вандализма. Например, во Львове Ленина убрали с площади перед оперным театром еще осенью 1990 г., а в Ужгороде — в 1991. Следующий этап пришелся на период президентства Ющенко, когда начался массовый снос советских памятников на Западной Украине (вклейка, рис. 28). Однако на остальной территории страны такие случаи были единичны и не поддерживались общественностью. Стихийный снос монумента Ленину в Киеве в декабре 2013 г. открыл эпоху вандального разрушения памятников в регионах Центральной Украины, волна которых прокатилась в 2014 г. После принятия зако-

на о декоммунизации были демонтированы памятники Ленину на востоке страны — в Сумской, Харьковской, Донецкой и Луганской областях. Одновременно началось массовое переименование городов, поселков, площадей и улиц. Единственным ареалом, не затронутым декоммунизацией, остались мятежные территории непризнанных ДНР и ЛНР, где по мере возможностей памятники вождю пролетариата реставрировались наряду с военными мемориалами.

Происходящее на Украине внешнее сильно отличается от наблюдаемого в российском пограничье, где успехи советского времени не отрицаются, памятники Ленину приведены в порядок, выросло число музеев, посвященных событиям Великой Отечественной войны, торжественно открыты новые мемориалы (вклейка, рис. 28). Однако сущностно процессы очень схожи: они направлены на символическую репрезентацию страданий и жертв народа, его героизма и исторической исключительности.

В России эта политика прошла ряд этапов: с конца 1980-х до середины 1990-х гг. она была подчинена задачам обоснования «европейского поворота» страны и радикальной трансформации прежнего тоталитарного порядка — если угодно, декоммунизации с ее неизбежными сносами памятников и переименованиями. С конца 1990-х возобладали более умеренные установки на преемственность прошлого и настоящего, признание контрпродуктивности стигматизации целых исторических периодов, с которыми была связана жизнь многих поколений и которые оставили после себя трудные вопросы для историков и политиков. В 2000-х гг. доминирующей стала идея национального примирения: новая Россия была объявлена законной наследницей «тысячелетнего государства», что открыло дорогу разнообразным размышлениям и спекуляциям на имперскую тему. Стержнем «консервативного разворота» стало возвращение к идее «великой державы», доказавшей право на этот титул своей историей и победой во Второй мировой войне.

Мобилизация идей прошлого, в частности реинкарнация парадигмы «официальной народности» как единства власти и людей, опосредованного религией — гарантом высшего суда и справедливости, не только навязывалась сверху, но и отвечала запросам массового сознания. Большинство россиян и тогда, и теперь высоко ценит роль государства как института, заботящегося об обществе. При этом интересы общества связываются не с политическими правами, а с обеспечением

социальной справедливости и относительной эгалитарности. С одной стороны, это свидетельствует о распространенности патерналистских настроений, но с другой, создание «справедливого» и «великого» государства, имеющего тысячелетнюю историю, рассматривается людьми как важнейшее достижение народа, которое он призван сохранить. Чувство принадлежности к великой стране и патриотизм являются сегодня ключевыми ценностями россиян (Демидова, Николаев, 2016).

Такая смена идеологем отразилась и на культурном ландшафте российско-украинского пограничья, где возникли памятники Св. кн. Владимиру, Св. Серафиму Саровскому, Петру I и даже Ивану Грозному, отмечено место встречи Петра I и Мазепы в Острогожске. Были отреставрированы прежние и построены новые храмы и часовни, обрели государственное покровительство монастыри. Новый блеск куполов сильно контрастирует с полузаброшенными и обветшалыми символами советской эпохи, прославлявшими труд и самоотверженность советского человека.

Чрезвычайно болезненно стали восприниматься попытки новой интерпретации событий и итогов Второй мировой войны, составляющих пантеон славы России. Первый кризис, затронувший пограничье, разразился в 2007 г. в связи с переносом памятника советскому воину-освободителю из центра Таллина на военное кладбище. Тогда впервые в Государственной Думе РФ было выдвинуто предложение о создании закона, запрещающего пересматривать историю Второй мировой войны, что, по мнению авторов, открывало дорогу для реабилитации нацизма. Первая предложенная версия закона предполагала создание Общественного трибунала.[105] Однако закон был отклонен, а вместо трибунала были созданы Президентская комиссия по борьбе с фальсификаторами истории и чуть позже Российское военно-историческое общество.

Далее были предприняты еще две неудачные попытки инициировать принятие «мемориального» закона. Идею удалось реализовать в 2014 г. на фоне украинского кризиса. Принятый закон (№128-ФЗ) устанавливает уголовную ответственность за публичные действия по распространению «заведомо ложных сведений о деятельности СССР в

---

[105] «Проект: Федеральный закон "О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников"». http://www.regnum.ru/news/1153517.html

годы Второй мировой войны». Защищаемая этим законом политика, по сути, направлена на свертывание общественных дискуссий и авторитарное навязывание апологетического нарратива национального прошлого (Малинова, 2015). В этом смысле актуальная символическая политика Украины и России выглядят как близнецы.

Итогом такого сходства становится нарастание различий в культурном ландшафте пограничья. Прежние советские каналы межобластных и межреспубликанских связей, основанные на личных знакомствах и взаимных обязательствах, постепенно отмирают, а новые автономные механизмы взаимодействий крайне слабы. Постсоветский интеграционный дискурс, в основе которого лежало представление о единстве исторического, социально-культурного и хозяйственного пространства российско-украинского пограничья, ушел в прошлое, а противостоящий ему дезинтеграционный, напротив, обрел большое число сторонников (Вендина, Кирюхин, Колосов, 2011). Согласно ему граница Украины с Россией является важным для национальной безопасности рубежом, разделяющим два независимых государства, две этнические и исторические общности, имеющие разные интересы и потенциал развития. Крайним выражением этой точки зрения является строительство «европейского вала», призванного защитить границы Украины от российского вторжения, который сам обещает стать монументом эпохи. Пока трудно судить о долговременных последствиях проводимой сегодня политики. Вопрос в том, в какой мере локальные приграничные сообщества признают предлагаемую им версию истории в качестве «своей», посчитав свои прежние представления навязанными извне.

Преодолевая логику противостояния (российско-китайская граница)

«На границе тучи ходят хмуро» — с этих слов начинается широко известная песня о российско-китайской границе. Однако дальше речь идет о самураях, что отсылает к японским реалиям и свидетельствует о сложной истории этого приграничного региона. С середины XIX в. он был ареной геополитической конкуренции трех империй (китайской, российской и японской, которые последовательно рухнули в 1911, 1917 и 1945 гг.), нескольких войн, восстаний и революций, но также реализации крупных проектов, среди которых наибольшее зна-

чение имело строительство железных дорог. Все эти события отразились не только на траектории границы между Россией и Китаем, но и на жизни приграничных регионов. Менялся состав населения под влиянием миграций и «зачистки» территорий, менялось соседство, менялись и отношения с соседями.

Сегодня трудно представить, что пространства, разделяемые российско-китайской границей — наиболее контрастным этнокультурным рубежом, проходящим по рекам и горным хребтам (чем не зримое подтверждение достижения государствами своих естественных пределов?), очень долго оставались проницаемыми, а сама граница — прозрачной. Нерчинский договор (1689), наметивший очертания восточной границы России с Китаем по левому берегу Амура, Становому хребту и правому берегу Аргуни, оставлял открытым вопрос о ее западной части (ныне это граница с Монголией). Буринский и Кяхтинский договоры (1727) закрепили Забайкалье за Российской империей. Айгунский (1858), Тяньцзинский (1858) и Пекинский (1860) договоры сдвинули линию границы к югу, разделив берега Амура между двумя империями и утвердив российский суверенитет над Уссурийским краем. Но даже после подписания Айгунского и Пекинского договоров граница не приобрела характера жесткого рубежа. Подданные Китая имели возможность селиться и беспрепятственно вести хозяйственную деятельность на обоих берегах Амура, оставаясь в юрисдикции своего государства.[106] Особый экс-

[106] В течение второй половины XIX в. на китайских подданных, живущих в России, постепенно распространялось действие российских законов. С 1867 г. было введено налогообложение китайцев, с 1876 г. стали взиматься акцизные сборы, затем был введен поземельный налог. В 1881 г. был поставлен вопрос о подсудности китайцев российским уголовным законам, китайских преступников перестали передавать китайской стороне, с 1883 г. китайское население было формально подчинено действию российских судов. С 1884 г. действовали временные правила выдачи китайским подданным «русских билетов», в 1888 г. они были утверждены. Китайцы, проживавшие на территории России до 1860 г., получали бессрочные билеты, уплачивая лишь гербовый сбор, а «новые» имели право переходить границу только в специальных пунктах пропуска, где получали визу на китайский паспорт и платили пошлину. С 1893 г. постоянно ставился вопрос об ограничении труда китайцев на золотых приисках (Дацышен, 2009). Генерал-губернаторы Приамурского края А.Н. Корф (1884–1893) и Н.И. Гродеков (1898–1902) предпринимали меры по отселению китайцев и корейцев от границы.

территориальный статус предоставлялся зазейским маньчжурам, компактно проживавшим на левом берегу Амура при впадении в него р. Зеи, что со временем сформировало «маньчжурский клин» на территории Российской империи (Аниховский и др., 2005). Спустя почти полвека экстерриториальный статус (теперь уже российский) получила и вся полоса землеотвода вдоль линии Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), включая станции и населенные пункты. Такая политика способствовала формированию обширной зоны фронтира двух стран. Звучит позитивно, но реальная практика того времени вызывала скорее негативные ассоциации и связывалась с имперской идеологией столиц (Петербурга и Пекина), непоследовательностью и дирижизмом (Лукоянов, 2008; Ремнёв, 2004; Нестерова, 2004; Ларин, 2009).

После подписания договоров о границах Россия и Китай инициировали процесс заселения практически пустынных дальневосточных территорий, где проживали местные малочисленные народы (ороченны, гольды, нивхи, нанайцы, удэгейцы, дауры, эвенки и др.), маньчжуры (чжурчжэни) и незначительное число китайцев (ханьцев). Процесс значительно ускорился с началом строительства КВЖД (1897) и приобрел особенно большой масштаб после русско-японской войны. Этому способствовали столыпинские реформы и строительство Амурской ветки Транссиба (1907–1916).

Обширный регион, называемый то «русским Китаем», то «Желтороссией», и собранный на две нитки железных дорог, переживал экономический бум и постоянно требовал рабочих рук (Бляхер, 2014). Население здесь, несмотря на предпринимаемые усилия, попрежнему было редким, но интенсивные миграции изменили его этнический и социальный состав, структуру и культуру хозяйства. Коренные народы стали меньшинствами и были вытеснены на периферию социальной жизни. Маньчжуры стремительно ассимилировались китайцами (ханьцами), доля которых на российских территориях, граничащих с Китаем, постоянно увеличивалась и к началу XX века выросла до 10%. Казаки, старообрядцы и различные сектанты, составлявшие ранее основные переселенческие контингенты, уступили первенство крестьянам и представителям разнообразных городских профессий. Хотя славянское население (русские, украинцы и белорусы) преобладало, состав российского потока на Дальний Восток был

многонациональным, с заметной долей кавказцев, евреев, поляков, татар и др.

На китайской территории российские подданные также составляли значительную группу в городах и поселках вдоль линии КВЖД (от трети до половины населения). Российские и китайские деревни появлялись с обеих сторон границы (Рыбаковский, 1990). Еще и сегодня многие китайские поселения, расположенные вдоль Амура, особенно там, где он далеко вдается в российскую территорию, имеют российский облик (Шишманова, 2011).

В результате возникла обширная зона смешанного расселения и активных межкультурных контактов со своим разговорным языком, бытовыми привычками и правилами делового поведения (Ма На, 2015; Оглезнева, 2011). Без использования труда китайцев не обходились даже самые малообеспеченные слои российского населения:

> *«В Хабаровске, да пожалуй и везде на Дальнем Востоке мужик — это не тот мужик, который кормил двух генералов в известной щедринской сказке. Обязанности этого мужика ... всецело перешли к китайцу, который кормит здесь не только генералов, но пожалуй что и того русского мужика-переселенца, который таким франтом разгуливает по улицам Хабаровска или Владивостока* (Кауфман, 1905, с. 107).

Отчасти это было обусловлено большими земельными наделами русских переселенцев, которые не справлялись с обработкой земли собственными силами, отчасти дешевизной наемного труда китайцев и их привычностью к местным природно-климатическим условиям.

Однако не все шло гладко. Российско-китайский симбиоз вырос из взаимоотношений, сочетавших стремление к выгодам с недоверием и даже презрением к их источнику. Русским было свойственно рассказывать о чудесах трудолюбия китайцев, успехах их огородничества и коммерческих талантах, сопровождая эти восторги рассуждениями о «желтой угрозе». Китайская антисанитария, нажива на российской склонности к пьянству и «инфицирование» местных сообществ многочисленными китайскими пороками — от курения опиума и пристрастия к азартным играм до поощрения взяточничества были постоянными темами бесед того времени, пронизанных одновременно чувством

страха и брезгливости (Кауфман, 1905; Дятлов, 2000). Отношение к российским подданным со стороны китайских было более прагматичным. Они успешно толковали российские законы в свою пользу, эксплуатировали коренное население (Арсеньев, 2004), уклонялись от налогов и пошлин и при этом относились к русским как к чужакам и оккупантам, узурпировавшим небесный мандат Китая на отошедшие к России земли.

Тем не менее, русско-китайские взаимодействия были малоконфликтными, что объяснялось не взаимной толерантностью и развитой системой коммуникаций, а отсутствием реальной интеграции. По словам В.К. Арсеньева, китайцы в России образовывали *«совершенно непроницаемое сообщество»*, живущее по своим законам и подчиняющееся только китайской администрации. Об этом же сообщал в Петербург и приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти (1911–1917). В своем докладе председателю Совета министров он подчеркивал, что китайцы не теряют духовной связи со своей родиной и не чувствуют *«никакой потребности ассимилироваться с окружающим населением»* (Гондатти, 1997).

Конечно, и Арсеньев и Гондатти разделяли консервативные взгляды и были сторонниками опоры на собственные силы в освоении российского Дальнего Востока; оба настаивали на необходимости ограничения китайской миграции и видели в китайцах «пятую колонну» и «желтую угрозу», но их точные и аргументированные наблюдения позволяют понять особенности приграничной жизни того времени. Например, тот факт, что фактический отказ китайцев сотрудничать с российскими властями (при тесных контактах с российским населением) создавал благоприятные условия для безнаказанной деятельности китайских группировок организованной преступности (хунхузов). Основная проблема состояла не только в творимом хунхузами беззаконии (разбой, жесточайшее насилие, грабежи, убийства, хищнические промыслы, контрабанда и пр.), но и в возникновении параллельной системы криминальной власти, контролировавшей хозяйственную жизнь местного китайского и коренного населения (Ершов, 2010).

Негласное неподчинение китайцев российским порядкам при внешнем непротивлении в критические моменты истории оборачивалось острыми конфликтами. Так, восстание ихэтуаней в Китае

(1898–1901)[107] получило массовую поддержку и среди российских китайцев. Гнев повстанцев был направлен против иностранного засилья в Китае и одновременно маньчжурской династии, открывшей дорогу «белым дьяволам». Ихэтуани выступали за возвращение Китая к традиционным устоям жизни. В Маньчжурии антиколониальные выступления трансформировались в антироссийские. Наиболее трагический эпизод произошел в Благовещенске (1900), где обстрел города с противоположного берега Амура привел к возникновению массовой паники среди его жителей и китайскому погрому.

> *«Могучая империя, защищенной частицей которой ощущали себя жители Благовещенска, оказалась где-то невероятно далеко. Страх увеличивался еще и тем, что враг был (или казалось, что был) не только «снаружи» (Китай на другом берегу Амура), но внутри сообщества, враг вездесущий и всепроникающий. К страху добавлялось огромное чувство унижения: китайцы, которых привыкли использовать, не замечать или снисходительно презирать, показались вдруг страшной силой»* (Дятлов, 2012, с. 115).

Кульминацией событий стало изгнание китайцев из города. Собранные на берегу Амура, они были вынуждены переправляться на китайскую сторону вплавь и почти все утонули. Большинство из этих несчастных составляли женщины, старики и дети, поскольку мужское население было ранее мобилизовано в китайские войска, поддерживавшие ихэтуаней на начальном этапе восстания. Люди оказались жертвами двух народных бунтов, один из которых (ихэтуани) поддерживался китайскими властями, а другой (погромщики с российской стороны), хотя и не поддерживался российской властью, но и не встречал противодействия. Эхо благовещенских событий донеслось и до за-

---

[107] В ходе восстания сложилось несколько тайных обществ и боевых групп, имеющих сходную идеологию: Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»), Ихэтуань («Отряды справедливости и мира»), Иминьхуэй («Союз справедливых»), Дадаохуэй («Союз больших мечей») и пр. В северо-восточных провинциях Китая самыми распространенными названиями были «Ихэцюань» и «Ихэтуань». Все эти организации имели характер «братств», соблюдали традиционные религиозно-мистические ритуалы и практиковали боевые искусства, что послужило причиной названия возглавляемого ими восстания «боксерским». К 1890 г. в рядах восставших уже насчитывалось более 150 тыс. человек.

зейских маньчжур, которые согласно Айгуньскому договору оставались на своих исторических землях под китайской юрисдикцией. В июле 1900 г. район был ликвидирован силами крестьянского ополчения: деревни сожжены, а население частично вырезано, частично бежало (Дацышен, 2001).

Эти события оставили глубокий след в памяти местного русского и китайского населения. Зло предстало в своем обыденном обличье: те, кого еще вчера считали соседями, к кому ходили в гости, с кем общались и вступали в разнообразные человеческие отношения, обернулись врагами, способными грабить и убивать. И превращение это происходило не по приказу властей, а вполне добровольно, по внутреннему позыву. Начатки взаимного доверия были разрушены. Чуть позднее, когда императрица Цыси ощутила реальную угрозу для себя со стороны ихэтуаней, китайская администрация обратилась к помощи европейских держав — Великобритании, Франции, США, Японии, России, Италии, Германии и Австро-Венгрии. Усилиями военной коалиции восстание было подавлено. В северных провинциях Ляонин и Хэйлунцзян эта сомнительная честь досталась российским войскам.[108]

Ключевым фактором, влиявшим на изменение ситуации в российско-китайском пограничье практически всю вторую половину XIX в. и первую — XX в., была политическая нестабильность, переживаемая Китаем. В Российской империи это обстоятельство воспринималось как угроза безопасности страны, а в Советской России как возможность продвижения социалистической революции.

Еще Н.Н. Муравьев-Амурский, решительно продвигавший российские интересы на Дальнем Востоке, полагал, что неплохо было бы иметь на российско-китайской границе буферные государства, находящиеся в сфере влияния России, и что в случае краха Цинской династии стоит поддержать автономистские и сепаратистские настроения в Монголии и Маньчжурии (Диллион, 2016). Этот проект выглядел вполне реализуемым. Культурно, этнически и юридически оба региона отличались от основной территории Китая. Они имели исторический опыт собственной государственности и были вотчиной маньчжур-

---

[108] В современной китайской историографии события того времени трактуются как подавление национально-освободительного движения и агрессия царской России (Сухачёва, 2009).

ской династии Цин, правившей в Китае с XVII в. Спустя полвека сходные идеи излагал военный министр генерал А.Н. Куропаткин. Активный оппонент С.Ю. Витте, он выступал против строительства КВЖД и проникновения России на территорию Китая. Но раз уж это произошло, то необходимо озаботиться безопасностью российских границ и подумать об «*отторжении у Китая северной Маньчжурии, Монголии и Синьцзяна и либо создании на их территориях неких буферных образований, либо включении их в состав России*» (Цит. по Дятлов, 2000, с. 68).

Похожие идеи находили питательную среду не только в России, но и в Японии, стремившейся распространить свое влияние в российско-китайском пограничье, где позиции обеих империй выглядели слабыми (Masafumi, 2010). Эта политика стала реализовываться в начале XX века.

В 1903 г. значительная часть Маньчжурии (линия землеотвода КВЖД) приобрела экстерриториальный статус. В 1905 г. Корея, которая на протяжении 300 лет поддерживала вассально-даннические отношения с Китаем, стала протекторатом Японии, а спустя еще пять лет утратила всякую самостоятельность. В результате русско-японской войны о. Сахалин и Маньчжурия были разделены на российскую и японскую сферы деятельности. Падение авторитета России в регионе вследствие неудач в войне способствовало росту влияния Японии, активизации панмонгольских и антирусских настроений.

Синьхайская революция (1911–1913) свергла династию Цин, попутно разрушив китайское государство. Молодая Китайская республика была охвачена гражданской войной. «Парад суверенитетов», прокатившийся по стране, привел к тому, что Внешняя Монголия получила широкую автономию (1915), а тувинские нойоны заявили о национальном самоопределении, обратившись к России с просьбой о протекторате. В 1914 г. Урянхайский край был включен в состав Енисейской губернии. Первая мировая война, еще больше ослабившая Россию, позволила Японии политически и экономически утвердиться в российском пограничье. Две русские революции 1917 г. привели Российскую империю к краху, политическому перевороту и гражданской войне. Япония вместе с западными державами приняла участие в интервенции, что обосновывалось необходимостью защиты жизни и имущества японцев на Дальнем Востоке и Юге Сибири. При поддержке Японии был сформирован Особый Маньчжурский отряд атамана

Семенова. Антисоветское движение охватило и Урянхайский край. В 1919 г. Китайская республика аннулировала автономию Внешней Монголии. Новые китайские власти региона разделяли прояпонские и антироссийские настроения. Последним аккордом гражданской войны стала поддержка Японией белого движения в Монголии и Урянхайском крае (1920–1921). Результатом этих событий стало образование де-факто независимой Монголии, управляемой Богдо-ханом, и Тувы под протекторатом РСФСР.

Весной 1920 г. в Китае был издан декрет, отменявший экстерриториальный статус КВЖД, который был признан Советским правительством. Железная дорога объявлялась коммерческим предприятием, совместно управляемым Китаем и СССР. Практически одновременно была создана Дальневосточная республика (ДР) — буферное государство между РСФСР и Японией, в которую формально вошли области, граничащие с Китаем — Забайкальская, Амурская и Приморская. В 1921 г. была образована Бурят-Монгольская автономная область, в 1922 г. ДР вошла в состав РСФСР, в 1924 г. была провозглашена Монгольская Народная Республика, в 1926 — Тувинская Народная Республика. Оба новых государства были признаны СССР, но большинство остальных стран считало их территорией Китая.

Описанные драматические события, которые уложились в один абзац, в реальной жизни привели к изменению границ[109] и мощным волнам переселений людей, огромному числу человеческих трагедий, по-

[109] Так, в мае 1924 г. состоялось подписание Соглашения об общих принципах урегулирования вопросов между Советским Союзом и Китайской Республикой. В 7-й статье Соглашения фиксировалась договоренность сторон проверить на совместной конференции установленную линию границы. Это сразу обнаружило разночтения в понимании ситуации обеими сторонами. Если для советской стороны линия границы не подлежала сомнению и была четко определена договорами царской России, нуждаясь лишь в уточнении в связи с произошедшими изменениями, появлением новых государственных образований и нечеткостью разделения акваторий рек и озер, то для китайской стороны, считавшей исторические договоры неравноправными и несправедливыми, она подлежала тотальному пересмотру. Условие «проверки своих национальных границ» рассматривалось как повод для выдвижения территориальных требований к СССР и основание считать советско-китайской границей линию, утвержденную Кяхтинским договором 1727 г., когда Внешняя Монголия была частью Китая. В это время в Китае были изданы карты «утраченных территорий» и «национального позора» (Галенович, 2001).

терь, конфликтов и сопровождавшего их насилия. Подданные Китая и Кореи, опасаясь политических преследований и ища спасения, бежали в Россию, а российские подданные — в Китай, преимущественно в приграничные районы и на территорию КВЖД. После Октябрьской революции китайские и корейские мигранты оказались гражданами стран, не признавших Советскую Россию,[110] а российские мигранты в Китае — людьми второго сорта, бывшими колонизаторами и оккупантами.

Все эти годы широкий фронтир между Россией и Китаем постоянно сжимался, пересечение границы становилось все более проблематичным, ее отдельные участки периодически закрывалась то одной, то другой стороной. Вооруженный конфликт на КВЖД (1929) привел к окончательному закрытию границы и временному разрыву дипломатических отношений между Россией и Китаем. К китайцам в России стали относиться как к нелояльному населению, а к русским в Китае как к нежелательным элементам. Японская оккупация северо-восточного Китая привела к созданию «независимого» государства Маньчжоу-Го (1932).[111] В дальнейшие планы Японии входило создание еще одного «независимого» государства — Монголо-Го, объединившего бы Внутреннюю Монголию и МНР. Союз двух «независимых» государств восстановил бы под протекторатом Японии монголо-маньчжурскую империю в примерных границах XVII века.

С 1932 г. на российской границе постоянно возникали вооруженные конфликты, кульминацией которых стали военные столкновения на оз. Хасан в Приморье (1938) и на Халхин-Голе (1939). Эти события резко изменили отношение к китайцам и корейцам в России. Теперь они воспринимались как «пятая колонна», враги и японские агенты. Первая волна репрессий против китайского населения прокатилась после событий на КВЖД, но тогда она коснулась преимущественно торговцев и «спекулянтов». Вторая волна совпала с периодом большого террора 1937–1938 гг., когда была проведена тотальная «зачистка»

---

[110] Хотя советские власти уравняли китайцев в правах с российскими гражданами, большинство китайцев не приняли советского гражданства (Дацышен, 2009).

[111] В качестве внешнеполитического аргумента для обоснования правомерности действий Японии на Дальнем Востоке послужила необходимость сдерживания коммунистического влияния в Азии, в качестве внутриполитического — восстановление маньчжурской государственности.

стокилометровой пограничной зоны вдоль российско-китайской границы от «неблагонадежных элементов» и введен строгий пограничный режим. Репрессиям подверглись все китайцы и корейцы, по тем или иным причинам пересекавшие российскую границу. Не лучше обстояли дела и с другой стороны границы, где русские и выходцы из Российской империи подвергались дискриминации и вынуждены были либо репатриироваться, либо эмигрировать дальше. Многие предпочитали скрывать свое происхождение.

В годы Второй мировой войны российско-китайская граница не менялась, но после ее окончания исчезло буферное государство Маньчжоу-Го, территориальные права Китайской республики на Маньчжурию были подтверждены, а линия российско-китайской границы восстановлена по состоянию на конец 1920-х гг. Однако в Китае продолжилась гражданская война, которая завершилась в 1949 г. победой коммунистов и созданием при активной поддержке СССР Китайской Народной Республики. Монголия сохранила свою независимость, несмотря на то, что Мао-Цзедун выражал надежды на ее добровольное вхождение в Китай. В последующем КНР и СССР — два соседних крупнейших коммунистических государства иногда сотрудничали, но чаще их отношения характеризовались соперничеством и недоверием. Наиболее известный вооруженный пограничный конфликт произошел в 1969 г. на о. Даманский, после которого граница между двумя странами превратилась в непреодолимый рубеж.

Новое «открытие» границы состоялось уже в постсоветские годы. Ему предшествовало подписание соглашений по восточному участку границы в 1991 г. и по западному участку границы в 1994 г. Оба эти документа носят бессрочный характер и не содержат упоминаний о «неравноправных договорах». Последние разногласия были устранены в 2004 г.

Конструирование приграничного ландшафта

Советское время подарило российско-китайскому пограничью наибольшее число музеев и памятников, превративших ландшафты с обеих сторон границы в конфликтный и многослойный «текст», конструирующий реальность в политически детерминированных формах. Послания, доносимые этим «текстом» до рядовых граждан, были отчетливо артикулированы в заочной полемике Мао Цзедуна и Н.С.

Хрущева в 1964 г. (Гончаров, Даньхуэй, 2004). Мао выступал с позиции узурпации Россией территориальных прав Китая, утверждая, что практически все пограничные договоры, подписанные царской Россией с дряхлевшей цинской династией, были навязаны китайской стороне и являются неравноправными, а значит, и неправомерными. В соответствии с этой позицией, Советский Союз воспользовался этой ситуацией и «захватил слишком много земель», и у Китая есть все права предъявить исторический счет на свои территории, который до сих пор не погашен. Хрущев в ответ указывал, что китайский империализм ничем не лучше российского и что практически все соседние с Китаем страны имеют к нему исторические счеты. Далее следовали высказывания в духе «чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим».[112] В то же время Мао назвал свои высказывания «пустыми словами» и «холостыми выстрелами»:

> *«Говоря пустые слова, мы стремились к тому, чтобы на пограничных переговорах находиться в наступлении. Возможно, вы считаете, что мы и вправду хотим возвратить 1 миллион 540 тысяч квадратных километров земель, захваченных царями. Мы отнюдь этого не хотим. Это и называется произведением холостых выстрелов, приведением их в напряжение»* (Цит. по Гончаров, Даньхуэй, 2004, с. 50).

Спустя четверть века Дэн Сяопин дезавуировал позицию Мао, сказав после встречи с М.С. Горбачевым, что все исторические счеты уже предъявлены и на прошлом поставлена точка. Историческая и политическая части вопроса о российско-китайской границе были разделены. Это создало возможность для открытых, политически неангажированных научных дискуссий и вовлечения в публичный оборот архивных материалов, проясняющих спорные вопросы. Однако символический ландшафт пограничья продолжил репродуцировать смыслы, заложенные в него предыдущей эпохой, о «насилии» над китайским суверенитетом, с одной стороны, и российской «правоте» — с другой.

---

[112] Хрущев буквально говорил следующее: «... Конечно же, если нам войну навяжут, мы будем сражаться всеми своими силами и всеми средствами. А средствами войны мы располагаем достаточно мощными, я бы сказал, неограниченными. И если агрессоры развяжут войну, то они в ней погибнут» (Цит. по Гончаров, Даньхуэй, 2004, с. 49).

Наибольшее значение обрела тема легитимности границы. С российской стороны она транслируется через «размножение» памятников Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Первый памятник графу и генерал-губернатору Восточной Сибири был установлен на вершине Хабаровского утеса в 1891 г. Он доминировал над всей окрестностью и был хорошо виден с китайской стороны Амура. Вокруг памятника была устроена ограда из старых чугунных пушек, вкопанных дулами в землю. Они как бы утверждали: «мечи перекованы на орала», но в случае чего могут и послужить. Сочетание пушек с монументом, изображающим Муравьева-Амурского в позе, напоминающей о Наполеоне, акцентирует внимание не столько на личности графа, сколько на мощи империи, которая не отступит назад. В 1925 г. памятник как наследие царизма был демонтирован, а пушки погребены в земле по соседству. Его восстановление стало одним из первых дел хабаровской администрации в постсоветские годы. Бронзовая статуя и частично сохранившиеся пушки вернулись на свое место в 1992 г.

В Благовещенске «старого» памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому не было, но еще в 1868 году к десятилетию образования города и заключения Айгуньского договора был установлен скромный монумент в виде усеченной пирамиды на месте бывшего Усть-Зейского поста, где находилась ставка Муравьева-Амурского. Сам Муравьев-Амурский к тому времени уже отошел от дел и жил в Париже, но М.С. Корсаков — бывший соратник и протеже графа, сменивший его на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, посчитал необходимым отдать долг уважения его заслугам и установил памятную доску. Еще позднее к приезду в Благовещенск наследника престола цесаревича Николая (1891) памятник был обновлен и увенчан двуглавым орлом. В советские годы он был утрачен, но в 1973 г., после событий на Даманском и в разгар «культурной революции» в Китае, восстановлен с некоторыми изменениями: без орла, но с горизонтальной стелой. На стеле изображена граница, проходившая тогда по китайскому берегу Амура, а не фарватеру реки, и условные русские люди — от первопроходцев до бдительных советских пограничников. Две группы объединяет надпись: «Земля амурская была, есть и будет русской».

Памятник собственно Н.Н. Муравьеву-Амурскому появился в Благовещенске в 1993 г. Он более скромный, чем в Хабаровске, но граф также решительно смотрит в сторону Китая, сжимая в одной ру-

ке Айгунский договор и указывая пальцем другой: здесь, на этом месте, быть русскому городу. В Благовещенске есть еще один памятник Муравьеву-Амурскому как основателю города. На нем он представлен вместе с митрополитом Иннокентием — святителем дальневосточной земли. Памятник был установлен в 2009 г. перед храмом Благовещенья Пресвятой Богородицы. Композиционно он вызывает ассоциации с памятником Минину и Пожарскому в Москве, но выражает не идею единства власти и народа в защите отечества, а церкви, благословляющей власть на покорение новых земель.

История владивостокского Муравьева-Амурского драматична. Граф скончался в Париже в 1881 г. Спустя десять лет возникла идея перенесения его останков в Россию. Сначала предполагалось их перезахоронить «под памятник» в Хабаровске. Родственники поддержали эту инициативу, видя в ней дань памяти и признание заслуг Муравьева-Амурского перед отечеством. Затем решение было изменено в пользу Владивостока, поскольку основание города было непосредственно связано с его именем. Политическая турбулентность в России начала XX века помешала осуществлению этой идеи, в советское время к ней не возвращались. Она осуществилась только в 1991 г., когда останки графа с большой помпой захоронили в центре Владивостока. Предполагалось, что над надгробием встанет часовня. Но до этого руки не дошли, а местные краеведы заговорили о неудачно выбранном месте: скверик с могилой находился на пересечении оживленных магистралей, ни подходов, ни подъездов к могиле предусмотрено не было. Внучатый племянник графа, посетивший могилу, отозвался о месте захоронения с болью: «Как-то бесприютно». Тогдашний мэр Владивостока Ю. Копылов полагал, что захоронение и вовсе было бы лучше перенести в другое место и использовать эту площадку для строительства канатной дороги на другой берег бухты Золотой Рог. Руки тоже не дошли. Местная епархия, в свою очередь, выступила с предложением перенести прах на старое кладбище к южной стене Покровского собора и возвести надгробную часовню[113].

Споры длились двадцать лет, в течение которых хабаровская администрация попыталась «вернуть» прах себе — в столицу ДВФО. Наконец, к саммиту АТЭС (2012) территория сквера вокруг гранитного

---

113 «Графу нет покоя». Эксперт ONLINE, 2009. http://expert.ru/2009/08/19/graf-prah/

саркофага была благоустроена, и установлен внушительный монумент. Граф смотрит в морскую даль, но его фигура выражает некоторую усталость, а облик лишен уверенности покорителя, свойственной памятникам в Хабаровске и Благовещенске. Однако он также сжимает в руке российско-китайский договор о границах, как бы утверждая, что не только амурская, но и приморская земля «была, есть и будет русской».

Еще два памятника Муравьеву-Амурскому с неизменным свитком были открыты в 2014 г. в Забайкальском и Приморском краях. Один, не уступающий по масштабу хабаровскому и владивостокскому — в Чите, другой — более «домашний» и соразмерный человеку — в Находке.

В китайском пограничье тема легитимности границы трансформируется в тему ее нелегитимности и доказательство «воровского поведения» северного соседа. На многих приграничных участках с китайской стороны сохранены старые пограничные столбы, служившие маркером границы с СССР вплоть до конца 1980-х гг. Прежний рубеж двух стран обозначен жирной красной чертой, проведенной у подножия бывшего пограничного столба, превращенного в исторический монумент, чтобы народы не забывали «свою» историю.

Вдоль всей линии границы культивируется память о конфликтах. Особое место занимает Благовещенская трагедия 1900 г. Вот впечатления французской журналистки от посещения китайского музея:

> *«На обратном пути ... мы делаем остановку возле развалин старинного города Айгунь, от которого сохранилась только одна крепостная башня. На месте бывшей крепости построено ультрасовременное здание — исторический музей. Водитель говорит, что для русских вход сюда закрыт, но француженку должны пустить. С правой стороны вестибюля вход: за тяжелой гардиной красного бархата слышны крики, выстрелы, трагический голос диктора. Служитель впускает меня в темный зал, в глубине которого светится громадное панорамное полотно — Благовещенск 1900 г., в разгар Боксерского восстания. На переднем плане — макет: игрушечные казаки изгоняют китайцев с русского берега Амура; горящие дома, валяющиеся трупы, тонущие в реке женщины и дети. Не надо знать китайский, и без комментатора понятно, что происходит»* (Шишманова, 2011).

Примерно того же сорта музей на о. Даманский (Чжэньбао дао). Сейчас это военно-административная зона КНР, куда закрыт доступ иностранцам, но китайские туристы музей посещают. Им рассказывают о советском вторжении на остров и героизме китайских воинов. В экспозицию включены сооружения бывшего советского укрепрайона и впечатляющие наскальные барельефы, посвященные китайской победе над захватчиками. Де-юре Даманский был признан китайской территорией в 1991 г., но де-факто являлся ей с конца 1969.

С российской стороны границы в Дальнереченске также создан мемориал героям и жертвам конфликта на Даманском. В музее излагается российская версия событий как спланированного и организованного китайской стороной нападения на отряд российских пограничников, результат многочисленных предшествующих провокаций. В экспозиции представлены личные вещи и документы погибших участников событий, фотографии взятых в плен раненых советских солдат, которые были зверски замучены.

Другая важная современная тенденция трансформации символического ландшафта российско-китайского пограничья связана с «историзацией» прошлого, переведением его из состояния актуальной истории в предание и наследие (Найдорф, 2012). «Открытие» границы и превращение трансграничных контактов в часть повседневной жизни людей породило не только челночную торговлю в пограничье (памятники «челнокам» установлены в Благовещенске и Маньчжоули), но и множество пограничных символов, свидетельствующих о прошлом. Памятники пограничникам стали массово возникать на российско-китайской границе в 2000-х гг., но они представляют хрестоматийный образ пограничника, каким он сложился в 1920–1930-х гг. Исторической эклектичности памятникам добавляет пограничный столб с двуглавым орлом — гербом страны в другую эпоху. Все это превращает бронзовых пограничников в символ, репрезентирующих хорошо знакомую по советским кинофильмам фигуру, а не реальность сегодняшнего дня.

Благовещенск дает наиболее яркий пример произошедший трансформации. В городе установлено два памятника пограничнику, и оба — с собакой. Один — довоенный: ранее он располагался у паромной переправы через Зею, а сегодня перенесен к зданию пограничного управления по Амурской области. Единственным веянием постсоветского времени, коснувшимся этого памятника, стал двуглавый орел на по-

граничном столбе. Многие годы гипсовый пограничник был первым, кто встречал приезжающих в город. Из интервью:

> *«...чтобы попасть в город, нужно было пройти контроль. За 3 километра до Зеи пограничники останавливали каждую машину и проверяли документы. Въехать в город, минуя пост, было невозможно. А на берегу нас встречал почти настоящий мужественный солдат-пограничник с собакой и автоматом наперевес. Я так любила этот белоснежный (а иногда зеленый) памятник, что как дитя радовалась — вот солдат, значит, почти приехали!».*

Другой благовещенский памятник пограничнику отлит из бронзы и установлен на набережной в 2007 г. Он совсем не похож на современного пограничника, но вызывает массу эмоций у местных жителей: собаке трут нос «на счастье», а солдату посвящают самодельные стихи. *«Суровый взгляд солдата и собаки говорит потомкам об одном: «Не смейте преступать, враги, границу, короткий разговор у нас с врагом».*[114]

Оба памятника были интерпретированы общественным сознанием в духе своего времени: первый напоминал о бдительности и въезде в запретную зону, второй — продукт ностальгии — о прежней жизни. Именно ностальгия, а не желание повернуть ход истории вспять объясняет появление на всем приграничном пространстве от Читы до Владивостока памятников пограничникам.

Другой аспект «историзации» прошлого связан с отношением к сохранившемуся культурному наследию с обеих сторон границы. Это тяжелый вопрос, поскольку в российско-китайских отношениях последних двухсот лет существовала заметная асимметрия, которая выразилась в неравенстве символического капитала. Если российское присутствие в Китае было связано с государством, большими свершениями или крупными историческими катаклизмами и оставило множество материальных следов, то китайское в России — с «незаметной» деятельностью тысяч рядовых китайцев — тружеников и воинов, следы жизни которых стерты временем. Память о них сохраняется лишь в письменной истории — редких дневниках путешественников, письмах, воспоминаниях и многочисленных следственных делах. И та, и другая

---

[114] Эльмурзаева Ф. Памятник пограничнику с собакой, 2017. Стихи.Ру. http://www.stihi.ru/2017/04/12/11411

ситуация тяжело воспринимаются обществом и служат поводом для политических спекуляций. Пример Харбина показывает, как трудно идет этот процесс.

С 1920-х гг. российский облик китайского города служил поводом для идеологического раздражения в Китае и постепенно стирался. Харбин должен был приобрести черты, отвечающие национальному духу. Был принят закон об обязательном использовании китайского языка в вывесках магазинов, кафе и ресторанов, уличной рекламе. В 1923 г. возведен буддийский храм Блаженства (Цзилэсы), символически осенивший русское кладбище, а в 1926 г. — конфуцианский. В годы «культурной революции» российское наследие Харбина подверглось значительным разрушениям: был снесен деревянный кафедральный Свято-Никольский храм, расположенный в самой высокой точке города, а на месте русского кладбища устроен парк аттракционов. Правда, десятилетием раньше в Харбине появился другой символ российского присутствия — парк им. Сталина, разбитый на берегу Сунгари и обустроенный в советском духе.

В эпоху реформ Дэн Сяопина этот процесс продолжился, но уже под лозунгами модернизации. Длительный экономический и культурный спад в жизни города способствовал ностальгии по блистательному прошлому Харбина. В конце XX века эти настроения разделяли не только редкие русские жители города, но и его китайская интеллигенция.

> *«Трудно поверить, что в 1920-х гг. здесь выходило более сотни газет на иностранных языках. Процветали разные культуры. Взгляните на Харбин сегодня. Сейчас мы закрыты, провинциальны и отсталы. Интеллектуальная жизнь замерла»* (Koga, 2008, с. 232).

Поиск новых путей развития обратил взоры местных властей на европейскую практику городского маркетинга. Представление о Харбине как городе, сплавившем русскую и китайскую культуры, позволяло трансформировать его инаковость в туристическую привлекательность. Однако городская среда, напоминавшая о «русском» Харбине, пришла в полный упадок и требовала вливания значительных финансовых средств. Их предполагалось изыскать благодаря празднованию столетия основания города (1998).

Однако экономический прагматизм натолкнулся на идеологическое сопротивление. Памятники колониального прошлого, которые в течение многих десятилетий рассматривались как свидетельства национального унижения, не могли стать предметом гордости, а столетие Харбина — праздником. В научных публикациях и СМИ развернулись горячие дебаты относительно происхождения города с привлечением авторитетных историков, которые установили древность происхождения Харбина и его связь с династиями Цзинь и Цин. Вопрос о юбилее был вынесен на суд Пекина, который аннулировал праздник.

Тем не менее, Софийский собор Харбина признан национальной достопримечательностью и реконструирован на пожертвования нынешних и прежних харбинцев. Застройка вокруг храма была снесена, а сам он стал визитной карточкой города. Это событие, как и связанные с ним дискуссии, привлекли внимание к Харбину и его прошлому. В Китае город кажется экзотическим, за рубежом — ностальгическим. Туризм оживился. Вышло множество публикаций о феномене Харбина на разных языках, а сам он превратился в важнейший центр российско-китайских связей, постепенно возвращая себе утраченный статус центра межкультурных контактов. Это маленькое «туристическое чудо» запустило механизм создания «макета России» в китайском городе, привлекающем своей русской историей. В 2009 г. на частные средства на окраине Харбина открылся тематический парк «Волга», где представлена коллекция русских объектов — Свято-Никольский собор, Орловские конюшни, Пушкинский клуб, вырезанные из бревен богатыри и прочий туристический реквизит. Несмотря на имитативную природу, все эти объекты актуализируют вопросы истории российско-китайского пограничья и сохранения подлинного культурного достояния.

Похожие процессы, хотя и в меньшем масштабе, наблюдаются и в других приграничных городах. Так, в Хабаровске предполагается открыть музей последнего китайского императора Пу И в доме, где он провел более полугода после его задержания НКВД в 1945 г. Работа по созданию музея ведется с 2014 г. В бывшем Порт-Артуре (Люйшунь) открыт исторический музей освобождения Северо-Востока Китая (2012), приведены в порядок многие объекты российского культурно-исторического наследия. В Айгуне, который А.П. Чехов посетил по пути на Сахалин, обсуждается вопрос о создании музея писателя и

истории российско-китайских отношений. В стадии реализации проект совместного использования Большого Уссурийского острова. Наметился и трансграничный диалог, позволяющий надеяться на разделение политической и исторической составляющей вопроса о границе и укрепление взаимного доверия.

* * *

Почему особенности культурного ландшафта пограничья имеют принципиальное значение для выстраивания трансграничных отношений? Какая разница, что за памятники стоят на далеких рубежах, если вся политика определяется «в центре» и если apriori главная функция границ — разделять зоны ответственности государств? Ответ достаточно очевиден: в условиях глобализации и все более непростой геополитической ситуации жители лимитрофных регионов осознают свою культурную отличительность, а их лидеры, основываясь на культурных аргументах, выдвигают политические требования, расширяя свои полномочия и привилегии. Миссия налаживания партнерских отношений между соседними странами, отвечающая задачам глобальной или более скромной макрорегиональной экономической интеграции и отчасти возложенная на приграничные регионы, трансформируется в процессы консолидации разделенных границами сообществ. Культура, языки и этничность оживают даже там, где они казались прочно забытыми, а былые меньшинства переживают второе рождение.

Эти процессы в пограничье вряд ли получили бы развитие и широкое распространение, если бы не были поддержаны позитивными оценками этнокультурного разнообразия в целом, его маркетингом, конкуренцией диаспор с национальными государствами и продвижением дискурса о культурном плюрализме как подходе к решению политических задач, который позволяет обеспечить соблюдение принципов равенства и прав человека.

В государствах, где деятельность приграничных сообществ рассматривается как угроза национальному суверенитету, доминирует политика размежевания с соседом, продвижения или навязывания единой национальной культуры. Ситуация, которая сегодня наблюдается на российско-украинской границе и которая в прошлом была типичной для российско-китайской. Однако времена меняются. Дейст-

вия, которые раньше обеспечивали консолидацию населения, в новых условиях влекут за собой потерю государством доверия части граждан и ослабление легитимности власти. Это дало основание для пессимистического вывода, согласно которому культура была в прошлом тем, что лежало в основе создания национальных государств, и она же станет тем, что их разрушит (Eagleton, 2000). Но политика, завися от индивидуальных решений людей и множества привходящих обстоятельств, способна меняться, а значит, и итог может быть иным.

Что же необходимо сделать, чтобы ландшафты пограничья перестали рассматриваться как инструмент ведения войн исторической памяти, а символическая политика способствовала бы их прекращению, чтобы возникла плюралистическая версия национальной идентичности, учитывающая различия локальных культур? Достижима ли в принципе такая цель? Ведь признание сложности исторических реалий требует и многосторонней ответственности за события прошлого, а не только обвинений и разоблачений «врагов» и их пособников. Это тяжелый путь, который предполагает отказ от устоявшихся стереотипов и некогда эффективных политических рецептов, переход от понимания государства как института легитимного насилия, основанного на мандате большинства, к государству как институту власти, основанному на компромиссе между разными группами населения. Это требует уступок, в том числе и соседу, а не давления или навязывания «правильных» взглядов.

Вопрос не в том, надо или нет делать публичным достоянием информацию о конфликтах в пограничье, посвящать им обширные экспозиции и устанавливать мемориалы, а в том, чтобы перестать считать пропаганду полезной для формирования общественного мнения и отказаться от политически ангажированной интерпретации событий. Попытки укреплять внутреннее единство страны и решать задачи консолидации населения, спекулируя на исторических противоречиях, как правило, входят в вопиющее противоречие с повседневной жизнью приграничья. Российско-китайская и российско-украинская границы — не исключение. Сложившиеся там культурные ландшафты, которые увековечивают конфликты, составляют разительный контраст с окружающей действительностью. Так, китайские приграничные города живут торговлей с русскими, их улицы пестрят вывесками на русском языке, в скверах можно встретить памятники русским пи-

сателям[115], чтобы россияне чувствовали себя «как дома». С российской стороны также много знаков китайского присутствия. Казалось бы, граница постепенно возвращается к состоянию если не фронтира, то контактной зоны, но настойчивое напоминание о конфликтах в духе взаимных исторических счетов, а не взаимного осмысления истории, не позволяет реализоваться этому переходу.

Еще более драматичная ситуация на границе с Украиной, где местное население стало заложником межгосударственного противостояния, но тем не менее прикладывает усилия для сохранения привычного социального и территориального единства, а приграничье сохраняет множество примет совместной жизни. Преодолеть этот разрыв позволит только диалог, вынесение «больных» вопросов истории в сферу научных и публичных обсуждений. Тогда мнения историков и других авторитетов утратят непререкаемость, а сами они перестанут снабжать политиков «неоспоримыми» аргументами. На российско-китайской границе первые шаги в этом направлении уже делаются, что позволяет надеяться и на изменение политики на российско-украинской границе.

---

[115] Например, в Маньчжоули (Маньчжурии) — первом приграничном пункте КВЖД (города Маньчжоули и Забайкальск разделяет всего 10 км) собраны уменьшенные копии известных российских памятников — «Рабочего и колхозницы», «Медного всадника», «Родины-Матери», Пушкину, Тургеневу и др. В Хэйхе россиян встречает памятник Пушкину, сильно напоминающий известную скульптуру Опекушина в Москве.

Часть 4.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Глава 4.1.

Институциональное измерение приграничного сотрудничества

Анализ практики трансграничного сотрудничества через призму институциональной теории стал одним из наиболее модных трендов в приграничных исследованиях. Однако его общепризнанного определения не существует, хотя институтам приграничного сотрудничества посвящены десятки работ российских и зарубежных исследователей. Такая ситуация не является уникальной для приграничных исследований, где и другие основополагающие категории (такие как «приграничный регион» и «приграничное сотрудничество») допускают множественность определений. Во многом это объясняется тем, что приграничное сотрудничество — сравнительно новый и быстро меняющийся феномен, а сама международная деятельность регионов пока не опирается на единую международную нормативную базу и не имеет унифицированных институтов и механизмов сотрудничества (Демьяненко, 2012).

Тем не менее, институционализация приграничного сотрудничества в современных российских и зарубежных исследованиях обычно рассматривается как необходимое условие эффективных трансграничных взаимодействий. А.С. Макарычев объясняет это высокими «транзакционными издержками» приграничных акторов, сталкивающихся с межгосударственными различиями в экономическом и правовом регулировании, институциональной среде и пр. Многообразие акторов,

участвующих в сотрудничестве,[1] только усиливает эти издержки, для преодоления которых создаются правила и нормы сотрудничества, превращающиеся со временем в приграничные институты (Макарычев, 2002, с. 13–18).

Сказанное справедливо и для России, многососедское положение которой сочетается с не до конца завершённой постсоветской трансформацией ее политической и экономической систем, а также основных институтов гражданского общества. Впрочем, и соседи России кардинально различаются по своему государственному устройству, особенностям экономической модели и специфике правового регулирования. Еще больше различается конкретная ситуация на уровне «регион–регион»: барьерность границ, их этническая контрастность, конфликтность, социально-экономические диспропорции — все это накладывает отпечаток на практику, нормы, правила и институты сотрудничества, делая ситуацию на каждом конкретном участке границы по-своему уникальной.

Можно говорить по крайней мере о двух институциональных вызовах, ответ на которые необходим для более эффективного приграничного сотрудничества. Первый из них связан с необходимостью выявления уже существующих институтов или, по выражению О.Ч. Реута, реальных «правил игры», то есть набора институтов, оказывающих непосредственное влияние на практики приграничного взаимодействия (Реут, 2015).

Второй вызов связан с поиском возможностей клонирования и «переноса» успешных институтов (с одной границы на другую), а также возможности выращивания подобных институтов «сверху» и создания условий для их возникновения «снизу». Поиск ответов на эти вызовы — непростая задача. В рамках этой главы авторы постарались проанализировать эволюцию, практическую ценность и эффективность сложившихся на российских границах институтов сотрудничества.

---

[1] В трансграничных проектах одновременно могут участвовать политические (муниципальные региональные, федеральные и международные), экономические (хозяйствующие субъекты разного профиля, масштаба и форм организации), общественные (некоммерческие организации) акторы, вес и компетенции которых, как правило, сильно различаются.

Правовые условия институционализации

Правовая среда оказывает большое влияние на процесс институционализации приграничного сотрудничества. В первую очередь, она создает юридические механизмы регулирования приграничной кооперации, превращая повседневную практику трансграничных взаимодействий в формализованные институты приграничного сотрудничества. Однако формирование системы нормативно-правовых актов в этой сфере протекает сложно, поскольку приграничное сотрудничество регулируется одновременно нормами международного, государственного и муниципального права (Семакина, 2014). Эти нормативно-правовые блоки, оказывающие решающее влияние на институты сотрудничества, выделяют и другие авторы (см., например, Вардомский, 2008, 2009; Межевич, 2009).

Отсутствие до настоящего время единого реестра документов, регулирующих различные аспекты приграничного сотрудничества, потребовало от нас создания собственного перечня такого рода документов. Собранная база включила в себя 324 документа (36 документов для первого блока, 149 и 138 — соответственно для второго и третьего).[2]

Первый блок представлен федеральными правовыми актами, большинство из которых не касаются непосредственно приграничного сотрудничества, однако оказывают большое влияние на приграничные институты.

В первую очередь, это Конституция РФ, а также федеральные законы «Об общих принципах организации местного самоуправления» (от 06.10.2003 №131-ФЗ) и «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (от 04.01.1999 №4-ФЗ), которые относят международное (в том числе и приграничное) сотрудничество к области совместного ведения федеральных, региональных и местных властей. Разделение компетенций в области международного сотрудничества конкретизировано в федеральных законах «О международных договорах Российской Федерации» (от 15.07.1995 г. №101-ФЗ) и «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (от

[2] Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества» (от 26.07.2017 №179-ФЗ) предполагает обязательное создание подобного реестра заключенных соглашений о приграничном сотрудничестве.

04.01.1999 №4-ФЗ), согласно которым органы государственной власти субъекта Российской Федерации могут заключать соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей. При этом, однако, оговаривается, что такие соглашения вне зависимости от формы, наименования и содержания не являются международными договорами.

Для приграничного сотрудничества весьма значимы нормативные акты, определяющие режим границы и пограничной зоны (например, «О государственной границе Российской Федерации» (от 01.04.1993 №4730-1) или Приказ ФСБ №515 от 15 октября 2016 г. «Об утверждении Правил пограничного режима»), и законы, регулирующие миграционные и товарные потоки[3]. По мнению Л.Б. Вардомского, к такого рода нормативным актам следует относить также федеральные законы, направленные на развитие конкретных приграничных территорий, объектов трансграничной инфраструктуры — государственные и федеральные целевые программы, законы об особых экономических зонах (например, в Республике Крым и Калининградской области) и территориях опережающего развития и др. (Вардомский, 2008, с. 93–94).

Особую категорию нормативных актов образуют документы рекомендательного характера, определяющие цели, задачи и основное содержание государственной политики, связанной с приграничным сотрудничеством. К этому типу документов можно отнести Концепцию внешней политики Российской Федерации, Военную доктрину Российской Федерации, Концепцию развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона[4], и др. Особую роль

---

[3] Наиболее важны в широком перечне подобных документов закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 №115-ФЗ, определяющий порядок оформления виз, въезда и выезда иностранцев, а также закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 №164-ФЗ, который вводит понятие приграничной торговли в качестве особого режима осуществления внешнеторговой деятельности.

[4] Этот документ утвержден Распоряжением Правительства РФ №2193-р от 28 октября 2015 г. и фактически определяет основы государственной региональной политики в отношении приграничных регионов Дальнего Востока и Забайкалья. Тем не менее, в Концепции особо отмечается, что приграничное сотрудничество и уже созданные в рамках него институты являются одним из потенциальных драйверов регионального развития.

в этой группе документов играла «Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации» (далее — Концепция), разработанная и принятая в соответствии с распоряжением Правительства России от 09.02.2001 №196-р[5]. Последний документ, хоть и не имел силы закона, однако позволил очертить допустимые рамки сотрудничества, определив позицию федеральных властей по этому вопросу. В Концепции отсутствует дефиниция приграничного института, но определяются эквивалентные традиционным приграничным институтам формы сотрудничества: различные виды соглашений между региональными властями, муниципалитетами и общественными организациями, специальные рабочие группы, совместные координирующие органы, а также программы приграничного сотрудничества.

В 2017 г. после многолетних дебатов принят Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества» (от 26.07.2017 №179-ФЗ), непосредственно посвященный приграничному сотрудничеству и на законодательном уровне определяющий основные принципы, задачи и направления приграничного сотрудничества, а также полномочия субъектов приграничного сотрудничества в этой сфере. С институционально-правовой точки зрения закон должен усовершенствовать механизм заключения соглашений о приграничном сотрудничестве на региональном уровне и закрепить аналогичный механизм для муниципальных властей. Закон ясно определяет статус соглашений, подписываемых муниципалитетами: как и в случае с региональными соглашениями, они не признаются в качестве международных договоров.

Второй блок образуют различные международные договоры, подписанные между Россией и ее соседями, другими государствами и их интеграционными объединениями или же в рамках международных организаций. Большинство подобных документов определяет общий характер отношений России с ее партнерами.[6] Тем не менее, они пря-

---

[5] С 1996 г. по 2001 г. существовала также Концепция пограничной политики России, которая, в свою очередь, была составной частью Концепции национальной безопасности Российской Федерации.

[6] Классическим примером такого рода договоров являются Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (Корфу, 24 июня 1994 г.); Четыре дорожные карты между Россией и ЕС, подписанные в Москве в 2005 г.; Рамочный документ по политике Северного измерения (Хельсинки, 24 ноября 2006 г.) и многие другие.

мо или косвенно влияют и на приграничное сотрудничество, через воздействие на режим границ, особенности визовой и таможенной политики и пр.[7]

Заметную роль в формирование институтов приграничного сотрудничества в России сыграла Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, принятая Советом Европы в Мадриде в мае 1980 г. Мадридская конвенция вступила в силу в Российской Федерации 5 января 2003 г. Основная ценность Конвенции заключается в определении содержания понятия «приграничное сотрудничество»[8], его основных акторов, форм и видов взаимодействия. В приложении к документу содержатся 28 типовых соглашений (из них 15 для организации сотрудничества между муниципальными и региональными властями, 13 — межгосударственного сотрудничества). Среди соседей России эту Конвенцию подписали все страны ЕС, Украина, Грузия и Азербайджан[9].

В большинстве работ, анализирующих сложившуюся в России нормативно-правовую базу приграничного сотрудничества, отмечаются некоторые противоречия между Мадридской конвенцией и действующими в России нормами и правилами (Болотов, 2003; Вардомский, 2008; Роль приграничного..., 2010). Так, обычно отмечается, что в отличие от положений Мадридской конвенции, в российском законодательстве субъектами приграничного сотрудничества оказывают-

---

[7] Примером может быть Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского союза (Сочи, 25 мая 2006 г.) или же Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 сентября 2014 г.), который является правовой основой для всего комплекса трансграничных взаимодействий между странами ЕАЭС.

[8] Под приграничным сотрудничеством понимаются любые согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между территориальными сообществами или властями, находящимися под юрисдикцией двух или более Договаривающихся Сторон, и заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения этих целей (п. 1 ст. 2 Мадридской конвенции).

[9] В специальных заявлениях Грузии и Азербайджана особо оговаривается, что действие Конвенции не распространяется на неконтролируемые их центральными правительствами районы. Кроме того, декларируется, что обе страны намерены реализовывать Конвенцию путем заключения отдельных соглашений с заинтересованными странами.

ся не только региональные власти и муниципалитеты, но и федеральный центр, что накладывает ограничения на возможности такого сотрудничества (Костюков, Семакина, 2012). Кроме того, если в Конвенции приграничное сотрудничество понимается как сотрудничество властей и населения смежных территорий соседних стран, то в российском законодательстве речь идет только о сотрудничестве властей. Такое положение дел *«сужает социальную базу приграничного сотрудничества, позволяет пренебрегать интересами бизнеса и населения приграничных территорий»* (Вардомский, 2008, с. 94).

По мнению специалистов в области правового обеспечения приграничного сотрудничества, описанные выше коллизии отражают сложившуюся в российском праве реальность: муниципальные образования не обладают возможностью полноценного участия в приграничном сотрудничестве. Фактически внешние связи муниципалитетов рассматриваются только как часть внешних связей всего государства (Костюков, Семакина, 2012).

Еще один важный документ, создающий правовые основы для приграничного сотрудничества между странами СНГ — Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств, подписанная 10 октября 2008 г. в Бишкеке главами 12 государств СНГ, но ратифицированная на настоящий момент только Россией, Белоруссией и Казахстаном. Как и в Мадридской конвенции, в этом документе определены основные виды и формы сотрудничества и приведены типовые соглашения по проведению приграничных консультаций, о создании органов приграничного сотрудничества, межрегиональном и межмуниципальном сотрудничестве, а также о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов.

Особую группу документов составляют соглашения о приграничном сотрудничестве, заключенные на двусторонней основе с соседними странами (например, Финляндией, Украиной, Казахстаном, Китаем и др.), а также с Европейским союзом[10]. Они, в частности, предусматривают приемлемые форматы сотрудничества, визовые преферен-

[10] Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейским союзом о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества обновляются раз в несколько лет и покрывают территорию всех приграничных регионов российского Северо-Запада.

ции для его участников, льготы по уплате таможенных пошлин, налогов и сборов.

Третий блок документов состоит из соглашений и договоров, заключаемых региональными властями и муниципалитетами со своими контрагентами по другую сторону границы. Многие сотни подобных соглашений были подписаны фактически сразу после распада СССР при отсутствии законодательного регулирования и недостатке необходимых ресурсов и полномочий, что изначально затрудняло реализацию подобных документов. В 2000-е гг. этому не способствовал и взятый федеральным центром курс на делегирование регионам и муниципалитетам полномочий, не подкрепленных необходимыми финансовыми ресурсами. Большой проблемой является также формальный характер этих соглашений. Многие из них содержат элементы прожектерства, нереализуемые проекты, которые не соответствуют ни компетенциям договаривающихся сторон, ни имеющимся в их распоряжении ресурсам.

Таким образом, российской нормативно-правовой базе приграничного сотрудничества наблюдается, , полная зависимость третьего правового блока от первых двух[11] и несовпадение реальной картины с имеющимися институтами. Этот институциональный вызов не раз становился предметом исследований. Так, например, Д.А. Болотов отмечал, что *«приграничные институты представляют собой любое коллективное приграничное отношение, признанное публично, но не обязательно существующее с точки зрения права»* (Болотов, 2003, с. 36–39). Уточняя эту формулировку, можно сказать, что правовое оформление создаваемых акторами сотрудничества правил и норм — лишь одно из направлений институционализации приграничного сотрудничества (правовая институционализация). Приграничный институт, существование которого подкреплено тем или иным правовым актом, является реальностью только в той мере, в какой практика приграничного сотрудничества ему соответствует. Поэтому в современных быстро меняющихся условиях большую роль приобретает институционализация и других «полей» трансграничного пространства — социального,

[11] В Европейском союзе в целом наблюдается похожая ситуация, однако некоторые институты приграничного сотрудничества (такие как еврорегионы) появились задолго до их правовой легитимации на национальном и уж тем более законодательном уровне. Подробнее см., например, (Кузнецов, 2008).

историко-культурного, экономического и др. (Зыков, 2009; Институциональная политология.., 2006).

Институциональное строительство в 1990-х — начале 2000-х гг.

Бурное развитие институтов приграничного сотрудничества началось практически сразу после распада СССР. При этом первые институты выстраивались и «снизу», региональными властями, и «сверху», федеральным центром. В начале 1990-х гг. наиболее распространенными формами стали разнообразные Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, заключавшиеся по инициативе регионов, и Советы приграничных областей, создававшиеся как при участии регионов, так и по инициативе федерального центра.

Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве российские регионы стали подписывать уже в 1992 г. на фоне разворачивающегося в стране социально-экономического кризиса. Одними из первых такие соглашения подписали наиболее удаленные от рынков европейской части страны дальневосточные регионы.[12] В 1996 г., после принятия Федерального закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (№157 ФЗ от 13 октября 1995 г.)[13], эта практика стала распространяться и на другие границы, в первую очередь, постсоветские.

Регионы, граничащие со странами СНГ, одними из первых ощутили последствия разрыва производственных связей. На фоне всеобщего кризиса неплатежей, сложностей с конвертацией национальных валют и галопирующей инфляции проблемы сбыта произведенной продукции стали центральными. В ряде случаев торгово-экономические соглашения позволяли обойти расчетно-платежные проблемы путем использования бартера (Вардомский, 2008).

Поскольку многие торгово-экономические соглашения подписывались на десятилетний период, то к середине 2000-х гг. большинство из них было пролонгировано или утратило силу. В новых соглашениях экономические связи рассматривались уже только как одно из на-

---

[12] В частности, в 1992 г. их подписали Хабаровский край и провинция Хэйлунцзян, в 1995 г. — Приморский край и провинции Цзилинь и Хэйлунцзян.

[13] В настоящее время этот законодательный акт утратил силу.

правлений сотрудничества, наряду с научно-техническим и культурным. В общей сложности приграничными субъектами России в настоящее время подписано более 100 подобных документов, большинство из которых носит характер типовых рамочных соглашений. К сожалению, многие из них являются номинальными, поскольку лишь обозначают основные сферы и направления сотрудничества и не наполнены реальным содержанием. Даже те соглашения, к которым прилагаются ежегодно обновляемые перечни совместных мероприятий, чаще всего остаются не более чем декларациями, поскольку не содержат конкретных проектов.

Другая форма приграничного сотрудничества, также возникшая в начале 1990-х гг., — разнообразные Советы, рабочие группы и Комиссии по приграничному сотрудничеству, как правило, входящие в состав Межправительственных комиссий. Подобные структуры существуют на границах с Норвегий, Финляндией, Польшей, Литвой, Казахстаном, Монголией, Китаем и КНДР. В начале 1990-х гг. эта форма сотрудничества имела особенно большое значение, поскольку позволяла объединить усилия региональных и национальных властей пограничных государств для решения важных проблем — делимитации и демаркации границы, строительства пунктов пропуска и подъездных путей к ним, организации транспортного сообщения и др. Особенно остро эти проблемы стояли на калининградском участке границы, где были созданы два подобных совета.

Российско-польский Совет по сотрудничеству Калининградской области Российской Федерации и регионов Республики Польша был создан в 1994 г. в рамках межправительственного Соглашения о сотрудничестве Калининградской области и северо-восточных воеводств Польши от 22 мая 1992 г. Совет возглавляется уполномоченными с российской и польской стороны, которые координируют работу 12 комиссий, отвечающих за различные направления сотрудничества: пограничные переходв; финансы, промышленность и торговля; борьба с преступностью; спасение и защита населения в чрезвычайных ситуациях; транспорт, судоходство и связь; охрана окружающей среды и комплексное использоване Калининградского (Вислинского) залива; территориальное самоуправление; образование, наука, спорт и туризм; трудоустройство и социальная политика; сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность; использование средств Евросоюза;

территориальное планирование. Аналогично построена работа и созданного в 1999 г. Российско-литовского совета по долгосрочному сотрудничеству между региональными и местными властями.

Некоторые подобные структуры были созданы совсем недавно. Так, например, на российско-финской границе Межправительственная комиссия по приграничному сотрудничеству сформирована только в 2012 г.[14], но специфика ее работы практически полностью совпадает с аналогичными структурами на других участках российской границы.

Совсем по другому принципу был организован Совет глав приграничных областей России, Белоруссии и Украины, созданный в июне 1993 г. в Харькове. Статус Совета не был закреплен официальными межправительственными соглашениями. Этот орган, работа которого в настоящее время приостановлена, был призван содействовать развитию торгово-экономического и культурного сотрудничества трех стран, сократить издержки от бартерных связей, лоббировать особый таможенный и налоговый режим для технологически тесно связанных предприятий (Колосов, Кирюхин, 2001; Вардомский, 2009). В рамках Совета прорабатывалась идея создания еврорегионов в общем пограничье, были основаны Деловой совет промышленных палат и Консорциум приграничных университетов и т.д.

Деятельность советов приграничья способствовала становлению других форм сотрудничества, в первую очередь, еврорегионов и других похожих на них органов и институтов приграничного сотрудничества (вклейка, рис. 29).

Первопроходцем здесь опять выступила Калининградская область, которая в силу своего эксклавного положения, по выражению Н.М. Межевича, буквально «обречена» на трансграничное сотрудничество. Еврорегион «Балтика», созданный в 1998 г., стал первым такого рода приграничным проектом с российским участием (Межевич, 2009). В дальнейшем на территории Калининградской области были образованы еще 3 еврорегиона («Сауле», 1999; «Лына-Лава», 2003; «Шешупе», 2004), а в 2002 г. область присоединилась к созданному в

[14] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о содействии приграничному сотрудничеству между Российской Федерацией и Финляндской Республикой (Хельсинки, 13 апреля 2012 г.).

1997 г. еврорегиону «Неман». Аналогичные процессы наблюдались и на других участках границы России со странами ЕС. Так, в 2000 г. на границе с Финляндией возник еврорегион «Карелия», а в 2004 г. на границе с Латвией и Эстонией — еврорегион «Псков-Ливония».

Особым явлением стали еврорегионы на внутренних границах СНГ. В отличие от еврорегионов с участием европейских стран они не могли претендовать на помощь Европейского союза. Так, в 2003 г. три области России, Белоруссии и Украины основали еврорегион «Днепр», а Белгородская и Харьковская области инициировали создание «Слобожанщины». Во второй половине 2000-х гг. на границах России и Украины появились еврорегионы «Ярославна» (2007) и «Донбасс» (2010), обсуждалась так и нереализованная идея создания еврорегиона «Крым–Кубань» (Колосов и др., 2014).

Интенсивность и результативность сотрудничества в еврорегионах с российским участием сильно различалась в силу как объективных, так и субъективных причин. Европейский опыт показывает, что наиболее продуктивно сотрудничество обычно в еврорегионах, созданных на базе сложившихся трансграничных экономических районов (Кузнецов, 2004). На российских рубежах относительно более успешными могли бы стать еврорегион «Донбасс», а также с некоторыми оговорками «Ярославна» и «Слобожанщина». Однако история развития трансграничных связей в рамках этих территорий показывает, что экономика или, наоборот, политика не могут быть единственными опорами приграничного сотрудничества.

Территории, часто менявшие государственную принадлежность, также имеют предпосылки для развития сотрудничества с последующим становлением на их базе еврорегионов, как это произошло в еврорегионе «Карелия». При этом основными направлениями сотрудничества в таких еврорегионах часто становятся проекты по сохранению памятников архитектуры, языка и культуры национальных меньшинств, продвижению и развитию трансграничных контактов между людьми.

Еще одна естественная основа сотрудничества — общие задачи хозяйственного использования и охраны трансграничных водных бассейнов. В результате именно гидронимы часто становятся названиями еврорегионов («Днепр», «Сауле», Шешупе», «Неман»).

Значительное влияние на развитие еврорегионов оказывают постановка долгосрочных целей сотрудничества, уровень отношений между странами, источники финансирования, а также сильные лидеры, способные «лоббировать» сотрудничество на национальном и международном уровне (Межевич, 2009).

На границах России с ЕС наиболее успешными обычно называют еврорегионы «Балтика» и «Карелия». Первый из них охватывает приграничные территории и акватории пяти приморских государств, что во многом определяет одну из стержневых тем сотрудничества — охрану окружающей среды в бассейне Балтийского моря. Среди других направлений можно выделить региональное развитие и пространственное планирование, развитие культуры и общественных контактов. Наиболее крупные проекты, реализованные в Калининградской области, связаны с реконструкцией очистных сооружений в г. Гусеве и объектов исторического наследия в Балтийске. Во второй половине 2000-х гг. сотрудничество стало менее интенсивным, а основные проекты реализовывались преимущественно на стороне европейских партнеров.

Еврорегион «Карелия» в отличие от «Балтики» является форматом двустороннего сотрудничества регионов России (Республика Карелия) и Финляндии (провинции Кайнуу, Северная Карелия и Северная Остроботния). Одной из его основ стали этнокультурные и исторические факторы — этническая близость карел, вепсов и финнов, а также культурное наследие бывших финских территорий в российской Карелии. Другим значимым фактором были экономические связи, сложившиеся со времен СССР в горнодобывающей и лесной промышленности, а также общие проблемы, связанные с ростом периферийности приграничных районов по обе стороны границы. Большую роль в становлении еврорегиона сыграла личность В.А. Шлямина (с 1994 по 2002 гг. министра внешних связей Карелии), которого нередко называют его «отцом-основателем» (Межевич, 2009, с. 114).

В мае 2001 г. еврорегион представил программу приграничного сотрудничества «Наша общая граница 2001–2006», которая была подготовлена в результате синтеза двух программ — «Программы приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001–2006 гг.» и европейской программы Интеррег-IIIA «Карелия 2000–2006». В рамках этой программы реализовано 9 приоритетных проектов, в том числе строительство за счет средств TACIS международного автомобильно-

го пункта пропуска (МАПП) «Кортесалми-Суоперя» (ныне — «Суоперя-Куусамо»), очистных сооружений в Сортавале и котельных на местных видах топлива в пос. Калевала и г. Лахденпохья. Высокая результативность сотрудничества стала основанием для признания «Карелии» лучшим еврорегионом 2003 г. — первым вне ЕС, получившим такую награду (Кузнецов, 2004).

После появления программ Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП) еврорегион «Карелия» активно участвовал в их разработке и сумел использовать появившиеся финансовые возможности для организации и координации сотрудничества на своей территории.

На границах со странами СНГ наиболее значимые проекты еврорегиона «Ярославна» были связаны с решением общих проблем в сфере охраны окружающей среды. Так, в период с 2007 по 2011 гг. проводился капитальный ремонт донного водоспуска гидроузла Константиновского водохранилища (р. Синяк), что позволило избежать подтопления близлежащих населенных пунктов. Кроме того, было положено начало комплексному экологическому изучению бассейна реки Псел. Другие проекты осуществлялись в сфере культуры (изучение фольклора пограничья), молодежной политики (молодежные фестивали, концерты, выставки), организации ярмарок и др.

В еврорегионе «Слобожанщина» велась разработка нескольких проектов: программы по оздоровлению рек Северский Донец и Лопань, строительства приграничного торгово-выставочного комплекса и технопарка «Слобожанщина» на базе Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, харьковского завода ФЭД и Белгородского государственного университета. В 2010–2011 гг. экспертный совет еврорегиона при подготовке межправительственного Соглашения о малом приграничном движении[15] внес предложение о включении в него восьми дополнительных местных пунктов пропуска.

Большие перспективы связывались и с еврорегионом «Донбасс», приоритетные проекты которого касались транспортной инфраструктуры, увеличения числа пунктов пропуска через границу, кооперации-

---

[15] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями приграничных регионов Российской Федерации и Украины от 13 июля 2011 г.

онных связей и оздоровления экологической обстановки в бассейне реки Северский Донец и на Азовском море. Однако деятельность всех евроpегионов на границе между Россией и Украиной была полностью заморожена украинской стороной.

Не намного лучше выглядит ситуация в большинстве евроpегионов на границах России со странами ЕС, хотя там снижение интенсивности сотрудничества началось уже со второй половины 2000-х гг. Так, в евроpегионах Калининградской области сотрудничество либо не ведется, либо имеет весьма скромные масштабы. Например, основные мероприятия в евроpегионе «Шешупе» в последние годы были связаны с организацией небольших мероприятий по улучшению экологической ситуации в бассейне одноименной реки, а также турниров по рыбной ловле. Главный проект евроpегиона «Лына-Лава» — ежегодный сплав по реке, название которой он носит. Евроpегион «Сауле» не проводит заседаний с июня 2009 г. В евроpегионе «Неман» участие калининградских муниципальных образований практически незаметно и сводится к ежегодным встречам. Как отмечали опрошенные нами эксперты, снизилась вовлеченность Калининградской области и в деятельность евроpегиона «Балтика»:

> *«Период романтизма в развитии евроpегионов прошел. В России все уперлось в отсутствие финансирования. В итоге евроpегионы стали переговорной формой, площадкой. Проектов нет. Самый активный евроpегион у нас «Балтика», но Калининградская область в нем почти не участвует. Только приезжаем на заседания Совета. «Балтика» вообще ушла на север, даже Секретариат в Балтийске закрыли в 2009 г.»* (сотрудник Представительства МИД России в г. Калининграде, 2014 г.).

Если в начале 2000-х гг. «малая европейская интеграция» в рамках евроpегионов была встречена одной частью экспертов восторженно, а другой — скептически (Болотов, 2003), то во второй половине 2000-х гг. интерес к этой форме интеграции теряли и те, и другие (Кузнецов, 2008). Во многом это было связано с завышенными ожиданиями российских участников, которые рассматривали евроpегионы как возможность *«почти ничего не вкладывая, получить сразу и много»* (Кузнецов, 2004, с. 9–10).

Отсутствие финансирования действительно остается серьезной проблемой для большинства еврорегионов России. Европейский опыт показывает, что еврорегионы, как правило, используют два типа источников финансирования. В Восточной Европе главным из них служит программа INTERREG, в «старых» еврорегионах Западной Европы — местные и региональные бюджеты.

Низкая бюджетная обеспеченность российских муниципалитетов и отсутствие региональных и федеральных программ, поддерживающих приграничное сотрудничество, делали европейские финансовые институты главными донорами еврорегионов с российским участием. Большинство еврорегионов на границах со странами ЕС не смогли воспользоваться финансовыми средствами программ ЕИСП для активизации сотрудничества.

Вместе с тем, на границах России развиваются и другие институты, которые по специфике организации и направлениям деятельности напоминают еврорегионы. Так, в 2003 г. на границах с Монголией, Китаем и Казахстаном по инициативе российской стороны создан Международный координационный совет «Наш общий дом — Алтай» (МКС «Алтай»). Как и многие еврорегионы, МКС «Алтай» не имеет статуса юридического лица и выполняет прежде всего координирующие и консультативные функции. Тем не менее, он имеет возможность заключать договоры с различными акторами сотрудничества, направленные на обеспечение *«устойчивого социально-экономического развития приграничных административно-территориальных образований Алтайского региона, повышение уровня жизни проживающего в них населения»*.[16] Однако перечень конкретных проектов этого образования включает пока лишь сравнительно небольшие инициативы, направленные на развитие туризма и межкультурные коммуникации. Слабая заселенность территории, горный рельеф и недостаток финансирования объясняют сравнительно низкую плотность контактов.

Определенное сходство с еврорегионами имеют и некоторые проекты сотрудничества, реализованные в российском порубежье под эгидой Программы развития ООН (ПРООН). Первый такой проект был запущен в 1993 г. на эстонско-российской границе в качестве природо-

---

[16] Положение о региональном объединении по приграничному сотрудничеству «Международный координационный совет «Наш общий дом — Алтай» // Сайт МКС «Алтай». http://www.altaiinter.info/council/presentation/

охранной инициативы. Его инициаторами стали псковская областная общественная организация «Чудской проект» и Центр трансграничного сотрудничества Чудского озера (Тарту, Эстония). В 2000-е гг. в рамках специального проекта ПРООН сторонами были подготовлены программы по развитию «зеленой экономики»[17], разработана и принята российско-эстонской межправительственной комиссией по трансграничным водам программа управления бассейном Псковско-Чудского озера. В дальнейшем участники проекта смогли воспользоваться как российским, так и зарубежным финансированием, и их деятельность расширилась. В настоящее время организация реализует проект «Дружественные города», цель которого — создание условий для комплексного развития городской природной и культурной среды, доступной и «дружелюбной» для людей с инвалидностью.

ПРООН поддержала также «Программу развития района реки Туманная», участниками которой первоначально были КНДР, Китай, Монголия и Республика Корея, а с 1995 г. к ним присоединилась Россия. Проект осуществлялся на двух уровнях — «малой» и «большой дельты». В «малой дельте» в треугольнике городов Раджин (КНДР), Хунчунь (КНР) и Посьет (Россия) предполагалось сформировать «экономическую зону реки Туманган». «Большая Дельта» включала больший по площади «Туманганский район экономического развития» в треугольнике городов Чончжин (КНДР), Яньцзи (КНР) и Владивосток. Российские и корейские города рассматривались как потенциальные логистические центры для перевалки товаров, произведенных в китайских северо-восточных провинциях. Кроме того, планировалось построить новый город-порт в приграничье на арендованной у КНДР и России территории с населением от полумиллиона человек. На фоне стартовавших в конце 1990-х гг. переговоров о делимитации границы между Россией и Китаем эта идея не вызвала энтузиазма у российской стороны, которая практически прекратила участие в этой инициативе (Гулидов, 2012).

Однако в 2005 г. была запущена новая программа, получившая название «Расширенная Туманганская инициатива». Были созданы отраслевые советы и комитеты (Деловой совет, Комитет по упрощению

[17] В 2006 г. организацией «Чудской проект» были представлены концепции развития экологического фермерства, а также экологического и водного туризма в регионе Чудского озера.

торговых процедур и др.), а также общий фонд для финансирования текущей деятельности и перспективных проектов. Первоначальная настороженность относительно необходимости полномасштабного участия в этой инициативе после «геополитического разворота на Восток» сменилась активной поддержкой проекта. Так, в 2017 г. министр по развитию Дальнего Востока А. Галушка анонсировал подписание межправительственного соглашения о развитии международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». Еще раньше был презентован новый проект по строительству порта Зарубино. Эти проекты ориентированы на обслуживание китайских грузовых потоков, проходящих через российскую территорию (Зуенко, 2017).

Большой интерес представляет попытка создания на границе Астраханской и Атырауской областей России и Казахстана первого евроазиатского региона. Согласно Концепции развития приграничного сотрудничества Астраханской и Атырауской областей на 2004–2005 гг., предполагалось перейти от «*координации и регулирования межрегиональных связей к решению практических задач приграничного сотрудничества, согласованной деятельности органов управления всех уровней и хозяйствующих субъектов, направленной на реализацию высокоэффективных проектов*».[18] Организационная структура евроазиатского региона должна была включать совет, исполнительный комитет, секретариат и рабочие группы по основным направлениям сотрудничества.

В 2008–2011 г. в рамках работы над очередной Программой приграничного и межрегионального сотрудничества была создана специальная рабочая группа, задача которой состояла в придании импульса этому проекту. В итоге он так и не был реализован. По мнению некоторых исследователей, главной причиной неудачи стал разный государственно-правовой статус областей, участвующих в проекте, и объем их властных полномочий. На практике работа евроазиатского региона требовала бы либо постоянного участия центральных органов государственной власти Казахстана, либо коренной государственной реформы, связанной с передачей областям дополнительных полномочий, необходимых для ведения международной деятельности (Иванов, Жундубаев, 2015).

---

[18] Концепция развития приграничного сотрудничества Астраханской области Российской Федерации и Атырауской области Республики Казахстан на 2004–2005 гг. (Утверждена Постановлением Администрации Астраханской области от 21 мая 2004 г. №7/81).

Программы приграничного сотрудничества

В отличие от еврорегионов, программы сотрудничества рассчитаны на определенный период — обычно 5–7 лет. Другой характерной чертой программ является более активное участие национальных властей в их разработке и реализации. В одних случаях это становилось препятствием для сотрудничества, в других — его важнейшим условием. На российских границах возникло три типа программ приграничного сотрудничества. Условно назовем их — европейский, постсоветский и китайский.

Европейский тип исторически возник первым и в некоторых аспектах послужил моделью аналогичных программ на других российских границах (вклейка, рис. 29). Первые программы были запущены на границах России и Финляндии с целью смягчить негативные эффекты периферийного положения пограничья. Для ЕС, как и для России, это был первый опыт подобного сотрудничества на внешних границах[19]. В 1995 г. в рамках инициативы INTERREG IIA (1994–1999) Европейской комиссией была одобрена программа приграничного сотрудничества «Карелия», которая была направлена на сотрудничество трех региональных союзов Финляндии (Северной Карелии, Северной Остроботнии и Кайнуу) и российской Республики Карелия. С 1996 по 1999 гг. объем финансирования этой программы составил 216,15 млн. финских марок, из которых 80,88 млн. пришлось на фонды ЕС, 84,8 — на финляндское правительство и около 50 — на частное финансирование. Учитывая значительные финансовые вливания со стороны соседей, власти Карелии ожидали бурного развития сотрудничества. Однако в реальности республика была приглашена участвовать в сравнительно небольшом числе «мягких проектов[20]», большей частью на финской стороне. Главным препятствием для полномасштабного сотрудничества оказалась невозможность использовать программу INTERREG для проектов на территории России. Средств, выделенных ЕС в рамках специального проекта TACIS «CBC Small Project

---

[19] Первые программы приграничного сотрудничества INTERREG IA функционировали с 1989 по 1993 г. на внутренних границах ЕС.

[20] Категория «мягкие проекты» обычно включает многочисленные инициативы, направленные на культурные и образовательные обмены, организацию различных семинаров и обучающих программ, молодежных встреч и пр.

Facilities», хватило на 134 небольших проекта во всех регионах Северо-Запада, граничащих с Финляндией (Шлямин, 2002).

После вступления в Европейский союз в 2004 г. трех балтийских государств и Польши Россия приняла участие уже в пяти программах приграничного сотрудничества (программный период 2004–2006 гг.), четыре из которых реализовывались на новой границе России с ЕС (табл. 10) в рамках новой политики соседства, представленной Еврокомиссией в 2003 г.[21]. Участвовать в заявочных кампаниях могли региональные власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения (больницы, школы, университеты, музеи и др.), некоммерческие организации. Партнеры по обе стороны

Таблица 10.

Программы приграничного сотрудничества Россия-ЕС 2004–2006 (TACIS/INTERREG CBC 2000–2006)

Название программы	Территория программы	Финансирование, млн. евро	Количество проектов	Число партнеров
Эстония-Латвия-Россия	Россия: Ленинградская и Псковская области, Санкт-Петербург; Эстония: Хийу, Ида-Виру, Йыгева, Лаане, Пылва, Пярну, Тарту, Сааре, Валга, Вильянди, Выру Латвия: Курземе Земгале, Рига, Видземе, Латгале	12	46	181
Литва-Польша-Россия	Россия: Калининградская область; Литва: Клайпедский, Таурагский, Алитусский, Мариямпольский уезды Польша: Поморское, Варминско-Мазурское, Подляское воеводства	47,5	150	462

[21] Paving the way for a New Neighbourhood Instrument. Communication from the Commission. Database of Documents. http://ec.europa.eu

Норд/ Колларктик (Финляндия-Швеция-Норвегия-Россия)	Россия: Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ, Ленинградская область, Санкт-Петербург Швеция: Норрботтен и Вестерботтен; Финляндия: Лапландия, Северная Остроботния; Норвегия: Нурланд, Тромс, Финнмарк	17	97	173
Евросоюз Карелия	Россия: Республика Карелия, Мурманская, Архангельская, Ленинградская области, Санкт-Петербург Финляндия: регионы Кайнуу, Северная Карелия и Оулу	18	221	596
Юго-Восточная Финляндия Россия	Россия: Ленинградская область, Санкт-Петербург, Карелия Финляндия: регионы Южная Карелия, Южное Саво и Кюменлааксо	17.5	155	126

границы подавали общие заявки на финансирование совместных проектов. Для обеспечения финансового участия стран СНГ использовались финансовые ресурсы TACIS, а участники из стран ЕС получали финансирование по программе INTERREG-IIIA (2000–2006) из Европейского фонда регионального развития (ERDF).

Как видно из рис. 14, одним из ключевых приоритетов сотрудничества была охрана окружающей среды, на которую пришлось свыше 20% средств. Главными объектами сотрудничества стали бассейны трансграничных водных объектов, а основные проблемы были связаны со сбросом в водоемы неочищенных производственных и хозяйственно-бытовых сточных вод. Вторым направлением стало развитие инфраструктуры (около 18%) — реконструкция дорог, строительство пунктов пропуска, ремонт главных улиц в приграничных поселениях и др.

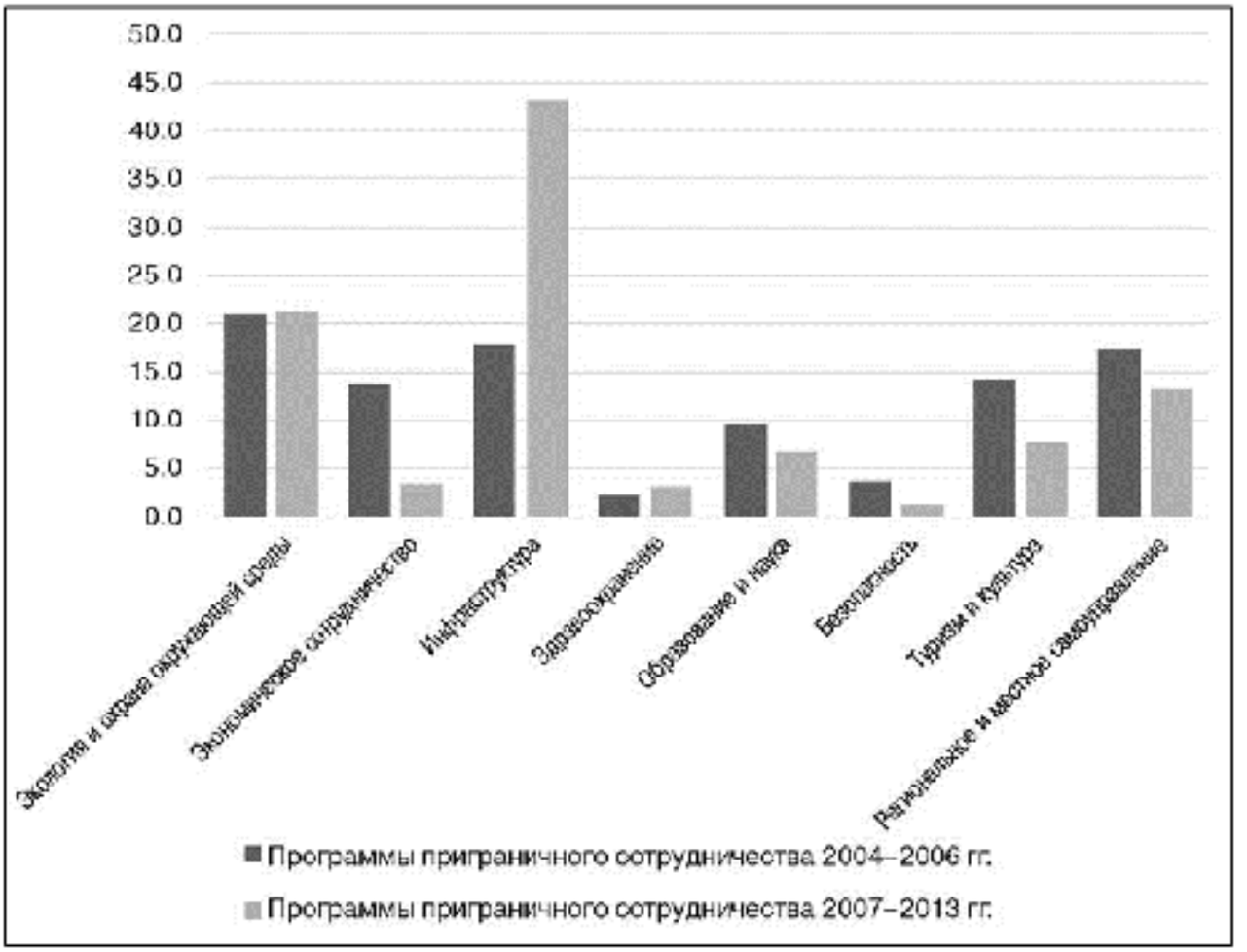


Рис. 14. Распределение средств в программах приграничного сотрудничества Россия-ЕС 2004–2006 и 2007–2013 г. по основным направлениям, % (рассчитано по отчетным материалам программ).

Большое внимание уделялось развитию регионального и муниципального самоуправления (16%), которое предполагалось стимулировать путем сотрудничества в решении общих проблем или через совместное пространственное планирование. Так, на российско-эстонской границе муниципалитеты городов Кохтла-Ярве (Эстония) и Сланцы (Ленинградская область), которые в советское время были частью единого комплекса Прибалтийского сланцевого бассейна, занимались разработкой проектов реконструкции неиспользуемых ныне промышленных объектов и обустройства главных городских улиц. Другим примером может служить совместная стратегия развития городов-близнецов — финляндской Иматры и российского Светогорска.

Несмотря на прорывной характер новых программ, плодотворному сотрудничеству, по мнению опрошенных экспертов, мешали проблемы финансирования. Использование двух разных его схем в проектах TACIS и INTERREG не позволяло управлять проектами как единым целым. Финансовые процедуры различались так сильно и были настолько противоречивы, что частым явлением стали срывы и задержки в выделении средств, преимущественно на российской стороне. Для большинства российских партнеров практически непосильной задачей оказалась необходимость софинансирования проектов (от 10%), общий объем финансирования которых превышал 50 тыс. евро. Другой проблемой стали валютные риски: российские участники могли планировать свои бюджеты только в рублях, поэтому любой скачок валютного курса становился угрозой для реализации проекта. Серьезными препятствиями для российских партнеров были также языковой барьер, отсутствие опыта проектной деятельности, незнание европейских норм регулирования, неумение вести делопроизводство на английском языке и т.п. Это приводило к тому, что в большинстве случаев финансирование шло через европейских партнеров, они же становились основными бенефициарами проектов. Россияне же часто либо получали небольшие средства, либо становились партнерами без финансового участия.

> *«Проекты очень часто делались зеркальные. Например, создавались типовые проекты реконструкции стадионов двух приграничных городов. Но если поляки получали в конце готовый стадион на своей стороне, то Россия — только проектно-сметную документацию. Такая же ситуация была с детскими садами, автомобильными дорогами и всем прочим. Область надеялась, что с этими проектно-сметными документами удастся поучаствовать в каких-то госпрограммах, но они часто пересматривались или же урезалось их финансирование...»* (руководитель проекта приграничного сотрудничества, Калининград, 2014).

Части наших респондентов из числа участников программ приграничного сотрудничества воспринимали это как признаки «неравноправной и ассиметричной» кооперации, которая реализовывалась прежде всего в интересах соседей и не оказывала серьезного воздействия на социально-экономическое положение российских регионов.

При этом отдельные эксперты соглашались, что сотрудничество и не может быть равноправным в условиях, когда основные финансовые обязательства берет на себя европейская сторона.

Новый программный период 2007–2013 гг. привнес ряд качественных изменений в программы сотрудничества. С 1 января 2007 г. вступил в действие новый Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП), который стал финансовой основой новой Европейской политики соседства[22]. Важной особенностью нового подхода было объединение всей совокупности внутренних и внешних источников финансирования каждой из стран и собственных средств участников программ. С целью гарантировать единообразие финансовых процедур и ритмичность финансирования. В 2009 г. в Стокгольме был подписан пакет соглашений между правительством России и ЕС о финансировании и реализации пяти новых программ приграничного сотрудничества на период с 2007 по 2013 гг. (табл. 11).

В сотрудничестве могли участвовать провинции и муниципалитеты уровня NUTS II и NUTS III, примыкающие к общим границам ЕС и составляющие основную территорию программ. Кроме того, предоставлялась возможность опосредованного участия и соседним регионам, не примыкающим к границе. На практике разделение территории программы на основную и прилегающую означало разные возможности участия в проектах. На значительные финансовые ресурсы могли рассчитывать только партнеры с основной территории программы. В России в него формально вовлекались огромные пространства, охватывающие значительную часть Северо-Запада страны, однако ядром оставались его приграничные регионы (вклейка, рис. 29).

Единственным исключением стала программа «Коларктик». Часть ее шведских, норвежских и российских территорий (соответственно Норботтен, Тромс и Нордланд, Архангельская область и Ненецкий автономный округ) не имели выхода к сухопутной государственной границе. Такая конфигурация программной территории объясняется тем, что «Коларктик» — один из финансовых

---

[22] European Neighbourhood & Partnership Instrument. Cross-Border Cooperation: Strategy Paper 2007-2013. Indicative Programme 2007–2010. Database of Documents. Http://ec.europa.eu

Таблица 11.

Программы приграничного сотрудничества Россия–ЕС 2007–2013 (ENPI CBC 2007–2013)

№	Название программы	Территория программы	Финансирование евро		Число проектов	Число партнеров	Основные приоритеты
			Общий объем	Взнос России			
1	Колларктик	Россия: Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ, *Ленинградская область*, Санкт-Петербург*, Карелия Швеция: Норрботтен, *Вестерботтен* Финляндия: Лапландия, *Северная Остроботния* Норвегия: Нурланн, Тромс, Финнмарк	70,5	14,1	51	341	1, 2, 4
2	Карелия	Россия: Республика Карелия, *Мурманская, Архангельская (без Ненецкого авт. округа), Ленинградская области, Санкт-Петербург* Финляндия: Кайнуу, Северная Карелия, Северная Остроботния, *Лапландия, Северное Саво*	46,4	11,6	66	380	1, 4
3	Юго-Восточная Финляндия – Россия	Россия: Ленинградская область, Санкт-Петербург, *Республика Карелия* Финляндия: Южная Карелия, Южное Саво, Кюменлаакso, *Уусимаа, Пяйят-Хяме, Северное Саво*	72,4	18,1	55	289	1, 2, а также «социальное развитие и развитие гражданского общества»

*Здесь и далее курсивом показана прилежащая территория программ приграничного сотрудничества.

4	Эстония Латвия – Россия	Россия: Ленинградская и Псковская области, Санкт-Петербург; Эстония: Северо-Восточная Эстония – Ида-Вирумаа; Южная Эстония – Вырумаа, Валгамаа, Тартумаа, Вильяндимаа, Йыгевамаа; Центральная Эстония Рапламаа, Ярвмаа; *Северная Эстония Харьюмаа.* Латвия: Латгальский, Видземский, *и Рижский планировочные районы*	63,7	15,9	50	238	1, 2, 4
5	Польша Литва Россия	Россия: Калининградская область; Литва: Клайпедский, Таурагский, Мариямпольский, *Алитусский, Каунасский, Шауляйский и Тельшяйский* уезды Польша: в Поморское (Гданьск-Гдыня-Сопот, Гданьский, Староградский, *Слупский субрегионы);* Варминско-Мазурское; Подляское (Белосток-Сувалкский субрегион, Ломжинский); *Мазовецкое воеводство (Чехановско-Плоцкий и Остролецко-Седлецкий), Куявско-Поморское (целиком) воеводства*	154,1	21,9	60	180	1, 2

Основные приоритеты сотрудничества:

1) стимулирование экономического и социального развития в регионах по обе стороны общей границы;

2) поиск ответов на общие вызовы в таких областях, как охрана окружающей среды, здравоохранение, борьба с организованной преступностью;

3) создание эффективных и безопасных границ;

4) поощрение локальных коммуникаций между людьми (P2P communication).

инструментов сотрудничества в Баренц-Евроарктическом регионе[23].

Детальное программирование приграничного сотрудничества осуществлялось группами разработчиков, представленных преимущественно региональными властями (территориальный уровень NUTS II). Готовые программы направляли на утверждение в Еврокомиссию, где их проверяли на соответствие приоритетным задачам Европейской политики соседства в сфере приграничного сотрудничества.

Разработчики программы должны были учесть по крайней мере два из четырех установленных ЕС приоритетов, но могли предложить дополнительно и свои собственные, ориентируясь на особенности территории. Наибольшей популярностью пользовались приоритеты, которые в условиях ограниченного финансирования могли дать наиболее заметный эффект. Так, проблема периферийности, которая характерна практически для всех территорий программы, способствовала наибольшей популярности первого приоритета — социально-экономического развития регионов. Второй и четвертый приоритеты (решение экологических проблем и развитие трансграничных коммуникаций между людьми) также нередко становились частью программ сотрудничества (табл. 11). Только третий приоритет (безопасность и обустройство границы) не был включен ни в одну рассматриваемую программу, поскольку он относится к исключительной компетенции центральных властей. Однако фактически во всех программах этот приоритет был косвенно учтен в проектах по первому приоритету.

Важным новшеством стали так называемые крупномасштабные проекты с инвестиционной составляющей, на которые могло быть израсходовано до 30% общего бюджета. Такие проекты должны были реализовываться на основной территории программы, создавать масштабный эффект для приграничных районов и иметь безусловную поддержку национальных и региональных властей; проверялось соответствие проектов национальным и региональным стратегиям. Единственным исключением из этого правила можно считать два проекта

[23] Разработчиками программы в 2015 г. приводились иные обоснования территориального состава программы. Единство территории в ней они аргументировали схожими природно-климатическими особенностями, экологическими и хозяйственными проблемами, хозяйственной специализацией и проблемами освоения.

программы «Коларктик»: реконструкцию аэропорта Архангельск и ветровой парк в Ненецком автономном округе. Эти объекты удалены от границ с Финляндией и Скандинавских стран на расстояние соответственно свыше 500 и 1000 км.

В итоге подавляющая часть мегапроектов была связана с развитием инфраструктуры, что сильно сказалось на общей структуре расходов (рис. 14). Так, например, на эстонском участке границы модернизированы пункты пропуска Ивангород-Нарва и Печоры-Орава: расширены и отремонтированы подъездные пути, установлено новое рентгеновское оборудование для таможенного контроля, построены новые терминалы. Аналогичные по содержанию и масштабу работы проводились на границах России с Литвой (пункты пропуска Кибартай-Чернышевское и Панемуне-Советск) и Финляндией (Светогорск-Иматра, Брусничное-Нуяймаа).

Значительные средства были вложены в городские канализационные системы на участках, где границы пересекают крупные трансграничные водные бассейны. На российско-латвийской и российско-эстонской границах проекты были нацелены на улучшение экологической ситуации в акватории Псковско-Чудского водоема и охрану вод бассейна реки Нарва. В результате модернизированы очистные сооружения в г. Гдов инескольких населенных пунктах Эстонии, построены новые очистные сооружения в Пскове. На финляндском участке самым крупным был проект «Чистая Ладога», в рамках которого построены очистные сооружения в г. Сортавала. На литовской границе основные усилия были сфокусированы на улучшении экологической ситуации в бассейне реки Неман: осуществлялось строительство канализационной сети и очистных сооружений в городах Неман и Славск (Калининградская область), канализационных и водопроводных сетей в деревнях Пакалнескиаи и Думпяй (Клайпеда, Литва).

Единственный крупный проект в сфере туризма был связан с развитием уникального комплекса Нарвской и Ивангородской крепостей как единого объекта культуры (см. главу 4.2).

Среди рядовых по объемам финансирования проектов развитие туризма и сохранение объектов культурного наследия, наоборот, было одним из ведущих направлений сотрудничества. На некоторых участках границы проекты в сфере туризма рассматривались в качестве первых шагов по формированию единого туристско-рекреационного про-

странства с трансграничными маршрутами, функционирующими как результат кооперации туристических фирм из приграничных регионов. Помимо программы «Польша-Литва-Россия» (см. главу 6.2) близкие по смыслу задачи ставились в программе сотрудничества Юго-Восточной Финляндии и сопредельных российских регионов.

Заметный рост интенсивности сотрудничества в новом программном периоде, не избавил участников программ от ряда сложностей, связанных в основном с различиями в институтах и законодательства между государствами. Так, во взаимодействиях между органами власти они возникали из-за разного распределения компетенций между муниципалитетами, регионами и центральными властями. Иностранные участники упоминали в интервью слишком высокую централизацию на российской стороне, что приводило к неспособности российских акторов принимать самостоятельные решения. Серьезным препятствием для сотрудничества называли также слабое развитие гражданского общества в России. Малочисленность НКО с российской стороны, их изоляция от внешних финансовых источников и недостаток внутреннего финансирования осложняли поиск партнеров. В финансовой сфере большой проблемой оставалась конвертация валют, финансовое планирование и отчетность.

Визовые барьеры (скорость и стоимость получения виз) затрудняли обмены и семинары. Пограничный режим, ограничивающий пребывание иностранцев в пятикилометровой зоне вдоль границы, оказывал влияние на реализацию проектов в пограничной полосе с российской стороны, особенно поблизости от пунктов пропуска (Межевич, 2009).

Несмотря на серьезные опасения, что сложные отношения между Россией и Западом могут притормозить сотрудничество на европейских границах, в 2014 г. был дан старт новым программам сотрудничества на период до 2020 г.[24] В рамках нового Европейского инструмента соседства (ЕИС) сформулированы 3 стратегические и 11 тематических целей. Разработчики программ должны были выбрать по крайней мере одну стратегическую и три тематические цели, наиболее актуальных для их приграничных территорий.

---

[24] Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) — 2014–2020. Programming document for EU support to ENI Cross-Border Cooperation (2014–2020) Database of Documents. http://ec.europa.eu

Другим новшеством стал переход от многостороннего к двустороннему сотрудничеству, что объяснялось «политическими вызовами» и «плохой координацией проектов» со стороны региональных и локальных властей. Единственным исключением стала программа «Коларктик», где основная территория сотрудничества по-прежнему охватывает территории сразу четырех стран.

Среди разработчиков новых программ, опрошенных авторами в 2014–2015 гг., такое решение вызвало разную реакцию. Так, бывшие разработчики программы «Эстония-Латвия-Россия» оценивали произошедшие изменения в целом нейтрально, считая, что ничего не изменится. В Калининградской области, где большая программа «Польша–Литва–Россия» была разделена на программы «Польша–Россия» и «Литва–Россия», большинство экспертов, наоборот, полагали, что это приведет к ухудшению условий сотрудничества.

> *«Разделение программ невыгодно для Калининградской области. Мы окажемся один на один с партнером, с которым нам надо делить финансовые источники. Это будет тяжело. В предыдущих программах этим можно было играть и продавливать вместе с одним из партнеров интересные нам проекты. К сожалению, ни литовцы, ни поляки не готовы уступать. У них есть финансирование из территориальных фондов, и за ними стоит ЕС. Поэтому в новых программах первой скрипкой опять будет европейская сторона»* (разработчик программы приграничного сотрудничества «Литва–Польша–Россия», Калининград, 2014 г.).

Болезненным вопросом остается согласованность программ приграничного сотрудничества с российскими документами стратегического планирования, федеральными целевыми программами и др. Формально такая согласованность — необходимое условие участия в программах сотрудничества, но в реальности столь высокой степени координации достичь крайне сложно из-за частого пересмотра российских федеральных целевых и государственных программ и объемов их финансирования. На стороне иностранных партнеров проекты приграничного сотрудничества чаще всего получают софинансирование со стороны национальных и региональных властей, а также из Европейского фонда территориального развития.

«В программе был представлен проект «River Promenades», который предусматривал реконструкцию набережных в Нарве и Ивангороде. В 2014 г. набережные торжественно открыли, однако набережная в Нарве оказалась в несколько раз длиннее. К сожалению, жители Ивангорода думают, что это результат коррупции, а на самом деле проблема состоит в том, что в ЕС проекты приграничного сотрудничества нередко получают значительное финансирование из ERDF[25]. Федеральные власти (России) не имеют стратегического видения в этом вопросе. Им кажется, что приграничное сотрудничество — это способ «заткнуть дыры» в муниципальном бюджете» (участник программы приграничного сотрудничества «Эстония–Латвия–Россия», 2015 г.).

Возможным выходом из сложившейся ситуации, по мнению некоторых участников, могла бы стать разработка Россией собственной программы соседства, которая была бы встроена в общероссийскую систему стратегического планирования.

«Европа строит отношения с приграничными районами через специальные программы. Есть Европейская политика соседства (European Neighbourhood Policy). Под нее разработан финансовый инструмент. Вот наша политика — вот приоритеты, и вот мы выдаем средства на решение проблем. Нам этого не хватает. Нужна российская политика соседства. Мы работаем в программах, где деньги идут под европейские приоритеты. Надо выбирать из 11 приоритетов европейских! А хотелось бы иметь свои деньги и приоритеты и тем же полякам предлагать. Когда это будут российские деньги, будут и другие правила игры. И больше маневра и больше результата!» (Л.О. Максимова, заместитель директора Агентства по международным и межрегиональным связям Калининградской области, 2014 г.)

Постсоветский тип программ, как видно из его названия, первоначально возник на бывших внутренних границах СССР преимущест-

---

[25] Европейский фонд регионального развития (European Regional Development Fund) играет важную роль в «политике сплочения», выделяя финансирование для проектов межрегионального, трансграничного и приграничного сотрудничества, в том числе и по программам INTERREG.

венно по инициативе России. Программы разрабатывались как ответ на усиление периферийного характера экономики, разрыв производственных связей между хозяйствующими субъектами и демографические проблемы приграничных регионов. Со временем появилась также и ориентация на экологическую проблематику.

Первая программа приграничного сотрудничества была запущена в российско-казахстанском пограничье в 1999 г. и рассчитана на восемь лет. В территорию ее действия были включены все 12 российских и 7 казахстанских областей, выходящих к общей границе. Были выделены ключевые проблемы, связанные с сокращением взаимной торговли, невыполнением торгово-экономических обязательств, вытеснением местных товаропроизводителей конкурентами из третьих стран.[26]

Координировала эту программу Подкомиссия по приграничному сотрудничеству Межправительственной комиссии по сотрудничеству двух стран. Однако фактически деятельность комиссии в этот период была направлена больше на обеспечение безопасности и обустройство границы, а экономические вопросы отошли на второй план.

По мере углубления процессов евразийской интеграции программам приграничного сотрудничества стали уделять внимание на самом высоком уровне. Важным инструментом контроля за их основными мероприятиями стал Форум приграничных областей России и Казахстана, проводящийся ежегодно с 2003 г. с участием глав обоих государств. Так, на Четвертом форуме в 2007 г. была представлена новая программа приграничного и межрегионального сотрудничества между Россией и Казахстаном на период с 2008–2011 г.[27] Этот документ предполагал прежде всего развитие сотрудничества в различных областях экономики: в энергетике, металлургии, АПК, на транспорте, в здравоохранении и др. Планировалось создать центры приграничного сотрудничества, которые должны были стать мотором одновременно и «малой», и «большой» интеграции. До стадии строительства дошел только проект такого центра на

---

[26] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о приграничном сотрудничестве регионов Российской Федерации и Республики Казахстан на 1999–2007 гг. от 24 сентября 1999 г.

[27] Программа межрегионального и приграничного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан на 2008–2011 годы (4 октября 2007 г., Новосибирск).

границе Саратовской и Западно-Казахстанской областей — Международный центр приграничного сотрудничества «Озинки–Таскала». Для его обустройства планировалось ускоренное развитие транспортной инфраструктуры в прилегающих районах, а также строительство новых складов, гостиниц, торгово-выставочных площадей. Основной функцией центра должна была стать перевалка китайских товаров, идущих транзитом через Казахстан в Россию, что имеет весьма опосредованное отношение собственно к приграничному сотрудничеству. Несмотря на поддержку проекта на высоком уровне (основным инвестором выступал «Внешэкономбанк»), все работы по созданию центра прекращены.[28]

Следующая программа межрегионального и приграничного сотрудничества на период 2012–2017 гг.[29] была принята на Восьмом форуме межрегионального сотрудничества в 2011 г. и в основном сохранила приоритеты, заявленные в предыдущих программах. Важнейшим достижением этого программного периода стало подписание соглашения по сохранению экосистемы бассейна трансграничной реки Урал (2016 г.), а также углубление производственной кооперации в сфере добычи и переработки газа (2015 г.).

Две программы межрегионального и приграничного сотрудничества были запущены на границе с Украиной[30]. Первая действовала с 2001 по 2007 г, вторая — с 2011 по 2016 г. Широкий перечень областей сотрудничества — от вопросов культуры до совместных инициатив по масштабной модернизации экономики — не был подкреплен конкретными проектами и финансовыми ресурсами. Не был востребован и опыт приграничного сотрудничества со странами ЕС, уже накопленный сторонами к началу подготовки второй программы: не создано координирующих органов, не рассматривалась возможность создания общего бюджета и пр. (Якушева, 2010).

---

[28] Земельные участки несостоявшегося логистического центра «Озинки-Таскала» выставлены на торги //Агентство деловых новостей «Бизнес-Вектор. Экономика и бизнес Поволжья». 2016. http://www.business-vector.info/?p=32297

[29] Программа межрегионального и приграничного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан на 2012–2017 гг. (15 сентября 2011 г., Астрахань).

[30] Программа межрегионального и приграничного сотрудничества Российской Федерации и Украины на 2001–2007 гг. (10 февраля 2001 г., Днепропетровск); Программа межрегионального и приграничного сотрудничества Российской Федерации и Украины на 2011–2016 гг. (Геленджик, 4 октября 2010 г.).

Не благоприятствовала реализации программ и геополитическая ситуация. Первый программный период совпал с началом «оранжевой революции» и общим похолоданием отношений между странами, второй — с государственным переворотом на Украине, началом войны в украинском Донбассе и вхождением Крыма в состав России. В новой Государственной программе Украины по развитию трансграничного сотрудничества на 2016–2020 г. прямо указывается на невозможность взаимодействия с Российской Федерацией до решения конфликта на Востоке Украины.[31]

Китайский тип во многом похож на постсоветский. Первая программа приграничного сотрудничества России и Китая[32] (далее — Программа 2009–2018) была запущена в 2009 г. после подписания соответствующего соглашения главами двух стран. Как и постсоветские программы, Программа 2009–2018 не имеет общего постоянно действующего органа управления, общего бюджета, а ее основные мероприятия осуществляются российской и китайской сторонами независимо друг от друга. Вместе с тем, в отличие от постсоветских программ, Программа 2009–2018 чрезвычайно обширна и содержит восемь разделов, которые охватывают взаимодействие в обустройстве пунктов пропуска, строительстве и реконструкции приграничной инфраструктуры, сотрудничество в сферах транспорта, трудовой деятельности, туризме, охране окружающей среды. В Программу 2009–2018 включено 205 проектов, из которых на российской территории планируется реализовать около 90. Характерно, что 47 проектов планируется реализовать в удаленных от сухопутной границы с Китаем регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Большинство заявленных проектов связано с добычей и переработкой ресурсов, а также развитием инфраструктуры — в первую очередь, новыми мостами через р. Амур в Еврейской автономной области (Нижнеленинское–Турцзянь) и Амурской области (Благовещенск–Хейхэ).

---

[31] Державна программа розвитку транскордонного співробітництва на 2016–2020 роки. Затверждено постановою Кабінету Міністрів України від 23 серпня 2016 р. № 554 // Урядовий портал. Единый веб-портал органів виконавчої влади України. http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249264044

[32] Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной республики (2009–2018 гг.) (23 сентябре 2009 г., Нью-Йорк).

В 2015 г. на территории России работа велась только по 40 ключевым проектам, в том числе по 11 с участием китайского капитала[33]. При этом китайские инвестиции, как и прежде, были направлены в сырьевой сектор экономики (Александрова, 2010; 2016; Грибова, 2009).

Местное приграничное передвижение

Важный институт приграничного сотрудничества — механизм местного приграничного передвижения (МПП)[34]. В отличие от безвизового режима, режим МПП подразумевает, во-первых, его применение только в пределах приграничных районов, а, во-вторых, участие региональных и местных властей в его создании.

Г. Кретинин и Т. Осташкова отмечают, что МПП как особый приграничный институт имеет давнюю историю. Австрия и Германия уже в 1930-х гг., ГДР и Польша — в 1950-х гг. согласовывали перечень приграничных территорий, открытых для взаимных посещений местными жителями (Кретинин, Осташкова, 2012). С 1972 г. подобная практика была распространена и на границу между ГДР и ФРГ.

Облегченный режим для жителей приграничных территорий был введен в 2006 г. соглашениями о МПП между Россией, Украиной и Казахстаном[35,36], обновленными в 2012

---

[33] О ходе реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009 — 2018 гг.) в 2014 г. // Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье». Mode of access: http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/russian-chinese-cooperation-program-monitoring/788

[34] В ряде научных статей и практике сотрудничества встречается также термин «малое приграничное движение». В англоязычной литературе также употребляются оба термина: «small/local border traffic».

[35] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями приграничных районов Российской Федерации и Украины (Москва, 21 апреля 2006 г.).

[36] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке пересечения российско-казахстанской государственной границы жителями приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан (3 октября 2006 г., Уральск; с изменениями от 7 июня 2012 г.).

г.[37]. Оба действующих соглашения предполагают свободное перемещение жителей приграничных территорий по внутренним паспортам с отметкой о регистрации постоянного проживания в приграничье в любое время суток через местные пункты пропуска (155 на украинском и 106 на казахстанском участках границы). Если при этом на российско-казахстанской границе пребывание на сопредельных территориях не может превышать трех дней, то в российско-украинском пограничье такое ограничение отсутствовало. Кроме того, в действующей версии российско-украинского соглашения оговаривается возможность в порядке исключения разрешать временное пересечение границы «в иных местах», а также «*устанавливать в этих местах режим пропуска жителей приграничных районов*» (п. 2 ст. 3).

Хотя российско-украинское соглашение официально не было денонсировано, фактически режим МПП между Россией и Украиной в настоящее время не действует. В феврале 2015 г. Украина в одностороннем порядке закрыла сначала 18 местных пунктов пропуска, затем с 1 марта 2015 г. для россиян была отменена возможность въезда на территорию страны по внутренним паспортам. С 16 марта 2015 г. Украина приостановила пропуск жителей приграничных регионов РФ через местные пункты пропуска.

На границах со странами ЕС соглашения о МПП были подписаны гораздо позже (Колосов, Зотова, Себенцов, 2016). Для этого Европейская комиссия приняла в 2006 г. специальный регламент[38], позволивший странам Шенгенского соглашения заключать соглашения о МПП с государствами, не входящими в Шенгенскую зону. Типовое соглашение предусматривает создание специальной зоны МПП, простирающейся на глубину до 30 км (в исключительных случаях до 50 км) по обе стороны границы. Местные жители при желании могут получить специальные разрешения (пропуска), которые позволяют без исполь-

---

[37] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями приграничных регионов Российской Федерации и Украины (Донецк, 18 октября 2011 г.).

[38] Corrigendum to Regulation (EC) No 1931/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 laying down rules on local border traffic at the external land borders of the Member States and amending the provisions of the Schengen Convention (OJ L 405, 30.12.2006) // EUR-Lex. http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32006R1931R(01)

зования стандартных визовых процедур посещать сопредельные территории, входящие в зону МПП. Цели таких визитов могут быть связаны с посещением родственников и мест захоронения, исполнением религиозных обрядов, получением медицинской помощи, научно-культурными, образовательными и спортивными связями, ведением экономической (но не трудовой) деятельности. Разрешения обычно выдаются на срок от одного до пяти лет и допускают пребывание в пределах зоны МПП длительностью до 3 месяцев (правило пребывания не более 90 дней за 180-дневный период в случае с МПП не действует).

29 мая 2012 г. режим МПП был введен на границе с Норвегией[39]. Зона МПП имеет здесь глубину 30 км и включает на российской стороне муниципальные образования Печенга, Заполярный и Корзуново, а на норвежской — приграничные муниципалитеты фюльке Финнмарк, в том числе и единственный крупный населенный пункт — город Киркинес. 20 января 2016 г. в Москве был подписан дополнительный протокол, предусматривающий распространение действия Соглашения на часть территории поселка Нейден, выходящую за пределы 30-километровой приграничной зоны Норвегии.

Еще одна зона МПП создана между 11 приграничными краями Латвии, включающими города Алуксне и Лудза, и 7 муниципальными образованиями Псковской области (включая города Остров и Печора)[40]. Особенность этого соглашения — возможность получения бесплатных двухлетних пропусков МПП (в других подобных соглашениях предусмотрена небольшая плата за оформление).

27 июля 2012 г. вступило в силу соглашение между Польшей и Россией о введении режима МПП для жителей Калининградской области и части двух польских воеводств — Варминско-Мазурского (13 повятов) и Поморского (7 повятов)[41]. Региональные власти Польши с

---

[39] Основанием для запуска МПП стало Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегия (2 ноября 2010 г., Осло).

[40] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики об упрощении взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Латвийской Республики (20 декабря 2010 г., Москва).

[41] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о порядке местного приграничного передвижения (14 декабря 2011 г., Москва).

самого начала переговоров активно лоббировали в Еврокомиссии идею расширения зоны МПП за пределы пятидесятикилометровой зоны, чтобы в нее попали крупнейшие городские центры обоих воеводств — Ольштын и Трехградье (Гданьск, Гдыня, Сопот). В итоге эта инициатива была поддержана Еврокомиссией, хотя и потребовала изменения соответствующего Регламента ЕС (Гуменюк и др., 2016).

Возможность подписания аналогичных соглашений рассматривалась и на других участках границы России со странами ЕС. Так, еще в 2009 г. подобные переговоры велись с властями Литвы, которые в отличие от Польши не хотели лоббировать расширение зоны МПП за пределы пятидесятикилометровой зоны.

Идея введения МПП обсуждалась и на российско-финляндской границе в рамках еврорегиона «Карелия» и на уровне национальных властей с учетом польского опыта (Гуменюк и др., 2016). Однако рост напряженности между Россией и Западом после 2014 г. вряд ли позволит в ближайшие годы воплотить в жизнь подобные проекты. Более того, с июля 2016 г. действие Соглашения о МПП между Россией и Польшей приостановлено (см. главу 6.2).

Подходы к типологии институционализированного сотрудничества

Оценка уровня институционализации приграничного сотрудничества — непростая задача. К ней подступались многие исследователи. Практически все работы строятся на изучении приграничного сотрудничества в европейских странах. Так, М. Перкманн и Н. Сум исходили из идеи, что одна из ключевых задач приграничного сотрудничества состоит в формировании трансграничных регионов (Perkmann, Sum, 2002) В другой работе М. Перкманн (Perkmann, 2003) приводит типологию трансграничных районов по географическому охвату и интенсивности сотрудничества. Автором выделено четыре типа регионов: рабочие сообщества (working communities), еврорегионы в стадии становления (emerging Euroregions), скандинавские еврорегионы (Scandinavian groupings) и интегрированные еврорегионы (integrated euroregions). Общие черты последних двух типов регионов — постоянство деятельности, автономность принятия решений, совместных действий и общего видения стратегии развития (Яровой, 2007, 2012).

Схожие попытки типологии трансграничных регионов предпринимались и некоторыми российскими исследователями (см., например, Песцов, 2002). Так или иначе, все авторы отмечают связь между уровнем развития приграничного сотрудничества, его институциализацией и формированием трансграничных регионов (Яровой, 2007). Однако если одни полагают, что уже существующие и объективно сложившиеся трансграничные регионы — хорошая предпосылка для начала институциализированного сотрудничества (Межевич, 2009; Кузнецов, 2004), то другие считают, что в качестве критериев трансграничного региона следует рассматривать именно особую идентичность и общие институты (Perkmann, 2003; Вардомский, 2009). С.К. Песцов также полагает, что трансграничные регионы могут быть «сконструированы» или «актуализированы» под влиянием национальных властей (Введение в исследования..., 2016). Тем не менее, он не отрицает, что трансграничные регионы могут создаваться и снизу. В.А. Шлямин убежден, что именно всестороннее сотрудничество, включая общее пространственное планирование, следует считать свидетельством высокого уровня институциализации приграничного сотрудничества и признаком трансграничного региона (Шлямин, 2002).

Такие регионы проходят несколько этапов формирования, которым соответствуют те или иные типы сотрудничества. На начальных этапах преобладают простые и локально ограниченные взаимодействия стихийного характера, чаще всего в форме торговых обменов. На втором этапе сотрудничество концентрируется вокруг решения общих проблем, преимущественно в экологической сфере. Следующие три стадии развития предполагают расширение и углубление кооперационных связей.

Похожий подход предлагал и Л.Б. Вардомский, считая, что уровень институционализации сотрудничества можно измерить через «плотность» и зрелость приграничных институтов (Вардомский, 2009). Он выделил две абстрактные модели сотрудничества — институциональную (партнерскую) и торговую (традиционную).

Институциональная модель формируется на границах, где движущей силой сотрудничества являются создаваемые партнерами общие институты, которые формируются в разных сферах и на разных административно-территориальных уровнях.

Торговая (традиционная) модель более характерна для участков границы, на которых соприкасаются разнородные в социально-экономическом отношении и в плане общественного и государственного устройства территории. Небольшие возможности для создания собственных институтов приводят к тому, что на первое место в сотрудничестве выходит приграничная торговля, а само оно имеет стихийный характер. Л.Б. Вардомский отмечал, что эти модели не существуют в чистом виде. В реальности на каждом конкретном участке границы складывается сотрудничество, содержащее в себе определенную комбинацию институциональной и торговой модели (Вардомский, 2009). Анализируя эти соотношения, автор предложил географическую типологию с выделением трех региональных типов приграничного сотрудничеств: европейского, китайского и постсоветского. Эта типология значима и поныне, однако ситуация в российском пограничье в настоящее время существенно изменилась.

Учитывая новые обстоятельства, можно предложить следующий подход к выделению региональных типов приграничного сотрудничества (табл. 12).

Европейский тип сотрудничества распространен на границах России со странами ЕС. На этом участке наблюдается наибольшее разнообразие его видов. Несмотря на сложные отношения между Россией и большинством соседних стран ЕС, национальные власти не препятствуют формированию общих институтов, рассматривая приграничное сотрудничество в качестве одного из приоритетов двусторонних отношений. Участие России и большинства ее европейских соседей в Мадридской конвенции и дополнительных протоколах к ней позволяет сравнительно легко определять и одинаково понимать общие принципы и рамки сотрудничества в рамках межгосударственных соглашений. Они определяют общие подходы к финансированию проектов, функционированию приграничных институтов, что обеспечивает относительную «свободу действий» для регионов и муниципалитетов в сфере трансграничных взаимодействий.

Четко определенные рамки сотрудничества позволили не допустить его приостановки даже в период геополитической напряженности. В 2014 г., в самый разгар «геополитического противостояния», были запущены новые программы на период до 2020 г. Характерными чертами двух последних поколений программ (2007–2013 и

Таблица 12.

Региональные типы сотрудничества на границах России

Типы сотрудничества	Наличие базовых соглашений о делимитации и демаркации границы	Наличие разработанных соглашений о трансграничном сотрудничестве между регионами и муниципалитетами	Евросоюзы и подобные им образования	Программы приграничного сотрудничества постсоветского типа	Программы приграничного сотрудничества российского типа	Соглашения в АТЦ
Европейский	+	+	–	–	–	–/–
Постсоветский институционализирующийся	+	+	–	–	–	–/–
Постсоветский стагнирующий	/–	/–	/–	–	–	–
Китайский	+	–	–	–	–	–
Монгольский	+	+	–			
Северо-Корейский	+	+				

2014–2020 гг.) стало их превращение в полноценный институт сотрудничества с едиными органами управления и общим бюджетом.

Постсоветский тип приграничного сотрудничества эксплуатирует старое советское наследие — прежние контакты между людьми, организациями и хозяйствующими субъектами. Распространены двусторонние рамочные соглашения о приграничном и торгово-экономическом сотрудничестве. На части постсоветских границ России (с Казахстаном, Белоруссией и Украиной) со второй половины 2000-х гг. наблюдался постепенный процесс институционализации сотрудничества, что выразилось в появлении еврорегионов и подобных им образований, разработке совместных программ. В отличие от европейских постсоветские программы реализовывались на основе ежегодных обновляемых планов совместных мероприятий. Однако отсутствие единых источников финансирования и управления сильно снижало эффективность планирования, координации и вероятность реализации

уже одобренных проектов. Высокий уровень централизации в большинстве постсоветских стран остается существенным препятствием для формирования самостоятельных приграничных институтов сотрудничества, таких как еврорегионы и подобные им образования.

Собственно ***постсоветская модель сотрудничества***, характеризующаяся резким преобладанием приграничной торговли над всеми прочими видами взаимодействий, сложилась на границах со странами Закавказья. Характерная особенность этой модели — практически полное отсутствие институтов, поддерживающих реализацию трансграничных проектов. Межгосударственные и межрегиональные соглашения имеют декларативный характер, а постепенное старение советских поколений, хранящих память об общем прошлом, и трения между государствами приводят к деградации и даже прекращению сотрудничества — например, на российско-грузинской границе. Центральным вопросом по-прежнему остается делимитация и демаркация границы, а сотрудничество часто сводится к контактам пограничных уполномоченных[42].

Особая ситуация складывается на российско-украинской границе. Смена власти на Украине и последовавшее за этим обострение двусторонних отношений стало причиной сворачивания приграничного сотрудничества и «заморозки» всех работающих приграничных институтов (еврорегионов, программ приграничного сотрудничества и др.).

Китайский тип до последнего времени характеризовался асимметрией сотрудничества. Его существующая программа реализовывалась преимущественно с китайской стороны, которая рассматривала приграничные взаимодействия как канал продвижения в Россию китайских товаров, в то время как выверенная российская стратегия отсутствовала. С изменением фундаментальных экономических и геополитических условий наметилась активизация созданных ранее инсти-

---

[42] Пограничные уполномоченные (пограничные представители) — обычно должностные лица, назначенные правительствами или иными компетентными органами сторон, которые контролируют выполнение правил пересечения государственной границы, осуществляют необходимые меры по предупреждению пограничных инцидентов, наблюдают за выполнением хозяйственных работ в приграничной полосе, решают другие вопросы обеспечения режима государственной границы. Полномочия пограничных представителей определяются специальными двусторонними соглашениями между Россией и сопредельными странами.

тутов — программы приграничного сотрудничества и программы ПРООН «Туманганская инициатива». Как и в случае постсоветских стран, приграничное сотрудничество развивается под жестким контролем национальных властей. Высокая централизация управления снижает возможности участников по инициации собственных проектов, а тем более созданию приграничных институтов с общим бюджетом и едиными органами управления.

Монгольский тип имеет ряд сходств с постсоветским типом. Институты сотрудничества выражены слабо, а ведущим видом взаимодействия остается приграничная торговля. Основные направления сотрудничества связаны с соглашениями, регулирующими режим и обустройство границы, предотвращение приграничных инцидентов, поиск угнанного и перешедшего границу скота. Большинство документов приняты еще в советский период и подтверждены рамочными соглашениями постсоветского времени. Новым явлением стало участие монгольских властей в работе Международного координационного совета «Наш общий дом — Алтай», однако активность этого объединения оставляет желать лучшего.

Северокорейский тип характеризуется практически полным отсутствием полноценных приграничных контактов, в том числе и приграничной торговли. Основные соглашения (о делимитации, демаркации и режиме границы) и повседневная деятельность институтов пограничных уполномоченных направлены скорее на поддержание статус-кво и предотвращение приграничных инцидентов, чем на активизацию приграничных взаимодействий.

* * *

Как видно из анализа теории и практики сотрудничества, институциональное строительство можно рассматривать как способ «наведения мостов» между приграничными регионами. Однако это совсем не означает, что эти институты сами не несут определенных транзакционных издержек, которые создаются режимом границы, различиями в национальном законодательстве, спецификой распределения полномочий между органами управления разного территориального уровня и др. Создание правовых условий для институционального строительства и юридическое оформление уже существующих институтов — один из немногих реальных путей снижения этих издержек. В этом от-

ношении показателен пример сотрудничества на границах России со странами ЕС, где ни социально-экономические градиенты, ни колоссальные различия в государственном устройстве не стали препятствием для интенсивного институционального строительства.

В то же время благоприятная правовая среда и отсутствие видимых противоречий в законодательстве не всегда являются панацеей. Потенциал институционализации на каждом конкретном участке границы реализуется при условии сочетания большого числа факторов, многие из которых трудноизмеримы и воздействуют на приграничные институты на разных пространственных уровняхнеодинаково. Сюда можно отнести как характер и уровень межгосударственных отношений, так и культуру и традиции локальных акторов сотрудничества.

Поиск ответа на институциональные вызовы невозможен без определения на государственном уровне конкретных целей приграничного сотрудничества, согласованных как со стратегическими документами, так и внешнеполитическими ориентирами России и ее соседей. Согласованность внутренних и внешних стратегических приоритетов — важная основа разработки нового поколения программ приграничного сотрудничества, обеспечивающих достаточный уровень финансирования и предоставляющих большую свободу региональным и муниципальным акторам в выборе направлений взаимодействия. Еще более желательным, но трудно реализуемым в краткосрочной перспективе сценарием могла бы стать разработка подобных программ в рамках ЕвраАзЭС. На внутренних евразийских рубежах такие программы могли бы составить часть евразийской политики сплочения (аналогом европейской инициативы INTERREG), а на внешних — альтернативой европейской политики соседства (аналогом ENI).

Глава 4.2.

Города-близнецы в российском пограничье

Города, расположенные поблизости друг от друга по разные стороны государственных границ, хорошо видны на карте мира. Подобные смежные поселения, также известные как города-близнецы, есть в разных частях света — в Европе, Азии, Африке, Южной и Северной Америке. Некоторые из них сегодня имеют столичный статус (Киншасса–Браззавиль на границе Демократической Республики Конго и Республики Конго), другие являются региональными экономическими и политическими центрами (Фос-ду-Игуасу–Сьюдад-дель-Эсте–Пуэрто Игуасу на стыке границ Бразилии, Парагвая и Аргентины, Благовещенск и Хэйхэ на российско-китайской границе и др.), третьи, наиболее многочисленные, представляют собой приграничные города на периферии (Джурджу–Русе на румынско-болгарской границе, Ногалес (Аризона) и Ногалес (Сонора) на американо-мексиканской границе и др.).

В ходе изменения государственных границ, по мере развития высокоскоростного транспорта и инженерного дела, позволяющего «сжимать» пространство и время, число городов-близнецов продолжает возрастать. На 2017 год их насчитывалось более двух сотен.

Исторически города-близнецы не раз выступали как местом противостояния (в том числе военного) сопредельных государств[43], так и проведения переговоров и заключения международных соглашений[44]. Благодаря активизации приграничного сотрудничества в Европе после Второй мировой войны спектр функций, выполняемых городами-близнецами, расширился. Хотя решение хозяйственных споров между такими поселениями по-прежнему иногда осложняется политическими разногласиями сопредельных государств, сегодня можно говорить о доминировании конструктивных форматов взаимодействия между

---

[43] Например, осада Ивангородской крепости шведским войском в 1496 г. (Алексеев, 2007, с. 355–358).

[44] К примеру, Пиренейский мир 1659 г. между Францией и Испанией был подписан на острове Фазанов между городами Ирун и Андай.

ними. Научное сообщество, общественные деятели и бизнес-структуры все чаще рассматривают города-близнецы в роли экспериментальных площадок для апробации новых форматов приграничного сотрудничества (Asher, 2004; Schultz, 2009), лидеров интернационализации региональных экономик (Arando, Navarro, Peña, 2007) и акторов парадипломатии (Joenniemi, Sergunin, 2011).

Аналогичный тренд заметен и в России. За последние два десятилетия города-близнецы на государственной границе РФ не только привлекли внимание отечественных исследователей (Rogova, 2009; Рыжова, 2008б; Чернова, 2013; Анищенко, Сергунин, 2012; Михайлова, 2014; 2015), но и получили определенное признание в качестве лабораторий приграничного сотрудничества со стороны органов управления регионального и федерального уровней. Ниже в этой главе представлен обзор основных теоретических представлений о городах-близнецах и рассмотрены российские пары смежных городов, называющих себя близнецами.

Эволюция понятия «города-близнецы»

Устоявшегося определения городов-близнецов пока не выработано. В значительной степени это связано с многообразием самого явления, использованием различных дисциплинарных подходов и недостатка теоретических основ его изучения.

Термин *«города-близнецы»* (калька с английского термина *«twin cities»*) вошел в употребление в конце XIX века в отношении американской пары городов Миннеаполис и Сент-Пол, расположенных в штате Миннесота на административной границе между округами Хеннепин и Рэмси. Хотя их отношения до 1980-ых годов были в основном конфликтными (Kane, Ominsky, 1983; Wingerd, 2015), Миннеаполис и Сент-Пол активно используют брэнд «города-близнецы» для позиционирования на национальном и мировом уровне. Так, для привлечения путешественников местные туристические агентства распространяют лозунг «Посети города-близнецы»[45], а бейсбольная команда выс-

[45] Официальный сайт туристического агентства «Visit Twin Cities». http://visit-twincities.com/

шей лиги с 1961 г. носит имя «Близнецы Минессоты» (Minnesota Twins)[46].

Со временем понятие «города-близнецы» стало применяться для обозначения городов, разделенных государственной границей. Первые исследования такого рода появились в 1950-е гг. и были посвящены городам, расположенным по разные стороны американо-мексиканской границы (Form, D'Antonio, 1959). Поистине широкое распространение термин «города-близнецы» получил с начала 1990-х гг. в Европе, когда ввиду распад Югославии, Чехословакии и СССР поставил страны Центральной и Восточной Европы перед необходимостью сотрудничества смежных приграничных поселений в разных сферах жизни.

Распространение термина «города-близнецы» в средствах массовой информации и научных статьях при отсутствии его общепринятого определения привело к росту критических замечаний в адрес метафорического сравнения городов с близнецами. Одним из первых по этому поводу высказался мексиканский исследователь Д. Арреола, назвавший использование термина «города-близнецы» попыткой американских ученых навязать остальному миру восприятие пар американо-мексиканских городов-соседей в качестве близнецов. Действительно, содержащаяся в понятии «города-близнецы» отсылка к генетическим связям поселений редко соответствует действительности: мир знает мало примеров приграничных сообществ, выросших из одного семени, с одинаковой датой образования и сопоставимыми размерами (Arreola, 1996, с. 356–357).

После разделения смежных поселений, возникших в пределах одного государства, различия между ними нарастают. По словам Х. Эскилинена и Ю. Котилайнена, после появления границы города-близнецы «обречены на разные траектории эволюции» (Eskilinen, Kotilainen, 2005, с. 35). Их развитие определяется разными движущими факторами, порожденными социально-экономическими, политико-административными и правовыми системами сопредельных государств. Неудивительно, что пары смежных приграничных городов превращаются в «продукты двух разных институциональных основ» (Buursink, Ehlers, 1999, с. 1).

---

[46] Официальный сайт «Minnesota Twins». http://minnesota.twins.mlb.com/index.jsp?c_id=min

Критика понятия «города-близнецы» стимулировала поиск новых терминов, подходящих для обозначения смежных приграничных поселений. Большинство альтернативных понятий употребляется только в определенном контексте (Михайлова, 2015). Например, термин «*города поверх границ*» (англ. *border-crossing cities*) был предложен Я. Буурсинком для подчеркивания значимости трансграничных контактов, мотивированных общими интересами и возможностями совместного развития культурного ландшафта, институциональных отношений и общинной жизни смежных городов (Buursink, 2001, с. 17).

В понятии «двунациональный город» (англ. *binational city*), разрабатываемом нидерландской исследовательницей Н. Эйлерс, акцент сделан на создание общей трансграничной, двунациональной или космополитической идентичности, которая призвана заменить национальное самосознание. Движущей силой этого процесса выступает оппозиция столице и/или региональным центрам, которые «едва ли задумываются о положении периферийных приграничных регионов» (Ehlers, 2001, с. 5). В более поздних трудах Эйлерс уточняет, что отправной точкой создания двунационального города служит «желание органов самоуправления смежных населенных пунктов достичь экономической, политико-административной и культурной интеграции» (Ehlers, 2007, с. 52).

Некоторые исследователи называют отдельные смежные приграничные поселения «трансграничными агломерациями» (англ. *transborder agglomeration*) или «трансграничными метрополисами» (англ. *transfrontier metropolis*), подчеркивая значимость функциональных связей между ними и их постепенное преобразование в единую территориальную систему. Термин «трансграничный метрополис» был предложен Л. Херцогом для обозначения быстро растущей и укрепляющей свои конкурентные позиции урбанизированной территории между городами Сан-Диего и Тихуаной на американо-мексиканской границе. Он дополнительно содержит указание на центральное положение смежных приграничных городов в случае их рассмотрения как единого целого (Herzog, 1991).

Несмотря на справедливость критических замечаний и наличие перечисленных выше альтернативных понятий, термин «города-близнецы» остается наиболее распространенным. Как видно из заглавия, в этой главе автор также следует сложившейся традиции.

Города-близнецы: историко-географические реалии и формат сотрудничества

Краеугольным положением современных дискуссий о городах-близнецах является признание того, что примыкание к границе и друг к другу является лишь предпосылкой соответствия понятию «города-близнецы» (Buursink, Ehlers, 1999; Buursink, 2001; Joenniemi, Sergunin, 2009). Долгое время научные споры были направлены на поиск дополнительного ключевого критерия, опираясь на который можно было бы отделить «настоящие» города-близнецы от массы прочих смежных приграничных поселений. В качестве таких критериев ученые предлагали сходство между парными поселениями (Arreola, 1996), поддержку местными жителями сотрудничества между ними (Bucken-Knapp, 2001; Matthiesen, Buürkner, 2001) и наличие общей идентичности горожан по обе стороны границы (Buursink, 2001; Ehlers, 2001). В ряде работ (Анищенко, Сергунин, 2012; Schultz, 2009; Joenniemi, Sergunin, 2011) предпринимались попытки сформулировать целый набор черт, совокупность которых позволяет верифицировать понятие города-близнецы.

Подвести черту под этой дискуссией помогает разграничение между двумя временными горизонтами рассмотрения городов-близнецов и двумя их видами — естественными и конструируемыми. В первом случае они определяются как объективно существующие пространственно-исторические феномены (общего происхождения и с общими «генами», сформированные под действием общих социально-экономических и политических процессов). Во втором случае близнецами называют современные города, в которых принята общая «стратегия организации взаимодействий (Janczak, 2017, с. 479). Из этого следует, что города-близнецы невозможно выделить исключительно по признаку местоположения. Наделить смежные города статусом близнецов можно, изучив процесс их возникновения и/или характер существующих связей.

Города-близнецы как формат сотрудничества — одна из наиболее сложных форм внутристранового и международного взаимодействия смежных поселений по сравнению с городами-побратимами, городами-спутниками, городами-партнерами и прочими форматами межгородского сотрудничества. Объективным условием для использования формата городов-близнецов является либерализация режима пересечения границы.

Для городов-близнецов, сформировавшихся естественным путем, ключевое значение имеет их географическое положение относительно государственной границы и друг друга, история образования и сосуществования (табл. 13). Отличительные черты *конструируемых* городов-близнецов — институциональные, экономические, психологические — формируются в процессе взаимодействия, и их значение изменяется с течением времени. Например, местные администрации проводят различные мероприятия для создания у жителей приграничных поселений общей идентичности. Однако появление, распространение и закрепле-

Таблица 13.

Ключевые черты городов-близнецов (ГБ) как историко-географического явления и формата сотрудничества

Подходы к выделению ГБ	Характеристики ГБ	Содержание
ГБ как объективно существующее явление	Географические	Примыкание к границе и друг к другу.
	Исторические	Общее историческое прошлое, в котором города были единым целым или, наоборот, конкурировали друг с другом.
	Этнокультурные (фокультурные)	Смешанный этнический состав, наличие одинаковых этнических групп (национального меньшинства) по обе стороны границы.
	Институциональные	Наличие правовой и институциональной опоры сотрудничества в формате городов-близнецов — межгородских соглашений, совместных органов управления и координации.
ГБ как формат сотрудничества	Экономические	Взаимные экономические выгоды от использования формата городов-близнецов (например, повышение конкурентоспособности, уровня жизни и качества услуг благодаря совместному использованию инфраструктуры, эффекту экономии от масштаба и упрощения административных процедур).
	Психологические	Стремление к сотрудничеству ныне и в будущем; эмпатия местных жителей в отношении жителей города-соседа и схожее понимание приграничного положения как ресурса развития.

Источник: (Schultz, 2009; Joenniemi, Sergunin, 2011; Анищенко, Сергунин, 2012; Mikhailova, Wu, 2017).

ние общей идентичности — нелинейный процесс. К тому же для некоторых городов-близнецов характерен постоянный отток населения или частичное замещение населения иммигрантами, что вызывает дополнительные трудности в создании общей идентичности с городом-соседом.

Если представить виды городов-близнецов графически (рис. 15), то перед нами окажутся два пересекающихся множества, каждое из которых находится в постоянном процессе обновления. Несовпадение множеств связано с тем, что не все смежные приграничные поселения, которые по своим историко-географическим характеристикам соответствуют городам-близнецам, используют одноименный формат сотрудничества (А). И наоборот, ряд приграничных городов, которые находятся на значительном удалении друг от друга и исторически мало взаимодействовали, начинают выстраивать сотрудничество в формате городов-близнецов (Б). Пополнение множества исторических городов-близнецов (1) вызвано изменением государственных границ (подробнее ниже), в то время как обновление множества конструируемых городов-близнецов скорее связано с изменением режима границ. Нарастание открытости границы создает условия для апробации новых форматов приграничного сотрудничества, в том числе в рамках городов-близнецов (3). Усиление барьерной функции границы и ужесточение ее режима ведет к сокращению и даже прекращению взаимодействия и соответственно угасанию, консервации или прекращению конструирования городов-близнецов (4).

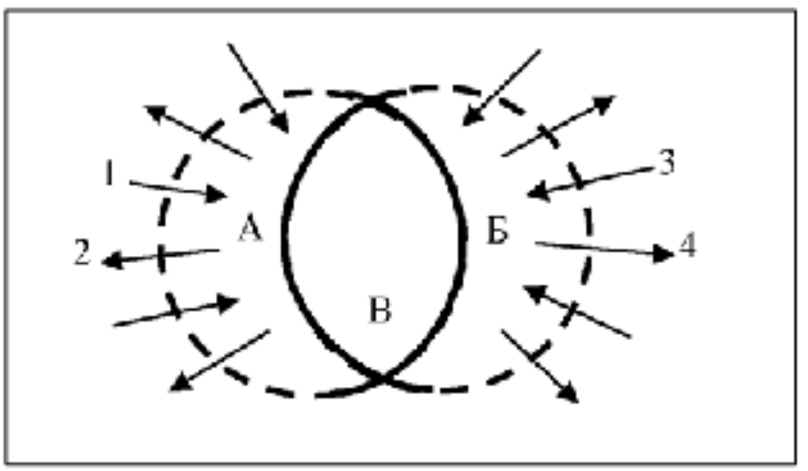


Рис. 15. Схема соотношения естественных (А) и конструируемых (Б) городов-близнецов и их связи с внешней средой (составлено автором).

Сокращение числа естественных городов-близнецов (2), то есть их переход в разряд исторических возможен в случае их объединения. На сегодня слияние городов-близнецов происходило только на внутригосударственных административных границах. Из венгерских городов Буды и Пешт в 1873 г. был создан Будапешт; в результате реформы системы местного самоуправления Великобритании в начале 1990-х гг. города Рочестер (Rochester) и Чатэм (Chatham) были преобразованы в Медуэй (Medway), а Брайтон и Хов стали единым городом Брайтон-энд-Хов (Brighton and Hove). Канадские Порт-Артур и Форт Уилльям после пятидесятилетних дискуссий между местными жителями и органами самоуправления в 1970 г. по собственному желанию объединились в город Тандер-Бей (Thunder Bay).

На государственных границах предметно слияние городов-близнецов обсуждалось только между городами Херцогенрат (Herzogenrath) и Керкраде (Kerkrade) на германо-нидерландской границе. На их основе предлагалось создать город «Эуроде» (Eurode). Такое название содержит отсылку к историческому топониму, использовавшемуся для обозначения этой территории в Средние века (нем. *Landes Herzogenrat*), а префикс «EU», т.е. ЕС — к Евросоюзу. Предполагалось, что Эуроде станет символом перехода от национальной идентичности к общеевропейской и примером для других смежных приграничных городов стран-членов Европейского Союза. В 1998 г. этими городами был учрежден совместный орган управления Эуроде, который поочередно сроком на два года возглавляют мэры смежных городов. Координационный орган включает совет и секретариат, т.е. совещательный и исполнительный орган (Eurode.eu). Конечно, о прекращении существования Керкраде и Херцогенрата пока говорить преждевременно, но успехи этих городов в объединении ресурсов и повышении уровня жизни местного населения довольно существенны. В частности, реализована договоренность, согласно которой в случае чрезвычайной ситуации или происшествия помощь пострадавшим оказывается ближайшей городской службой соответствующего профиля — пожарной бригадой, скорой помощью или полицией.

Возникновение естественных городов-близнецов происходит тремя путями: разделением (англ. *partitioning*), дублированием (англ. *duplicating*) (Buursink 2001, с. 8–14) и соединением (англ. *engineering*). Первый путь подразумевает вычленение двух поселений из одного в

прошлом единого города путем проведения государственной границы через его территорию. Иллюстрацией этого сценария может служить образование городов Валга/Валка на рубеже между Эстонией и Латвией, Франкфурта-на-Одере и Слубице на границе между Германией и Польшей и др. Второй путь характерен для соседних приграничных поселений, одно из которых было создано «в пару» другому. Дублирование могло происходить из соображений безопасности (сооружение русской крепости Ивангород для военного противостояния на тот момент ливонской Нарве) или в связи с волнами переселения, вызванными изменением государственных границ (переход левого берега Рио-Гранде под юрисдикцию США вынудил часть мексиканцев покинуть город Ларедо и основать на противоположном мексиканском берегу реки город Нуэво Ларедо).

В ряде случаев можно говорить о возникновении городов-близнецов путем последовательного разделения и дублирования. Например, оба этих процесса привели к созданию пары городов Светогорск–Иматра: после перехода финского города Энсо под юрисдикцию Советского Союза часть его уезда осталась в составе Финляндии и вошла в состав города Иматра, территория которого значительно увеличилась.

Возникновение поселений на стыке разных государств путем разделения и дублирования происходило в различные исторические периоды, как правило, в результате перекраивания политической карты мира. Такие международные соглашения, как Американо-мексиканский договор 1853 г., Версальский мир 1919 г., урегулирование после Второй мировой войны, привели к образованию десятков городов-близнецов.

Третий тип возникновения естественных городов-близнецов появился относительно недавно и связан с техническим прогрессом в сфере машиностроения, транспорта, инженерного дела и дорожного строительства. Его суть заключается в создании транспортного коридора, обеспечивающего относительно быстрое и экономичное сообщение между приграничными городами, связь между которыми становится ключевой для их экономико-географического положения. Соединение городов производится путем строительства современной инфраструктуры (автотрасс, мостовых переходов, туннелей), организации новых или совершенствования традиционных маршрутов за счет ввода скоростных железнодорожных перегонов, паромных переправ и

пр. Запуск или оптимизация прямого регулярного трансграничного сообщения ведут к снижению временных и материальных затрат, необходимых для пересечения границы, что, в свою очередь, способствует интенсификации пассажиро- и грузопотоков — как транзитных, так и местных. То есть соединение городов трансграничной инфраструктурой вызывает новые отношения соседства и формирует пространство взаимодействий приграничных жителей и организаций. Таким образом, сами «соединенные» приграничные населенные пункты превращаются в «сообщающиеся сосуды» — города-близнецы. Примеры соединенных городов-близнецов — Кале и Дувр по разные стороны пятидесятикилометрового Евротоннеля (Heddebault, 2001) и Копенгаген–Мальмё на разных концах восьмикилометрового Орезундского моста (Löfgren, 2008). В ближайшее время в число соединенных городов-близнецов могут войти Таллин и Хельсинки (Heliste, Kosonen, Loikkanen 2004; Pikner 2008; Terk, 2012): столицы Эстонии и Финляндии может соединить 90-километровый железнодорожный туннель, который позволит преодолевать расстояние между ними всего за 30 минут (YLE, 2017).

Хотя историко-географические реалии городов-близнецов всегда отличались разнообразием, благодаря распространению соответствующего формата сотрудничества вариативность проявлений этого феномена возросла. Все более контрастные города пробуют выстраивать партнерские отношения. В этой тенденции отражено восприятие формата городов-близнецов как футурологического проекта, независимо от давности взаимодействия соседних поселений и успехов на момент декларации о сотрудничестве в этом формате. Такой подход к определению городов-близнецов имеет сходство с другими объединениями городов, членство в которых связано с волеизъявлением органов местного самоуправления и/или местных жителей. Одним из примеров является ассоциация «медленных городов» (*Cittaslow*), пополнение которой происходит за счет городов, органы управления которых с целью повышения качества жизни своего населения решили следовать философии «слоу-фуд» (Елманова, 2016, с. 219). Воплощением этой философии стало увеличение числа ярмарок экологически чистых продуктов и стимулирование использования общественного транспорта и средств передвижения с минимальной или нулевой эмиссией вредных веществ.

У естественно сформировавшихся городов-близнецов расстояние между городскими центрами обычно незначительно. Например, об Ивангороде и Нарве, городах-близнецах на российско-эстонской границе, говорят, что они находятся друг от друга на расстоянии «полёта стрелы» (Тооде, 2007, с. 22). Расстояние между конструируемыми городами-близнецами варьирует в зависимости от плотности населения и доступных средств передвижения. В густонаселенных районах города-близнецы обычно расположены в пределах 10–15 км, в районах с низкой людностью или в условиях создания нового инфраструктурного элемента (туннеля или моста) города-близнецы могут быть удалены друг от друга на значительно большее расстояние. Сегодня дальше всего (на 54 км) отстоят друг от друга Никель и Киркенес, приполярные города-близнецы на российско-норвежской границе.

Россиийский опыт

Исследование городов-близнецов в России имеет непродолжительную историю, так как ранее этот тип поселений не выделялся в особую группу. С одной стороны, это связано с прозрачностью границ между республиками бывшего СССР, что на практике приводило к функционированию смежных приграничных поселений как единого целого (в качестве классических примеров можно назвать эстонско-латвийскую пару Валга–Валка или эстонско-российскую пару Нарва–Ивангород). С другой стороны, внешняя граница СССР безоговорочно рассматривалась в качестве барьера, поэтому выдвижение трансграничных проектов сотрудничества на этом направлении было невозможно.

Распад Советского Союза отразился на динамике отношений между смежными приграничными городами. Трансформация республиканских границ в государственные привела к дезинтеграции прилегающих к ним городов-близнецов. Либерализация режима границ с Норвегией, Финляндией и Китаем, напротив, способствовала интенсификации трансграничных связей и со временем привела к началу сотрудничества некоторых приграничных населенных пунктов в формате городов-близнецов.

Отдельного перечня смежных приграничных городов вдоль российской границы, историко-географические характеристики которых соответствуют городам-близнецам, нет. Парные приграничные поселе-

ния, соединенные между собой транспортными артериями, встречаются на границе с большинством сопредельных России государств как в европейской, так и в азиатской ее части. Однако интеграционные инициативы разных форматов декларированы в малой доле этих населенных пунктов. В частности, города Забайкальск–Маньчжурия на российско-китайской границе и Кяхта–Алтанбулаг на российско-монгольской границе пока не выдвигали инициатив по совместному развитию.

На данный момент понятие «города-близнецы» в России используется в отношении четырех пар городов, три из которых находятся в европейской части страны (Светогорск–Иматра, Ивангород–Нарва, Никель–Киркенес) и одна (Благовещенск–Хэйхэ) — в азиатской. По историко-географическим характеристикам три из них являются городами-близнецами: Светогорск–Иматра, Ивангород–Нарва и Благовещенск–Хэйхэ. Более того, каждая из этих пар имеет опыт сотрудничества в формате городов-близнецов, хотя его продолжительность и результаты значительно различаются. Пара Никель–Киркенес представляет собой пример относительно удаленных друг от друга приграничных городов, органы местного самоуправления которых после получения соответствующей директивы из столиц инициировали сотрудничество в формате «города-близнецы».

Симптоматично, что становление сотрудничества в этом формате в каждом случае происходило индивидуально. Ниже в хронологическом порядке представлена краткая характеристика каждой пары городов. Для сравнения некоторые историко-географические и демографические сведения о парах городов представлены в табл. 14.

Светогорск–Иматра. На протяжении девяти лет, когда Финляндия оставалась единственной сопредельной России страной-членом Евросоюза (1995–2004 гг.), пара городов Светогорск–Иматра активно использовала уникальность своего географического положения как единственного места тесного соприкосновения России и ЕС. Именно с этой парой поселений связано возникновение русскоязычных эквивалентов термина «twin cities» — «города-близнецы» и «двойной город». Кроме того, эти поселения выступили в роли инициаторов создания Европейской ассоциации городов-близнецов (АГБ), тем самым положив начало институционализации движения городов-близнецов в Европе.

Таблица 14.

Сводная характеристика пар городов на российской границе, использующих формат сотрудничества города-близнецы

№	Населенные пункты	Год основания	Население, тыс. чел. (2016)	Расстояние между центрами городов	Генезис	Характер государственной границы
1	Светогорск	1945[1]	15,9	7 км автотрассы	Разделение и дублирование	Расположены на границе РФ и стран Шенгенского соглашения[2] (с 2001 г.).
	Иматра	1948	28			
2	Ивангород	1492	10,5	162 м реки Нарова (по автомобильному мосту Дружбы)	Дублирование	Расположены на границе РФ и стран Шенгенского соглашения (с 2007 г.).
	Нарва	1240	59,4			
3	Никель	1944[3]	12,5	54 км автотрассы	Возникновение независимо друг от друга	Расположены на границе РФ и стран Шенгенского соглашения (с 2001 г.).
	Киркенес	1862	3,5			
4	Благовещенск	1856	220	700–750 м реки Амур	Дублирование	Расположены на границе РФ и КНР, с 2004 г. установлен безвизовый режим для въезда россиян в Хэйхэ.
	Хэйхэ	1980[4]	210			

Источник: материалы официальных сайтов городов, данные и наблюдения, собранные автором в ходе полевых исследований.

---

[1] Предшественник Светогорска финский город Энсо был основан в 1887 г.

[2] Здесь и ниже в таблице в скобках указан год вступления в силу Шенгенского соглашения на границе России со сопредельным государством.

[3] В период финского владения областью Петсамо (территорией современного Печенгского района) в 1936 г. было основано поселение Колосйоки, также известное как Никкели. В результате перехода Петсамо под юрисдикцию СССР Колосйоки был преобразован в поселок городского типа Никель.

[4] Согласно экспозиции музея городского планирования г. Хэйхэ, история этого приграничного населенного пункта насчитывает более ста лет.

Светогорск и Иматра расположены в южной части российско-финляндской границы на берегах реки Вуоксы; их центры удалены друг от друга на 7 км. В границах, приближенных к современным, города существуют после окончания Второй мировой войны, по результатам которой часть территории Финляндии, включая передовой индустриальный центр Энсо, вошла в состав Советского Союза. После смены юрисдикции город был переименован в Светогорск, местное финское население перемещено вглубь Финляндии, а опустевшие дома заняты советскими переселенцами из других регионов СССР.

В период с 1945 по 1971 гг. пересечение границы между Светогорском и Иматрой было невозможно ввиду отсутствия пункта пропуска. Ситуация изменилась в 1971 г., когда финские компании, в частности компания «Финстрой», приняли участие в реконструкции Светогорского целлюлозно-бумажного комбината (Eskilinen, Kotilainen, 2005). Ввиду необходимости перемещения финских рабочих через границу был открыт пункт пропуска, который продолжил функционировать и после завершения строительных работ.

В 1989 г. для сопровождения финских и иностранных туристов на территории Светогорска и для оказания услуг русским туристам в Иматре и ее регионе было создано совместное советско-финское предприятие «Свейма». При этом въезд на территорию Финляндии и России был безвизовым, по приобретенным в «Свейма» турпутевкам (Гусева, 1989). Тем самым было положено начало так называемому ностальгическому туризму пожилых финнов на территорию былого проживания. Учитывая, что ранее привилегия пересечения границы принадлежала исключительно официальным делегациям, поездки по турпутевкам «Свейма» стали первой возможностью посещения города-соседа для более широкого круга лиц.

Либерализация приграничного режима в 1990-е гг. стимулировала приграничную торговлю. Население городов-соседей активно воспользовалось ценовыми и ассортиментными различиями. С этого момента помимо органов контроля, призванных следить за соблюдением безопасности, граница стала источником дохода для новых категорий населения — индивидуальных предпринимателей и владельцев небольших коммерческих компаний.

Движимые желанием упорядочить существующие отношения, в 1993 г. руководители органов местного самоуправления Иматры и

Светогорска заключили договор о сотрудничестве, охватывающий такие сферы как экономика, образование, культура, охрана окружающей среды, молодежный и спортивный обмен. Воспринимая это соглашение в качестве основы взаимодействия, представители городов подписывали ежегодные протоколы к нему, в которых детализировались мероприятия, планируемые на предстоящий год. Так было положено начало прямым партнерским отношениям организаций и творческих коллективов двух городов.

Катализирующим фактором расширения сотрудничества Светогорска и Иматры в конце 1990-х стало продвижение идеи применения формата сотрудничества городов-близнецов на российско-финляндской границе. В 2000 г. Светогорском и Иматрой были подготовлены кратко- и долгосрочная стратегии взаимодействия в рамках городов-близнецов, что стало свидетельством признания межмуниципального сотрудничества в качестве одного из приоритетных направлений развития обеих территорий. На протяжении последующих шести лет итоги и перспективы развития диалога между городами-соседями ежегодно обсуждались на тематических семинарах.

Наиболее распространенными формами взаимодействия стали организация совместных семинаров по обмену опытом и информацией в различных сферах и реализация совместных проектов по решению общих проблем. За время проведения семинаров и осуществления проектов возросло число жителей приграничных городов, знакомых с жизнью по другую сторону границы.

Одним из существенных достижений стало закрепление возможности велосипедного пересечения границы. В связи с реализацией этой договоренности с 2009 г. в Светогорске был открыт пункт проката велосипедов, обслуживающий местных жителей и туристов. Дополнительно за счет ускорения паспортного и таможенного контроля было облегчено пересечение границы для велосипедистов.

Муниципальная реформа в России привела к ухудшению координации сотрудничества городов-соседей. После десятилетия муниципальной самостоятельности в 2006 г. Светогорск вошел в состав Выборгского района. В 2010 г. по решению референдума муниципалитет объединен с поселком Лесогорский. Увеличение численности населения и территории сократило организационные возможности Светогорской администрации и послужило причиной ликвидации сущест-

вовавшего в ней ранее сектора внешнеэкономических связей. В результате число совместных мероприятий и проектов между Светогорском и Иматрой, координируемых органами местного самоуправления, стало сокращаться, а сотрудничество в формате городов-близнецов потеряло былую приоритетность.

На 2017 г. оно не вернулось на достигнутый ранее, в 2000–2005 гг., уровень взаимодействия и слаженности в работе. Однако неформальные связи местных жителей сохранились. Многие светогорцы продолжают посещать Иматру для участия в культурных мероприятиях, занятий спортом, встреч с друзьями и родственниками. В то же время поездки жителей Иматры в Светогорск чаще связаны с приобретением табачной и алкогольной продукции и автомобильного топлива или транзитом в направлении более крупных городов — Выборга и Санкт-Петербурга.

Ивангород–Нарва. Пара городов Ивангород–Нарва часто привлекала внимание исследователей и заслужила репутацию эталонного по историко-географическим характеристикам примера городов-близнецов: эти города-крепости расположены у реки Нарова напротив друг друга и на протяжении семи столетий неоднократно объединялись в рамках одного государства, а затем вновь оказывались по разные стороны границы.

На протяжении большей части XVII–XX вв., в том числе на протяжении почти трех столетий в составе российского государства, эти населенные пункты существовали как единый оборонительный, а затем торгово-промышленный комплекс и после включения Ивангорода в состав Эстонии (город Нарву) являлись с 1920 по 1944 гг. одной административной единицей (Тооде, 2007, с. 73). В советское время у городов была единая система снабжения электричеством, телефонной связи, общественного транспорта и водоочистки (Анищенко, Сергунин, 2012, с. 32).

Распад Советского Союза привел к росту барьерности российско-эстонской границы и дезинтеграции приграничных поселений. Переход от плановой экономики к рыночной нанес существенный ущерб предприятиям обоих городов. В новых условиях большинство из них оказались неконкурентоспособными и были закрыты, что привело к росту безработицы. Неудивительно, что в начале 1990-х гг. среди местных жителей значительное распространение получила теневая эконо-

мика — перепродажа товаров на другой стороне границы. Вовлеченность населения в неформальные предпринимательские сети, возникшие благодаря росту ценовых различий, во многом облегчило горожанам трудности экономической трансформации.

«Челноки» на российско-эстонской границе по-прежнему существуют. Согласно публикациям одного из ведущих новостных порталов Прибалтики, в 2017 г. основным промыслом является перенос жителями Нарвы на российскую сторону продуктов и непродовольственных товаров для последующей реализации преимущественно в Санкт-Петербурге[48, 49].

В советский период значительная часть ивангородцев работала на предприятиях Нарвы в текстильной и мебельной промышленности. Сегодня фронтальеров — людей, проживающих на одной стороне границы и работающих на другой, в Нарве и Ивангороде практически не осталось. Основной поток приходится на нарвитян, работающих на открывшемся в 2010 г. в Ивангороде корейском заводе «Йура корпорейшн РУС» по производству электрических распределительных систем для корейских автомобилей Hyundai. На 2012 г. на заводе были трудоустроены 200 жителей Нарвы (Ашихмин, 2012).

В отличие от других пар приграничных городов, рассматриваемых в этой главе, для которых характерна этническая разделенность, Нарва и Ивангород имеют относительно однородный этнический состав — русское население проживает по обе стороны от границы. Согласно данным нарвской администрации, на начало 2017 г. доля русских от общей численности горожан составляла 83%, и только 4% населения являлись эстонцами. Неудивительно, что родственные, дружеские и профессиональные связи между жителями двух сторон границы довольно сильны.

---

[48] Скоро нарвским «челнокам» придется искать себе новую базу. Новостной портал Delfi.ee 2017. http://rus.delfi.ee/daily/virumaa/skoro-narvskim-chelnokam-pridetsya-iskat-sebe-novuyu-bazu?id=79432390

[49] Викулов Р. Большой трансграничный бизнес на запрещенке: нарвитяне-челноки, сырные туры из Петербурга и перепродажа из-под полы. Новостной портал Delfi.ee 2017. http://rus.delfi.ee/daily/estonia/bolshoj-transgranichnyj-biznes-na-zapreschenke-narvityane-chelnoki-syrnye-tury-iz-peterburga-i-pereprodazha-iz-pod-poly?id=78976776

48% нарвитян имеют эстонское гражданство, 21% — российское и 14% являются владельцами так называемого серого паспорта — документа, выдаваемого эстонскими властями и закрепляющего статус негражданина Эстонии[50]. Каждой из этих категорий соответствует различная степень сложности пересечения российско-эстонской границы и соответственно различные контуры пространства, в котором решаются типичные жизненные задачи — получение государственных услуг, трудоустройство, проведение досуга и др. Например, для обращения в учреждение здравоохранения владельцы «серых» паспортов обычно посещают Ивангород, поскольку на них распространяется действие системы обязательного медицинского страхования РФ, в рамках которой некоторые виды медицинской помощи на территории России предоставляется им бесплатно (Lundén, Zalamans, 2002; Колосов, Бородулина, 2006).

С момента вхождения Эстонии в ЕС в 2004 г. пара городов Ивангород–Нарва, подобно Светогорску и Иматре, стала зоной непосредственного контакта России и Евросоюза. С одной стороны, это привело к ужесточению требований к процедуре выдачи виз, с другой, открыло доступ к новым возможностям, в том числе участию в программах ЕС, предусматривающих финансирование проектов приграничного сотрудничества.

Подобно Светогорску и Иматре, Ивангород и Нарва входят в состав Европейской ассоциации городов-близнецов. Представители обоих городов многократно участвовали в мероприятиях по обмену опытом между городами-близнецами на внутренних и внешних границах Евросоюза.

Для отношений Ивангорода и Нарвы характерна высокая степень институционализации их взаимодействия. В 1999 г. и 2006 г. между органами местного самоуправления двух городов были подписаны соглашения о сотрудничестве. Совместные действия Ивангорода и Нарвы планируются на среднесрочную перспективу, что закрепляется в программах приграничного сотрудничества.

---

[50] Статус негражданина регулируется «Законом об иностранцах» Эстонской Республики от 1993 г. Большинство владельцев «серых» паспортов составляют бывшие граждане Советского Союза, проживавшие на территории Эстонии на момент распада СССР и позже не получившие эстонского гражданства.

Российско-эстонские города-близнецы довольно успешны в привлечении внешнего финансирования совместной проектной деятельности. В значительной степени это связано с активной позицией нарвской администрации и отработанными навыками проектного менеджмента ее сотрудников. Наиболее крупными проектами последних лет стали международные проекты «EstRusFortTour» 1 и 2, благодаря которым, в частности, удалось обновить инфраструктуру комплекса двух крепостей — Замкового парка в Нарве и дороги, ведущей в Ивангородскую крепость. На протяжении нескольких лет стороны обсуждают возможность строительства общего аквапарка в пограничной зоне, создание единого комплекса причалов в устье р. Наровы и водного туристического маршрута по этой реке, развитие промышленной зоны Нарвы и бизнес-инкубатора Ивангорода, оборудование сети велодорожек, энергосберегающее освещение центральных улиц, но эти инициативы пока не реализованы.

Благовещенск–Хэйхэ[51]. Благовещенск и Хэйхэ расположены в верхнем течении реки Амур на восточном участке российско-китайской границы. После наводнения 2013 г. оба населенных пункта провели берегоукрепительные работы, в результате которых русло реки сузилось и города стали ближе к линии границы, пролегающей по фарватеру. Сегодня кратчайшее расстояние между островом Большой Хэйхэ и набережной Благовещенска составляет менее 700 метров. Эти города-близнецы образовались путем дублирования. Рост Хэйхэ с конца 1990-х гг. и усиление его центральных функций в отношении прилегающей территории произошли благодаря близости к Благовещенску, единственному центру субъекта Российской Федерации, расположенному непосредственно на границе. По совокупности историко-географических черт Благовещенск и Хэйхэ являются естественными городами-близнецами.

В конце 1980-х гг. с Благовещенска был снят статус закрытого города. Благодаря этому получила развитие бартерная торговля с китайскими соседями, в ходе которой происходили первые встречи благовещенцев с жителями противоположного берега реки Амур. На первых

---

[51] Подготовка раздела о Благовещенске и Хэйхэ осуществлена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект №МК-2007.2017.6).

парах эти контакты были спародическими и продиктованными в первую очередь необходимостью для жителей Амурской области обеспечить свое существование в условиях дефицита промышленных товаров. Открытие пункта пропуска через границу и паромной переправы дало старт челночной торговле. Для многих жителей приграничья граница тогда стала источником заработка и первичного накопления капитала. Сегодня доля индивидуального предпринимательства в челночном бизнесе невелика, большая часть приходится на отлаженные сети с многозвенной структурой «собственник товара» — «организатор перевозки груза» — «подставные лица, перевозящие товар» (Журавская 2011).

В развитие соглашения между правительствами двух стран о безвизовых групповых туристических поездках, подписанного в 2000 г., на китайском берегу Амура постепенно была создана инфраструктура для приема туристов из РФ. Российский берег начал проявлять интерес к повышению своей туристической привлекательности для китайских потребителей значительно позже. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2011 г., когда министерство внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области разработало «Концепцию развития города Благовещенска как международного российско-китайского центра конгрессно-выставочной деятельности». Укрепление юаня по отношению к рублю в 2014 г. дало существенный импульс развитию туристической индустрии Благовещенска. К 2017 г. многие торговые центры, фирменные магазины и предприятия общественного питания, расположенные в центре Благовещенска, установили вывески, обеспечили информацию о ценах, выпустили брошюры на китайском языке. Амурская гильдия кулинаров и рестораторов изготовила в 2015 г. для китайских туристов гастрономическую карту города на китайском языке.

Отсутствие бесперебойного круглогодичного способа сообщения между двумя городами вопреки их близости остается наиболее существенным барьером для развития взаимоотношений. Основным видом пересечения границы в сезон навигации является паромная переправа, а в межсезонье — суда на воздушной подушке. С зимы 2011–2012 г. после ледостава стороны организуют понтонный мост, и в этот период пересечение границы возможно на автобусе. Паромы, суда на воздушной подушке и автобусы находятся в ведении российской компании-

монополиста, что приводит к относительно высокой цене на поездку в Китай, не коррелирующей с себестоимостью перевозок.

В 2016 г. после тридцатилетних переговоров началось возведение автомобильного мостового перехода между городами. Планируется, что строительство будет окончено к 2019 г., но учитывая опыт реализации подобного проекта между Нижнеленинским и Тунцзяном, надежность такого прогноза невысока.

Сотрудничество Благовещенска и Хэйхэ включает ряд мероприятий исключительно неэкономического характера. В их числе ежегодный заплыв через реку Амур, обмен делегациями детей накануне Дня защиты детей 1 июня и делегациями женщин в преддверии Международного женского дня 8 марта. В 1990-е гг. завязалось сотрудничество местных газет «Амурская правда» и «Хэйхэ жибао». На протяжении последнего двадцатилетия китайская сторона проявляет интерес к сотрудничеству в формате обмена делегациями, рекламой и статьями о Китае. Наиболее активно совместная работа проходила в середине 2000-х гг., когда в течение нескольких месяцев в обоих изданиях выходили рубрики, составленные из материалов редакций-партнеров. В 2007 г. на базе Благовещенского государственного педагогического университета был создан первый в России Институт Конфуция, заслуживший высокую профессиональную репутацию как на Дальнем Востоке, так и в Государственной канцелярии по распространению китайского языка при Правительстве КНР. Одним из его ведущих партнеров является университет Хэйхэ, специализирующийся на подготовке кадров, владеющих русским языком. С 2010 г. университеты двух городов в сотрудничестве с Харбинским университетом проводят ежегодную международную конференцию «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества».

Согласно опрошенным китайским экспертам, одним из инициаторов сотрудничества в формате городов-близнецов был видный китайский журналист и консультант Ван Чжигань (Wang Zhigan), который посетил Хэйхэ в 2005 г. и порекомендовал муниципальным властям формат «города-близнецы» для позиционирования на рынке внутрикитайских туристических дестинаций. Позже Хэйхэ обрел новый слоган «две страны, один город», и в 2006–2007 гг. формат городов-близнецов был предложен российской стороне, однако на тот момент не нашел поддержки (Михайлова, 2014, с. 510). В планах развития город-

ского округа Хэйхэ понятие «города-близнецы» фигурирует с 2005 г. (Mikhailova, Wu, 2017, с. 9).

С российской стороны интерес к сотрудничеству в этом формате был артикулирован в 2011 г., когда правительство Амурской области выдвинуло инициативу по созданию совместной рекреационной зоны «Города-близнецы». Ее первостепенным структурным элементом считают возведение трансграничной канатной дороги, которая смогла бы обеспечить быстроту, удобство и бесперебойность пересечения границы. В ситуации ограниченности ресурсов и сложности привлечения инвестиций перспективы этого проекта остаются неясными.

Никель–Киркенес. По совокупности историко-географических характеристик Никель и Киркенес нельзя отнести к естественным городам-близнецам. Эти небольшие арктические поселения по разные стороны российско-норвежской границы были основаны независимо друг от друга, долгое время развивались преимущественно в связи с разработкой месторождений руд цветных металлов для нужд своих национальных экономик. Дистанцию между Никелем и Киркенесом можно преодолеть в течение часа, не считая времени, затраченного на прохождение границы. Учитывая особенности системы расселения в условиях Крайнего Севера и относительно высокую обеспеченность легковыми автомобилями в Мурманской области и в Норвегии[52], сегодня это расстояние воспринимается местными жителями как незначительное[53], а населенные пункты считаются соседними. В то же время признание значимости соседства Никеля и Киркенеса происходило постепенно, с разной скоростью с российской и норвежской стороны границы.

Формально отношения между приграничными поселениями были оформлены в 1973 г., когда было подписано соответствующее соглашение, но первые контакты произошли раньше — в 1960-е гг., когда

---

[52] На 2016 г. по обеспеченности легковыми автомобилями (321 автомобиль на 1000 человек) Мурманская область занимала 10-е место среди субъектов РФ. В Норвегии обеспеченность легковыми автомобилями составляет свыше 400 единиц на 1000 человек.

[53] Для сравнения расстояние по автотрассе от Киркенеса до регионального центра губернии Финнмарк г. Вадсё составляет 182 км, а от Никеля до Мурманска — 186 км.

центральные правительства Норвегии и СССР согласовали совместное строительство гидроэлектростанций на трансграничной реке Паз.

После открытия российско-норвежской границы взаимодействие между жителями и организациями Никеля и Киркенеса стали более широкими и разнообразными. Одними из первых партнерские связи установили по линии библиотеки. За более чем 30 лет сотрудничества библиотекари Печенгского района и коммуны Сёр-Варангер опробовали такие формы взаимодействия, как обмен коллекциями книг, выставками, идеями и лучшими практиками.

Со временем между приграничными муниципальными образованиями устоялся календарь регулярных совместных массовых культурных и спортивных мероприятий. Наиболее значимые из них — празднование освобождения Заполярья и Финнмарка от фашистских захватчиков, Дня Победы в Печенгском районе, Дня Конституции Норвегии 17 мая в Киркенесе, традиционный лыжный пробег «Лыжня дружбы» (проводится с 1994 г.), маршрут которого проходит через территорию России, Норвегии и Финляндии вокруг стыка границ трех государств, товарищеские турниры по хоккею с шайбой, футболу и плаванию.

Предложение о сотрудничестве Никеля и Киркенеса в формате городов-близнецов поступило из министерства иностранных дел Норвегии в 2008 г. Вскоре оно было закреплено в совместном заявлении администраций Печенгского района Мурманской области и коммуны Сёр-Варангер губернии Финнмарк о проекте городов-близнецов. Отношение к этому формату как к проекту, то есть как временному явлению сыграло негативную роль в его результативности. По мнению экспертов (Figenschou, 2011; Mikhailova, 2017), за девять лет сотрудничества в формате городов-близнецов итоги совместных действий выглядят довольно скромно.

Среди немногих конкретных результатов можно назвать регулярное планирование сотрудничества на два предстоящих года и проведение с 2011 г. ежегодных Дней приграничного сотрудничества. По словам мэра коммуны Сёр-Варангер, это мероприятие является главным достижением взаимодействия норвежской стороны и Печенгского района последних лет. Оно, помимо прочего, закрепило признание значимости соседства Никеля и Киркенеса на региональном уровне, поскольку организатором этого регулярного форума для обсужде-

ния актуальных местных проблем выступает министерство экономического развития Мурманской области.

Нововведением сотрудничества в формате городов-близнецов стали такие мероприятия, как передвижные семинары, в ходе которых участники в одном автобусе пересекали границу, что создавало возможность неформального общения, а также творческие лаборатории, на которых в рабочих группах обсуждались новые проекты на краткосрочную и долгосрочную перспективы. Стороны пробовали включить в сотрудничество тех акторов, которые ранее не имели опыта взаимодействия с коллегами из сопредельного муниципального образования — волонтерские организации, музеи, отделы записи актов гражданского состояния. Названия многих привычных мероприятий и обменов, существовавших до 2008 г., были дополнены упоминанием сотрудничества Никеля и Киркенеса как городов-близнецов. Некоторые ученые (Figenschou, 2011), предполагали, что эта тактика являлась подготовкой к подаче заявки на финансирование из ЕС, где подобные инициативы других приграничных городов (например, Торнио и Хапаранды на финско-шведской границе или описанных выше Светогорска и Иматры) получали финансовую поддержку. Действительно, в плане сотрудничества Печенгского района и коммуны Сёр-Варангер на 2014–2015 гг. в качестве одной из задач была указана разработка заявки на вступление в Ассоциацию городов-бризнецов, однако она не подана.

Значительное влияние на укрепление неформальных связей между жителями пограничья оказало вступление в силу Соглашения об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегии в мае 2012 г. Эта договоренность предоставляет местному населению право оформить удостоверение жителя пограничья, которое разрешает находиться в 30-километровой зоне сроком до 15 дней. На май 2017 г. такое удостоверение получили 3250 (8,7%) жителей Печенгского района и 6300 (свыше 60%) жителей коммуны Сёр-Варангер (Staalesen, 2017). Таким образом, оно более востребовано среди норвежцев, заинтересованных в покупке на российской стороне бензина, продовольствия, стройматериалов и других товаров, а также посещении салонов красоты и ресторанов.

Положительная динамика трансграничных связей на российско-норвежской границе была приостановлена в 2014–2015 гг. сначала девальвацией рубля, которая привела к падению туристического потока из России, а затем возникновением так называемого Арктического миграционного пути. К концу ноября 2015 г. транзитный поток беженцев из Ближнего Востока, Азии и Африки, следовавших через Россию в Норвегию, был остановлен, однако это оказало негативное влияние на уровень отношений между приграничными муниципальными образованиями и органами государственной власти двух стран и привело к возведению 200-метрового забора вдоль границы с норвежской стороны.

На уровне местных жителей основным источником недопонимания стали различия позиций и моделей поведения по отношению к лицам, следовавшим по Арктическому миграционному пути. Жители приграничной коммуны Сёр-Варангер доброжелательно встречали вновь прибывших мигрантов, запросивших убежища в Норвегии (Nilsen, 2016). На территории губернии Финнмарк начала действовать организация «Беженцы, добро пожаловать в Арктику!» (Refugees Welcome to the Arctic). Жители Печенгского района и Мурманской области в 2014–2015 гг. заботливо принимавшие беженцев из украинской части Донбасса (Змеева, Сулейманова, 2015), смотрели на ближневосточных беженцев скорее с опаской («*Мало кто из них беженец... Не удивлюсь, если там полно боевиков*»[54]), непониманием («Беженцы не хамят и в золоте не ходят»), осуждением («*Беженцами могут быть женщины, дети и немощные старики. Все остальные должны защищать свои страны до последнего*») и даже завистью («*Беженцы рвутся к щедрым норвежским пособиям и живут лучше нас*»).

В 2015–2017 гг. сотрудничество в формате городов-близнецов постепенно утрачивало приоритетный характер, что проявилось в усилении ориентации норвежской стороны на трехсторонний формат приграничных связей с участием финской общины Инари[55] и в

---

[54] Здесь и далее цитаты жителей Печенгского района из группы «Никель, Заполярный, Печенга. Доска объявлений» в одной из популярных российских социальных сетей.

[55] По материалам интервью с представителем администрации коммуны Сёр-Варангер в 2016 г.

расширении сети российских городов-партнеров Киркенеса. С 2015 г. произошла активизация взаимодействия Киркенеса с Североморском, а в 2017 г. побратимские связи были установлены с Мурманском. Другое подтверждение ослабевания интереса к сотрудничеству в формате городов-близнецов — отсутствие его упоминания в плане сотрудничества Печенгского района и коммуны Сёр-Варангер на 2016–2019 гг.

* * *

Города-близнецы — глобальный феномен, воплощение которого значительно варьирует от страны к стране и от кейса к кейсу. Помимо различий, связанных с локализацией, города-близнецы различаются по генезису и типу связей. Некоторые из них имеют общее происхождение, другие относят себя к городам-близнецам, поскольку развивают особый формат сотрудничества, в третьих этот формат возник благодаря историко-географическим предпосылкам. Поскольку число городов-близнецов каждой категории продолжает увеличиваться, потенциал этого инструмента территориального развития требует дальнейшего изучения и более интенсивного использования.

За рубежом с 1960-х гг. города-близнецы как историко-географический феномен выступали в качестве объекта целенаправленной государственной политики. Перечень мер, направленных на использование выгод экономико-географического положения этих поселений и их развитие, включал на американо-мексиканской границе создание макиладор[56], вдоль границ Китая — специальных экономических зон и точечную либерализацию визового режима (в том числе в одностороннем порядке), на внутренних и внешних границах Евросоюза — целевого финансирования проектной деятельности в парах приграничных городов и др. Упомянутые примеры предоставления преференций городам-близнецам приводили к разным результатам, но в каждом слу-

[56] Макиладора (от исп. maquiladora) — компания, действующая в рамках специального таможенного режима, осуществляющая производство (сборку и/или переработку) компонентов, временно ввезенных на территорию Мексики, а затем экспортируемых в другие страны, главным образом, в США (Костюнина, 2008, с. 17).

чае вели к мобилизации трансграничных связей и оживлению местной экономики.

В России в настоящий момент города-близнецы пока остаются недоиспользованным инструментом социально-экономического развития территории. Основными ограничениями увеличения числа городов-близнецов вдоль российской границы являются чрезмерно закрытый пограничный режим, отсутствие механизма локальной либерализации визового режима для приграничных жителей и низкое качество пограничной инфраструктуры (в частности, дорожного покрытия и пунктов пропуска). Эти факторы ведут к росту временных издержек на пересечение границы и нивелируют преимущество географического соседства, то есть выступают в роли экономического и психологического барьера, препятствующего развитию трансграничной экономической кооперации и увеличению трансграничных потоков. Учитывая многососедское положение России, привлечение института парадипломатии и, в частности, сотрудничества в формате городов-близнецов на каждой диаде границ могло бы способствовать формированию положительного образа страны и укреплению горизонтальных связей независимо от противоречий, существующих в двусторонних межправительственных отношениях.

После распада СССР одни приграничные города (Благовещенск, Никель, Светогорск) получили доступ к более открытой границе, в то время как другие (Ивангород) понесли существенные социально-экономические потери в связи с дезинтеграцией бывших советских республик. Ориентация на выстраивание партнерских отношений с городом-соседом стала стратегией выживания приграничных поселений в период перехода к рыночной экономике и зачастую способствовала усилению их центральных функций в отношении прилегающей территории. Неудивительно, что со временем каждая из этих пар приграничных городов вдоль государственной границы России предприняла попытку сотрудничества в формате городов-близнецов. В каждом из четырех рассмотренных примеров российских городов-близнецов формальные взаимодействия на уровне органов местного самоуправления и подведомственных им организаций дополнены неформальными связями между местными жителями, что важно для успеха и устойчивости сотрудничества в формате городов-близнецов. В двух из четырех

случаях, где этот формат начал терять поддержку на уровне местных администраций (в Светогорске–Иматре и Никеле–Киркенесе), именно низовые взаимодействия позволяют сохранять достигнутый уровень связей и служат доказательством успешного перехода сотрудничества городов-близнецов из исключительно административной инициативы в разряд повседневных поведенческих и коммуникативных практик.

Часть 5.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ*

Глава 5.1.

Экологические угрозы развитию регионов российского приграничья

С 1990-х гг. характер экологических угроз России со стороны соседних стран значительно изменился. Так, ренатурализация ландшафтов в новом российском приграничье вызвала к жизни новые опасности, связанные с широкомасштабными степными пожарами. Резко возрос экономический потенциал северо-восточного Китая и, соответственно, потенциал его влияния на природную среду вблизи российских рубежей. Эти новые реалии нашли отражение в литературе, касающейся как экономико-, политико-географических (Колосов, Зотова, Себенцов, 2014), так и экологических проблем приграничных регионов (Бакланов, 2008; Приграничные..., 2010; Чибилев, 2004; Экологические риски..., 2014 и др.).

В настоящей главе рассматриваются внешние экологические угрозы — негативные последствия хозяйственной деятельности в сопредельных странах, которые угрожают российским территориям и акваториям, пути устранения этих угроз на базе международного сотрудничества.

Особенности эколого-географического положения России

Для России характерна относительная природно-географическая изолированность от других стран, которая выражается в значительной удаленности от них основной береговой линией России, в высокой

---

* Опубликовано: Клюев Н.Н. Экологические угрозы в российском приграничье // Известия РАН. Сер. геогр. 2017. №1. — С. 35–46.

(более 95%) доле местного стока в величине водных ресурсов, в наличии на юго-восточных рубежах протяженных орографических барьеров. В силу глубинно-материкового расположения страны российские источники экологического риска угрожают прежде всего собственным, а не зарубежным территориям и акваториям.

Несмотря на это, у России сложились тесные экологические взаимосвязи со своими соседями (табл. 15). Эти взаимосвязи обусловлены огромными размерами российской территории; относительной близостью к крупнейшим ареалам экономической деятельности (Западная Европа, Китай, Япония, Южная Корея, США), выступающим районами концентрации экологических угроз; несовпадением государственных границ РФ с границами водосборных бассейнов; западным переносом воздушных масс.

Около половины сухопутной границы Россия приходится на бывшие советские республики, которые, как и она, испытывают социально-экономические трансформации. Политика ближайших российских соседей вынужденно носит неэкологичный характер. Бедные страны не могут себе позволить заботиться о чистоте окружающей среды. Бедность не менее опасна для среды, чем расточительное потребительство. Протяженные границы РФ, в том числе 13,5 тыс. км часто «проницаемых» «новых» границ с бывшими союзными республиками, создают широкие возможности контрабандных операций, в том числе по незаконному вывозу природных ресурсов и транспортировке отходов. Проблема охраны границ приобретает таким образом и экологическое звучание.

Приток речных вод в Россию втрое превосходит их отток. Основными поставщиками речных вод в Россию являются Китай, Финляндия и Монголия, а потребителями — Монголия, Белоруссия, Украина и Казахстан. Для России в целом приток плюс отток речного стока составляет очень малую величину по сравнению с местными, российскими водными ресурсами. Однако в отдельных регионах это доля существенна. Так, в Омской области лишь 16% водных ресурсов местные, остальные поступают из-за рубежа: Иртыш приходит в область из Казахстана, но истоки реки находятся в Китае.

Если судить по таблице 15, в трансграничном обмене сточными водами преобладает их экспорт из России. Но в этой таблице нет данных о загрязненных сточных водах из стран дальнего зарубежья. Учет

Таблица 15.

Экологические взаимосвязи России и сопредельных стран

Страна	Речной сток, км³/год		Загрязненные сточные воды, млн. м³/год		Доля озерно-речного пограничья, % от длины границы	Риск прорыва плотин крупных водохранилищ*, км³		Влияние в рамках «ближнего следа» атмосферных выбросов (усл. ед.)	
	приток в Россию	отток из России	приток в Россию	отток из России		на Россию	от России	на Россию	от России
Норвегия	–	–	–	–	65	–	8,9	2	11
Финляндия	28	–	...	–	5	7,4	4,9	7,4	4,9
Эстония	–	2,2	–	10	75	1	3	146	2
Латвия	–	–	–	–	28	–	–	0,2	0,2
Литва	0,8	–	5	–	75	1	–	0,2	12
Польша	1,6	–	...	–	–	–	–	1	1
Белоруссия	0,5	15,4	10	150	16	–	3	6	1
Украина	5	11,1	450	300	13	2	2	27	3
Грузия	3,1	–	–	–	–	–	–	–	–
Азербайджан	–	2,2	–	–	20	–	–	–	–
Казахстан	31,9	10,3	140	400	15	57,6	3,3	2	245
Монголия	24,9	20,6	...	–	15	–	–	–	–
Китай	95,5	–	...	–	85	17,2	90,9	28	19
КНДР	–	–	...	–	100	–	–	–	–
ИТОГО	191,3	61,8			30	86,2	116	219,8	299,1

Источник: (Современные..., 2013) и расчеты автора.

Обозначения: многоточие (...) — нет данных, прочерк (–) — нет явления или малая величина. Выделены наиболее значимые взаимосвязи каждого вида. По Абхазии и Южной Осетии нет данных.

---

* Учтены водохранилища объемом свыше 0,1 км³.

этих вод, особенно китайских, без сомнения, изменит пропорции обмена сточными водами не в российскую пользу.

Почти 1/3 сухопутных рубежей России проходит по рекам и озерам (имеются в виду водные объекты, обозначающие границу, а не пересекающие ее). Больше половины речного пограничья приходится на Китай. Пограничные водотоки и водоемы интересны для нас как объекты совместного межгосударственного природопользования, качество воды в которых зависит от хозяйственного использования территории на водосборных площадях по обе стороны границы.

По нашим расчетам, площадь водосборных бассейнов, где формируется «импортируемый» Россией речной сток, составляет более 2 млн. км^2 (это примерно площадь Мексики). Зона российских гидроэкологических интересов за рубежом охватывает бассейн Северского Донца, весь северный Казахстан восточнее 60° с.ш., почти треть площади Монголии, обширные территории северо-восточного Китая, бассейн Немана, окаймляющий Калининградский эксклав. В этой зоне проживает более 80 млн. чел. (примерно население Германии).

Более низкий уровень освоенности определяет и сравнительно меньшую загрязненность территории, которую В.Г. Прокачева и В.Ф. Усачев (Прокачева, Усачев, 2004) определяют по данным дистанционного зондирования. По этим данным, в бассейне Дона, в котором России принадлежит 89% водосбора, а Украине — 11%, на российской территории «земли хронического загрязнения» занимают 13,2% площади, а на украинской — 67,5%. При общей загрязненности Амурского бассейна в 5,9% в Китае эта величина составляет 9,8%, а в России — 2,9%. Даже в бассейне Селенги (33% водосбора — РФ, 67% — Монголия) на монгольской части загрязнение выше (3,1 и 2,3% соответственно). Правда, в бассейне российско-казахстанской р. Урал (площади водосборов примерно равны) ситуация обратная: 20,4% в России против 5,6% в Казахстане.

Из соотношения долей в водных ресурсах и водопотреблении мира (рис. 16) видно, что в России это соотношение благоприятное, а южные и юго-западные ее соседи заметно «перерасходуют» свою долю в мировых водных ресурсах. Особенно сильный дисбаланс такого рода наблюдается в Китае, но он заметен также в Узбекистане, на Украине и в Казахстане. Вододефицитные соседи — это потенциальный источник нестабильности. На картосхеме показана также степень водной «зависимости» стран. Обращает на себя внимание высокая степень та-

кой зависимости Туркмении, Молдавии, Узбекистана, Азербайджана и Украины. Россия является самодостаточной в водно-ресурсном и водно-экологическом отношениях страной.

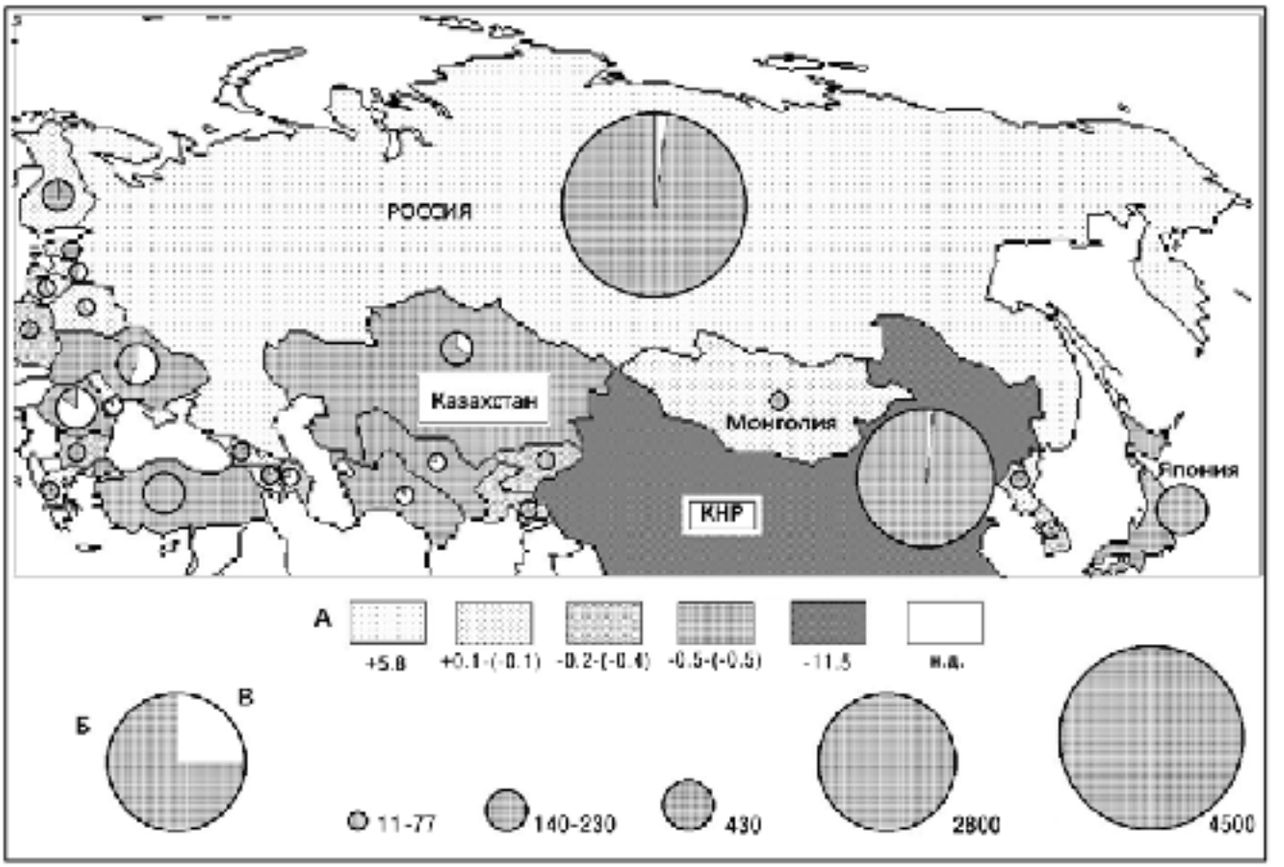


Рис. 16. Уровень использования водных ресурсов и водно-ресурсная «зависимость» России и сопредельных стран.

А — Разность между долей страны в водных ресурсах и ее долей в водопотреблении мира, %

Б — Площадь круга пропорциональна величине годового речного стока ($км^3$/год)

В — Доля притока стока в общем речном стоке.

Примечание: по Абхазии и Южной Осетии нет данных.

Острый дефицит пресных вод сформировался в китайской части Амурского бассейна. В рамках программы «Возрождение промышленных баз Северо-Востока» строится и проектируется около 20 крупных водохозяйственных объектов: водохранилища, гидроузлы, ГЭС. Общее изъятие стока из верховий Амура может составить до 70% стока реки (Современные проблемы..., 2013, с. 67). В Даурии в 2009 г. уже со-

здан канал р. Хайлор — оз. Далайнор, строительство которого нарушает Рамсарскую конвенцию, так как изменяет водно-болотные угодья международного значения. Возможные негативные экологические последствия строительства этого канала — деградация пойменных местообитаний популяций птиц, в том числе из Красной книги, аридизация территории, рост загрязнения р. Аргуни. «Большой китайский водохозяйственный скачок» игнорирует российские национальные экологические интересы.

Схожая ситуация складывается и в бассейне Иртыша. Верховья Иртыша расположены на территории Монголии, Китая и Казахстана, низовья — на территории РФ. Иртыш и его притоки в пределах Казахстана и Китая — основная водная артерия и источник водообеспечения населения и различных отраслей хозяйства. Иртыш и его притоки — наиболее загрязненные водные объекты Казахстана. Расположенные выше по течению государства наращивают объемы водозабора, не учитывая российские интересы. При современном режиме водопользования дефицит водных ресурсов остро ощущается на участке от границы РФ до устья р. Омь, где он составляет 1,7 км^3, и распространяется вплоть до устья р. Тобол. В связи с постоянным увеличением водозабора на территории Казахстана и колоссальными темпами роста изъятия воды в Китае (с 1 км^3 до 4,0 км^3) в маловодье общий дефицит водных ресурсов в этом районе может превысить 5 км^3 (Фролова, Воробьевский, 2011).

В КНР положено начало переброске стока посредством канала Черный Иртыш — Карамай, предусматривающей отбор из бассейна Иртыша более 1,5 км^3 воды в год. Реализация этого проекта угрожает судоходству, водоснабжению и экосистемам Иртыша, приходящего в Россию из Китая транзитом через Казахстан, который, в свою очередь, намечает увеличить подачу воды в канал им. Каныша Сатпаева, прежде называвшийся «Иртыш–Караганда». В связи с этим в Омской области в 2011 г. начато строительство водохранилища с целью предотвращения возможного водного дефицита. К тому же КНР отказывается включать Россию в переговоры по вододелению Иртыша (Экологические риски..., 2014). Хотя между Казахстаном и КНР подписано правительственное соглашение о сотрудничестве в сфере охраны трансграничных рек (2001 г.), в отношениях между этими странами «*остаются нерешенными вопросы правового статуса рек, ... внедрения принципа вододеления*» (Российско-казахстанский..., 2011, с. 193; см. главу 5.2).

Российские территории потенциально подвержены затоплению волной прорыва 13 крупных вышележащих зарубежных водохранилищ, семь из которых (с суммарным объёмом 57,6 км^3) принадлежат Казахстану. Последние потенциально угрожают в основном Омской области. Водохранилища выступают для нижележащих регионов объектами высокой потенциальной опасности. Прежде всего, речь идет об опасности прорыва плотин вследствие аварий, диверсий, износа сооружений гидроузлов и других причин и последующего затопления территории. К основному поражающему фактору такого прорыва — разрушительной напорной волне — может добавиться и загрязняющее действие донных отложений, накопленных в водохранилищах, а также размыв химических складов или свалок отходов.

К слабоосвоенным российским дальневосточным рубежам непосредственно примыкает сплошной ареал высокоосвоенной китайской территории. В настоящее время Китай — не только крупнейшая по численности населения мировая держава, но и страна высочайших темпов экономического роста. Хотя в последнее время Китай предпринимает усилия по экологизации хозяйства, его интенсивный экономический рост представляет серьезную экологическую угрозу, в том числе для его соседей. Из-за высокой доли угля (80%) в топливном балансе по объему выбросов парниковых газов и соединений серы в атмосферу Китай занимает первое место в мире. Пять китайских городов, включая относительно близкий к России Шэньян, за годы китайских реформ вошли в десятку самых загрязненных городов мира. Высокие темпы роста жизненного уровня в Китае стимулируют массовую автомобилизацию, что влечет негативные экологические последствия. В связи с реформой земледелия расширяется эрозия, загрязнение почв и водоемов, аридизация.

У южных границ России сосредоточены страны, отличающиеся высокими темпами демографического роста и, следовательно, роста демографического давления на среду. Близкое соседство наименее освоенной и весьма уязвимой к антропогенным воздействиям российской территории со странами, отличающимися огромным демографическим потенциалом и высокими темпами экономического роста, формирует на Дальнем Востоке потенциальную политико-экологическую напряженность.

Вследствие западного переноса воздушных масс зона «атмосферно-экологических» интересов России простирается вплоть до Пиренейского полуострова. До 60% выпадений антропогенных серы и азота на Европейской территории России происходит из Западной и Центральной Европы (табл. 16), но даже в азиатской части эта величина составляет около 10% (Башкин, 2005). При этом доля трансграничных выпадений окисленной серы для Калининградской области составляет более 90%, а в других областях вдоль западной границы России — Псковской, Новгородской, Смоленской и др. — от 80 до 90%. Влияние зарубежных европейских источников эмиссии этих поллютантов прослеживается до Байкала. Главными «экспортерами» в Россию атмосферных загрязнений выступают Украина, Польша, Германия.

Поскольку в средних широтах северного полушария преобладает западный перенос воздушных масс, загрязняющие вещества, выброшенные в атмосферу в европейских странах, включая страны «ближнего зарубежья», при сжигании получаемых из России энергоносителей частично поступают с воздушными потоками на нашу территорию. Таким образом, главные экологические проблемы — где взять природные ресурсы и куда девать производственные отходы? — решаются в данном случае за счет России. Наша «экологическая помощь», к сожалению, пока никак не учитывается во внешнеэкономических расчетах и потому является безвозмездной.

Юго-восток российской территории окаймлен горами и горными хребтами, имеющими субширотное распространение, которые являются преградами для свободного распространения воздушных поллютантов из-за рубежа. Климатической преградой является также локализующаяся здесь область устойчивого преобладания зимой антициклонических условий.

Рассмотренные выше оценки распространения в атмосфере поллютантов производились с помощью математических моделей, их точность невелика. Поэтому необходимы и другие подходы к оценке атмосферных потоков загрязняющих веществ. Один из них — это оценка взаимовлияния регионов в пределах «ближнего следа» выбросов — до 50 км от их источника (Клюев, 1996) (табл. 16). Относительно невысокая промышленная освоенность пограничья обусловила слабые атмосферно-экологические взаимосвязи в пределах «ближнего следа» выбросов. Исключение составляло воздействие Челябинской области на

Таблица 16.

Трансграничное загрязнение воздуха Европейской территории России (ЕТР)

	Выпадения на ЕТР:			Основные «экспортеры»	Основные «импортеры»
	Всего	От российских источников	От зарубежных источников		
Окисленная сера, тыс. т	1270	533 (42%)	736 (58%)	Украина (234), Польша (72), Турция (41), Румыния (38)	Украина (28), Казахстан (22), Финляндия (7), Белоруссия (6)
Окисленный азот, тыс. т	945	512 (54%)	433 (46%)	Украина (84), Польша (44), Германия (38)	Украина (40), Казахстан (35), Белоруссия (10), Финляндия (8)
Восстановленный азот, тыс. т	702	346,0 (49%)	356,0 (51%)	Казахстан (116), Украина (42), Белоруссия (32), Польша (23)	Казахстан (12), Украина (15), Белоруссия (3)
Свинец, т	1981	1619 (81%)	382 (19%)	Казахстан (105), Украина (61), Польша (45), Турция (25)	Казахстан (190), Украина (76), Финляндия (23), Белоруссия (23)
Кадмий, т	82	67 (82%)	15 (18%)	Польша (3,5), Казахстан (2,4), Украина (2,2), Турция (1.1)	Казахстан (5,2), Украина (2,6), Финляндия (1,2), Белоруссия (0.8)
Ртуть, т	13,2	8,3 (63%)	4,9 (37%)	Казахстан (1,6), Украина (0,6), Польша (0,5), Турция (0.4)	Казахстан (0,5), Украина (0,2), Финляндия (0,1), Белоруссия (0.1)
Бенз(а)пирен, т	25,9	18,5 (71%)	7,4 (29%)	Украина (8,7), Польша (2,3), Белоруссия (1,2)	Казахстан (0,26), Украина (0,15), Финляндия (0,1), Белоруссия (0.1)

Источник: (Государственный доклад..., 2010).

Казахстан вследствие приграничного размещения ТЭС в Троицке — пятой по мощности в России, а также влияние Эстонии на Ленинградскую область из-за концентрации у российских границ промышленных предприятий в Нарве и Кохтла-Ярве.

Районами концентрации внешних экологических угроз в российском приграничье выступают район Чернобыльской АЭС, украинская часть бассейна Северского Донца, казахстанское Прииртышье, китайское Приамурье.

Район Чернобыльской АЭС — это зона радиоактивного загрязнения и потенциально опасный «саркофаг».

Украинская часть бассейна Северского Донца — Харьковская агломерация и украинский Донбасс — высокоурбанизированный регион с плотностью населения свыше 100 чел./км^2, специализирующийся на угледобыче, металлургии, электроэнергетике, химической и нефтехимической промышленности. Украинский вклад в загрязнение трансграничного Северского Донца составляет не менее 70%. Непосредственно у российских границ, со стороны господствующих ветров концентрируется мощнейший на постсоветском пространстве очаг промышленных выбросов Донецко-Приднепровского района Украины. В пределах этого района почти 40% выбросов обеспечивала приграничная Донецкая область.

Экологическая обстановка в Донбассе вызывает особую тревогу в связи с нынешним острейшим политическим кризисом на Украине. Экологически опасные, технически сложные объекты, территориальная концентрация огромных масс веществ, способных гореть и взрываться[1] — это привилегия стран с высокоорганизованным политическим устройством и процветающей экономикой. Такие объекты несовместимы с экономическим хаосом, «варваризацией» управления и общественных нравов.

Казахстанское Прииртышье — Павлодар-Экибастузский и Усть-Каменогорский промышленные районы со специализацией на угледобыче, электроэнергетике, цветной металлургии. В регионе локализуются Ульбинский металлургический комбинат, производящий топливо для АЭС, четыре крупных водохранилища на Иртыше.

---

[1] Так, в феврале 2015 г. снаряд Вооруженных сил Украины попал в Донецкий казенный завод химических изделий, специализирующийся на выпуске шахтной взрывчатки и утилизации боеприпасов.

Китайское Приамурье — провинция Хэйлунцзян и большая часть провинции Гирин, в которой плотность населения доходит до 300 чел./км^2. Регион специализируется на «грязных» отраслях тяжелой индустрии, опирающихся на местную сырьевую и топливную базу (добыча угля, цветных металлов, нефти, нефтепереработка, нефтехимия, электроэнергетика, химическая промышленность). Здесь находится несколько городов-миллионеров, сельское хозяйство отличается высокой интенсивностью. Так, в провинции Гирин на 1 га посевов сельскохозяйственных культур вносится более 700 кг минеральных удобрений (Бакланов, Ганзей, 2008). Это в 7 раз больше, чем в среднем по миру, и в 18 раз больше, чем в России. Объем водопотребления в китайской части бассейна Амура — 39 км^3, а в российской части — 1,1 км^3 (Геосистемы..., 2010, с.478). Данные о загрязненных сточных водах в КНР закрыты, но по приблизительной оценке (О российско-китайском..., 2005) доля Китая в общем сбросе сточных вод составляет в бассейне Аргуни 87%, Амура (от устья Аргуни до устья Сунгари) — 75%, Амура (от устья Сунгари до устья Уссури) — 98%, Уссури — 97%.

По китайским данным, р. Сунгари является более загрязненной, чем р. Янцзы (Ганзей, 2004, с. 171). Уже с 1970-х гг. китайские источники загрязнения вносят решающий вклад в деградацию экосистемы Амура. Крупная авария на химическом комбинате в г. Гирин в 2005 г., когда по р. Сунгари на российскую территорию пришел выброс бензола, нитробензола и анилина, создавшие угрозу водоснабжению Хабаровского края, лишь высветила давно существующую проблему трансграничных загрязнений Амура. С водами Сунгари в Амур попадают также возбудители холеры, дизентерии, гепатита А и др., а также пестициды (ДДТ, ГЦХГ), применение которых уже давно запрещено во всем мире (Воронов, 2006).

Виновники крупномасштабной экологической катастрофы в Гирине оказали, однако, существенную помощь в ликвидации ее последствий. Попуски воды из китайских водохранилищ в четыре раза увеличили сток. Без них нитробензольное пятно шло бы медленнее, а концентрации были бы выше. Китайской стороной также сооружалась дамба и поставлялись адсорбенты.

В российско-китайском приграничье ярко проявляются такие свойства трансграничного природопользования, как асимметрия и асинхронность (Бакланов, Ганзей, 2008). На китайской территории

антропогенная нагрузка на природу намного сильнее и продолжает усиливаться, в то время как на приграничной периферии дальневосточных регионов — признаки демографического опустошения, хозяйственного опустынивания и даже одичания — безлюдная тайга, брошенные деревни, развалившиеся рыбосовхозы и леспромхозы.

Уровень и характер освоенности трансграничного Приамурья отражен в таблице 17. Как видим, китайская территория характеризуется высокой освоенностью, а на российской преобладают неиспользуемые земли, гари и пустоши. В дичающих ландшафтах российского приграничья, где нет мониторинга и контроля, часты пожары, которые иногда переходят на китайскую территорию.

Таблица 17.

Структура использования земель в бассейне Амура, %

	Россия	Монголия	КНР	Всего
Редколесья	73	3	24	100
Гари	97	2	1	100
Мелиорированные земли	9	0	91	100
Немелиорированные сельскохозяйственные земли	23	1	76	100
Населенные пункты	37	<1	63	100
Неиспользуемые земли	93	не опр.	7	100
Пустоши	84	не опр.	16	100
Загрязненные земли	26,7	0,3	73	100
Загрязненность земель	2,9	0,9	9,8	5,9

Источник: (Российско-казахстанский..., 2011; Ганзей, Ермошин, 2007).

В настоящее время экономическая политика Китая все более приобретает экологическую направленность. Введены запреты на коммерческую рубку леса во многих регионах страны. Парадоксально, но экологизация лесопользования в Китае наносит серьезный вред лесным ресурсам России. Возросший китайский спрос на российскую древесину (а также безработица в отдаленных российских поселках) стимулируют незаконные лесозаготовки на Дальнем Востоке, которые, по некоторым оценкам, превышают заготовки легальные. Из-за слабого

контроля и коррупции в лесной отрасли сформировался крупный теневой сектор, наносящий стране значительный эколого-экономический ущерб (Приграничные..., 2010). Масштабные нелегальные рубки часто ведутся в водоохранных зонах, без соблюдения лесоводственных правил. Для маскировки незаконной деятельности практикуется и прямой поджог лесных массивов. Выявляется четкий градиент незаконных лесозаготовок: их доля тем выше, чем лес доступнее для экспорта в Китай. На западе Приморского и юге Хабаровского края нелегальные рубки составляют 50–70% от законных, а на удаленных от Китая территориях — 20–30% (Природопользование..., 2005).

От нелегальной заготовки и последующей контрабанды в Китай страдают не только лесные, но и другие биологические ресурсы. Высокий спрос в восточной медицине на дериваты амурского тигра, кабарги, медведя, а также кедровый орех, моллюски, лекарственные травы (элеутерококк, женьшень) увеличивает их браконьерский промысел в России. Его трудно снизить, пока для этого есть социальная почва — хроническая бедность населения, безработица и, следовательно, его высокая зависимость от использования биологических ресурсов в периферийных районах приграничья.

Экологичное решение китайских властей о выносе наиболее неблагоприятной для окружающей среды угольной генерации из 1000-км зоны вокруг Пекина и стимулирование строительства электростанций на севере страны приближают экологические угрозы к российским рубежам.

Потенциальный район внешних экологических угроз России находится в монгольской части бассейна р. Селенги. Селенга — главный приток Байкала, который является объектом Всемирного природного наследия. В российской, нижней части бассейна установлен особый, природоохранный режим хозяйственной деятельности. На монгольской же части бассейна ограничений природопользования нет, и там сосредоточено 2/3 населения, 4/5 промышленности и 90% орошаемых земель Монголии, т.е. львиная доля хозяйства страны (см. главу 4.2).

Специфические экологические проблемы характерны для самой протяженной в мире сухопутной границы между Россией и Казахстаном, проходящей в степной и лесостепной зонах. Вследствие значительного сокращения по обе стороны границы хозяйственной активности на обширных площадях неиспользуемые бывшие агроценозы по-

крываются зарослями сорной растительности и выступают рассадниками вредителей и болезней сельскохозяйственных культур. От нашествия саранчи страдают Саратовская область, Алтайский край и другие регионы вдоль границы с Казахстаном. Действенной мерой по борьбе с саранчой является перепахивание мест кладки ее личинок, чего не делалось на этих обширных пустошах много лет. Следствием этого стало катастрофическое нашествие саранчи на южные регионы России летом 2017 г.

Из-за многократного сокращения поголовья скота резко снизилась нагрузка на пастбищные ландшафты. В связи с этим почти повсеместно стал накапливаться степной войлок. Но его образование в сочетании с распространением высокотравных бурьянистых залежей резко повысило пожарную опасность. Ежегодно степные палы охватывают до трети территории в Оренбургской области, в заволжских районах Саратовской и Волгоградской областей (Чибилев, 2004). Природно-антропогенные пожары легко переходят государственную границу.

Международное экологическое сотрудничество в приграничье

Ситуация с сотрудничеством России и ее соседей в природоохранной сфере противоречива. С одной стороны, к настоящему времени подготовлены и заключены десятки договоров, соглашений, протоколов, ежегодно проводится множество научных и научно-практических конференций, совещаний, заседаний рабочих групп, готовятся совместные программы и т.д. С другой стороны, давно сформировавшиеся проблемы природопользования в приграничных областях не разрешаются, а иногда и усугубляются.

Экологическое сотрудничество России и соседствующих стран концентрируется на следующих основных направлениях: рациональное использование и охрана трансграничных водных объектов; сохранение редких видов, создание международных особо охраняемых природных территорий (ООПТ); профилактика и тушение лесных и степных пожаров на приграничных территориях; охрана перелетных птиц и их местообитаний и др. (см. главу 5.2).

Наиболее остры ситуации в *российско-китайском* Приамурье и китайско-казахстанско-российском Прииртышье. КНР не ратифицировала Хельсинкские соглашения по трансграничным бассейнам, то

есть не является субъектом международного права в этой юридической сфере и ведет собственную политику. Нужно подчеркнуть, что юридические решения проблем водопользования в бассейнах трансграничных рек, как и в целом экологического сотрудничества, во всем мире находятся все еще на начальной стадии. Международные документы в этой сфере носят рекомендательный характер, более половины соглашений не предусматривают мониторинга, 2/3 — не определяют вододеление, 4/5 — не содержат механизмов реализации (Демин, Шаталова, 2015).

Решению трансграничных экологических проблем способствует создание международных ООПТ («Даурия», «Убсунурская котловина», в бассейне оз. Ханка и др.), снижающее уровень хозяйственной активности в приграничье. Специалистами предложен ряд проектов организации новых трансграничных ООПТ. Так, А.А. Чибилев предлагает создать сеть межгосударственных биосферных заповедников в российско-казахстанской приграничной полосе (Таловская и Айтуарская степи, пойма Урала, озерные экосистемы Тургайской равнины) (Российско-казахстанский..., 2011, с. 208). Созданию такой сети способствует резкое сокращение сельскохозяйственной деятельности в постсоветские годы в приграничных районах. Кроме того, как показали исследования Института степи РАН, в приграничье наблюдается эффект естественного повышения ландшафтного разнообразия.

Начаты работы по расширению объекта Всемирного природного наследия «Золотые горы Алтая», предусматривающие включение в него новых компонентов в Китае, Монголии, Казахстане и России. Сохранение свободного меандрирования трансграничной р. Аргунь позволит обеспечить формирование в ее пойме российско-китайской ООПТ (Современные..., 2013, с. 160). Проведены подготовительные работы по созданию международного (РФ–КНР–КНДР) биосферного заповедника в нижнем течении р. Туманная (Ганзей, 2004, с. 55). Однако сотрудничество по территориальной охране биоразнообразия развивается медленно (Тишков, Клюев, 2010).

Эффективным природоохранным инструментом служат также совместные программы изучения и сохранения редких видов — например, сайгака в Нижнем Поволжье, дзерана и даурского журавля в Забайкалье, амурского тигра и дальневосточного леопарда в Приморье и сопредельных странах. Присутствие в регионе значимых видов послу-

жит фактором экологического туризма, что может несколько снизить нагрузку на природу со стороны «агрессивных» отраслей хозяйства.

* * *

Несмотря на относительную природно-географическую изолированность от других стран, Россия тесно связана экологическими отношениями со своими соседями. Площадь водосборных бассейнов, где формируется «импортируемый» Россией речной сток, и площадь российской территории соотносятся как 1:8. Вследствие «открытости» российских границ к западу и западного переноса воздушных масс зона «атмосферно-экологических» интересов России простирается вплоть до Пиренейского полуострова.

Высокая политико-экологическая напряженность в международных речных бассейнах определяется большой «разностью потенциалов» в нагрузке на природную среду между соседними странами и регионами, асинхронностью трансграничного природопользования, а также институциональными проблемами. Так, наметившаяся в последние два десятилетия экологизация китайского хозяйства при экологической деградации российской экономики и практическом отсутствии региональной политики негативно отразились на состоянии российских лесных экосистем, в особенности вблизи границы КНР. Серьезный экологический стресс связан с масштабным лесным браконьерством, хищнической вырубкой высокопродуктивных древостоев на экспорт в Китай.

На протяженном степном участке российско-казахстанской границы экологическая обстановка трансформировалась в постсоветское время. Если ранее она определялась интенсивным землепользованием (чрезмерной распашкой, внесением удобрений, пестицидов, нагрузкой тяжелой техники), то теперь — ренатурализацией, одичанием ландшафтов. Хозяйственное запустение территории носит стихийный характер и активизирует неблагоприятные процессы — распространение сорно-бурьянистой растительности, вредителей и болезней сельскохозяйственных культур, природно-антропогенных пожаров, имеющих трансграничный характер.

До недавних пор развивалось росийско-украинское сотрудничество в бассейне Северского Донца, хотя оно лишь несколько смягчало, а не решало проблему загрязнения Азовского моря — самой проблемной

в экологическом плане морской акватории России. С резким ухудшением российско-украинских отношений экологическое сотрудничество поставлено под угрозу.

В целом международная координация при планировании природопользования в российском приграничье отсутствует или находится в зачаточном состоянии, в экологических договорах и соглашениях принцип международной экологической ответственности практически не действует.

Анализ внешних угроз экологической безопасности страны закладывает основы новой перспективной ветви географической науки — эколого-политической географии, нацеленной на познание новых — экологических факторов, определяющих международную политику. Выявление потенциальных международных экологических конфликтов позволяет заблаговременно их разрешать или хотя бы сглаживать их остроту. Такие исследования поставляют материал для справедливого распределения между странами обязательств в области использования и охраны окружающей среды, для выработки согласованной с соседями экологической политики.

Как указывалось выше, особенно острыми могут быть конфликты природопользования в трансграничных речных бассейнах, хотя они давно находятся в центре внимания географов, юристов-международников и специалистов в других дисциплинах. В следующей главе рассматриваются типичные эколого-политические проблемы, возникающие в международных речных бассейнах, механизмы и исторический опыт их решения, анализируется состояние сотрудничества России с сопредельными странами в этой области на разных участках приграничья.

Глава 5.2.

Трансграничные речные бассейны: единство природной системы и политическая фрагментация

Реки считаются международными, если они протекают по территории двух или нескольких государств или разделяют их. В мире не менее 263 речных водосборов являются международными: 71 река находится в Европе, 53 — в Азии, 39 — в Северной и Центральной Америке, 38 — в Южной Америке и 60 — в Африке. Из них 155 разделены между двумя странами, а остальные — между тремя и более. На водосборах международных рек проживают более 40% населения мира и располагается порядка 50 стран.

Реки, пересекающие или разделяющие территории двух или нескольких государств, могут быть пограничными и трансграничными. Если река является границей между двумя или несколькими государствами, ее именуют пограничной. Однако нередко встречается ситуация, когда на одном участке река служит границей, а на других — пересекает территорию одного или более государств. Тогда понятие пограничной реки применимо лишь к ее части. В соответствии с международными правилами, речная граница между странами проходит по середине фарватера судоходных рек или по срединной линии несудоходных водотоков. Суверенитет прибрежного государства распространяется на ту часть приграничной реки, которая находится между берегом, принадлежащим данному государству, и линией государственной границы, проходящей по реке.

Под трансграничными реками понимаются водотоки, которые пересекают государственную границу двух или более сопредельных государств. Такое понятие было принято в Конвенции Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер в 1992 г. Если верховья реки находятся в пределах одной страны, а низовья — другой, то говорят о *моногранично*м статусе реки, если же река пересекает территорию более двух стран — о *полиграничном*. Река также может пересекать одну и ту же границу между соседними странами в разных местах. Тогда ее ста-

тус отличается и от монограничного и от полиграничного, становясь *дограничным*. В любом случае на участках пересечения рекой национальных границ существует створ, ниже которого изменяется государственная принадлежность участка реки и правила водопользования.

Предметом межгосударственных дискуссий, особенно острых в вододефицитных регионах, как правило, оказывается практика использования водных ресурсов верховыми странами и возникающие при этом социальные, экономические и экологические последствия для низовых стран. Это связано с изменением водного режима рек вследствие регулирования стока воды, его перераспределения, изъятия и использования, выгодного только для верховых стран (Христофоров, 2004, 2010). Сооружение плотин и водохранилищ в верхнем течении рек также может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние для нижних бьефов и нижних течений рек, которые часто располагаются на территории других стран. Регулирование стока в верховьях часто предохраняет нижерасположенные участки долины от разрушительных наводнений, но в то же время меняет водный, русловой, гидрохимический, термический и ледовый режимы реки, обостряет противоречия между государствами в сфере рыболовства, использования водного транспорта, водной рекреации и пр. (Корытный, 2010).

Хорошо известный пример — противоречия между Россией и Китаем в бассейне Амура и его притока Аргуни. С августа 2009 г. на территории КНР осуществляется проект переброски части стока р. Аргуни (Хайлар) в оз. Далайнор. С китайской стороны планируется строительство нескольких водохранилищ для целей гидроэнергетики, ирригации, хозяйственно-питьевого и промышленного водоснабжения. Очевидно, что эти мероприятия приведут к снижению объемов стока Аргуни на территории РФ и трансформации водного режима приграничных регионов. Российские возражения против строительства канала натолкнулись на жесткую позицию: Хайлар — внутренняя река КНР, а канал — сугубо внутренне дело Китая[2] (Болгов, Фролова, 2012; Bolgov, Frolova, 2012; Клюев, 2017).

---

[2] Аналогичную позицию занимает Китай и в вопросе о трансграничном загрязнении воздуха. Официальная позиция КНР заключается в утверждении, что все китайские выбросы соединений серы и азота (источники кислых осадков) выпадают только на китайской территории, трансграничного переноса этих загрязнений нет.

Больной вопрос — ухудшение качества воды. Лишь в редких случаях верховые страны учитывают интересы низовых стран и готовы предпринимать совместные усилия по преодолению признаков деградации водных экосистем (Middelkoop et al., 1999). Чаще снижение качества речных вод становится непреодолимым препятствием в поиске оптимального использования водных и иных ресурсов трансграничных рек (Винокуров и др., 2010; Гармаев, Христофоров, 2010; Сивохип, Чибилев, 2010 а,б; Тулохонов, 1996).

Хотя экологическая опасность, возникающая при трансграничном переносе водой загрязняющих веществ, привязана к линейным объектам, результаты загрязнения рек сказываются на обширной территории, поскольку водные объекты используются в качестве источника питьевого и хозяйственного водоснабжения, рыбной продукции, орошения, а также как зоны рекреации. Антропогенное вмешательство в природные экосистемы при создании систем орошения или осушения, переброске воды, строительстве плотин и водохранилищ, обваловании влекут за собой физические изменения, которые оказывают существенное влияние на реку в целом. Преодоление этих проблем зависит от совершенствования международного законодательства, регулирующего отношения верховых и низовых стран в бассейнах трансграничных рек, их права и обязанности в отношении пограничных водотоков.[3]

Основные положения международного водного права в синтезированном виде сводятся к следующим пунктам:

- суверенитет страны распространяется на принадлежащий ей участок трансграничной реки;
- устанавливается равенство прав прибрежных государств на справедливое и разумное использование трансграничных водных ресурсов с учетом исторического опыта водопользования, в том числе равные права на судоходство;

---

[3] В Водном кодексе РФ от 1995 г. (статья 19) после определения пограничных и трансграничных водных объектов указывается, что порядок их использования и охраны устанавливается не только правовыми документами РФ, но и международными договорами Российской Федерации (Водный кодекс..., 1995). К сожалению, в новой редакции Водного кодекса РФ, утвержденной в 2006 г., и в принятых к нему поправках такой статьи нет (Водный кодекс..., 2006).

- справедливое использование международных рек предполагает соблюдение общих интересов прибрежных стран и специфических интересов каждой из них;
- сотрудничество стран в использовании ресурсов международных рек предполагает предотвращение загрязнения таких водотоков;
- страны соглашаются на непричинение трансграничного ущерба («не навреди») и возмещение нанесенного вреда («загрязнитель платит»).[4]

Примеров использования этих принципов в практике регулирования отношений между разными странами в области водопользования достаточно много. Тем не менее, они часто рассматриваются лишь как аргументы обоснования «своих» прав на изменение (или сохранение) водопользования в желаемых формах и масштабах. Для некоторых стран, находящихся в бассейнах трансграничных рек, суверенитет над национальными участками бассейнов является достаточным основанием для существенного изменения водоносности рек, их водного режима, качества воды и пр.

В докладе ООН за 2006 г. о водной проблеме на Земле отмечалось, что за прошедшие 50 лет зафиксировано 37 случаев межгосударственных конфликтов, связанных с водопользованием. Из них 30 произошли на Ближнем Востоке: между Турцией и Сирией из-за рек Тигр и Евфрат; между Египтом, Суданом и Эфиопией из-за Нила; между Израилем, Палестинской автономией и Иорданией из-за Иордана. За тот же период между странами было заключено более 200 договоров по использованию водных ресурсов: 37% из них касаются использования воды, 39% — гидроэнергетики, 9% — контроля над наводнениями, 6% — промышленного использования воды, по 4% — вопросов судоходства и загрязнения, 1% — рыболовства (Джамалов, 2011). Однако большинство двусторонних и многосторонних соглашений недостаточно конкретны. В значительной мере это объясняется отсутствием общепризнанных международных правил водопользования и механизмов неотвратимой ответственности за их нарушение. Принятые на сегодняшний день конвенции носят рекомендательный характер.

---

[4] Конвенция ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. — Хельсинки, 1992. — С. 3. http://cawater-info.net/library/rus/lakes.pdf

По общему правилу, действующему ныне, каждое из прибрежных государств полностью осуществляет права суверенитета в отношении той части реки, которая находится на его территории, и правомочно регулировать ее использование так, как считает целесообразным. Обычно национальная правомочность подтверждается и во внутреннем законодательстве страны. Тем не менее, сам факт международного статуса реки подразумевает наступление определенных международно-правовых последствий. Согласно современному международному праву, ни одно государство не может изменять естественные условия своей территории, в том числе ландшафтные, климатические и иные, если это наносит ущерб естественным условиям другого государства. Поэтому прибрежное государство должно использовать воды протекающей по его территории реки таким образом, чтобы не наносить ущерб другим прибрежным государствам и не препятствовать им надлежащим образом использовать ту часть реки, которая находится на их территории.

Исторический опыт разработки норм международного права

Использование водной преграды в качестве границы относится к наиболее древним традициям размежевания территорий между племенами, народами и странами. Справедливость такого размежевания обычно оспаривалась более сильными и воинственными народами. Сохранение за реками пограничных функций обеспечивало стабильность государственных границ, а трансграничные водотоки способствовали устойчивому обмену товарами между различными странами и регионами. Для безопасной и эффективной торговли требовалась свобода движения торговых судов по рекам, имеющим выход в море, или связанным между собой (Валеев, Курдюков, 2010). Это обстоятельство предопределило появление в Европе международных документов, определяющих статус международных рек, их экономическое использование в интересах всех стран, находящихся в их бассейнах и даже расположенных за их пределами, но участвующих в торговых операциях. Река с таким статусом выводилась из состава объектов исключительно национальных притязаний. Она становилась равнодоступной для транспортного использования, за исключением прохода военных кораблей. На протяжении длительного времени управление трансграничными водными ресурсами подразумевало преимущественно меж-

дународное регулирование режима судоходства. За основу принимался принцип свободы судоходства как для прибрежных, так и всех других государств (Гончаренко, 2002).

Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в конце XVIII в., когда французский Конвент в ноябре 1792 г. принял декрет в отношении рек Шельда и Маас, протекающим по территории Франции, Бельгии и Нидерландов. Декрет провозглашал, что ни одна нация не может присвоить себе исключительное право пользоваться рекой и препятствовать в этом соседним народам, живущим вверх или вниз по течению (Французская..., 1941). После окончания наполеоновских войн Парижский мирный договор установил свободу судоходства по Рейну, а Заключительный акт Венского конгресса (1815 г.) провозгласил принцип свободы судоходства по всем международным рекам Европы. Державы, через владения которых протекала судоходная река или которым она служила границей, обязывались сообща установить подробные правила судоходства (Ключников, 1925).

Обеспечивая судоходство, эти договоры вскрыли и серьезные межгосударственные противоречия, поскольку преимущественные права отошли к экономически мощным, но неприбрежным государствам. Особенно наглядно это проявилось в распространении европейских правил на неевропейские колониальные территории. Так, на Берлинской конференции 1884–1885 гг. по колониальным вопросам, в которой участвовали 14 государств, в том числе Германия, Франция, Великобритания, Россия, Бельгия, Португалия и США, было принято решение о свободе торговли и передвижения в бассейне р. Конго и в окрестных областях вплоть до Индийского океана. Была учреждена международная комиссия по судоходству и формально урегулированы вопросы судоходства, в том числе и по р. Нигер и ее притокам. Однако сама комиссия так и не была образована, а свободой торгового судоходства пользовались только сами учредившие ее колониальные державы (Мартене, 1899).

Самый яркий пример в Европе — это судоходство по Дунаю, свобода которого была установлена Парижским договором от 30 марта 1856 г. Регулирование судоходства поручалось специально создаваемому международному органу — Европейской Дунайской комиссии, в состав которой вошли представители Великобритании, Австрии, Франции, Пруссии, России, Сардинии и Турции. В дальнейшем влия-

ние неприбрежных стран усилилось. В соответствии с договорами 1919 и 1920 гг. между Германией, Австрией, Болгарией и Венгрией и Конвенцией о режиме Дуная от 1921 г., управление рекой в ее нижнем течении между Черным морем и г. Браилов стала осуществлять Европейская Дунайская комиссия в составе представителей Франции, Великобритании, Италии, Румынии, а управление Дунаем между городами Браилов и Ульм было поручено Международной Дунайской комиссии в составе представителей Вюртемберга, Баварии, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Болгарии, Румынии, Великобритании, Франции и Италии. По мирным договорам, заключенным после Первой мировой войны, державы-победительницы (Великобритания и Франция) добились распространения режима свободы судоходства на Эльбу, Одер, Неман, Вислу, Буг и Нарев. Для Эльбы, Одера и Немана были учреждены международные комиссии с участием неприбрежных государств.

После Второй мировой войны в международные договоры СССР с Болгарией, Румынией и Венгрией было включено положение о том, что навигация на Дунае должна быть открытой и свободной для граждан, торговых судов и товаров всех государств на основе равенства в отношении торговых и навигационных сборов и условий торгового судоходства. В июле-августе 1948 г. в Белграде была созвана конференция для выработки конвенции о режиме судоходства на Дунае в составе прибрежных государств — СССР, ЧССР, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии, а также США, Великобритании и Франции. Конференция выработала новую Конвенцию о режиме судоходства на Дунае, которую подписали страны Восточной Европы. В 1960 г. к этой конвенции присоединилась Австрия. Документ определил общие правила судоходства по Дунаю и заложил основу для ряда двусторонних соглашений между государствами бассейна.

Пример Дуная наглядно показывает, что равноправный правовой режим использования международных судоходных рек далеко не всегда был таковым и зависел от геополитического «веса» державы, ее колониальной политики, создаваемых международных альянсов и столкновения интересов.

В целом почти за 200 лет, начиная с 1820 г., в мире было подписано около 700 различных соглашений, так или иначе касающихся водных ресурсов. В их число входит 250 независимых договоров между

странами, которые применяются в 113 речных бассейнах (Болгов и др., 2016). Особенно быстрый рост числа международных договоров отмечался во второй половине XX в. и начале XXI в. С 1970-х гг. по международным водным объектам ежегодно заключается от трех до пяти договоров.

Многообразие и острота конфликтов, обусловленных водным фактором, определили необходимость закрепления в официальных международных документах бассейнового подхода в качестве одного из основных инструментов управления водными объектами. Важным шагом на этом пути стало принятие Хельсинкских правил на 52-й Конференции Ассоциации международного права[5]. Они, во-первых, закрепили право каждого государства, расположенного в бассейне международной реки, на «разумную и справедливую» долю полезного использования бассейнового стока, во-вторых, установили равенство всех видов водопользования, и в-третьих, определили процедуру разрешения возникающих споров, а также ряд других важных вопросов.

Важна и Рамсарская Конвенция о водно-болотных угодьях, вступившая в силу в 1975 г. В Конвенции используется очень широкое определение водно-болотных угодий, которые включают болота, топи, озера, реки, влажные луга, оазисы, эстуарии, дельты, приливные зоны, прибрежные акватории морей, мангровые заросли, коралловые рифы, а также рыбоводные пруды, рисовые поля, водохранилища и солевые ямы[6]. Основная цель Конвенции — сохранение и разумное использование всех водно-болотных угодий посредством принятия мер на местном, региональном и национальном уровнях, а также путем организации международного сотрудничества в этой области.

Из большого числа международных документов можно также выделить Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (1972 г.), Конвенцию о трансграничном воздействии промышленных аварий ООН (1992 г.), Протокол по проблемам воды и здоровья к Конвенции по охране и использованию трансгра-

---

[5] Хельсинкские правила использования вод международных рек от 20 августа 1966 г. http://docs.cntd.ru/document/1900698

[6] Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц. Рамсар, Иран, 2 февраля 1971 г. с поправками 28 мая 1987 г. http://www.rbcu.ru/information/12028//

ничных водотоков и международных озер 1992 г. (Лондон, 1999), Правила по водным ресурсам (Берлин, 2004).

Большинство принятых международных документов является рамочными, а реальный порядок использования и охраны трансграничных водных объектов определяется межправительственными соглашениями, которые основываются на международном праве. РФ ратифицировала большинство международных документов, важнейшим из которых является Конвенция ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер.[7] Она уделяет большое внимание институциональному сотрудничеству государств и обязывает стороны принимать соответствующие меры по предотвращению, ограничению и сокращению любого негативного трансграничного воздействия и обеспечению экологически обоснованного и рационального управления водными ресурсами. Конвенция содержит положения, касающиеся всех сторон, и отдельно положения, касающиеся только прибрежных стран, обязывая их заключать двусторонние (многосторонние) соглашения или другие договоренности, вносить изменения в существующие соглашения или договоренности для устранения противоречий и расхождений с основными принципами Конвенции. Такие соглашения должны предусматривать учреждение совместных органов.

В 1997 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков.[8] Она подтверждает «принцип разумного и справедливого использования», закрепляя ряд факторов, помогающих его конкретизировать, обязывает государства предотвращать нанесение значительного ущерба другим государствам водотока, а в случае, когда такой ущерб все же наносится, принимать все меры для его ликвидации или уменьшения. Налагаемые на государства правовые обязательства привели к тому, что конвенция до сих пор не вступила в силу. Несмотря на это, Конвенция подтвердила нормы обычного права, обязательные для всех государств, независимо от их участия в ней, и оказала влияние на разви-

---

[7] Конвенция ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. Хельсинки, 1992. — С. 3. http://cawater-info.net/library/rus/lakes.pdf

[8] Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, 1997. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml

тие международного водного законодательства и на содержание будущих соглашений.

В 2002 г. вступило в силу Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов государств СНГ. Его стороны — Россия, Белоруссия и Таджикистан. В Соглашении говорится, что реализация его положений осуществляется путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений, договоров в иных формах, но не упоминается о создании совместных органов управления.

В соответствии с основными положениями этих документов, справедливому вододелению отвечает, во-первых, равноправие стран в использовании международных рек для судоходства; во-вторых, осуществление возможных и необходимых мер по рациональному использованию ресурсов рек каждой страной; в-третьих, международное сотрудничество в области использования и охраны ресурсов международных рек; и наконец, предотвращение загрязнения и истощения таких рек в пределах национальных территорий. Среди основных международных норм в области водных отношений выделяются обязательство обмена информацией, оповещения о планируемых мероприятиях, способных оказать значительный ущерб, справедливого и разумного использования водных ресурсов, мирного разрешения международных споров. При этом декларируется сохранение суверенитета стран над участками трансграничных рек в их государственных границах.

Существенным препятствием в поиске оптимального использования водных и иных ресурсов трансграничных рек является размытость тезиса о справедливом вододелении (Винокуров и др., 2010; Гармаев, Христофоров, 2010; Крюков и др., 2005; Сивохип, Чибилев, 2010 а,б; Тулохонов, 1996). Эта неопределенность позволяет толковать в свою пользу права верховых или низовых стран по определению форм и масштабов водопользования. Для некоторых стран, находящихся в бассейнах трансграничных рек, суверенитет над национальными участками бассейнов является основанием для радикального изменения водоносности рек, их водного режима, качества воды и т.п. (Болгов и др., 2012). Требуется существенное обновление содержания термина «справедливое вододеление».

В экспертном сообществе достигнут консенсус в отношении того, что понятие «справедливое вододеление» можно избавить от моральных и политических оценок только при признании приоритета экономических и экологических подходов к использованию и охране трансграничных водных ресурсов. «Справедливое вододеление» возможно лишь в том случае, когда оно одинаково выгодно для верховых и низовых стран, а в качестве критерия справедливости рассматривается суммарный экономический эффект от использования водных ресурсов, который определяется как интегральная величина показателей, рассчитанных для каждого периода года в зависимости от количества и качества использованной воды.

Экономические механизмы решения трансграничных водных проблем: трудности реализации

Практика отношений между странами, находящимися в разных частях трансграничных речных бассейнов, остается сложной и неформализованной. Отсутствие общего понимания водохозяйственной и гидроэкологической ситуации преодолевается в процессе длительных переговоров. Если же компромисса не удается достигнуть, конфликт замораживается на долгие годы (Журавкова, 2012). Наиболее острые дискуссии возникают в результате несовпадения экономических интересов верховых и низовых стран, технологий и методов оценки результатов мониторинга количества и качества вод, состава и точности гидрологической и водохозяйственной информации, интерпретации влияния водохозяйственной деятельности на гидрологическую и экологическую безопасность низовых стран. Достигнуть справедливого вододеления не удается даже при достаточно эффективной системе совместного мониторинга гидрологических процессов и водохозяйственной деятельности в пределах трансграничного бассейна. Мониторинг лишь облегчает решение сложных вопросов межгосударственных отношений по водохозяйственным проблемам. Это связано с рядом трудностей как объективного, так и субъективного характера (Алексеевский и др., 2015).

Во-первых, данные о количественных и качественных показателях состояния водных ресурсов могут быть получены только в конце расчетного периода, а принимать решения об их использовании необходимо в его начале или даже до его наступления. Следовательно, не-

обходима система гидрологического и водохозяйственного прогнозирования, основанная на процедурах стохастической оптимизации совместного водопользования. Для ситуаций, когда прогнозы в силу ряда причин не оправдываются, должна быть предусмотрена возможность корректировки принятых решений. Все эти организационные механизмы далеки от эффективного функционирования.

Во-вторых, соединение принципов экономической доходности и экологической безопасности практически невозможно без развитого земельного рынка, предполагающего наличие земельного кадастра, который при определении стоимости участков учитывал бы их экологическое состояние и факторы соседства. Помимо этого, должна быть сформирована рыночная цена на воду, учитывающая ее качество, надежность получения в различные сезоны и затраты на обеспечение этих условий. Частные и общие критерии качества управления водными ресурсами должны включать как традиционные экономические показатели удовлетворения потребностей отдельных хозяйственных отраслей и населения в воде, так и экологические последствия национального и трансграничного водопользования. Только в этом случае возможные нарушения требований гидроэкологической безопасности и критерии качества управления водными ресурсами получают объективное стоимостное выражение, что позволяет применять водный кодекс для предъявления претензий нарушителям. Современное состояние рыночных отношений и обеспечивающего их законодательства далеко не везде достигло требуемого уровня.

Предлагаемый сегодня механизм регулирования совместного использования водных ресурсов трансграничных рек, учитывающий имеющиеся ограничения, основывается на признании следующих ключевых положений (Христофоров, 2010).

1. Оптимизация совместного использования водных ресурсов отдельными государствами имеет смысл в том случае, если каждое государство готово взять на себя ответственность за соблюдение общих правил. Прежде всего, это касается участников водно-энергетического рынка.
2. Деление, регулирование и использование речного стока должно осуществляться каждым участником рынка с учетом требований гидроэкологической безопасности. Оно не должно изменять минимальные и максимальные значения расходов и объемов речного

стока, предельно допустимых значений концентрации загрязняющих веществ, других характеристик качества речных вод, стабильность которых гарантирует удовлетворение необходимых потребностей в воде, безопасность населения и экологических систем. Эти пределы должны быть определены для всех сезонов года, для разных участков реки и официально признаны всеми участниками рынка.

3. С учетом установленных ограничений для каждой стороны вводятся договорные квоты на использование водных ресурсов по аналогии с Киотским протоколом (1997) (Киотский протокол, 1997), который стал первым глобальным соглашением об охране окружающей среды, основанным на рыночных механизмах, предполагающих торговлю квотами на выбросы парниковых газов. Квоты устанавливают допустимые пределы забора воды и сброса сточных вод, регулирования речного стока и других мероприятий, оказывающих влияние на количество и качество вод на расположенных ниже участках трансграничной реки.
4. В рамках принятых квот каждая страна может осуществлять любую стратегию использования водных ресурсов, руководствуясь собственными принципами экономической эффективности и экологической безопасности. При этом страны могут выстраивать договорные отношения со своими соседями по речному бассейну, снижать объемы безвозвратного водозабора и сброса сточных вод, предоставляя соседям по бассейну возможность выходить за пределы положенных им квот на водопотребление и загрязнение. Подобные услуги каждая сторона может продавать на рынке, не только покрывая свои издержки, но и извлекая прибыль.
5. Объектом оптимизации совместного водопользования является суммарный экономический эффект, который каждая сторона получает от использования своей доли водных ресурсов в течение расчетного периода. При этом учитываются непосредственное водопользование и водопотребление, а также фиктивные объемы воды, компенсирующие загрязнение. Принимается во внимание экономический эффект от использования речного стока в своем хозяйстве в рамках выделенной квоты, а также от выхода за пределы этих квот и от продажи их части другим сторонам.

Хотя предложенный механизм опирается на достаточно разработанные в рыночной экономике принципы и методы, он нуждается в постоянной корректировке.

Во-первых, рыночные цены на такие услуги, как охрана, регулирование, транспортировка и предоставление водных ресурсов, непостоянны. Они меняются не только в зависимости от динамики водных ресурсов, экологической и климатической ситуации, но и от состояния финансовых рынков, социально-экономических и демографических тенденций. От уровня установившихся цен зависят развитие систем мелиорации земель, использования и очистки воды в сельском хозяйстве, промышленности и быту.

Во-вторых, обоснованность принимаемых решений зависит от полноты и надежности сведений о гидрологическом режиме трансграничной реки, природных и антропогенных процессах на водосборе, обо всех водопользователях, водопотребителях и источниках загрязнения. Недостаток необходимой информации приводит к тому, что получаемые в результате оптимизации решения фактически оказываются неоптимальными, так как основываются на неполной или недостоверной информации. Это отражается в потерях суммарного экономического эффекта. Функции экономического эффекта от водопользования каждой из сторон позволяют оценить размеры таких потерь и тем самым экономически обосновать необходимые затраты на развитие системы гидрологических наблюдений и экологического мониторинга. По сути, речь идет о создании единой совместной системы мониторинга гидрологических процессов и водохозяйственной деятельности (Алексеевский и др., 2011). В рамках этой системы должна действовать модель реакции речной системы (МРРС) на любые природные и антропогенные нарушения гидрологического режима трансграничной реки, ее участков и притоков. Особую роль МРРС имеет при аварийном сбросе загрязняющих веществ, требующем заблаговременного предупреждения населения и органов власти о возможной неблагоприятной водохозяйственной и экологической ситуации, необходимости оперативного снижения водозабора на участках реки, расположенных ниже по течению. Актуальность создания таких моделей ярко иллюстрирует ситуация, возникшая в результате аварийного сброса загрязняющих веществ в р. Сунгари зимой 2005 г.

В-третьих, решение вопроса об оптимальных принципах деления и совместного использования ресурсов трансграничных рек часто выходит за рамки экономики и находится в политической плоскости. В Хельсинкских правилах указаны факторы, которые должны учитываться при определении разумной и справедливой доли водопользования. В их числе: 1) география бассейна, его протяженность на территории каждой из сопредельных стран; 2) гидрология бассейна с учетом объема стока вод с территории каждого государства; 3) климатическое воздействие бассейна; 4) использование вод; 5) экономические и социальные нужды каждой страны; 6) степень зависимости населения от водных ресурсов в каждой из стран; 7) сравнительная стоимость альтернативных способов удовлетворения экономических и социальных потребностей каждого государства на территории бассейна; наличие других ресурсов; 8) возможность исключения неоправданных потерь при использовании вод; 9) возможность компенсации ущерба одному или нескольким государствам как средство урегулирования споров между пользователями; 10) возможность удовлетворения потребностей одного государства без причинения существенного ущерба другому государству на территории бассейна (Болгов и др., 2016).

Учет этих факторов позволил бы разрешить противоречие между единством природных объектов и различиями в понимании суверенных территориальных прав на природопользование, существующими в соседних государствах. Однако это требует от государств ограничения «своих» полномочий и признания водных ресурсов в равной мере принадлежащими всей территории и всем водопользователям, установления между ними долговременных согласованных договоренностей (Пряжинская, 2012). Для многих государств, расположенных в пределах речного бассейна, соблюдение этого требования является актом доброй воли, а для тех из них, где формируется основной речной сток — добровольным отказом от преимуществ, дарованных природой.

В современных условиях не слишком реалистично рассчитывать на принятие такого принципа повсеместно. Поэтому современная ситуация с водопользованием характеризуется высокой мозаичностью. Так, государства, расположенные в бассейне реки Дунай, фактически уже реализуют многие изложенные подходы на основе двух- и многосторонних межгосударственных соглашений. Этому способствует единство институциональной структуры, обеспечиваемое членством в

Евросоюзе и признанием международных норм, продвигаемых ЕС, справедливыми. В странах Ближнего Востока вряд ли можно надеяться на такое взаимопонимание. Трудно предположить, например, что Турция согласится сегодня поставить свое водопользование под международный контроль и добровольно гарантировать Ираку и Сирии выполнение вытекающих отсюда обязательств. Далеко неоднозначна ситуация и на постсоветском пространстве. Другими словами, работоспособность экономических механизмов решения трансграничных водных проблем зависит от состояния политических отношений и геополитических амбиций государств, что непосредственно отражается на экологии речных бассейнов.

Технические условия решения трансграничных водных проблем

Техническая сторона решения трансграничных водных проблем связана с созданием эффективной системы совместного мониторинга гидрологических процессов и водохозяйственной деятельности. Лишь при ее наличии можно получать, обрабатывать и интерпретировать всю доступную информацию в целях обоснования управленческих решений. Из содержания международных трансграничных конвенций следует, что система мониторинга международных рек должна обеспечивать возможность однозначной оценки масштабов и последствий водохозяйственной деятельности на национальных участках международных водных объектов. На сегодняшний день этому препятствует неравномерная сеть гидрометрических станций, закрытость многих национальных систем мониторинга, неоднозначность интерпретации его результатов разными странами, недоступность сведений с территорий соседних государств, которые необходимы для оперативного прогнозирования опасных гидрологических явлений.

Хотя эксперты постоянно подчеркивают, что все страны бассейна трансграничной реки и все участники водного рынка заинтересованы в функционировании единой системы мониторинга и что дефицит информации неизбежно приводит к снижению экономического эффекта от водопользования и увеличению ущерба от опасных гидрологических явлений, ее создание продвигается крайне медленно. Тезис о том, что помощь в создании и функционировании системы единого мониторинга со стороны экономически развитых стран является не благо-

творительностью или актом добрососедства, а экономически рациональным поведением, остается декларацией и слабо внедряется на практике. Одна из проблем практического применения этого тезиса состоит в том, что требования к качеству воды ужесточаются «снизу вверх», что позволяет обеспечить право всех водопользователей на реализацию выделенной квоты на экологически безопасный сброс загрязняющих веществ. В соответствии с этим принципом для каждого сезона года задается допустимый диапазон значений расходов воды, концентрации растворенных веществ, мутности и температуры на различных участках реки и ее основных притоков. Однако если в верховьях реки концентрация какого-либо из загрязняющих веществ уже достигла предельно допустимого значения, то при отсутствии значительных притоков хозяйствующие субъекты, расположенные ниже по течению, лишены возможности сбрасывать свои сточные воды даже в минимальном количестве.

Другой важнейшей проблемой введения единой системы гидрологического мониторинга является необходимость совместного государственного контроля положения фарватера реки, служащего индикатором государственной границы. Непрерывно происходящее переформирование дна и берегов рек, заиление или активизация рукавов русловых и пойменных разветвлений приводят к возникновению спорных участков границы. Например, в процессе естественных русловых деформаций на пограничных участках рек Аргунь, Амур, Уссури и Сунгача такие ситуации возникают постоянно, что вплоть до недавнего времени приводило к межгосударственным спорам между РФ и Китаем (рис. 17).

На смещение русла реки могут влиять не только естественные природные процессы, но и проводимые одной из сопредельных стран гидротехнические мероприятия по защите приречных территорий от размывов берегов и затопления. Такие меры, как правило, вызывают направленную активизацию смещения водного потока к противоположному берегу. Его разрушение и деформация влекут за собой возникновение претензий на новообразованные участки суши. Для обоснования односторонних политических заявлений привлекаются нормы международного законодательства, согласно которым граница проходит посередине фарватера или главного несудоходного рукава руслового разветвления (Завадский и др., 2010).

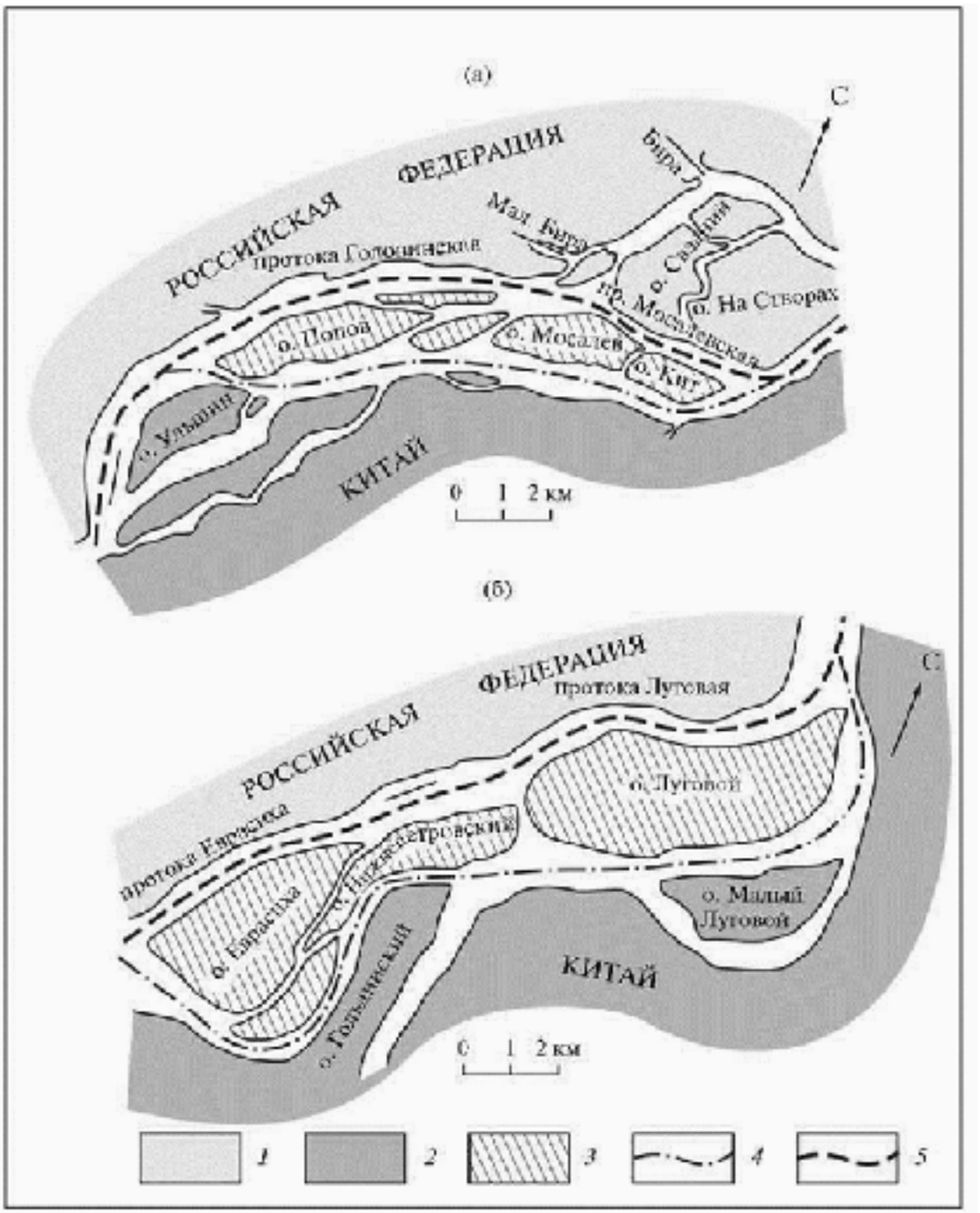


Рис. 17. Примеры возникновения спорных территорий на участках разветвленного русла Среднего Амура (а — 175–195 км судового хода, б — 95–135 км).

Условные обозначения: 1 — территория России, 2 — территория Китая, 3 — возникшие в результате изменения положения фарватера спорные территории, 4 — положение государственной границы в XX в., 5 — современное положение фарватера (главного рукава).

Источник: (Завадский и др., 2010, Иванов, Завадский, 2012).

В последние десятилетия Китай планомерно ведет работу по укреплению берегов Амура и его притоков. В результате на некоторых участках фарватер реки, по которому проходит государственная граница, смещается в сторону российского берега. Китайские берегозащитные меры играют негативную роль и с экологической точки зрения. Нарушение свободного меандрирования рек ведет к деградации нерестилищ и утрате биоразнообразия. На Амуре правый, подмываемый берег — китайский, и сила Кориолиса «работает» на Россию, но китайские мелиораторы нейтрализуют и преодолевают природный процесс. В этой связи заслуживает внимания предложение специалистов географического факультета МГУ установить новые правила демаркации российско-китайской границы — закрепить ее на местности геодезическими знаками, что снимет зависимость от природных и гидротехнических перемещений русла реки (Клюев 1996).

Таким образом, основные задачи гидрологического мониторинга трансграничных рек сводятся к совместному или национальному контролю процессов дестабилизации государственной границы — факторов и процессов, способных влиять на положение фарватера или смещение русел рек; изменения гидрологического, гидрохимического, гидробиологического и водохозяйственного состояния водотока в зонах ответственности прибрежных стран.

Международное сотрудничество России в области управления трансграничными водными объектами

7141 км границы РФ проходит по рекам Амур, Аргунь, Уссури, Самур, Неман, Туманная, 475 км — по озерам, наиболее крупные из которых — Псковско-Чудское и Ханка. Общее число российских трансграничных водных объектов превышает тысячу, из которых 70 являются крупными и средними (Смилевец, 2009). Однако особенности положения и континентальные размеры России делают долю межгосударственных речных бассейнов на ее территории относительно небольшой. Такие бассейны занимают всего 1253 тыс. км^2, или 7,3 % территории страны. В сопредельных странах эти бассейны занимают почти вдвое большую площадь — 2140 тыс. км^2.

Бассейны трансграничных рек, как правило, густонаселенные, с развитым промышленным и сельскохозяйственным производством, подверженные значительной антропогенной нагрузке. Они интенсив-

но используются для водоснабжения, судоходства, энергетики, орошения, рыбного хозяйства. Основными проблемами являются загрязнение вод, дефицит водных ресурсов в отдельные годы и периоды года, наводнения, слабо развитая сеть пунктов мониторинга и недостаток информации.

Среднегодовой многолетний речной сток, поступающий с сопредельных территорий в Россию, в 1,5 раза больше, чем сток из России. Учитывая, что плотность населения на этих территориях в среднем почти в 5,5 раз выше и вдвое выше создаваемый валовой продукт, очевидно, что трансграничный перенос загрязнений на территорию России намного превышает их вынос на сопредельные территории (Клюев, 1996, 2017).

На территории России есть три основных участка трансграничного переноса загрязняющих веществ через водные объекты, формирующие региональную экологическую опасность. Это, во-первых, участок китайско-российской границы на Дальнем Востоке в бассейне реки Амур. Большая часть водосборной площади Амура лежит в пределах Китая, где практически отсутствуют очистные сооружения. Во-вторых, это район казахстанско-российской границы в бассейне реки Обь, в южной его части, где основная масса загрязняющих веществ поступает на территорию России по реке Иртыш (Фролова, Воробьевский, 2011; Фролова, Ивановская, 2015). В-третьих, это западная и южная часть Европейской территории России. Здесь сток рек направлен преимущественно с территории России на запад и юг — в Белоруссию, Украину и Казахстан. Бассейн реки Урал Россия делит с Казахстаном, но сток воды и загрязняющих веществ по ней с российской территории значительно меньше, чем по Иртышу из Казахстана в Западную Сибирь.

Негативное влияние на состояние российских рек и озер может проявляться в природном или техногенном изменении водности рек и качества воды, в том числе вследствие аварий и (или) целенаправленного расширения водопользования в пределах зарубежных частей их бассейнов. При опасном изменении стока и качества воды на зарубежной части бассейна сокращается время, необходимое для принятия мер по снижению негативных последствий для населения, экономики и водных экосистем. Чем ближе к границе находится этот источник, тем быстрее будет изменяться гидрологическое и экологическое состо-

яние российских рек и озер (вклейка, рис. 26). В целом вероятность негативного влияния на сток и качество воды российских рек возрастает от северных и западных границ страны к ее южным и восточным границам. Это объясняется не только экономическими и политическими причинами, но и природными особенностями: уменьшением увлажненности, объема возобновляемых водных ресурсов и разбавляющей способности водных объектов.

Россия выступает не только как рецепиент, но и как «экспортер» загрязнений по рекам. Площади межгосударственных речных бассейнов с Украиной и Белоруссией на территории России невелики, поэтому относительно невелика и экспортируемая из России масса загрязняющих веществ. Похожая ситуация и на границах с ЕС — с Норвегией, Финляндией и страны Балтии. Из верховий Днепра в Смоленской области и по его левым притокам в Брянской и частично в Курской и Белгородской областях загрязнители «экспортируются» на Украину. Северский Донец после пересечения Донбасса на Украине снова входит на территорию России в Ростовской области и таким образом транзитом возвращает поступившие на Украину загрязнения из России и добавляет новые (Пряжинская, 2013).

Даже краткое изложение проблем, связанных с пограничными и трансграничными реками в России, показывает необходимость организации эффективной системы управления международными водными бассейнами. В РФ водные ресурсы в соответствии с Конституцией страны составляют предмет охранной политики государства. Ее основные принципы подробно изложены в таких документах РФ, как Концепция национальной безопасности, Экологическая доктрина, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. и др. Вопросы охраны водных ресурсов нашли свое отражение в водном праве РФ, которое включает в себя Водный кодекс и свод федеральных законов и нормативных актов, а также нормативных актов субъектов РФ. В правительстве России существует несколько структур, в ведении которых находятся вопросы, связанные с использованием и охраной трансграничных водных объектов. В центральных аппаратах министерств иностранных дел, транспорта и сельского хозяйства существуют департаменты или отделы, ведающие вопросами международного сотрудничества (рис. 18).

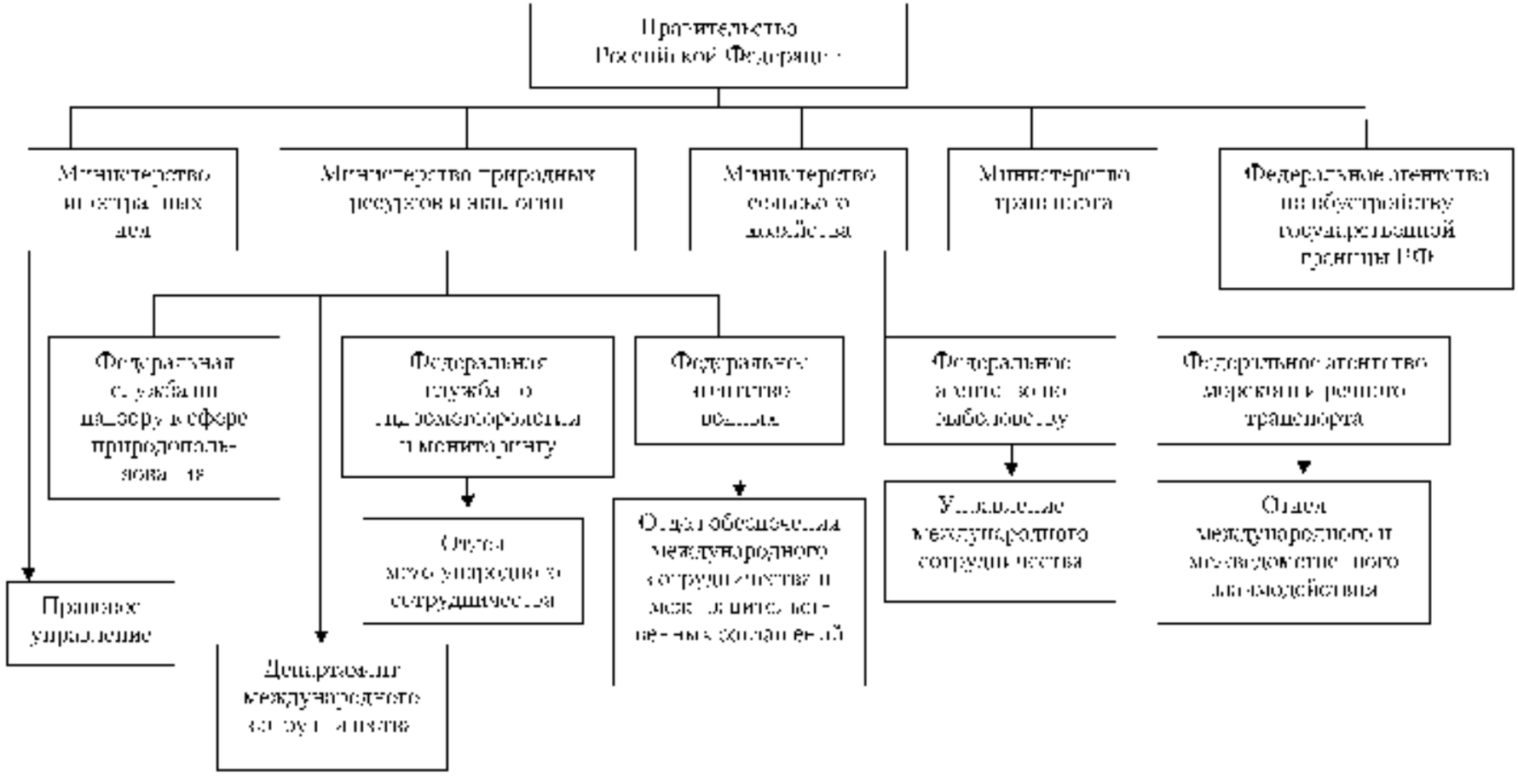


Рис. 18. Структура организаций России, отвечающих за решение проблем в бассейнах трансграничных водных объектов.

Ключевое место в этой иерархии принадлежит Министерству природных ресурсов и экологии. В сферу его ответственности входят:

- согласование российских и международных подходов к природно-ресурсной и природоохранной деятельности с учетом национальных интересов России;
- подготовка и заключение в установленном порядке международных договоров в сфере природопользования и охраны окружающей среды с заинтересованными зарубежными странами и международными организациями;
- выполнение обязательств, вытекающих из участия России в международных договорах и членства в международных организациях в области природопользования и охраны окружающей среды;
- участие в деятельности межправительственных комиссий по экономическому и научно-техническому сотрудничеству России с зарубежными странами в части, касающейся природопользования и охраны окружающей среды;
- обеспечение участия России в глобальных и региональных системах мониторинга окружающей среды и контроля освоения природных ресурсов, в разработке международной системы оценки экологических рисков;
- разработка и создание эффективной системы природопользования и управления окружающей средой приграничных районов, бассейнов и прибрежных морских зон с учетом трансграничного контекста;
- использование возможностей международных организаций, международного опыта в природно-ресурсной и природоохранной деятельности, включая взаимодействие по предотвращению и ликвидации последствий экологического терроризма.

Деятельность Министерства природных ресурсов и экологии обеспечивается рядом федеральных служб и агентств, каждое из которых отвечает за свой круг проблем.

Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды является одним из наиболее авторитетных российских институтов, который взаимодействует с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями. Ее представители участвуют в Координационном комитете по гидрометеорологии и мониторингу загрязнения Каспийского моря (КАСПКОМ),

а также морской среды Балтийского моря в рамках Хельсинской конвенции (ХЕЛКОМ). Сотрудничество со странами СНГ в области гидрологии осуществляется в рамках Рабочей группы Межгосударственного совета по гидрометеорологии (МСГ СНГ), действующего с 1992 г. Деятельность Рабочей группы связана с преодолением угрозы дефицита пресной воды в отдельно взятых регионах, ухудшения качества воды, стихийных бедствий, наводнений и засух, климатических изменений и связанных с ними экстремальных гидрологических явлений. В последние 20 лет это сотрудничество развивается в направлении восстановления, развития и модернизации сети гидрологического мониторинга. Подготовка информационной продукции связана не только с метрологическим обеспечением, но и выработкой новых подходов и методов к проведению гидрологических расчетов, включая экстремальные гидрологические явления и изучение влияния изменений климата на гидрологический режим (Георгиевский, Сафонов, 2012).

Государственный гидрологический институт Росгидромета (ГГИ) в рамках достигнутых договоренностей между Россией, Белоруссией, Казахстаном, Молдавией и Украиной с 1992 г. ежегодно оценивает водные ресурсы всех перечисленных стран в целом и по единицам их административно-территориального деления, наиболее важным речным бассейнам и участкам рек. Важным подспорьем служит опорная межгосударственная гидрометеорологическая сеть стран СНГ, которая включает 112 гидрологических постов на трансграничных реках (Фролов, 2012).

Федеральное агентство водных ресурсов и Федеральное агентство по рыболовству взаимодействуют с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями в сфере своей компетенции.

В структуре Федерального агентства морского и речного транспорта существует отдел международного и межведомственного взаимодействия. Наиболее интенсивно речной транспорт используется в рамках Единой глубоководной системы (ЕГС) Европейской территории страны, связывающей Белое, Балтийское, Каспийское, Черное и Азовское моря. Эта система входит в состав внутренних водных путей международного значения и обеспечивает экономические связи с 44 странами мира: объем проходящего по ней экспорта составляет около 15,2 млн. т., импорта — около 1,0 млн. т. Использование пассажирских

судов смешанного плавания значительно расширяет географию речного туризма благодаря выходу туристских судов на реки Западной и Центральной Европы и, прежде всего, Дунай.

Федеральное агентство по обустройству государственной границы осуществляло до его упразднения и передачи соответствующих компетенций министерству транспорта подготовку предложений о развитии территорий, прилегающих к пунктам пропуска через государственную границу, включая предложения о строительстве мостов и путепроводов через пограничные реки. В последние годы были подписаны соглашения с правительством Абхазии о реконструкции и строительстве автомобильных мостов через р. Псоу, с Литвой — о строительстве мостового перехода через реки Старая и Новая Преголя, эстакад к пограничным пунктам пропуска, с Азербайджаном — по ремонту существующего моста и строительству нового моста через р. Самур.

Государственное регулирование в области водного права в РФ осуществляется с учетом политических норм и принципов международного водного законодательства. Россия ратифицировала ряд международных актов, регулирующих охрану и использование трансграничных вод. К ним относится Конвенция ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях, Конвенция по защите морской среды района Балтийского моря, Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий и другие. На уровне государств-участников СНГ вопросы обеспечения экологической безопасности трансграничных вод решаются в рамках Соглашения об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов (1998).

В настоящий момент в РФ действует девять двусторонних межправительственных соглашений с сопредельными государствами о совместном использовании и охране трансграничных объектов и одно трехстороннее (табл. 18). Они были заключены с Азербайджаном (2010), Белоруссией (2002), Казахстаном (2010), Китаем (2008), Монголией (1995), Украиной (1992), Финляндией (1964), Эстонией (1997). Трехстороннее соглашение подписано с Финляндией и Норвегией (1959, 1976) (Демин, Шаталова, 2015). В 1997 г. заключено соглашение между РФ и Китаем о принципах совместного хозяйственного использования отдельных ос-

Таблица 18.

Основные международные реки Российской Федерации и механизмы взаимодействия стран по вопросам использования и охраны их водных ресурсов.

Международные реки	Статус реки: П (пограничная), ТТ (трансграничная)	Общая длина реки, км	Длина реки на российской/ сопредельной территории, км	Сопредельные страны	Механизм взаимодействия
Паз (Патсойоки)	ТТ, П	143,2	139,7/107,7	Финляндия, Норвегия	Трехсторонняя комиссия по сотрудничеству
Вуокса	ТТ	156	143/13	Финляндия	Совместная российско-финляндская комиссия
Кемь (с рекой Ш..ега)	ТТ	410 (191 +219)	~395/15	Финляндия	Совместная российско-финляндская комиссия
Нарва	П	77	77/77	Эстония	Эстонско-российская совместная комиссия
Неман	П	937	100/837	Литва	Совет по сотрудничеству между Калининградской обл. РФ и Литовской Республикой
Западная Двина	ТТ	1020	325/328/367	Белоруссия, Латвия	Российско-белорусская комиссия
Днепр	ТТ	2201	485/516/1200	Белоруссия, Украина	Российско-белорусская комиссия
Северский Донец	ТТ	1053		Украина	Рабочая комиссия уполномоченных правительства стран
Самур	П	213	213/38	Азербайджан	Совместная российско-азербайджанская комиссия
Урал	ТТ	2428	1453/975	Казахстан	Совместная российско-казахстанская комиссия
Иртыш	ТТ	4212	2048/1637/527	Китай, Казахстан	Совместная китайско-российская и казахстанско-российская комиссии
Селенга	ТТ	1024	409/615	Монголия	Рабочая комиссия уполномоченных правительства стран
Амур	П, ТТ	4470	3000/3000	Китай	Совместная китайско-российская комиссия

тровов и прилегающих к ним акваторий на пограничных реках. Практическую работу по выполнению этих соглашений осуществляют совместные комиссии, состоящие из специалистов России и Абхазии, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Китая, Финляндии, Эстонии, или совещания при уполномоченных правительств по выполнению соглашений (Монголия и до недавнего времени — Украина). В рамках этой работы осуществляются совместный мониторинг, обмен гидрологической и гидрохимической информацией, согласование режимов использования водных ресурсов трансграничных водохозяйственных систем, координация противопаводковых мероприятий и действий в чрезвычайных ситуациях, совместные прикладные исследования.

Пример эффективного долгосрочного трансграничного сотрудничества в течение более чем 50 лет дает деятельность Совместной российско-финляндской комиссии по использованию пограничных водных систем. Первое соглашение в этой области было заключено между двумя странами в 1947 г. и касалось регулирования режима судоходства по озеру Инари и использования плотины Нискакоски. Впоследствии, в 1954 и 1956 гг. в рамках этого соглашения были подписаны дополнительные протоколы. Поскольку река Патсойоки, вытекающая из озера Инари, проходит по территории Финляндии, России и Норвегии, в 1959 г. было подписано уже трехстороннее соглашение по использованию ее водных ресурсов, которое действует и поныне. Оно направлено на поддержание уровня воды в озере для оптимальной работы гидростанции и соблюдения уровневого режима в нижнем бьефе, нормализацию функционирования рыбного хозяйства, безопасность береговых объектов, содержание русла реки в состоянии, готовом к пропуску повышенных объемов воды при сбросах из озера. К основным результатам совместной деятельности с финскими партнерами относятся: прекращение молевого сплава на пограничных водных системах; улучшение качества воды, достигнутое за счет строительства очистных сооружений на предприятиях, расположенных в бассейнах пограничных водных систем; сохранение рыбных запасов, в том числе ценных пород рыб; согласованное регулирование гидрологических режимов трансграничных водных объектов и водохозяйственных систем, в результате чего минимизировано негативное воздействие весенних и летних паводков на прибрежные территории сторон; разработка совместных методик оценки и правил контроля качества пограничных вод.

В целом для сегментов российской границы со странами ЕС сотрудничество имеет системный характер и используется для решения как локальных, так и макрорегиональных экологических проблем. В российско-норвежском пограничье наиболее остро стоят вопросы ликвидации последствий загрязнения малых рек промышленными стоками. Россия, Норвегия и Финляндия совместно решают проблемы регулирования работы Борисоглебской ГЭС и использования вырабатываемой электроэнергии: норвежско-российская граница проходит по ее плотине.

На финском и эстонском сегментах границы большая часть проектов связана с модернизацией и строительством новых очистных сооружений (Сортавала, Гдов, Псков и др.). Много внимания уделяется сохранению ценных пород рыб и поддержанию биоразнообразия в Ладожском озере и реках региона. Российско-эстонское сотрудничество осуществляется на основе межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области сохранения и использования рыбных запасов в Чудском, Теплом и Псковском озерах (1994). Представители двух стран устанавливают объемы использования водных биоресурсов, распределяют квоты вылова, принимают меры по регулированию рыболовства по полугодиям. Предметом сотрудничества является и совместное использование Нарвской ГЭС. Хотя Эстония на данный момент не нуждается в вырабатываемой станцией электроэнергии, ее интерес к работе гидросооружения обусловлен важностью его функционирования для регулирования уровня воды в р. Нарва и Нарвском водохранилище.

В 2006 г. возник политический спор по поводу намерения эстонского правительства передать свою часть плотины в управление частной компании AS Narva Elektrijaamad («Нарвские электростанции»). Российская сторона опротестовала это решение. Суть спора заключается в необходимости гарантий для вкладываемых инвестиций и обеспечения единства руководства станцией, несущего ответственность за ее эксплуатацию. Это противоречие было разрешено, и в 2008 г. российскими специалистами, но с привлечением средств эстонской энергокомапнии проведена масштабная замена металлоконструкций плотины, а в 2013–2015 гг. — ремонт гидроагрегатов.

Правовой основой взаимоотношений России с Литовской Республикой является межправительственное Соглашение о сотрудничестве (1999), в рамках которого создана Смешанная российско-литовская комиссия по рыбному хозяйству. Россия и Литва совместно эксплуа-

тируют рыбные запасы трансграничных водоемов, к которым относятся Куршский залив, оз. Виштынецкое, реки Неман и Шешупе. В 2006 г. был инициирован международный проект ИНТЕРРЕГ-ТАСИС «Развитие научно-технической поддержки воспроизводства рыбных запасов в трансграничных водоемах Литвы и России». Выполнена интегрированная оценка экологического состояния пограничных водоемов. Создан рыбохозяйственный кадастр пограничных водоемов, разработан банк данных рыбоводно-биологических обоснований и биотехнологий воспроизводства ценных видов рыб. Для обеспечения информационной поддержки управленческих решений разработана компьютерная информационно-аналитическая система рыбохозяйственного мониторинга (Шибаев и др., 2008).

На российско-польской и российско-литовской границе большая часть проектов связана с экологическим состоянием рек, впадающих в Гданьский, Вислинский и Куршский заливы. На литовской границе основное внимание направлено на улучшение экологической ситуации в бассейне р. Неман и строительство канализационных и водопроводных сетей.

Российско-белорусское сотрудничество регулируется межправительственным соглашением (2002). Здесь, как и на границе с ЕС, можно отметить успешную координацию действий сторон. Управление трансграничными водотоками осуществляется национальными бассейновыми советами РФ и Белоруссии, а за состоянием рыбного хозяйства следит российско-белорусская смешанная комиссия. Российская сторона ежегодно рассматривает объемы выделения водных биологических ресурсов в исключительной экономической зоне РФ для Белоруссии, выдает лицензии на их промысел совместным российско-белорусским предприятиям и организациям.

Наиболее проблемными на сегодняшний день являются отношения с Украиной. Несмотря на то, что соглашение о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов было подписано еще в октябре 1992 г. в развитие Программы оздоровления бассейна р. Северский Донец, начатой еще в советские годы, оно не получило достаточного практического воплощения. Хотя общая автоматизированная система обмена оперативной водохозяйственной информацией была внедрена, использовалась она недостаточно эффективно. Определенные надежды на активизацию совместной работы связыва-

лись с созданием еврорегионов («Слобожанщина», «Ярославна», «Днепр», «Донбасс»), однако конкретной деятельности в них велось недостаточно. Некоторые результаты были достигнуты только в частичной реализации программы совместной охраны, экологического оздоровления и использования вод бассейна рек Северский Донец и Лопань в рамках еврорегионов «Слобожанщина» и «Донбасс».

В начале 2000-х гг. между соседними российскими и украинскими областями были подписаны новые соглашения о сотрудничестве, но только некоторые из них содержали статьи, посвященные экологической безопасности (Белгородской области с Сумской, Харьковской и Донецкой областями, Ростовской и Донецкой областей). «Оранжевая революция» 2004 г. на Украине заморозила экологическое сотрудничество, но смена власти в 2010 г. привела к его частичной реанимации, прежде всего, в части, касающейся Северского Донца. Результатом событий 2013–2014 гг. стал отказ украинской стороны от продления этой программы. Однако в порядке исключения по-прежнему проводится мониторинг состояния вод Северского Донца в рамках европейских обязательств.

Российская граница на Кавказе, несмотря на то, что на нее «нанизано» большое количество природоохранных зон и заповедников, в наименьшей степени затронута совместными экологическими инициативами и сотрудничеством. Еще в 1967 г. были зафиксированы доли распределения вод р. Самур между Республикой Дагестан (РСФСР) и Азербайджанской ССР. Этот документ предусматривал также и экологические попуски для сохранения уникальных природных комплексов. После распада СССР в 1990-е гг. нормы не соблюдались: азербайджанский забор достигал 4/5 вместо 50% по протоколу, а экологические попуски не осуществлялись вовсе (Клюев, 1995). Однако после 2010 г. ситуация улучшилась в результате подписания Межправительственного соглашения о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной р. Самур. Тем не менее, ежегодно фиксируются несанкционированные заборы воды со стороны Азербайджана.

Сегмент российско-казахстанской границы, начиная с прикаспийской зоны, характеризуется сменой тренда. В отличие от границы с ЕС, где превалировали экологические угрозы, исходящие с территории РФ, здесь в угрожаемой ситуации находится российское приграничье. Наиболее драматичной является ситуация с водопользованием в бас-

сейнах рек Урал и Иртыш. Эта сфера изобилует взаимными претензиями. Несмотря на соглашения 1992, 2004 и 2010 гг. и реализацию в 2000-х гг. ряда международных проектов (FASEP: «Программа действий по улучшению качества воды в бассейне Иртыша в Республике Казахстан», TASIS: «Консультативная помощь министерству природных ресурсов в вопросах управления водными ресурсами России», FFEM: «Трансграничное управление водными ресурсами реки Иртыш»), практически единственной сферой эффективного сотрудничества является мониторинг состояния вод Иртыша, проводимый по единой методике в РФ и Казахстане (рис. 19).

Похожие проблемы и в бассейне Ишима: коэффициент использования его водных ресурсов в районах Акмолинской и Северо-Казахстанской областей Казахстана в настоящее время превышает 40%, что

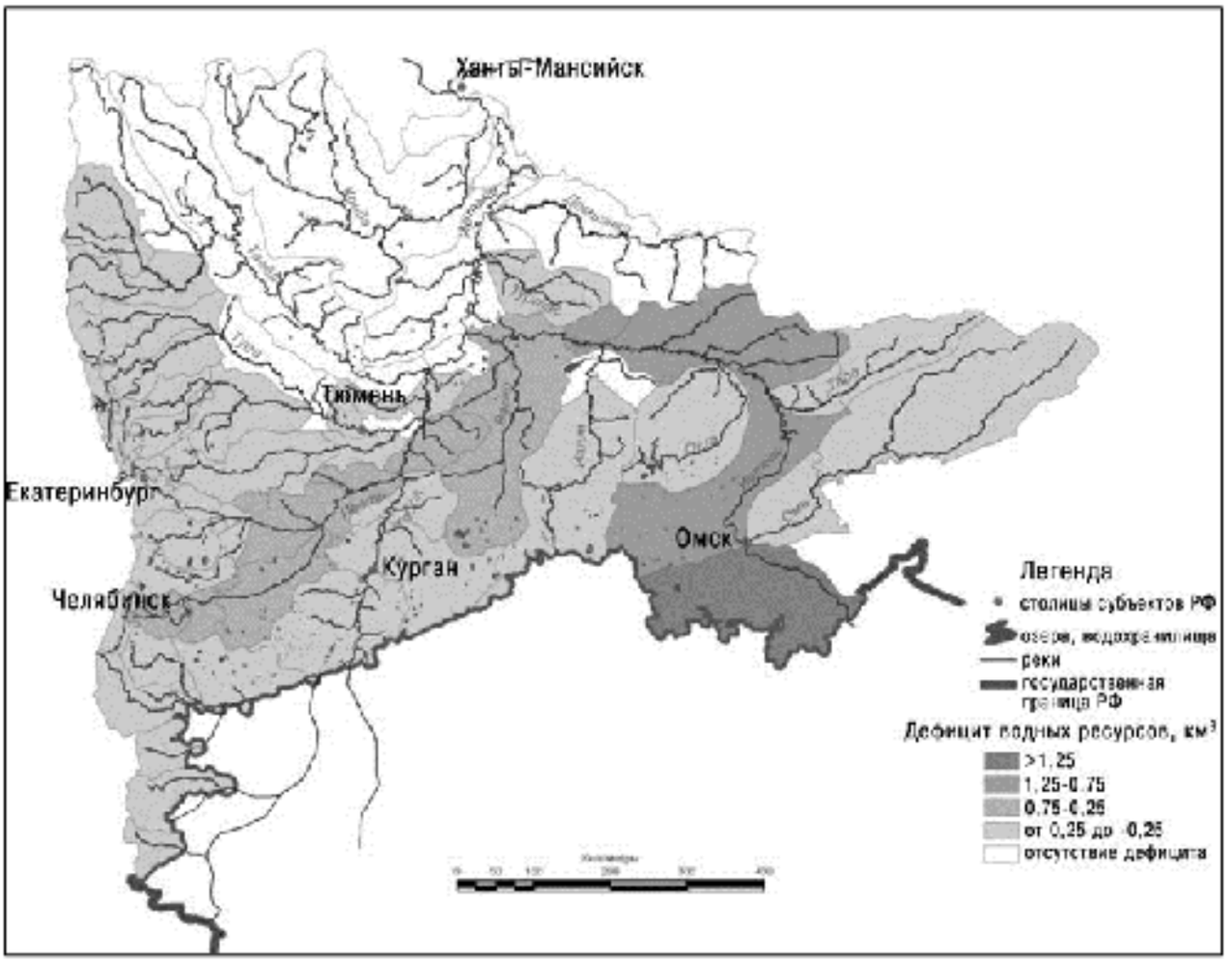


Рис. 19. Дефицит водных ресурсов при современном уровне водопотребления в условиях года малой водности (Фролова, Воробьевский, 2011).

является критическим показателем (Фролова, Ивановская, 2015). По индексу загрязнения вод (ИЗВ) вода в створе границы Казахстана и России оценивается как «загрязненная», а в засушливые годы как «очень грязная». Попытки выработать соглашение с Китаем по использованию вод Иртыша предпринимались еще в СССР, но были безрезультатными. Для решения проблемы нужно взаимодействие как с Казахстаном (сотрудничество с ним имеется), так и с Китаем, который на контакты с Россией по этому вопросу не идет и соглашается обсуждать эту проблему только с Казахстаном.

Приграничное сотрудничество с Монголией имеет давнюю традицию, но оно сопряжено преимущественно с сохранением нетронутой природы, созданием и поддержанием особо охраняемых природных территорий. Масштаб водохозяйственных и бассейновых проблем хорошо виден на примере стока р. Селенга, берущей свое начало в Монголии и в значительной мере обеспечивающей обводнение оз. Байкал (табл. 19). Водный режим и ее качество во многом определяет качество воды в реке на территории России, что в результате влияет на чистоту воды оз. Байкал и сохранность его уникальной экосистемы. Сток р. Селенга формируется на территориях двух стран поровну — 50,8% (Россия) и 49,2% (Монголия) (табл. 19). Вклад монгольской стороны в загрязнение оз. Байкал в зависимости от загрязняющих веществ варьирует в широких пределах и может достигать значительных величин — от 30 до 70%.

Особое беспокойство вызывают возможные последствия реализации крупномасштабных проектов в монгольской части бассейна Селенги, связанных с освоением новых угольных, медно— и золоторудных месторождений. Для их обеспечения водой и электроэнергией предполагается построить гидроэлектростанции. Существуют и проекты переброски части стока рек Орхон, Селенга, Керулен и Онон на юг, в Гоби. Отсюда вытекают потенциальные противоречия между экономическим развитием регионов Монголии и сохранением экосистемы Байкала. Реализацию проекта строительства Шурэнской ГЭС в июле 2016 г. приостановил Китай, не решившийся выдать кредит монгольской стороне на возведение этой ГЭС до урегулирования позиций РФ и Монголии (Клюев, 2017).

Таблица 19.

Оценка вклада Монголии в обводнение оз. Байкал и его загрязнение химическими веществами в стоке р. Селенга

Сток и компоненты химического состава вод	Потоки вещества, в среднем т/год		y/x	Вклад в загрязнение и обводнение оз. Байкал, %
	через границу из Монголии (x)	в оз. Байкал (y)		
Азот общий	3500	7100	2,03	49
Фосфор общий	1000	1600	1,60	62
Хлор органический	148	214	1,45	69
Ртуть	1,7	6,1	3,59	28
Кадмий	1,7	3,9	2,29	44
Цинк	84	264	3,14	32
Водный сток, км^3/год	14,4	29,2	2,03	49

Источник: (Гармаев, Христофоров, 2010).

Отдельной проблемой является несовпадение створов рек, на которых российской и монгольской сторонами выполняются разные виды мониторинга. Наблюдения за физическим, химическим и биологическим состоянием рек, водозабором и отведением сточных вод, состоянием русел водотоков осуществляются раздельно, что затрудняет использование мониторинговой информации для содержательного анализа изменения стока воды, наносов, химического и живого вещества и т.п.

Неблагоприятная ситуация сложилась и на Дальнем Востоке: 85% границы между Россией и Китаем проходит по рекам Амур и Уссури. Хотя эксперты уже более двадцати лет говорят об опасности нескоординированной эксплуатации ресурсов бассейнов этих рек, перепромысла рыбы, переброски вод, одностороннего строительства противопаводковых и гидротехнических сооружений, отведения неочищенных стоков и сведения лесов, примеры кооперации единичны. Российско-китайское сотрудничество по трансграничным водным объектам заключается преимущественно в их совместном мониторинге. Разработка норм качества вод и определение источников загрязнения тормозится китайской стороной. Не способствует решению проблем и засекреченность в КНР данных о качестве воды в водных объектах и о сбросах сточных вод (Клюев, 2017).

Обе страны реагируют на возникающие проблемы самостоятельно, хотя необходимость центра координации действий очевидна и постоянно обсуждается. Только катастрофическое наводнение августа–сентября 2013 г., в результате которого пострадали сотни тысяч людей как с российской, так и китайской стороны, сдвинули эту проблему с мертвой точки. Гидрологические, информационные и спасательные службы договорились о реальном сотрудничестве и взаимном предоставлении информации, проведении совместных учений и оперативных действиях в экстремальных ситуациях, не запрашивая разрешения своих МИДов. В целом последние годы отмечены позитивными сдвигами, которые связываются с возможностями ШОС как институциональной площадки углубления трансграничных контактов, совместной деятельностью по развитию Большого Уссурийского острова в рамках концепции «две страны — один остров», предполагающей создание международного института Амура, и с изменением политического климата в российско-китайских отношениях.

Двустороннее сотрудничество с КНР в области рыбного хозяйства получило правовую основу после подписания 4 октября 1988 г. соглашения между правительствами СССР и КНР. Для его реализации создана Смешанная российско-китайская комиссия по сотрудничеству в области рыбного хозяйства. На ее ежегодных сессиях рассматриваются результаты сотрудничества и принимаются рекомендации по его развитию и совершенствованию. В целях сохранения и совместного рационального использования рыбных запасов в пограничных реках Амур и Уссури между Россией и КНР 27 мая 1994 г. подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области охраны, регулирования и воспроизводства биологических ресурсов этих рек. Неотъемлемой частью Соглашения являются согласованные российскими и китайскими специалистами Правила охраны, регулирования и воспроизводства рыбных запасов в пограничных реках Амур и Уссури. Однако китайская сторона продолжает вести широкомасштабный браконьерский промысел, что создает угрозу истощения рыбных запасов, сокращения численности осетровых и лососевых видов рыб. Меры по сохранению и воспроизводству ценных видов рыб в бассейне р. Амур, предлагаемые российскими учеными и специалистами на сессиях смешанной комиссии и заседаниях рабочей комиссии, китайская сторона отвергает. Аргумент китайской стороны: рыбный

промысел — единственный вид занятости населения прибрежных районов, источник его жизнеобеспечения.

* * *

Практический опыт России и итоги сотрудничества с иностранными партнерами свидетельствует о том, что даже при расхождении мнений и противоречиях по вопросам использования и охраны трансграничных водных ресурсов институциональные механизмы позволяют преодолевать разногласия сторон и способствуют решению задачи стабилизации экологического состояния трансграничных вод, развитию экономик сопредельных государств (Селиверстова, 2009). Институциональной основой сотрудничества России с соседними странами в области оптимизации водопользования являются совместные комиссии специалистов или институты уполномоченных. Эти структуры выполняют работу по обеспечению справедливого вододеления, предупреждению социальных, экономических и экологических ущербов в национальных частях бассейнов трансграничных рек и на территории сопредельных стран. Участниками переговоров используются примерно одинаковые представления о формировании стока, водохозяйственном балансе, качестве вод, функционировании водных и околоводных экосистем, механизмах переноса и аккумуляции наносов, русловых процессах, других гидрологических особенностях режима рек и озер.

Эти представления практически не зависят от уровня развития стран-соседей и связаны с общностью критериев, признанных международным сообществом. Однако несовпадение стандартов безопасности, требований к природоохранной деятельности, систем культурных ценностей приводят к существенным разногласиям. Ни в одном из основных трансграничных бассейнов РФ не достигнут необходимый уровень координации усилий, хотя на отдельных участках границы накоплен позитивный опыт взаимодействий. В целом разветвленная сеть мониторинга состояния водных ресурсов и гидротехнических сооружений создает необходимые предпосылки для эффективной и безопасной эксплуатации пограничных и трансграничных водных объектов. Однако конкретная практика реализации совместных проектов по-прежнему требует согласованной политики в сфере правового, информационного, экономического, организационного и технического регулирования водопользования.

Часть 6.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Глава 6.1.

Города на границе: представления и настроения людей

Города и границы — непременные атрибуты и символы государства: границы определяют его физические и юридические пределы, а города — возможности управления, контроля и развития территорий. В историческом прошлом эти две функции были тесно связаны: города-крепости служили маркерами границ, способом установления и охраны суверенитета. Но по мере развития государств и обретения более мобильных средств контроля и защиты рубежей расположение города на границе стало восприниматься скорее как нонсенс. Причин две — близость к источникам внешних угроз и уязвимость города в случае вооруженных конфликтов и относительная независимость приграничных городов, что вызывало озабоченность центральных властей. Приграничные города как узлы торговых связей имели внешние источники экономического процветания, меньше зависели от внутренних обстоятельств, что позволяло им расширять свои права и свободы. Карта Вестфальского мира с кружевом вольных имперских городов, как правило, расположенных по кромке новых для того времени суверенных государств, наглядно иллюстрирует этот тезис.

Нестабильное соотношение выгод и угроз приграничного положения ставило судьбу приграничных городов в зависимость от геополитической ситуации. Многочисленные перекройки карты мира, в результате которых одни города утрачивали пограничное положение, а другие — обретали, всякий раз подвергали их жизнь глубокому стрессу. Иногда исторические перипетии меняли не приграничную пози-

цию города, а его государственную принадлежность. Потоки беженцев, обмены населением, разрыв хозяйственных связей и обвал городской экономики были частыми спутниками таких перемен. Граница актуализировала этнические и социокультурные различия, влияла на переформатирование отношений между людьми, определение доминантных и подчиненных групп.

Однако границы не только разделяли пространство, но и «сшивали» его. Социально-экономические градиенты развития соседних территорий и поиск взаимных выгод стимулировали трансграничные взаимодействия. Становясь частью экономики, граница становилась и фактором формирования локальной культуры, отличающейся от характерной для внутренних регионов страны. Яркий пример российский Калининград, а в прошлом — Кенигсберг. Известный журналист и популярный автор многих путеводителей В.И. Немирович-Данченко писал:

> *«Кто попадает в Кенигсберг не из России, а из Германии, тому он покажется совсем не немецким городом. Жалкие, мелкие домишки отдаленных улиц, грязь, слоями лежащая на самых главных, неопрятность жителей. ... дороговизна гостиниц и отсутствие всякого комфорта в них переносят вас куда хотите, в Россию, Литву, Польшу, но никак не в опрятную Германию. ... Кенигсберг очень близок к русской границе — и поэтому всего более знаком с нами»* (Немирович-Данченко, 1892, с. 15–16).

Сегодня, напротив, подчеркивается нероссийская природа города и культурная дистанция, существующая между его жителями и остальной Россией (Гаврилина, 2013).[1]

Гибридизация культур, память места и активные трансграничные контакты обуславливают повышенное внимание к приграничным го-

---

[1] В этой связи вспоминается остроумное замечание О. Уайльда по поводу лондонцев, которые не придавали особого значения туману до появления картин Тернера. Так и калининградцы стали остро ощущать немецкую сущность города после его «пересоздания» на советский манер. Чтобы в этом убедиться, достаточно раскрыть объемный фотоальбом «Параллельная память: 150 лет истории Кенигсберга и Калининграда в фотографиях», в котором немецкая эпоха представлена в ностальгически розовом свете, а советская — в сером, ассоциируясь с руинами, дефицитом и чуждой городу архитектурной средой (Параллельная память..., 2012).

родам как со стороны «своего», так и соседнего государства. Задачи интеграции населения актуализируются по обе стороны границы, ставя людей перед выбором культурного мира, к которому они хотят принадлежать. Идеи культурной отличительности и культурного единства вступают в конкуренцию. Одна из причин формирования альтернативных идентичностей в приграничье — сопротивление монополии, устанавливаемой государством на культурное производство, и защита правомерности своего взгляда на события истории, особенно если это касается местной исторической памяти.

Новейшая российская история дает множество поводов задуматься на эту тему. Современные российские границы — результат «сжатия» контролируемого российским государством пространства, сокращения ресурсов его геополитического влияния и недостаточной эффективности их использования (Цымбурский, 1993; Мельвиль и др., 2009; Трейвиш, 2009; Гранберг, 2011; Коткин, 2016). Большинство крупных российских городов, оказавшихся приграничными в результате дезинтеграции СССР, никогда ими не были прежде или же были в далеком прошлом, оставившем след в исторических документах, но не в памяти современных жителей. Города на «старых» границах РФ в советские годы жили в ситуации закрытости и пограничного режима, имея слабые контакты не только с заграницей, но и отчасти с остальной страной.

Современная открытость, а местами и прозрачность границ породила совершенно новые вызовы, связанные с интенсивными трансграничными миграциями и ростом культурного разнообразия. Переформатирование постсоветского пространства привело к тому, что в первое десятилетие после распада СССР в РФ появились беженцы и вынужденные переселенцы из соседних стран. Вслед за первой волной «возвратной» миграции русских нахлынула вторая: в Россию, где экономическая ситуация, несмотря на все проблемы, была несколько лучше, поехали трудовые мигранты из сопредельных стран, в составе которых преобладали титульные этносы. Приграничные города как миграционные ворота не только пропускали этот поток, но и принимали многих мигрантов, которые переносили свой привычный образ жизни на новое место. Культурная неоднородность советского общества, еще недавно казавшегося столь унифицированным, ярко проявилась в новых обстоятельствах.

Население приграничных городов РФ также не было пассивным участником миграционных процессов. Решая свои проблемы, люди поехали за рубеж, им вольно или невольно пришлось вступать в контакты с носителями других культур, представлений, морали и моделей поведения, определять для себя новое место в мире, пересматривать свой статус и жизненные ориентиры. Одновременно с индивидуальной адаптацией к меняющимся условиям жизни им предстояло стать «принимающим обществом», проявляющим склонность к толерантности и признающим права «чужих». Все эти непростые испытания, несомненно, сказались на настроениях людей, трансформируя их взгляды и систему ценностей. Вопрос о характере этих изменений, их влиянии на неустойчивый баланс интеграционных и дезинтеграционных процессов в городских сообществах пока остается без удовлетворительного ответа. Чтобы приблизиться к нему, нами были выбраны крупнейшие приграничные города, расположенные в наиболее контрастных этнокультурных зонах поблизости от границы: Владивосток, Хабаровск, Астрахань, Ростов-на-Дону, Белгород и Калининград.

Миграционное давление на приграничные города

В постсоветские годы перечисленные города были миграционными магнитами и одновременно отдавали свое население центральным, южным и западным регионам РФ, а также за рубеж. Разнонаправленные миграционные процессы приводили к структурным сдвигам в составе их населения, его «постарению» или «омоложению», появлению новых этнокультурных групп, замещению «своих» приезжими. Эти изменения детально изучены демографами (Флоринская и др., 2014), поэтому обратимся к вопросу сохранности городских социумов, анализу представлений, настроений и намерений людей. Проводить такие сопоставления позволяют многолетние региональные исследования Фонда «Общественное мнение» (ФОМ)[2].

---

[2] Автор приносит глубокую благодарность руководителю Аналитического отдела «ФОМ» Г.Л. Кертману за предоставленную информацию и помощь в ее обработке.

Таблица 20.

Роль миграций в формировании современного населения приграничных городов РФ и миграционные настроения их жителей

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
Численность населения городов, 2016 г. (тыс. чел.)	606,6	611,2	531,7	1119,9	387,1	456,6
Динамика численности населения городов: 2016/1992 (%)	93,6	99,4	103,8	109,0	123,3	111,8
Скажите, вы живете в городе с рождения или переехали сюда? Если переехали, то откуда?						
Живу с рождения	72	53	62	76	44	40
Переехал из Москвы	0	0	0	0	1	0
из Санкт-Петербурга	0	0	1	0	0	0
из города нашей области (края)	5	10	1	3	10	9
из села (поселка, деревни) нашей области (края)	9	10	10	9	3	10
из города другой области (края)	4	17	16	7	26	27
из села другой области (края)	4	6	5	2	5	2
из Украины	2	1	0	1	4	4
из другой республики бывшего СССР	3	2	5	2	6	7
из страны дальнего зарубежья	1	0	0	0	1	1
Затруднились ответить	0	0	0	1	1	0
А вы бы хотели или не хотели переехать из вашего города в другое место? И если хотите, то куда именно?						
Не хочу переезжать	72	61	85	88	89	77
Переехал(а) бы в Москву	8	1	1	3	2	2
в Санкт-Петербург	7	5	2	0	1	2
в другой город нашей области (края)	0	1	0	0	1	0
в село (поселок, деревню) нашей области (края)	5	1	0	1	1	0
в город другой области (края)	2	19	5	1	1	2
в село другой области (края)	0	1	0	0	0	1
в страну ближнего зарубежья (б. республику СССР)	0	0	0	1	0	0
в страну дальнего зарубежья	3	7	5	4	2	7
Затруднились ответить	1	5	0	4	3	9

Источник: Региональные опросы проекта Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, апрель 2014 г.

В наибольшей мере отток жителей сказался на сокращении численности населения городов Дальнего Востока (табл. 20). Во Владивостоке он был частично компенсирован лишь во второй половине 2000-х гг. благодаря включению в городскую черту пригородных населенных пунктов и стягиванию жителей Приморья в столицу края. Несмотря на представление о Владивостоке как городе моряков и мигрантов, в его населении превалируют владивостокцы во втором и третьем поколениях (72%). Этих людей никак нельзя назвать временщиками, но, судя по проводимым исследованиям, многие из них сохраняют психологию «временщиков», живя одним днем и демонстрируя ответственное отношение только к собственным проблемам в противовес обязанностям и долгу перед другими (Медведева, 2012; Кривошеев, 2009; Бляхер, 2005). Эта ситуация усугубляется притоком переселенцев из сельской местности, малых и средних городов, трудовых мигрантов из Средней Азии, также сосредоточенных на решении собственных проблем в новой социальной среде.

Вместе с тем, многие владивостокцы ценят преимущества своего города, выгоды его приграничного положения и не собираются никуда уезжать. Если же они предполагают сменить место жительства, то в качестве альтернативы выбирают Москву или С.-Петербург. Другим сценарием является переезд в сельскую местность. Такие крайности свидетельствуют о максимализме запросов: либо максимизация городских благ и статуса (переезд в столицы), либо осознанный отказ от них в пользу «жизни на природе».

В Хабаровске — другом крупном дальневосточном центре — ситуация иная. Здесь стабильная численность населения в постсоветские годы поддерживалась значительным миграционным притоком городского населения из Хабаровского края, соседних регионов Дальнего Востока, с Камчатки и Сахалина. Хотя выходцы из села и трудовые мигранты из бывших советских республик не оказали на хабаровский социум столь значительного влияния, как во Владивостоке, процесс размывания сложившегося в советские годы городского сообщества шел достаточно интенсивно. Молодые поколения все чаще стали связывать свое будущее не с родным Хабаровском, а с С.-Петербургом, другими региональными центрами РФ и зарубежными странами. Выбор места переезда нередко предопределялся историей семьи и идеей возвращения на «родину предков» (Заусаев, Воронцова, 2007). Другая

отличительная черта жителей Хабаровска — готовность к разовой взаимопомощи, которая сочетается с систематическим уклонением от сотрудничества на постоянной основе. Причиной этого является доминирование ценностей выживания (Инглхарт, Вельцель, 2011), а следствием — низкий уровень межличностного доверия (табл. 21), что, впрочем, характерно для обоих городов Дальнего Востока.

Астрахань, как и все крупные города юга России, испытала значительное миграционное давление: вначале это были стрессовые возвратные миграции первого постсоветского десятилетия, затем в город поехали выходцы из трудоизбыточных прикаспийских регионов — российского Северного Кавказа, Казахстана и Азербайджана, позже к ним присоединились мигранты из Средней Азии. Однако неразвитый рынок труда Астрахани и низкие доходы населения способствовали тому, что город стал транзитным для трудовых миграций, да и сами астраханцы отправились на заработки в другие регионы страны. Широкое распространение получило многомесячное отходничество. Совокупное действие транзитности города, роста численности новых диаспор и циклических трудовых миграций самих астраханцев негативно отразилось на массовых настроениях. Фрустрация, разобщенность и недоверие друг к другу — вот характеристики местного социума. В то же время люди не утратили эмоциональной приверженности городу, связывают с ним свою судьбу, ценят его удобства и историческое прошлое, южный колорит, близость дельты Волги и Каспийского моря.

Ростов-на-Дону из всех выбранных нами приграничных городов обладает наименее эродировавшим социумом: 76% его жителей — коренные ростовчане, и 88% никуда не собираются переезжать. Армяне, которые в Ростове являются коренным населением, по-прежнему составляют вторую по численности этническую группу после русских[3]. Мало изменились и демографические тренды: в постсоветские годы рост населения города, как и раньше, происходил за счет соседских миграций, в ареал которых входили Северный Кавказ и Украина. Фактором, дестабилизирующим жизнь Ростова, стала близость к «горячим

[3] Современный Ростов-на-Дону сложился как агломерация Ростова, выросшего вокруг крепости и таможни, заложенных в XVIII веке, и Нахичевани — города, основанного армянами, переселившимися из Крыма по приглашению Екатерины II примерно в то же время. Постепенно Ростов-на-Дону включал в свою черту и другие населенные пункты.

точкам», сначала на Кавказе, затем — в Донбассе. В 1990-х и 2000-х гг. основные алармистские прогнозы связывались с ростом северокавказских диаспор. Сегодня ситуация стабилизировалась, и отголоски прежних опасений слышатся лишь в настороженности по отношению к учебной миграции кавказской молодежи, ежегодно пополняющей ряды ростовских студентов. Их неорганичная для коренного ростовского населения демонстративно маскулинная социализация подпитывает убежденность в неизбежности этносоциальных конфликтов (Сущий и др., 2014).

С 2014 г. большое влияние на город оказывают украинские события. Падение уровня жизни населения приграничных районов Украины, поток беженцев, вынужденных и трудовых мигрантов провоцируют взаимное недовольство россиян и украинцев. Россияне полагают, что украинцы требуют необоснованных привилегий, а украинцы видят в россиянах виновников своих проблем. Характерно для Ростова и дистанцирование его жителей как от сторонников националистических движений, объединенных идеей «русского мира», так и казачества. Представление о казаках связывается со станичной, а не городской культурой (Озеров, 2015; Сериков, 2013).

Белгород в советские годы был тихим провинциальным городом, напоминая скорее сельский пригород столичного Харькова, нежели центр экономически развитой промышленной области, где располагались основные добывающие и перерабатывающие предприятия Курской магнитной аномалии. Тем разительнее произошедшие перемены: в постсоветские годы не только значительно выросла численность населения Белгорода, но и качественно изменился его состав.

Знаковыми событиями стало строительство университета и привлечение квалифицированных специалистов из других регионов. Это редкий случай, когда в благоприятной по климатическим условиям южной аграрной зоне, где еще сохранилось значительное сельское население, основной миграционный поток в областной центр формировали не выходцы из соседних сел, а жители городов (табл. 20), некоторые из которых обладали выраженными чертами столичности, например, Томск, Новосибирск и Харьков. Белгород оказался привлекательным и для русских беженцев из Грозного, и для трудовых мигрантов из бывших советских республик. Обосновавшись в городе и ценя его экономическое благополучие, благоустроенность, развитый рынок труда

и выгоды приграничного положения, и «новые», и «старые» белгородцы никуда не хотят уезжать.

Необычна на фоне других городов российского пограничья и атмосфера бóльшего межличностного доверия: почти половина жителей Белгорода полагает, что «большинству людей можно доверять» (табл. 20). Конечно, на этот показатель оказывает влияние размер города: Белгород вдвое меньше Астрахани и втрое — Ростова-на-Дону. Но было бы неверно все сводить к этому фактору, ведь в сравнимом по размеру соседнем Курске уровень анонимного межличностного доверия вдвое ниже.

Возможно, эта особенность Белгорода является следствием совокупного действия трех факторов. Первый — отсутствие выраженной конкуренции между «своими» и «приезжими»: наращивание новых городских функций и сфер деятельности, испытывающих нужду в профессиональных кадрах, которыми город изначально не располагал, предопределило разведение их интересов. Второй — сохранность полусельского состава белгородского социума и его представлений об отношениях с соседями и соседской взаимопомощи. Третий — осознание своей принадлежности к успешному городу, что способствует солидаризации населения.

Калининград вошел в состав РСФСР по результатам Второй мировой войны, сменив свое имя и жителей. Здесь прописалось много российских военнослужащих и членов их семей. Долгие годы город функционировал как военный гарнизон и в полной мере ощутил, что означает психология временщиков, о которой так много говорят на Дальнем Востоке. Отпечаток того времени и сегодня лежит на местном социуме (см. главу 6.2). В любой программе социально-экономического развития Калининграда написано о «социальной разобщенности населения», его «безынициативности» и «отсутствии устоявшихся ценностных ориентиров» (Стратегии..., 2007; Стратегия..., 2013). До 1991 г. город был закрыт для въезда иностранцев, а после распада СССР оказался в иностранном окружении: повседневные контакты населения города с его польскими и литовскими соседями стали более интенсивными, чем с российскими регионами. Хотя трансграничные социально-экономические различия между странами Юго-Восточной Балтики не слишком велики, представления о «цивилизованной» Европе

в противовес «дикой» России породили глубокую фрустрацию населения Калининграда (Себенцов, Зотова, 2013; Колосов, Вендина, 2014).

Сравнительное исследование социального самочувствия жителей приграничных Архангельска, Пскова и Калининграда показало, что калининградцы «*живут хорошо, а чувствуют себя плохо*» (Исследование социального самочувствия..., 2012). На общем настроении сказались и процессы интенсивного замещения населения, происходившие на фоне его количественного роста. Все постсоветские годы высокая мобильность калининградцев способствовала оттоку молодых, образованных и активных горожан в Москву, Санкт-Петербург и за рубеж, а исключительное географическое положение — притоку в Калининград мигрантов из других регионов РФ и бывших республик СССР.

Итак, краткий экскурс в реалии приграничных городов показывает, что в результате постсоветских миграций их социумы и атмосфера жизни в целом подверглись влиянию разных социальных процессов. Для Владивостока и Калининграда была характерна негативная селекция населения, что неизбежно сократило социальный капитал, накопленный социумом в предшествующие годы, и увеличило разрыв между своими и приезжими. Белгород и Хабаровск, напротив, нарастили свой социальный и культурный капитал, хотя и в разной степени. Если Хабаровску удалось удержать достигнутый в советские годы неформальный статус интеллектуальной столицы российского Дальнего Востока, то Белгород резко возвысился на фоне своего окружения, обретя несвойственные ему ранее функции. Ростов-на-Дону дает пример относительно устойчивого сообщества, сохранившего основные демографические и социальные параметры, а Астрахань — дестабилизированного. Наибольшее влияние на оба города оказывает их геополитическое положение, близость зон конфликтов и «цивилизационных рубежей». Типологические различия ситуаций в выбранных городах открывают возможность выявить связь между внутренними процессами, происходящими в городских социумах, и внешними влияниями, проводником которых являются активные трансграничные контакты населения.

Отношение к «другим»: неприятие и толерантность

Требование толерантного отношения к антропологическим, расовым, этническим, религиозным и культурным различиям является в РФ конституционной нормой, за нарушение которой предусмотрено уголовное наказание. Тем не менее, толерантность не стала частью общественного сознания (Ксенофобские и националистические настроения..., 2015). Это отчетливо проявляется в приграничных городах, где конкуренция ценностей и жизненных укладов подчеркивается близостью границы.

Различие государственных юрисдикций легитимирует притязания жителей каждой из стран на культурную гегемонию на «своей» территории. Хотя требование признания этого факта артикулируется с разной степенью жесткости, оно выдвигается местными жителями в качестве почти обязательного для переселенцев. Без того, чтобы жить по установленным правилам, соответствующим представлениям местных жителей о городской культуре, не мыслится ни «настоящий» калининградец, ни ростовчанин, ни житель Владивостока. Вполне очевидно, что такая позиция наталкивается на несогласие инокультурных меньшинств или граждан соседних стран, также убежденных в правомерности собственных поведенческих и этнокультурных норм. Несмотря на взаимные претензии, эта ситуация находится в состоянии относительного равновесия до тех пор, пока участники городских процессов соблюдают разумную дистанцию и демонстрируют готовность идти на компромиссы. Правило, проверенное веками и тем легче соблюдаемое, чем более развит язык межкультурных коммуникаций.

Но если коммуникация нарушена или невозможна из-за отсутствия межличностного доверия, а недолюбливающие друг друга соседи не могут поступиться своими принципами ради разрешения возникающих противоречий, каждый замыкается в своей правоте, стигматизируя взгляды и поведение других как ошибочные и опасные, или же полностью их игнорирует, то в воздухе «пахнет керосином». Это тот вывод, к которому приходят многие российские исследователи, предупреждающие об опасностях межэтнических и межкультурных столкновений в городах (Мукомель, 2014).

На первый взгляд, такой прогноз имеет высокие шансы оправдаться. Действительно, жители приграничных городов болезненно реагируют на приезжих, особенно на представителей других националь-

ностей, не видят особой пользы в их присутствии и полагают, что этот поток следует ограничивать (табл. 21). Везде отмечается низкий уровень межличностного доверия, который еще более снижается в результате интенсивного притока мигрантов. В подобной ситуации, как доказано мировой политической наукой, возможности внутригрупповых и межгрупповых коммуникаций сокращаются (Патнем, 1996; Коллиер, 2016). Разобщенные городские сообщества солидарны лишь в разделяемой неприязни к чужакам. Мрачная картина, но торопиться с выводами не стоит. Благополучная реальность городов заставляет задуматься о справедливости такого вывода и разобраться, что же скрывается за противоречивыми данными опросов.

Действительно, трудно представить себе город, большинство жителей которого, с одной стороны, не доверяют друг другу, считают вредным присутствие в городе представителей других национальностей, требуют запретительных мер миграционной политики, а с другой — без предвзятости относятся к другим народам, не сталкивались с межэтническими конфликтами и не ставят проблему приезжих на первые места в рейтинге городских проблем.

Гипотетически можно вообразить ситуацию, свойственную архаичным обществам, когда люди боятся всего неизвестного, плохо осознавая источники своего страха. Но это никак не применимо к крупнейшим российским городам, расположенным на границах. Их население является современным, владеет всеми актуальными навыками, пользуется разнообразными услугами и иностранной валютой, летает на самолетах, активно выезжает за границу, знает иностранные языки (хотя бы немного) и имеет значительный опыт межкультурного общения. Значит, должно быть другое объяснение.

Во-первых, во всех городах имеется значительная группа достаточно равнодушных к этнокультурным проблемам людей, не испытывающих антипатии к другим народам или даже осознающих ценность культурного разнообразия. Они смотрят на межэтнические и межкультурные отношения через призму собственного опыта, основанного на трансграничных контактах, а не экзистенциальных страхов или предвзятых мнений. Для них город — социальная реальность, в которую этнические и культурные факторы вносят разнообразие, а возникающие проблемы связаны с совместным проживанием большого числа людей, а не их этнической принадлежностью.

Таблица 21.

Отношение к лицам других национальностей
и оценка их вклада в развитие города

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
Скажите, есть ли в вашем городе приезжие других национальностей? И если есть, то их присутствие, по Вашему мнению, приносит больше пользы или больше вреда? Или не приносит ни пользы, ни вреда?						
Приезжих других национальностей нет	3	0	1	0	7	0
Больше пользы	11	33	5	20	16	28
Больше вреда	64	39	60	48	54	50
Ни пользы, ни вреда	17	22	27	27	20	18
Затрудняюсь ответить	6	6	8	8	4	3
По Вашему мнению, следует или не следует ограничить въезд представителей некоторых национальностей в нашу область и город?						
Следует	61	86	78	73	65	74
Не следует	7	11	16	20	31	17
Затрудняюсь ответить	12	3	5	7	4	12
Некоторые люди испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. А Вы лично испытываете или не испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности?						
Испытываю	37	23	25	33	29	46
Не испытываю	55	75	73	66	68	47
Затрудняюсь ответить	8	3	2	1	3	7
Там, где Вы живете, за последний год случались или не случались конфликты между людьми разных национальностей?						
Случались	26	21	41	44	19	29
Не случались	66	71	50	44	78	50
Затрудняюсь ответить	7	8	6	12	3	21
Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или с людьми следует быть осторожными?						
Большинству людей можно доверять	25	12	39	36	46	31
В отношениях с людьми следует быть осторожными	71	88	56	64	53	66
Затрудняюсь ответить	3	1	4	1	1	2
Место, занимаемое проблемой «приезжих и мигрантов» в рейтинге городских проблем	10	20	19	18	15	11

Источник: Региональные опросы проекта Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, ноябрь 2013 года.

Во-вторых, понятия «пользы» и «вреда» при определении роли приезжих в городах могут наделяться несовпадающими смыслами. Как правило, польза имеет экономическое измерение, а вред — социальное. Выгоды получают отдельные люди или группы, а издержки перекладываются на общество в целом. «Вред» миграции и вызванного ею нарушения привычного социального порядка особенно остро ощущается там, где шли процессы негативной селекции населения и его интенсивного замещения. Влияет и субъективное снижение социального статуса, ощущаемое коренными жителями городов, как в Астрахани, где вынужденное отходничество ставит их на одну доску с гастарбайтерами, или в Белгороде, где приезжие из крупных городов нередко обладают лучшим образованием, профессиональными навыками и деловыми качествами. Сложность и запутанность возникающего клубка проблем, своих в каждом городе, приводит к переадресации недовольства обстоятельствами собственной жизни с их истинных виновников на воображаемых. Любые «чужаки» — приезжие, кавказцы, китайцы и даже русские из прежних союзных республик становятся «козлами отпущения» и несут ответственность за беды людей из местного сообщества (Дубин, 2006). Несмотря на это, выражаемая в отношении них агрессия имеет вербальный характер, выполняя компенсаторные функции эмоциональной разрядки и лишь при стечении многих неблагоприятных обстоятельств перерастает в физическую.

В-третьих, чем более однородным по каким-либо параметрам, например, по длительности жизни в городе, является социум, тем с большей настороженностью люди относятся к привносимым изменениям, и тем с большей вероятностью бытовые столкновения и неприязнь рассматриваются в качестве подтверждения угрозы межгрупповых конфликтов. Сам факт роста культурного разнообразия трактуется как объективная предпосылка межнациональной и межконфессиональной напряженности. Так, в Ростове основной причиной отторжения «других» называется то, что «*люди других национальностей хотят заявить себя хозяевами на этой земле*», на втором месте стоят различия в поведении людей и их образе жизни (Сериков, 2013). Похожую тревогу в отношении мигрантов и переселенцев испытывают и жители Астрахани (Зелетдинова, 2015).

Следует упомянуть и геополитический фактор. Фрустрация населения из-за утраты Россией своего значения в мировой политике, ощу-

щение жизни в стране, бесплодно растратившей свои ресурсы, рождает страхи и неуверенность, независимо от справедливости подобных оценок (Национальная гордость..., 2016). Разрушение представлений о государстве как надежном защитнике от внешних опасностей искажает картину мира и заставляет видеть в росте разнообразия угрозу культурного насилия, агрессии и экспансии (Collins, 1999). «*Главным фактором риска* — пишет А.Г. Топчиев — *является геополитическое положение Астрахани в Каспийском регионе, на границе с исламским миром и на перекрестке миграционных путей, что ... повышает конфликтогенность самого региона и опасность спонтанного возникновения межличностных и межэтнических конфликтов. Риском является и близость северокавказских республик...*» (Топчиев, 2013, с. 104). Подобные полные обреченности высказывания о культурных и геополитических границах как источнике угроз звучат в любом из выбранных нами приграничных городов, но особенно драматично в Ростове (Матишов, 2016).

О влиянии геополитики на восприятие культурного разнообразия свидетельствует и изменение отношения к нему за последние несколько лет. Фиксируемое многими опросами снижение ксенофобии в РФ совпадает по времени с укреплением авторитета российского государства в глазах его граждан после начала украинских событий, присоединения Крыма, вступления России в сирийскую войну и противостояния мировому политическому давлению (Ксенофобские и националистические настроения..., 2015).

Предпринятая попытка объяснить зашкаливающие показатели нетерпимости в приграничных городах не пещерной ксенофобией, а иными факторами, конечно, не означает, что проблема межэтнических и шире — межкультурных противоречий является надуманной. Вовсе нет, но ее масштабы иные, нежели следует из лобовой интерпретации данных опросов. Несмотря на алармистские прогнозы, в приграничных городах сохраняется спокойная атмосфера, следовательно, существует множество факторов, мотивирующих людей к поддержанию установившегося социального порядка, за которыми могут стоять как прагматические интересы, так и ценностные установки, не позволяющие переступать порог взаимной толерантности.

Ценности горожан

Ценностные приоритеты являются одним из важнейших источников мотивации поведения людей, определяя склонность человека к сотрудничеству в решении общих вопросов или, напротив, отказ от него, концентрацию на собственных целях и интересах. В применении к современному обществу Р. Инглхарт предложил различать ценности материального благополучия, названные им ценностями выживания, и постматериальные, выдвигающие на первый план самовыражение и качество жизни (Инглхарт, Вельцель, 2011). В первом случае для человека характерно ощущение конкуренции за жизненно важные ресурсы и стремление к их присвоению, во втором — логика обладания сменяется логикой использования, а удовлетворенность жизнью зависит от ее разнообразия.

Меняется и характер связей в обществе. «Выживание» предполагает приоритет внутригрупповых связей; межличностное доверие, возникающее в этом случае, сочетается с сильным недоверием к индивидам и группам, которые не входят в ближний круг. Стремление к самовыражению, напротив, опирается на межгрупповые связи и становится массовым в условиях, когда основные жизненные проблемы решены. Конечно, такое разделение условно. В реальности оба вида связей и различные системы ценностей существуют совместно и одновременно, вопрос лишь в числе лиц, разделяющих то или иное мировоззрение.

Если взглянуть на репертуар ценностей, разделяемых населением выбранных городов, то он не содержит неожиданностей (табл. 22). Как и везде в России, материальное благополучие и ощущение стабильности ценятся здесь выше интересной работы, новых впечатлений, свободы и возможностей самореализации. Но это не значит, что вся жизненная энергия людей уходит на «выживание». Горожанам вовсе не чужды ценности самовыражения и чувство собственного достоинства, хотя их приверженцы находятся в явном меньшинстве. Несмотря на общее сходство ситуации, практически в каждом из городов существуют особенности, играющие разную роль в ситуации интенсификации межкультурных контактов и трансграничных взаимодействий.

Таблица 22.

Персональные ценности жителей приграничных городов РФ, %

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
Взаимопонимание в семье	40	88	87	71	63	78
Ощущение стабильности, уверенность в завтрашнем дне	25	59	48	45	26	52
Общение с близкими, друзьями, знакомыми	29	54	48	73	35	45
Деньги, достаток	37	56	45	34	40	45
Интересная работа	19	32	37	26	24	23
Комфорт в быту	38	39	33	34	19	37
Вера, религиозные убеждения	9	8	32	7	23	29
Чувство собственного достоинства	8	14	19	12	11	27
Спокойная совесть	16	13	21	27	16	20
Свобода, независимость	13	18	18	15	26	22
Свободное время, отдых	19	13	14	38	9	12
Уважение окружающих	6	14	24	26	12	9
Карьера, продвижение по службе	12	14	19	16	19	9
Творчество, самореализация, увлечения, хобби	13	14	13	25	6	8
Новые впечатления	8	7	5	9	10	6
Уединение, возможность побыть одному	3	4	4	7	2	3
Затрудняюсь ответить	8	1	0	0	0	0
Ничего из перечисленного	9	0	0	0	0	0

Источник: Региональные опросы Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, апрель 2014 г.

Так, во *Владивостоке* поражает нигилизм жителей: это единственный случай, когда значительное число людей фактически отказалось отвечать на вопрос о ценностях, выбрав графу «затрудняюсь ответить» или «ничего из перечисленного»! Тройку основных ценностных приоритетов владивостокцев формируют «семья», «комфорт в быту» и «личный достаток», а замыкают список «чувство собственного досто-

инства» и «уважение окружающих». Что из этого следует? «Комфорт в быту» — это важная составляющая жизненного комфорта, который включает множество параметров — от состояния здоровья до качественного потребления, от интересной работы до социальной справедливости и удовлетворенности местом и средой жизни. Многие пункты этого перечня во Владивостоке далеки от желаемого идеала: более половины его жителей не удовлетворены состоянием дел в городе и регионе, называя среди главных проблем низкий уровень доходов, ЖКХ, состояние дорог, работу социальных служб, алкоголизм (табл. 23).

Степень влияния конкретного человека на изменение общей ситуации в городе и повышение уровня жизненного комфорта относительно невелика, однако индивидуальные усилия позволяют обеспечить себе «комфорт в быту», который начинает ассоциироваться с «достойной жизнью». Это ощущение усиливается массовой рекламой, акцентирующей эту сторону потребления, и близостью границы, облегчающей попадание в потребительский рай, где «выбор больше, а цены ниже». Обратной стороной сведения жизненного комфорта к бытовому становится уклонение от участия в совместной деятельности, направленной на защиту социальных прав. Этому способствует не только неустойчивость деградирующей социально-экономической ситуации, но и распространенность мнения об «оторванности» и «заброшенности» Владивостока.

Малозначимыми для владивостокцев являются и такие ценности как «чувство собственного достоинства» и «уважение окружающих». Оба понятия взаимосвязаны и обладают двойной коннотацией, отсылающей либо к правам человека и личностной самореализации, либо к мнению других и внешней оценке персональных достижений. Большую роль играет не только масштаб персональных свершений, но и причастность к общему делу.

Концентрация на достижениях только для себя и отказ от общественного признания — одно из свидетельств социальной дезинтеграции, однако самими людьми оно может восприниматься позитивно, как независимость. Такое состояние социума таит в себе опасность снижения иммунитета к асоциальным явлениям, экстремизму и радикализму. При современных технологических возможностях агрегатное состояние общества становится ресурсом одномоментной мобилизации, трансформирующей аморфное недовольство в разрушительную

Таблица 23.

Удовлетворенность положением дел в городе и основные проблемы

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
Если говорить в целом, Вы довольны или недовольны положением дел в городе?						
Доволен(-а)	52	56	53	53	73	41
Недоволен(-а)	44	42	41	41	22	48
Затрудняюсь ответить	4	2	6	6	5	11
Какие социальные и экономические проблемы города в последнее время волнуют Вас больше всего?						
Алкоголизм	24	25	32	23	21	12
Качество социального обеспечения, социальной защиты населения	15	16	24	21	16	21
Коррупция, взяточничество в органах власти	13	16	23	24	25	24
Коррупция, взяточничество в правоохранительных органах, в судебной системе	8	10	16	17	10	9
Наркомания	20	20	25	25	16	7
Недоступность, дороговизна жилья	31	31	30	23	30	24
Неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального хозяйства	16	29	27	28	21	32
Высокие цены на услуги ЖКХ	55	65	61	59	58	42
Низкий уровень зарплат	44	32	52	38	43	40
Низкий уровень пенсий, стипендий, пособий	27	23	30	36	32	20
Положение дел в сельском хозяйстве	7	7	6	4	4	8
Положение дел в сфере промышленного производства	7	8	7	9	6	5
Преступность	13	6	5	6	3	2
Рост цен на товары и услуги	59	48	46	50	56	58
Ситуация в сфере здравоохранения	28	26	18	22	24	31
Ситуация в сфере образования	9	8	8	8	16	6
Ситуация с занятостью населения, с безработицей	6	7	14	11	15	17
Ситуация с приезжими, мигрантами, конфликты на межнациональной почве	16	6	6	8	7	18
Состояние дорог, ситуация на дорогах	15	29	20	27	5	21
Экологическая ситуация, состояние окружающей среды	6	7	10	13	5	8

Источник: Региональные опросы Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, 2014–2015 гг.

силу, направленную на конкретные цели, в том числе против существующего социального порядка.

Похожая ситуация сложилась и в Калининграде. Здесь также диффузное недовольство сочетается с высокой ценностью «комфорта в быту», а «чувство собственного достоинства» по своей значимости намного опережает ценность «уважения окружающих», свидетельствуя о завышенной самооценке на фоне испытываемой фрустрации.

Совсем иначе выглядит ценностной ряд жителей Ростова-на-Дону, которые придают «дружбе» и «общению» непомерно большое значение, а ценность «свободного времени» ставят вровень с «материальным достатком». Можно ли эту ситуацию трактовать как переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения? Сомнительно. При взгляде на данные опросов возникают сильные ассоциации с советским периодом. В тех условиях ценность свободного времени, декларируемая в рамках концепции «всестороннего развития творческого потенциала личности», нивелировалась необходимостью его использования для решения задач выживания, стояния в очередях и решения многочисленных проблем повседневности (Наймер, 1992).

Похожие метаморфозы происходят и с ценностью общения и дружбы. Дружба — это не только проявление индивидуальных чувств и качеств, но и полезные связи, несущие с собой возможность решения многих проблем — от бытовых до карьерного роста, исходя из принципа «ты мне, я тебе» (Голов, 1995). Похоже, что в ростовском социуме, в меньшей степени подвергшемся влиянию миграций и замещения населения, по-прежнему сильны внутригрупповые связи, обеспечивающие социальную защиту человека и одновременно повышающие значение межгруппового размежевания. Ксенофобия, канализируя недовольство политическими, социальными и бюрократическими институтами, значительно повышает риски столкновения групповых интересов. Однако диффузная дружба («друг моего друга — мой друг») и куначество[4], предполагающие взаимные обязательства и вмешательство

[4] Куначество или побратимство — институт, распространенный среди народов Кавказа и объединяющий мужчин, принадлежащих к разным семьям, родам, кланам, народам. Делом чести для кунаков является предоставление друг другу помощи, убежища и защиты. Невыполнение кунаком своих обязательств, как правило, влечет за собой социальные, а иногда и физические санкции, лишает его своеобразной охранной грамоты.

в дела других на стороне «друга», позволяют гасить большинство конфликтов на начальной стадии.

Тем не менее, групповое противостояние способно выходить из-под контроля, поэтому, осознавая или инстинктивно ощущая эту угрозу, общество и власть обращаются к поиску объединительных ценностей, связывая их с «цивилизационными вызовами», «геополитическими расколами», «евразийским единством», национально-государственной идентичностью и другими зонтичными конструкциями. Близость границы из фактора потенциальной дестабилизации превращается в фактор сплочения городского социума.

Третье соображение, которое возникает при анализе ценностей жителей приграничных городов, касается роли религии. Почему жители Ростова, Хабаровска и Владивостока не придают ей большого значения, а Калининграда, Астрахани и Белгорода, наоборот, считают веру важнейшей ценностью? При этом все названные города являются секулярными, а среди их жителей лишь малая часть следует религиозным предписаниям и регулярно посещает храмы.

Хотя этот вопрос требует дальнейших исследований, можно предположить, что, во-первых, важную роль играет локальная политика — продвижение религиозных ценностей городскими и региональными властями. Национальная идентичность их подопечных укрепляется через обращение к духовным истокам и старой идее триединства государства, церкви и народа. Вера становится одновременно маркером этничности (православный равнозначен русскому) и национально-государственной идентичности. Во-вторых, не исключено, что повышение ценности веры связано с распространенностью представлений об угрозе России и русским, исходящей извне от зарубежных соседей, инородцев и иноверцев. В-третьих, в пользу ценностей веры работает и глобализация, формирующая запрос не только на унификацию и космополитизм, но и культурную особость и отличительность. В-четвертых, быть верующим сегодня современно. Если всего двадцать лет назад лицо верующего было лицом бабушки из деревни, то сегодня оно значительно помолодело и обрело черты столичности (Зоркая, 2009). Для молодых людей ценность веры не столько в следовании заветам предков и соблюдении предписанных ритуалов ради достижения царствия небесного, сколько в эмоциональной напряженности переживаний, возвышающих человека над окружающим миром (Семенов, 2007).

Результатом действия разных факторов — инструментализации религии, моды на воцерковление и поддержки демонстрационной обрядовости становится причудливое сочетание ценностных приоритетов людей. Однако повышение значимости веры обнажает связанный с ней парадокс. Приверженность религии влечет не рост толерантности общества, а нетерпимость к любым несовпадающим взглядам, «оскорбляющим чувства верующих». Примеров этому в современной жизни несть числа. Уже с середины 1990-х гг. социологи фиксируют более высокий уровень ксенофобии среди называющих себя верующими, чем среди неверующих (Дубин, 1996; Лункин, Филатов, 1999; Григоренко, 2012).

Плюрализм и конформизм городских сообществ

В какой мере представления и ценности жителей приграничных городов, испытывающих на себе влияние соседства с другой страной, поддерживают установившейся социальный порядок, а в какой способны подорвать его вследствие миграционных процессов, роста культурного разнообразия и одновременно недовольства жизнью?

Такая постановка вопроса не предполагает однозначного ответа, поскольку городские сообщества весьма неоднородны и характеризуются ценностным, языковым, этническим, конфессиональным и жизненно-стилевым многообразием. Их выраженный плюрализм несет в себе как потенциал сдерживания конфликтов, так и их эскалации. Среди ключевых факторов сдерживания можно назвать наличие устоявшихся городских привычек (своих для каждой группы) и прагматичной заинтересованности всех членов городских сообществ в сохранении социального порядка, дающего каждому возможность достичь своих целей. Среди факторов эскалации — наличие организованных и мобилизованных групп с четко артикулированным чувством принадлежности и не менее четко обозначенным неприятием «других» (близость границ облегчает подобное самоопределение), разобщенность людей и их концентрация на личных проблемах, слабость социальных групп, способных генерировать солидарность. Такое состояние общества позволяет периодически возникающим харизматичным лидерам выступать от имени большинства и открывает возможность массового внушения через апелляцию к экзистенциальным угрозам.

Все перечисленные факторы можно найти в каждом из рассмотренных городов. Но сегодня они скорее гасят, нежели усиливают друг друга. Плюрализм городских сообществ компенсируется персональным конформизмом людей, желанием «быть как все». Это обеспечивает относительную устойчивость социумов, но не дает никаких гарантий от потенциальных катаклизмов.

Основную угрозу хрупкой стабильности чаще всего видят в нарастании плюрализма, поскольку эффективность управления зависит от наличия достаточно однородных идентичностей. Даже самая авторитарная власть нуждается в поддержке общественного мнения, подтверждающего социальную оправданность и необходимость ее действий, а рост плюрализма способствует размыванию голосов решающего большинства и снижению уровня понимания процессов, происходящих в обществе.

Но и рост конформизма, трактуемого как лояльность установившемуся социальному порядку, таит в себе незримые опасности. Пассивное непротивление большинства общепринятым правилам игры при внутреннем несогласии с ними оборачивается в критические моменты массовой поддержкой маргинальных течений, ориентированных на разрушение столь ценимого этим большинством порядка. Примеры можно найти не только в майданной эйфории на Украине, но и студенческих беспорядках 1968 г. во Франции (Арендт, 2014) или молодежном протесте, вылившемся на улицы Москвы в 2017.

Сохранение и поддержание баланса между плюрализмом и конформизмом — непростая задача, требующая политической гибкости и адаптивности социума. Наиболее эффективным механизмом, обеспечивающим «жизнь вместе порознь», является национальное единство. Это далеко не новая идея. Дискурс единства пронизывает всю политическую риторику последних двух веков в России. Начиная со знаменитой уваровской формулы «самодержавие–православие–народность» (1833), он прошел целый ряд смысловых трансформаций — от понимания единства как единомыслия, обеспечивающего религиозную или квазирелигиозную (идеологическую) монолитность общества («советский народ в едином порыве...»), до понимания единства как неделимости, отражающего фрустрацию, пережитую после распада СССР. Теперь единство специфицируется по пространственным критериям (единое правовое, экономическое и прочие пространства). Идеологиче-

ские концепты единства, такие как «русский (православный) мир» или «славянское братство», не вызывают большого энтузиазма у людей.

Главным референтом национального единства становится государство, которое, несмотря на значительные групповые различия своих граждан — как региональные, так и ценностные, должно обеспечивать социальную справедливость. Понятно, что одновременно деидеологизированное и политизированное понимание единства, делающее «государство-нацию» фокусом консолидации населения, чрезвычайно уязвимо и зависит от многих субъективных факторов, в том числе и от сравнения себя с «другими».

Яркий пример — Калининград. Калининградцы демонстрируют высокую удовлетворенность жизнью в своем городе, находя его более благополучным и перспективным, чем другие города РФ, за исключением столиц. Одновременно они куда менее удовлетворены жизнью в России, полагая, что успехи города связаны не столько с ней, сколько с тем, что Калининград — это «скорее Европа» (Алимпиева, 2009).

В Хабаровске и Владивостоке та же проблема описывается в терминах внутренних различий, «островного» сознания жителей и деления страны на культурный «материк» и его далекие протуберанцы. За постсоветские годы это ощущение усилилось, поскольку режим социальной «проточности» дальневосточных городов, компенсировавший фрустрацию населения сознанием временности ситуации и надеждами на высокие заработки, трансформировался в режим социальной застойности. На Дальнем Востоке, пишет Л. Бляхер,

> *«Сложились сообщества, состоящие из людей, которые не могут, не желают, но должны жить вместе. Они приехали на время, а «застряли» навсегда. Они разные, и чуть ли не единственное, что их связывает — это язык и ощущение брошенности»* (Бляхер, 2005, с. 109).

Это рождает противоречие между ярким индивидуализмом жителей дальневосточных городов, их нигилизмом в отношении государства и ожиданиями социальной защиты, экономической и политической поддержки от того же государства. Новая «восточная политика» России в условиях европейских санкций и крупные российские и российско-китайские инвестиционные проекты привели к росту доверия к власти в обоих дальневосточных городах. Если в 2012 г., оценивая соб-

ственные перспективы, дальневосточники были настроены намного более пессимистично, чем большинство россиян, то с лета 2014 г. — намного более оптимистично (Кертман, 2015).

Приведенные примеры показывают, что мир ощущений, мифов, мнений, стереотипов, а не статистических данных или объективных фактов играет ключевую роль в формировании и переформатировании представлений людей о себе, своей стране и ее соседях. Люди живут и действуют в условиях физического (объективного) мира, но ориентируются при этом на символы и смыслы; культура определяет способ их жизни. Значит ли это, что для поддержания чувства национального единства, столь важного в пограничье, достаточно патриотической и символической политики? Можно ли «мягкой силе» внешних влияний противопоставить гордость за свою страну и культуру? И да, и нет. Понимание единства нации как условия развития страны, а не только как следствия исторических обстоятельств и совместно пережитого опыта, обуславливает пределы эффективности этого инструмента.

Согласно многолетним опросам населения, основу российской идентичности составляет восприятие России как мощной державы с обширной территорией, богатыми природными ресурсами, великой историей и культурой. Большинство россиян (65%) хотят жить *«в огромной стране, которую уважают и побаиваются другие»*[5]. События 2014 г. (присоединение Крыма и противостояние коллективному Западу) реализовали этот идеал и сплотили население, однако они оставили без ответа запрос на рост благосостояния. Столь же внушительное число россиян (73%) хотели бы, чтобы «величие» не вредило «благополучию», и чтобы основные усилия были направлены не на наращивание вооружений, а на достижение высокого уровня жизни граждан[6]. И если уж государство не может решить эту задачу, то оно не должно мешать людям делать это самостоятельно.

Эта мысль, весьма популярная в приграничных городах, особенно там, где есть «выгодное» соседство, подрывает достигнутое национальное единство. Любой, даже самый незначительный экономический

---

[5] Аналитический центр Юрия Левады (Левада-центр). Пресс-выпуск от 11.12.2014. 68% россиян считают Россию «великой державой». http://www.levada.ru/2014/12/11/68-rossiyan-schitayut-rossiyu-velikoj-derzhavoj/

[6] Там же.

проект в приграничье автоматически становится политическим или влечет за собой политические следствия. Задачи обеспечения безопасности страны входят в противоречие с потребностью в экономической открытости. Этот фактор играет против расширения экономической и управленческой субъектности приграничных городов. Тем не менее, мнение о трансграничных взаимодействиях как эффективном инструменте локального развития, способном запустить механизмы экономического роста, постепенно утверждается. Его значение даже несколько преувеличено, поскольку для крупных приграничных городов, имеющих развитую и диверсифицированную экономику, такая возможность выглядит скорее средством частичной компенсации дефицита развития, нежели источником роста благосостояния граждан.

Опыт трансграничных взаимодействий

Времена, когда только государства были субъектами международных отношений, создавая альянсы и политические институты, давно прошли. Процессы глобализации вовлекли в свою орбиту многочисленные компании, крупнейшие города и даже небольшие муниципалитеты. Конечно, их возможности действовать в соответствии со своими интересами, далеко не всегда совпадающими с государственными, сильно ограничены. Однако это не уменьшает роли, которую они играют в создании общей системы международных взаимодействий. Особенно наглядно это проявляется в случае глобальных и приграничных городов, которые позволяют расширять пространство деятельности своих агентов за пределы государственных границ, способствуют генерированию новых транснациональных социальных пространств и смешанных идентичностей.

Реакцией государств на размывание политических, институциональных и символических границ становится поиск новых механизмов производства солидарности и лояльности своих граждан (на смену этнокультурным идентичностям приходят политические и социальные), либо обращение к испытанным рудиментарным механизмам контроля трансграничной активности в диапазоне от ограничения до ее подавления и полного запрета.

Пример — строительство моста через Амур между российским Благовещенском и китайским Хэйхэ. Оба города связывали с этим проектом большие надежды на стимулирование экономического роста, по-

сколько даже в условиях затрудненных коммуникаций[7] возник социально-экономический симбиоз двух приграничных сообществ (Рыжова, 2013). Решение о строительстве моста было принято еще в 1995 г., затем многократно пересматривалось и откладывалось по разным причинам. Не последнюю роль играли российские страхи перед «китайской экспансией». На сегодняшний день построена китайская половина моста, который доходит до середины Амура, с российской стороны работы начались в конце 2016 г. Окончание этой истории пока неизвестно.

Еще более интересный случай — надежды на стимулирование экономики Хабаровска благодаря двусторонним государственным инвестициям в развитие Большого Уссурийского острова в рамках предложенной китайской стороной концепции «Один остров — два государства». Остров фактически является пригородной зоной Хабаровска[8]. До недавнего времени оба берега Амура в окрестностях города были пустынными. Ближайший к Хабаровску китайский городок Фуюань — бывшая рыбацкая деревня, насчитывает около 30 тыс. человек. Социально-экономический потенциал Хабаровска и Фуюаня несоизмерим. Если Хабаровск представляется мегаполисом, возвышающимся небоскребами на высоком берегу Амура, то Фуюань — торговым молом, где можно неплохо провести выходные дни и заняться шоппингом. Сервисная инфраструктура города создана «на вырост» в расчете на туристический поток как из РФ, так и из других регионов Китая: снег, мороз и возможность увидеть Россию издалека являются для китайских туристов экзотикой.

Как ни парадоксально, разница потенциалов работает не в пользу Хабаровска. Поездка в Фуюань отвечает потребностям хабаровчан в разнообразии потребления и форм проведения досуга. Выезжая в Китай, они оставляют там свои деньги, стимулируя экономику города. Но если Фуюань стал пригородом Хабаровска, то Хабаровск не стал центром для Фуюаня.

---

[7] В период навигации между Благовещенском и Хэйхэ работает теплоходная переправа. После остановки регулярной навигации (весной и осенью) возводится временный понтонный мост, в период ледохода и ледостава действуют суда на воздушной подушке, а зимой по прочному льду — автобусные маршруты. На автомобиле в оба города можно попасть только по длинной объездной дороге, тогда как на переправу через Амур требуется не более 15–20 мин.

[8] Напомним, что соглашение о передаче Китаю западной части острова Большой Уссурийский, острова Тарабаров и других более мелких островов в акватории Амура было подписано в 2004 г. и ратифицировано в 2005 г.

Проект обустройства Большого Уссурийского острова придал ситуации динамичность. К 2016 г. с китайской стороны границы уже построена необходимая пограничная инфраструктура, возведен мост, соединяющий остров с коренным берегом, гостиничный и торгово-развлекательный комплекс. В 2013 г. в Фуюане открыт международный аэропорт, а годом раньше начала действовать железнодорожная линия, соединившая его с Харбином. С российской стороны построен мост через Амурскую протоку, который пока упирается в сельхозугодья и бывший пограничный укрепрайон на острове, находящийся в плачевном состоянии. В планах — создание крупного торгово-выставочного комплекса, центра развлечений, Института Амура, образовательного центра и православного храма. Катастрофическое наводнение августа 2013 г. внесло коррективы в эти планы, поскольку первоочередной стала задача реконструкции противопаводковых сооружений.

Но все это лишь «вышивка», скрывающая канву государственных интересов. Прагматичные экономические цели заставляют Китай продвигать идею создания на острове крупного товарно-пассажирского терминала, сочетающего таможенные и логистические функции, что позволяет сократить издержки на пути следования китайских товаров в западные регионы России. Другая задача — усиление международной конкурентоспособности китайской культуры. «Гармоничное общество», согласно конфуцианству, должно сочетать материальное и духовное, поэтому рядом с утилитарными пограничными объектами, торговыми и гостиничным зданиями на острове были созданы сакральные пространства — Восточная пагода и площадь Солнца. Символы «Поднебесной» являются зримым подтверждением «небесного мандата» на управление Большим Уссурийским островом.

Сходный подход демонстрирует и РФ. Цель российской стороны состоит в том, чтобы не допустить превращения острова в склад китайских контейнеров как неизбежного следствия появления здесь товарно-таможенного терминала, а ограничиться только пассажирским пунктом пропуска. Задаче продвижения привлекательного образа России в большей степени соответствуют культурные проекты: создание международного института изучения Амура, выставки технологических новинок, культурно-просветительного центра и православного храма, столь же величественного, как и китайская пагода. Если российский проект осуществится (китайский в значительной мере уже осуществлен), то остров

станет зримым воплощением инаковости двух культурных канонов и двух политик, географической сближенности, а не культурного и политического сближения России и Китая. В силу контрастности создаваемой среды, неиспользования средств современной интернациональной архитектуры, подчеркивающей единство мира, и отсутствия площадок межкультурного диалога, формула «один остров — два государства» будет прочитываться как «два государства на одном острове».

* * *

Анализ процессов, происходящих в приграничных городах под воздействием внешних влияний, подводит к мысли, что они могли бы взять на себя функции развития и поддержки тройственного диалога — с зарубежными соседями, с культурным ядром своей страны и между собой. Его организация способствует созданию социальной сети кооперационных, а не конкурентных отношений. Горизонтальные коллективные взаимодействия, объединяя разрозненные очаги межгосударственных и межгородских трансграничных контактов, работают на национальное единство ничуть не меньше, чем вертикальные, ориентированные на собственное государство и его столицу. Образование и исследования, накопление знаний друг о другие, анализ и изучение позитивного и негативного опыта жизни на границе, популяризация результатов этих изысканий, туризм, выставки и фестивали — все это вместе взятое не позволяет спекулировать на темах геополитических угроз, исторической правды и справедливости, поиска лучшей жизни. Это особенно актуально в постсоветском пограничье, где государства озабочены необходимостью репрезентации своей национальной истории в противовес усвоенной многими поколениями ее советской версии и где происходит наслоение идентичностей населения. Именно крупным приграничным городам с их интеллектуальным потенциалом и обретенным опытом трансграничных взаимодействий под силу переосмыслить локальное прошлое, освободив его от негативных стереотипов. Начало дискуссии по прежде закрытым вопросам автоматически становится началом переговоров по современной повестке дня. Этот процесс не всегда приводит к счастливому финалу, устраивающему обе соседствующие страны, но не пройдя этот путь, невозможно строить ни политические, ни экономические отношения. Скелеты, спрятанные в шкафу, имеют свойство появляться в самый неподходящий момент.

Глава 6.2.

Калининградская область: пути компенсации эксклавности*

После распада СССР Калининградская область остается в сфере внимания российских и зарубежных исследователей. Вышло большое число работ, посвященных анализу феномена эксклавности (Винокуров, 2007), а также влиянию эксклавного положения на развитие Калининградской области (Клемешев, 2009; Рожков-Юрьевский, 2012; Себенцов, Зотова, 2013). При этом одним из ключевых направлений научной и общественной дискуссии остаются перспективы развития региона. В 2011 г. в книге «Стратегии развития Калининградской области» была предпринята удачная попытка представить шестнадцать гипотетических концепций регионального развития, которые отражали сложившееся многообразие точек зрения (Стратегии..., 2007, с. 11–55). Отказавшись от некоторых деталей и заведомо нереалистичных подходов, часть из которых предполагала выход области из состава страны, можно выделить две главные линии обсуждения проблем региона, органично связанные между собой. Часть исследователей изначально была сфокусирована на поиске внутренних (внутрироссийских) возможностей и стимулов развития этой территории. В рамках такого подхода широко обсуждались различные модели взаимоотношений между федеральным центром и областью, рассматривались разнообразные экономические механизмы для развития региона (Клемешев и др., 2003; Смородинская, 2001).

Другим не менее важным направлением дискуссии была попытка связать экономическое развитие области с внешним контекстом: географическим положением, процессами евроатлантической интеграции и др. Часть российских и зарубежных исследователей обращала внимание на то, что эксклавность создает не только угрозы, но и новые возможности для развития (Richard, Sebentsov, Zotova, 2015). По их

---

* Опубликовано: Себенцов А.А., Зотова М.В. Калининградская область: вызовы эксклавности и пути ее возможной компенсации // Балтийский регион, 2018, №1, с. 86-106

мнению, Калининградская область должна была превратиться в «регион сотрудничества» (Клемешев, 2003), что могло потенциально привести к укреплению доверия сначала между странами Балтийского региона (Browning, Joenniemi, 2008), а затем и между Россией и ЕС в целом (Aalto, 2002; Browning, 2003; Diner, Hagen, 2011). Став «естественной лабораторией» сотрудничества для выработки отношений между Россией и ЕС (Trenin, 2002), Калининградская область смогла бы получить заметные экономические выгоды и, модернизируя экономику, превратиться в своего рода «локомотив» сближения между Россией и Европейским Союзом.

Наступление в 2014 г. нового кризиса в отношениях между Россией и ЕС актуализировало старые представления о Калининградской области как «двойной периферии» (Федоров, 2010) и даже «геополитическом заложнике» (Lopata, 2005), исключенном из российских и европейских модернизационных процессов. Балтийский эксклав, как в старые времена, все чаще видится в роли очередного «непотопляемого авианосца», «военного форпоста» России на Западе (Худолей, 2016; Воловой, Баторшина, 2017).

Геополитические сдвиги последнего времени и российский ответ на них в полной мере сказались на жизни в российском эксклаве, что создает новые и заставляет переосмысливать старые вызовы для регионального развития. В настоящей главе авторы попытались проанализировать вызовы эксклавного положения Калининградской области, и ответы на них, предлагаемые федеральными властями и содержащиеся в стратегиях регионального развития и программах приграничного сотрудничества. На примере одной из перспективных отраслей специализации региона — туризма — показана двойственная роль эксклавного и приграничного положения, которое не только накладывает определенные ограничения, но и представляет собой важный ресурс. Исследование основывается на статистических материалах и серии интервью[9], проведенных авторами в Калининградской области в 2012 и 2014 гг.

---

[9] Авторами проведено более 40 интервью с представителями региональной и местной власти (в министерствах экономики и по туризму и культуре, Агентстве по международным и межрегиональным связям правительства Калининградской области, администрации города Калининграда и т.д.), научной и экспертной элиты, сотрудниками таможенных служб, иностранных представительств и консульств, торговых палат, промышленных предприятий, некоммерческих организаций.

Эксклавность как вызов развитию региона

Эксклавное положение отражается практически на всех аспектах развития области. От остальной России она отделена территориями Литвы и Белоруссии, а расстояние по морю до Санкт-Петербурга превышает 1000 км. Хотя в мире накоплен значительный опыт по управлению эксклавными территориями, в том числе и существовавшими когда-то на территории современной Калининградской области (Рожков-Юрьевский, 2012), некоторые особенности региона ограничивают возможности его применения. Во-первых, Калининградская область — один из наиболее крупных эксклавов в новейшей истории. Среди других подобных территорий регион выделяется большой численностью населения (в 2017 г. — 986 тыс. чел.) и сравнительно диверсифицированной экономикой. Во-вторых, статус российского анклава в Европейском союзе и странах НАТО в современных условиях создает значительный конфликтный потенциал, поскольку в отличие от других подобных территорий (Андорра, Ватикан) российский эксклав не является самостоятельным государством.

Как и другие эксклавы, Калининградская область сталкивается с четырьмя основными группами проблем. Во-первых, это доступ к территории эксклава со стороны материнского государства, что часто служит очевидной причиной серьезных конфликтов. В случае Калининграда эти конфликты разворачивались вокруг гражданского, грузового и военного транзита.

Во-вторых, сложности управления, проявляющиеся в невозможности эффективно решать внутренние проблемы без учета мнения третьих стран. Пытаясь решить энергетические проблемы области путем строительства Балтийской АЭС, Россия столкнулась с резкими возражениями соседей. При этом они не предлагали никаких адекватных альтернатив, ограничиваясь дипломатическими демаршами.

В-третьих, экономические проблемы, вытекающие из недостаточной емкости внутреннего рынка, а также дополнительных издержек, связанных с таможенными и пограничными барьерами.

В-четвертых, возможность формирования особой идентичности, которая, с одной стороны, может быть консервативна в силу изолированности от основной территории страны, а с другой — чрезвычайно подвижна вследствие влияния ближайших соседей (Нис, 2003; Зверев, Клемешев, 2004). Эта возможность, связанная с риском выхода регио-

на из состава России, вызывает большие опасения федерального центра. Это подтверждается как результатами анализа федерального дискурса (Колосов, Вендина, 2014), так и интервью с местными экспертами.

Негативные эффекты эксклавности не возникли одномоментно, сразу после распада СССР, а развивались постепенно. Фактически можно говорить о постепенном процессе «эксклавизации», который привел регион от юридической эксклавности к фактической (Клемешев, 2009) (рис. 20). На каждом из двух выделенных нами этапов этот процесс по-разному влиял на экономику области и ее население.

На первом этапе (1990-е гг.) «эксклавизация» была вызвана процессами государственного строительства в Литве и Белоруссии. Возникновение реальных барьеров, связанных с введением пограничного и таможенного контроля, появление торговых пошлин и визовых сборов увеличило временные и финансовые издержки на перемещение товаров, что ускорило распад межрегиональных производственных связей. Ситуация осложнялась и тем, что область испытывала высокую зависимость от соседей по поставкам электроэнергии и топлива, а

Рис. 20. Эксклавизация и развитие приграничного сотрудничества в Калининградской области.

также транзита российских энергоносителей через их территорию. В результате произошел глубокий спад в жизненно важных для региона отраслях — машиностроении, целлюлозно-бумажной, рыбной промышленности и др. Население ощутило раньше всего экономические последствия «эксклавизации», в то время как свобода передвижения через новую российско-литовскую границу сохранилась.

Положительной чертой этого периода стал рост проницаемости калининградско-польской границы, что было немедленно использовано жителями региона для организации челночной торговли. Ее участники старались получить прибыль от самых незначительных различий в цене на широкий перечень потребительских товаров, но главными предметами трансграничного обмена стали топливо, сигареты и алкоголь. Развитие приграничной торговли сыграло большую роль в стабилизации социально-экономической ситуации в регионе в начале 1990-х гг., обеспечив занятость многим жителям приграничных районов Калининградской области.

На втором этапе (2000-е гг.) «эксклавизация» развивалась как следствие европейской интеграции, охватившей государства Центральной и Восточной Европы, что привело к появлению новых таможенных и пограничных барьеров как для населения, так и хозяйствующих субъектов региона. Так, если до 2003 г. жители Калининградской области могли посещать Польшу и Литву без виз по общегражданским паспортам, то уже в 2003 г. для этого требовались специальные визы, которые, впрочем, были многократными и бесплатными.

Крупнейшей проблемой в отношениях между Россией и ЕС в начале 2000-х гг. стал транзит между основной территорией России и Калининградской областью. Опираясь на резко негативную позицию Польши и Литвы, Брюссель категорически отказался рассматривать предложения России об организации транзита по образцу сообщения между Западным Берлином и ФРГ до объединения страны или безостановочном движении пассажирских поездов через Литву. ЕС первоначально жестко настаивал на введении виз для всех пассажиров, следующих в Калининградскую область и обратно. После долгих переговоров, чреватых риском крайнего обострения отношений, ЕС в 2002 г. выдвинул нестандартное предложение, не предусмотренное Шенгенскими соглашениями. Вместо виз, на которых первоначально жестко настаивала европейская сторона, были разработаны специальные

транзитные документы для железнодорожного (УПД ЖД) и других видов сухопутного транспорта (УТД). Тем не менее, к 2005 г. для транзита между Калининградской областью и остальной Россией автомобильным и железнодорожным транспортом уже стало необходимо предъявлять загранпаспорт (кроме авиационного транспорта и паромного сообщения).

Очередное ужесточение визового режима произошло в 2007 г., когда вступило в действие Соглашение о взаимном упрощении выдачи виз гражданам России и ЕС. Соглашение вводило единые правила по оформлению виз и автоматически отменило прежние привилегии для жителей эксклава. Теперь вместо бесплатной годовой визы для посещения Польши и Литвы калининградцы были вынуждены оформлять однократную визу стоимостью 35 долларов. По некоторым данным, за год из-за введения платных виз почти на 1 млн. чел. сократился «туризм выходного дня» (Федоров и др., 2013). Существенные изменения произошли и в «челночной торговле»: после введения платы за визы и усиления борьбы с «мрувками»[10] российские челноки были потеснены их польскими коллегами.

Изолированность от основной территории страны постепенно нарастала и все больше сказывалась на жизни населения. Федеральные и региональные власти прилагали значительные усилия для *компенсации издержек процесса «эксклавизации»*, следуя в стратегических документах двум основным направлениям научной и политической дискуссии, о которых говорилось выше.

Внутрироссийские ответы на региональную обособленность

Поиск внутренних возможностей для развития в условиях эксклавизации происходил по двум основным направлениям.

Первым направлением был поиск баланса полномочий между федеральным центром и регионом. Уже в конце 1980-х-начале 1990-х гг. большинство исследователей и региональных политиков продвигали идею расширения экономической и политической самостоятельности области, что вполне укладывалось в русло процессов децентрализации, характерных в то время для отношений между федеральным цен-

[10] Распространенное название «челноков» на польской, а в последнее время и на российской стороне границы.

тром и другими регионами. В 1993 г. был подготовлен проект закона «Об особом статусе Калининградской области», который, впрочем, не был принят. Альтернативное предложение состояло в том, чтобы сделать ставку на сохранение роли Калининградской области как военного форпоста страны, что означало сохранение ее полной дотационности (Федоров и др., 2013, с. 172). Однако процесс демилитаризации региона шел полным ходом.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг., когда в стране в целом возобладал тренд на централизацию власти и унификацию прав субъектов федерации, более популярной стала идея усиления федерального присутствия в регионе (Смородинская и др., 1999) и увеличения объемов прямых инвестиций государства и подконтрольных ему компаний. Крупные вложения первоначально были направлены на улучшение коммуникаций между регионом и основной территорией России (паромная переправа в Балтийске) и сокращение энергетической зависимости от Литвы. С 2002 по 2010 гг. были построены два энергоблока Калининградской ТЭЦ, что в конечном счете позволило области выйти на самообеспечение электроэнергией. В 2010 г. начато строительство Балтийской АЭС, рассчитанной в том числе на экспорт электроэнергии в соседние страны. Их отказ заставил российскую сторону заморозить строительство, однако в 2017 г. рассматривалась возможность его возобновления. В 2013 г. введено в строй подземное газовое хранилище, а с 2015 г. началось строительство регазификационного терминала для приема сжиженного природного газа.

В последние годы в рамках подготовки к чемпионату мира по футболу 2018 г. значительные средства были направлены на развитие внутриобластной транспортной инфраструктуры (например, проект «Приморское кольцо» или круизный терминал в Пионерском), благоустройство Калининграда и некоторых курортных городов области. В 2013 г. принята масштабная Государственная программа «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 г.», которая, правда, уже подвергнута некоторым корректировкам, связанным с экономией средств федерального бюджета.

Основная поддержка оказывалась через создание особых условий хозяйствования на территории региона. С самого начала 1990-х гг. регион получил значительные преференции в таможенной и налоговой сферах, а также в части тарифной поддержки транспортного потока

(субсидирование авиаперевозок, компенсация транзитных расходов на прокачку газа через территорию Белоруссии и Литвы и пр.). Создание в 1991 г. на территории области Свободной экономической зоны «Янтарь» и закрепление статуса Особой экономической зоны в 1996 г. (далее — ОЭЗ–1996) позволило ее резидентам беспошлинно импортировать сырье и полуфабрикаты, а также вывозить готовую продукцию при условии, что добавленная стоимость, созданная в пределах региона, составит не менее 30% (для электроники и бытовой техники — 15%). Это способствовало формированию новой экономики, основанной на получении сырья и полуфабрикатов из-за рубежа и поставку готовой продукции преимущественно на общероссийский рынок. В результате в области были сформированы крупные кластеры автомобильной, электронной и электротехнической промышленности, построенные на принципе импортозамещения (Федоров, 2010). В середине 2000-х гг., по данным Росстата, Калининградская область производила почти 86% российских телевизоров, 84% электропылесосов, четверть мясных консервов и др.

Кризис 2008 г. показал высокую уязвимость экономической модели, основанной на развитии благодаря льготному режиму сборочных производств, рассчитанных на общероссийский рынок. Издержки эксклавности полностью компенсировать не удавалось из-за набиравшего обороты процесса евразийской интеграции и подготовки к присоединению России к ВТО. Интересы эксклава как относительно изолированной от остальной страны территориальной системы не всегда совпадали с интересами других регионов России и государства в целом. Решения, направленные на преодоление эксклавности, приводили к появлению у области дополнительных преимуществ перед другими регионами со схожей хозяйственной специализацией. Это вызывало межрегиональные конфликты экономического и политического свойства. К тому же некоторые полученные регионом преимущества становились причиной появления различных видов полулегального бизнеса. Так, льготные условия ввоза и таможенного оформления иностранных автомобилей, существовавшие в Калининградской области в первой половине 2000-х гг., способствовали не только ее стремительной автомобилизации (хотя многие автомобили, зарегистрированные в области, использовались в других регионах страны), но и привели к протестам со стороны автопроизводителей, а затем и властей других реги-

онов России, особенно Самарской и Нижегородской областей, в которых расположены крупные автозаводы.

Отчасти этот опыт был учтен в Федеральном законе №16 об ОЭЗ в Калининградской области от 1 октября 2006 г. (далее — ОЭЗ–2006), который установил десятилетний переходный период по переходу с таможенных льгот на налоговые. В течение этого периода были сохранены таможенные льготы для юридических лиц, зарегистрированных до 1 апреля 2006 г. Новые резиденты ОЭЗ могли рассчитывать уже только на налоговые преференции.

Несмотря на эти меры, даже в 2016 г. большинство обрабатывающих производств Калининградской области зависело от таможенных льгот режима ОЭЗ образца 1996 г. После отмены этих льгот с 1 апреля 2016 г. предприятия стали получать компенсации из федерального бюджета. В 2016 г. на эти цели было выделено около 26 млрд. рублей, из которых почти 14 млрд. получили производители автомобилей. В целом на предприятия ОЭЗ–1996, часть из которых являются резидентами обеих ОЭЗ, приходилось 40% стоимости основных фондов, 45% занятых в обрабатывающих производствах, 78% всей промышленной продукции и почти четверть ВРП области (Кузнецова, 2015).

В целях стимулирования инвестиционной активности был троекратно (со 150 млн. до 50 млн. рублей) снижен минимальный порог инвестиций для компаний, желающих стать резидентами ОЭЗ–2006. Рассматривается возможность дальнейшего снижения порога для инновационных предприятий. Были введены также отсрочка уплаты таможенного НДС, субсидии на перевозку товаров железнодорожным транспортом и поддержку регионального рынка труда (Постановление..., 2015). Тем не менее, большие сложности для предпринимателей создают запутанные процедуры получения субсидий, а также не в полной мере адекватная методика идентификации происхождения и количества сырья в товарах, производимых в области. Вместе с тем, некоторые исследователи полагают, что дело не в конкретных процедурах, а в неустойчивости самой экономической модели, которая опирается не на специфические региональные факторы, а на искусственно созданные институциональные условия, изменение которых ведет к нежизнеспособности многих созданных в области производств (Гареев, Елисеева, 2014; Кузнецова, 2015).

Приграничное сотрудничество

Внешние условия развития региона также были предметом активной научной дискуссии, результаты которой отчасти зафиксированы в региональных стратегиях. Оценка этих условий и рецепты по преодолению эксклавности зависят, во-первых, от того, что ставится на первое место в оценке географического положения региона — собственно эксклавность или фактор соседства (Кузнецова, 2015), а во-вторых — от оценки самого фактора соседства и всего комплекса отношений между Россией и ЕС в целом. Многообразие возникающих в результате точек зрения можно свести к двум основным подходам.

Первый подход, который в последние несколько лет обретает все большую популярность, состоит в возможности и даже необходимости превращения Калининградской области вновь в «военный форпост» России. Несмотря на то, что большинство сторонников данного подхода в самых крайних его формах являются скорее публицистами, чем учеными, вероятность реализации отстаиваемого ими сценария не может быть полностью исключена. В научной литературе этот подход представлен в более мягкой форме (Худолей, 2016; Воловой, Баторшина, 2017), а в имевшихся до настоящего времени региональных стратегиях никак не отражен.

Второй подход строится на том, что использование выгод соседского положения может быть ключом к компенсации эксклавности региона. В 1990-е гг., когда казалось, что отношения России и ЕС складываются в направлении не просто сотрудничества, но даже стратегического партнерства и интеграции, возникла идея пилотного «региона сотрудничества» между Россией и ЕС (Смородинская, 2001). Суть идеи состояла в том, что Калининградская область, рассматриваемая и Россией, и Европейским Союзом как специфический регион, находящийся под суверенитетом России, должна стать площадкой для отработки приоритетных направлений во взаимоотношениях сторон. Речь шла об апробации новых форм экономической интеграции, приграничного сотрудничества, увеличения мобильности людей и др. Эта идея была активно поддержана, как российскими, так и иностранными учеными (Клемешев и др., 2003; Timmermann, 2001), региональными властями и даже заявлялась в качестве официальной переговорной позиции России на различных саммитах с ЕС в начале 2000-х гг.

С середины 2000-х гг., когда сотрудничество между Россией и ЕС на высшем уровне начало ощутимо «притормаживать», обсуждалась уже менее масштабная и обязывающая идея «региона сотрудничества». Однако скоро уже и эта идея оказалась чрезмерно революционной, что не позволило в полной мере реализовать «Стратегию социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года». В рамках своих полномочий региональные власти сосредоточились на наиболее деполитизированной и, как показало время, наиболее устойчивой форме международного сотрудничества — приграничной.

Приграничное сотрудничество изначально рассматривалось региональными властями как способ смягчения эксклавности и острого социально-экономического кризиса, охватившего постсоветское пространство после распада СССР. В 1990-е гг. на региональном уровне под контролем центральных правительств шел процесс активного выстраивания институциональной инфраструктуры и практик приграничного сотрудничества. В Калининградской области в этот период были созданы Российско-польский (1992) и Российско-литовский (1999) советы по сотрудничеству, в компетенцию отдельных комиссий которых входило большое число актуальных вопросов — от демаркации и делимитации границы до кооперации в сфере экономики.

Большую роль в формировании существующих сегодня сетей сотрудничества сыграла программа TACIS, запущенная в Калининградской области уже в 1991 г. В 1994 г. регион стал одним из приоритетов данной программы, что выразилось, в частности, в существенном увеличении финансирования. Основные проекты были связаны с защитой окружающей среды, модернизацией отдельных предприятий, развитием транспортных сетей, тренингами для управленцев и специалистов.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. одной из главных форм и площадок регионального сотрудничества были еврорегионы. С участием Калининградской области было сформировано пять еврорегионов: «Неман» (1997), «Балтика» (1998), «Сауле» (1999), «Шешупе» (2003) и «Лына-Лава» (2003). Наиболее интенсивное сотрудничество наблюдалось в еврорегионах «Балтика» и «Неман». Первый включает в себя пограничные и прибрежные территории Литвы, Польши, Дании, Швеции и Калининградской области, второй — часть Калининградской об-

ласти и смежные с ней польские, литовские и белорусские территории. Общий размер грантов, выделенных ЕС еврорегиону «Балтика» в период с 1998 по 2005 гг., составил 8,9 млн. евро, а еврорегиону «Неман» — 13,2 млн. (Федоров и др., 2013, с. 96).

В 2012 г. в официальных документах МИД работа еврорегионов была признана неэффективной из-за недостатка финансовых ресурсов у муниципалитетов для осуществления совместных с зарубежными коллегами инициатив, отсутствия постоянно действующих российских секретариатов еврорегионов, существенных разногласий между партнерами по поводу критериев отбора проектов и механизмов их реализации. Участие области в еврорегионах постепенно сворачивается, а новые проекты не реализуются. Активность в лучшем случае ограничивается проведением нескольких небольших международных мероприятий.

После расширения ЕС Калининградская область приняла активное участие в программе приграничного сотрудничества «Литва–Польша–Россия» (2004–2006 гг.), реализовывавшейся по линии INTERREG, а также PHARE и TACIS. Основная часть проектов, отобранных при реализации этих программ, была направлена на сотрудничество в области охраны окружающей среды, развитие гражданского общества, культурные и научные обмены. Однако программы приграничного сотрудничества неоднократно подвергались критике со стороны экспертного сообщества. Отмечалось, что проекты имели явно асимметричный характер: большая часть средств расходовалась на территории стран ЕС, не оказывая серьезного воздействия на социально-экономическое положение соседних регионов, включенных в программу. Проблема такого перекоса в сотрудничестве уже неоднократно поднималась в научной литературе (Себенцов, Зотова, 2013; Melnik, 2006). Ее отмечали и опрошенные авторами представители правительственных учреждений и некоммерческих организаций. Финансирование первых программ приграничного сотрудничества осуществлялось ЕС, а соисполнители из Калининградской области имели в проектах статус партнеров без финансового участия и поэтому не могли лоббировать свои интересы. К тому же центры принятия решений о распределении грантов и управления проектами также находились в странах ЕС.

В 2007 г. Калининградская область приняла участие в работе над новой программой приграничного сотрудничества «Литва–Польша–Россия» (2007–2013 гг.), в которой были учтены уроки предыдущего программного периода. Так, вместо сложного финансирования из различных фондов и европейских программ (INTERREG, TACIS, PHARE) была создана единая для всех участников финансовая система с одинаковым набором правил и процедур — Европейский инструмент соседства и партнерства (ENPI); снижен порог софинансирования для заявителей проектов; появилось больше возможностей для адаптации приоритетов, предложенных Европейской комиссией, к реалиям территории.

По содержанию и практике реализации программы приграничного сотрудничества ENPI 2007–2013 гг. сильно отличались от первых программ INTERREG, PHARE и TACIS (2004–2006 гг.). Во-первых, систематический мониторинг эффективности программ позволил снизить издержки асимметрии социально-экономического развития в приграничье. Сказались накопленный локальными акторами опыт работы в международных проектах и особенно ощутимый финансовый вклад российской стороны в суммарный бюджет программы (44 млн. евро, или порядка 25%).

Во-вторых, приграничное сотрудничество стало «более приграничным»: новые программы в большей степени, чем раньше, затрагивают непосредственно приграничные районы (рис. 21). До недавнего времени большая часть проектов приходилась на региональные столицы и еще один-два крупных города. Программы 2007–2013 гг. скорректировали сложившуюся конфигурацию сети, частично сместив центр тяжести от крупных городов к менее успешным центрам, расположенным непосредственно вблизи границы. Они становились площадками реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов, основная часть которых была направлена на улучшение транспортной доступности таких городов для сопредельных территорий соседних стран, а также снижение негативного влияния этих городов на экологическое состояние трансграничных речных бассейнов.

В-третьих, в программах сотрудничества сравнительно небольшие по объемам финансирования «мягкие» проекты (различные культурные, научные и образовательные обмены, форумы, круглые столы, выступления творческих коллективов и пр.) все чаще дополняются более

крупными, направленными на модернизацию или создание современной инфраструктуры: улучшение транспортной доступности и расширение пунктов пропуска (реконструкция участков автомобильной дороги Калининград–Мамоново, строительство обходного пути Панемунне–Советск с мостом через реку Неман и др.), а также защиту трансграничных водных объектов (строительство очистных сооружений в польском Сопоте, калининградских Мамоново и Славске, литовском Джукнесиаи и др.).

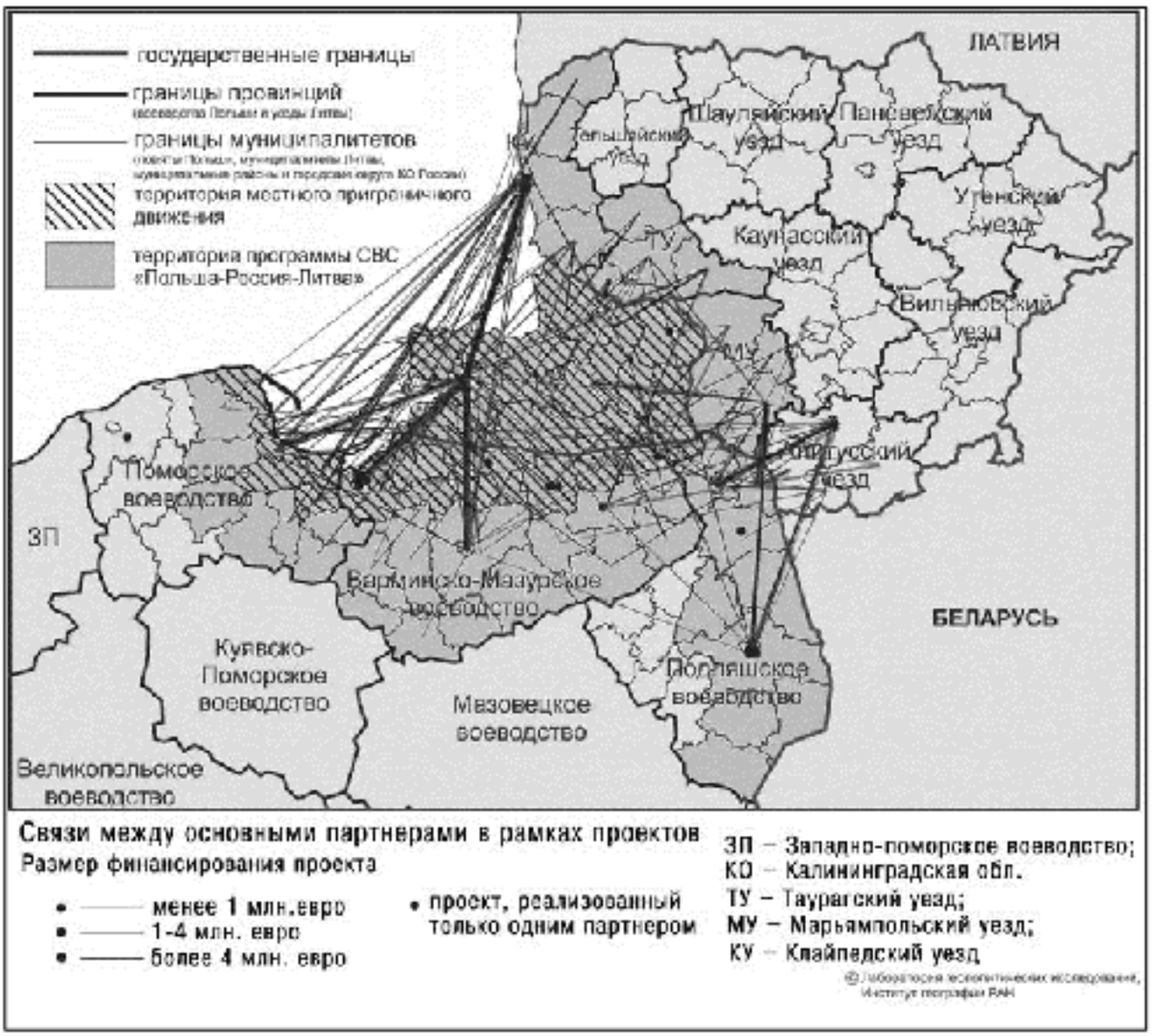


Рис 21. Партнерская сеть, сформировавшаяся в рамках проектов приграничного сотрудничества по программам INTERREG IIIa и ENPI в 2003–2013 гг.

Анализ реализованных проектов свидетельствует о том, что за последние десять лет Калининградская область существенно продвинулась по пути углубления взаимодействия с соседними странами (в первую очередь, с Польшей). Постепенно выстраивалась институциональная модель приграничного сотрудничества, которая привела к формированию настоящих сетевых партнерств — как межотраслевых, так и по отдельным секторам деятельности (охрана окружающей среды, туризм и пр.). В настоящее время сложно прогнозировать устойчивость подобных сетей и их способность инициировать независимые проекты. Однако уже сейчас отчетливо проявилась преемственность партнерских отношений: в каждой новой программе наблюдается воспроизводство уже сложившихся контактных групп. Общие интересы их участников — залог продолжения сотрудничества даже в условиях геополитической напряженности.

Ключевым изменением нового программного периода стал переход от трехстороннего формата сотрудничества к двухстороннему. Как и в прошлые годы, участники программы, используя предложенные Европейской комиссией приоритеты, могут выбрать и адаптировать те из них, которые в наибольшей мере соответствуют их интересам. К началу 2018 г. подписаны финансовые соглашения между Россией и Евросоюзом и рамочные документы по программам «Польша–Россия» (2014–2020 гг.) и «Литва–Россия» (2014–2020 гг.), заработал объединенный мониторинговый комитет, сформирован пакет заявок по крупномасштабным проектам. Первый конкурс заявок открыт в январе 2018 г. Известно, что общий бюджет программы приграничного сотрудничества «Польша–Россия» составит около 62 млн. евро, программы «Литва–Россия» — свыше 23,5 млн. евро (при российском вкладе соответственно в 20,6 млн. и 7,8 млн.).

Несмотря на положительный опыт, приграничное сотрудничество пока не смогло оправдать все возложенные на него надежды. В первую очередь, оно не оказало существенного положительного влияния на структуру экономики области. Так и не была реализована идея производственной кооперации с соседями в «биполярном» (Трехградье–Калининград) или «триполярном» (Трехградье–Калининград–Клайпеда) форматах. В результате наиболее интенсивные трансграничные связи области до последнего времени были связаны с поставкой потребительских товаров, сырья и полуфабрикатов для переработки на

предприятиях региона с последующей отправкой на российский рынок. Ответные меры российского правительства на западные санкции нанесли удар и по этим уже сложившимся связям. От произошедших в последние годы событий пострадал и туризм — одна из приоритетных отраслей как для приграничного сотрудничества, так и регионального развития.

Развитие туризма

Туриндустрия официально стала одним из региональных приоритетов с начала 2000-х гг., когда разработка экономических стратегий приобрела систематический характер. Хотя вклад туризма в ВРП области пока еще скромен и по оптимистичным подсчетам не превышает 2%, отрасль развивается весьма динамично (рис. 22). По данным министерства туризма Калининградской области, число туристов, посетивших эксклав, выросло за постсоветский период в 1,5 раза (с 400 тыс. в конце 1980-х гг. до 600 тыс. в 2014 г.). Основной прирост обеспечили российские граждане, доля которых выросла с 68,3% в 1997 г. до 93,7% в 2014 г. При этом почти половину потока составили жители Москвы (27,9%) и Санкт-Петербурга (22,7%). Как и в советское время, основные цели посещения Калининградской области для российских туристов — лечебно-оздоровительный (48%) и культурно-познавательный туризм (28%) (Ведомственная..., 2015).

После официального открытия области для посещения иностранцами в 1991 г. первыми в регион отправились так называемые ностальгические туристы — граждане Германии, родившиеся на территории бывшей Восточной Пруссии. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. к ним добавились их дети и внуки, а также любознательные немцы, интересующиеся своей историей. «Ностальгический туризм» — общий феномен для всего российско-польского и некоторых участков российско-литовского пограничья, где граждане Германии составляют значительную часть потока туристов.

Иностранцы, в отличие от российских туристов, посещают область преимущественно с культурно-познавательными (46%) и деловыми целями (35%). Кроме граждан Германии, доля которых среди иностранных туристов сохраняется на уровне 60–70% в течение всего постсоветского периода, иностранные граждане прибывают в регион

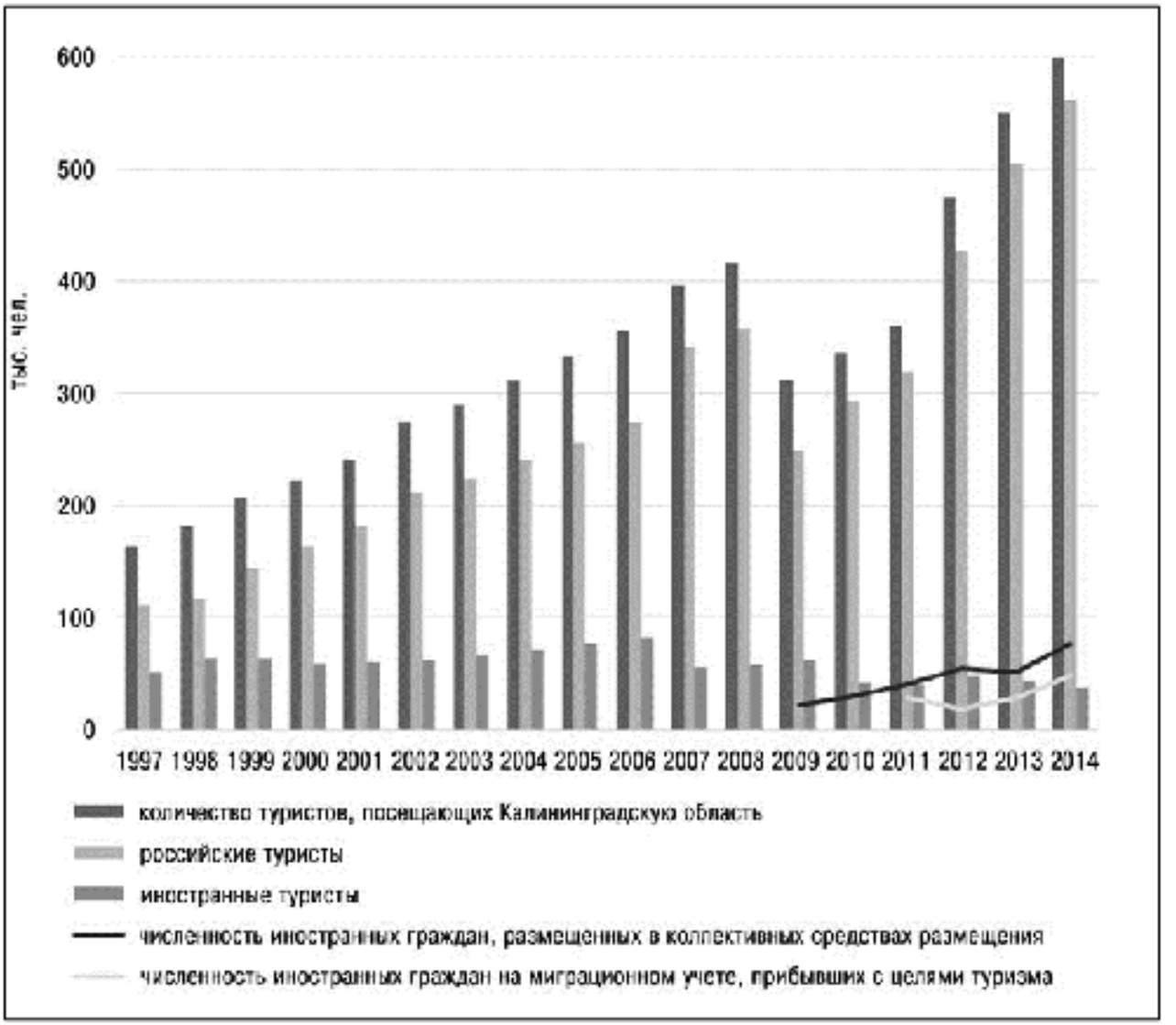


Рис. 22. Число туристов, посетивших Калининградскую область.

Источник: (Аналитический обзор..., 2015).

из Литвы и Польши, но их доля невелика (в среднем 3–5% из каждой страны).

Программы приграничного сотрудничества, региональные стратегии и областные программы развития туризма старались учитывать структуру туристического потока, а также запросы отдельных групп туристов. Показательно, что работа над всеми этими документами шла синхронно, что давало хорошие возможности для скоординированных действий (Sebentsov, Zotova, 2017; Кропинова, 2010). В 2003–2006 гг. все эти документы были пронизаны идеей создания общего туристско-

рекреационного пространства, базирующегося на «прусском наследии». После 2007 г. региональные стратегии и программы по развитию туризма предпочитают ориентироваться прежде всего на собственные туристские бренды — «Европейская Россия», «Россия в Европе», «Янтарный край» и др. Хотя эти туристские бренды по-своему интересны и содержат яркие и привлекательные проекты, игнорирование возможностей приграничного сотрудничества в создании общего с соседями туристско-рекреационного пространства можно считать по меньшей мере странным, поскольку именно совместный туристический продукт, базирующийся на «прусском наследии», мог бы быть наиболее конкурентоспособным.

Однако главное препятствие для развития приграничного сотрудничества в сфере туризма и формирования единого туристско-рекреационного пространства — режим границы. Первый эксперимент с ослаблением визового режима для граждан стран Шенгенской зоны, Великобритании и Японии начался еще в 2002 г, когда представительство МИД в Калининграде организовало три консульских пункта на автомобильных пунктах пропуска в Мамоново и Багратионовске, а также в аэропорту Храброво. Получение 72-х часовой визы формально было связано с необходимостью покупки туристического продукта у одной из шести аккредитованных турфирм. В реальности турфирмы предлагали купить хотя бы страховку, которая вместе с визой обходилась в 65 долларов. Чаще всего услугой «виза на границе» пользовались граждане Германии, Франции, Великобритании, скандинавских стран и Польши.

По словам сотрудников представительства МИД в Калининграде, этой возможностью пользовалось в год от 500 до 1500 иностранных туристов, поэтому консульские пункты работали только по запросу из аккредитованных турфирм. В связи с небольшим спросом на такую услугу и негативным фоном вокруг новых правил оформления шенгенских виз для россиян МИД принял решение прекратить эксперимент с 1 января 2015 г. Однако по просьбе правительства региона он был продлен до 31 декабря 2016 г. Одной из причин непопулярности услуги «виза на границе» — небольшой период ее действия. Кроме того, визу можно было получить только в рабочие дни и строго с 9:00 до 18:00, поэтому в случае отмены или задержки рейса турист рисковал надолго застрять в транзитной зоне аэропорта. Было бы желательно расши-

рить практику выдачи виз на границе и срок их действия, так как известно, что иностранные туристы предпочитают приезжать в Калининградскую область на срок не менее десяти дней.

Существуют и другие возможности безвизового въезда в регион. Так, с 2009 г. право на безвизовый въезд (не более чем на 72 часа) имеют также граждане иностранных государств в составе туристических групп, прибывших на круизном судне. Однако для развития круизного туризма существуют серьезные инфраструктурные ограничения — отсутствие специально обустроенных портов. По данным Калининградского отделения Речморфлота, с 2011 по 2013 гг. морской порт Калининграда принял всего лишь 15 круизных судов, в то время как в 2012 г. соседний порт Клайпеда — 44, Гдыня — 70 лайнеров.

Еще одним инструментом, потенциально расширившим возможности региона по привлечению туристов, был механизм МПП, работавший с 2012 и отмененный в 2016 г. по инициативе польской стороны с формальной ссылкой на обеспечение безопасности для проведения саммита НАТО в Варшаве и визита Папы Римского.

В 2014 г. через все пункты пропуска на территорию Калининградской области прибыло 2205 тыс. граждан, что на 40% больше, чем в 2012 г. При этом три четверти иностранцев (1738 тыс.) въехало через пункты пропуска на российско-польской границе. По данным Центрального статистического управления Польши, 88% пересечений на российско-польской границе в 2013 г. обеспечили именно польские граждане, которые в 50% случаев использовали карточки местного приграничного передвижения (Tourism in 2014, 2015). Декларировавшиеся гражданами Польши цели вполне позволяют квалифицировать их поездки в качестве туристских: 92,1% пересекали границу для покупок, 5,5% — с туристическими, 1,2% — с частными целями, 0,6% — по делам бизнеса. При этом продолжительность поездок 97% поляков не превышает одного дня (Аналитический обзор..., 2015). Эта категория иностранцев попадает под определение «посетителя», совершающего туристскую поездку, хотя и очень короткую. В среднем один такой посетитель в 2013 г. расходовал за поездку около 260 злотых (примерно 2600 руб.), из которых 88% уходило на покупку топлива. Почти 96% поляков ездили за покупками на расстояние не более 30 км от границы, а значит, не доезжали до Калининграда, ограничиваясь посещением ближайшей бензозаправки. Следовательно, даже постоянно посе-

щающие Калининградскую область жители соседних воеводств Польши не интересуются регионом как потенциальным местом для экскурсионного туризма или отдыха.

По мнению Т. Оманьского, руководителя Польского культурного центра в Калининграде, главная причина отсутствия интереса поляков к Калининградской области — недостаток информации о событиях в регионе, а также негативные стереотипы, которые по-прежнему сильны даже у жителей приграничных регионов. Изменению ситуации могла бы способствовать разработка качественной стратегии развития туристической деятельности, включающая организацию эффективной системы продвижения местного продукта и информирования соседей о событиях, происходящих в регионе — концертах, фестивалях, распродажах и пр. Частью системы информирования могла бы стать также специальная сертификация заведений на предмет готовности к приему туристов из Польши или других стран.

Отмена МПП ограничивает возможность компенсации эксклавного положения региона за счет упрощенного режима пересечения польской границы и удовлетворения повседневных потребностей в соседней стране. Сворачивание проекта негативно отражается на приграничных контактах.

Существенные ограничения на развитие трансграничного туризма в том числе накладывает недостаток двусторонних пунктов пропуска и их перегруженность, а также особый режим пограничной зоны с российской стороны. Принятые Государственной Думой в 2005 г. поправки к Закону о государственной границе возродили советские ограничения мобильности и хозяйственной деятельности на приграничных территориях. Первоначально в состав погранзоны попали 35% всех городских поселений региона, в том числе Советск, Багратионовск, а также наиболее привлекательные для туристов приморские курортные города (Светлогорск, Янтарный и Зеленоградск). К 2013 г. площадь погранзоны сокращена почти на 60%, однако в ее пределах оказались многие районы, которые рассматривались как потенциальные объекты для организации трансграничного туризма: знаменитая Ромынтенская (Ромницкая) пуща на границе с Польшей, где уже проложены велодорожки для туристов, Виштынецкое озеро на границе с Литвой, где согласно последней областной программе развития туризма планируется создать крупную рекреационную зону — кластер «Ев-

ропейский Байкал». Ослабление режима пограничной зоны могло бы создать условия для реализации давно обсуждавшейся идеи трансграничного туристского маршрута «Европейский велосипедный путь «Железный занавес» (Александрова, Ступина, 2014).

Развитию въездного туризма также препятствуют особые зоны с регламентированным для иностранцев режимом посещения, охватывающие значительные территории области в Нестеровском и Краснознаменском районах, а также в курортных Зеленоградском и Гурьевском. В Балтийском городском округе подобная закрытая зона мешает реализации одного из якорных проектов региона — строительству велодорожек «От косы до косы».

Режим границ тормозит и развитие водного туризма, на который также возлагаются большие надежды. Сам факт прохождения государственных границ по пограничным рекам (Неман, Шешупе и др.), Куршскому и Вислинскому заливам крайне осложняет их использование в целях туризма. До сих пор затруднено сообщение между портами Балтийска и Эльблонга, практически отсутствуют необходимые для развития малого судоходства и яхтинга пункты пропуска, не разработаны особые правила пересечения морской границы для яхт. Хотя в 2013 г. был открыт сезонный пункт пропуска «Рыбачий–Нида», он работает только на заявительной основе и имеет крайне небольшое число судозаходов (не более 20 за сезон). Одним из способов преодоления пограничных барьеров могло бы стать распространение на владельцев и пассажиров спортивных, парусных и прогулочных судов 72-х часового безвизового режима.

Еще одним важным механизмом компенсации отмены МПП может стать введение упрощенного порядка оформления однократных обыкновенных деловых, туристических и гуманитарных виз в форме электронного документа (электронных виз), разрабатываемого региональным правительством в качестве поправки в проект федерального закона о Калининградской области. Подобные подходы уже опробованы в некоторых странах. Так, по прибытии на китайский о. Хайнань турист в составе группы, включающей не менее двух человек, может получить за 30 долларов визу сроком на 21 день. При этом соответствующие службы работают 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Эксклавность региона в данном аспекте может сыграть положительную роль, поскольку турист, приехавший по особой электронной

визе, не сможет попасть на основную территорию России, минуя пункты пропуска.

* * *

Выбор концепции долговременного развития Калининградской области представляется непростой задачей, которая не может быть решена силами регионального правительства. В отличие от других субъектов федерации, в стратегиях которых учитываются прежде всего региональные и федеральные интересы, Калининградской области в силу ее эксклавности приходится принимать во внимание также интересы соседних стран. Попытки сбалансировать все три группы интересов предпринимались во всех существовавших до сегодняшнего дня стратегиях развития области, однако фактически эта задача так и не была реализована.

Во-первых, калининградские власти не обладали полномочиями, которые позволили бы оказывать влияние на внешнеполитические риски или, наоборот, использовать внешние обстоятельства для регионального развития. Во-вторых, интересы и политика непосредственных соседей быстро менялись и причудливо переплетались с интересами экономических и военно-политических объединений, определяющих правила игры в регионе Балтийского моря. В-третьих, федеральный центр в своей внешней политике на европейском направлении не всегда в должной мере учитывал региональные интересы Калининградской области.

С начала 1990-х гг. основной упор в региональном развитии был сделан на внутренние факторы в новых геополитических условиях, что выразилось в создании особых условий для экономического развития региона (ОЭЗ) и росте прямых государственных инвестиций. Хрупкость такой модели впервые проявилась в период кризиса 2008 г. и позже при переходе с таможенных льгот на налоговые.

Обострение международных отношений после начала украинского кризиса сделало геополитическое положение региона еще более сложным. Тем не менее, интервью с российскими и польскими экспертами свидетельствуют, что локальные и региональные акторы приграничного сотрудничества проявляют сравнительно низкую чувствительность к воинственной риторике центральных властей по обе стороны границы. Однако переход к реальной милитаризации общего по-

граничья может стать причиной потери накопленного потенциала сотрудничества, как это произошло уже с МПП.

Сбалансированное развитие экономики региона на основе внутренних и внешних факторов возможно на базе отраслей, в которых заинтересован и он сам, и его соседи. Создание общего с ними туристско-рекреационного пространства — идея, представляющая общий интерес, к реализации которой в области есть многие предпосылки, в том числе ее эксклавное положение. Снижение или отмена визовых барьеров для посещающих регион гостей могло бы стать важным шагом не только навстречу развитию отрасли, но и изменению отношений с соседями.

Известно, что приграничное сотрудничество как одна из наиболее деполитизированных форм международных отношений способствует росту доверия и улучшению отношений на межгосударственном уровне. Именно через налаживание тесных связей и контактов между людьми региону будет легче интегрироваться в общеевропейское пространство и преодолеть негативные последствия как своей политической изоляции от Запада, так и изоляции от материковой России, вызванной эксклавным положением. Показательно, что сложная международная обстановка не повлияла на финансирование и реализацию проектов приграничного сотрудничества на рубеже 2014–2015 гг. Чиновники регионального уровня по обе стороны границы надеются, что запущенные недавно программы приграничного сотрудничества ENI не пострадают от взаимного обмена санкциями, называя их «последним плацдармом»[11] сотрудничества.

---

[11] Алла Иванова: на программах приграничного сотрудничества нельзя нажиться. Новый Калининград. 15 Октября 2015 г. http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4770/https://www.newkaliningrad.ru/news/community/7177841-alla-ivanova-na-programmakh-prigranichnogo-sotrudnichestva-nelzya-nazhitsya.html

Глава 6.3.

Приграничное положение и периферийность в развитии российско-белорусского пограничья

Глобализация и региональная интеграция привели во многих странах мира к формированию трансграничных территориальных образований — районов, агломераций, «треугольников роста», «коридоров» и т.п. (Perkmann, 2003). Открытые границы обычно способствуют интенсификации трансграничных потоков и приграничному сотрудничеству (Pociute and Daugirdas, 2013), тогда как строгий пограничный режим оказывает негативное влияние на демографическую и экономическую ситуацию в пограничье. Тем не менее, и в районах вдоль открытых границ иногда наблюдается депопуляция и экономическая депрессия (Романова и др., 2015; Приграничное сотрудничество..., 2013). Возникают вопросы, при каких условиях открытая граница и экономическая интеграция стимулируют оживление экономической жизни в приграничье, каково соотношение благоприятствующих ему национальных, региональных и локальных факторов, как изменить баланс между положительными и отрицательными чертами приграничного положения, как выделить наиболее перспективные направления сотрудничества.

Известно, что территориальная структура большинства регионов бывшего СССР, в том числе и российско-белорусского пограничья, определяется центр-периферийными градиентами. Периферийные районы ряда областей после распада СССР стали еще и пограничными. Как избавиться от этой «двойной периферийности», использовать открытость границы и механизмы интеграции в целях сопряженного развития территориальных структур стран ЕАЭС, для экономической активизации пограничья?

Эти вопросы стали особенно актуальным вызовом для федеральных и местных властей в связи с образованием ЕАЭС и ускорением интеграционных процессов между Россией и соседними странами — Казахстаном и Белоруссией. В поисках ответа на этот вызов важно

изучить процессы, происходящие в российско-белорусском пограничье, и опыт его развития после распада Советского Союза.

Граница между Россией и Белоруссией исторически самая открытая на всем постсоветском пространстве: за исключением коротких периодов, на ней никогда не было пограничного и жесткого таможенного контроля, поскольку уже в первые годы после роспуска СССР руководство двух стран взяло твердый курс на интеграцию[12]. Еще в 1996 г. было объявлено о создании Союзного государства России и Белоруссии. Обе страны являются членами всех интеграционных образований на постсоветском пространстве, в том числе ОДКБ и Таможенного союза. В этом состоит коренное отличие российско-белорусской границы от большинства других постсоветских границ.

Особенности российско-белорусской границы определяются и тем, что она разделяет близкие по культуре, религии и языку регионы. Русский является в Белоруссии вторым государственным языком, жители белорусской части пограничья свободно им владеют, а для многих он является родным. 90% жителей белорусской части пограничья дома и на работе предпочитают говорить на русском языке, читать на нем книги и смотреть российские телевизионные каналы. Только 10% используют русский язык исключительно на работе (Российско-белорусское пограничье..., 2012). Исторически жесткой языковой границы между территориями, входящими ныне в состав России и Белоруссии, не было. Специалисты выделяют широкую полосу, в которой сочетались элементы белорусских и великорусских говоров, охватывавшую части теперешних Брянской, Калужской, Псковской, Смоленской и даже Московской областей (Савченко, 1989).

Население современного пограничья более трех столетий проживало в составе одного государства. Проведенный там недавно опрос показал, что большинство респондентов полагает, что русские и белорусы разделяют общую историческую судьбу (Российско-белорусское пограничье..., 2012).

---

[12] Открытая граница представляет большую ценность для многих граждан двух стран, что показала острая реакция СМИ на отмену белорусской стороной визового режима для иностранных граждан, прибывающих в страну авиационным транспортом, и ответные меры России. Поскольку граница Белоруссии с Россией остается открытой, российская сторона перевела авиасообщение с белорусскими городами в международные терминалы для осуществления паспортного контроля.

Нет на российско-белорусской границе и выраженных природных рубежей. В нем похожи агроклиматические условия, сформировались сходные и еще недавно единые системы городского и сельского расселения.

Тем не менее, барьерная функция государственной границы намного выше, чем политико-административная. Поэтому российско-белорусское пограничье представляет собой уникальный полигон для изучения влияния процессов государственного строительства на барьерность государственной границы в условиях ее открытости.

Формирование государственной границы и усиление периферийности пограничья

Территория губерний, большая часть которых составляет нынешнюю Белоруссию, непрерывно «пульсировала»: как их внешние рубежи, так и границы друг с другом постоянно менялись, причем эти изменения касались не только начертания границ, но и статуса, и функций. Современная территория Белоруссии сформировалась только к концу 20-х гг. прошлого века.

Северный участок границы от Себежа до Велижа (рис. 23) долгое время относился к Московскому государству, но в результате противостояния с Польшей в 1678 г. вошел в ее состав. Вновь эти территории вернулись к России почти через век — в 1772 г. Приграничные районы современной Смоленской области включались попеременно то в состав России, то Речи Посполитой и окончательно отошли России в 1667 г. Приграничные районы современной Брянской области сначала были частью спорных Северских княжеств (Трубецкого и Стародубского), а потом — Слободской Украины.

С 1919 г. рубеж между РСФСР и БССР проходил по границам между Минской и Витебской губерниями на севере и северо-востоке и Минской и Могилевской губерниями на востоке, юго-востоке и юге. В 1924 г. из РСФСР в БССР была передана большая часть Витебской и Гомельской губерний. В то же время из Витебской в Псковскую губернию перешли Себежский и Невельский уезды. В составе РСФСР остались также три уезда Гомельской губернии — Новозыбковский, Суражский и Стародубский, которые были включены в состав новообразованной Брянской губернии. Изменения политико-административ-

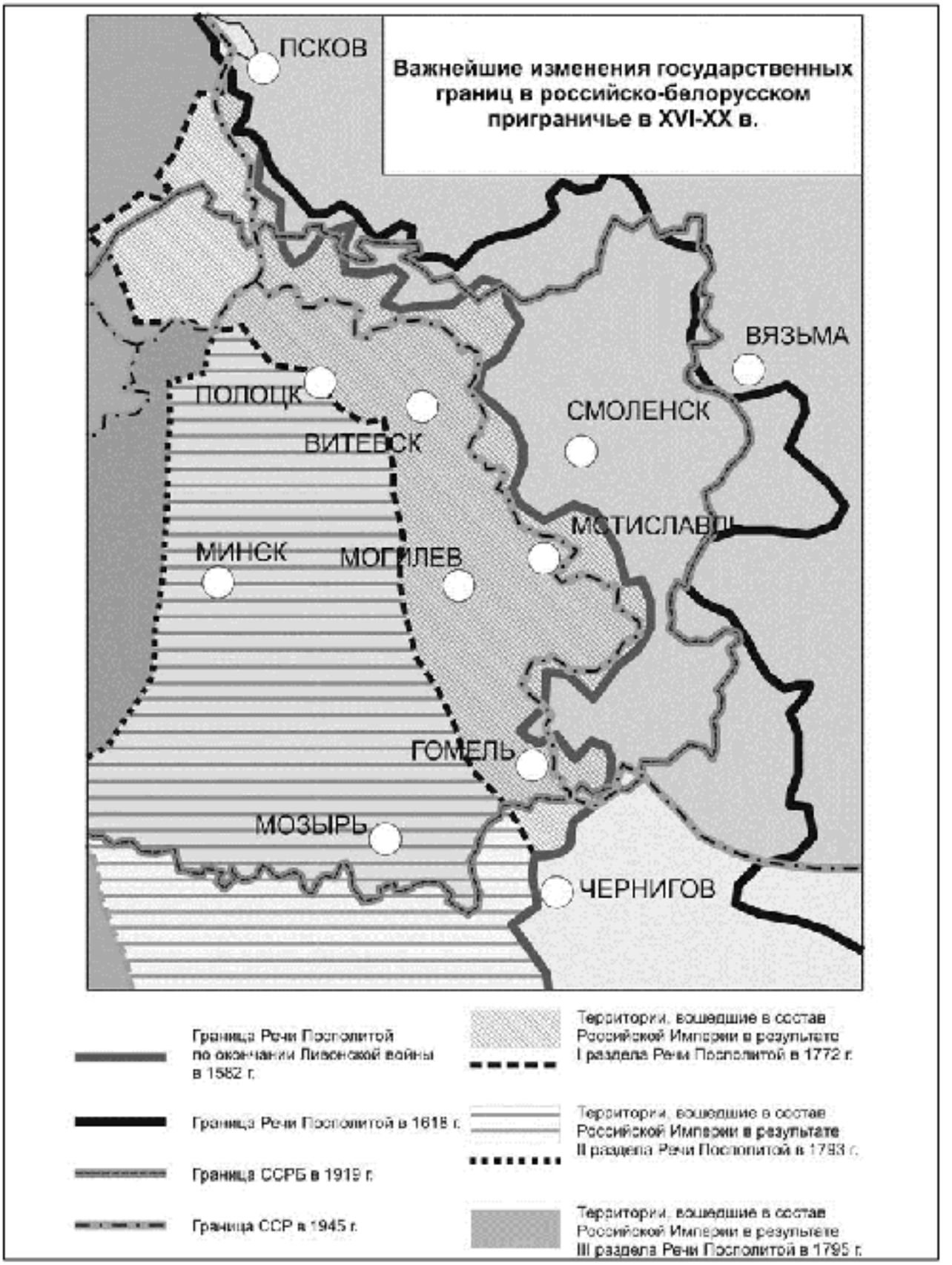


Рис. 23. Важнейшие изменения государственных границ в российско-белорусском приграничье в XVI–XX вв.

ных границ в советский период отразились, в частности, в формировании на территории Брянской области субцентра — Клинцов.

Таким образом, часть ныне пограничных областей России ранее входила в состав губерний, главные города которых сейчас находятся в Белоруссии (Могилевская и Витебская губернии) и в Украине (Черниговская губерния). Эти районы оказались отрезанными от центров, к которым они тяготели исторически и к которым часто были ближе. Только территории Краснинского и Ершичского районов до 1917 г. были в составе Смоленской губернии. «Меандрирование» и изменение статуса нынешней государственной границы и административные реформы заложили генетические предпосылки периферийности российско-белорусского пограничья.

Сходную роль в закреплении его периферийного положения сыграли многочисленные изменения административно-территориального устройства в советское время (табл. 24). При преобразовании в 1927 г. царских уездов в районы преемственности между их границами не было. Много «нарезанных» тогда районов было собрано из частей территорий сразу нескольких уездов. Такая «лоскутность» не способствовала комплексному развитию этих территорий. Хотя общей тенденцией было сокращение числа районов, отчасти связанное с уменьшением численности населения, пограничье испытало несколько волн их укрупнения и разукрупнения. В состав ряда районов были включены соседние. Нередко территория упраздненных районов не полностью включалась в их состав, а разделялась между несколькими районами, что способствовало дезинтеграции систем расселения. За счет дополнительных территорий укрупненные районы прирастали и дополнительными проблемными зонами, что в дальнейшем тормозило их социально-экономическое развитие.

Характерная для советской эпохи поляризация пространства областными центрами, которые почти всегда были самыми крупными и быстрорастущими городами в своих регионах, также способствовала формированию устойчивых признаков периферийности районов, далеких от главных городов. Псковская область представляет редкое исключение, поскольку ее территория распадается на районы влияния двух сопоставимых по потенциалу городов — Пскова и Великих Лук, бывших в 1944–1957 гг. областными центрами, что лишь подтверждает эту закономерность.

Таблица 24.

Административно-территориальные преобразования в границах современных областей российско-белорусского приграничья в XX в.

Административно-территориальные преобразования	Результат	Примеры
Образование районов из частей нескольких упраздненных уездов	«Лоскутность» территориальной структуры	Гжатский (Гагаринский), Починковский, Сафоновский, Шумячский
Включение в состав района соседних упраздненных районов	Прирастание ряда районов дополнительными «проблемными» зонами	Бежаницкий, Гдовский, Деловичский, Куньинский, Локнянский, Палкинский, Порховский, Себежский
Наделение на непродолжительный срок функциями областного центра	Укрепление полюса/субцентра территории	Великие Луки

Изменение статуса границы между Россией и Белоруссией в 1991 г. с внутригосударственного на государственный значительно повлияло на социально-экономическую ситуацию в пограничье. В России и Белоруссии за более чем четверть века независимости сформировалось разное экономическое, социально-культурное и правовое пространство. Траектории развития двух стран существенно различаются. В отличие от России, в Белоруссии около 80% промышленности остается в руках государства. Государственные банки составляют 75% банковского сектора. Предприятия промышленности и сельского хозяйства получают активную государственную поддержку. Несмотря на высокую долю в белорусской части приграничья убыточных предприятий как в промышленности (в 2015 г. — 23–39%), так и в сельском хозяйстве (14–34%), за счет более низкой себестоимости их продукция нередко оказывается более конкурентоспособной, чем российская, особенно в агропромышленном секторе и легкой промышленности. В то же время в России по сравнению с Белоруссией более мягкие условия для малого и среднего бизнеса, побуждающие белорусских предпринимателей регистрировать свое дело в России. Так, например, выход указа Президента Белоруссии №222 и постановления Совета ми-

нистров Белоруссии №666 в 2014–2015 гг. существенно изменил условия деятельности предпринимателей. Была введена новая система уплаты единого налога, установлено требование иметь сопроводительные документы при торговле отдельными видами продукции (например, трикотажем) и т.д. Это вызвало рост числа белорусских предпринимателей, зарегистрированных в российских приграничных областях. Ввиду особенностей системы расселения (близости Гомеля к границе с Россией) больше всего таких случаев наблюдалось на юго-западе Брянской области — в Новозыбкове, Клинцах и других городах.

В постсоветские годы в пограничье были разрушены или ослабли многие ресурсно-сырьевые связи. Существенно сократилась интенсивность движения по трансграничным маршрутам общественного транспорта, многие из них были отменены. При использовании для этих поездок личного автомобиля стало необходимо оформление страхового полиса. В результате новое пограничное положение способствовало дальнейшему углублению периферийности многих районов, прилегающих к границе.

Насколько периферийны муниципальные районы приграничных областей?

Понятие периферийности подробно раскрывается во многих работах географов, политологов, социологов, специалистов по региональной экономике. Их «общий знаменатель» состоит в четырех главных признаках периферийности — сокращение численности населения, в том числе вследствие миграционного оттока, структурная слабость (преобладание в экономике сельского хозяйства и традиционных услуг, низкие доходы), недостаточная транспортная доступность и удаленность от рынков, высокая зависимость от политических и экономических решений, принимаемых на национальном уровне (Davies, Michie, 2011). В качестве конкретных показателей обычно используются динамика численности жителей и сальдо миграций, ВРП и располагаемый доход на душу населения, уровень безработицы, распределение экономически активного населения по отраслям, доля населения в пенсионном возрасте, потребление услуг, транспортная доступность и т.п. (Perrons, 2006; Davies, Michie, 2011).

Немало исследований посвящено связи между экономической интеграцией и периферийностью. Некоторые авторы убеждены, что ин-

теграция способствует концентрации экономической деятельности в главных городских центрах, тогда как другие территории становятся экономически более слабыми из-за усиления межрегиональной конкуренции. Периферийность отрицательно сказывается на приграничном сотрудничестве; более благоприятны условия для него в том случае, когда страны граничат друг с другом наиболее развитыми частями. Однако другие эксперты подчеркивают, что интеграция, напротив, может уменьшить территориальную концентрацию экономики, поскольку окраинные районы получают преимущество за счет низких издержек производства (Schürmann, Talaat, 2000; Perrons, 2006; Davies and Michie, 2011).

Для оценки периферийности муниципальных районов российской части пограничья с Белоруссией остановимся на некоторых ключевых показателях.

Динамика населения в 1989–2016 гг. и плотность населения. В российских пограничных областях проживает 2,8 млн. чел., в белорусских — 3,7 млн. — намного меньше, чем до Великой Отечественной войны. С конца 1960-х гг. началась новая стадия депопуляции за счет массового отъезда молодежи, старения населения, снижения рождаемости и повышения смертности. Сокращение населения было значительно сильнее на российской стороне. Все три области, граничащие с Белоруссией — Псковская, Смоленская и Брянская относятся к числу депрессивных и постоянно теряющих население (Костюченко, 2003; Новожилов и Хрущев, 2007; Российско-белорусское пограничье..., 2012; Катровский, 2015; Морачевская, 2013; Chasovsky, Katrovsky, 2015). На белорусской стороне в малых городах и сельской местности человеческий капитал сохранился лучше.

Анализ динамики численности населения на внутриобластном уровне (рис. 24) позволяет выделить ареалы наибольшего сокращения населения (более чем на треть). Они в значительной мере приурочены к приграничной полосе, где миграционный отток в 1990-е гг. был одним из самых высоких. Так, в 2016 г. лишь в семи российских пограничных муниципальных районах из 76 был зарегистрирован рост населения; эти же муниципалитеты, как правило, отличались и наибольшей естественной убылью, и пониженной плотностью населения даже по сравнению с другими районами своих областей. Вместе с тем, имеются и исключения: скопление населенных пунктов у границы в Се-

бежском, Усвятском, Краснинском, Хиславичском, Суражском, Гордеевском и Красногорском районах. Наблюдается также концентрация населенных пунктов вдоль ключевых трансграничных трасс.

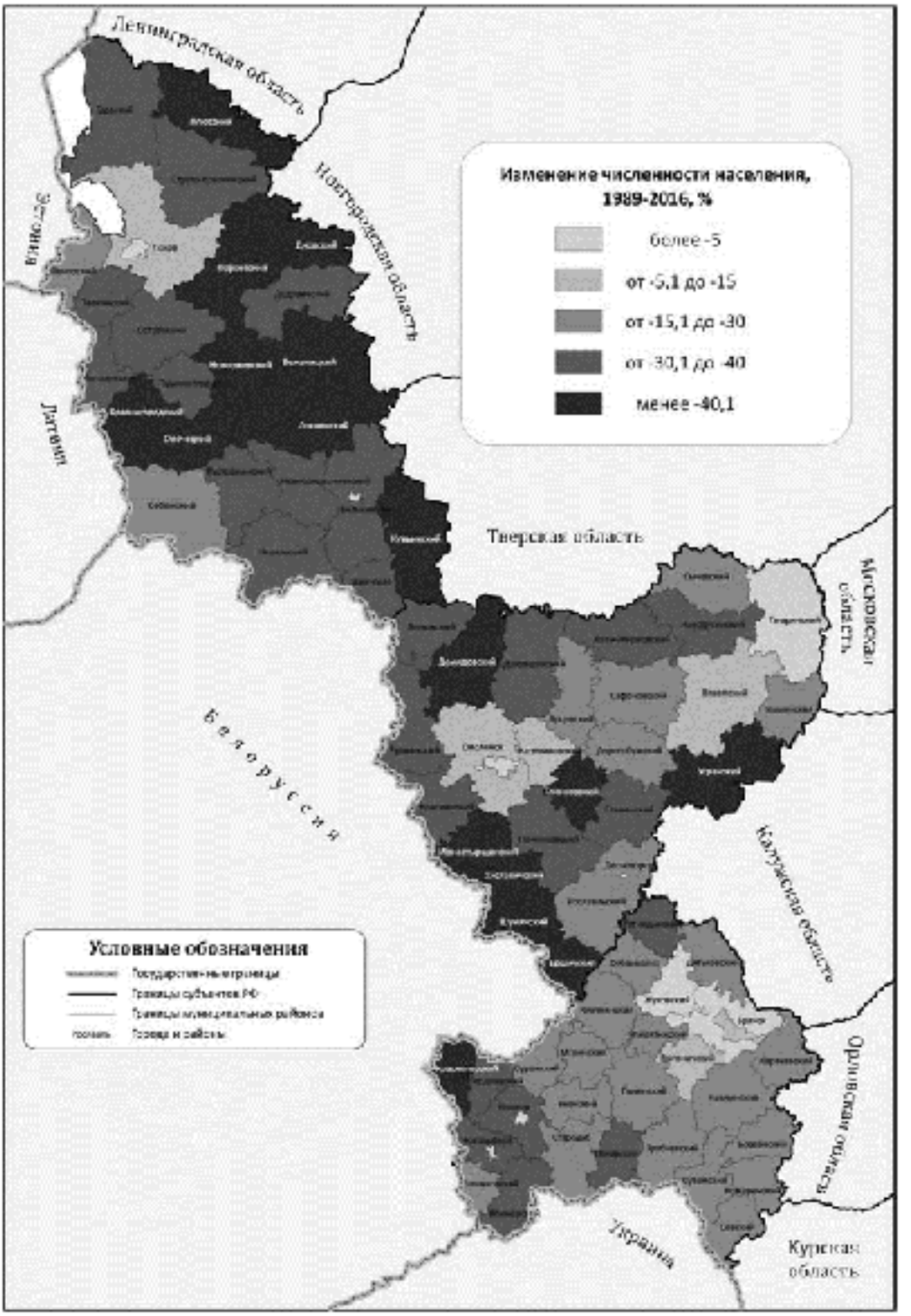


Рис. 24. Динамика численности населения в приграничных с Белоруссией регионах России в 1989–2016 гг.

Транспортная доступность. Анализ сети автобусных маршрутов показывает, что центры пограничных районов связаны ими только со своими областными столицами и наиболее крупными поселениями. Регулярного сообщения с другими райцентрами и тем более с населенными пунктами по другую сторону границы практически нет. Такая конфигурация транспортной сети четко соответствует центр-периферийной структуре как на областном, так и районном уровне. Несмотря на протяженную границу с Белоруссией, в некоторых районах нет современных, значимых автомобильных дорог в направлении сопредельного государства. Есть также случаи, когда для жителей отдельных районов более доступны по расстоянию региональные центры соседних областей. Так, например, для южных районов Псковской области Смоленск и Витебск примерно вдвое-втрое ближе собственного областного центра. В особенности такое положение характерно для приграничных Невеля (250 км до Пскова, 225 км до Смоленска, 100 км до Витебска) и Усвят (315 км до Пскова, 165 км до Смоленска, 125 км до Витебска). Такая близость, однако, никак не коррелирует с маршрутами и интенсивностью движения общественного транспорта.

Динамика инвестиций. Частные инвестиции в пограничные муниципальные районы крайне незначительны. Роста объемов инвестиций в Псковской, Смоленской и Брянской областях по мере приближения к границе не наблюдается. Поэтому приграничное положение, если и является дополнительным плюсом при выборе места для инвестирования, то только в рамках региона-субъекта федерации в целом, без внутрирегиональной дифференциации. Решающий фактор — центральное положение. Он определяет повышенную инвестиционную активность в крупных городах областей и смежных с ними районах. Периферийные города и районы остаются стабильно недоинвестированными.

Возникает вопрос, как складываются взаимодействия между белорусскими и российскими периферийными районами, насколько степень периферийности влияет на характер и интенсивность трансграничных контактов.

Характер трансграничных взаимодействий

Самая важная сфера сотрудничества и одновременно конкуренции между российскими и белорусскими субъектами экономической деятельности — сельское хозяйство и пищевая промышленность (табл. 25). В Белоруссии в модифицированной форме сохранились сравнительно крупные колхозы, которые получают значительные государственные субсидии. Белорусский агропромышленный комплекс легче пережил кризис переходного периода в 1990-х гг., чем российский, особенно в Нечерноземье, где на смену рухнувшим без государственной поддержки прежним формам хозяйствования новые, соответствующие условиям рынка пришли далеко не сразу и отнюдь не повсеместно. Это способствовало маргинализации сельского населения и дальнейшему обезлюдению сельской местности.

Активная государственная поддержка экономики в Белоруссии, включая убыточные аграрные предприятия, и лучше сохранившийся человеческий капитал в сельской местности делает белорусское сельское хозяйство более конкурентоспособным, несмотря на схожие природно-климатические условия. В этой отрасли взаимодействие носит преимущественно однонаправленный характер. В 2016 г. в пограничных с Россией областях Белоруссии было в 2,3 раза больше дойных коров и произведено в 3,8 раза больше молока, чем в российских. Вследствие ограничений на ввоз сырого молока рос экспорт белорусского молочного порошка в Россию. Наблюдается и экспансия белорусских производителей готовой молочной продукции на российский рынок. К тому же она имеет у российских потребителей репутацию более качественной. В результате пищевые предприятия в российском пограничье испытывают серьезный кризис, а некоторые из них закрылись.

Сотрудничество в сельском хозяйстве осуществляется, прежде всего, в двух сферах — приобретении семян, удобрений, запчастей для сельхозтехники (как правило, российскими партнерами у белорусских) и уборке урожая, изготовлении сенажа и т.д. (как правило, белорусскими хозяйствами для российских). Основой взаимодействий могут быть как долгосрочные соглашения на уровне глав районных или сельских администраций, так и «разовые» договоры.

Таблица 25.

Основные сферы трансграничного экономического сотрудничества и контактов

Сфера	Основные формы	Особенности, последствия
Сельское хозяйство	Приобретение семян, удобрений, запчастей для сельхозтехники российскими предприятиями у белорусских; или отопление сенажа, уборка урожая в российских районах с помощью белорусской техники и персонала.	Сотрудничество на основе договоренностей на уровне глав администраций разного уровня или нерегулярные связи.
Промышленность	Кооперация и создание совместных предприятий.	
Малое предпринимательство	Регистрация белорусских малых предприятий в российском приграничье.	Нередко сетевой характер деятельности белорусских предпринимателей, зарегистрированных в приграничье, но не ведущих там свою деятельность.
Челночная торговля и трансграничные поездки за покупками	Как правило, покупки жителей российского приграничья в Белоруссии.	Случаи дефицита товаров в малых городах и сельской местности Белоруссии.
Туризм	Организация трансграничных поездок туроператорами: «неорганизованный» трансграничный туризм: медицинский и оздоровительный туризм жителей российского приграничья в Белоруссии.	

В промышленности создание совместных предприятий в российских приграничных районах облегчает белорусским предприятиям выход на российский рынок. В таких случаях пограничье играет роль пробной площадки. Иногда для выхода на российский рынок нужны посредники в пограничье.

Одно из наиболее успешных совместных предприятий в пограничье — созданное в 2005 г. РУП «Гомсельмаш» и ЗАО «Брянсксельмаш», ЗАО СП «Брянсксельмаш». Есть и довольно много примеров совместных предприятий, образованных белорусским малым и средним бизнесом в пищевой, лесной и деревообрабатывающей промышленности, строительстве. Белорусские предприятия активно открывают в российских приграничных областях сети своих магазинов, киосков и палаток. Однако промышленная кооперация, создание совместных предприятий и прямые инвестиции затрагивают лишь немногие наиболее развитые районы Смоленской и Брянской областей.

Значимое направление приграничного сотрудничества — туризм. Туроператоры и турагенты успешно взаимодействуют в планировании трансграничных маршрутов. Так, псковские и витебские власти работают над созданием трансграничной историко-культурной туристической зоны. Эти два региона отличаются наиболее интенсивными туристическими связями, правда, в основном однонаправленного характера — из России в Белоруссию. Медицинский и оздоровительный туризм — самый популярный вид туризма в Витебскую область из российских приграничных городов и районов. Распространен взаимный обмен школьными туристическими группами.

К неорганизованным формам экономического взаимодействия в российско-белорусском пограничье можно отнести *поездки российских граждан за покупками в Белоруссию*, в последние годы, однако, сократившиеся из-за снижения платежеспособности населения и выравнивания цен.

Можно выделить экстенсивное и интенсивное использование приграничного положения районами пограничья. Большая часть контактов — скорее экстенсивные. Они представляет собой ситуативные взаимодействия для решения текущих проблем или носят теневой характер, особенно в сфере малого бизнеса. Более перспективны инициативные проекты (например, создание совместных предприятий), основанные на взаимодополняемости приграничных районов в обеспеченности различными видами сырья, кадрами, рекреационными ресурсами и т.д., которые предполагают развитие долгосрочных, более интенсивных взаимодействий.

Зависимость взаимодействий от иерархии поселений

Для более детальной оценки структуры и интенсивности трансграничных взаимодействий жителей соседних областей были взяты два профиля, соединяющих центры и субцентры попарно четырех областей пограничья: от Новозыбкова через гг. Злынка и Добруш на Гомель и от Могилева через Чаусы, Шумячи, Рославль на Десногорск. В населенных пунктах по этим профилям было проведено 212 полуструктурированных интервью с местными жителями.

По обоим профилям главные цели поездок из российских городов в белорусские — проведение досуга и развлечения, получение медицинских услуг, покупка продовольственных и промышленных товаров. Процент поездок на работу ничтожно мал. Мобильность жителей пограничья определяется центр-периферийными закономерностями — иерархией населенных пунктов. Чем выше иерархический ранг поселения, тем реже в большинстве случаев население совершает подобные перемещения (рис. 25 и 26).

Частота поездок жителей российских приграничных городов с различными целями в другие населенные пункты выше, чем белорусских. Максимальный показатель (39%) зафиксирован в районном центре Шумячи, что коррелирует с его периферийным положением и неразвитостью сферы услуг. Наименьшие перемещения характерны для Могилева и Гомеля.

В трансграничных перемещениях существенны различия по профилям. Для российских населенных пунктов по профилю Новозыбков–Злынка–Добруш–Гомель именно белорусский город является основным или равнозначным с другим российским (для Злынки) направлением перемещения. В занимающем сходное со Злынкой положение в территориальной структуре Гомельской области Добруше доля поездок в российские города, в частности, Новозыбков не превышает 5%.

Что касается профиля Десногорск–Рославль–Шумячи–Чаусы–Могилев, то 3% интервьюированных в Могилеве пересекают границу с Россией более 20 раз в месяц, столько же — раз в неделю, 13% — раз в месяц, столько же — раз в полгода, более редко делают это 68% опрошенных. В Чаусах 3% респондентов посещают российские населенные пункты раз в месяц, 7% — раз в полгода, 90% — еще реже. Таким образом, при приближении к границе частота поездок не возраста-

ет. Больше возможностей и/или потребностей поехать в Россию имеет население областного центра. Для российской цепочки населенных пунктов, как и белорусской, поездки реже, чем раз в полгода, составляют от 77 до 94%.

Различия в поездках за покупками промышленных товаров незначительны. 40% населения Злынки, 50% населения Добруша, 62% респондентов в Шумячах покупают промышленные товары чаще всего не в месте своего проживания, а соответственно в Новозыбкове, Гомеле, Рославле или Смоленске. 1/3 респондентов в Чаусах совершает поездки с аналогичной целью в Могилев. 16% населения Злынки приобретает промышленные товары в белорусском пограничье — в Гомеле. Редкие трансграничные поездки в Могилев за промышленными товарами совершают жители Рославля, а жители Новозыбкова — в Гомель.

Наиболее отчетливо центр-периферийные закономерности прослеживаются в выборе мест учебы в случае, если это учебное заведение расположено за пределами места проживания. Жители районных центров Шумячи и Чаусы называют чаще всего в качестве мест учебы соответственно Смоленск и Могилев, жители Злынки — Новозыбков и Брянск, Добруша — Гомель. Перечень мест обучения жителей населенных пунктов более высокого иерархического ранга — Рославля, Десногорска, Новозыбкова — разнообразнее: Москва, Смоленск, Брянск, Обнинск, Могилев, Псков, Калуга и пр. Минимальная мобильность — у населения Гомеля и Могилева, что обусловлено большим числом учебных заведений в этих городах. Если респонденты говорили о получении образования в других городах, то чаще всего упоминалась столица страны — Минск.

«Притяжение» близкого к границе Гомеля особенно сказывается на поездках с целью проведения досуга (туда для этого ездят 26% респондентов в Новозыбкове и 36% — в Злынке) и за медицинской помощью. В Новозыбкове в гомельские медицинские учреждения обращаются 40% опрошенных.

В целом интенсивность трансграничных связей находится в прямой зависимости не столько от близости к границе, сколько от положения населенного пункта в региональной системе «центр-периферия». Чем выше иерархический ранг поселения, тем большие возможности имеет население для совершения трансграничных поездок. При этом есть и другая закономерность. Сложившиеся линейно-узловые струк-

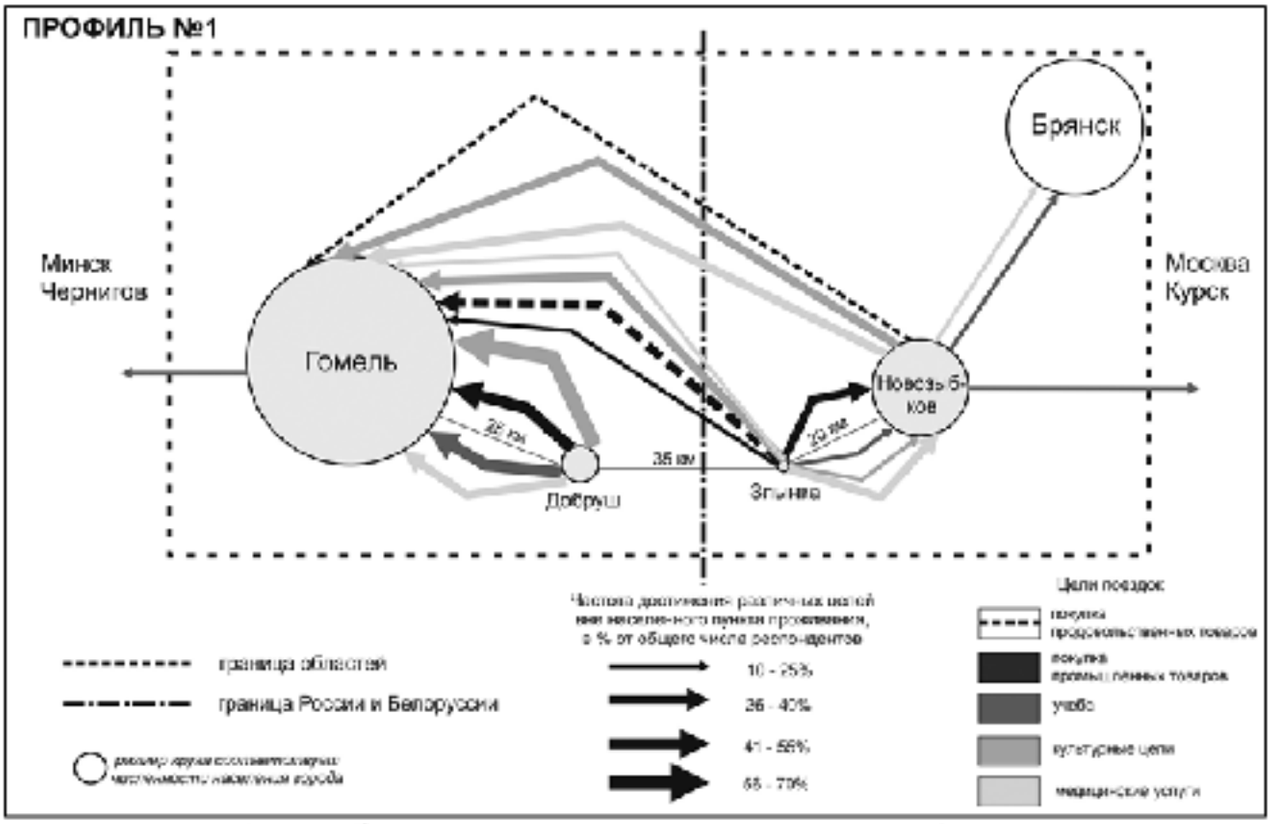


Рис. 25. Связи между городами по профилю Гомель–Добруш–Злынка–Новозыбков.

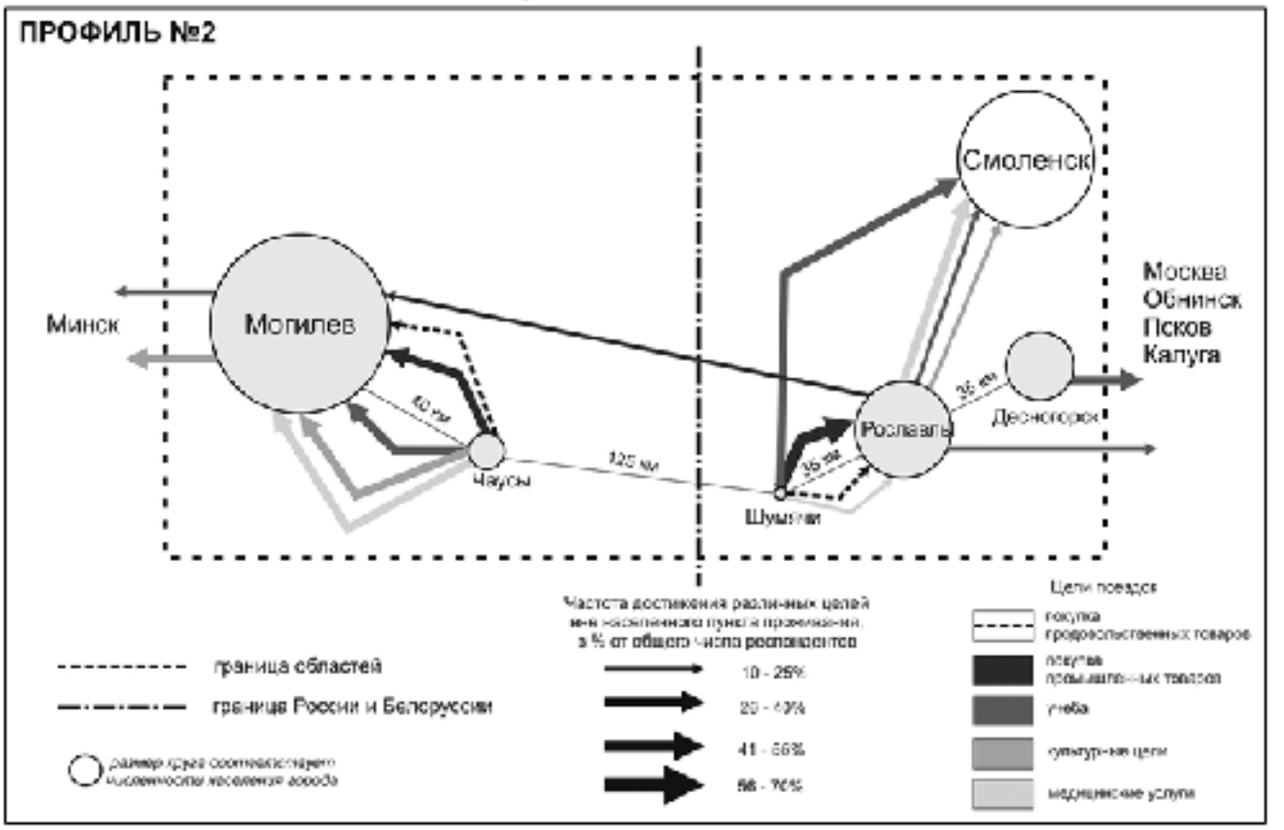


Рис. 26. Связи между городами по профилю Могилев–Чаусы–Шумячи–Рославль–Десногорск.

туры поездок пограничных с Белоруссией регионов России во многом обусловливают и трансграничные связи. Эти связи могут носить однонаправленный характер и/или иметь монофункциональную специфику. Пограничный район при определенных условиях может тяготеть к региональному центру соседнего государства больше, чем к собственному. Эти условия могут быть заданы как расстоянием и транспортной доступностью, так и историческими, политическими факторами или функциональной спецификой связей. Наиболее активно в поездки через границу вовлечено население районов, через которые проходят крупные транспортные магистрали, или районов, непосредственно примыкающих к границе.

Для выявления особенностей влияния позиционных свойств приграничного положения на мезо- и микроуровнях были отобраны шесть пар соседних районов, имеющих разные социально-экономические показатели и отличающихся по транспортно-географическому положению — Чечерский район Гомельской области и Красногорский район Брянской области, Мстиславский район Могилевской области и Хиславичский район Смоленской области, Городокский район Витебской области и Невельский район Псковской области, и в них проведены экспертные интервью. Во всех этих районах социально-экономическая ситуация экспертами была оценена как негативная. Если представители белорусских администраций делали акцент на таких признаках периферийности, как отток населения, то российские эксперты говорили и о демографической, и об экономической периферийности. Они отмечали также политическую периферийность, которую связывали с конъюнктурой отношений России и Белоруссии.

Для всех трех рассмотренных пар районов выделились следующие типичные трансграничные связи:

- трансграничный обмен кадрами. Российские граждане работают на белорусских сельскохозяйственных предприятиях, а белорусские — на российских предприятиях, в основном — на руководящих должностях или рабочих местах, требующих высокой квалификации;
- преимущественно одностороннее сотрудничество в сельском хозяйстве в форме «белорусской помощи» удобрениями, семенами, в посеве и уборке урожая (иногда на основе личных договоренностей глав поселений с весьма льготной оплатой);

- функционирование белорусских малых предприятий в российских приграничных районах;
- культурное сотрудничество в форме ярмарок, выставок, фестивалей, совместных мероприятий для учителей и школьников и т.п.

О потенциальных изменениях трансграничных связей можно судить по ответам экспертов на вопрос об отношении к «закрытию» границы, если оно когда-либо произойдет.

Эксперты из Невельского района отмечают, что «закрытие» границы не окажет заметного влияния на трансграничные поездки, поскольку между многими жителями соседних районов существуют родственные связи. По их мнению, напротив, эта мера может даже иметь положительный эффект для района, поскольку потребует создания новых рабочих мест на пограничных переходах. Эксперты Хиславичского и Краснинского районов «закрытие» границы связывают с изменениями исключительно к худшему, так как оно затруднит помощь белорусской стороны российским сельскохозяйственным предприятиям. Ответы экспертов могут не совпадать с мнением большинства населения, но коррелируют с уровнем социально-экономического развития районов. Невельский район является на российской стороне наиболее развитым. Два других района видят в сотрудничестве с белорусской стороной в сельском хозяйстве один из источников относительной экономической стабильности.

Для оценки фактических трансграничных взаимодействий на микроуровне были выбраны сельские поселения-ключи, непосредственно прилегающие к границе в пределах одной из пар названных выше районов. Сапрыновичский сельсовет Могилевской области и Кожуховичское сельское поселение Смоленской области расположены рядом с границей на трансграничной трассе. С жителями этих поселений было проведено 50 полуструктурированных интервью. Анализ результатов позволил сделать вывод, что на микроуровне интенсивность трансграничных контактов не коррелирует с удаленностью от границы. Основная причина редких поездок через границу — отсутствие потребности. Это связано с высокой долей людей с минимальными доходами, оценивающих свое материальное положение категорией «не хватает денег даже на еду». Важен и организационно-административный фактор: разные валюты, отмена трансграничных маршрутов общественного транспорта, из-за чего мобильными могут быть фактически только

владельцы личного автомобиля, которых в периферийных районах мало. Среди других факторов важны — инфраструктурный (низкое качество автодорог) и демографический (высокий средний возраст жителей, лимитирующий мобильность).

Типология муниципальных образований российских пограничных областей

Разное место городов приграничных областей в системе расселения, неодинаковая интенсивность и структура трансграничных взаимодействий, использование муниципальными образованиями преимуществ приграничного положения отражают различия в степени их периферийности.

Типология городских округов и муниципальных районов позволяет обобщить анализ процессов и явлений в пограничье, связанных с особым местоположением — у линии государственной границы и на периферии экономического пространства Центральной и Северо-Западной России. Комплексность типологии может быть достигнута при учете исторической роли границ в территориальной организации хозяйства и расселения, генетических факторов периферийности и потенциала транспортно-инфраструктурной сети как способа ее преодоления; различий в глубине демографической периферийности и ее составляющих, а также демографических процессов, связанных с соседством с другими государствами; особенностей экономики, связанных с трансграничными взаимодействиями — влияния периферийности на региональную инвестиционную активность; взаимосвязи транспортной освоенности с приграничными и периферийными свойствами регионов; роли трансграничных контактов в жизни населения и их значения в преодолении периферийности.

В качестве оснований типологии использованы:

- место района в ранговой оценке периферийности по семи ключевым показателям (динамика численности населения в 1989–2016 гг.; плотность населения; его естественное движение в расчете на 1000 жителей; средняя зарплата; розничный товарооборот, объем платных услуг и инвестиции на душу населения). Муниципальные образования ранжированы по каждому из них, затем ранги суммированы: чем выше ранг, тем лучше значение совокупного показателя;

- выделенные в ходе анализа количественных и качественных параметров проявления приграничности и периферийности в развитии районов. Для их оценки применялись следующие параметры: а) наличие границы с Белоруссией (в случае Псковской области — еще и с Эстонией или Латвией); б) концентрация населенных пунктов вдоль трансграничных транспортных путей; в) концентрация населенных пунктов вдоль границы; г) положительная динамика и относительно высокие показатели инвестиционных вложений; д) положение на трансграничных магистралях и транзитная функция; е) реализация проектов с участием капитала соседнего государства, имеющих большое социально-экономическое значение. Общие для всех муниципальных образований черты развития регионов более высокого таксономического уровня (областей) были опущены;
- перспективы использования потенциала приграничности как фактора регионального роста и преодоления депрессивности по авторской экспертной оценке, сформированной на основе экспертных интервью и опросов населения.

В результате получено восемь типологических групп муниципальных образований приграничных с Белоруссией регионов России (рис. 27). Муниципальные образования одной типологической группы имеют примерно одинаковый уровень социально-экономического развития, занимают схожие места на оси «центр-периферия» в своей области, характеризуются близкими генетическими особенностями центр-периферийных структур в масштабах областей, возможностями использования потенциала приграничности.

Тип 1. Города-центры с адаптивным использованием приграничного положения. К этому типу отнесены региональные центры Псков, Смоленск и Брянск. Их социально-экономическая периферийность выражена только на более высоких иерархических уровнях. Под адаптивным влиянием подразумевается роль региональных центров в приграничных контактах с соседним государством, основными компетенциями в регулировании которых наделены областные власти.

Тип 2. Субцентральные города и районы. На жизни этих городов и районов, занимающих ведущее место в региональных центр-периферийных системах, практически не сказывается относительная близость государственной границы. Демографические, социальные, эко-

номические показатели развития муниципальных образований этого типа одни из лучших в приграничной полосе.

Тип 3. Субцентральные города и районы, ориентированные на использование приграничного и/или транзитного положения. В эту группу с довольно хорошими социально-экономическими показателями попадают территории, в которых расположены важные транспортные узлы (например, Новосокольники), планируются или уже размещены логистические комплексы (например, Вяземский район), действовали программы трансграничного сотрудничества (например, в рамках еврорегиона «Псков-Ливония» и других программ, софинансируемых Европейским союзом).

Тип 4. Пригородные (пристоличные) районы. Эти муниципальные образования испытывают негативное влияние региональных столиц, оттягивающих ресурсы экономического роста, и характеризуются рядом неблагоприятных социально-экономических характеристик: невысоким уровнем развития сферы услуг, деформированной возрастной структурой населения и др. Приграничные контакты здесь в основном имеют случайный характер.

Тип 5. Периферийные районы с интенсивным использованием приграничного положения. Администрации районов этой группы стремятся к активным контактам с приграничными территориями соседних стран, в том числе для частичной компенсации негативных социально-экономических тенденций. В частности, это выражается в проектировании предприятий с привлечением инвестиций из соседнего государства (транспортно-логистического комплекса, транспортных коридоров международного значения в Краснинском районе и пр.).

Тип 6. Периферийные районы с экстенсивным использованием приграничного положения и/или региональных дотационных механизмов. В эту группу попало довольно много приграничных с Белоруссией районов первого и второго порядка. Экстенсивный характер использования приграничного положения предполагает трансграничные контакты для «выживания» — например, использование белорусской сельхозтехники и персонала в обработке полей и уборке урожая, поставки белорусского молока на маслосыродельные заводы в связи с нехваткой собственного сырья. В ряде случаев периферийные черты социально-экономической ситуации настолько глубоки, что минимальный уровень жизни поддерживают только дотационные механизмы.

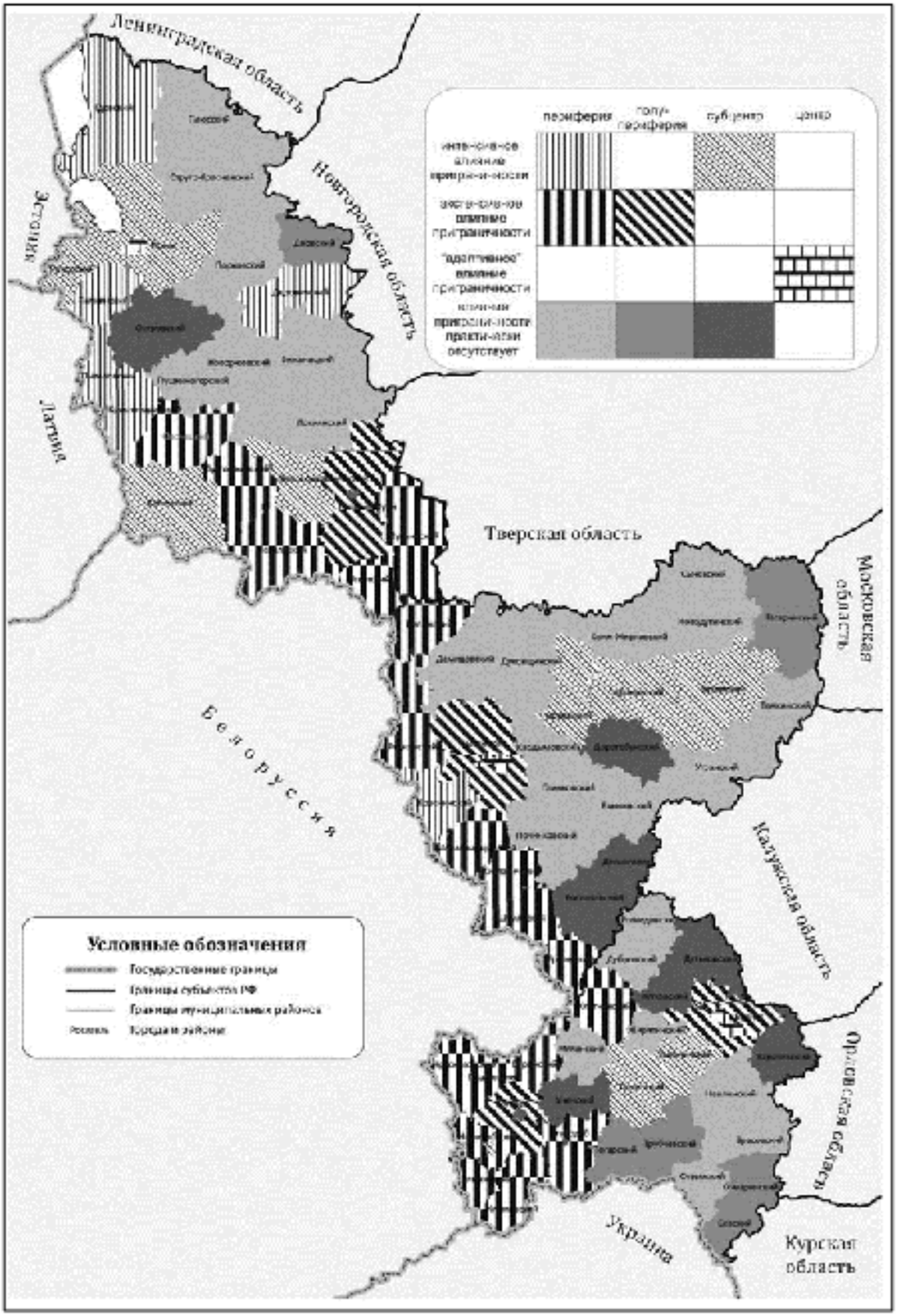


Рис. 27. Типология городов и районов приграничных с Белоруссией регионов России.

Тип 7. Полупериферийные районы без явно выраженного влияния приграничного положения. Этот тип составили районы с относительно благополучной социально-экономической обстановкой. Влияние Московской (Гагаринский район Смоленской области) или Санкт-Петербургской агломераций (Гдовский район Псковской области) и другие факторы оказывают более сильное воздействие на региональное развитие, чем положение в региональных центр-периферийных системах и близость к границе.

Тип 8. Районы внутренней и внешней периферии. Часть этих районов составляет внутреннюю периферию областей. Они располагаются между полюсами и осями регионального развития или на окраине регионов, попадая преимущественно в «межкаркасную» зону вне основных линий и узлов развития территориальных структур. Районы этого типа характеризуются минимальным уровнем экономической активности и не испытывают влияния приграничности.

* * *

Хотя российско-белорусская граница — единственная на постсоветском пространстве, на которой практически никогда не было пограничного контроля и которая почти с первых лет после распада СССР была интеграционной, приобретение ею статуса государственной сыграло заметную роль в усугублении периферийного характера приграничных районов обеих стран, особенно явственного с российской стороны. Все три российские области, граничащие с Белоруссией, относятся к числу депрессивных. Их депопуляцию остановить не удалось. Черты периферийности унаследованы нынешним пограничьем от советского и отчасти царского периода и во многом объясняются частыми изменениями политических и административных границ, отрезавших современные приграничные районы от центров, к которым они тяготели.

Новая в историческом контексте граница разделяет политические, правовые и социально-экономические пространства двух стран, в которых принципиально различаются методы регулирования экономики, реализуется разная социальная политика, действуют разные валюты. Ключевую роль в российско-белорусских трансграничных взаимодействиях в настоящее время играют общая история, культурное и

языковое пространство, способствующие активному сотрудничеству в сфере образования, науки, спорта, искусства, проведении фестивалей и выставок и т.п.

Открытой граница оказывается недостаточно для приграничной интеграции и интенсификации экономических контактов между соседними территориями. Интеграционные процессы были нацелены на межгосударственный уровень взаимодействия, в то время как вопросам регионального развития, в том числе приграничному сотрудничеству уделялось мало внимания. Очевидно, в ЕАЭС необходимы специальные программы, направленные на «сшивание» территориальных структур и, как минимум, координация региональных стратегий и схем территориального планирования, как это реализуется в странах ЕС.

При разработке мер для лучшего использования преимуществ приграничного положения необходимо учитывать географические предпосылки трансграничных взаимодействий. Они определяются сочетанием локальных факторов — прежде всего, уровнем социально-экономического развития и транспортно-географическим положением муниципальных образований. Районы с низким уровнем социально-экономического развития и расположенные в стороне от основных магистралей в приграничном сотрудничестве практически не участвуют. Наиболее эффективно взаимодействие районов, расположенных на трансграничных трассах. Его интенсивность определяется политической волей местных администраций и стратегическими интересами региональных властей.

Глава 6.4.

Кризис российско-украинских отношений и его последствия для приграничных взаимодействий*

Российско-украинские отношения были сложными и нестабильными с первых дней после распада Советского Союза. Воссоединение Крыма с Россией, появление нового закрытого государственного рубежа и гражданская война в Донбассе стали новыми вызовами, радикально трансформировавшими обстановку в российско-украинском пограничье. Сокращение связей с Украиной существенно повлияло на хозяйство и повседневную жизнь населения приграничных районов двух стран.

Настоящая глава посвящена влиянию кризиса в отношениях между двумя странами на взаимодействия между их приграничными районами, экономику и социальную сферу российского порубежья. Сначала кратко анализируются предпосылки, которые привели к затяжному политическому конфликту между двумя государствами, и дается обзор исторических и этнокультурных особенностей развития приграничных регионов России и Украины. Затем рассматривается специфика соседства и социально-экономические градиенты между соседними территориями двух стран. В заключение проводится анализ состояния приграничных взаимодействий, адаптации хозяйства и социальной сферы к изменившимся условиям на пяти ключевых участках пограничья, соответствующих его природно-морфологическим различиям и характеру освоения.

Политические, исторические и этнокультурные особенности приграничных регионов России и Украины

Динамика российско-украинских отношений напрямую связана с путями государственного и национального строительства в обеих странах, отражающими сложную иерархию территориальных иден-

---

* Опубликовано: Зотова М.В., Колосов В.А. Трансформация трансграничных взаимодействий на российско-украинском пограничье после 2014 г. // Сравнительная политика, 2018, №2. — С. 26–40.

тичностей. Современная территория украинского государства сформировалась совсем недавно, а границы страны не соответствуют административным рубежам царских губерний и неоднократно менялись уже в советское время (Внутриполитические процессы..., 2014). Существовавшие в прошлом политические и административные границы отчетливо проявляются в идентичности жителей и совпадают с религиозными, языковыми, социально-экономическими и политико-культурными рубежами. Глубокая связь между региональной, лингвистической и конфессиональной принадлежностью и электоральными предпочтениями населения выявлена многочисленными исследованиями украинских, российских и западных специалистов с использованием как социологических, так и географических методов, и статистических моделей (Субтельный, 1994; Hesli, Reisinger, Miller, 1998; Kubicek, 2000; O'Loughlin, 2001; Wilson, 2015).

Нынешняя граница между Россией и Украиной на большой части своего протяжения очень «молода» и в своем нынешнем виде возникла только в XX веке, в первые годы советской власти, хотя начертание многих отрезков сложилось гораздо раньше.

В древности земли российско-украинского пограничья входили в состав единого феодального государства — Киевской Руси (IX–XI вв.), впоследствии распавшейся на удельные княжества (XII–XIII вв.). Территория украинского пограничья в основном входила в Галицко-Волынское, Киевское, Переяславское, Черниговское и Новгород-Северское княжества. Процесс консолидации восточнославянских земель в XIII–XIV вв. привел к тому, что регионы современного российско-украинского пограничья оказались в составе нескольких соседних государств — Великого княжества Литовского, Великого княжества Московского и Королевства Польского. При этом Великое княжество Литовское охватывало почти всю Украину, а также юго-западные и западные территории России с городами Смоленском, Вязьмой, Курском, Брянском, Рыльском. В конце XVI века украинские земли вместе с Левобережной Украиной отошли от Великого княжества Литовского, которое стало частью Речи Посполитой, к Королевству Польскому. В результате русско-польской войны в период Смутного времени в Московском государстве к Польше также отошли территории нынешних Смоленской, Брянской, часть Курской, Сумской и Черниговской областей.

В середине XVII века в результате антипольского восстания Богдана Хмельницкого (1648) на территории Левобережной и Правобережной Украины и части современной Белоруссии с городами Пинском, Гомелем и Могилевом образовалось автономное политическое образование Гетманская Украина (Гетманщина, Малороссия), которое по решению Переяславской рады (1654) вошло в состав России. К землям Гетманщины преимущественно относились территории современных Полтавской, Киевской, Черниговской областей Украины, а также западная часть Брянской области России (нынешние районные центры Мглин, Сураж, Стародуб, Погар, Почеп). В этот период за Белгородской засечной чертой в составе России образовалась казачья Слободская Украина, которая занимала территории современных Сумской, Харьковской, северной части Луганской областей Украины, а также юго-западную часть Курской (Суджа), южную часть Белгородской (Короча, Новый Оскол, Грайворон, Бирюч, Валуйки) и юго-западную часть Воронежской областей России (Острогожск). Слободская Украина существовала как особая территория в составе России и заселялась после создания Белгородской засечной черты одновременно выходцами из России и Украины (Багалій, 1993; Западные окраины..., 2006). Приблизительно в то же время к юго-востоку от описанных областей, сначала в среднем, а затем и в нижнем течении Дона формировалось донское казачество, соперничавшее с украинским казачеством Гетманщины, Запорожья и Слободской Украины.

Следующий передел нынешних пограничных территорий произошел после окончания войны между Россией и Речью Посполитой (1654–1667), которая закончилась Андрусовским мирным договором (1667), по которому Правобережная Украина осталась в составе Речи Посполитой, а к России отошла территория Левобережья вместе с Киевом, западная часть современной Брянской области и смоленские земли. Территории Запорожского казачества фактически остались под двойным протекторатом России и Польши. Рубежи России, возникшие в результате Андрусовского договора, а также внутренние полковые границы казачьих Гетманщины и Слободской Украины заложили фундамент для последующих политико-административных преобразований. По этим границам частично пролегают государственные границы России, Белоруссии и Украины.

С 1772 по 1795 гг. под натиском Российской и Австрийской империй и королевства Пруссии происходят три раздела ослабевшей Речи Посполитой. В результате к концу XVIII в. регионы российско-украинского пограничья на продолжительное время вошли в состав Российской империи, а затем и Советского государства. Многие пограничные территории получили сильный импульс социально-экономического развития. Росли города, мануфактуры сменились заводами и фабриками. Постепенно сложился мощный урбанизированный промышленный район в Донбассе.

В 1922 г. РСФСР и УССР подписали Договор об образовании СССР. Между двумя республиками разгорелись споры о территориальном разграничении. Украинская сторона, ссылаясь на ряд партийных решений, настаивала на абсолютном приоритете этнического принципа делимитации границы. Возражения российской стороны основывались на невозможности его применения во всем приграничье из-за мозаичного расселения русских и украинцев. Подчеркивалось значение экономического принципа — тяготения сельских территорий к крупным городам, связей между поставщиками сырья и предприятиями обрабатывающей промышленности, между промышленностью и портами. Украина требовала оставить в составе ее территории отошедшие к ней после гражданской войны Таганрогский округ и ряд округов Восточного Донбасса, а также обширные территории Брянской, Курской и Воронежской губерний. Обе стороны ссылались на необходимость учета мнения жителей. Вопрос о юго-восточных округах был фактически решен на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в июле 1924 г., постановившего целесообразным передать их Юго-Восточному округу РСФСР с центром в Ростове; при этом была сделана оговорка о сокращении передаваемых (сельских) территорий с преобладанием украинского населения.

Для разрешения прочих территориальных вопросов была создана специальная комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР, в которую УССР представила подробные данные об этническом составе населения спорных районов и исторические справки, составленные крупнейшими украинскими историками Д. Багалием и М. Грушевским. Комиссия предложила руководствоваться при делимитации: «1) национальным составом населения, 2) его тяготением к той или другой республике, 3) принимать во внима-

ние экономические соображения, 4) идти навстречу УССР всюду, где это резко не нарушает интересы пограничного населения РСФСР» (Борисенок, 2005). В итоге было предложено компромиссное решение, которое не устраивало обе стороны. Другая комиссия ЦИК — по районированию — по главе с А. Енукидзе пришла к выводу, что базироваться только на национальном критерии нельзя и что для единства страны главное — экономический фактор. Если бы украинские требования были удовлетворены, Курская губерния потеряла бы, например, половину сахарных заводов. Подсчитали, что на территориях, которые должны были передать УССР, русских и украинцев было почти поровну. В январе 1925 г. было принято постановление, которое почти совпадало с мнением российской стороны, и в состав Украины переданы лишь сравнительно ограниченные территории — отдельные волости: Путивль, Мирополье и др. (Боечко и др., 1994; Ромахина, 2014).

До распада Союза приграничные территории развивались в единой системе плановой экономики и встраивались в тесно интегрированные производственные кооперационные цепочки, что до последнего времени проявлялось в специфике их хозяйства. В результате длительного развития в рамках одного государства эти территории характеризуются смешанным этническим составом населения. Границы между русскими и украинцами здесь весьма размыты. Сложился целый спектр региональных форм идентичности (Zhurzhenko, 2006, 2013). Внутригосударственные различия в идентичности жителей в восточном и северном пограничье Украины были значительно сильнее межгосударственных. Хотя в целом, по данным переписей населения, во всех приграничных регионах преобладает титульный этнос, доля русского населения в приграничных украинских областях больше, чем украинского — в российских. Так, доля тех, кто назвал себя украинцем, в регионах российского пограничья не превышает 3%. В украинской части пограничья наибольшая доля русских в Донецкой, Луганской и Харьковской областях (25–40%), а в Крыму накануне присоединения к России они преобладали (58%). В северо-западной части пограничья этническая контрастность границы выражена значительно сильнее, чем в юго-восточной. Доля украинцев на границе падает более значительно, чем русских, однако существенная часть жителей российских приграничных территорий имеет украинские корни.

В связи с активными миграционными процессами, но особенно благодаря изменениям идентичности доля титульных народов в населении приграничных регионов постоянно увеличивается. Исследования показывают, что в пограничье все чаще в это понятие вкладывается национально-гражданский смысл. Иными словами, люди считают себя русскими, потому что родились и выросли в России», а украинцами, потому что являются гражданами Украины. На сегодняшний день в Украине под влиянием украинизации образования и административной сферы самоидентификация части жителей приграничья, особенно происходящих из смешанных браков, изменилась с русской на украинскую (Российско-украинское..., 2011).

Сложность этнокультурной ситуации в пограничье обусловлена и неравномерностью освоения территории русскими и украинцами. Среди городского населения Юго-Восточной Украины, составляющего абсолютное большинство жителей, русский язык всегда преобладал, а в населении многих промышленных городов, получивших развитие в советские годы, особенно в Донбассе, большую часть составляли русские. С российской стороны, несмотря на процессы ассимиляции украинцев, ускорившиеся после ликвидации в 1938 г. сталинским режимом украинских национальных районов[13], население сохранило самобытность благодаря особенностям регионального самосознания, говора (суржик) и материальной культуры (Крылов, Гриценко, 2012). В то же время в Левобережной Украине — на территории бывшей Гетманщины русская культура и Россия играют роль «значимого другого». Здесь понятие «русский» в последние годы сильно политизировано, а «малорос» — оскорбительно.

Внешняя политика Украины до недавнего времени была прямым проявлением дуализма украинских экономических, культурных и политических структур (Kuzio, 1998; D'Anieri, Kravchuk, Kuzio, 1999). Экономические факторы толкали Украину к востоку, а политические и идеологические — к западу. Эти противоречия можно рассматривать

---

[13] Богучарского, Воробьевского, Калачеевского, Кантемировского, Михайловского, Новокалитвенского, Ольховатского, Острогожского, Павловского, Петропавловского, Подгоренского, Россошанского (Воронежская область), Алексеевского, Борисовского, Вейделевского, Великомихайловского, Волоконовского, Грайворонского, Никитовского, Ровеньского, Чернянского (ныне Белгородская область), Глушковского (Курская область).

как конфликт между задачами национального и государственного строительства и экономическими ограничениями экономического развития. Украинская этническая и политическая идентичность сильнее в западных регионах, а интеллектуальный потенциал и отрасли высокой технологии сконцентрированы преимущественно на востоке.

В условиях социально-культурной поляризации между востоком и западом (в реальности культурные различия в стране носят гораздо более сложный характер) среди украинской политической элиты еще в начале 1990-х гг. возобладало мнение, что Украина станет современным государством только тогда, когда в обществе будет достигнута определенная культурно-языковая однородность. Опасаясь раскола страны по региональным разломам, украинские идеологи и государственные деятели взяли курс на строительство политической идентичности, объединяющей всех граждан независимо от этнической, языковой, конфессиональной и региональной принадлежности на основе украинской национальной (чаще именно западноукраинской) культуры, исторических представлений и стереотипов. Всякое государство, подчеркивали многие авторы, нуждается в особой системе национальных мифов, символов и представлений, поэтому господствующая украинская историография является не националистической, но национальной (Kuzio, 1998, 2000). Главным способом укрепления общей политической идентичности и построения независимой Украины как нового крупного европейского государства стала известная в истории «оппозиционная» модель — противопоставление России.

Предлагаемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея» основывалась на представлении, что украинцы — европейский народ, всегда тяготевший к передовым странам Европы, насильственно отторгнутый от них после присоединения к России. Отрицание культурного единства восточных славян, хотя и с некоторыми колебаниями, задолго до нынешнего кризиса закономерно привело к принятию «западной» геополитической доктрины и признанию НАТО гарантом национального суверенитета и безопасности. Наследие почти трех с половиной столетий имперского и советского периодов истории рисуется исключительно в черном цвете (Вендина, Колосов, Себенцов, 2014). Поскольку украинская идентичность противопоставляется русской и «малороссийской» (идентичности русскоязычных и обрусевших украинцев), то из этого следует необходимость со-

кращения социальной и культурной дистанции между регионами, строительства централизованного, унитарного государства, в котором вопросы образования и культуры решаются главным образом в столице. Национальные стереотипы обязательно включают образы пространства: разные районы государства получают своего рода коды, и многие из них становятся национальными символами, рассматриваемыми как колыбель государственности, очаги национального сознания и борьбы за независимость. На географические образы опираются проекты государственного строительства, внешнеполитические стратегии (например, присоединения к НАТО или ЕС). Дискурс о «коренном населении» и его культуре, безопасности государства, внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы определяют отношение людей к конкретной границе.

Современная «национальная идея» предполагает коренной пересмотр символического восприятия территории Украины и ее границ как органической части идентичности. В советский период главным регионом Украины был Восток. Причины этого — и экономические, и идеологические: высокая концентрация рабочего класса, который рассматривался как опора советской власти, интернациональный состав населения, распространение русского языка. Восток — это и Донбасс, один из становых промышленных регионов всего Советского Союза, и Харьков — первая столица Украины, третий по численности населения город СССР, средоточие крупнейших предприятий центрального подчинения, стратегически важных для всей страны, и т.д. Множество выходцев с Востока постоянно пополняло ряды высшего советского партийного и военного руководства, интеллектуальную элиту, творческую интеллигенцию. Напротив, Запад, до Второй мировой войны никогда не входивший в состав общего с Россией государства, воспринимался как сельская, аграрная, сравнительно чуждая периферия и ассоциировался с «бандеровщиной» — партизанской борьбой против советской власти в первые послевоенные годы.

Однако в годы независимости Запад, наоборот, стал рассматриваться как колыбель национально-освободительного движения и истинно украинской идентичности, оплот демократизации, обеспечивающий наряду со столицей социальный прогресс и желанное сближение с Европой, а жители Востока — русифицированными и одураченными коммунистической, а позже российской пропагандой малообра-

зованными «ватниками». Их позиция интерпретировалась как препятствие европеизации и демократической трансформации страны, а русский язык стал символом прокоммунистической ориентации и ностальгии по советскому прошлому (Рябчук, 1992).

На Востоке приверженцы концепции единства трех восточнославянских народов полагали, что за много веков совместной жизни в рамках одного государства произошло естественное тесное взаимопроникновение родственных украинской и русской культур, сближение идентичностей русских и украинцев — по крайней мере, жителей Востока страны. Согласно такой позиции, в ходе «столкновения цивилизаций» общее русско-украинское культурно-лингвистическое пространство было расколото внешними силами, стремящимися изменить геокультурный «код» украинского народа, превратить Украину в периферию глобального Запада. Орудием этих сил стал радикальный украинский национализм в его галицийской версии. Именно Западная Украина, далекая периферия Запада — «чужая» в украинском государстве (Алексеев, 2008).

Жителям Востока была близка идея федерализации Украины как средства учета различных интересов регионов и отражения их ярко выраженной культурной специфики. Население Востока волновал не столько статус русского языка[14] и не столько проповедуемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея», сколько ее принципиальный антироссийский компонент, навязываемое представление о неполноценности, культурной периферийности и зависимости «насильственно русифицированных» территорий от «национально сознательного» Запада. Важнейшую роль в расколе сыграли глубокие различия в коллективной исторической памяти и ценностях Востока и Запада. Жители Востока воспринимали себя не как жертвы

[14] Однако большинство жителей Востока ранее всегда выступало за придание русскому языку более высокого статуса и изменение практики «украинизации». В конце президентства В. Ющенко советы таких крупных городов, как Харьков, Донецк, Днепр (тогда Днепропетровск), Одесса, Луганск, Николаев, Севастополь проголосовали за реализацию прав, предусмотренных ратифицированной Украиной Европейской хартией региональных языков или языковых меньшинств (в данном случае — использование русского языка в разных сферах деятельности), за что подверглись преследованиям прокуратуры, инициировавшей отмену соответствующих решений в судебном порядке.

советского строя, установленного «чужаками» из России, но как активные творцы истории коммунистического периода, хранили память не только о его провалах и несчастьях, но и достижениях, отстаивая право на собственную интерпретацию недавнего прошлого (Zhurzhenko, 2002), тем более, что экономический и интеллектуальный потенциал, уровень благосостояния на Востоке был выше.

Культурный и политический раскол между Востоком и Западом усугублялся конфликтом между региональными элитами, оспаривавшими контроль над центральными институтами власти. Представлявшие разные части страны партии в значительной мере монополизировали поддержку избирателей в районах, на которые они опирались: в Донбассе большинство избирателей голосовало сначала за компартию, затем за Партию регионов. Политическая поляризация консервировала мифы и стереотипы, культурную изоляцию Востока и Запада. По данным луганских социологов, в 2007 году 54% жителей Луганска никогда не были в западной части страны, и в то же время 65% львовян не бывали в Донбассе (Скоркин, 2018).

События 2014 г. глубоко трансформировали общественное мнение на Украине. С одной стороны, они вызвали де-факто сецессию части территорий Донецкой и Луганской области, а с другой — сильно способствовали консолидации украинской политической нации. Национализм — одна из главных форм территориальной идеологии и основа государственного строительства. Он всегда предполагает борьбу за территорию или защиту прав на нее. Общественные представления о «коренном населении» и его культуре, безопасности государства, предполагаемых или реальных внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы определяют отношение людей к конкретной границе (Paasi, 1996).

Морфология и социально-экономические градиенты российско-украинского пограничья

На российско-украинской границе отчетливо проявляется фундаментальный природный, социально-экономический и исторический градиент «северо-запад — юго-восток», определяющий дифференциацию пограничья. В этом направлении вытянут государственный рубеж между Россией и Украиной. Он пересекает несколько природных зон — лесную, лесостепную и степную (Попкова, 2005). В северной части

пограничья с ее более плоским рельефом даже в тех случаях, когда граница проходит по поперечному сечению речных долин, из-за слабой заселенности пограничной зоны и конфигурации коммуникаций это не вызывает серьезных проблем для жителей близлежащих населенных пунктов. В лесостепной части пограничья с широко развитой овражно-балочной сетью и особенно в более засушливой степной зоне, на многих отрезках характеризующейся сложным рельефом, поселения, как правило, расположены цепочками в нижней части долин, их плотность выше. Если граница пересекает водоразделы, соседние поселения отсечены друг от друга государственной границей, что до кризиса в двусторонних отношениях и резкого сокращения трансграничных взаимодействий порождало бытовые трудности для местных жителей, усложняло коммуникации и пограничный контроль. Кратчайшие дороги между населенными пунктами нередко проходят по территории соседней страны.

Градиент «северо–запад — юго–восток» характерен и для обстоятельств становления границы и географического положения приграничных районов, которое меняется от внутриконтинентального к приморскому и транзитному, и этнической контрастности российско-украинской границы.

Естественным следствием установления государственной границы между бывшими советскими республиками стала асинхронность общественных процессов на единой в прошлом территории, проявляющаяся и на межгосударственном, и на региональном уровне. Поэтому различия, существовавшие между соседними территориями в советский период, подверглись значительной трансформации и углубились.

Территория приграничных регионов России существенно больше, чем прилегающих украинских, но по численности населения они сопоставимы: с украинской стороны в приграничных областях на начало 2017 г. проживало 12,3 млн. человек, с российской — 12,8 млн. При этом украинские приграничные области — более урбанизированные: только городов в них насчитывается 165 (в российских — лишь 99), а доля городского населения составляет соответственно 75,4% (в российских — 69%). Поэтому и плотность населения в большинстве украинских областей выше, чем в соседних российских (исключение — Черниговская и Брянская области).

В приграничье находятся несколько крупнейших городов обеих стран: в Донецке, Ростове-на-Дону и Харькове население превышает 1 млн. чел. В Донбассе сложилась крупнейшая конурбационная система, объединяющая Донецкую и другие агломерации востока Украины с населением 6,7 млн. человек. Российская часть Донецкого бассейна отрезана от украинской государственной границей и образует приграничную Ростово-Шахтинскую полицентрическую агломерацию (население — около 3 млн. человек).

Еще одна потенциальная трансграничная агломерация — Харьковско-Белгородская (около 3 млн. жителей). Расстояние между этими областными центрами — менее 70 км. Окраины Харькова находятся всего в 25–30 км от российской границы.

В соседних областях двух стран сложились пары или группы городов и населенных пунктов, удаленных от границы и друг от друга на относительно небольшое расстояние (до 50 км), соединенных автомобильными и железными дорогами и поддерживавших до недавнего времени экономические и социальные связи (например, Чертково–Меловое, Грайворон–Великая Писаревка, Шебекино–Волчанск). На этих участках трансграничные взаимодействия были более активны. Организационными центрами приграничного сотрудничества служили и столицы соседних областей, расположенные сравнительно недалеко друг от друга (Курск–Сумы, Белгород–Харьков, Ростов–Донецк). Вместе с тем, неудобное сообщение между некоторыми соседними областными центрами (Брянск–Чернигов и Воронеж–Луганск), расположенными в разных транспортных коридорах или просто значительно удаленными друг от друга, затрудняло сотрудничество.

Демографический кризис — общий фон социальных и экономических процессов в России и Украине. Все же в украинском приграничье демографические показатели в целом хуже, чем в российском, особенно в Черниговской области, в которой превышение смертности над рождаемостью на 1000 жителей исчислялось в 2014 г. двузначной цифрой (–10,2). На демографическую ситуацию в пограничной зоне в равной степени влияют низкая рождаемость и высокая смертность. Первый фактор имеет большее значение в юго-восточной, более урбанизированной части пограничья, второй — в западной, более сельской.

Разрыв между Россией и Украиной в социально-экономических показателях на всех участках пограничья существенно углубился. Ес-

ли в 2013 г. пограничные области имели сопоставимые показатели душевого ВРП — в российских регионах он составил около 130 млрд. долл., в украинских — порядка 100 млрд., то в 2015 г. разница между ними в среднем выросла в 1,5–2,5 раза. Во многом это связано с обвалом экономики Донецкой и Луганской областей[15]. По официальным данным, ВРП Донецкой области в 2015 г. по сравнению с 2013 г. уменьшился в 2,2 раза, Луганской — в 3,6 раза. Градиенты между остальными украинскими и соседними российскими областями существенно не изменились, однако перевес российских областей усилился на 5–10 процентных пунктов (рис. 28). Наименьшие градиенты остались на севере пограничья, где не отличающиеся динамичным развитием Брянская и Курская области граничат с Черниговской и Сумской.

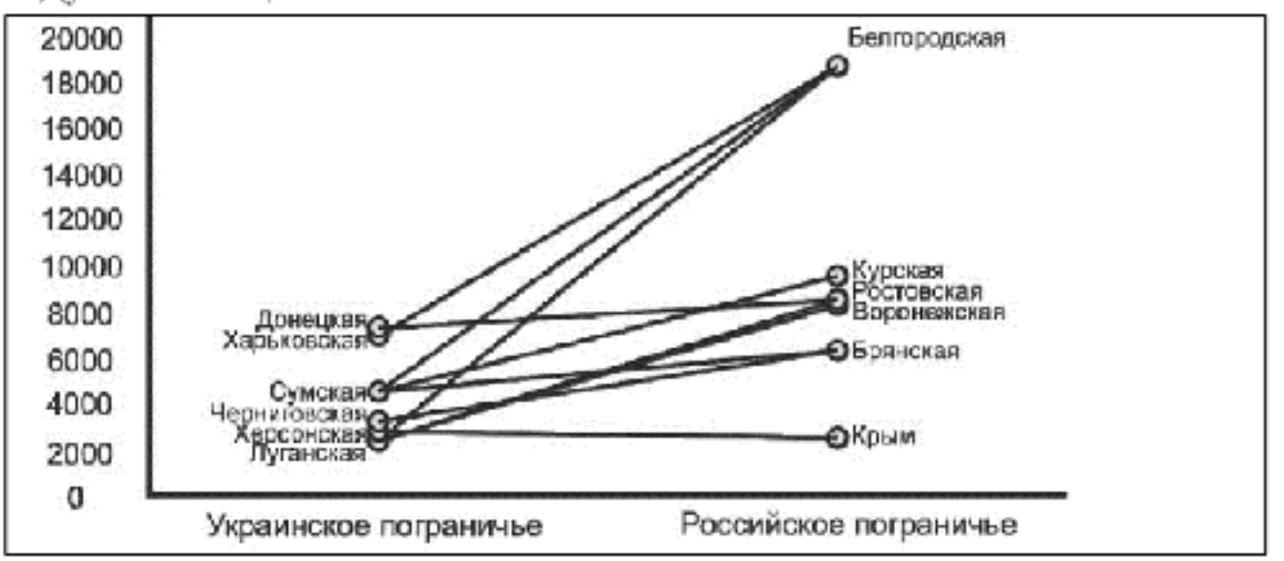
По объемам промышленного производства в 2013 г. многие украинские пограничные регионы относились к наиболее развитым в своей стране, превосходя российские. Донецкая область в Украине была ярко выраженным промышленным лидером. По данным на 2012 г., в ней было произведено 17,3% промышленной продукции страны. Еще 6% было выпущено в Луганской и 5,5% — Харьковской области (табл. 26). Суммарно на приграничные с Россией регионы в 2013 г. приходилось порядка 32% промышленной продукции Украины. Промышленное производство в Донецкой области сократилось за 2013–2016 гг. вдвое, в Луганской — в 4,2 раза. Лидером в украинском пограничье стала Харьковская область (8,4% промышленной продукции страны). Доля всего пограничья в промышленном производстве Украины сократилась к 2016 г. до 23,7%. Среди российских приграничных регионов по объему промышленного производства первенствует Ростовская область, но ее доля в общероссийском показателе в 2016 г. составляла лишь 1,5%. За ней следуют Белгородская, Воронежская и Курская области, однако их суммарная доля в промышленном производстве России невелика — в 2016 г. лишь 4,3%.

---

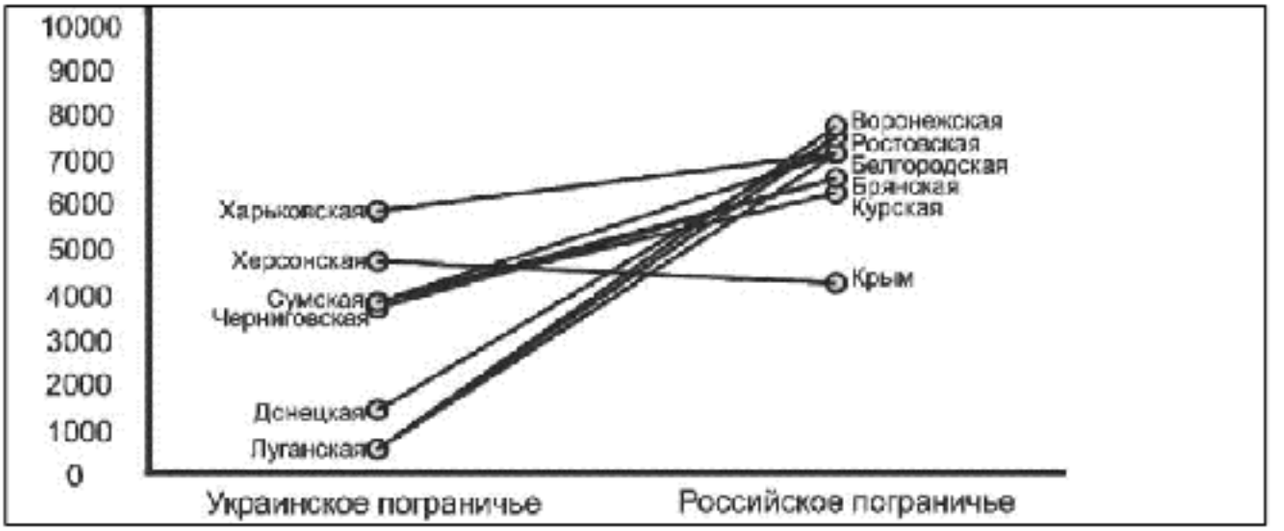
[15] Точно оценить масштабы сокращения численности населения и падения производства на территории ЛНР и ДНР практически невозможно: информация Национальной службы статистики Украины приводится без выделения данных по ДНР и ЛНР, а в самих непризнанных республиках официальные статистические данные не публикуются.

Душевой ВРП, 2013 г.

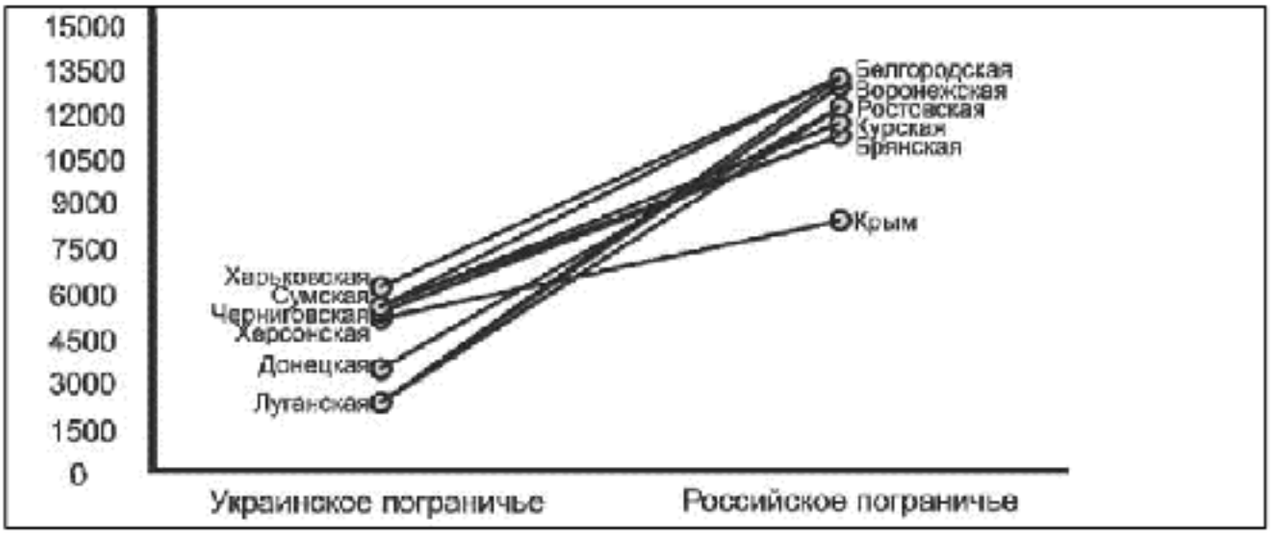
Душевой ВРП, 2015 г.



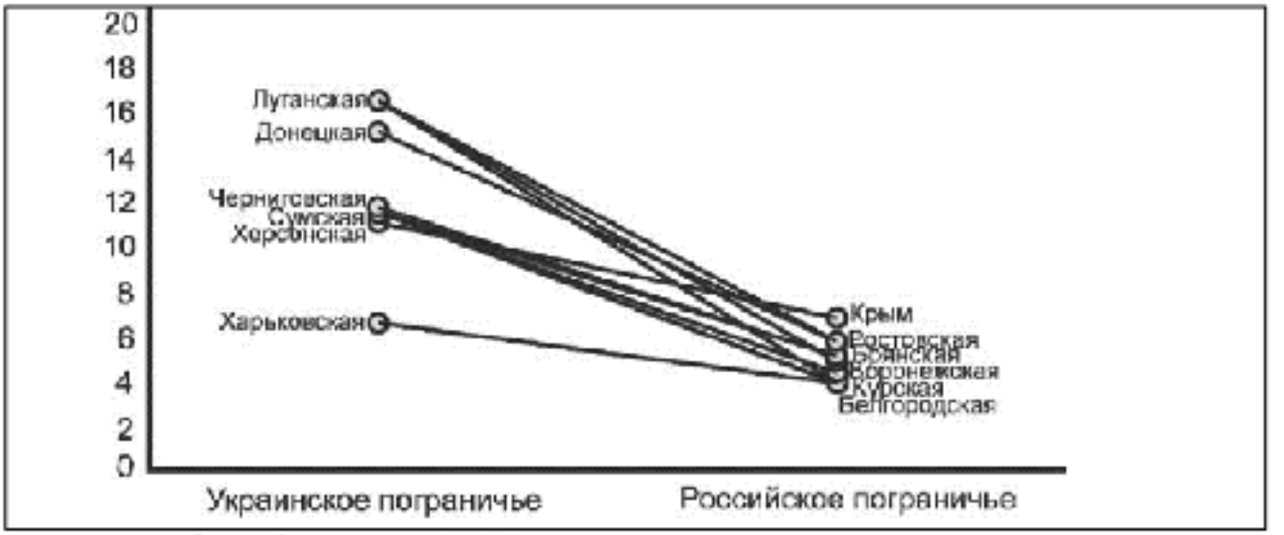
Душевое производство промышленной продукции, 2015 г.



Розничный товарооборот на душу населения, 2016 г.



Душевые доходы по ППС, 2015 г.



Уровень безработицы по МОТ, %.

Рис. 28. Соотношение основных социально-экономических показателей между регионами российско-украинского пограничья (долл. США по ППС).

Таблица 26.

Основные экономические показатели приграничных областей России и Украины[16]

Страна, регион	Валовой региональный продукт по ППС				Промышленное производство по ППС			
	2013	2013	2015	2015	2013	2013	2015	2015
	млн. долл.	в % от средней по стране	млн. долл.	в % от средней по стране	млн. долл.	в % от средней по стране	млн. долл.	в % от средней по стране
Россия	2 785 799	100	2 709 004	100	2 130 294	100	2 046 742	100
Брянская обл.	11 302	0,4	11 254	0,4	6640	0,3	7437	0,4
Курская обл.	13 989	0,5	13 980	0,5	11 073	0,5	10 270	0,5
Белгородская обл.	29 299	1,1	28 618	1,1	27 257	1,3	27 215	1,3
Воронежская обл.	31 498	1,1	34 319	1,3	16 589	0,8	18 698	0,9
Ростовская обл.	47 252	1,7	48 855	1,8	32 192	1,5	31 226	1,5
Республика Крым	..	...	10 351	0,4	..	...	3418	0,2
Украина	408 000	100	373 392		362 843	100	298 369	100
Черниговская обл.	6494	1,6	6625	1,8	3029	1,4	4728	1,6
Сумская обл.	7172	1,8	7152	1,9	6426	1,8	6293	2,1
Харьковская обл.	22 860	5,6	22 726	6,1	20 981	5,8	19 201	6,4
Луганская обл.	14 766	3,6	7387	2,0	19 469	5,4	3925	1,3
Донецкая обл.	44 192	10,8	28 231	7,6	59 121	16,3	29 866	10,0
Херсонская обл.	5565	1,4	5471	1,5	2916	0,8	2924	1,0

Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017).

[16] Показатели по Украине за 2015 г. включают данные по предприятиям, которые представляют сводные отчеты (без деления по регионам).

Если российские приграничные регионы уступают украинским по роли в промышленности своей страны, то по производству сельскохозяйственной продукции некоторые из них занимают в России уникальное место. Ростовская, Белгородская и Воронежская области в 2015 г. по общему объему сельскохозяйственной продукции находились соответственно на втором, третьем и пятом местах в стране. Общий валовой сбор зерна в российском пограничье, в которое входят основные зернопроизводящие регионы страны, более чем вдвое превысил аналогичный показатель по пяти украинским регионам. На украинские приграничные области приходилось около четверти сельскохозяйственного производства страны; наибольшим его объемом отличалась Харьковская область.

Наименьшие градиенты по-прежнему наблюдаются на севере пограничья, на рубежах между Брянской и Курской областями РФ и Черниговской и Сумской областями Украины. Различия основных показателей здесь колеблются в пределах 1,5–1,7 раз. Исключение составляет лишь ситуация на рынке труда, которая с 2010-х гг. в приграничных регионах Украины заметно обострилась (за исключением Харьковской области), где уровень безработицы сегодня превышает 10%.

Невелики различия и на новом участке российско-украинского пограничья между Республикой Крым и Херсонской областью. Хотя темпы роста ВРП Крыма после присоединения к России возросли, экономика республики пока не восстановилась до уровня 2013 г. По показателям душевого розничного товарооборота и промышленного производства регионы практически сопоставимы. В то же время после присоединения Крыма к России в регионе немного вырос душевой уровень доходов и стабилизировался уровень безработицы, в результате чего различия по этим показателям с Херсонской областью увеличились.

Наиболее резкие градиенты в 2016 г. были характерны для участков российско-украинской границы между Белгородской и Харьковской, Ростовской и Донецкой областями. По уровню душевого ВРП, доходам и уровню безработицы превосходство российских областей достигает уже в 2,5 раз. Только по обороту розничной торговли отставание Харьковской области от российских соседей остается небольшим (на 20%).

Среднемесячная номинальная начисленная зарплата по ППС в 2016 г. была в среднем по России почти в 1,5 раза выше, чем на Украине (соответственно, 931 и 696 долларов). Но во всех российских регионах вдоль границы с Украиной ее уровень не достигал и 3/4 среднего по стране (в Белгородской области — 74,8%). Украинские пограничные области, наоборот, относятся в своей стране к регионам с относительно высокой заработной платой (кроме Херсонской и Черниговской областей), что несколько смягчает градиент в уровне оплаты труда между двумя странами (табл. 27). Более низкий уровень материальной обеспеченности населения украинских областей влияет и на низкий по сравнению с российскими приграничными областями розничный товарооборот и меньшие объемы платных услуг населению (табл. 27).

Таблица 27.

Основные социальные показатели приграничных областей России и Украины в 2015 г.[17]

Страна, регион	Средняя номинальная начисленная заработная плата		Розничная торговля на душ у населения, руб.	Безработица по МОТ, %
	долл.	в % от средней по стране		
Россия	1342	100	7416	5,6
Брянская обл.	855	63,7	6981	4,6
Курская обл.	943	70,3	6337	4,2
Белгородская обл.	1004	74,8	7022	4,1
Воронежская обл.	982	73,2	7839	4,5
Ростовская обл.	986	73,5	7673	6,1
Республика Крым	885	65,9	4452	7,2
Украина	798	100	4319	9,1
Черниговская обл.	627	78,5	3869	10,7
Сумская обл.	656	82,2	3839	10,1
Харьковская обл.	703	88,1	5840	7,1
Луганская обл.	947	81,7	732	15,6
Донецкая обл.	652	118,7	1524	13,8
Херсонская обл.	594	74,4	4698	10,2

Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017).

[17] Национальная служба статистики Украины приводит за 2015 г. данные без учета части «зоны проведения антитеррористической операции».

Уровень безработицы, исчисленный по методике МОТ, заметно выше в украинском приграничье. В 2016 г. наибольшим из пограничных регионов он был в Луганской и Донецкой областях. Максимальные показатели в российском приграничье в 2016 г. зафиксированы в Республике Крым (7,2%) и Ростовской области (6,1%). В остальных областях уровень безработицы был ниже среднего по своим странам.

Политический кризис в отношениях с Украиной сильно повлиял на динамику товарооборота между двумя странами. За 2013–2016 гг. внешнеторговый оборот между Россией и Украиной сократился более чем в 4 раза. В 2016 г. доля Украины во внешней торговле с Россией составила всего 2,2% (в 2013 г. — 5,0%). Импорт уменьшился более существенно (в 4 раза), чем экспорт (в 3,8 раза). Это связано в том числе со взаимными продовольственными санкциями — запретами на ввоз из соседней страны многих видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в частности, молока и молочных изделий, мяса и мясной продукции, соков и детского питания, ряда кондитерских изделий, алкоголя).

Товарная структура российского импорта из Украины в 2016 г. была представлена главным образом оксидом алюминия (8%), турбореактивными двигателями (7%) и электроэнергией (5%), товарная структура экспорта в Украину — нефтью и нефтепродуктами (15%), аммиаком (13%) и каменным углем (9%)[18]. Доля Украины в российской внешней торговле за период с 2013 по 2016 гг. уменьшилась с 4,7 (5-е место) до 2,8 % (13-е место)[19].

Хотя физические объемы внешней торговли всех российских приграничных регионов с Украиной сократились в 2016 г. на 50–70% по сравнению с докризисным 2013 г., она остается важным торговым партнером всех российских приграничных регионов (табл. 28). В абсолютном выражении товарооборот с Украиной наиболее значителен в Белгородской области (в 2016 г. — 1038 млн. долл.). Украина — ведущий внешнеторговый партнер Курской области (17,2% оборота) и за-

---

[18] Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-декабрь 2016 г. http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=50

[19] Анализ взаимной торговли России и Украины за 2015 год 21.09.2016. http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4770/

нимает третье место во внешнеторговом обороте Ростовской и Брянской областей.

В конце 2016 г. во всех приграничных областях начался бурный компенсационный рост торговли между Россией и Украиной, продолжившийся в 2017 гг. (за январь–октябрь 2017 г. — на 23% в годовом выражении). Особенно сильно он проявился в Ростовской области, экспорт которой на Украину вырос в 2016 г. на 45% по сравнению с предыдущим годом и достиг исторического максимума[20]. В этом, безусловно, сказалось соседство области с ДНР и ЛНР, торговля с которыми отдельно не учитывается.

Таблица 28.

Внешнеторговые связи приграничных российских регионов

Страны и регионы	Внешнеторговый оборот, млн. долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн. долл.	Доля Украины, %	Внешнеторговый оборот, млн. долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн. долл.	Доля Украины, %	Динамика внешнеторгового оборота с Украиной, (2016 г. к 2013 г.), %
		2013			2016		
Россия	842 233,4	39 603,5	5	467 752,8	10231	2,2	26
Брянская обл.	1594,7	203,7	13	794,3	75,8	10	37
Курская обл.	1359,3	436,2	32	888,4	152,6	17	35
Белгородская обл.	7352,7	3998	54	3584,2	1047,7	29	26
Воронежская обл.	2740,8	697	25	1965,6	300,7	15	43
Ростовская обл.	9995.0	1999	20	7710.0	1025.4	13	51

Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017).

[20] Экспорт товаров из Ростовской области в Украину достиг исторического максимума. Политика не помешала торговле // DonNews, 17.06.2017. http://www.donnews.ru/Eksport-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987

Современное состояние приграничных взаимодействий

Обострение российско-украинских отношений по-разному отразилось на жизни соседних регионов двух стран. Рассмотрим более детально состояние приграничных взаимодействий и механизмы адаптации хозяйства и социальной сферы в кризисный период на пяти ключевых участках пограничья, соответствующих его природно-морфологическим различиям и характеру освоения: 1) между Брянской и Черниговской областями; 2) между Курской и Сумской областями; 3) между Белгородской и Харьковской областями; 4) между Воронежской и Ростовской областями с российской стороны, Луганской области и непризнанными ЛНР и ДНР — с украинской; 5) на новом участке российско-украинского пограничья между Крымом и Херсонской областью.

1. Уникальность пограничья *Брянской (РФ), Черниговской (Украина) и Гомельской (Белоруссия) областей* — соприкосновение трех стран. Смежные территории этих регионов неоднократно меняли как административную, так и государственную принадлежность. Так, Стародубский, Новозыбковский, Суражский и Мглинский уезды в 1919 г. были переданы из состава УССР в РСФСР, а Гомельская область с 1919 по 1926 гг. находилась в составе РСФСР. Приграничные районы этих областей сильно затронуты последствиями Чернобыльской катастрофы, что вызвало целый комплекс проблем экологического, социально-экономического и психологического характера, которые решались как совместно, так и на национальном и региональном уровнях.

Это наиболее «глухой» и безлюдный участок пограничья. На сотрудничестве между тремя странами сильно сказывалась асимметрия и нестабильность межгосударственных отношений. Пограничный режим между Белоруссией и Россией упразднен после подписания Соглашения о Таможенном Союзе от 20 января 1995 г. Имеются лишь стационарные посты ГИБДД, ведущие выборочную проверку легкового и грузового автотранспорта и не допускающие на территорию России лиц, не являющихся гражданами Союзного государства России и Белоруссии. Барьерные функции российско-украинской границы, наоборот, усиливались, особенно резко — после кризиса 2014 г.

В результате усложнения таможенного и пограничного контроля, а также отмены большинства регулярных пассажирских поездов число

пересечений российско-украинской границы физическими лицами через все четыре автомобильных (АПП) и два железнодорожных пункта пропуска (ЖДПП) в Брянской области за 2014 г. снизилось почти вдвое (рис. 29). В наибольшей степени сократился поток на наиболее загруженных пропускных пунктах: АПП Троебортное–Бачевск на трассе М–3 Москва–Киев (на 60%) и ЖДПП Суземка–Зерново на магистральной линии Москва–Киев (на 44%). Автобусные рейсы из области в Украину отменены. Через Севск следуют лишь единичные маршруты из Москвы в Киев и Кишинев. Из десятка поездов дальнего следования[21], ежедневно проходивших через Брянскую область до 2014 г., на начало 2017 г. осталось лишь три ежедневных (из Москвы в Кишинев, Львов и Одессу) и три, следующих через день (из Москвы в Кишинев, Николаев и Хмельницкий).

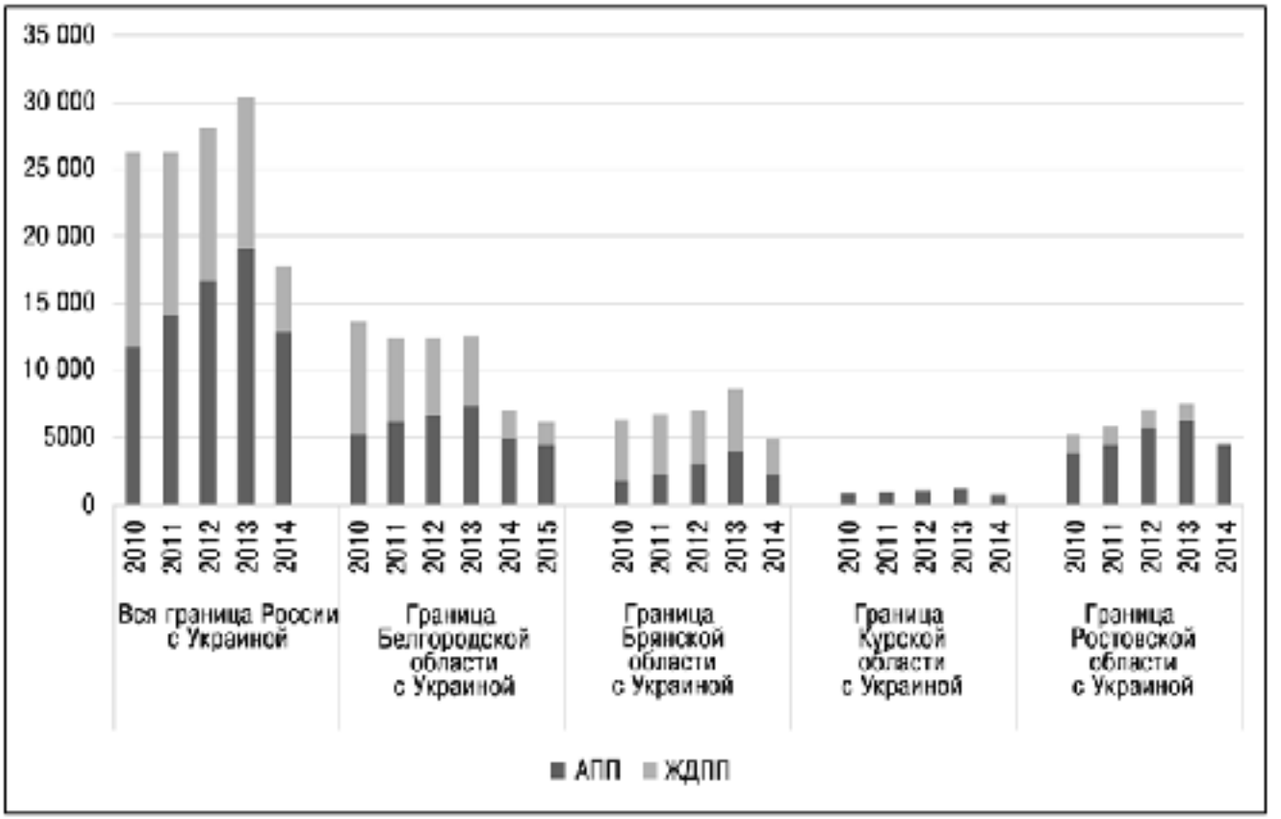


Рис. 29. Динамика пересечений российско-украинской границы физическими лицами через автомобильные и железнодорожные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс.

[21] В Киев и Кишинев, областные центры Украины (Сумы, Чернигов, Одессу, Житомир, Львов, Черновцы, Ивано-Франковск и др.) и города Европы (Будапешт, Бухарест, Софию, Варну, Бургас).

В то же время Брянск связан регулярным автобусным сообщением с Гомелем и Могилевом (9 рейсов в сутки). Из Новозыбкова в Гомель в сутки следуют 13 автобусов и 5 поездов дальнего следования. Гомель выполняет для жителей Брянской области функцию крупного транспортного узла, так как он связан ежедневным железнодорожным сообщением с Санкт-Петербургом и другими городами Северо-Запада России[22].

Политический кризис 2014 г. привел к заметному уменьшению взаимодействий и между регионами Украины и Гомельской областью. С начала 2015 г. сократилась интенсивность транспортного сообщения, отменены некоторые маршруты. На начало 2017 г. из Гомеля отправлялось шесть ежедневных автобусных рейсов в Чернигов и три — в Киев, осталось также сообщение с Одессой и Николаевом.

Состояние хозяйства соседних регионов определяется их принадлежностью к разным государственным экономическим пространствам. Черниговская область стала одним из слаборазвитых и депрессивных регионов Украины. Включение ее северных районов, в том числе у белорусской границы поблизости от Гомеля, в число территорий приоритетного развития с инвестиционными льготами пока не дало ощутимых результатов. Брянская область также принадлежит к депрессивным и дотационным регионам, по уровню жизни она одна из худших в Центральном федеральном округе. Уровень зарплат здесь один из самых низких в России, велика безработица. Объем инвестиций, привлеченных в регион, скромен.

Экономические отношения областей на этом участке пограничья не отличаются особой интенсивностью. Со времен Союза эти регионы практически не имели кооперационных связей и в основном обменивались готовой продукцией промышленного и сельскохозяйственного назначения. После появления границ и таможенного регулирования некоторые крупные предприятия так и не смогли приспособиться к новым условиям хозяйствования: одни прекратили существование, другие превратились в конкурентов как на внутренних, так и внешних рынках. Коэффициент экономической связности (КЭС)[23], определяю-

[22] Через Гомель ежедневно следуют 4 поезда по маршрутам Минск — Киев, Санкт-Петербург–Киев и Санкт-Петербург–Харьков, а через Брянск — только через день.

[23] Доля стоимостных объемов взаимных торговых связей пар приграничных регионов в % к суммарному ВРП (ППС) данных регионов, умноженная на 100.

щий степень торгово-экономической взаимодополняемости, у регионов российско-украинско-белорусского пограничья различался в разы. В 2011 г. самый низкий показатель КЭС среди всех пар приграничных регионов России, Белоруссии и Украины был в паре Брянская — Черниговская области (4,3). У Гомельской и Черниговской областей он составил 24,6 (Анисимов и др., 2013б). КЭС во многом зависит от развития межрегиональной транспортной инфраструктуры, производственного, научного и образовательного потенциала приграничных регионов, взаимной специализации и тем самым определяет степень торгово-экономической взаимодополняемости приграничья.

По мнению брянских экспертов, еще во времена СССР связи региона с Белоруссией всегда были теснее, чем с Украиной. Между Брянской и Гомельской областями в 2011 г. был зафиксирован самый высокий коэффициент экономической связности среди всех регионов пограничья России, Украины и Белоруссии. Гомельская область извлекает выгоду из осложнения отношений между Москвой и Киевом путем замещения поставок ряда товаров из Украины.

Торговля Брянской области с Украиной поступательно росла до 2012 г. (386 млн. долл.), но в 2015 г. снизилась в 4,5 раза (до 85 млн.). В товарообороте Черниговской области доля России сократилась с 41% в начале 2000-х гг. до 27% в 2015 г. Область фактически потеряла свой основной рынок сбыта. При этом полноценной переориентации украинского экспорта на другие страны, в частности Белоруссию, не произошло. Доля Украины в товарообороте Гомельской области с начала 2000-х гг. оставалась стабильной и в среднем не превышала 6,5% (Гуменюк, 2017).

Несмотря на слабость экономических взаимодействий, соседние области трех стран явились зачинателями многих гуманитарных инициатив в сфере приграничного сотрудничества. Проведение совместных мероприятий разного масштаба и контакты в сфере культуры стали одним из основных видов приграничных связей на этом участке. За более чем 25-летнюю историю взаимодействия между приграничными областями и районами России, Белоруссии и Украины было заключено свыше 30 двусторонних и многосторонних соглашений, создавших нормативно-правовые основы сотрудничества в разных сферах.

У Брянской области заключены соглашения с 22 регионами Украины, включая трехсторонние, которые формально действуют, но фак-

тически перестали выполняться. Отношения с Брянской областью разорвала только Сумская область. В 2016 г. по инициативе украинской стороны разорваны также побратимские связи между Черниговом и Брянском. С 2014 г. украинские представители не участвуют в мероприятиях на российской стороне. Остановлена работа еврорегиона «Днепр». Число совместных трехсторонних культурных мероприятий сократилось с 30 в 2015 г. до 22 в 2016.

В то же время неформальные и личные связи с украинской стороной в целом сохранились, особенно между приграничными селами и районами. Продолжают проводиться совместные семинары, традиционные встречи писателей, художников, деятелей культуры, на которые украинские представители приезжают как частные лица. Остаются и повседневные контакты. Украинцы часто торгуют на рынках Брянской области молоком, сигаретами и салом, заезжая со стороны Белоруссии.

2. На *Курско-Сумском* участке граница преимущественно проходит по отдаленной от городских центров сельской местности. Демографическая ситуация крайне неблагоприятна с обеих сторон. Коммуникации между регионами довольно слабые. Автомобильные дороги на российской стороне модернизированы, в то время как большинство участков на украинской стороне по-прежнему требуют реконструкции. Через границу в Курской области проходит автодорога Курск–Рыльск–Глухов, которая вливается в трассу (М3 — Е101) до Киева, соединяя ее с трассой М2 (Москва–Тула–Орел–Курск). Транспортные потоки на этом участке границы никогда не отличались особенной интенсивностью (в 2013 г. порядка 1 млн. пересечений) и к тому же носили транзитный характер. По информации работников погранслужб, в 2013 г. жители Курской области составляли только 40% российского потока через границу. Сокращение пассажирского потока за 2014 г. на 42% сопоставимо с его падением на других участках российско-украинского пограничья. В два раза сократилось число пересечений грузовыми и легковыми автомобилями.

По данным на начало 2017 г., из десятка регулярных пассажирских поездов, следовавших в 2013 г. из России на Украину, оставалось только четыре: Москва–Харьков (две пары в день), Москва–Днепр и Москва–Кривой Рог (по одной паре). Сохранилось и регулярное автобусное сообщение Курск–Сумы (три рейса в день), Курск–Харьков

(два рейса в день) и Курск–Полтава (один рейс через день). Однако частота автобусных рейсов снизилась по сравнению с 2013 г. примерно в 1,5 раза.

Доля Украины во внешнеторговом обороте Курской области за 2014–2016 гг. сократилась вдвое — с 20 до 10%[24]. Однако товарообмен между Курской и Сумской областями всегда был незначителен. Еще в 2011 г. он составлял всего 2,5% от общего объема внешней торговли Курской области и 7,5% от ее оборота с Украиной. При этом торговля Курской области с Сумской была резко асимметричной (импорт составлял 96,8% а экспорт — 3,2%). Прямые экономические связи и торговля между районными центрами области (Ахтырка, Глухов, Конотоп, Путивль, Шостка) и ближайшими городами России (Льгов, Суджа, Коренево, Рыльск) отсутствовали на протяжении всего постсоветского периода. Приграничная кооперация не сложилась ни в производственной сфере, ни в малом и среднем бизнесе. Сумские предприятия в связи с их специализацией если и работали на российский рынок, то исключительно на дальний. Хозяйственный комплекс Сумской области был ориентирован в большей степени на Киев и Харьков, а Курской — на Москву. Поэтому каких-либо кардинальных изменений за последние годы в экономических отношениях двух регионов не произошло.

Заметные препоны для приграничного сотрудничества еще до кризиса 2014 г. создавали таможенные пошлины, а также длительность и сложность прохождения границы. От таможенных и политических барьеров страдал не только малый и средний бизнес, но и индустриальные гиганты. Представители Сумского научно-производственного машиностроительного объединения им. Фрунзе сожалели о проблемах поставок своей продукции в России, связанных с разницей в железнодорожных тарифах с Россией и особенно длительностью и сложностью таможенных процедур. Таможня не пропускала больше 20 вагонов в день. Проекты предоставления местным товаропроизводителям льготного режима налогообложения так и не были реализованы.

Существенной проблемой на районном уровне и с российской, и с украинской стороны оставалось финансирование совместных проек-

---

[24] Информация о внешней торговле Курской области по итогам 2016 года. http://adm.rkursk.ru/index.php?id=149&mat_id=67487

тов. При В. Ющенко министерство финансов Украины не одобряло подготовленных администрацией Сумской области программ сотрудничества с Курской областью, аргументируя это тем, что его развитие не являлось государственной задачей. Инициатив на районном уровне и даже контактов между главами местных органов исполнительной власти было крайне мало, так как для визита в соседний российский район глава украинской районной администрации был вынужден загодя испрашивать разрешения министерства иностранных дел, неизменно дававшего отрицательный ответ (Российско-украинское..., 2011).

После кризиса 2014 г. контакты Сумской области с российскими соседями практически прекратились. Украинские представители перестали принимать участие в совместных мероприятиях, в том числе в Курской Коренской ярмарке, на которой до 2014 г. ежегодно насчитывалось до 300 украинских участников. Прекратилась деятельность еврорегиона «Ярославна». Крестный ход с Пряжевской иконой Божьей Матери в Мирополье с 2015 г. перестал проходить по территории Украины.

Хотя родственные и дружеские связи между россиянами и украинцами пока сохранились, частота контактов и поездок существенно уменьшилась. После усложнения украинской стороной процедуры пересечения границы россияне практически перестали ездить в Украину за покупками, с образовательными, развлекательными и лечебно-оздоровительными целями. Единичные поездки связаны с посещениями родственников и форс-мажорными обстоятельствами.

3. Главная особенность *Белгородско-Харьковского участка* — уникальное расположение областных центров на важнейшей полимагистрали постсоветского пространства — железнодорожной и автомобильной трассах, соединявшей кратчайшим путем центр России с Донбассом, Крымом и Кавказом. По ней проходило около 20% всего объема торговли между Россией и Украиной.

Другая важная особенность участка — принадлежность соседних областей к единой в прошлом исторической области Слобожанщина. На этой территории оседало беглое крестьянство, селившееся в слободах, свободных от крепостного права и помещичьего землевладения. В результате сложилось смешанное русско-украинское население, отличавшееся крепкими родственными связями. Среди городского населения региона всегда доминировал русский язык.

Белгородско-харьковский участок характеризовался наибольшей активностью приграничных контактов. До середины 2000-х гг. и в начале текущего десятилетия развитие приграничного сотрудничества было одним из приоритетов местного руководства на всех уровнях (Колосов, Криндач, 2000; Колосов, Кирюхин, 2001). Программа межрегионального и приграничного сотрудничества Украины и Российской Федерации до 2010 г. предусматривала активизацию деятельности еврорегиона «Слобожанщина», образованного в ноябре 2003 г. и включенного в Ассоциацию европейских приграничных регионов (AEBR) (Черномаз, 2012; Голиков, Черномаз, 2014). Пик взаимодействия двух областей пришелся на 2011–2012 гг., когда обсуждался целый ряд совместных проектов: строительство международного аэропорта, создание трансграничного российско-украинского университетского консорциума, мероприятия по охране бассейна реки Северский Донец, создание технопарка «Слобожанщина» и др. (Кирюхин, 2011, 2012). По данным администрации Белгородской области, к 2014 г. насчитывалось 13 действующих соглашений о сотрудничестве региона с Украиной.

После событий 2014 г. совместные мероприятия, как и на других участках, были заморожены, хотя соглашения о сотрудничестве официально не расторгались. В 2016 г. некоторые районы украинского пограничья стали выступать за расторжение связей на местном уровне. До последнего времени в рамках международных обязательств продолжался лишь мониторинг состояния реки Северский Донец (проект TACIS «Управление трансграничным речным бассейном реки Северский Донец»). В такой ситуации Белгородская область стала переориентироваться на сотрудничество с Беларусью.

Белгородчина занимала первое место среди приграничных субъектов Российской Федерации по числу переходов на 100 км границы. Именно здесь был начат эксперимент по упрощению пересечения границы жителями приграничных областей. Однако на конец 2016 г. из установленных 22 пунктов пропуска фактически действовали только 4 международных АПП и один ЖДПП. Юридически существуют еще 4 двусторонних АПП, однако движение российских граждан через них невозможно, так как они не подключены к украинской компьютерной базе данных для проверки нотариально заверенных приглашений. Вследствие низкой загруженности (40–60 граждан в сутки) двусто-

ронние АПП, использующиеся для пересечения границы только гражданами Украины, были переведены на временный режим работы.

Наибольшее сокращение пассажирского потока в области в 2014 г. произошло на наиболее загруженных[25] пропускных пунктах: АПП «Гоптовка–Нехотеевка» на трассе М-2 «Крым» (на 30%) и ЖДПП «Долбино–Казачья Лопань» на магистральной линии Москва–Харьков–Симферополь (на 85%). В результате увеличения длительности прохождения таможенного и пограничного контроля, а также взаимных торговых санкций поток грузового автотранспорта на белгородском участке границы в 2015 г. сократился по сравнению с 2013 г. на 40% (рис. 29), число грузовых железнодорожных составов, следующих через границу, уменьшилось на 27%, а пассажирских — на 92%.

Пригородные поезда между Белгородом и Харьковом к началу 2017 г. были отменены, в том числе и популярный прежде электропоезд «Князь Владимир». Это была единственная электричка международного сообщения с пограничным и таможенным контролем на станциях отправления, преодолевавшая благодаря этому расстояние до Харькова за 1 час 20 минут.

Тем не менее, между городами Белгородской области и Украины (Харьков, Днепр, Киев и др.) сохранилось регулярное автобусное сообщение. В связи с этим перевозки пассажирским автотранспортом в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличились на 63,4%. Это связано также и с появлением частных перевозчиков — украинских граждан на маршрутках с украинскими номерными знаками. Широкое распространение получили нерегулярные рейсы до российских пропускных пунктов Нехотеевка, Грайворон и Шебекино. Частные маршрутные такси, как правило, не пересекают границу и довозят пассажиров только до пункта пропуска, где люди пересекают границу пешком. По другую сторону их уже ждет другое такси. Этой услугой пользуются преимущественно граждане Украины.

Вплоть до кризиса 2014 г. трансграничные экономические связи Белгородской области с соседними украинскими областями были весьма тесными. Коэффициент экономической связанности между Белгородской и Харьковской областями в 2009–2010 гг. был выше, не-

---

[25] В 2013 г. через них проходило более 60% автомобильного и 80% железнодорожного пассажиропотока на белгородском отрезке границы.

жели у любой другой трансграничной пары регионов российско-украинского порубежья, кроме пары Ростовская область — Донецкая область. В советское время сложились производственные цепочки между предприятиями по обе стороны границы. Многие крупные предприятия Харькова («Турбоатом», «Завод имени Малышева», «Харьковский тракторный завод имени Орджоникидзе», «Харьковский авиационный завод», «Завод ФЭД», «Хартрон» и другие) сохраняли научно-техническое сотрудничество и кооперационные производственные связи с партнерами в РСФСР и других союзных республиках. Россия и нынешние страны СНГ были основными рынками сбыта продукции (Голиков, Черномаз, 2007). Разрыв этих связей был одним из главных факторов резкого падения производства на этих заводах.

В то же время, несмотря на препоны и политические проблемы между двумя странами, некоторые предприятия продолжают сотрудничать с российской стороной. Харьковский машиностроительный завод «ФЭД» поставляет в Россию рулевые приводы, объединение «Коммунар» — устройства терморегулирования остекления кабины пилотов и другое оборудование, Агрегатное конструкторское бюро — гидравлические агрегаты для вертолетов «Ансат» и Ми-38. Вагоноремонтные предприятия и депо Белгородской области все еще получают украинские комплектующие.

В 2016 г. объем внешней торговли Белгородской области с Украиной по сравнению с 2014 г. снизился на 58%, а с докризисным 2013 г. — на 74%, составив 30% всего внешнеторгового оборота региона. Торговым отношениям Белгородской области с Украиной всегда была свойственна асимметрия: импорт был заметно выше экспорта. Но если в 2013 г. это превышение составило 4,7 раз, то в 2015 г. — 3,5 раза, что связано с более значительным сокращением ввоза украинских товаров в Россию по сравнению с вывозом российских (падение за 2013–2015 гг. — соответственно на 70% и на 60%). В экспорте Белгородской области существенно уменьшилась доля минеральных продуктов — железной руды и концентратов (в 2013–2015 гг. — на 13 процентных пунктов), а в импорте — продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (на 9 процентных пунктов). Сохраняются поставки черных металлов (66,8% стоимости экспорта) и железной руды КМА (16,7%) на Украину. Главные статьи импорта — машиностроительная продук-

ция (41,0%), металлы и металлоизделия (29,9%), продукция химической промышленности (9,9%).

После событий 2014 г. наблюдаются случаи перевода бизнеса, преимущественно малого и среднего, из приграничных регионов Украины в Россию. В Белгородской области он представлен главным образом производством офисной мебели, пищевых продуктов (кондитерская продукция), строительными и ювелирными предприятиями, некоторыми отраслями сектора услуг (например, свадебная фотография). Действуют и несколько крупных предприятий, возникших благодаря инвестициям из Харьковской области — «БелЮжкабель», «Пластилюкс-Групп» и «Экотон» в Белгороде, Оскольский подшипниковый завод «ХАРП» в Старом Осколе.

Эти тенденции вызваны стремлением украинских предпринимателей сохранить российский рынок. Кроме того, Россия может стать зоной диверсификации рисков для украинского бизнеса, сыграть роль «тихой гавани», где украинский капитал не будет столь сильно зависеть от политической ситуации, как на Украине. Эти предприятия в будущем могут способствовать возобновлению полномасштабного трансграничного экономического сотрудничества.

Неформальные контакты между населением Белгородской и Харьковской областей сохранились, но их интенсивность в 2014–2015 гг. заметно снизилась. По оценкам экспертов, до 50% жителей этих областей имеют родственников в соседнем государстве (Шульгина, 2014). До недавнего времени Харьков выполнял для Белгородчины функцию культурного центра. Белгородцы даже шутили, что «самая большая достопримечательность Белгорода — это Харьков». Он был популярным местом отдыха и развлечений. Имея в среднем в 2,5 раза более высокие доходы, чем соседи, множество белгородцев каждые выходные приезжало в Харьков, чтобы посетить концерты, клубы, парки, дельфинарий, аквапарк и т.д. Был распространен и торговый (челночный) туризм на харьковский промышленно-вещевой рынок «Барабашово», крупнейший на Украине и в Восточной Европе, занимающий 14-е место в рейтинге крупнейших рынков мира. После начала кризиса в отношениях поток белгородских посетителей сошел на нет.

С 2014 г., по оценкам местных экспертов, около 80% пересекающих границу составляют граждане Украины, которые едут в Россию на заработки, к родственникам, а также за более дешевым бензином.

Приграничное положение и стабильная экономическая ситуация — главные причины привлекательности региона для трудовых мигрантов. Число официально зарегистрированных мигрантов из Украины увеличилось в Белгородской области за 2010–2015 гг. с 1,2 тыс. чел. до 5,9 тыс. На Белгородчину прибыло около 10 тыс. беженцев из восточных регионов Украины (из них 7 тыс. трудоспособных). Численность нелегальных трудовых мигрантов из Украины, по данным источника из местной администрации, в 4 раза превышает легальную трудовую миграцию. Выходцы из Украины часто не заинтересованы в получении российского гражданства, не хотят легализоваться и получать статус беженца. Как правило, они предпочитают временную работу, так как планируют вернуться обратно.

Из-за массового притока беженцев к 2015 г. в 8 раз (со 150 до 1,1 тыс. чел.) выросло число украинских студентов, обучающихся в вузах Белгородской области. В советское время и в первые годы после распада СССР ситуация была обратной: Харьков традиционно играл ключевую роль в подготовке кадров для Белгородской области (Российско-украинское..., 2011). С 2014 г. научное взаимодействие и программы обмена студентами между белгородскими и харьковскими вузами свернуты, хотя научно-образовательный потенциал Белгородского университета резко вырос, в значительной степени — благодаря пополнению кадров специалистами из Харькова.

4. *Юго-западный участок* российско-украинской границы проходит по некогда единому Донецкому угольному бассейну. Регионы ростовско-донецко-луганского пограничья всегда имели тесные связи друг с другом. Здесь в советское время сложилась Донецко-Азовская трансграничная система расселения с населением более 10 млн. человек. Граница рассекла ее более 25 лет назад, причем на отдельных участках она разделила фактически сросшиеся населенные пункты. Многие предприятия по обе стороны от нее имели хозяйственные и кооперационные связи. Население поддерживало тесные родственные и дружеские отношения. К 2006 г. был открыт 41 местный пункт пропуска, которые дополняли восемь международных АПП и один ЖДПП. В 2011 г. был создан еврорегион «Донбасс», в рамках которого предполагалось реализовать совместные проекты, «сшивающие» пространство двух стран.

Теперь большая часть Ростовской области де-факто граничит с ДНР и ЛНР, в том числе на отдельных участках непосредственно с районами, в которых велись боевые действия, откуда прибывали раненые и беженцы. Для вынужденных переселенцев из Украины здесь были открыты временные пункты размещения, из которых людей распределяли по другим российским регионам. Формировались добровольческие отряды, конвои с гуманитарной помощью. Массовое прибытие людей из соседних районов Украины, среди которых преобладали женщины и дети, потребовало мобилизации значительных сил и средств. Только на миграционный учет было поставлено более 290 тыс. человек, часть из которых обратилась за оформлением разрешения на временное пребывание, вида на жительства или гражданства.

Благодаря особым отношениям России с ДНР и ЛНР местные пункты пропуска не были закрыты, и жители непризнанных республик могут пересекать российскую границу по внутренним паспортам. Последствия гражданской войны, разделившей семьи, и дефицит потребительских товаров в ДНР и ЛНР привели к двукратному росту потоков людей через границу. Появились частные перевозчики, компенсировавшие сокращение транспортного сообщения между регионами. Чтобы реализовывать свою продукцию на российском рынке, отдельные предприятия ДНР и ЛНР открыли филиалы и производственные площадки в Ростовской области. В ее приграничных городах и районах крупные торговые сети быстро построили новые супер- и гипермаркеты в расчете на потребителей из ДНР и ЛНР; оживилась торговля на оптовых базах Таганрога и Ростова-на-Дону.

Резко изменились конфигурация пассажирских сообщений и логистические схемы, используемые хозяйствующими агентами. Разрушение в ходе военных действий аэропорта в Донецке привело к заметному увеличению пассажирооборота ростовского аэропорта, достигшего трехмиллионной отметки[26]. Отменены поезда, следовавшие через территорию Украины. Как уже отмечалось, в 2017 г. завершилось строительство обхода украинской территории на основном железнодорожном ходе Москва–Ростов (участок Миллерово–Журавка). Из существовавших прежде международных автобусных маршрутов сохра-

[26] До событий 2014 г., наоборот, жители Ростовской области нередко пользовались аэропортом Донецка, имевшим прямое сообщение с большим числом городов, чем Ростовский, причем по более низким тарифам.

нились в основном транзитные и те, что соединяют города Ростовской области с ДНР и ЛНР. Автобусы, следующие в города остальной Украины, а также грузовые перевозчики вынуждены делать большой крюк по трассе М-4 через Белгород и Харьков. Для доставки внешнеторговых грузов вместо украинских портов Николаева и Одессы используют перегруженные российские — Новороссийск, Порт-Кавказ, Ростов и др.

5. Новый участок российско-украинского пограничья *между Крымом и Херсонской областью* заметно отличается самой высокой степенью барьерности и полным отсутствием какого-либо взаимодействия. Хотя Украина считает Крым «временно оккупированной территорией», многочисленные изменения в украинском законодательстве дефакто сделали новую границу межгосударственной. Ответственность за ее охрану здесь, как и на других границах, несет Пограничная служба Украины.

Пересечение границы с Украиной через сухопутные пункты пропуска Перекоп–Чаплинка, Армянск–Каланчак, Джанкой–Чонгар возможно только по украинским паспортам и на автомобилях с украинскими номерами. Регулярное железнодорожное и автомобильное сообщение прекращено с конца декабря 2014 г. Связь с материковой Россией с начала 2015 г. осуществляется только через Керченскую переправу, в результате чего значительно увеличились затраты времени и средств на транспортировку грузов и пассажиров.

В результате прекращения регулярного сообщения через границу произошла трансформация территориальной структуры Крыма: транзитные районы превратились в периферийные, а периферийные приобрели центральные функции (Керчь). Пространственная ориентация транспортной системы полуострова изменилась с субмеридиональной на субширотную. До кризиса 2014 г. основные транспортные потоки шли с юга на север по железнодорожной и автомобильной магистралям Симферополь–Харьков. Ныне основные коммуникации ориентированы с запада на восток (Черноморское–Евпатория–Симферополь–Феодосия–Керчь; Армянск–Красноперекопск–Джанкой–Керчь). Из десятка пассажирских поездов дальнего следования, следующих за пределы Крыма, остался лишь один — Симферополь–Ростов–Москва, использующий паромную переправу через Керченский пролив. Таким образом, конфигурация единой транспортной системы, соединяв-

шей Украину и Россию, деформирована, изменен характер движения, нарушены прямые связи.

В то же время, по данным Крымской таможни, в 2016 г. через северный Крым границу пересекли почти 3 млн. человек и более 522 тыс. легковых автомобилей. Основной целью остаются поездки к родственникам. По оценкам местных властей, в 2016 г. порядка 550 тыс. граждан Украины приехало в Крым также с туристическими целями. Кроме того, у многих украинцев в Крыму остался бизнес или недвижимость. Транспортный бизнес довольно быстро адаптировался к новым условиям. Широкое распространение получила следующая схема: рейс до российской границы крымского перевозчика, пешее пересечение российской и украинской границ, затем рейс украинского перевозчика до ближайшей железнодорожной станции. Небольшая станция Новоалексеевка Херсонской области превратилась в крупный узел. Из нее теперь отправляются поезда во многие украинские города (Киев, Харьков, Днепр, Полтаву, Сумы, Кременчуг, Львов и др.)

В 2017 г. налажено прямое автобусное сообщение между рядом крымских и украинских городов, которое осуществляется негласно российско-украинскими аффилированными компаниями. Но если в 2013 г. города Крыма с материковой частью Украины связывало 63 ежедневных рейса, то к 2017 г. число таких рейсов сократилось вдвое. Изменилась и их сеть. Раньше города Крыма были связаны с большинством региональных центров Украины — Киевом, Одессой, Днепром, Харьковом, Кропивницким (бывшим Кировоградом), Херсоном, Черновцами, Николаевым и др. В 2017 г. большинство негласных международных маршрутов действовало между Крымом и Донецком, Луганском, Мариуполем, Одессой и Херсоном.

Прекращение подачи в Крым днепровской воды по Северо-Крымскому каналу привело к кардинальному изменению структуры сельскохозяйственного производства. Площадь орошаемых угодий сократилась в 10 раз, водоемкие культуры заменены засухоустойчивыми — пшеницей и подсолнечником. Частично проблема нехватки воды решена использованием подземных вод, но это вызывает риск засоления и деградации почв. Остановка поставок продовольствия с Украины на полуостров сильно ударила по домохозяйствам, так как цены значительно выросли. Однако сложности с доставкой товара из России стимулировали производство на местных предприятиях агропромышлен-

ного комплекса. Тем не менее, местный бизнес опасается неустойчивости этого роста из-за рисков, связанных с увеличением завоза дешевой продукции из южных регионов России после завершения строительства Крымского моста.

Крымские промышленные предприятия испытывают трудности в связи с потерей традиционных рынков сбыта и нарушением производственных связей. В результате прекращения поставок из Украины сырья и комплектующих в первую очередь пострадали предприятия химической промышленности «Крымский титан» и «Крымский содовый завод», расположенные в приграничных городах Армянск и Красноперекопск. Сырье на «Красный титан» ныне поступает из Индии, Шри-Ланки и по-прежнему из Украины, но через материковую Россию, что приводит к удорожанию продукции. Экономическая блокада полуострова и санкции негативно сказались также на работе машиностроительных предприятий, вызвав сокращение производства. Вместе с тем, сложности включения региона в общероссийское экономическое и политическое пространства выявили уникальную адаптивность населения, решавшего свои проблемы путем продления украинских паспортов, временной регистрации на территории Херсонской области, получения пенсий как в России, так и на Украине, регистрации автомобилей одновременно в обеих странах и т.п.

* * *

Политический кризис в российско-украинских отношениях, начавшийся в 2014 г., серьезно трансформировал трансграничные взаимодействия, привел к усилению барьерных функций на всем протяжении границы и сокращению трансграничных потоков. Снизилась интенсивность взаимодействий по всем направлениям — институциональному, инфраструктурному, гуманитарному и экономическому. Хотя двусторонние соглашения о сотрудничестве между приграничными регионами юридически не расторгнуты, их действие фактически приостановлено, диалога между сторонами нет. Программы приграничного сотрудничества — результат многолетней деятельности по согласованию интересов двух стран в приграничной зоне — полностью свернуты. Трансграничные транспортные связи России и Украины переживают период глубокого упадка. Их интенсивность и регулярность уменьшилась в несколько раз. Пассажирский поток через российско-

украинскую границу сократился почти вдвое. За 2013–2016 гг. в 2–4 раза уменьшился и внешнеторговый оборот российских приграничных регионов с Украиной.

Тем не менее, трансграничные взаимодействия полностью не прекратились: сохраняются, хотя и в гораздо меньших масштабах, неформальные и родственные контакты, усилились трудовые миграции из Украины в приграничные российские регионы (преимущественно в Белгородскую область), в том числе нелегальные.

Население и хозяйство приграничных регионов России и Украины постепенно адаптируется к новым условиям. Там, где возможно (в первую очередь, в институциональной и образовательной сферах), российские регионы переориентируются на сотрудничество с Белоруссией. В свою очередь, малые и средние предприятия из приграничных регионов Украины (Харьковской, Луганской, Донецкой областей) открывают представительства или полностью переводят производство в соседние российские области с целью сохранить российский рынок сбыта и диверсифицировать риски.

В наибольшей мере привычный уклад жизни близких к границе городов и районов нарушен в Белгородской и Ростовской областях, где исторически поддерживались разносторонние связи с соседями. Свернута и в корне изменилась система трансграничных пассажирских сообщений. Многие субъекты экономической деятельности были вынуждены искать новые рынки сбыта, источники сырья и комплектующих изделий, логистические решения. Приняты меры по укреплению безопасности пограничья, сказавшиеся на повседневной жизни людей.

Изменение геополитической обстановки обернулось противоречивыми последствиями для локальных агентов трансграничных взаимодействий. Образование ДНР и ЛНР, военные действия вблизи российской границы и прием многочисленных вынужденных переселенцев в 2014 г. резко изменили характер соседства на южном участке пограничья. В отличие от других участков, социальные и экономические взаимодействия здесь не были радикально редуцированы, но претерпели коренные изменения, в результате которых потоки товаров и людей возросли. В российском Восточном Донбассе внешние воздействия наложились на тройной кризис, который он испытывал после распада Советского Союза. Этот кризис был вызван переходом к рыноч-

ной экономике, глубокой структурной перестройкой хозяйства в связи с закрытием шахт и образованием государственной границы с Украиной, отрезавшей регион от традиционных партнеров. Крайняя неопределенность перспектив отношений между Россией и Украиной, будущего ДНР и ЛНР ограничивает деятельность властей и экономических агентов, лишая их возможности долгосрочного планирования.

Вопреки ожиданиям экономического коллапса в результате практически полного разрыва торговых и производственных связей с Украиной, многие отрасли экономики Крыма в большей или меньшей мере адаптировались к новым условиям (торговля, транспорт, сельское хозяйство, туристско-рекреационный комплекс). Значительные риски сохраняются только для работы машиностроительных и химических предприятий. Часть проблем этих отраслей связана с хроническим недофинансированием со стороны украинского государства, что привело к развалу старой советской инфраструктуры, другая часть — с санкциями, затрудняющими выход на внешние рынки, получение современных технологий и инвестиций, а также периферийностью региона и высокими транспортными издержками. Нарушение привычных связей, введение антироссийских санкций в совокупности со сложностями включения нового региона в общероссийское экономическое и политическое пространства выявило уникальную адаптивность населения к резким изменениям в его жизни.

Глава 6.5.

Приграничные регионы России и Казахстана в условиях евразийской интеграции*

Российско-казахстанская граница — одна из самых протяженных сухопутных границ в мире (7,5 тыс. км). Прилегающие к ней регионы занимают обширные пространства и по общей площади территории превышают ряд крупнейших государств мира — Индию, Аргентину и сам Казахстан. Совокупная площадь пограничья составляет около 3,9 млн. км^2, которые примерно поровну делятся между российскими и казахстанскими приграничными регионами.

Из 14 регионов Казахстана 12 — приграничные, и 7 из них расположены вдоль границы с Россией. На эти регионы приходится около половины территории страны. Доля 12 российских регионов, граничащих с Казахстаном, в территории России гораздо скромнее — около 8%. Однако роль смежных для обеих стран регионов чрезвычайно велика. Здесь размещается значительная часть их демографического и экономического потенциала, что потенциально создает большие возможности для приграничного сотрудничества и развития интеграционных процессов. формирует необходимые условия (прежде всего, нормативно-правовые) для углубления «малой интеграции» на уровне приграничных регионов.

Возникновению евразийского интеграционного проекта предшествовал целый ряд заявлений и инициатив, а сама идея евразийской интеграции была впервые выдвинута Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым в 1994 г. Говоря о геополитическом положении и многовекторности внешнеполитического курса Казахстана, он отметил:

«Мы, конечно, опираемся на развитие традиционных связей с соседними нам республиками Центральной Азии. Но важнейшее значение

---

* Опубликовано: Карпенко М.С. Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества // Известия РАН. Сер. геогр. 2018. №6.

мы придаем все-таки сотрудничеству с Россией. Казахстан с Россией связывают прочные узы. Наши народы веками жили вместе, и укрепление добрососедства отвечает кровным интересам миллионов людей, оно неподвластно никаким конъюнктурным соображениям»[27].

В рамках стратегии многовекторности и сбалансированности внешних связей казахстанской элитой были выбраны три ключевых направления — российское, китайское и американское (Троицкий, 2010).

Отношения со странами Центральной Азии носили двойственный характер: Казахстан претендовал на роль регионального лидера, выстраивая при этом «особые отношения» с Россией, считая себя «центральноазиатским государством с явными признаками евразийства» (Троицкий, 2010).

Китайский вектор в первые годы после обретения независимости был нацелен на снижение уровня напряженности в отношениях с КНР, в частности, из-за нерешенного вопроса о линии государственной границы, опасений экономической экспансии Китая. Отношения с Китаем были основаны на стремлении Казахстана сделать их бесконфликтными и придать им взаимовыгодную основу.

Отношения с Соединенными Штатами были сфокусированы на демонтаже советской ядерной инфраструктуры, оставшейся в Казахстане после распада СССР, и налаживании связей в отраслях топливно-энергетического комплекса с целью привлечения инвестиций в его развитие.

Выбор *российского вектора* развития в качестве ведущего в 1990-е гг. был предопределен, во-первых, зависимостью Казахстана от доступа к российской энергетической транспортной инфраструктуре, которая открывала ему доступ на мировые рынки. Эта зависимость носила критический характер для нефтяного сектора, ставшего главным драйвером экономики страны после обретения независимости. Во-вторых, сохранившиеся после распада СССР производственные связи определили ориентацию внешней торговли страны на Россию, что в полной

---

[27] Текст выступления Н.А. Назарбаева в Московском государственном университете, 29 марта 1994 года. http://e-history.kz/ru/publications/view/567 (Дата обращения: 16.08.2016).

мере касалось и регионов российско-казахстанского пограничья. В-третьих, Россия продолжала играть ключевую роль в обеспечении региональной стабильности, являясь гарантом безопасности Казахстана и других стран региона.

Дружественные отношения России и Казахстана объясняются не только экономическими и военно-политическими, но и социокультурными факторами. Отказ от сотрудничества с Россией означал бы создание цивилизационного рубежа на границе между христианским и мусульманским мирами и неминуемо вызвал бы этноконфессиональную напряженность в пограничье. Важным был также фактор русского меньшинства, которое оказывало влияние на внутреннюю и внешнюю политику Казахстана, хотя и очень опосредованное. Перенос столицы из Алма-Аты в Астану в 1997 г. обеспечил не только «разбавление» русскоязычного населения севера страны, но и подтвердил российский вектор внешней политики независимого государства. Кроме того, перенос столицы подтвердил желание Назарбаева «оторваться» от южных кланов Старшего жуза[28]. Таким образом, выбор «российского вектора» как одной из основ внешней политики Казахстана был фактически безальтернативным.

Приграничным регионам в рамках евразийского проекта отводилась особая роль. Предполагалось, что их развитие после отмены внутренних таможенных границ и начала формирования общего рынка окажет существенное влияние на укрепление экономических связей внутри Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана, создавших Евразийский экономический союз. (Лимонов и др., 2012, с. 10). Сегодня в большинстве научных публикаций констатируется, что эти ожидания оправдались не в полной мере. На фоне декларируемых успехов евразийского проекта результаты приграничного сотрудничества пока что очень скромны, и приграничные регионы не смогли воспользоваться уже имеющимися плодами евразийской интеграции (свободой движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы), чтобы вывести его на качественно новый уровень. В числе причин такого положения отмечается слабая нормативно-правовая база и недостаток институтов сотрудничества (Вар-

[28] Жузы — крупные территориальные объединения, сложившиеся в эпоху формирования казахской народности. Электронная версия Большой российской энциклопедии. https://bigenc.ru/

домский, 2009); избыточная централизация управления в России и особенно в Казахстане (Иванов, Жундубаев, 2015), многочисленные нетарифные ограничения, препятствующие развитию цивилизованной приграничной торговли и кооперации (Винокуров, 2015).

Основные задачи данной главы — во-первых, проанализировать наиболее существенные причины противоречия между благоприятными стартовыми условиями для всеобъемлющей интеграции и весьма скромными ее результатами в области приграничного сотрудничества; во-вторых, оценить ключевые вызовы приграничному сотрудничеству между Россией и Казахстаном, ответ на которые только предстоит найти.

Становление государственной границы

Несмотря на интеграционную риторику, становление молодого казахстанского государства требовало решения вопроса о делимитации и демаркации границ с Россией. В первые годы независимости Казахстана граница оставалась фактически прозрачной, что было связано прежде всего с дороговизной ее обустройства в условиях социально-экономического кризиса в обеих странах. Функции таможни и пограничных служб на первых этапах фактически выполняла милиция, которая в силу объективных причин (необученность, отсутствие специальных технических средств, иная организационная структура) не могла профессионально выполнять возложенные на нее непрофильные функции (Голунов, 2008).

В результате возникли условия для распространения различного рода нелегальных и полулегальных практик. Одной из ключевых стала «серая» приграничная торговля, развитию которой способствовали различия в ценах между странами. Ценовой фактор, в свою очередь, зависел от скорости и характера трансформационных процессов по обе стороны государственной границы, макроэкономической политики центральных властей и других мер государственного регулирования и поддержки. Основными продуктами трансграничной торговли в первой половине 1990-х гг. стали продукты питания (свинина, мука, хлеб, фрукты) и алкоголь, которые стоили в 1,5–2,5 раза дешевле на казахстанской стороне, а также лес и бензин, более дешевые в России. Отсутствие значимых природных рубежей, большое расстояние между пунктами пропуска (обычно от 100 до 300 км) позволяли контрабан-

дистам практически не ограничивать себя в объемах такой торговли (Голунов, 2009).

Ширилась нелегальная торговля наркотиками. Через российско-казахстанскую границу был проложен «северный канал» транспортировки наркотических средств. Его основной маршрут проходит из Афганистана через Таджикистан и Ферганскую долину и далее через Казахстан в Россию и страны Европы. Другой канал поставки пролегал через юг Узбекистана и Западный Казахстан. По данным Департамента борьбы с наркотиками МВД Казахстана, перевалочными пунктами транспортировки наркотиков к концу 2000-х гг. при использовании железнодорожного транспорта на западном направлении были Бейнеу и Атырау, Тараз; Алматы и Астана — на северном и восточном; при использовании автомобильного транспорта — Чимкент, Караганда и Астана.[29]

Теневая торговля и трафик наркотических средств стали одним из стимулов постепенного обустройства и усиления охраны новой государственной границы. В 1993 г. обеспечивать режим государственной границы России было поручено Федеральной пограничной службе (ФПС), что, однако, не позволило коренным образом изменить ситуацию. По-прежнему ощущалась нехватка профессиональных кадров, недостаточное число и плохая техническая обустроенность таможенных и пограничных постов. К службе привлекались жители окрестных сел и деревень, которые не обладали соответствующими навыками работы (Голунов, 2005б).

Появление таможенного контроля и пограничного режима на границе России и Казахстана привело к усилению ее барьерной функции и фактически совпало с первыми попытками межгосударственной интеграции. Несмотря на подписанный в декабре 1995 г. договор о создании Таможенного союза, который упрочил интеграционный вектор в отношениях двух стран, укрепление границы продолжалось. При этом огромные финансовые затраты на охрану границы стимулировали региональные и федеральные власти к сотрудничеству с различными общественными организациями, которые привлекались для охраны границы. Так, в 1996–1997 гг. в Саратовской, Оренбургской, Челябин-

[29]Афганский наркотрафик: основные маршруты. Справка. 2010. Информационный портал РИА Новости. https://ria.ru/spravka/20100603/242406939.html (дата обращения 21.11.2016).

ской и Омской областях в этой деятельности принимали участие добровольческие отряды и казачьи формирования. Этот эксперимент только частично оказался успешным. Многие добровольцы, по большей части жители приграничных поселений, сами были заинтересованы в сохранении нелегального бизнеса, а полученные полномочия часто использовались для установления контроля над ним. Другой причиной отказа от услуг добровольцев стало негативное отношение казахстанских властей к негосударственным формированиям на границе (Голунов, 2008).

Постепенное сворачивание российских пограничных подразделений на южных рубежах бывшего СССР (Восточный и Среднеазиатский пограничные округа)[30] естественным образом привело к усилению пограничного режима на российско-казахстанской границе. На тот же период приходится наиболее активный этап работы делимитационной комиссии, завершившийся в ноябре 2005 г. ратификацией соответствующего договора между Россией и Казахстаном. Делимитация проводилась по принципу «uti possidetis» (неизменности границ при правопреемстве), то есть за основу была взята административная граница РСФСР и КазССР (Ауанасова, Сулейменов, 2010). Однако в советские годы административная граница в связи с хозяйственно-производственной необходимостью подвергалась неоднократным корректировкам. Большинство изменений не фиксировались должным образом в документах, что привело к спорам между сторонами по ряду участков.

Тем не менее, в относительно короткий срок удалось согласовать линию государственной границы. Даже в случаях, когда граница разделяла населенные пункты и производственные объекты или объекты транспортной инфраструктуры, сторонам удалось найти компромиссные подходы к решению таких проблем (табл. 29).

---

[30] Передача пограничных подразделений бывших Восточного и Среднеазиатского пограничных округов под юрисдикцию соответствующих стран была завершена в ноябре 2004 г.

Таблица 29.

Примеры сотрудничества в урегулировании расхождений в делимитации государственной границы

Спорная территория	Суть противоречий	Страны-бенефициарь
Острова Уватный и Жесткий	Принадлежность островов Уватный и Жесткий*	Россия
Имашевское газоконденсатное месторождение	Разное положение линии разграничения в документах Астраханского и Гурьевского облисполкомов	Россия – 50%, Казахстан – 50%
Разъезд Коммунистический Приволжской железной дороги	Принадлежность разъезда Коммунистический, находящегося в приграничной зоне	Россия
Дендрарий вблизи поселка Джанибек (ЗКО, Казахстан) и Вишневка (Волгоградская область, Россия)	Принадлежность дендрария с редкими видами растительности	Казахстан
Совхоз «Прогресс» поселка Приморское и очистные сооружения Новотроицка и Орско-Халиловского комбината (Оренбургская область)	Линия границы разделила на две части поселок Приморское, находящийся в административном подчинении города Новотроицк, затруднив перемещение жителей, а также устранение последствий возможной аварии на очистных сооружениях	Обе стороны (компенсационный обмен территориями)
Площадка золоотвала Троицкой ГРЭС (Челябинская область)	Граница разделила территории, выделенные под производственные нужды Троицкой ГРЭС (Челябинская область)	Казахстан (российская сторона арендует у Казахстана необходимые ей площади)
Поселок Огнеупорный Челябинской области	Статус русскоязычного поселка Огнеупорный	Обе стороны (компенсационный обмен территориями)

Источник: (Константинов, 2005, Голунов, 2005а).

---

* Сами острова не представляли большой ценности, но от их принадлежности зависела линия разграничения в северной части Каспийского моря, богатого нефтью.

В 2007 г. начался процесс демаркации государственной границы, который будет завершен не ранее 2022 г.[31]

Углубление интеграционных процессов во второй половине 2000-х гг. способствовало интенсификации приграничного сотрудничества и укреплению приграничных связей. С 1 июля 2011 г. на границе России и Казахстана был отменен таможенный контроль, что привело к расширению приграничной торговли, способствовало сокращению очередей на пунктах пропуска и росту мобильности населения. Создание в 2015 г. Евразийского экономического союза запустило процесс формирования общих рынков и появление «четырех свобод»: движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Несмотря на сохранение пограничного, миграционного и фитосанитарного контроля, указанные меры способствовали заметному снижению барьерности государственной границы.

Таким образом, после обретения независимости вопрос о границах и их безопасности приобрел особую важность как для Казахстана, так и для России. Устанавливая таможенный режим и пограничный контроль на границе с Казахстаном, Россия руководствовалась необходимостью ограничить распространение нелегальных трансграничных практик в пограничье, в том числе и наркотрафика, актуализировавшейся в результате постепенной передачи контроля над старой советской границей молодым государствам Центральной Азии. Усиления контроля на границе требовал и Европейский союз, ставивший послабления в визовом режиме с Россией в зависимость от обустройства ее южных рубежей. Для Казахстана правовое оформление границы, ее обустройство и полноценный контроль над ней были не только залогом национальной безопасности и территориальной целостности, но и символом независимости, одним из естественных оснований для внутренней и внешней легитимации государственности.

Однако поиск «золотой середины» между повышением коммуникативных свойств границы в условиях евразийской интеграции и обеспечения безопасности стал серьезным вызовом для приграничного взаимодействия двух стран. Старые и не до конца решенные вопросы

---

[31] Россия рассчитывает завершить демаркацию границы с Казахстаном к 2022 году. 2015. — Информационное агентство «Казахстанская правда». http://www.kazpravda.kz/news/politika/rossiya-rasschitivaet-zavershit-demarkatsiu-granitsi-s-kazahstanom-k-2022-godu/ (дата обращения: 20.07.2016).

(борьба с наркотрафиком из Афганистана, укрепление пограничного контроля на южных границах Казахстана) дополнились новыми, ранее не характерными для этого региона вызовами — активизацией исламистов в северных регионах Казахстана.

Не следует сбрасывать со счетов и последствия украинского кризиса, который подорвал веру руководства Казахстана в «нерушимость» границы с Россией. Иллюстрацией подобных опасений может служить заявление министра иностранных дел Казахстана (2012–2016) Е.А. Идрисова: *«Мы делаем очень важный шаг по регистрации соглашений о делимитации (в секретариате ООН) с тем, чтобы, не дай Бог, в какой-то ситуации мы могли апеллировать к Организации Объединенных Наций»*[32].

Своеобразие расселения

Совокупный демографический потенциал регионов российско-казахстанского приграничья немногим превышает 30 млн. чел., что сопоставимо с такими странами, как Узбекистан или Малайзия. Здесь проживает около 1/6 российского и почти 1/3 казахстанского населения (табл. 30).

Своеобразие расселения в общем пограничье определяется тем, что еще с советского времени административная граница между РСФСР и КазССР примерно совпадала с границей двух из трех крупнейших зон расселения бывшего СССР — Главной полосы расселения и Южной зоны очагового расселения, различающихся разной степенью заселенности, зрелостью и конфигурацией сетей расселения.

Российская часть приграничья находится преимущественно в основной полосе расселения. Как результат, Россия имеет значительный перевес в общей численности населения: ее доля превышает 80%. В казахстанской части приграничья проживает в 5 раз меньше населения, чем в российской — 5,6 млн. чел. против 24,4 млн. в России.

Еще большими оказываются различия в средней плотности населения. В казахстанской части приграничья она колеблется от 2,7

---

[32] Казахстан завершает процесс оформления госграниц. 2015. Сетевое издание «Интернет ресурс Tengrinews». https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstan-zavershaet-protsess-oformleniya-gosgranits-270135 (дата обращения: 20.09.2016).

чел./км^2 в Актюбинской до 6,1 чел./км^2 в Павлодарской области. Наименее заселенные территории приграничья — горные районы Восточно-Казахстанской области и западные районы Атырауской области, где плотность не достигает и 2 чел./км^2. В российской части приграничья такие низкие показатели плотности характерны только для Республики Алтай (2,3 чел./км^2).

На районном уровне также наблюдается перевес России в численности населения: в ее пограничных муниципальных районах проживает около 2,1 млн. человек, что составляет чуть более 8% от общей численности жителей российского пограничья. Людность приграничных районов Казахстана составляет только 1,15 млн. чел., однако доля приграничных районов в общей численности населения гораздо выше — 20% (с учетом гг. Риддера и Семипалатинска — 1,55 млн., или 27%). Эти различия объясняются эксцентричным положением областных центров в казахстанской части, сосредотачивающих свыше половины населения своих областей. Большинство из них (Уральск, Актобе, Петропавловск, Павлодар, Усть-Каменогорск) расположены близко к государственной границе и способствуют «удержанию» населения в казахстанском приграничье. Так, в Костанайской области плотность населения в приграничных районах достигает 7 чел./км^2, в то время как в среднем по области она не превышает 5. Для сравнения, в сопредельных периферийных районах Курганской области аналогичный показатель колеблется от 3 до 5 чел./км^2. Похожая ситуация наблюдается и в Восточно-Казахстанской области, где на приграничные районы приходится 48% населения. Здесь помимо областного центра (Усть-Каменогорск) в приграничье находятся сравнительно крупные города — Риддер, Зыряновск и Семипалатинск.

Исторические предпосылки предопределили ряд особенностей систем расселения. Их первооснову составили казачьи оборонительные линии, возникшие на южных и восточных рубежах Российской империи. В XVIII–XIX вв. Иртышская укрепленная линия положила начало Омску, Семипалатинску, Павлодару (Коряковский форпост) и Усть-Каменогорску; Староишимская и Новая Ишимская линии — Кургану и Петропавловску; Оренбургская — Оренбургу, Уральску, Челябинску, Троицку, Соль-Илецку и Атырау. (Муратова, 2007, 2013; Абжалей и др., 2007). Каждая из этих линий отражает историческое

Таблица 30.

Демографический потенциал российско-казахстанского пограничья

Территория	Численность населения тыс. человек	Доля в численности населения своей страны, %	Доля в численности населения приграничных стран своей страны, %	Доля в численности населения приграничных стран, %	Плотность населения, чел./км²	Доля приграничных муниципальных районов в населении региона, %	Доля населения областного центра от общей численности населения региона, %
Регионы российского пограничья	24404	16.68	100	81,14	12,2		
Астраханская область	1019	0,70	4,18	3.39	20,1	18,6	32,3
Волгоградская область	2546	1,74	10,43	8,46	22,5	2,3	39,9
Саратовская область	2488	1,70	10.20	8.27	24,5	1,5	34,0
Самарская область	3206	2,19	13,14	10,66	59,8	0,5	36,5
Оренбургская область	1995	1,36	8,17	6.63	16,0	30,9	28,3
Челябинская область	3501	2,39	14,35	11,64	39,6	6,8	34,2
Курганская область	862	0,59	3,53	2,87	11,9	12,7	37,4
Тюменская область	1978	1,35	8,11	6,58	9,2	2,2	37,7
Омская область	1455	0,99	5,96	4.84	14,0	14,3	81,0
Новосибирская область	2762	1,89	11,32	9,18	15,7	3,8	58,0
Алтайский край	2377	1,63	9,74	7,90	14,0	10,3	26,6
Республика Алтай	215	0,15	0,88	0,71	2.3	23,3	29.3

Регионы казахстанской приграничья	5673	32,57	100	18,86	2,83		
Атырауская область	594	3,41	10,47	1,97	2,7	9	38
Западно-Казахстанская	637	3,66	11,23	2,12	4,1	32	45
Актюбинская область	835	4,79	14,72	2,78	4,2	16	47
Костанайская область	884	5,08	15,58	2,94	4,5	24	26
Северо-Казахстанская область	561	3,27	10,03	1,89	6,1	28	46
Павлодарская область	758	4,35	13,36	2,52	5,8	14	44
Восточно-Казахстанская область	1396	8,02	24,61	4,64	4,9	48	23

Источник: (Регионы России, 2016, Регионы Казахстана в 2015 году, 2016).

положение фронтира между оседлым и кочевым населением, сплошным и очаговым освоением.

Железнодорожное строительство начала века и связанное с ним переселение крестьян, волны индустриализации и освоение целины в годы советской власти привели к еще большей поляризации пространства. В результате важнейшие городские центры пограничья тяготеют к основной полосе расселения и транспортным магистралям: Транссибирской — Челябинск, Оренбург, Курган, Петропавловск, Омск, Новосибирск и др., Средне-Сибирской — Костанай, Кокшетау и др.; Южно-Сибирской — Новосибирск, Павлодар; Туркестано-Сибирской — Барнаул, Павлодар, Семипалатинск; Оренбургско-Ташкентской — Оренбург, Актюбинск и др.

В настоящее время в казахстанской части пограничья насчитывается 35 городов, семь из них являются действующими областными центрами (Петропавловск, Атырау, Костанай, Уральск, Усть-Камено-

горск, Павлодар, Актобе) и один (Семипалатинск) — бывшим. Еще два больших города пограничья — Рудный и Экибастуз — монопрофильные промышленные города.

Несмотря на сравнительно небольшую людность, казахстанские города выполняют функции центров сотрудничества, оказывая различные услуги населению и бизнесу не только своих областей, но и сопредельных территорий России. Решающую роль здесь играет небольшое расстояние до границы с Россией (Уральск, Актюбинск, Семипалатинск), особенно если оно сочетается с выгодным транзитным положением (Петропавловск). Эти города во многом в силу этнического фактора сохраняют исторически сложившуюся ориентацию на связи с Россией: здесь по-прежнему сильны родственные и культурные контакты с сопредельными российскими городами, которые рассматриваются «казахстанскими русскими» в качестве рынка труда и как потенциальное место для переселения (Алексенко, 2012).

В российском приграничье городов с населением более 100 тыс. человек насчитывается 26, из них пять — города-миллионеры (Волгоград, Самара, Омск, Челябинск и Новосибирск). Они выполняют функции «организаторов» приграничного сотрудничества. Для российского и казахстанского бизнеса чрезвычайно важны их торговые, финансово-организационные и транспортно-логистические услуги, для жителей пограничья — культурно-образовательные и медицинские. Так, например, аэропорт Омск предлагает более широкий набор регулярных рейсов по России, нежели аэропорт города Павлодар, а перелет из Оренбурга в Москву обойдется вдвое дешевле, чем из Актюбинск.

Вместе с тем, потенциал сотрудничества между городами пограничья, очевидно, не реализован в полной мере. Сдерживающим фактором выступает недостаточное развитие пограничной и транспортной инфраструктуры, что на фоне больших расстояний оказывается одним из главных вызовов для приграничного сотрудничества (Лимонов и др., 2012).

Размежевание культурного пространства: вызовы для сотрудничества

Важнейшим фактором интеграции и приграничного сотрудничества России и Казахстана является единое социокультурное и информационное пространство, сформировавшееся в приграничье. В первую очередь, это проявляется в повсеместном использовании русского языка.

Во-первых, русский язык выполняет функцию языка межнационального общения, объединяя не только проживающих совместно русских и казахов, но и другие народы Казахстана — украинцев, белорусов, немцев, татар и др. В общественно-политической жизни государства русский язык используется наравне с казахским, что закреплено соответствующей нормативной базой. При этом по числу владеющих им жителей русский язык намного превосходит официальный государственный. По данным за 2016 год, уровень владения русским в Казахстане составляет около 89%.[33]

Во-вторых, русский язык обеспечивает единство информационного и культурного пространства пограничья. Телевидение принимает не только казахстанские, но и большинство российских федеральных каналов. Большинство ресурсов Интернета также либо двуязычны, либо полностью представлены на русском языке, поскольку казахстанская аудитория предпочитает использовать русскоязычную информацию. Кроме того, русский язык для казахстанцев — возможность окунуться в многообразие иностранной литературы, которая гораздо чаще переводится на русский, чем на казахский (Султангалиева, 2015).

В-третьих, русский язык широко используется в банковском секторе, межгосударственных переговорах и встречах в деловых кругах. Практически все казахстанские компании ведут и публикуют отчетность не только на казахском, но и на русском языке.

Президент Н. Назарбаев неоднократно указывал на недопустимость ущемления русского языка, который является одним из важнейших элементов, препятствующих формированию в российско-

---

[33] Санькович В. Изучение языковой ситуации — большой пласт работы. 2017. Пресс-клуб «Содружество». http://press-unity.com/stati/10572.html

казахстанском пограничье «цивилизационного разлома». Однако чрезмерно тесные трансграничные связи никогда не поощрялись казахстанскими властями, поскольку такая кооперация теоретически могла «привести к отторжению территории Северного Казахстана в пользу России» (Голунов, 2009, с. 87). Поэтому нараставшие с начала 1990-х гг. процессы планомерной «казахизации» всех сторон общественной жизни в той или иной степени затронули и приграничные с Россией регионы, где доля нетитульного населения по-прежнему высока (Алейников, 2014). Так, в 1990-е — первую половину 2000-х гг. здесь прокатилась волна переименований, выражавшаяся в десоветизации и подспудной дерусификации географических названий, затронувшая большую часть городов и районов. Однако она все же не привела к полной смене топонимического ландшафта. Активная политика по расширению сферы применения казахского языка также не оказала пока существенного влияния на культурную значимость и распространенность русского языка на севере Казахстана, где он остается языком повседневного общения (Алтынбекова, 2006).

Гораздо больших успехов удалось добиться в вопросе «казахизации» административной элиты казахстанских приграничных регионов. По оценке казахстанских специалистов, традиции использования клановых связей в качестве социального лифта «*позволяют казахам численно доминировать в политической системе и государственном аппарате как в центре, так и на местах даже в тех регионах, где казахский этнос не составляет большинства населения*» (Кадыржанов, 2014, с. 52).

События, произошедшие в 2014 г. в Крыму и на юго-востоке Украины, актуализировали опасения части казахстанской элиты относительно территориальной целостности своего государства (Кадыржанов, 2014). В последние годы продвижение казахского языка резко интенсифицировалось. Принято решение о его переводе на латинскую графику; разработан стандарт нового казахского алфавита и графики. По мнению зав. лабораторией лингвистической конфликтологии НИУ ВШЭ М. Кронгауза, причины подобных действий не лингвистические, а скорее политические: «*В данном случае выбор латиницы означает сближение с другими тюркскими языками. Прежде всего, это ту-*

рецкий. И некоторое удаление от цивилизации, использующей кириллицу, то есть от России»[34].

Грядущий отказ от кириллицы в Казахстане, наряду с другими факторами социального и культурного давления (бытовой национализм, невозможность продвижения по службе) выступают ведущими мотивами эмиграции русскоязычных жителей в Россию, создавая условия для дальнейшей эрозии единого культурного пространства в приграничье (Золотухин, 2012; Алексеенко, 2012).

Еще одним ударом по единому культурному пространству стали поправки к закону «О радиовещании», призванные ограничить влияние иностранных телеканалов, в первую очередь, наиболее популярных российских. Эти поправки предполагают полный запрет распространения рекламы на ретранслируемых телеканалах (вступили в силу с 01.01.2016).[35] Вероятно, подобные меры приведут к прекращению вещания российских телеканалов через казахстанские кабельные сети.

Тем не менее, даже наиболее популярный государственный телеканал «Первый канал «Евразия» продолжает использовать преимущественно российский контент. Этот и другие казахстанские телеканалы также легко обходят и другие ограничения, связанные с необходимостью отводить вещанию на казахском языке не менее 50% эфирного времени, используя его преимущественно в ночное время (Кадыржанов, 2014, с. 66–123).

Таким образом, принимаемые властями Казахстана меры направлены на постепенное формирование новой казахстанской идентичности и способствуют постепенной эрозии единого культурного и информационного пространства. В долгосрочной перспективе это может негативно сказаться и на экономическом сотрудничестве (Лимонов и др., 2012).

---

[34] Гаранин Г. Латиница в Казахстане: история и перспективы. 2017. — ИА REGNUM. https://regnum.ru/news/polit/2262196.html. (дата обращения: 12.04.2017).

[35] Как изменения в Законе «О телерадиовещании» повлияют на казахстанские телеканалы. 2015. https://www.nur.kz/963441-kak-izmeneniya-v-zakone-o-teleradiove.html. Дата обращения: 16.05.2016.

Экономический потенциал: проблемы «малой интеграции»

Экономические связи приграничных регионов — так называемая малая интеграция — одна из основ «большой» межгосударственной интеграции стран ЕАЭС. Эти связи существенно способствуют экономическому росту и повышению уровня жизни населения приграничья.

Экономический потенциал российско-казахстанского пограничья, измеряемый в показателях ВРП (по ППС) в 2014 г. превысил 501 млрд. долл. США[36], что сопоставимо с ВВП таких европейских стран, как Швеция или Бельгия. При этом почти 70% экономического потенциала приходится на российские регионы и около 30% — на казахстанские (Регионы России, 2016, Регионы Казахстана в 2015 г., 2016).

Приграничные регионы России и Казахстана имеют большое значение для экономик обоих государств. Однако если регионы казахстанского пограничья формируют 36% совокупного ВРП всей страны, то доля российской части приграничья (без учета автономных округов Тюменской области) в экономике России скромнее — 12% (табл. 31).

В советские годы российско-казахстанское пограничье развивалось в рамках единого народнохозяйственного комплекса, специализация которого была связана с металлургической, нефтехимической промышленностью и машиностроением. Распад СССР и трансформационные процессы в 1990-е гг. привели к закрытию многих крупных предприятий, особенно в сфере машиностроения, и разрыву производственных связей. Упростилась производственная структура экономики всех без исключения регионов общего приграничья, однако с казахстанской стороны этот процесс был выражен сильнее. Деиндустриализация и упадок передовых отраслей промышленности сопровождался бурным развитием сырьевых производств, особенно в энергетическом секторе.

---

[36] Последний учетный год, на который доступны сопоставимые данные.

Таблица 31.

Экономический потенциал российско-казахстанского пограничья в 2014 г.

Территория	ВРП по ППС, млн. долл. США	Доля в ВРП своей стран, %	Доля в общем ВРП по граничья обеих стран, %	Душевой ВРП по ППС, долл.	Душевой ВРП региона в % к общестрановому
Регионы российского пограничья	344 616	12,5	68,7	13 755	124
Астраханская область	13 578,0	0,49	2,71	13 326,0	70,3
Волгоградская область	33 602,0	1,21	6,70	13 109,0	69,2
Саратовская область	26 422,0	0,95	5,27	10 590,0	55,9
Самарская область	541 133,0	1,96	10,80	16 853,0	89,0
Оренбургская область	34 365,0	1,24	6,85	17 141,0	90,5
Челябинская область	46 657,0	1,69	9,31	13 334,0	70,5
Курганская область	7939,0	0,29	1,58	9089,0	48,0
Тюменская область (без округов)	348 815,0	1,26	6,94	24 529,0	129,5
Омская область	281 144,0	1,02	5,61	14 242,0	75,2
Новосибирская область	42 071,0	1,52	8,39	15 360,0	81,1
Алтайский край	21 048,0	0,07	0,37	8815,0	45,6
Республика Алтай	1839,0	0,76	1,20	8647,0	46,5
Регионы казахстанского пограничья	15 6718	36,5	31,3	309 11	72,6
Атырауская область	46 997	10,9	9,4	81 778	329
Западно Казахстанская область	21 521	5,0	4,3	34 322	138
Актюбинская область	20 856	4,9	4,2	25 563	103
Костанайская область	15 103	3,5	3,0	17 139	69
Северо-Казахстанская область	8614	2,0	1,7	15 006	60
Павлодарская область	18 912	4,4	3,8	25 065	101
Восточно-Казахстанская область	24 715	5,8	4,9	17 713	71

Источник: (Регионы России, 2016, Регионы Казахстана в 2015 году, 2016).

Структурные особенности экономики (специализация на добывающих отраслях, в том числе добыче нефти и газа) и небольшая численность населения казахстанских регионов объясняют их общий перевес по душевому ВРП, который на границе между Астраханской и Атырауской областями достигает шестикратных значений (табл. 31). Единственное исключение — Тюменская область, которая по душевому ВРП обгоняет соседнюю Северо-Казахстанскую область примерно в 1,5 раза.

Несмотря на распад некогда единого хозяйственного механизма, промышленно-производственные связи остаются одной из основных составляющих трансграничных взаимодействий (Лимонов и др., 2012; Иванова, 2015). Наиболее интенсивные связи сложились в топливно-энергетическом комплексе. Ярким примером может служить переработка газа с Карачаганакского месторождения в Казахстане на Оренбургском газоперерабатывающем заводе (ГПЗ). Освоение этого месторождения началось с середины 1980-х гг. производственным объединением «Оренбурггазпром», в которое входил и Оренбургский газоперерабатывающий завод. В 1991 г. эксплуатирующие Карачаганак подразделения были переданы в «Казахгазпром», а в дальнейшем все права на разработку месторождения перешли международному консорциуму «Karachaganak Petroleum Operating», в планах которого было построить собственный ГПЗ. Однако в дальнейшем сотрудничество между казахстанскими и российскими партнерами только расширилось, поскольку для проектируемого завода не нашлось рынков сбыта. Кроме того, основным источником дохода предприятия является все же добыча нефти, а значительные объемы добываемого газа с 2004 г. используются для поддержания давления в нефтяных пластах.

1 октября 2003 г. в действие был введен дополнительный газопровод между месторождением и Оренбургским ГПЗ, а в 2006 г. в Уральске подписано межправительственное российско-казахстанское соглашение о создании совместного предприятия по переработке 17,6 млрд. м^3 газа Карачаганакского месторождения — СП «КазРосГаз». Оно закупает сырой газ Карачаганакского месторождения и перерабатывает его на мощностях Оренбургского ГПЗ. При этом сухой газ в необходи-

мом объеме направляется на внутренний рынок Казахстана, а оставшаяся часть реализуется по экспортным контрактам.[37]

Взаимодействие в нефтяном секторе, наоборот, связано с переработкой российской нефти на Павлодарском НПЗ в Казахстане и расположенном на юге страны НПЗ в Шымкенте. Павлодарский завод был спроектирован для переработки нефти с месторождений Западной Сибири. Распад СССР и связанные с этим перебои с поставками сырья приводили к неоднократным остановкам производства, однако во второй половине 2000-х гг. удалось договориться о бесперебойных поставках нефти из России по схеме замещения. Этот подход предполагает, что в обмен на поставленную Россией нефть Казахстан предоставляет России права на эквивалентные объемы нефти, находящиеся в трубопроводах Казахстана. Так, в 2014–2016 гг. казахстанская сторона ежегодно предоставляла России около 5 млн. т нефти на границе Казахстана и Китая в экспортном трубопроводе Атасу-Алашанькоу, выполняя, таким образом, часть российских экспортных обязательств перед этой страной.

Стремясь обеспечить энергетическую безопасность страны, власти Казахстана и подконтрольные им государственные компании строят планы по развитию нефтепереработки в республике. Несмотря на почти четырехкратный рост добычи, совокупный объем переработки нефти вырос незначительно, а качество производимого топлива по-прежнему остается низким. Предполагается, что в результате модернизации всех трех НПЗ страны (Павлодарского, Атырауского и Шымкентского) переработка нефти вырастет на 3 млн. т/год (с 14,5 млн. до 17,5 млн. т/год), что позволит Казахстану уже к 2019 г. обеспечивать внутренний рынок собственными горюче-смазочными материалами, которые в настоящее время завозятся из России[38].

Для электроэнергетики также характерна взаимозависимость, оставшаяся в качестве советского наследия. Так, уголь, добываемый на месторождении «Богатырь» (Экибастуз, Павлодарская область), ис-

---

[37] Официальный сайт компании «КазРосГаз». http://kazrosgas.org/rus/o-kompanii/istoriya/. Дата обращения: 20.03.2016.

[38] После 2019 г. Казахстан полностью обеспечит себя бензином // Международное информационное агентство «Kazinform». http://www.inform.kz/ru/posle-2019-goda-kazahstan-polnost-yu-obespechit-sebya-benzinom-bozumbaev_a3003971, дата обращения: 03.03.2017.

пользуется на пяти российских ТЭЦ и ГРЭС, расположенных в Свердловской и приграничных Омской и Челябинской областях. В 1990-е гг. низкая стоимость экибастузского угля для российского потребителя обеспечивала взаимовыгодное сотрудничество. Кроме того, перевод электростанций на уголь с других месторождений был затруднен, поскольку требовал вложений в модернизацию котельного оборудования, спроектированного под характеристики экибастузского угля. Однако три электростанции (Нижнетуринская ГРЭС, Красногорская и Богословская ТЭЦ) по разным причинам все же перешли на новые виды топлива (мазут и газ).

В 2014 г., когда девальвация рубля стала препятствием для выполнения обязательств по рублевым контрактам казахстанской стороной, вопрос энергетической безопасности был поднят вновь. Так, в утвержденной правительством «Программе развития угольной промышленности РФ на период до 2030 г.» упоминается о возможности замещения экибастузских углей кузнецкими (Распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2014 г. №1099-р «О Программе развития угольной промышленности РФ на период до 2030 г.»). Эксперты отмечают, что в ближайшей перспективе от угля из Казахстана могут отказаться Серовская и Троицкая ГРЭС, а значит, на этом сырье будут работать только Рефтинская ГРЭС и две ТЭЦ города Омска. С 2014 по 2016 гг. ввоз казахстанского угля в Россию сократился почти на 30%[39].

В настоящее время тесные производственные связи связывают и предприятия металлургического комплекса. Классический пример — поставки руды с Соколово-Сарбайского месторождения (Костанайская область Казахстана) на Магнитогорский металлургический комбинат (ММК), а также другие предприятия Челябинской и Оренбургской областей (Галяутдинова, 2014; Жундубаев, 2014).

Гораздо менее развиты связи между предприятиями машиностроения, доля которого в объеме промышленного производстве казахстанского приграничья не превышает 3–4%, в то время как в российских регионах она достигает 10–12% (в Курганской и Самарской областях — соответственно 20% и 35%). Большая часть кооперационных

---

[39] Попова М. Россия медленно перекрывает Казахстану уголь. 2016. // Интернет-портал ABCTV.kz. http://www.abctv.kz/ru/news/rossiya-medlenno-perekryvaet-kazahstanu-ugol, дата обращения: 20.11.2016.

связей в приграничье распалась еще в 1990-е гг., а вместе с ними были остановлены и такие крупные машиностроительные предприятия, как Павлодарский тракторный завод (ПТЗ, Павлодар), Целиноградский завод сельскохозяйственного машиностроения (Астана), Петропавловский завод тяжелого машиностроения (Петропавловск) и др. В 1980-е гг. ПТЗ производил около 55 тыс. тракторов в год, а в первые годы после развала Советского Союза — менее 2 тыс.[40] Потеря гарантированных и платежеспособных покупателей при переходе к рыночной системе и высокая конкуренция со стороны иностранных производителей со временем привели к полному закрытию производства.

Одним из немногих примеров попытки выстроить новую производственную кооперацию является создание сборочного производства «АвтоВАЗа» в Усть-Каменогорске. С момента образования предприятия линейка продукции завода значительно расширились; появилась сборка автомобилей также и иностранных брендов — Skoda, KIA, Chevrolet. Степень локализации производства остается сравнительно низкой, что приводит к тому, что значительная доля необходимых для сборки машинокомплектов завозится из-за рубежа, в том числе и из регионов российско-казахстанского приграничья. Еще один успешный пример сотрудничества — совместное предприятие «КамАЗ-Инжиниринг» в Кокшетау, которое осуществляет сборку грузовиков и автобусов из готовых машинокомплектов.

Таким образом, ведущую роль в экономических контактах в приграничье по-прежнему играют крупные компании, в то время как малый и средний бизнес практически не представлен. Опрошенные нами в 2014 и 2016 гг. эксперты — представители бизнеса и власти — называли разные причины сложившейся ситуации.

Так, представители Евразийского банка развития (Астана, 2016 г.) отмечали слабую представленность малого и среднего бизнеса в производственном секторе: «*Большая часть предпринимателей работает в секторе услуг. У двух парикмахерских или салонов красоты нет потребности в приграничном сотрудничестве*»[41]. Не менее значимая проблема — недостаточный уровень компетентности бизнесменов, ко-

---

[40] ПО «Павлодарский тракторный завод» им. В.И. Ленина. 2004. // Интернет-проект avtomash.ru. http://www.avtomash.ru/pred/ptz/ptz_istori.htm, дата обращения: 12.08.2016.

[41] Из интервью представителям Евразийского банка развития, Астана, 2016.

торые плохо знакомы с быстро меняющимся законодательством, в частности с Таможенным кодексом ЕАЭС.

Представители Торгово-промышленных палат Омской и Оренбургской областей обращали внимание на ментальные различия и разные практики ведения бизнеса. *«Несмотря на декларируемую свободу ведения бизнеса в пределах ЕАЭС, бизнес в Казахстане проще вести, взяв в партнеры кого-нибудь из местных»*.[42]

Работники государственных органов с обеих сторон отмечали в качестве значимых проблем сохраняющиеся существенные различия в законодательстве, двойное налогообложение, а также различные нетарифные ограничения, которые порой труднее преодолевать, чем таможенные барьеры.[43] Согласно недавним опросам, проведенным Евразийским банком развития, нетарифные барьеры и ограничения для казахстанских экспортеров в другие страны ЕЭП[44] наиболее ощутимы и составляют от 16 до 79% стоимости продукции в зависимости от направления торговли. Существующие барьеры в области трансграничных грузоперевозок между Россией и Казахстаном увеличивают стоимость транспортировки на 10–20% (Винокуров, 2015).

Важное значение для экономики приграничных регионов России и Казахстана имеет приграничная торговля — один из драйверов экономического взаимодействия в приграничье. Для российских граждан, пересекающих границу с Казахстаном для покупки потребительских товаров, первоочередной интерес представляют продукты питания, особенно чай, кондитерские изделия, фрукты, а также алкогольные напитки, которые пользуются большим спросом во всех регионах российского приграничья. Ввоз казахстанского алкоголя заметно увеличился после 2011 г., когда был отменен таможенный контроль на внутренних границах ЕАЭС. Дальнейший рост потребления в России крепких напитков из Казахстана был связан с быстрым увеличением акцизов на спиртосодержащую продукцию российских производителей. Все это стало ударом для производителей алкоголя в российских

---

[42] Из интервью с представителями Торгово-промышленных палат Омской и Оренбургской областей, 2016–2017.

[43] Подробнее см. Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. Доклад. — Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2016. — 43 с. http://barriers.eaeunion.org/api/info/document/38/file.

[44] В Казахстане опрос предприятий проводился в апреле–мае 2014 года, в России — в марте-апреле 2014 года.

приграничных регионах и одним из непредвиденных последствий экономической интеграции.

Поток жителей Казахстана в Россию для покупки различных товаров меньше. Это связано, в первую очередь, с более высоким уровнем цен. В частности, алкогольная, кондитерская, мясная продукция, топливо (бензин) в России дороже, чем в Казахстане. Кратковременный всплеск потребительской активности жителей Казахстана наблюдался лишь в конце 2014 г., в период резкого падения курса рубля. когда они активно скупали не только продукты питания, но также автомобили, объекты недвижимости и бытовую технику, ювелирные изделия.

Жители казахстанского приграничья едут в соседние российские регионы также для лечения. Хотя многие областные медицинские центры в Казахстане обеспечены передовым оборудованием, местное население по-прежнему больше доверяет квалификации российских врачей. Привлекательным остается для казахстанцев и российское образование, причем не только в вузах Москвы и Санкт-Петербурга, но также Новосибирска, Омска, Челябинска, Самары и Волгограда.

Для русских казахстанцев учеба в университете — это еще и возможность переехать в Россию, где выше шанс получить престижную работу и более высокий социальный статус. Чтобы легче поступить в российские университеты, некоторые старшеклассники предпочитают заканчивать школу уже в России. Университеты приграничных российских регионов также заинтересованы в наборе «иностранных студентов», и многие из них присылают в областные центры Казахстана, особенно в Петропавловск, Костанай, Павлодар, специальные комиссии для отбора абитуриентов.

* * *

При всей сложности сохранения и развития исторически сложившихся тесных связей российско-казахстанское приграничье во многих отношениях можно рассматривать как положительный пример для других участков постсоветских границ. Отсутствие значимых природных рубежей и общая слабая обустроенность границы между странами может рассматриваться, с одной стороны, как вызов для национальной безопасности обоих государств, но с другой — как фактор, облегчающий процессы интеграции.

Евразийская интеграция и связанные с ней казахстанские инициативы сыграли большую роль в установлении добрососедских отношений на этом участке российских границ. Производственные связи между предприятиями, единое культурно-языковое пространство, а также сложившиеся общие системы расселения и транспорта сформировали значительный потенциал экономической интеграции и приграничного сотрудничества.

Однако благоприятные стартовые условия остаются причиной необоснованного оптимизма у ряда экспертов и акторов по обе стороны границы. Для большинства опрошенных нами представителей областных администраций сам процесс евразийской интеграции уже является залогом будущих позитивных изменений и в пограничных регионах. Представляется, что укрепление экономических и политических связей на высшем уровне автоматически приведет к активизации связей между приграничными регионами. Характерна в этом отношении позиция опрошенных нами в 2016 г. экспертов из МИД Казахстана, которые полагают, что *«на фоне евразийской интеграции не требуется специальных мер и программ по развитию приграничного сотрудничества»*[45].

На практике же Россия и Казахстан по-прежнему эксплуатируют общее советское наследие — кооперационные связи между ограниченным числом промышленных предприятий преимущественно сырьевого профиля. Такого рода контакты, однако, не позволяют вовлечь в сотрудничество большое число жителей приграничья и не способствуют росту разнообразных экономических, социальных и культурных связей (Голунов, 2009). При этом наблюдается отчетливое стремление к постепенной автономизации трансграничных производственных цепочек, что создает угрозу потери уже накопленного потенциала сотрудничества. Это противоречит задачам евразийской интеграции, фактором которой является создание единой системы кооперационных связей с партнерами в отраслях экспортной направленности, что должно обеспечить дополнительный синергетический эффект и послужить стимулом для развития более наукоемких отраслей производства. Оно особенно важно, учитывая схожую специализацию приграничных регионов России и Казахстана.

---

[45] Из интервью с представителями министерства иностранных дел Республики Казахстан, 2016.

Геополитические вызовы, связанные с событиями на Украине и последовавшим за ними присоединением Крыма, ухудшением отношений между Россией и Западом стали серьезным испытанием для евразийской интеграции. Они подталкивают центральные власти обеих стран к принятию мер, направленных на решение часто надуманных и конъюнктурных проблем национальной и региональной безопасности, создают иллюзию неэффективности евразийского проекта межгосударственной интеграции. В условиях высоко централизованного управления региональные власти обеих стран, выбирая между интеграционной риторикой и дискурсом о национальной безопасности, зачастую предпочитают избегать излишне тесных приграничных связей с соседями. Особенно это характерно для казахстанской элиты, которая опасается развития событий на севере страны по крымскому сценарию.

Вместе с тем, именно приграничное сотрудничество, направленное на развитие приграничной инфраструктуры, кооперации в экономической и общественной сферах могло бы стать одной из движущих сил евразийской интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российское пограничье — обширное поле исследований. Одной монографии явно недостаточно, чтобы дать исчерпывающее представление о жизни границы, ее функциональном и инфраструктурном обустройстве, повседневных проблемах людей, особенностях взаимодействий с соседними странами. Обращаясь к этой теме, авторы книги ставили перед собой амбициозную, но все же менее масштабную задачу — показать многообразие ситуаций на разных участках протяженной российской границы, сложившееся под влиянием разнородных природно-географических, социально-экономических, демографических, этнокультурных и политических факторов. В центре внимания было приграничное сотрудничество как феномен, отражающий баланс интересов разных акторов, участвующих во взаимодействиях — от местных жителей до транснационального бизнеса и межгосударственных союзов. Авторов интересовало соотношение объективных и субъективных обстоятельств, логики экономической и экологической рациональности, подкрепляемой здравым смыслом, и логики страхов и угроз, базирующейся на стереотипах, манипулировании информацией и навязывании представлений, отражающих смену геополитических ориентиров и интересов элит. В фокусе исследования были механизмы и институты трансграничных контактов, пути преодоления противоречий между внутри- и внешнеполитическими процессами, интересами национальной безопасности и выгодами свободных взаимодействий.

Государственная граница — не просто линия, обозначающая пределы государственного суверенитета, но и показатель дееспособности государства, отражение его природы, системы ценностей, моделей поведения, отношений между обществом, гражданином и властями. Функции границы представляют собой, с одной стороны, устойчивый социальный феномен, определяющий территориальную структуру страны, в том числе соотношение между центральными и периферийными регионами, конфигурацию коммуникаций, а также региональные идентичности, социальные представления об окружающем мире и стереотипы.

В свою очередь, система расселения и территориальная структура хозяйства обладают большой инерцией и определяют демографические и социально-экономические различия по разные стороны границы, а стало быть, и «разность потенциалов», генерирующую трансграничные потоки. Так называемые фантомные границы, утратившие свои функции десятки и даже сотни лет назад, до сих пор проявляются в хозяйстве, культуре и самосознании граждан, оказывают влияние на государственное строительство и отношения с соседними странами.

В то же время граница становится в современных условиях все более динамичным феноменом, поскольку соотношение между ее контактными и барьерными функциями подвижно. Оно меняется в зависимости от перипетий международной обстановки и двусторонних отношений, состояния экономики сопредельных стран и регионов, курсов валют, цен, таможенных пошлин, транспортных тарифов и т.д. Поэтому изменчивы и многие трансграничные потоки, что осложняет деятельность транспортных и пограничных служб.

Граница и прилегающая к ней полоса — «кожа» государства, и ее «здоровье» — условие нормального функционирования всего его «тела» — сложного государственного механизма. «Здоровье» пограничья зависит от настройки его функций в обеспечении безопасности государства, с одной стороны, а с другой — во взаимодействии с окружающим миром и особенно соседней страной (коммуникаций, транзита, посредничества). Эта настройка сопряжена со значительными сложностями. Издержки чрезмерного усиления барьерных функций границ трудно поддаются учету, что влечет преувеличение рисков и «закручивание гаек» на всякий случай, вопреки рациональной логике. Однако усиление препятствий для трансграничных взаимодействий, которое обосновывается задачами укрепления безопасности — такая же крайность, как и призывы к полной «прозрачности» границ. Оно приводит к серьезным проблемам, связанным с изоляцией, хорошо известным из опыта СССР. Наибольшее значение приобретают не запретительные, а превентивные и регулятивные меры, позволяющие использовать контактные функции границ к общей выгоде, минимизировать издержки пограничных барьеров и потенциальные риски национальной безопасности. Отказ от крайностей означает поиск сбалансированной пограничной политики, требующий понимания процессов, происходящих в соседней стране и на ее пограничных территориях.

Между интересами безопасности и необходимостью облегчения взаимодействий нет жесткого противопоставления. Одно из условий укрепления национальной безопасности — достижение устойчивого социально-экономического развития приграничных регионов, поддержание или повышение уровня жизни их населения до величин, сопоставимых с соседними странами. Этому способствуют трансграничные контакты, которые облегчают диффузию инноваций, знаний и компетенций, сдерживают процессы депопуляции благодаря компенсации дефицита развития за счет ресурсов и возможностей соседей. Извлекаемая населением рента приграничного положения повсеместно служит фактором снижения социальной напряженности. Многие задачи обеспечения национальной безопасности и вовсе не могут быть решены без приграничного сотрудничества. Это в первую очередь касается экологической и эпидемиологической обстановки, водопотребления, засух, суховеев, наводнений, распространения вирусов и прочих угроз, не признающих политических границ.

Успешное развитие приграничных территорий важно еще и потому, что граница — «витрина» государства. Она не только определяет контуры территории, на которую распространяется государственный суверенитет и служит рубежом национального экономического, социального, политического и культурного пространства, но и представляет собой социальный конструкт, элемент национальной идентичности и одновременно мощный инструмент ее формирования.

Однако большинство российских приграничных территорий относятся к периферийным и соседствуют с периферийными и депрессивными регионами сопредельных стран, что затрудняет взаимодействие и сотрудничество. Результатом этих трансформаций стало снижение удельного веса и значения хозяйства приграничных регионов РФ, недоиспользование их экономического потенциала.

Согласно международному опыту, наиболее успешно приграничное сотрудничество между регионами со сходным уровнем развития. К сожалению, тенденция к относительному сглаживанию разрыва в социально-экономических показателях между регионами российского пограничья и их западными соседями, кроме Белоруссии и Украины, была прервана девальвацией рубля в конце 2014 г. На значительной части пограничья между Россией и странами ЕС социально-экономический градиент остается значительным.

На юге и востоке российское пограничье на большей части протяженности пока несколько превосходит прилегающие районы соседних стран, однако эта картина меняется в результате успешного развития экономики граничащих с Россией нефтедобывающих регионов Казахстана и китайского пограничья.

Во взаимной торговле пограничных регионов РФ с соседними странами сложилась выраженная асимметрия в соотношении экспорта и импорта. Динамика внешнеторговых связей пограничных регионов отражает изменения, которые происходят в национальных экономиках благодаря влиянию международных организаций — ВТО, ЕС, Таможенного союза, ЕврАзЭС, национальных политик замещения импорта в интересах безопасности государств. Крупный внешнеторговый дефицит российских приграничных регионов в торговле с Украиной (по состоянию до кризиса) и Белоруссией был связан с разной структурой ввоза и вывоза и более высокой конкурентоспособностью белорусских и украинских товаров на российском внутреннем рынке. Асимметрия российско-китайской приграничной торговли еще более выражена в силу узкой специализации восточных регионов России. Российская часть пограничья предстает поставщиком сырья в сопредельные регионы и потребителем товаров и услуг из них.

Для территорий, граничащих с Казахстаном, напротив, характерно устойчивое превышение экспорта над импортом, что связано с обменом энергоносителями. Нефть и газ, добываемые в казахском приграничье, поступают на переработку в соседние российские регионы, а затем их продукция экспортируется в Казахстан. Эта схема была унаследована от территориально-производственного комплекса СССР и продолжает действовать. Однако Казахстан стремится к созданию полного цикла производств на своей территории.

Различия в структуре хозяйства по разные стороны «новых» границ, возникших после распада Советского Союза, часто существенно меньше, чем в «старом» пограничье. Но сильные трансграничные градиенты и резкая асинхронность развития усугубляют асимметрию взаимодействий и отток ресурсов, могут подрывать доверие в отношениях между странами-соседями, препятствуют равноправному сотрудничеству.

Тем не менее, несмотря на геополитические сдвиги последних лет, закономерно усилившие роль границ как рубежей обеспечения нацио-

нальной безопасности, другие трудности и проблемы, приграничные взаимодействия выгодны для России. Они облегчают диффузию инноваций и передачу знаний и компетенций, замедляют депопуляцию, компенсируют недостатки периферийного положения приграничных территорий, благоприятно влияют на территориальную структуру страны.

Рентно-спекулятивная модель отношений с соседями, типичная для российского пограничья в первое постсоветское десятилетие, сменилась более дифференцированными взаимодействиями, связанными с развитием малого бизнеса, услуг, туризма. Диверсификация взаимодействий в приграничной зоне связана, во-первых, с инвестициями первичного капитала, накопленного на начальном этапе в «челночной» торговле, в различные формы малого бизнеса (кафе, мастерские, гостиницы, предприятия сферы услуг и пр.), во-вторых, с приобретенным опытом трансграничных взаимодействий, пониманием правил поведения в иной социальной среде. Практически повсеместно — от Китая до Норвегии россияне используют возможности сферы услуг, здравоохранения, образования и отдыха, имеющиеся в соседней стране.

Интенсивность трансграничных связей находится в прямой зависимости не столько от близости к границе, сколько от положения населенного пункта в региональной системе «центр-периферия». Чем выше иерархический ранг поселения, тем больше возможностей имеет население для трансграничных поездок. Зависит интенсивность связей и от сложившихся линейно-узловых структур: территориальная «глубина» взаимодействий значительно больше вдоль полимагистралей, связывающих основные города и транспортные узлы России и соседних стран. Благодаря «открытым» границам в пограничье между Россией и сопредельными странами ЕАЭС российские территории могут сильнее тяготеть к региональному центру соседнего государства, чем к собственному, и наоборот. Условия для этого заданы как транспортной доступностью, историческими, политическими факторами, так и функциональной спецификой связей.

Чем интенсивнее трансграничные взаимодействия, тем больше шансов для сохранения обменов и партнерства даже при неблагоприятных экономических и политических обстоятельствах. В пограничье сформировалась общности, живущие «на две страны», чьи сезонные и недельные перемещения связаны с пересечением границы. В их числе

— смешанные супружеские пары и их дети, предприниматели, осевшие в соседних странах российские специалисты. Члены таких «трансграничных» общностей — естественные инициаторы и активные участники совместных проектов. Коллективный опыт этих людей порождает в российском пограничье заметный демонстрационный эффект в образе жизни и потреблении.

Материалы исследования пограничья, в частности, между Россией и Эстонией, Россией и Украиной, показывают, что полностью «закрыть» границу в современном взаимозависимом мире практически невозможно. Кризисные явления и острые конфликты на межгосударственном уровне не приводят к тотальному свертыванию трансграничных взаимодействий: повседневные потребности людей и нужды экономики, накопленный в предыдущие годы позитивный опыт способствуют сохранению критически необходимого уровня контактов.

При этом связь между «прозрачностью» границы и интенсивностью трансграничных контактов далеко не прямолинейна: открытости границы и политики добрососедства еще недостаточно для активизации трансграничных контактов. Более того, снятие барьеров может привести к новым, подчас неожиданным проявлениям асимметрии взаимодействий, как это произошло в пограничье между Россией и Казахстаном.

Усиливающаяся геополитическая и экономическая турбулентность делает особенно актуальным вопрос об устойчивости и изменчивости контактных и барьерных функций границы. Неопределенность перспектив отношений Россией с ЕС и другими странами Запада, Украиной, ДНР и ЛНР сильно влияет на будущее приграничного сотрудничества, лишает инвесторов и местные администрации возможности выстраивать долгосрочные планы.

Позитивные сдвиги в трансграничных взаимодействиях определяются не только прагматическими задачами экономического развития, но и нередко труднопредсказуемыми субъективными факторами национального, регионального и локального уровня. Необходимы благоприятное восприятие соседней страны (региона) и осознание взаимных выгод сотрудничества.

Отношение к внешним соседям в сильнейшей степени подвержено влиянию стереотипов общественного мнения. Функции и режим каждой диады границ во многом определяются «геополитическим ко-

дом» двусторонних отношений — их долговременной моделью, формирующей прочный имидж соседней страны в общественном сознании, передаваемый от поколения к поколению, в том числе благодаря политическому дискурсу, развиваемому и транслируемому СМИ. Негативные стереотипы существенно влияют на трансграничные взаимодействия, особенно те, что требуют доверия и интереса к противоположной стороне — инвестиции, туризм.

В результате ускорения общественных процессов и в результате радикальных геополитических сдвигов восприятие границы и сопредельной страны жителями приграничных территорий иногда может меняться в сравнительно короткие сроки. С одной стороны, их потребности и повседневный опыт способствуют улучшению имиджа соседей, постепенному формированию видения границы как оси единого трансграничного пространства. С другой стороны, политический дискурс, драматизирующий различия идентичностей по разные стороны границы, может укреплять ее интерпретацию как «священного рубежа родины» или разграничительной линии между «цивилизациями», препятствующей доверию между партнерами и сотрудничеству.

Так получилось, что выход книги, подводящей итог многолетних исследований российского пограничья, совпал по времени с геополитическим кризисом, в центре которого находится Россия. Хотя его отправной точкой считаются события на Украине, произошедшие на переломе 2013–2014 гг., назревал он давно и среди западных аналитиков ассоциируется с завершением распада постсоветского пространства и окончательным освобождением бывших советских республик от «имперского ига» России. Действительно, в последнюю четверть века дезинтеграционные процессы в российском пограничье явно превалировали над интеграционными. С течением времени надежды на восстановление прежних связей между бывшими советскими республиками таяли, попытки влить новое вино в старые меха становились все более затратными и малопродуктивными. Если вначале казалось, что бывшие советские республики «обречены» на сотрудничество в силу общности исторических судеб, единства системы расселения и хозяйства, то ныне очевидно, что для этого необходимы значительные усилия. Число людей, выросших в одной стране, учившихся по одним и тем же учебникам и сходным образом оценивавших исторические события, резко сократилось, прежние производства устарели и деградировали,

интересы нового бизнеса — иные, так же как и ценностные ориентации молодых поколений, выросших и социализированных в независимых национальных государствах, имеющих собственные геополитические ориентиры. Ощущение необратимости процессов размежевания усиливала неопределенность, а иногда и открытая враждебность отношений между Россией, ЕС и другими странами Запада, информационные и дипломатические войны, политика санкций, попытки превратить РФ в страну-«изгоя», нарушающую устойчивый мировой порядок и играющего против международных правил.

Господствующие и альтернативные социальные представления о сложившихся и желательных отношениях с соседними странами, взаимодействиях с ними, режиме и функциях границ можно проанализировать, с одной стороны, с помощью изучения политического дискурса в СМИ и исторических нарративов, процесса трансляции ценностей и стереотипов через систему образования, а с другой — идентичности, и взглядов жителей пограничных городов и районов, символического ландшафта и памятных мест.

Проведенное исследование показало, что российский политический дискурс, касающийся отношений с сопредельными странами, в течение всего постсоветского периода был сфокусирован на балансе между условным западным и восточным (евразийским) вектором во внешних связях страны. Но при этом дискурс претерпел коренные изменения. Ныне евразийская интеграция («восточный вектор») представляется одной из форм глобального соперничества между Россией и Западом. Перераспределение контактных и барьерных функций между границами со странами бывшего СССР интерпретируется как результат их выбора между ассоциацией с ЕС и участием в проектах евразийской интеграции под эгидой России. Отношения России и западного сообщества, таким образом, рассматриваются как жесткая геополитическая конкуренция и «игра с нулевой суммой». Произошедшие сдвиги проявились, в частности, в резком ухудшении имиджа ЕС в России, появлении жесткого барьера вдоль границы с Украиной, превратившейся во враждебную страну. Значительно укрепилась гегемония официального дискурса. Левый и национал-патриотический дискурсы по многим вопросам практически слились.

Эти процессы нашли отражение и во взглядах населения приграничных городов. В условиях глобализации, ослабляющей значение на-

циональных государств, и все более сложной геополитической ситуации жители многих приграничных территорий начинают остро осознавать свою отличительность. Культура, события прошлого, языки и этничность оживают даже там, где они казались прочно забытыми. В государствах, где деятельность приграничных сообществ рассматривается как угроза национальному суверенитету, доминирует политика размежевания с соседом и продвижения единой национальной культуры. Однако действия, которые раньше обеспечивали консолидацию, в условиях информационной открытости влекут за собой потерю доверия части граждан и ослабление легитимности власти. Недостаточное внимание к специфическим интересам жителей пограничья, их самобытности и особенностям локальной исторической памяти негативно влияет на общенациональную идентичность. Преодолеть эту ситуацию невозможно без постоянно действующего диалога с соседями по другую сторону границы. Деполитизация истории, вынесение ее «больных вопросов» в сферу совместных публичных обсуждений, значительно снижают накал страстей, помогают оппонентам услышать друг друга. Публичность этого процесса способствует включению локальных версий истории в большой исторический нарратив государства. Число «закрытых тем» и возможностей для спекуляций о неправомерности границ уменьшается, а значит, снижаются и угрозы национальной безопасности.

В этих условиях быстро меняется символический ландшафт пограничья России и сопредельных стран. Новые независимые государства (в частности, Украина) пытаются укрепить свой суверенитет и национальную идентичность, проводя политику тотального символического размежевания с Россией — искоренения топонимов, напоминающих о советском прошлом, унификации коллективной памяти по всей стране, включая и пограничье. На Дальнем Востоке, напротив, изменения в символическом ландшафте пограничных городов отражают стремление к партнерским отношениям с Китаем, хотя практическая реализация этих намерений приносит иногда противоречивые результаты.

На границах со странами ЕС российские граждане лучше относятся к соседям, чем жители сопредельных государств — к россиянам. Вместе с тем, жители граничащих с Россией территорий более позитивно воспринимают россиян, чем население в среднем. Напротив,

жители сопредельных с РФ регионов Казахстана и Китая настроены по отношению к россиянам более позитивно, чем россияне к ним.

Один из важных выводов, вытекающих из опыта изучения нового пограничья России, заключается в том, что процессы государственного строительства, текущие внутриполитические обстоятельства и ход государственного строительства имеют гораздо большее влияние на приграничные взаимодействия, чем евразийская интеграция. Поэтому хозяйство приграничных районов все больше связано с внутренним рынком, а не с сопредельной страной, что приводит к нарастанию периферийности пограничья. В России и некоторых других странах бывшего СССР его доля в населении и экономике снижается. Неравномерность экономических процессов вызывает дальнейшую дифференциацию и фрагментацию пограничного пространства, усиление как трансграничных, так и внутренних контрастов между успешными и депрессивными областями, центром и периферией.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть необходимость разработки территориально дифференцированной российской политики соседства, отвечающей его вызовам и в то же время способствующей росту благосостояния миллионов людей, живущих в пограничье, обеспечивающей условия для их нормальной жизни и безопасность страны. Такой подход предполагает координацию деятельности многих федеральных ведомств, региональных и муниципальных властей, институтов гражданского общества, местного бизнеса и населения, учет разных групп интересов и развитие институтов трансграничных взаимодействий. Приграничное сотрудничество позволяет добиваться конкретных результатов, меняя ситуацию в российском приграничье к лучшему. Его деполитизация ослабляет зависимость жизни в приграничных регионах от международной обстановки и колебаний в двусторонних отношениях.

Опираясь на опыт последних лет, можно также утверждать, что политика соседства сможет успешно развиваться только на принципах равноправия, совместного финансирования разрабатываемых программ и четко прописанных взаимных обязательств, согласования стратегий и конкретных проектов, региональных и муниципальных планов. Тогда можно надеяться, что важнейшие для России интеграционные проекты, играющие особенно заметную роль в приграничье, достигнут своих целей.

Литература

Аблажей Н.Н., Бадмажапов Ц.-Б.Б., Болонев Ф.Ф., Веденин Ю.А. и др. Сибирь. Атлас Азиатской России. — М.: Топ-книга. Теория. Дизайн. Информация. Картография, 2007. — 864 с.

Алейников М.В. Ономастические и топонимические изменения в современном Казахстане как проявление политики казахизации // Мир науки, культуры, образования. — 2014. №2 (45). — С. 369–372.

Александрова А.Ю., Ступина О.Г. Туристское регионоведение: влияние региональной интеграции на туристский рынок. — М.: Кнорус М, 2014. — 176 с.

Александрова М.В. Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2010. №15. — С. 198–222.

Александрова М.В. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы / Китайская народная республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. — С. 221–254.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб.: СПбГУ, 2007. — 467 с.

Алексеев В.Г. Бегом от Европы? — Харьков: Факт, 2008. — 240 с.

Алексеевский Н.И., Фролова Н.Л., Христофоров А.В. Мониторинг гидрологических процессов и повышение безопасности водопользования. — М.: Изд-во МГУ, 2011. — 387 с.

Алексеевский Н.И., Завадский А.С., Кривушин М.В., Чалов С.Р. Особенности гидрологического мониторинга на участках и в бассейнах международных рек // Водные ресурсы. 2015, том 42, №6. — С. 569–580.

Алексеенко А. Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Научн. ред. В.И. Дятлов. — Иркутск: Оттиск, 2012. — С . 371–401.

Алимпиева А.В. Социальная идентичность калининградцев в социальном и геополитическом контексте // Псковский регионологический журнал. 2009, №7. — С. 36–40.

Алтынбекова О.Б. Миграция в Казахстане: новый статус русского языка // Демоскоп, 2006. http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit05.php

Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Калининградской области за 2014 г. — Калининград: УФМС РФ по Калининградской области, 2015. — 35 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В.Г. Николаев. Под ред. С.П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.

Анисимов А.М., Вардомский Л.Б., Колосов В.А., Герцен А.А., Гриценко А.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция, 2013а, №4 (21). — С. 76–96.

Анисимов А.М., Глинкина С.П., Вардомский Л.Б. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины. Доклад №17 [Монография], Санкт-Петербург: Евразийский банк развития, 2013б. — 100 с.

Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П., Пан Т.А. «Маньчжурский клин»: история, народы, религии / Под общ. ред. А.П. Забияко. — Благовещенск: Изд. Амурского гос. университета, 2005. — 259 с.

Анищенко А.Г., Сергунин А.А. «Города-близнецы»: новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе? // Балтийский регион. 2012. №1. — С. 27–38.

Антонов Е.В. Трудовая мобильность населения России по данным всероссийской переписи 2010 года // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. №2. — С. 54–63.

Арендт Х. О насилии. Перевод с англ. Г.М. Дашевского. — М.: Новое издательство, 2014. — 147 с.

Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае // В. Арсеньев «Китайцы в Уссурийском крае». Ф. Нансен «В страну будущего». — М.: Изд. «Крафт+», 2004. — С. 5–252.

Ауанасова А.М., Сулейменов А.М. Из истории делимитации государственных границ Республики Казахстан // Евразийский юридический журнал, №4 (23), 2010. — С. 10–15.

Ашихмин Е. Питерские «корейцы» помогают эстонской Нарве. // Eesti Media 2012. Http://rus.postimees.ee/792988/piterskie-koreycy-pomogayut-estonskoy-narve

Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харьків: Дельта, 1993. — 256 с.

Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. — 216 с.

Бакланов П.Я., Новиков А.Н., Птицын А.Б. Структурно-географический анализ трансграничных трехзвенных территорий // Доклады Академии наук. 2016. Т. 468. №1. — С. 97.

Бакланов П.Я., Мошков А.В. Географическая дифференциация территориальных структур хозяйства в Тихоокеанской России // География и природные ресурсы. 2017, №1. — С. 5–15.

Башкин В.Н. Управление экологическим риском. — М.: Научный мир, 2005. — 368 с.

Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России. / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. — М.–Волгоград: НОФМО, 2002. — 572 с.

Бийе Ф. Современность в пространственном измерении: открытые рынки, герметичность и вертикальность в двух приграничных городах России и Китая // Экономическая социология. 2014. Т. 15. №2. — С. 76–95.

Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. №3. — С. 102–118.

Бляхер Л.Е. Большая история и медленное бытие на цивилизационных фронтирах. Казус Приамурья // Полития, 2014. №3 (74). — С. 92–109.

Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ: Основи, 1994. — 168 с.

Болгов М.В., Фролова Н.Л., Алексеевский Н.И. Оценка возможных последствий переброски стока реки Аргунь в озеро Далайнор (КНР) // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2012. №4. — С. 103–118.

Болгов М.В., Демин А.П., Шаталова К.Ю. Институциональные, нормативно-правовые и управленческие аспекты использования трансграничных водных объектов России // Водные ресурсы. 2016. Том 43, №4. — С. 442–450.

Болотов Д.А. Приграничное сотрудничество как особая форма международных отношений. На примере отношений Российской Федерации и Европейского Союза. Дисс. канд. полит. наук. — Санкт-Петербург, 2003. — 235 с.

Борисенок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Отв. ред. Л.Е. Горизонтов. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. — С. 205–237.

Бражалович Ф.Л., Ключников М.И., Колосов В.А., Павлюк С.Г., Попов Ф.А., Туров Н.Л. Жизнь поверх границ конфликта: социально-экономиче-

ские аспекты трансграничного взаимодействия внутри разделенных городов (на примере Бендер и Дубоссар) // Изв. РАН. Сер. геогр., 2017. №3. — С. 45–57.

Бредникова О., Воронков В. Граница и реструктурирование социального пространства (случай Нарвы–Ивангорода) / Кочующие границы. Сб. статей по материалам международного семинара (Нарва, 12–16 ноября 1998). — СПб.: ЦНСИ, Труды. 1999. Вып. 7. — С. 19–25.

Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Пер. с франц. Е. Куббеля. — М.: Прогресс, 1986. — 623 с.

Бурдье П. О символической власти / Социология социального пространства. — М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2007. — С. 85–96.

Валеев Р.М, Курдюков Г.И. Международное право. Учебник для вузов. — М.: Статут, 2010. — 624 с.

Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. Сб. статей, пер. с англ., нем., франц. / Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокуров и А.Ф. Филиппов. — М.: Прогресс, 1991. — 480 с.

Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России // Евразийская экономическая интеграция. 2008. №1. — С. 90–108.

Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 216 с.

Введение в исследования границ / Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. — Владивосток, 2016. — 426 с.

Вендина О.И., Колосов В.А. Партнерство в обход барьеров // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. №1. — С. 142–154.

Вендина О.И., Кирюхин А.М., Колосов В.А. Россия — Украина: сотрудничество в обход барьеров / Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. — М.: Новый хронограф, 2011. — С. 227–253.

Вендина О.И., Колосов В.А., Себенцов А.Б. Является ли Эстония частью постсоветского пространства? // Международные процессы. 2014, №4. — С. 2–16.

Вендина О.И. Калининград: проект будущего и запросы молодежи // Изв. РАН. Сер. геогр.. 2015. №4. — С. 95–106.

Вендина О.И., Грищенко А.А. Культурный ландшафт пограничья и борьба за символические ресурсы утверждения суверенитета / В фокусе наследия. Сборник к 80-летию Ю.А. Веденина. — М., 2017. — С. 398–416.

Винокуров Е.Ю. Теория анклавов. — Калининград: Терра Балтика, 2007. — 342 с.

Винокуров Е.Ю., Пелипась И.В., Точицкая И.Э. Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2014. — 62 с.

Винокуров Е.Ю. и др. Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС: результаты опросов предприятий. Доклад №30. — СПб: ЕАБР, 2015. — 96 с.

Винокуров Ю.И., Чибилев А.А., Красноярова Б.А., Павлейчик В.М., Платонова С.Г., Сивохип Ж.Т. Региональные экологические проблемы в трансграничных бассейнах рек Урал и Иртыш // Изв. РАН. Сер. геогр. 2010. №3. — С. 95–104.

Вишневский А.Г. Чем опасен глобальный миграционный переход. Независимая газета. 23 января 2018. http://www.ng.ru/stsenarii/2018-01-23/9_7156_migration.html

Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014–2020 гг. / Под ред. В.И. Пантина и В.В. Лапкина. — М.: ИМЭМО РАН, 2014. — 120 с.

Водный кодекс Российской Федерации от 16.11.1995 №167-ФЗ (ред. от 30.06.2003).

Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 №73-ФЗ http://www/zakonrf.info/vodniy-kodeks

Войников В.В., Корнеев О.В. Проблемы и перспективы безвизового диалога России и ЕС // Балтийский регион. 2013. №3. — С. 20–37.

Воловой В., Баторшина И.А. Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. 2017. №1. — С. 27–43.

Воробьева Т.В. Восточный фронтир России. Вестник КРАУНЦ, сер. «Гуманитарные науки». 2012. №1 (19). — С. 5–14.

Воронов Б.А. Эколого-географические аспекты кризисных ситуаций на р. Амур // Новые географические знания и направления исследований. — Киев, 2006. — С. 264–269.

Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИ(У)МО, Москва, 1 сентября 2014 года. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/86BE1B82F20774B044257D4600388F6F

Гаврилина Л.М. «Калининградский текст» как репрезентация городской идентичности // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. — С. 88–99.

Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. — М.: Изограф, 2001. — 410 с.

Галяутдинова А. Плюсы от разности // Эксперт Урал №22 (602), 2014 http://expert.ru/ural/2014/22/plyusyi-ot-raznosti/.

Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и северо-востока КНР. — Владивосток: Дальнаука, 2004. — 231 с.

Ганзей С.С., Ермошин В.В., Мишина Н.В., Шираива Т. Современное использование земель в бассейне Амура // География и природные ресурсы. 2007. №2. — С. 17–25.

Гареев Т.Р., Елисеева Н.А. Модель товарных потоков эксклавного региона: в поисках ренты переходного периода // Балтийский регион. 2014. №1. — С. 72–90.

Гармаев Е.Ж., Христофоров А.В. Водные ресурсы рек бассейна озера Байкал: основы их использования и охраны. — Новосибирск: ГЕО, 2010. — 227 с.

Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной. Ред. и послесл. И.И. Крупника. — М.: Прогресс, 1991. — 320 с. [Gellner E. Nation and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983].

Георгиевский В.Ю., Сафаров М.Т. Сотрудничество НГМС СНГ в области гидрологии: итоги и перспективы дальнейшей деятельности. http://www.global-climate-change.ru/index.php/kazan-2012#heading1.

Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI вв. Т. 2. Природные ресурсы и региональное природопользование. — Владивосток: Дальнаука, 2010. — 558 с.

Герасименко Т.И., Филимонова И.Ю. Оренбургско-казахстанское порубежье: историко-этнографический и этногеографический аспекты. — Оренбург: Изд. Оренбургского гос. ун-та, 2011. — 212 с.

Герасименко Т.И. Этнокультурные трансграничные регионы — основа для интеграции сопредельных государств (пример Оренбургского-Казахстанского порубежья / Проблемы регионального развития России Сб. 141. Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. — М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. — С. 453–471.

Голиков А., Черномаз П. Анализ проблем трансграничного сотрудничества России и Украины // Регіон: стратегія і пріоритети. Укр. науково-практ. журнал. 2007. №5. — С. 15–32.

Голиков А.П., Черномаз П.А. Украинско-российский еврорегион «Слобожанщина» как форма межрегиональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2014. №2. — С. 85–98.

Голов А.А. Ценность и реальность дружбы у россиян // Информационный бюллетень мониторинга общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. №5. — С. 41–44.

Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: история формирования // Вестник ВолГУ. 2005. Серия 4. Вып. 10. — С. 68–87.

Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: проблемы безопасности и международного сотрудничества. — Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2005. — 422 с.

Голунов С.В. Российско-казахстанская граница в 1990-е годы: проблемы безопасности и специфика их восприятия// Вестник ВолГУ. 2008. Серия 4, №1 (13). — С. 82–91.

Голунов С.В. Приграничное сотрудничество России и Казахстана: проблемы и пути развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №6. — С. 84–91.

Гондатти Н.Л. Доклад Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти председателю Совмина И.Л. Горемыкину, 1914: «Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры» // Исторический архив. 1997. №1. — С. 69–71.

Гончаренко А. Использование ресурсов трансграничных вод: состояние и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №5. — С. 83–91.

Гончаров С.Н., Даньхуэй Ли. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // Россия и АТР. 2004. №4. — С. 44–52.

Городяненко В.Г. Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Этносоциология. 2009. №1. — С. 89–96.

Горячко М.Д. Потенциал приграничного взаимодействия и развитие регионов на юге Дальнего Востока и Сибири / Российское пограничье. Социально-политические и инфраструктурные проблемы. — Москва, 2016. — С. 55–73.

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2010 г.». http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=128153

Гранберг А.Г. Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: экономика и социология. 2011. №2. — С. 9–18.

Грибова С.Н. Забайкалье–КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–2007: кол. монография. Под ред. Н.В. Гордеева. — Чита: Экспресс-издательство, 2009. — 232 с.

Грибова С.Н. Развитие приграничных регионов России: методология и практика. Автореф. дисс. докт. экон. наук. — Улан-Удэ, 2011. — 41 с.

Григоренко А.Ю. «Свой чужой» в истории религии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. №146. — С. 41–47.

Гринько И.А. «Музейные границы» и формирование новых идентичностей // Самарский научный вестник, 2016. №4 (17). — С. 149–152.

Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних регионах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №2. — С. 126–140.

Гулидов Р.В. Проект «Туманган»: вымысел и реальность // Пространственная экономика. 2012. №1. — С. 90–108.

Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю., Осмоловская Л.Г. Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. №1. — С. 91–117.

Гуменюк Л.Г. Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России. Дисс. канд. геогр. наук. Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Калининград, 2017. — 157 с.

Гусева И. «Свейма» — совместное предприятие // Советский рабочий. 1989. №44–45.

Дацышен В.Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX века) // Диаспоры. 2001. №2–3. — С. 37–38.

Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке // Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. Гл. ред. В.А. Ламин. — Новосибирск: Изд. Историческое наследие Сибири, 2009. — С. 72–80.

Демидова Е.И., Николаев А.Н. Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса // Власть. 2016. №4. — С. 14–20.

Демьяненко Ю.А. Институциональная основа межрегионального сотрудничества России и Европейского союза: политико-правовой срез // Вестник БИСТ. 2012. №4. — С. 7–13.

Демин А.П., Шаталова К.Ю. Принципы и практика распределения водных ресурсов трансграничных рек России // География и природные ресурсы. 2015. №1. — С. 22–29.

Джамалов Р.Г., Хасиев Р.С. Современная водная дипломатия // Природа. 2011. №9. — С. 44–54.

Диллион Е.Ж. Отделение Монголии от Китая // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. Ч. 2: Документы по истории отношений Монголии и России (середина XIX века — 1921 год). — Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. — 162 с.

Дубин Б.В. Православие в социальном контексте // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. №6 (26). — С. 15–19.

Дубин Б.В. Всеобщая адаптация как тактика слабых // Неприкосновенный запас. 2006. №6 (50). — С. 33–59.

Дятлов В.И. Миграция китайцев и дискуссия о «Желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. №1. — С. 63–89.

Дятлов В.И. Благовещенская «Утопия»: из истории материализации фобий / Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Науч. ред. В.И. Дятлов. — Иркутск: Изд. «Оттиск», 2012. — С. 95–117.

Елманова Д. «Медленные города» как стратегия регионального развития на примере городов Бельгии / Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: материалы международной научной конференции (Грозный, 20–25 сентября 2016 г.). Под общей ред. А.Г. Дружинина. 2016. — С. 218–224.

Ершов Д.В. Хунхузы. Необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. — М.: Центрполиграф, 2010. — 61 с.

Жундубаев М.К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы. Дисс. канд. полит наук. — М., 2014. — 241 с.

Журавкова О.Н. Стратегии и механизмы трансграничного водного управления в бассейне р. Нарва и Псковско-Чудского озера // Псковский регионологический журнал. 2012. №3. — С. 60–66.

Журавская Т.Н. «Серый импорт» на российско-китайской границе: что нового? // Электронный журнал «Экономическая социология». 2011. Т. 12. №5. — С. 54–71.
http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259553788/ecsoc_t12_n5.pdf#page=54

Завадский А.С., Иванов В.В., Чалов Р.С. Геополитические аспекты русловых процессов // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2010. №6. — С. 35–46.

Загладин Н.В. Конфликт идентичностей в эпоху глобализации / Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей / Под

ред. Семененко И.С., Фадеева Л.А, Лапкина В.В., Панова П.В. — М., ИМЭМО РАН, 2011. — С. 74–78.

Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. №5. — С. 75–89.

Западные окраины Российской империи. Монография / Л.А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. — М.: НЛО, 2006. — 607 с.

Заусаев В.К., Воронцова Л.С. Социальный портрет жителя Хабаровска // Социологические исследования. 2007. №4. — С. 91–95.

Заяц Д.В., Зотова М.В., Туров Н.Л., Ключников М.И. Кризис российско-украинских отношений: последствия для трансграничных взаимодействий в Белгородской области // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. №5. — С. 43–57.

Зверев Ю.М., Клемешев А.П. Проблемы анклавных территорий // Регион сотрудничества. 2004. №14. — С. 25–32.

Зелетдинова Э.А. Трансформация этноструктуры Астраханской области // Полис. Политические исследования. 2015. №6. — С. 144–156.

Змеева О.В., Сулейманова О.А. «Север подставил плечо»: размещение и трудоустройство украинских «братьев» в Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. №27. — С. 7–28.

Золотухин С.А. Особенности адаптации русских в Казахстане // Социс. Социологические исследования. 2012. №2. — С. 99–103

Зоркая Н.П. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. №2. — С. 65–84.

Зотова М.В., Себенцов А.Б., Головина Е.Д. Закарпатская и Калининградская области: контрасты и сотрудничество в восточном приграничье Европейского союза // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015а. № 3. — С. 57–71.

Зотова М.В., Себенцов А.Б., Головина Е.Д. Калининградская область в окружении Европейского Союза: приграничное и социально-экономические контрасты // Вестник ЗабГУ. 2015б. №3 (118). — С. 145–157.

Зуенко И.Ю. Придут ли китайские инвестиции в порты Дальнего Востока. Московский центр Карнеги. 29.06.2017. http://carnegie.ru/commentary/71383

Зыков А.А. Институционализация трансграничных связей // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. №4. — С. 42–48.

Зыков А.А., Севастьянов С.В. Трансграничные отношения / Введение в исследования границ. — Владивосток: Дальнаука, 2016. — С. 122–145.

Иванов В.В., Завадский А.С. Русловые процессы на пограничном участке р. Амур // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. 2012. №3. — С. 48–56.

Иванов В.Н., Жундубаев М.К. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №7. — С. 38–51.

Иванова Е.М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. №6. — С. 25–32

Ильин М.В, Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье: времена и пространства политики. — Калининград: Изд-во КГУ им. И. Канта, 2010. — 386 с.

Ильина М.В., Кудряшова И.А. (ред.). Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. — М.: МГИМО-Университет, 2011. — 248 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, Г.Л. Кертман [и др.] Под ред. С.В. Патрушева. — М.: ИСП РАН, 2006. — 600 с.

Исследование социального самочувствия населения в городах Архангельск, Псков и Калининград. Центр социальных измерений «Фокус». 2012. http://center.ngogarant.ru/Flipbook/files/inc/1329570966.pdf.

Кадыржанов Р. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. — Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. — 168 с.

Каппелер А. Восточный и южный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. №1. — С. 47–64.

Карпенко М.С. Динамика и структура внешней торговли в российско-казахстанском приграничье: вызовы евразийской интеграции / Современные подходы к изучению экологических проблем в физической и социально-экономической географии. — Курск, 2017. — С. 14–18.

Катровский А.П. Тенденции и проблемы развития приграничных с Белоруссией регионов России // Известия Смоленского гос. ун-та. 2015. №2–1. — С. 148–158.

Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки, 1901–1903. — СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1905. http://books.e-heritage.ru/book/10078023.

Кертман Г.Л. Жители Хабаровска: взгляд на город и край. «Города и территории завтра: инструментарий позитивных перемен». Хабаровск, 22 мая 2015. http://2016.mosurbanforum.ru/city/city_2015/ hh/presentations/grigorij_kertman_zhiteli_habarovska_vzglyad_na_gorod_i_kraj/

Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. 11 декабря 1997 года. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml

Кирюхин А. Российско-украинское пограничье: теоретические подходы к эволюции трансграничных систем // Часопис соціально-економічної географії. 2011. Випуск 10 (1). — С. 178–182.

Кирюхин А.М. Развитие приграничного сотрудничества между Украиной и Российской Федерацией в контексте европейской интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2012. №4 (17). — С. 121–127.

Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М. Условия реализации стратегии «региона сотрудничества» // Регион сотрудничества. 2003. №3. — С. 11–16.

Клемешев А.П. Эксклавность как фактор развития Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер. гуманитарные и общественные науки. 2005. №3. — С. 34–41.

Клемешев А.П. Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и поиск путей ее преодоления // Балтийский регион. 2009. №2. — С. 102–115.

Клюев Н.Н. Эколого-географическое положение России // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. №6. — С. 15–34.

Клюев Н.Н. Эколого-географическое положение России и ее регионов. — М.: ИГ РАН, 1996. — 161 с.

Клюев Н.Н. Экологические угрозы в российском приграничье // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. №1. — С. 36–47.

Ключников Ю., Сабанин А. Международная практика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. — М., 1925. — С. 116.

Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. 2016. Т. 8. №2. — С. 30–47.

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Колосов В.А., Криндач А.Д. Россия и бывшие союзные республики: проблем нового пограничья // Полис (Политические исследования). 1994. №4. — С. 37–48.

Колосов В.А., Галкина Т.А., Туровский Р.Ф., Клесова С.А. Социально-экономические проблемы нового российского пограничья // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. №3. — С. 63–72.

Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. №5. — С. 106–113.

Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Типология новых российских границ // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. №5. — С. 30–47.

Колосов В.А., Криндач А.Д. Российско-украинское пограничье (южная часть): идентичность и современная ситуация / Приграничные районы и приграничное сотрудничество. Под ред. Л.Б. Вардомского. — М.: ИМЭПИ РАН, 2000. — С. 95–121.

Колосов В.А., Кирюхин А.М. Приграничное сотрудничество в российско-украинских отношениях // Politia. 2001. №1. — С. 141–165.

Колосов В.А. Как изучать новое пограничье России? Международные процессы. Т. 2. №3. 2004. — С. 89–96.

Колосов В.А., Тикунов В.С. Политико-географическое картографирование и геоинформатика: достижения и новые задачи // Изв. РАН. Сер. геогр. 2005. №1. — С. 17–23.

Колосов В.А., Бородулина Н.А. Российско-эстонская граница: барьеры восприятия и приграничное сотрудничество // Псковский регионологический журнал. 2006. №1. — С. 145–157.

Колосов В.А. Исследования политических границ с начала XX века и до наших дней // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. №5. — С. 8–20.

Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. №4. — С. 31–52.

Колосов В.А. Постсоветские границы: своеобразие, трансграничные взаимодействия и безопасность / Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И.М. Маергойза. — М.: Новый хронограф, 2012. — С. 601–630.

Колосов В.А., Вендина О.И. Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // Балтийский регион. 2014. №4. — С. 7–29.

Колосов В.А. Зотова М.В., Себенцов А.Б. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины // Известия РАН. Сер. геогр. 2014. №5. — С. 32–46.

Колосов В.А., Кирюхин А.М., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Партнерство ради будущего: приграничное сотрудничество в российско-украинских отношениях // «Европа-Центр». 2014. №1. — С. 27–36.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.

Колосов В.А., Торез П., Торез Ж. Россия–Казахстан: возможности трансграничного сотрудничества / Россия 2015. Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра. — М.: Обсерво, 2015. — С. 400–411.

Колосов В.А., Зотова М.В., Вендина О.И., Себенцов А.Б. Российское пограничье: современные вызовы и подходы к изучению / Проблемы регионального развития России Сб. 141. Отв. ред. В.М, Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. — М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. — С. 234–256.

Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Местное приграничное передвижение на российско-польской границе как инструмент трансграничной интеграции / Социально-экономические геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России. — М.: Ин-т географии РАН, 2016. — С. 97–107.

Колосов В.А., Себенцов А.Б. Государственные границы на постсоветском пространстве / Введение в исследования границ. Учебник для вузов. — Владивосток: Дальнаука, 2016. — С. 212–241.

Колосов В.А., Зотова М.В., Медведев А.А. Сравнительный анализ приграничных культурных ландшафтов России и сопредельных стран средствами дистанционного зондирования и ГИС // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. №3. — С. 24–33.

Кондратюк К.В. Современное состояние приграничной торговли Дальневосточного федерального округа и Китая // Молодой ученый. 2016. №28. — С. 448–451.

Константинов А. Суверенитет де-юре и де-факто // Эксперт Казахстан. 2005. №29 (55). http://expert.ru/kazakhstan/2005 /29/29kakpol_56207/

Корытный Л.М., Жерелина И.В. Международные речные и озерные бассейны Азии: конфликты, пути сотрудничества // География и природ. ресурсы. 2010. №2. — С. 11–19.

Костюков А.Н., Семакина Ю.А. Проблемы правового регулирования приграничного сотрудничества // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2012. №3. — С. 51–56.

Костюнина Г.М. Промышленно-производственные зоны в зарубежной практике (на примере Мексики) // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. №9. — С. 13–22.

Костюченко М.И. Приграничное положение как фактор регионального развития Смоленской области. Дис. канд. геогр. наук. — М., 2003. — 177 с.

Коткин С. Вечная геополитика России // Россия в глобальной политике. 2016. №4. http://www.globalaffairs.ru/number/Vechnaya-geopolitika-Rossii-18270

Кретинин Г., Осташкова Т. Малое приграничное движение как предмет исторического исследования и современность // Acta humanitarica inversitatis Saulensis. 2012. Т. 14. — С. 314–332.

Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. №3. — С. 57–67.

Кропинова Е.Г. Международная кооперация в сфере туризма и формирование трансграничных туристских регионов на Балтике // Вестник БФУ им. И. Канта. 2010. №1. — С. 113–119.

Крылов М.П., Грищенко А.А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. №2. — С. 28–42.

Крюков В.Г., Воронов Б.А., Гаврилов А.В., Макаров А.В. Река Амур: проблемы и пути их решения (результаты деятельности Координационного комитета по устойчивому развитию бассейна реки Амур). — Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2005. — 153 с.

Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. Левада-центр. Пресс-выпуск, 25.08.2015. http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/

Кузнецов А.В. Российское участие в еврорегионах // Регион сотрудничества. Вып. 4 (29): Новые пространственные формы организации экономики / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 5–19.

Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. №2. — С. 48–59.

Кузнецова А.Л. О направлениях создания устойчивой и динамичной экономики Калининградской области // Балтийский регион. 2015. № 3. — С. 108–125.

Кузнецова Е.С. Суверинитет в обмен на мечту // Свободная мысль. 2007. № 3. — С. 46–57.

Курохтина Т.Н. К вопросу об определении понятия «суржик» // Славяноведение. 2012. №3. — С. 93–101.

Кюстин де, А. Россия в 1839. В двух томах. Т. 1. Пер. с фр. В. Мильчиной и И. Стаф. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. — 528 с.

Ларин А.Г. Китайские мигранты: их представления о работе, учебе и условиях жизни в России (по результатам социологического опроса) // Проблемы прогнозирования. 2009. Вып. №3. — С. 140–160.

Ларин А.Г. Китайская образовательная миграция в России: невеселая картина // Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. 2012. Вып. 6. — С. 285–289.

Ларин В.Л. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №2. — С. 40–53.

Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. 2007. Т.6. №3. — С. 33–36.

Лефевр А. Производство пространства. / Пер. с фр. И.К. Стаф. (Lefebvre H. La production de l'espace, 1974). — М.: Изд. Strelka Press, 2015. — 432 с.

Лимонов Л.Э., Ракишева Б.И., Анисимов А.М. и др. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. Доклад №7. — Санкт-Петербург: ЕАБР, 2012. — С. 56.

Лотман Ю.М. Семиотика пространства / Ю.М. Лотман. Избранные статьи в 3 томах. Том 1. «Статьи по семиотике и типологии культуры». — Таллин: Изд. «Александра», 1992. — С. 386–471.

Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. — СПб.: Нестор-История, 2008. — 668 с.

Лункин Р., Филатов С. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости / Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г.С. Витковской и А.В. Малашенко. — М.: Изд. Московского Центра Карнеги, 1999. — С. 136–150.

Ма На. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его влияние на русский и китайский языки и культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №8–3 (50). — С. 122–127.

Макарычев А.С. Пространственные характеристики трансграничной безопасности / Безопасность и международное сотрудничество в поясе

новых границ России. Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. — М.: Волгоград, 2002. — С. 8–40.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: РОССПЭН, 2015. — 207 с.

Манаков А.Г. Фактор границы в жизни населения западных районов Псковской области / Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России материалы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС. 2016. — С. 190–198.

Мартене Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 8. — СПб., 1899. — С. 695–725.

Матишов Г.Г. Украинский кризис и угрозы национальной безопасности (Азово-Причерноморье и Прикаспий в XXI веке // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12. №4. — С. 65–77.

Медведева Л.М. Региональные проблемы как следствие политики экстенсивного развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. №4. — С. 95–99.

Межевич Н.М. Приграничное сотрудничество и практика деятельности еврорегионов на Северо-Западе России и в Республике Беларусь: практический опыт и законодательное обеспечение. — Санкт-Петербург: Издательство «Левша», 2009. — 260 с.

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И. и др. Потенциал международного влияния и эффективность внешней политики России (2008 — начало 2009 гг.): Аналитический доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2009.

Миллер А.И. Образ России и русских в западноукраинской прессе // Полис. 1995. №3. — С. 124–132.

Михайленко А. Теневая сторона российско-китайских связей // Обозреватель–Observer. 2012. №1. — С. 82–89.

Михайлов В. Вся Сибирь считает, что Москва относится к ней как к колонии // Эксперт — Сибирь. 25 октября 2012 г., №27–31 (339).

Михайлова Е.В. Благовещенск и Хэйхэ: «города-близнецы» как туристический территориальный бренд / Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы IV международ. науч.-практ. конф. (Благовещенск–Хэйхэ–Харбин, 14–19 мая 2014 г.); отв. ред. Д.В. Буяров и Д.В. Кузнецов. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. №4. — С. 506–512.

Михайлова Е.В. Формирование терминологического аппарата в сфере изучения трансграничных территориальных образований // Вестник

Астраханского государственного технического университета. Серия Экономика. 2015. №2. — С. 7–16.

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. 2016. №4 — С. 103–123.

Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России: Дисс. канд.геогр. наук. — М., 2013. — 196 с.

Морозова Т.В., Белая Р.В., Мурина С.Г. Оценка качества жизни на основе индикаторов социально-экономического благополучия населения // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2013. №5. — С. 140–146.

Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. №1. — С. 137–166.

Муратова С.Р. Географическое описание Тоболо-Ишимской линии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №36. — С. 86–91.

Муратова С.Р. Географическое описание Иртышской линии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №373. — С. 108–114.

Найдорф М. Историзация или производство прошлого (к культурологии времени) // Вопросы культурологии. 2012. №3. — С. 11–15.

Наймер Ю.Л. От кризиса общества к кризису труда // Социс. Социологические исследования. 1992. №5. — С. 23–32.

Национальная гордость. Левада-центр. Пресс-выпуск. 30.06.2016. http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/

Немирович-Данченко В.И. По Германии и Голландии. Путевые очерки и впечатления. — СПб.: Тип. Н.А. Лебедева. — 492 с.

Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Под ред. В.Н. Соколова. — Владивосток: Изд. Дальневост. ун-та, 2004. — 372 с.

Нефедова Т.Г. Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность // Мир России. № 1. 2013. — С. 29–61.

Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в современной России. География // Демоскоп-Weekly. № 643–644. 18–31 мая 2015. http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/index.php

Нис С. Калининград — не единственный анклав // Pro et Contra. 2003. Т. 8. №1. — С. 90–109.

Новожилов А.Г., Хрущев С.А. Динамика социально-экономических процессов в районах, пограничных с Республикой Беларусь, Латвией и

Эстонией // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. №4 (49). — С. 230–242.

Общественное мнение–2015. — М.: Левада-Центр, 2014. — 234 с.

О приграничном сотрудничестве Амурской области с Китаем. Записка по каталогу №6.21. — Благовещенск: Амурстат. 2011. — 77 с.

О российско-китайском сотрудничестве в области использования и охраны водных ресурсов // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005. №6. — С. 134–137.

Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. Историко-лингвистический очерк // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2011. №9. — С. 7–25.

Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика. Автореф. канд. филос. наук. — Ростов-на-Дону, 2015.

Осмоловская Л.Г. Типология российских приграничных регионов по степени развития трансграничных связей // Региональные исследования. 2016. №1 (51). — С. 126–135.

Отчет о научно-исследовательской работе по государственному контракту от 26 ноября 2012 г. № 52 НИОКР/4 13 2012 базового проекта 12-фцп-У12-02 «Научно-аналитическое обеспечение управления водными ресурсами основных трансграничных водных объектов Российской Федерации». — М., Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014. — 425 с.

Параллельная память: 150 лет истории Кенигсберга и Калининграда в фотографиях. Автор-составитель М. Попов. — Калининград: изд. «Викторика», 2012. — 448 с.

Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. — М.: Ad Marginem, 1996. — 234 с.

Песцов С.К. Современный международный регионализм: теории и концепции регионального сотрудничества и кооперации. — Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. — 282 с.

Полян П. Оптации: с кем и когда в XX веке Россия обменивалась населением. Демоскоп. №313-314. 10–31 декабря 2007. http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit06.php

Полян П. Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения. — М.: Новый хронограф, 2014. — 788 с.

Пономарев С. Картографическая агрессия Японии против России // Сахалинское информационно-аналитическое агентство (СИАА). 7 мая 2008 г. http://siaa.ru/?pg=2&id=155934&type=127&page=26&hd=

Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья. — Смоленск: Универсум, 2005. — 304 с.

Попов Ф.А. От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» // Международные процессы. 2011. Т. 9.№2 (26). — С. 16–28.

Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. — М.: Новый хронограф, 2012. — 672 с.

Постановление Правительства РФ от 15 мая 2015 г. №471 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджету Калининградской области на компенсацию сумм таможенных пошлин, налогов при установлении (фиксации) факта увеличения величин таможенных пошлин, налогов или возникновения обязанности по уплате сумм таможенных пошлин, налогов» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70927202/.

Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития). — Новосибирск: СО РАН, 2010. — 610 с.

Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития. — Владивосток–Хабаровск: ДВО РАН, 2005. — 528 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. — М.: НОФМО, 2002. — 572 с.

Прокачева В.Г., Усачев В.Ф. Загрязненные земли в регионах России. Гидрографический аспект. — СПб.: Недра, 2004. — 106 с.

Пряжинская В.Г. Проблемы водопользования трансграничных рек / Труды 14-го Международного научно-промышленного форума «Великие реки'2012». Т. 1. — Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. — С. 66–71.

Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала / А.М. Пятигорский. Избранные труды. — М.: Изд. «Языки русской культуры», 1996. — С. 16–17.

Регионы Казахстана в 2015 году. Статистический ежегодник. Министерство национальной экономики Республики. Комитет по статистике. 2016. — 456 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. Росстат. — М., 2016. — 1326 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32 Стат. сб. Росстат. — М., 2017. — 1402 с.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начало XX вв. — Омск: Изд. ОмГУ, 2004. — 552 с.

Ренан Э. Что такое нация? / Собрание сочинений Эрнеста Ренана в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. VI. — Киев: Изд. Б.К. Фукса, 1902. — С. 87–101.

Рожков-Юрьевский Ю.Д. Историко-географическая эволюция анклавности территории Калининградской области // Балтийский регион. 2012. №2. — С. 98–108.

Роль приграничного сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией в двусторонних и региональных программах экономического развития / Подготовлено Ш. Радвилавичюсом и Н. Межевичем в рамках проекта «Приграничное сотрудничество в контексте регионального диалога ЕС-Россия» (119860/C/CV/multi LOT N°7). 2010. — 125 с.

Романова Е.А., Виноградова О.Л., Фризина И.В. Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья (на примере СЗФО) // Балтийский регион. 2015. №3 (25). — С. 38–61.

Ромахина М. СССР до Великой Отечественной. Формирование границ Украины в 1917–1928 гг. 12.07.2014.
http://statehistory.ru/4668/Formirovanie-granits-Ukrainy-v-1917–1928-gg/

Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен/ Под ред. А.П. Катровского и Ю.П. Ковалева. — Смоленск: Универсум, 2012. — 288 с.

Российско-казахстанский трансграничный регион: история, геоэкология и устойчивое развитие. — Екатеринбург: УрО РАН, 2011. — 216 с.

Российско-украинское пограничье: двадцать дет разделенного единства / Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. — М.: Новый хронограф, 2011. — 352 с.

Россия и ее регионы: внешние и внутренние экологические угрозы / Под ред. Н.Н. Клюева. — М.: Наука, 2001. — 216 с.

Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего востока за 150 лет. — М.: Наука, 1990. — 168 с.

Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. №5 — С. 54–71.

Рыжова Н.П. Развитие окраинных регионов КНР: роль приграничного пояса открытости // Пространственная экономика. 2008а. №4. — С. 36–59.

Рыжова Н. Феномен городов-близнецов в контексте трансграничных миграционных процессов (на примере Благовещенска и Хэйхэ) / Регио-

нальное измерение трансграничной миграции в Россию. Науч. ред. С.В. Голунов. — М.: Аспект Пресс, 2008б. — С. 184–203.

Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов // Отв. ред. акад. РАН П.А. Минакир. — Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. — 352 с.

Рябчук М. Две Украины. Независимая газета. №45 (216). 6 марта 1992 г.

Савченко В.Н. Польско-восточнославянское пограничье 1918–1921: этносоциальная ситуация и государственно-территориальное размежевание. Дисс. канд.ист.наук. — М.: Институт славяноведения, 1989. — 238 с.

Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис (Политические исследования). 2012. №2 (128). — С. 31–46.

Себенцов А.Б., Зотова М.В. Потенциал ЭГП Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. 2013. №4 (18). — С.113–131.

Селиверстова М.В. Некоторые аспекты трансграничного сотрудничества в области использования и охраны водных ресурсов // Водоочистка. Водоподготовка. Водоснабжение. 2009. №12. — С. 4–7.

Семакина Ю.А. Приграничное сотрудничество муниципальных образований (муниципально-правовое исследование). Дисс. канд. юрид. наук.. — Омск, 2014. — 237 с.

Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. №4. — С. 37–43.

Серенко А. Замкнутый казачий круг // Однако. 2011. http://www.odnako.org/magazine/material/zamknutiy-kazachiy-krug/

Сериков А.В. Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. №3. — С. 35–39.

Сивохип Ж.Т., Чибилев А.А. Географические предпосылки межгосударственного управления трансграничным бассейном р. Урал // Бюллетень «Использование и охрана природных ресурсов в России». 2010. Вып. №4. — С. 103–105.

Сивохип Ж.Т., Чибилев А.А. Географические предпосылки межгосударственного управления трансграничным бассейном р. Урал // Бюллетень «Использование и охрана природных ресурсов в России». 2010. Вып. №5. — С. 111–115.

Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск–Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. №5. — С. 130–144.

Скобелкин О.В. Южный фронтир России на рубеже 60–70-х гг. XVI века. Вестник ТГУ. 2013. №10 (126). — С. 43–48.

Скоркин К. Элиты и контрэлиты Донбасса. Как сформировалось руководство ДНР–ЛНР. Московский центр Карнеги. http://carnegie.ru/commentary/75294

Смилевец Д.О. Международное сотрудничество в сфере использования и охраны трансграничных водных объектов // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2009. №2. — С. 84–87.

Смородинская Н., Капустин А., Малыгин В. Калининградская область как свободная экономическая зона (оценка условий и результатов развития в 1994–1998 гг.) // Вопросы экономики. 1999. №9. — С. 107.

Смородинская, Н.В. Калининградский эксклав: перспектива трансформации в пилотный регион. — М.: ИЭ РАН. 2001. — 220 с.

Современные проблемы экологической безопасности трансграничных регионов. — Новосибирск: Наука, 2013. — 161 с.

Статистичний збірник «Регіони України». 2017. — Київ, 2017. — 1010 с.

Стратегии развития Калининградской области / Под ред. А.П. Клемешева и В.А. Мау. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007.

Стратегия социально-экономического развития ГО «Город Калининград» на период до 2035 года. Официальный сайт администрации городского округа «город Калининград». 2013. http://www.klgd.ru/economy/strategy/

Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года. Минэкономразвития РК, 2008.

Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство / Н.Н. Страхов. Борьба с Западом. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 395–396.

Субтельный О. Украина: история. — Киев: Лыбидь, 1994. — 720 с.

Султангалиева А. Казахстан и его соседи: возможности и ограничения / Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера нации. — Астана, Алматы, 2015. — 68 с.

Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи / Национализм в мировой истории. Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. — М.: Наука. 2007. — С. 36–82.

Сухачева Г.А. Историки о борьбе с хунхузами в период восстания ихэтуаней (1900–1901 гг.) // Россия и АТР. 2009. №3. — С. 11–17.

Сущий С.Я., Тумакова Ж.А., Иванов А.В., Андросова С.В. Динамика северокавказских диаспор в областях и краях Юга России — численность, география, конфликтный потенциал (современные тенденции) // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». 2014. №3. http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2594

Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск. — М.: Универсум, 2005. — 384 с.

Тархов С.А. Трансформация транспортной системы / Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. — М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2011. — С. 107–129.

Тишков А.А., Клюев Н.Н. Экосистемы в условиях постсоветской трансформации природопользования / Рациональное природопользование: международные программы, российский и зарубежный опыт. — М.: КМК, 2010. — С. 342–370.

Толстогузов О.В. Регион в условиях глобализации: пространственный и институциональный аспекты // Труды КарНЦ РАН. Сер. Регион: экономика и управление. 2012. №6. — С. 19–28.

Тооде А. Нарвская и Ивангородская крепости. — Нарва: Издательство Нарвской горуправы, 2007. — 87 с.

Топчиев М.С. Специфика государственной политики регулирования конфессиональных отношений в полиэтничном регионе (на примере Астраханской области) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — Астрахань. 2013. №1. — С. 99–104.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 376 с.

Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Казахстана: формирование и развитие (1992–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. №337 (август). — С. 96–99.

Тулохонов А.К. Байкальский регион. Проблемы устойчивого развития. — Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. — 208 с.

Ушакин С.Н. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах / Травма: пункты. Сб. статей. Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. — М.: Новое литературное обозрение. 2009. — С. 5–41.

Федоров Г.М. Калининградская дилемма: «коридор развития» или двойная периферия? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010. №2. — С. 5–15.

Федоров, Г.М., Зверев, Ю.М., Корнеевец, В.С. Россия на Балтике: 1990–2012 годы. — Калининград: БФУ им. И. Канта, 2013. — 252 с.

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Внутренняя миграция и российский рынок труда / Миграция и рынок труда. Аналитический доклад. — М.: РАНХиГС, 2014. — С. 21–56.

Французская буржуазная революция. — М., 1941. — С. 540.

Фролов А.В. 20-летнее партнерство гидрометеорологических служб СНГ: итоги и новые формы. http://www.global-climate-change.ru/index.php/kazan-2012#heading1.

Фролова Н.Л., Воробьевский И.Б. Гидроэкологические ограничения водопользования в бассейне Иртыша // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 2011. №6. — С. 34–41.

Фролова Н.Л., Ивановская В.В. Особенности водопользования в условиях дефицита водных ресурсов (на примере реки Ишим) // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2015. №2. — С. 4–19.

Фуко М. Археология знания. — СПб.: Гуманитарная академия, 2004. — 416 с.

Христофоров А.В. Оптимизация деления и совместного использования водных ресурсов трансграничных рек / Проблемы гидрологии и гидроэкологии. Вып. 2. Под ред. Н.И. Алексеевского. — М.: Географический ф-т МГУ, 2004. — С. 140–158.

Христофоров А.В. Эколого-экономические основы водопользования. — М.: Изд-во МГУ, 2010. — 161 с.

Худолей К.К. Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // Балтийский регион. 2016. №1. — С. 7–25.

Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. №5. — С. 6–30.

Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. — М.: РОССПЭН, 2007. — 544 с

Чернова О.М. Система исследовательской работы учителей МОУ «СОШ №1 г. Светогорска» по изучению родного края // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. №12. — С. 141–153.

Черномаз П.А. Украинско-российское трансграничное сотрудничество в рамках еврорегиона «Слобожанщина»: реалии и возможности. — Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. — С. 241–252.

Чибилев А.А. Эколого-географические проблемы российско-казахстанского приграничного субрегиона // Известия РГО. 2004. Т. 136. Вып. 3. — С. 13–22.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. — М.: Наука, 1988. — 251 с.

Шибаев С.В., Тылик К.В., Соколов А.В., Хлопников М.М. Российско-литовское сотрудничество в области рыбного хозяйства // Рыбпром: технологии и оборудование для переработки водных биоресурсов. 2008. №3–4. — С. 62–63.

Ширяев Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. — Минск: Навука и тэхніка, 1991. — 119 с.

Шишманова П. Берег бывших русских // Вокруг света. 2011. №3 (2846). — С. 68–78.

Шлямин В.А. Россия в «Северном измерении». — Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. — 192 с.

Шульгина Т.А. Социальные условия формирования гражданско-культурной идентичности населения на приграничных территориях России и Украины // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Филос. 2014. №5 (25). — С. 82–86.

Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия. Пер. с англ. Н.М. Смирновой. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 7–50.

Экологические риски в трансграничном бассейне р. Иртыш. — Новосибирск: СО РАН, 2014. — 161 с.

Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий /Под. ред. Ф. Барта. — М.: Новое издательство, 2006. — 200 с.

Якушева А.Е. Участие регионов Украины в приграничном взаимодействии // Федерализм. 2010. №2. — С. 179–188.

Янков А.Г. Синофобия-русофобия: реальность и иллюзии // Социологические исследования. 2010. №3. — С. 65–71.

Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. — СПб.: Норма, 2007. — 280 с.

Яровой Г.О., Белокурова Е.В. Европейский союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. — СПб.: Норма, 2012. — 368 с.

Aalto P. A European Geopolitical Subject in the Making? EU, Russia, and the Kaliningrad Question. Geopolitics. 2002. Vol. 7. No. 3. — P. 143–175.

Agnew J. Bordering Europe and Bounding States: The «Civilizational» Roots of European National Boundaries / Borders and Place. D. Kaplan, J. Hakli (eds). New York: Rowman & Littlefield. 2002. — P. 5–24.

Agnew J. Globalization and Sovereignty. Lanham: Rowman & Littlefield. 2009. — P. 190–192.

Ancel J. Géographie des frontières. Paris. 1938. — 256 p.

Andersen D.J. Exploring the Concept of (Un)familiarity: (Un)familiarity in Border Practices and Identity-Formation at the Slovenian–Croatian Border on Istria // European Planning Studies. 2013. Vol. 21. No. 1. — P. 42–57.

Andreas P., Snyder T. The Wall around the West. — Boulder, CO: Roman and Littlefield, 2000. — 242 p.

Andreas P., Biersteker T.J. The Rebordering of North America: Integration and Exclusion in a New Security Context. — New York and London: Routledge, 2003. — 192 p.

Amilhat-Szary A.-L., Koop K. Introduction. Approche critique des transferts contemporains des modèles de développement territorial vers les Suds // L'information géographique. 2011. Vol. 75 (4). — P. 6–14.

Arando S., Navarro M., Peña I. Cross-border business networks: the case of the Basque Eurocity Corridor / Entrepreneurship, industrial location and economic growth. 2007. — P. 205–229.

Archer J.C., Shelley F.M., Leib J.L. The perceived geopolitical importance of the countries of the world: An analytical and pedagogical investigation // Journal of Geography. 1997. No. 96. — P. 76–83.

Arreola D. Border-city idee fixe // Geographical review. 1996. Vol. 86. No. 3. — P. 356–360.

Asher A. In the laboratory of Europe: governing the «Europe of the regions» on the Polish/German frontier. — European Union Center, University of Illinois at Urbana-Champaign. Champaign, 2004. — 22 p.

Ashley R. Living on border lines: man, poststructuralism, and war / Intertextual Relations. J. Der Derian and M.J. Shapiro, eds.. — Lexington: Lexington Books, 1989. — P. 259–321.

Balibar E. The Borders of Europe / Cosmopolitics: Thinking and Feeling Beyond the Nation. P. Cheah and B. Robbins, eds. — Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1998. — P. 280–309.

Balibar E. Politics and the Other Scene. — Paris: Verso, 2002. — 176 p.

Ballif F., Rosière S. Le défi des teichopolitiques. Analyser la fermeture contemporaine des territoires // L'Espace géographique. 2009. Vol. 38. No. 3. — P. 193–206.

Bauman Z. Legislators and Interpreters / On Modernity, post-Modernity and Intellectuals. — Cambridge: Polity Press. 1987. — P. 51–67.

Beaverstock J.V., Smith R.G., Taylor P.J. A Roster of World Cities // Cities. 1999. Vol. 16. No. 6. — P. 445–458.

Bechev D., Nicolaidis K. Introduction: Frontiers, Memory, and Conflict in the Mediterranean / Mediterranean Frontiers: Borders, Conflict and Memory in a Transnational World. D. Bechev and K. Nicolaidis, eds. — London: Tauris Academic Studies, 2010. — P. 1–12.

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. — London: Sage, 1992. — 260 p.

Berg E. Deconstructing border practices in the Estonian — Russian borderland // Geopolitics. 2000. Vol 5. No 3. — P. 78–98.

Berg E., Toomla R. Forms of Normalisation in the Quest for De Facto Statehood // The International Spectator. 2009. Vol. 44. No. 4. — P. 27–45.

Berg E. Parent States versus Secessionist Entities: Measuring Political Legitimacy in Cyprus, Moldova and Bosnia & Hercegovina // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 7. — P. 1271–1296.

Bhan M. Border practices: labour and nationalism among Brogpas of Ladakh // Contemporary South Asia. 2008. №16. — P. 139–157.

Bialasiewicz L. Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe // Social & Cultural Geography. 2009. Vol. 10. No. 3. — P. 257–269.

Billé F. Territorial phantom pains (and other cartographic anxieties) // Environment and Planning D: Society and Space. 2013. Vol. 31. No 1. — P. 163–178.

Blanchard J.-M. Linking Border Disputes and War: An Institutional-Statist Theory // Geopolitics. 2005. Vol. 10. No. 4. — P. 688–711.

Bolgov M.V., Frolova N.L. Water regime of the Argun' river and lake Hulun Nur under anthropogenic impact // Geography and Natural Resources. 2012. Vol. 33. No. 4. — P. 277–284.

Bonikowski B. Nationalism in Settled Time // Annual Review of Sociology. 2016. Vol. 42. Iss. 1. — P. 427–449.

Border disputes. A Global Encyclopedia. E. Brunet-Jailly, ed. Santa Barbara, CA: ABC-Clio, 2015. — 1218 p.

Brewer P.R., Gross K., Aday S., Wilnat L. International trust and public opinion about world affairs'. American Journal of Political Science. 2004. No. 48. — P. 93–109.

Browning C. The Internal / External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad // Alternatives. 2003. Vol. 28. No. 5. — P. 545–581.

Browning C., Joenniemi P. Gibraltar, Jerusalem, Kaliningrad: Peripherality, Marginality, Hybridity / The Geopolitics of Europe's Identity; Centers, Boundaries, and Margins. N. Parker, ed. — New York: Palgrave Macmillan, 2008. — P. 141–158.

Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. — Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2007. — 439 p.

Brunet-Jailly E. Towards a Model of Border Studies // Journal of Borderland Studies. 2004. Vol. 19. No. 1. — P. 1–18.

Bucken-Knapp G. Just a train-ride away, but still worlds apart: Prospects for the Øresund region as a binational city // GeoJournal. 2001. Vol. 54. No. 1. — P. 51–60.

Buursink J., Ehlers N. The Binational City of Eurode. ERSA conference papers. 1999. http://www-sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa99/Papers/a255.pdf

Buursink J. The binational reality of border-crossing cities // GeoJournal. 2001. Vol. 54. — P. 7–19.

Carrère d'Encosse H. L'URSS de la Révolution à la mort de Staline, 1917–1953. Paris: Seuil, 1993. — 384 p.

Castells M. The Rise of the Network Society, London: Blackwell, 1994. — 597 p.

Chasovsky V.I., Katrovsky A.P. The territorial trends in the industry of the Eurasian Economic Union // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. №5 (Special Issue). — P. 13–18.

Chinn J., Kaiser R. Russians as the New Minority. — Boulder: Westview Press, 1996. — 308 p.

Clarke R.A. Information Technology and Dataveillance // Communications of the ACM. 1988. No. 31. — P. 29–45.

Collins R. «Balkanization» or «Americanization»: A Geopolitical Theory of Ethnic Change / Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. R. Collins, ed. — Stanford: Stanford University Press, 1999. — P. 70–109.

Collins R. Time-bubbles of nationalism: dynamics of solidarity ritual in lived time // Nations and Nationalism. 2012. Vol. 18. Iss. 3. — P. 383–397.

Cooper A. Where Are Europe's New Borders? Ontology, Methodology and Framing // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23. No. 4. — P. 447–458.

Cunningham H. Nations Rebound?: Crossing Borders in a Gated Globe // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2004. No. 11. — P. 329–350.

Dalby S., Ó Tuathail G. Rethinking Geopolitics. London: Routledge. 1998. — 333 p.

Dallen T.J. Political Boundaries and Tourism: Borders as Tourist Attractions // Tourism Management. 1995. Vol. 16. No. 7. — P. 525–532.

D'Anieri P., Kravchuk R. and Kuzio T. Politics and Society in Ukraine. Boulder, CO: Westview Press, 1999. — 360 p.

Davies S., Michie R. Peripheral Regions: a Marginal Concern? / European Regional Policy Research Consortium. EoRPA Paper 11/6. 2011. — 77 p.

Delhey J., Deutschmann E., Graf T., Richter K. Measuring the Europeanization of Everyday Life: Three New Indices and an Empirical Application // European Societies. 2014. №16. — P. 355–37.

Diener A., Hagen J. Geopolitics of the Kaliningrad Exclave and Enclave: Russian and EU Perspectives // Eurasian Geography and Economics. 2011. Vol. 52. No. 4. — P. 567–592.

Dijkink G. National Identity and Geopolitical Visions: Maps of Pride and Pain, London: Routledge. 1996. — 188 p.

Dijkink G. Geopolitical codes and popular representations // Geojournal. 1998. No. 46. — P. 293–299.

Dodds K. Counter-Factual Geopolitics: President Al Gore, September 11 and the Global War on Terror // Geopolitics. 2008. No. 13. — P. 73–99.

Durkheim E. Political Sociology. Selected Writings A. Giddens, ed. Cambridge University Press, 2012 [1972]. — P. 189–202.

Eagleton T. Towards to Common Culture / T. Eagleton. The Idea of Culture. — Oxford: Blackwell Publishing, 2000. — P. 112–130.

Ehlers G.A.N. The binational city Eurode: The social legitimacy of a border-crossing town. — Aachen: Shaker, 2007. — 286 p.

Ehlers N. The utopia of the binational city // GeoJournal. 2001. Vol. 54, No. 1. — P. 21–32.

Eskilinen H., Kotilainen J. A vision of a twin city: exploring the only case of adjacent urban settlements at the Finnish-Russian border // Journal of Borderlands Studies. 2005. Vol. 20 (2). — P. 31–46.

EU Enlargement, Region Building and Shifting Borders of Inclusion and Exclusion. J.W. Scott, ed. UK: Ashgate Publishing Ltd., 2006. — 245 p.

Figenschou A. The Twin Cities of Petchenga Rayon and Sør-Varanger Municipality. Master Thesis. The Faculty of Humanities. University of Oslo, 2011. — 28 p.

Flint C., Taylor P. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. Harlow: Prentice Hall. 2007. — 355 p.

Form W.H., D'Antonio W.V. Integration and cleavage among community influentials in two border cities. American Sociological Review. 1959. Vol. 24. No.6. — P. 804–814.

Foucher M. Fronts et frontières. — Paris: Fayard, 1991. — 690 p.

Foucher M. (dir.) Fragments d'Europe. Atlas de l'Europe médiane et orientale. P.: Fayard, 1993. — 327 p.

Foucher M. Les nouvelles frontières de l'Union européenne // Frontières et espaces transfrontaliers. 1995, № 3. — P. 1–11.

Foucher, M. L'obsession des frontières, Paris: Perrin, 2007. — 248 p.

Foucher M. La bataille des cartes. Analyse critique des visions du monde. Paris: François Bourin, 2011. — 191 p.

Ghorra-Gobin C. (dir.). Dictionnaire critique de la mondialisation. Paris: A. Colin, 2012. — 648 p.

Ghosh S. Cross-border activities in everyday life: the Bengal borderland // Contemporary South Asia. 2011. №19. — P. 49–60.

Goertz G., Diehl P.F. Territorial Changes and International Conflicts. — NY: Routledge, 1992. — 257 p.

Golunov S. EU-Russia Visa Talks: Open and Hidden Agendas // PONARS Eurasia Policy Memo. 2011. No. 144. http://www.gwu.edu/~ieres-gwu/assets/docs/ponars/pepm_144.pdf

Golunov S. EU-Russian Border Security: Challenges, (Mis)Perceptions and Responses. — London: Routledge, 2012. — 192 p.

Golunov S. EU-Russian Border Crossing: The Dialogical Perspective // Geopolitics. 2013. Vol. 18. No. 4. — P. 933–953.

Gorzelak G. Normalizing Polish-German Relations: Cross-Border Cooperation in Regional Development / J.W. Scott, ed. EU Enlargement, Region Building and Shifting Borders of Inclusion and Exclusion, Aldershot: Ashgate, 2006. — P. 195–206.

Grandits H., Hirschhausen B. von, Kraft C., Müller D., Serrier T. Phantomgrenzen im östlichen Europa. Eine wissenschaftliche Positionierung. Göttingen: Wallstein-Verlag, 2015. — 224 s.

Hartshorn R. Geographic and political boundaries in Upper Silesia // Annals of the Association of American Geographers. 1933. Vol. 23. No. 4. — P. 195–228.

Hartshorn R. Suggestions on the terminology of political boundaries // Annals of the Association of American Geographers. 1936. Vol. 26, No. 1. — P. 38–39.

Hartshorne R. The Polish Corridor // The Journal of Geography. 1937. Vol. 36. No. 5. — P. 161–176.

Heddebault O. The Bi-national cities of Dover and Calais // GeoJournal. 2001. Vol. 54. No. 1. — P. 61–71.

Held D., McGrew A., Goldblatt D. and Perraton J., eds. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1999. — 31 p.

Heliste P., Kosonen R. and Loikkanen K. Kaksoiskaupunkeja vai kaupunkipareja? Tapaustutkimukset: Helsinki-Tallinna, Tornio-Haaparanta, Imatra-Svetogorsk, 2004. — 92 p.

Herzog L.A. Cross-national urban structure in the era of global cities: the US-Mexico transfrontier metropolis // Urban Studies. 1991. T. 28. №4. — P. 519–533.

Hesli V., Reisinger W. and Miller A. Political Party Development in Divided Societies: The Case of Ukraine // Electoral Studies. 1998. Vol. 17. No. 2. — P. 235–256.

Hirschhausen B. von. Leçon des frontières fantômes : les traces du passé nous viennent (aussi) du futur. L'Espace géographique. 2017. Vol. 46. No. 2. — P. 97–105.

Houtum H. van. Internationalisation and Mental Borders // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1999. Vol. 90. No. 3. — P. 329–335.

Houtum H. van, Velde M. van der. The power of cross-border labour market immobility // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2004. Vol. 95. No. 1. — P. 100–107.

Houtum H. van. The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. 2005. Vol. 10. No. 4. — P. 672–679.

Houtum H. van and Boedeltje F. Europe's Shame. Death at the Borders of the EU // Antipode. 2009. Vol. 41. No. 2. — P. 226–230.

Huspeck M. Border militarization and the reproduction of the migrant labour // Social Justice. 2001. Vol. 28. No 2. — P. 110–130.

Izotov A., Laine J. Constructing (Un)familiarity: Role of Tourism in Identity and Region Building at the Finnish–Russian Border // European Planning Studies. 2012. № 21 (1). — P. 1–19.

Jańczak J. Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics // Erdkunde, 2015. Vol. 69, No. 2. — P. 125–137.

Jańczak J. Town Twinning in Europe. Understanding Manifestations and Strategies //Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 32. №4. — P. 477–495.

Joenniemi P., Sergunin A. When two aspire to become one: city-twinning in Northern Europe / DIIS Working Paper 2009. No. 21. Copenhagen: Danish Institute for International studies. — 32 p.

Joenniemi P., Sergunin A. City-Twinning in Northern Europe: Challenges and Opportunities // A Research Journal of International Studies. 2011. Vol. 22. — P. 120–131.

Jones R. Border Walls. Security and the War of Terror in the United States, India and Israel. — London and New York: Zed Books, 2012. — 245 p.

Kane L.O., Ominsky A. Twin Cities: a Pictorial History of Saint Paul and Minneapolis. Minnesota Historical Society Press, St. Paul. 1983. — 304 p.

Koga Yu. The Atmosphere of a Foreign City: Harbin's Architectural Inheritance / Consuming the Entrepreneurial City: Image, Memory, Spectacle. A.M. Cronin and K. Hetherington, eds. — NY: Routledge, 2008. — P. 221–254.

Kolosov V., Glezer O., Petrov N. Ethnoterritorial conflicts in the former Soviet Union. International Boundaries Research Unit Briefings. №2. Durham: Univ. of Durham, 1992. — 77 p.

Kolosov V., Eckert D., Brunet R. (dir.). Atlas de la Russie et des pays proches. P.: La Documentation Française, 1995. — 210 p.

Kolosov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // Geopolitics. 2005. No 10. — P. 1–27.

Kolosov V. and Scott J. Selected Conceptual Issues in Border Studies // Belgeo. 2013. N 4. — P. 9–21.

Kolosov V.A., Vendina O.I., Gritsenko A.A., Glezer O.B., Zotova M.V., Sebentsov A.B., Panin A.N. Economic and Social Reforms in the North Caucasus: Goals, Limitations, Problems, and Results // Regional Research of Russia. 2017. Vol. 7. No. 3. — P. 259–270.

Kolosov V.A., Zotova M.V. Geopolitical Worldview of Russian Students. // Regional Research of Russia. 2013. Vol. 3. No. 3. — P. 265–276.

Kolosov V.A., Klemeshev A.P., Zotova M.V., Sebentsov A.B. Russian-European Union borderlands: transboundary gradients, interactions, and current challenges // International Journal of Economics and Social Issues. 2015. Vol. 5, (Special Issue). — P. 5–12.

Kolossov V., O'Loughlin J. New Borders for New World Orders. Territorialities at the Fin-de-Siecle // GeoJournal. 1998. Vol. 44. No. 3. — P. 259–273.

Kolossov V., O'Loughlin, J. Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniestr Moldovan Republic' / Boundaries, Territories and Postmodernity. D. Newman, ed. — London: Frank Cass. 1999. — P. 151–176.

Kolossov V., Borodoulina N. Le dilemme «circulation-sécurité» dans les régions frontalières. Le cas de l' Union européenne–Russie // Penser l'espace politique. S. Rosière, K. Cox, C. Vacchiani-Marcuzzo and C. Dahlman (dir.). — Paris: Ellipses. 2009. — 37–55 p.

Kolossov V., O'Loughlin J. Economic Insecurities and Migration in the «De Facto» States of Abkhazia and South Ossetia // Eurasian Geography and Economy. 2011. Vol. 52. No. 5. — P. 596–630.

Kolossov V. Post-Soviet Boundaries: Territoriality, Identity, Security, Circulation / Wastl-Walter D., ed. The Ashgate Research Companion to Border Studies. Farnham, UK: Ashgate, 2011. — P. 171–194.

Kolossov V., Scott J.W. Karelia: A Finnish–Russian Borderland on the Edge of Neighbourhood / The EU-Russia Borderland. New Contexts for Regional Cooperation. H. Eskelinen, I. Liikanen and J.W. Scott, eds. — London and New York: Routledge, 2012. — P. 194–210.

Kolstø, P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // Journal of Peace Research. 2006. Vol. 43. No. 6. — P. 723–740.

Koter M. «Kresy» as a Specific Type of Borderland — It's Origin and Characteristics // Geographica Slovenica. 2001. Vol. 34, No. 1. — P. 131–148.

Kramsch O. Regulating European borders: a cultural perspective / Innovative regulatory approaches: coping with Scandinavian and European policies. N. Veggeland, ed. — NY: Nova Science Publishers, 2010. — P. 71–84.

Krasteva A. Spaces, Lines, Borders: Imagineries and Images / Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making. C. Brambilla, J. Laine, J.W. Scott and G. Bocchi, eds. — Franham: Ashgate, 2015. — P. 11–26.

Kristof L.K.D. The Nature of Frontiers and Boundaries // Annals of the Association of American Geographers. 1959. Vol. 49. No. 3. — P. 269–82.

Kubicek P. Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 2. — P. 273–294.

Kuzio T. Ukraine. State and Nation Building. — NY: Routledge, 1998. — 316 p.

Kuzio T. Pluralist Debates Within Contemporary Ukrainian Studies, 2000. http://www.taraskuzio.net/ukrainian/vs.html

Laclau E. Emancipation(s). — London–New York: Verso, 1996. — 124 p.

Laine J. Threats, Challenges, and Finnish-Russian Cross-Border Security Cooperation: A Finnish Perspective / Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe. D. Hall, ed. 2016. — P. 178–191.

Löfgren O. Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia // European Urban and Regional Studies. 2008. Vol. 15. №3. — P. 195–209.

Lopata L. Kaliningrad, otage géopolitique de la Russie. Un point de vue lituanien // Le Courrier des pays de l'Est. 2005. No. 1048. — P. 30–39.

Löwis S. von. Ambivalente Identifikationsräume in der Westukraine: das Phantom der alten Grenzen am Zbruč // Europa Regional. 2015. No. 3–4. — P. 148–162.

Lundén T., Zalamans D. 'National Allegiance' and Spatial Behaviour in Baltic Boundary TwinTowns // Journal of Baltic Studies. 2002. No. XXXII-II/2. — P. 177–198.

Mamadouh V., Dijkink G. Geopolitics, International Relations and Political Geography. The Politics of Geopolitical Discourse // Geopolitics. 2006. Vol. 11. — P. 349–366.

Mamadouh V. Chairs' Column: Borderitis. // Newsletter of IGU Commission on Political Geography, 2015. No. 19. — P. 2–5.

Masafumi A. The China-Russia-Japan Military Balance in Manchuria, 1906–1918 // Modern Asian Studies. 2010. Vol. 44. No. 06. — P. 1283–1311.

Matthiesen U., Buürkner H.-J. Antagonistic Structures in Border Areas: Local Milieu and Local Politics in the Polish-German Twin City Gubin / Guben // GeoJournal. 2001. №54. — P. 43–50.

McCall C. European Union Cross-Border Cooperation and Conflict Amelioration // Space and Polity. 2013. Vol. 17. No. 2. — P. 197–216.

Melnik A. Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems / Regional Transborder Cooperation in Countries of Central and Eastern Europe — a Balance of Achievements. Warsaw: PAS, 2006. — P. 117–137.

Middelkoop H., de Boo M. Twice a River. Rhine and Meuse in the Netherlands. RIZA report №99.003. — Arnhem: RIZA, 1999. — 127 p.

Mikhailova E. City twinning on the Russian-Norwegian border: from neighbours to twin cities and back. Border Bites No. 7. October 2017a. http://cafs.kyushu-u.ac.jp/borders/reports/border_bites

Mikhailova E., Wu C.-T. Ersatz Twin City Formation? The Case of Blagoveshchensk and Heihe // Journal of Borderlands Studies. 2017b. Vol. 32. No. 4. — P. 513–533.

Minghi J. Boundary studies in political geography // Annals of the Association of American Geographers. 1963. Vol. 53. No. 6. — P. 407–428.

Moore M. A World Without Walls: Freedom, Development, Free Trade and Global Governance, Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 292 p.

Murphy A.B. Intersecting Geographies of Institutions and Sovereignty / The International Studies Encyclopedia. R.A. Denemark (ed.). — Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. Vol. 7. — P. 4628–4645.

Newman D., Paasi A. Fences and neighbours in the postmodern world: boundary narratives in political geography // Progress in Human Geography. 1998. Vol. 22. No 2. — P. 186–207.

Newman D. Boundaries, Territory and Postmodernity: Towards Shared or Separate Spaces? Borderlands Under Stress. M. Pratt and J. Brown (eds). — London: Kluwer, 2001. — P. 17–24.

Newman D. The lines that separate: boundaries and borders in political geography. A Companion to Political Geography. Agnew J. and Toal G. (eds.). — Maldem, MA: Blackwell, 2002. — P. 143–161

Newman D. New Geographies of Contemporary Borders / Geographic Contributions to International Studies (International Studies Compendium Project). C. Flint. ed. Blackwell Publishing. 2009. — P. 131–150.

Newman D. Contemporary Research Agendas in Border Studies: An Overview / Ashgate Research Companion to Border Studies. D. Wastl-Water, ed. — Oxford: Ashgate Publishers, 2011. — P. 33–47.

Newman D. Borders and Conflict Resolution / A Companion to Border Studies. T. Wilson and H. Donnan, eds. Blackwell. 2012. — P. 249–265.

Nilsen T. Border citizens with warm support to migrants in freezing cold // The Independent Barents Observer. 2016.
https://thebarentsobserver.com/en/borders/2016/01/border-citizens-warm-support-migrants-freezing-cold

Ó Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political Geography. 1992. Vol. 11. No. 2. — P. 190–204.

Ó Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996. — 328 p.

Ó Tuathail G. Geopolitical Structures and Geopolitical Cultures: Towards Conceptual Clarity in the Critical Study of Geopolitics / Geopolitical Perspectives on World Politics. L. Tchantouridze, ed. Winnipeg: Centre for Defence and Security Studies, 2003. — P. 75–76.

Ó Tuathail G. Thinking Critically about Geopolitics. The Geopolitics Reader. Ó Tuathail G., Dalby S. and Routledge P., eds. 2nd edition, London, Routledge, 2006. — P. 1–22.

O'Dowd L., Wilson T. Frontiers of sovereignty in the new Europe / Borders of Europe. N. Alkan, ed. Universität Bonn: Bonn, 2002. — P. 7–30.

O'Loughlin J. The Regional Factor in Contemporary Ukrainian Politics: Scale, Place, Space, or Bogus effect? // Post-Soviet Geography and Economics. 2001. Vol. 42, No. 1. — P. 1–33.

O'Loughlin J., Kolosov V., Radvanyi J. The Caucasus in a Time of Conflict, Demographic Transition, and Economic Change // Eurasian Geography and Economics. 2007. Vol. 48. No. 2. — P. 135–156.

Ohmae K. The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy, NY: Harper Paperbacks, 1999. — 246 p.

Opiola W. About the Role of the State Border in the Theory of Borderland / Open Europe: Cutural Dialogue Across Borders. Vol. 2: Historical Collective Memory within Borderlands. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014. — P. 27–35.

Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border, NY: John Wiley, 1996. — 353 p.

Paasi A., Prokkola E.-K. Territorial Dynamics, Cross-border Work and Everyday Life in the Finnish–Swedish Border Area // Space and Polity. 2008. Vol. 12. No. 1. — P. 13–29.

Paasi A. Bounded spaces in a 'borderless world': border studies, power and the anatomy of territory // Journal of Power. 2009. Vol. 2. No. 2. — P. 213–234.

Paasi A. Border studies reanimated: Going beyond the territorial / relational divide // Environment and Planning A. 2012. Vol. 44. No. 10. — P. 2303–2309.

Perkmann M., Sum N., eds. Globalization, Regionalization, and Cross-border Regions. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. — 263 p.

Perkmann M. Cross-border regions in Europe: significance and drivers of regional cross-border co-operation // European Urban and Regional Studies. 2003. Vol. 10. №2. — P. 153–171.

Perrons D. Regional Models and Peripherality: Modeling Development in the Remote Region of the European Union / Proceedings of the Conference on the Outermost Regions of the EU Brussels. 2006. — 31 p.

Pfoser A. Between Security and Mobility: Negotiating a Hardening Border Regime in the Russian-Estonian Borderland // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2015. Vol. 41. No. 10. — P. 1684–1702.

Pikner T. Reorganizing Cross-Border Governance Capacity: The Case of the Helsinki — Tallinn Euregio // European Urban and Regional Studies. 2008. No. 15. — P. 211–227.

Pociute G., Daugirdas V. The border's influence on peripherality: case study of the Lithuanian-Belarusian border region // The Tastern Dimension of the United Europe. Regions and Regionalism. 2013. Issue 11. Vol. 2. — P. 175–194.

Pounds N.J.G., Ball S.S. Core-Areas and the Development of the European States System // Annals of the Association of American Geographers. 1964. No. 54. — P. 24–40.

Prescott J.R.V. The Geography of Frontiers and Boundaries. Chicago: Aldine Publishing Company, 1965. — 190 p.

Prescott J.R.V. Political Frontiers and Boundaries. L.: Allen and Unwin, 1987. — 315 p.

Raffestin C. Autour de la fonction sociale de la frontière // Espaces et sociétés. 1992. No. 70/71. — P. 157–164.

Ratti R., Schuler M. Typologie des espaces-frontières à l'heure de la globalisation // Belgeo. 2013. No. 1. http://belgeo.revues.org/10546

Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart: Engelhorn, 1899. — 781 p.

Razowski L. Pól roku bez malego ruchu granicznego. Resort podsumowuje zyski i straty // Olsztyn Onet. 1 February 2017. http://olsztyn.onet.pl/pol-roku-bez-malego-ruchu-granicznego-resort-podsumowuje-zyski-i-straty/196zwdm

Richard Y., Sebentsov A., Zotova M. The Russian exclave of Kaliningrad. Challenges and limits of its integration in the Baltic Region // CyberGeo. 2015. Article 719. http://cybergeo.revues.org/26945

Rogova A. Chicken is not a bird, Kirkenes is not abroad. Borders and territories in perception of the population in a Russia-Norwegian borderland // Journal of Northern Studies. 2009. No. 1. — P. 31–42.

Rosière S., Reece J. Teichopolitics: re-considering globalization through the role of walls and fences // Geopolitics. 2012. Vol. 17. No. 1. — P. 217–234.

Rykala A. Ethno-religious heritage of former eastern territories of the Polish-Lithuanian Commonwealth in Contemporary Poland // European Spatial Research and Policy. 2013. Vol. 20, No. 1. — P. 49–70.

Salter M.B. Passports, Mobility and Security. How smart can the border be? // International Studies Perspective, 2004. No. 5. — P. 71–91.

Schultz H. Twin towns on the border as laboratories of European integration // Isig Journal. 2009. Vol. 18. №3–4. — P. 157–166.

Schürmann C., Talaat A. Towards a European Peripherality Index. Final Report Report for General Directorate XVI Regional Policy of the European Commission. Dortmund: Institut für Raumplanung, 2000. — 48 p.

Scott J.W. Euroregions, Governance and Transborder Co-operation within the EU. Van der Velde M. and van Houtum H., eds. London: Pion, 2000. — P. 104–115.

Sebentsov A., Zotova M. Kaliningrad as a Tourism Enclave / Exclave? / Tourism and Geopolitics: Issues and concepts from Central and Eastern Europe. D. Hall. 2017. — P. 191–204.

Sharp J. Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity, London: Routledge, 2000. — 228 p.

Smith M.P. Transnational Urbanism, London: Wiley-Blackwell, 2001. — 236 p.

Sobczynski M. Polskie doswiadczenia w zakresie badania granic reliktowych i krajobrazu pogranicza // Czas i przestrzeń w naukach geograficznych. Wybrane problemy geografii historycznej. 2008. — P. 66–78. http://hdl.handle.net/11089/3899

Staalesen A. Visa-free regime will strengthen special relationship with Russia, North Norwegian leaders say // The Independent Barents Observer. May 25, 2017. https://thebarentsobserver.com/en/borders/2017/05/visa-free-regime-will-strengthen-special-relationship-russia-north-norwegian-leaders

Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic «Nation-State», but Possible Democratic «State-Nation»? // Institutions, Ideas and Leadership in Russian Politics. London: Palgrave Macmillan (UK). 2010. — P. 184–217.

Stepan A., Linz J., Yadav Y. Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011. — 336 p.

Stéphenne N., Pesaresi M. Spatial Permeability Model at the European Union Land Border. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2006. — 61 p.

Subtelny O. Ukraine: A History. University of Toronto Press: Toronto, 1988. — 736 p.

Terk E. Twin-City in Making: integration scenarios for Tallinn and Helsinki capital regions/Tallinn University and Estonian Institute for Futures Studies. Tallinn, 2012. — P. 13–26.

Timmermann H. Kaliningrad: eine Pilotregion fur Gestaltung der Parthnerschaft EU-RuSland? // Osteuropa. 2001. Vol. 51. — P. 1036–1066.

Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization, Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. — 340 p.

UN DESA database, 2010. http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2010/mtg5/22.r.pdf

Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. — London: Routledge, 1999. — 272 p.

Van der Velde B., Spierings B. Cross-border shopping and the «bandwith of familiarity»: exploring the positive impact of national borders on consumer mobility in the Euregion Rhine. Nijmegen: Nijmegen School of Management, 2008. — 26 p. http://hdl.handle.net/2066/69012

Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Rise of Networked Individualism // International Journal of Urban and Regional Research, 2001. Vol. 25. No. 2. — P. 227–252.

Wilson A. The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven and London: Yale University Press, 2015. — 410 p.

Wingerd M. St. Paul and Minneapolis. Paper presented at Twin Cities Past and Present conference. Manchester, June 2015.

Yiftachel O. Between nation and state: «fractured» regionalism among Palestinian-Arabs in Israel // Political Geography. 1999. Vol. 18. No. 3. — P. 285–307.

YLE. 2017. Feasibility study for Helsinki-Tallinn tunnel to wrap up this year. February 2017. http://yle.fi/uutiset/osasto/news/feasibility_study_for_helsinki-tallinn_tunnel_to_wrap_up_this_year/9458362

Zarycki T. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations // Erdkunde. 2015. Vol. 69. No. 2. — P. 107–124.

Zhurzhenko T. The myth of two Ukraines // Eurozine, 2002, 17 September. http://www.eurozine.com/the-myth-of-two-ukraines/

Zhurzhenko T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine / Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe. M. Hurd, ed. Eslöv: Gondolin, 2006. — P. 57–87.

Zhurzhenko T. Identity in the Ukrainian-Russian Borderlands / Asymmetry and Proximity in Border Encounters. J.L. Bacas and W. Kavanagh, eds. — Oxford: Berghahn, 2013. — P. 193–214.

ABSTRACT

The objective of the book is to reveal and to analyze the impact of bordering, integration processes and political challenges on the development of Russian borderlands. Russia is the only state neighbouring 16 countries. Its land boundary is the longest in the world. Border regions are characterized by an extraordinary diversity of landscapes, settlement patterns, economy structures, socioeconomic situations, ethnic composition, history, bilateral relations and potential threats to national security. Central and regional authorities, state institutions, economic actors and local communities are facing numerous challenges related with neighbourhood. The set of these challenges varies from one pair of state boundaries to another. The authors interpret the notion of challenge not only as a threat constraining the development of border regions and creating additional problems but also favourable opportunities. They distinguish six groups of challenges.

- *Geopolitical challenges* are provoked by the foci of political instability near Russian borders, changes in the international political situation, conflicts and territorial claims. These challenges became particularly important last years as a result of major geopolitical shifts: the integration of Crimea and the appearance there of a new closed boundary with Ukraine, the civil war in Ukrainian Donbas, in the immediate proximity from Russia borders, and the transformation of Ukraine into a hostile country; the deterioration of relations with EU, especially its "new" members — Poland and Baltic countries; Western sanctions against Russia and Russian counter-sanctions; the "turn" of Russia to the East and the privileged development of economic interactions with China and other Asian Pacific countries.
- *Demographic challenges* consist in depopulation of border areas and, on the contrary, in immigration pressure of certain regions from neighbouring countries and all post-Soviet space.
- *Socio-economic challenges* originate from the asynchrony of development on different sides of the border and significant socio-economic gaps between neighbouring regions which in some cases have a stimu-

lating effect on Russian border areas but most often make up a serious obstacle for successful interactions and a threat to border security.

- *Environmental challenges* are provoked by the mismatch between natural and political borders and different state priorities which complicate the use of natural resources, environment protection and the elaboration of common approaches to the coordination of interests between Russian regions and their neighbours.
- *Institutional challenges* include the need in appropriate legal facilities and institutes of cross-border cooperation between regional and local authorities, economic actors and NGOs; the adequacy and the compatibility of international and domestic laws, and the division of competences between regional and local government; the existence of regional policy toward border regions, and so on.
- *Discursive challenges* result from contradictory political discourses and different approaches of neighbouing countries to current political problems and the interpretation of common past, and sometimes from direct hostility of historical narratives and symbolic policy shaping social representations about Russia abroad or Russian public opinion about its neighbours.

Of course, this list is not exhaustive. In particular, the challenges of security so important for border regions are only indirectly considered in this book. Besides, the monograph concerns only land borders.

The authors believed it rather important to study the situation on both sides of the border. They interpret borders as an integral and closely related system: any political, economic or environmental change at any section provokes a reaction of the whole system. Such approach requires an integrated study of "objective" and "subjective", "hard" and "soft" characteristics of the border.

They used different sources of information: firstly, official statistical data by border regions and municipal units of Russia and neighbouring countries. The database included statistics on the period between 2000 and 2014–2016, and in some cases on all post-Soviet years. International comparisons requested recalculations of statistical variables expressed in different currencies according to their purchasing capacity, taking account of the corrections for 2012–2015 recently made by the World Bank. The incompatibility of statistical variables and the methods of data collection in Russia and neighbouring countries, and reforms of statistical systems

caused a serious problem, and in some cases shortened the retrospective. However, the creation of such database allowed comparing demographic, economic and social features of different border areas, the ethnic and linguistic composition of their population, economic structures, foreign trade and investments .

Secondly, they screened all issues of one of the main Russian "quality" daily newspapers paying much attention to foreign policy and new independent states since 1994 till 2014. It showed the evolution of the official political discourse about the role, the functions, the regime and the symbolic meaning of borders. This information was completed by the materials of four other newspapers representing different political and ideological positions. Thanks to the datebase resulted from this work, deep transformations in political discourse could be considered in parallel with real changes in borders' functions and cross-border interactions at different sections.

Thirdly, numerous interviews and observations accumulated by the authors in course of their field studies in border regions of Russia and neighbouring countries since the early 1990s provided extremely valuable information. During the last eight years (2010-2017) they have visited practically all pairs of Russian land borders, and have been for several times on the most important of them. They worked not only in regional capitals but also in the centres of administrative districts close to the boundary and in rural settlements. These field studies allowed collecting about 600 interviews with regional and local officials, academics and intellectuals, managers and businessmen, journalists, foreign consuls and NGOs' leaders as well as talking to numerous local inhabitants.

Fourthly, they tried to extend the theoretical background of the monograph. The most important conclusion from last years' border studies is the understanding that borders are a complicated social phenomenon, they resulted from an everyday process of bordering — the reproduction of their functions and regime by different social and political forces (central and local governments, business, social movements, NGOs etc. in course of almost all forms of their activity).

Since 1994 г. the authors' studies of borders were supported by Russian and foreign foundations. The authors participated in large international research projects on borders adopted by the 5th and the 7th European Framework Programmes. The grant of the recently created

Russian Science Foundation bearing the same title as this book (N 14-18-03621, 2014–2018) became an important milestone in the authors' activity and permitted them preparing the present publication.

The monograph consists of six parts. The first one is devoted to the tendencies of development and achievements of contemporary border studies.

In the second part the authors consider demographic and socio-economic challenges provoked by neighbourhood. They give a general characteristics of borders' morphology and compare the demographic and ethnic structure of population, the gaps in socio-economic indicators and their dynamics at different sections. They discuss the reasons of depopulation, analyze migrations and the replacement of population emphasizing their influence on cross-border ethnic contrasts and identity. They show that in 2000–2015 cross-border socio-economic gaps became stronger, and local population tried to take advantage from border rent engaging in informal activity. A "richer" side always benefits from cross-border economic asymmetry and accumulates additional material and financial resources. Unlike the borders with Norway, Finland and Poland, in Siberia and the Far East many gradients favour Russia, though the gap is not that large. Chinese provinces are quickly catching up with Far Eastern regions of Russia in terms of per capita GRP and outran them in per capita industrial and agricultural production.

The dynamics and factors of cross-border interactions are studied together with the barrier function hindering or fostering contacts between contiguous territories. An important recent trend is the increase of Russian borders' barrier functions. An approach to their assessment from the perspective of a Russian citizen travelling abroad is suggested. It is based on such indicators as the number, the density, the capacity and the traffic at crossing points, the existence of the visa regime, the difficulties of visa application, the need for an international passport if there is no visa regime, the effect of interstate agreements facilitating circulation of local inhabitants, and infrastructure restrains. A typology of borders' sections by the barrier index is obtained. It is shown that at the national level, barrier function is determined mostly by the visa regime and its application; at the regional and local levels, by the character of the settlement pattern and border infrastructure, including the density of checkpoints, their status, and regime.

The results of field observations and interviews are used in identifying the typical set of cross-border population activities, connected with job, education and medical services, visiting relatives and friends, shopping for everyday goods and fuel, leisure (entertainment, spa treatment, tourism), and pilgrimage. Motivations for crossing the boundary shifted from mostly shopping to the use of other opportunities offered by border location, connected to the development of small business, services and tourism. The "width" of close cross-border interactions depends on the settlement pattern and the road density. This zone expands eastward.

The third part concerns discursive challenges — the constructivist nature of bordering and reproduction of borders' functions, the role of borders in national and regional identity, including collective historical memory and narratives. The authors consider political discourse shaped by a number of federal daily newspapers representing different political views: firstly, the changes in the coverage of a country or a region, and secondly, themes and content of publications. Thirdly, political language is also analyzed by the means of new AdaGram algorithm designed for processing big data and revealing the probability to meet the words associated with a given term.

Political discourse in mass media to a large extent determines public opinion on neighbours, threats to national security, desirable allies and international cooperation. The people's opinions in border areas are often related with the pattern of phantom borders — the state borders which loss their most important functions but remain political and cultural barriers visible in various forms of contemporary economic, social and political activity and can be used in the construction or the reanimation of territorial identities. Different types of relict (historical) and phantom borders in Russia and neighbouring countries are distinguished and described. A special chapter is devoted to changing symbolic landscapes in border areas, in particular, along the borders with Ukraine and China.

The fourth part shows the institutional dimension of cross-border interactions. The database of treaties and agreements regulating the functioning of state boundaries and cross-border cooperation was compiled. Information was classified depending on the level and status of the legal acts. Their analysis allowed revealing five levels of institutionalisaton of cross-border interactions. The stages and the directions of this process were studied.

A particular attention is paid to twin cities located on different sides of the boundary close to each other. An analysis of the notion, the origin and current relations between such towns in different parts of the world and along Russian borders led to the distinction between "natural" twins emerged for historical reasons and a specific institute of cross-border cooperation.

The fifth part of the book is devoted to environmental challenges. They are seen not only in the existence of cross-border or international environmental problems but also in the urgent need in cooperative actions. These actions stumble, firstly, over the absolutisation of national sovereignty and the refusal to coordinate economic decisions concerning environment; secondly, unsettled conflicts between economic and environmental interests of the sides; thirdly, the continuation of "hydro-technical wars" related with the distribution of the rivers' run-off, water releases and the risk of floods and anthropogenic disasters, the lack of coordinated regional policy and the mismatch of regional strategies and programmes. As a rule, border environmental problems increase in the eastern direction. Most intergovernmental and interregional agreements in the field of river run-off distribution, control of industrial waste, steppe plowing, struggle against natural disasters (floods, forest fires, droughts and hot winds, locust, etc.) do not have implementation mechanisms, integrated sources of funding and coordination centres.

Finally, the sixth part regards regional and local border problems. Using the results of a large number of representative surveys and their interviews they authors describe specific features, identities, values and beliefs of border population, primarily inhabitants of large cities in the "new" border regions along the boundaries with post-Soviet countries and the "old" ones inherited from the Soviet Union.

A special chapter is devoted to the case of Kaliningrad region, one of the world largest and "youngest" exclaves. This situation creates specific challenges, political and economic threats related with high costs of transit to "mainland" Russia, its security and other factors. But the location in an exclave is also an opportunity: at a certain stage the region was considered as a laboratory of cooperation between Russia and EU. Cooperation with neighbours can compensate the costs provoked by isolation from the main territory of the country.

The case of Russian-Belarusian border is used to study the ambivalent impact of Eurasian integration on the dynamics and intensity of cross-border interactions. This border is unique because there has been never passport and regular custom control on it, except for brief periods. Integration processes with Russia, despite of serious contradictions and periodical "trade wars", started as early as in 1994 and shaped favourable conditions for cross-border cooperation. However, nation-building has a much stronger impact on the functions even of this open border rather than economic and political integration. Diverging economic policy and legal norms adopted by two states determine considerable barrier functions of the border.

The final part of the book includes a detailed comparative analysis of the situation at five key sections of Russian-Ukrainian borderland based on field studies and statistical data. The authors reveal numerous negative consequences of the deep crisis in relations between two countries: (a) a considerable increase of the gap in socio-economic indicators between Russian and Ukrainian regions; (b) the total break-up of the agreements on cross-border cooperation at all levels; (c) the closure of local crossing points and the strengthening of the border regime by the Ukrainian side; (d) a sharp decrease of cross-border regular bus routes and railway service; (e) a fall of cross-border trade turnover (though it started to increase again in 2016). The new border between the Republic of Crimea and Ukraine is blocked by the Ukrainian side. It resulted in a radical modification of Crimea's territorial structure: transit areas are transformed into peripheral ones, and peripheral territories acquired central functions (Kerch). The pattern of the transport network changed from the sub-meridional to the sub-latitudinal. On another token, population and economy are adapting to the changing situation. It partly compensates negative changes and allows keeping a certain level of interactions between border regions.

The last chapter of the book is focused on the origin of the boundary between Russia and Kazakhstan, the longest land border in the world, its post-Soviet delimitation and demarcation, and to cultural problems having an important impact on cross-border interactions and migrations. It is known that many border areas in Kazakhstan are populated mostly by Russian-speakers, and the current transition to Kazakh of all office work and other measures of Kazakhstani government limiting the functioning of Russian lead to the fragmentation of cultural space. Much attention is paid

to Soviet legacy in economic cooperation between border regions of two countries and the role of Eurasian integration.

The monograph belongs primarily to the researchers from the Laboratory of Geopolitical Studies of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, headed by Professor Vladimir Kolosov, the editor of this book. It is a collective work resulted from numerous common field studies, discussions and brain storms and is backed by jointly created data bases. Some parts of the book are written by Professor Natalya Frolova, Head of the Chair of Hydrology at the Faculty of Geography, Moscow State Unversity and Dr. Mikhail Samokhin, and Ekaterina Mikhailova, Research Associate at the Chair of Geopgraphy of World Economy at the same faculty, as well as Dr. Kira Morachevskaya, Senior Lecturer at the Institute of Earth Sciences of Saint Petersburg State University.

The introduction, the conclusion, part I are authored by V. Kolosov, chapter 2.1 — by V. Kolosov and Dr. Maria Zotova, Senior Research Associate, chapter 2.2 — by M. Zotova, Dr. Anton Gritsenko, Researh Associate, and Dr. Alexander Sebentsov, Senior Research Associate, chapter 2.3 — by M. Zotova, V. Kolosov, and A. Sebentsov, chapter 2.4 — by M. Zotova, Dr. Olga Vendina, Leading Research Associate, A. Gritsenko, and A. Sebentsov, chapter 3.1. — by V. Kolosov, Dr. Fedor Popov, Research Associate, M. Zotova, O. Vendina, A. Gritsenko and A. Sebentsov, chapter 3.2 — by V. Kolosov, chapter 3.4 — by O. Vendina and A. Gritsenko. The authors of chapter 4.1 are A. Sebentsov and Mikhail Karpenko, Research Associate, chapter 4.2 — Ekaterina Mikhailova, chapter 5.1 — Professor Nikolai Kluev, Leading Research Associate, chapter 5.2 — N. Frolova and Mikhail Samokhin. In the last part chapter 6.1 is written by O. Vendina and A. Gritsenko, chapter 6.2 — by A. Sebentsov and M. Zotova, chapter 6.3 — by K. Morachevskaya and V. Kolosov, chapter 6.4 — by M. Zotova and V. Kolosov, chapter 6.5 — by M. Karpenko and A. Sebentsov.

Информация об авторах

Колосов Владимир Александрович, доктор географических наук, профессор, зам. директора и зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН, зав. кафедрой географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Президент Международного географического союза (2012–2016). Область научных интересов: теоретические проблемы политической географии, исследования границ, критическая геополитика, идентичность и этнотерриториальные конфликты на постсоветском пространстве, электоральная география, мировые города.

kolosov@igras.ru

Вендина Ольга Ивановна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Является активным сторонником междисциплинарных исследований на стыке гуманитарной географии, социологии, антропологии и этнологии. Область научных интересов: урбанистика, этнополитика и межэтнические отношения в городах, миграции населения, социальная география Москвы, роль границ в жизни общества.

o.vendina@gmail.com

Галкина Тамара Артаковна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: география диаспор, миграций, региональная география (Европа, Средиземноморье), география городов, география культуры.

ta@df.ru

Гриценко Антон Алексеевич, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: национально-государственное строительство в постсоветских странах, этнокультурные процессы и социальные взаимодействия в приграничных регионах, формирование идентичностей и исторической памяти, приграничное сотрудничество.

antgritsenko@gmail.com

Зотова Мария Владимировна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: исследования границ и приграничных территорий, география городов, социальная география, экономико-географические и геополитические проблемы развития постсоветских государств.

zotova@igras.ru

Карпенко Михаил Сергеевич, аспирант, научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: интеграционные процессы на постсоветском пространстве, социально-экономическое развитие приграничных регионов в условиях интеграции, регионализация, российско-казахстанское пограничье, национальное строительство и интеграция.

mike.ck@yandex.ru

Клюев Николай Николаевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: эколого-экономическое моделирование региональных систем, экологическая география России и мира, теоретические и региональные проблемы природопользования, география производственных отходов, эколого-политическая география.

klyuev@igras.ru

Михайлова Екатерина Владимировна, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, соискатель Института географии РАН. Область научных интересов: исследования границ, урбанистика, миграционные исследования, проблема социально-экономического сжатия городов, Северо-Восток Китая, Арктика, регионализация, территориальный маркетинг, территориальная идентичность.

mikhaylovaev@yandex.ru

Морачевская Кира Алексеевна, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: проблемы развития

регионов российско-белорусского приграничья, интеграционные объединения на постсоветском пространстве.

k.morachevskaya@spbu.ru

Попов Федор Аркадьевич, кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: политическая география, дробление и интеграция политического пространства, география сецессионизма и сепаратизма, теории национального государства, география неконтролируемых территорий, квазигосударств и несостоявшихся государств, формирование территориальной идентичности.

fpopov15@gmail.com

Самохин Михаил Алексеевич, кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры гидрологии суши географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Область научных интересов: трансграничные речные бассейны, водные ресурсы, гидрометрия, гидрологические расчеты.

gidromiha@mail.ru

Себенцов Александр Борисович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: проблемы развития приграничных территорий, влияние границы на жизнь людей, география неконтролируемых территорий и непризнанных государств, география инвестиций, проблемы освоения Российского Севера и его регионов.

asebentsov@gmail.com

Фролова Наталья Леонидовна, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой гидрологии суши географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Область научных интересов: трансграничные речные бассейны, водные ресурсы, горная гидрология, опасные гидрологические явления, расчеты и прогнозы речного стока.

frolova_nl@mail.ru

Russian Borderlands: Challenges of Neighbourhood

Edited by Vladimir Kolosov

The authors: Vladimir Kolosov, Maria Zotova, Olga Vendina, Alexander Sebentsov, Anton Gritsenko, Natalia Frolova, Mikhail Karpenko, Nikolai Kluev, Ekaterina Mikhailova, Kira Morachevskaya, Fedor Popov, Mikhail Samokhin. Moscow: IP Matushkina I.I., 2018. 562 pages, 32 ill. ISBN 978-5-94101-325-8

TABLE OF CONTENTS

INTRODUCTION 7

Part 1. BORDER STUDIES IN RUSSIA AND ABROAD: THEORETICAL APPROACHES AND ACHIEVEMENTS 17

Integrity and differentiation of the world system of borders 20

Territoriality, ethnicity and statehood as the foci of border studies 23

Symbolic meaning of borders: territorial identities and geopolitical representations 25

Borders of non-controlled territories 28

Globalisation: the borderless world or new barriers? 32

Part 2. CONTEMPORARY SITUATION AND INTERACTIONS WITH NEIGHBOURS 39

Chapter 2.1. The morphology and contrasts of Russian borders 39

Diversity of situations 39

«New» borders of Russia 50

Chapter 2.2. Disproportions in the development of Russia's and neighbouring countries' borderlands 59

Settlement systems: depopulation and migrations 62

Economic potential and economic relations 68

Level of life and labour market 77

Chapter 2.3. Barrier functions and the transparency of borders **86**
Methods of evaluation 89
Barrier functions of Russian borders 92
A typology of Russian borders by barrier functions 101
Chapter 2.4. Everyday life in Russian borderlands **109**
Everyday life as a key for understanding border problems 110
Spatial inequality as an incentive to cross the border 119
Cross-border style of life: not too much natives and not too much others 126

Part 3. BORDERS AS NATIONAL SYMBOLS **131**
Chapter 3.1. In search of national identity: Russian political discourse **131**
Sources of information and methods of analysis 133
Two vectors of Russian foreign policy and bordering 139
Looking East: «Eurasian integration» and the neighbourhood with post-Soviet countries 141
Looking West: from the illusions of integration to confrontation 164
A semantic analysis of the discourse 176
Chapter 3.2. Phantom borders in the post-Soviet space **183**
Importance for different fields of life 184
Relation with contemporary political processes 189
Phantom borders in Russia 194
Chapter 3.3. Historical memory and symbolic landscape of borders **200**
From an «invisible» boundary to a strict divide (Russian-Ukrainian border) 203
Transcending the logic of confrontation (Russian-Chinese border) 211
Constructing borderscapes 221

Part 4. CROSS-BORDER COOPERATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES **233**
Chapter 4.1. Institutional dimension of cross-border cooperation **233**
Legal conditions of institutionalization 235

Building the institutes in the 1990s — the early 2000s 241
Programmes of cross-border cooperation 251
Local border traffic 267
Approaches to a typology of institutionalized cooperation 270

Chapter 4.2. Twin cities in Russian borderlands 277
Evolution of the «twin city» notion 278
A form of cooperation: «natural» and «constructed» twin cities 281
Russian experience 287

Part 5. ENVIRONMENTAL PROBLEMS AND POLITICAL CONFLICTS 305

Chapter 5.1. Environmental threats to the development of Russian border regions 305
Cross-border environmental problems of Russia 305
International environmental cooperation between border regions 318

Chapter 5.2. International river basins: integrity of environment and political fragmentation 322
Working out the norms of international environmental law: historical experience 326
Economic mechanisms of cross-border regulation: difficulties of implementation 332
Technical conditions of cross-border regulation 337
Russia's international cooperation in the management of cross-border waters 340

Part 6. REGIONAL AND LOCAL PROBLEMS OF RUSSIAN BORDERS 357

Chapter 6.1. Cities on the border: an experience of cross-cultural interactions 357
Pressure of migrations 360
Attitude to ethnic Others: rejection and tolerance 367
Values of cities' dwellers 372
Pluralism and conformism of urban communities 378
Experience of cross-border interactions 382

Chapter 6.2. Kaliningrad region: the ways to compensate the exclave location 386

Exclave location as a challenge to the development of the region 388
Intra-Russian answers to isolation 391
Cross-border cooperation 395
Development of tourism 401

Chapter 6.3. Russian-Belarusian borderland: centres and periphery 409

Allocation of the state boundary and strengthening of borderlands' peripheral features 411
How peripheral are municipal districts 415
Nature of cross-border interactions 419
Dependence of interactions on the hierarchy of settlements 422
A typology of Russian border regions' municipalities 427

Chapter 6.4. Crisis of Russian-Ukrainian relations and its consequences for cross-border interactions 433

Political, historical and ethno-cultural features of Russian and Ukrainian border regions 433
Border's morphology and socio-economic gaps 442
Contemporary state of cross-border interactions 453

Chapter 6.5. Border regions of Russia and Kazakhstan in the conditions of Eurasian integration 471

Shaping the boundary 474
Unique features of the settlement system 479
Partitioning cultural space: challenges for cooperation 484
Economic potential: problems of "small integration" 487

CONCLUSION 497

REFERENCES 507

ABSTRACT 547

ABOUT THE AUTHORS 555

Российское пограничье: вызовы соседства
/ Под ред. В.А. Колосова — Москва: ИП Матушкина И.И., 2018
— 562 с. + 32 с. ил.

Рецензенты:
академик РАН П.Я. Бакланов
доктор политических наук, проф. И.М. Бусыгина

Авторский коллектив: *В.А. Колосов, О.И. Вендина, М.В. Зотова, А.Б. Себенцов, А.А. Гриценко, М.С. Карпенко, Н.Н. Клюев, Е.В. Михайлова, К.А. Морачевская, Ф.А. Попов, Н.Л. Фролова, М.А. Самохин, Т.А. Галкина*

Редактор-составитель к.г.н. М.В. Зотова

Авторы выражают глубокую благодарность В.В. Луговской, А.А. Медведеву и Е.Д. Головиной за помощь в подготовке картографических материалов.
Авторы фотографий: В.А. Колосов, М.В. Зотова, А.А. Гриценко, М.С. Карпенко, Д.И. Протопопов
В оформлении обложки использована репродукция картины «Диагонали» В.В. Кандинского.
Художественное оформление обложки: М.В. Виноградова

Распространяется бесплатно.

ISBN 978-5-94101-325-8

© Коллектив авторов, 2018.
© Институт географии РАН, 2018.

Подписано в печать 20.12.2018
Формат 70x90/16. Объем 37,5 п. л. (48,5 уч. изд. л.)
Тираж 500 экз.
Издатель: ИП Матушкина И.И.
Отпечатано в типографии ООО «ИПЦ Маска»

Рис. 1. Административно-территориальное деление регионов России и соседних государств. Европейская часть.

Рис. 2. Административно-территориальное деление регионов России и соседних государств. Азиатская часть.

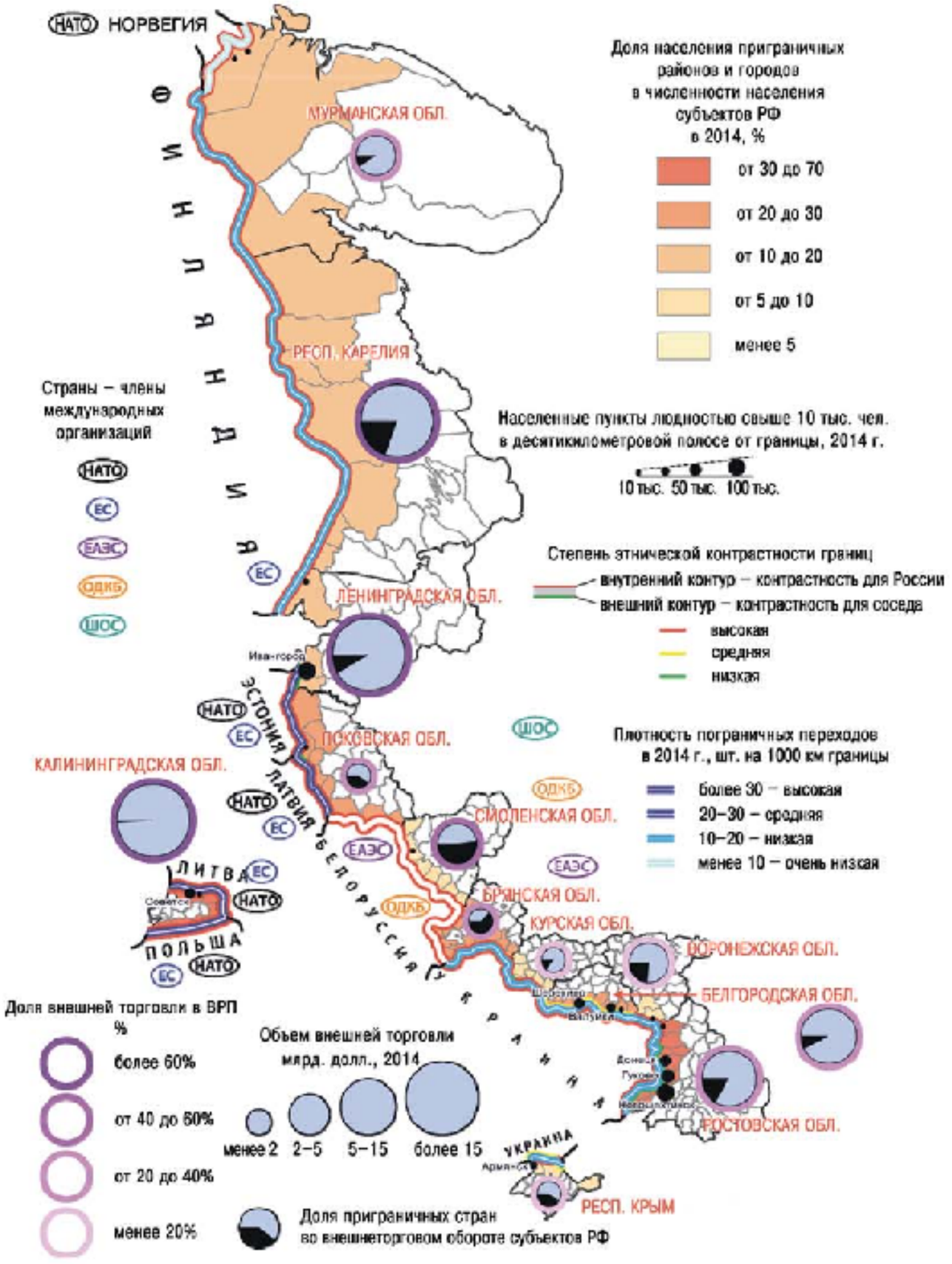
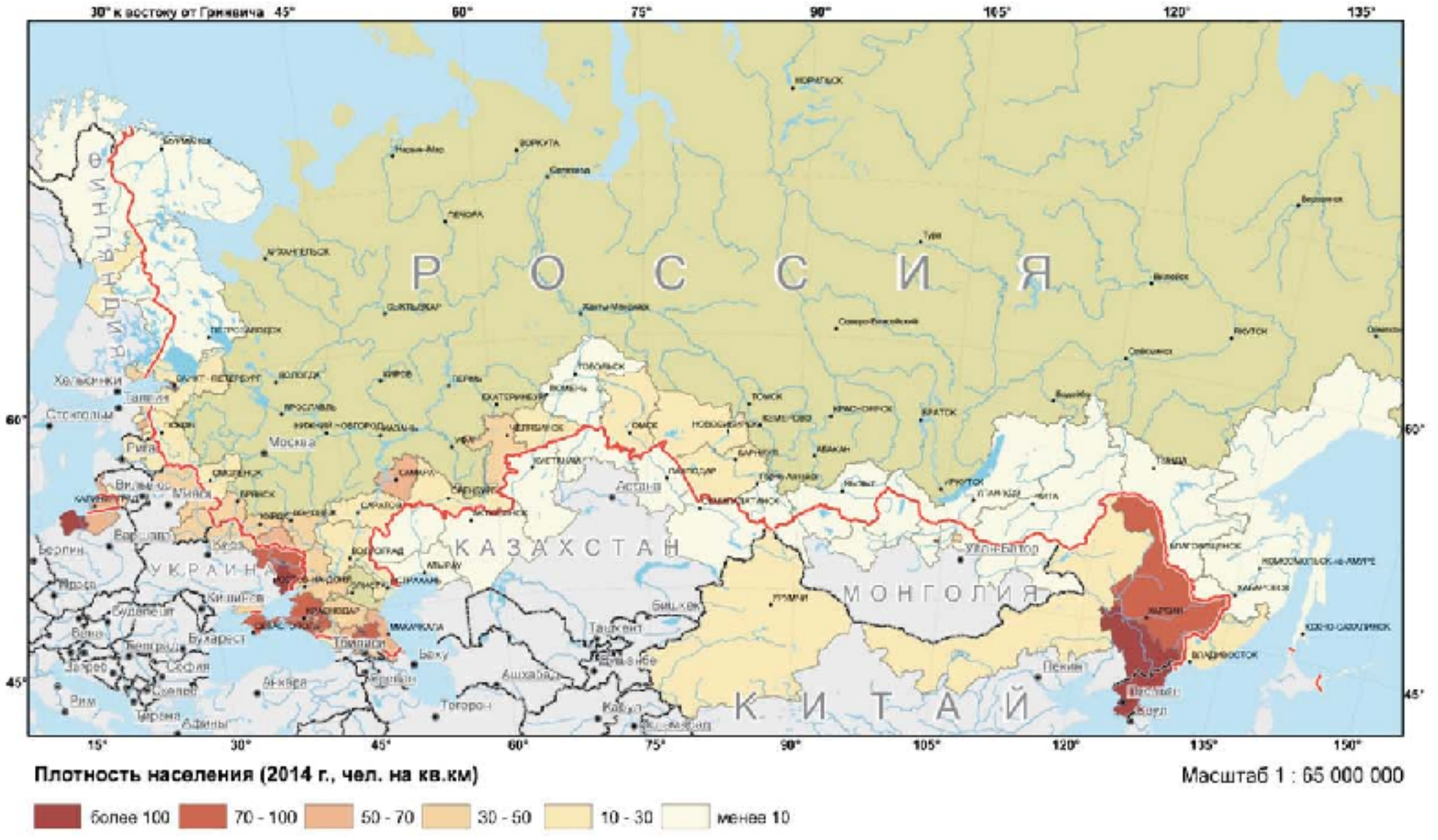


Рис. 3. Вовлеченность регионов в приграничные взаимодействия: Европейская часть.

Рис. 4. Вовлеченность регионов в приграничные взаимодействия: Кавказский и Казахстанский сегменты.

Рис. 5. Вовлеченность регионов в приграничные взаимодействия: Монгольский и Китайский сегменты.


30° к востоку от Гринвича 45° 60° 75° 90° 105° 120° 135°
Р О С С И Я
К А З А Х С Т А Н
М О Н Г О Л И Я
К И Т А Й
Финляндия
Хельсинки
Таллин
Стокгольм
Рига
Москва
Вильнюс
Минск
Варшава
Берлин
Прага
Вена
Будапешт
Братислава
Бухарест
Белград
София
Загреб
Сплит
Рим
Афины
Киев
Одесса
Севастополь
Симферополь
Ялта
Волгоград
Астрахань
Тбилиси
Баку
Ереван
Ашхабад
Ташкент
Бишкек
Душанбе
Тегеран
Кабул
Пешавар
Пекин
Улан-Батор
Якутск
Владивосток
Хабаровск
Южно-Сахалинск
Петропавловск-Камчатский
Анадырь
Мурманск
Архангельск
Воркута
Нарьян-Мар
Печора
Сыктывкар
Ханты-Мансийск
Тюмень
Тобольск
Екатеринбург
Челябинск
Пермь
Ижевск
Нижний Новгород
Ярославль
Вологда
Киров
Петрозаводск
Санкт-Петербург
Псков
Смоленск
Брянск
Калуга
Тверь
Самара
Саратов
Ульяновск
Оренбург
Уфа
Казань
Ижевск
Пермь
Челябинск
Курган
Тюмень
Омск
Новосибирск
Кемерово
Томск
Красноярск
Барнаул
Бийск
Горно-Алтайск
Кызыл
Абакан
Иркутск
Чита
Улан-Удэ
Якутск
Магадан
Южно-Сахалинск
Хабаровск
Комсомольск-на-Амуре
Благовещенск
Биробиджан
Чебоксары
Йошкар-Ола
Саранск
Пенза
Ульяновск
Тольятти
Самара
Оренбург
Уфа
Магнитогорск

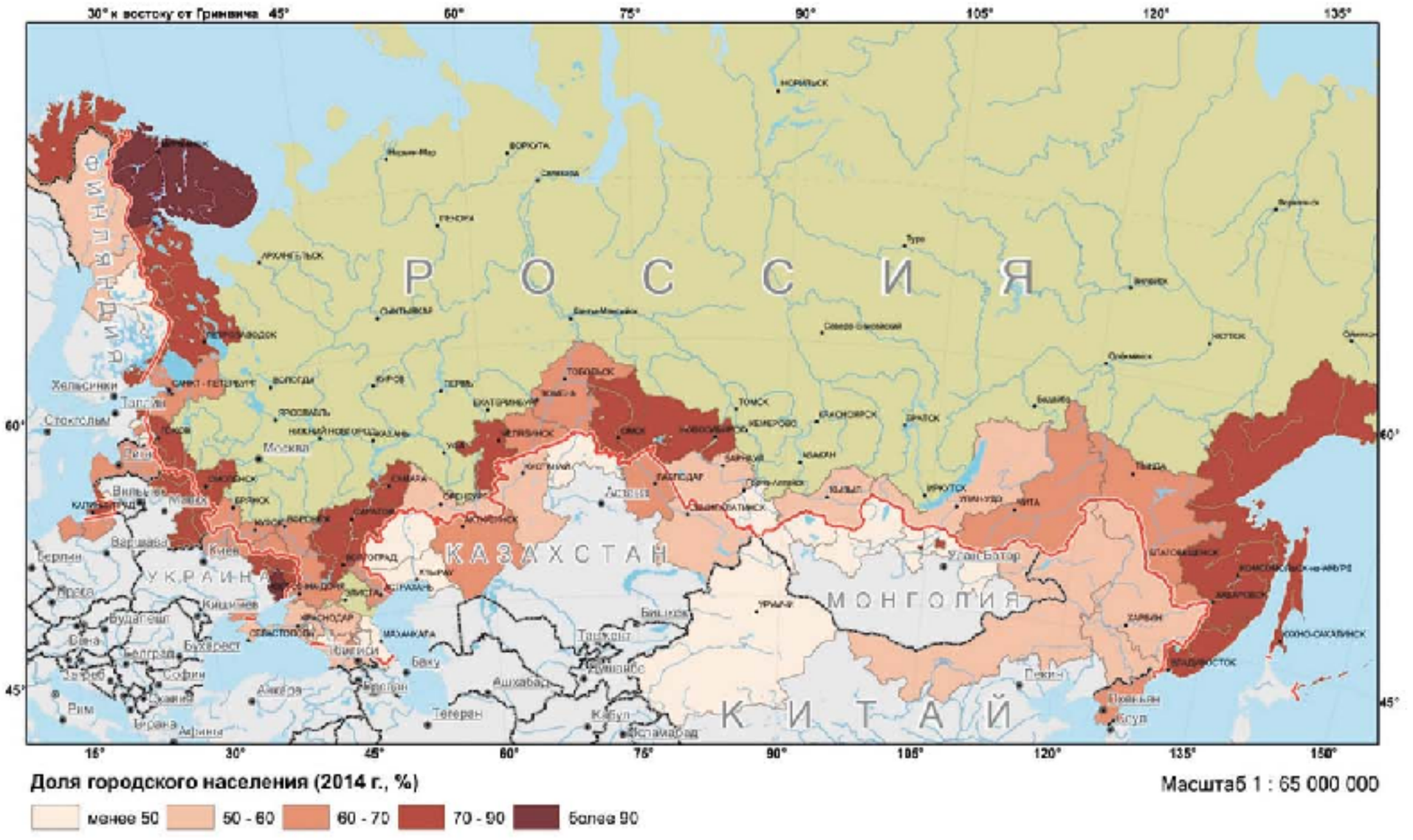


Рис. 7. Доля городского населения, 2014 г.

Рис. 8. Компоненты изменения численности населения, 2014 г.

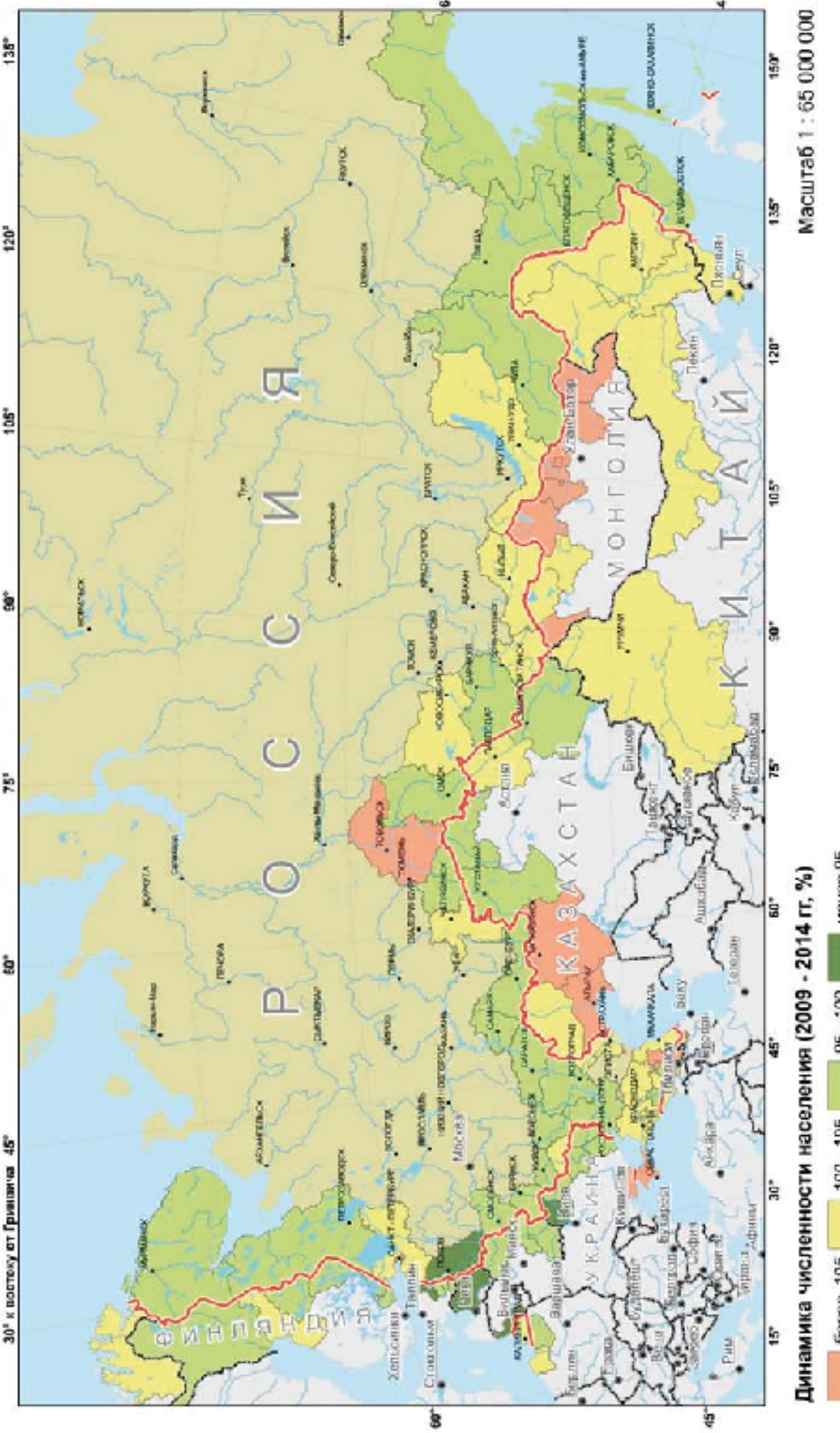


Рис. 9. Динамика численности населения, 2009–2014 гг.

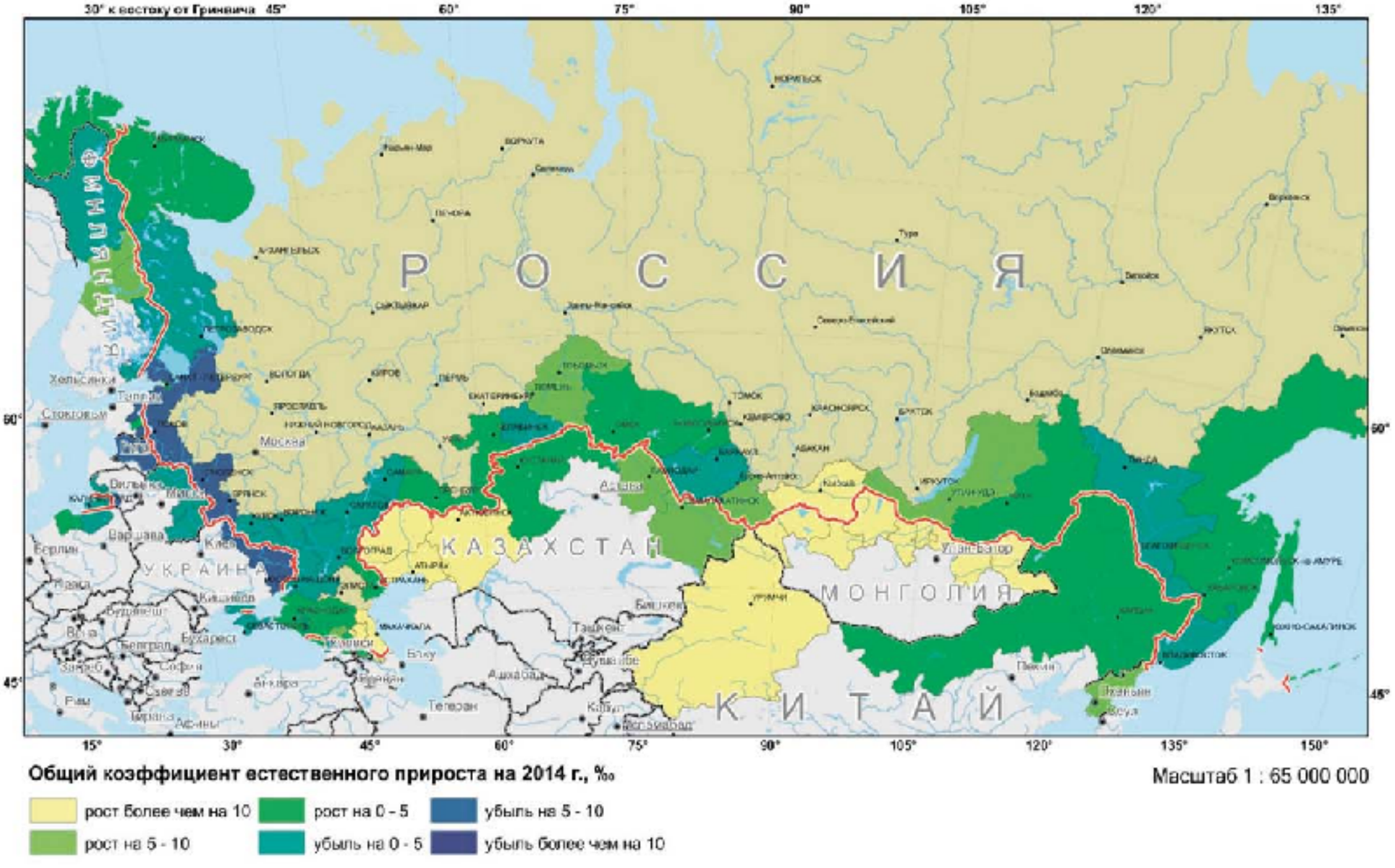


Рис. 10. Коэффициент естественного прироста, 2014 г.

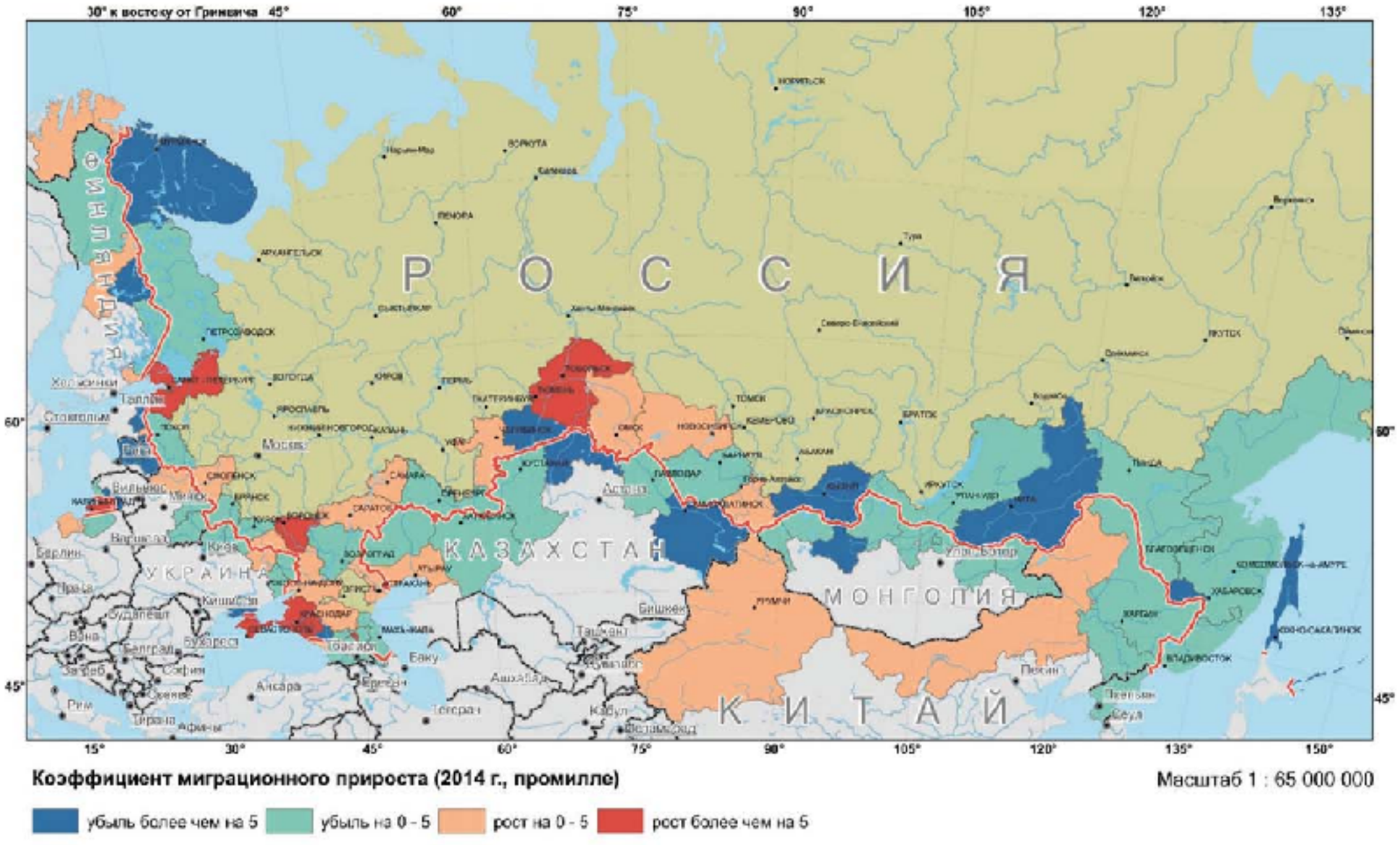


Рис. 11. Коэффициент миграционного прироста, 2014 г.

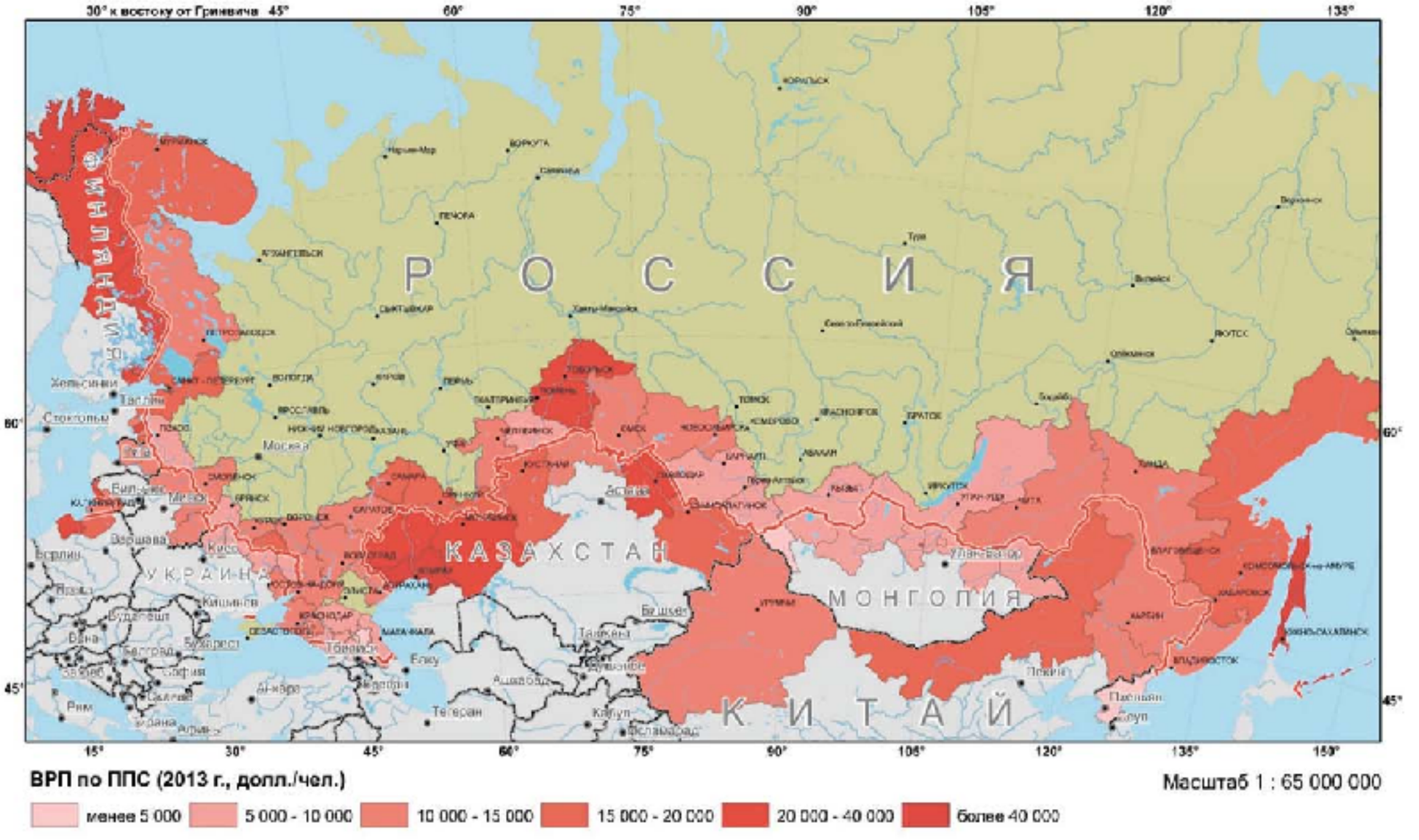


Рис. 12. Валовой региональный продукт по ППС, 2013 г.

Рис. 13. Структурные типы экономики регионов российского пограничья, 2013 г.

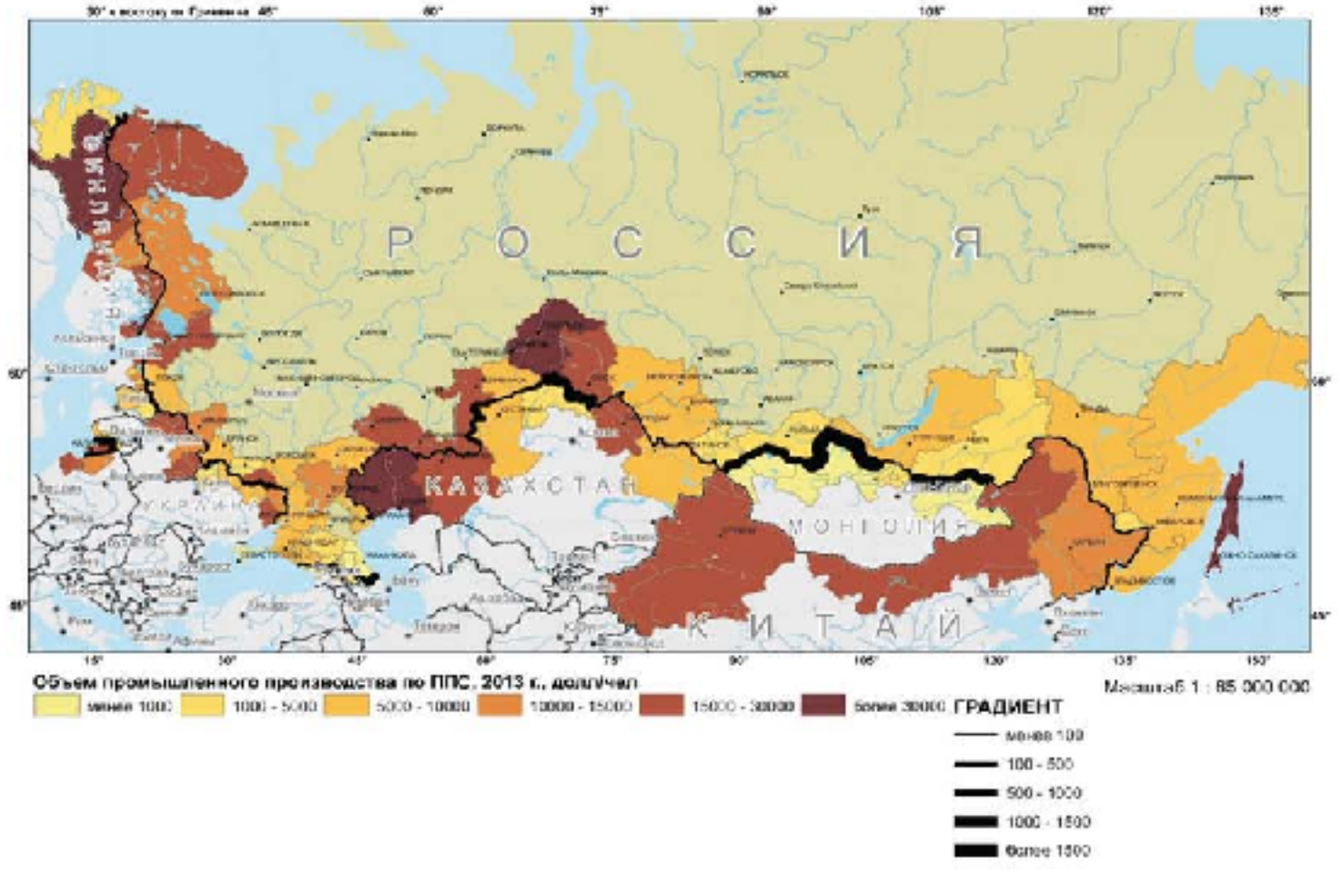


Рис. 14. Объем промышленного производства по ППС, 2013 г.

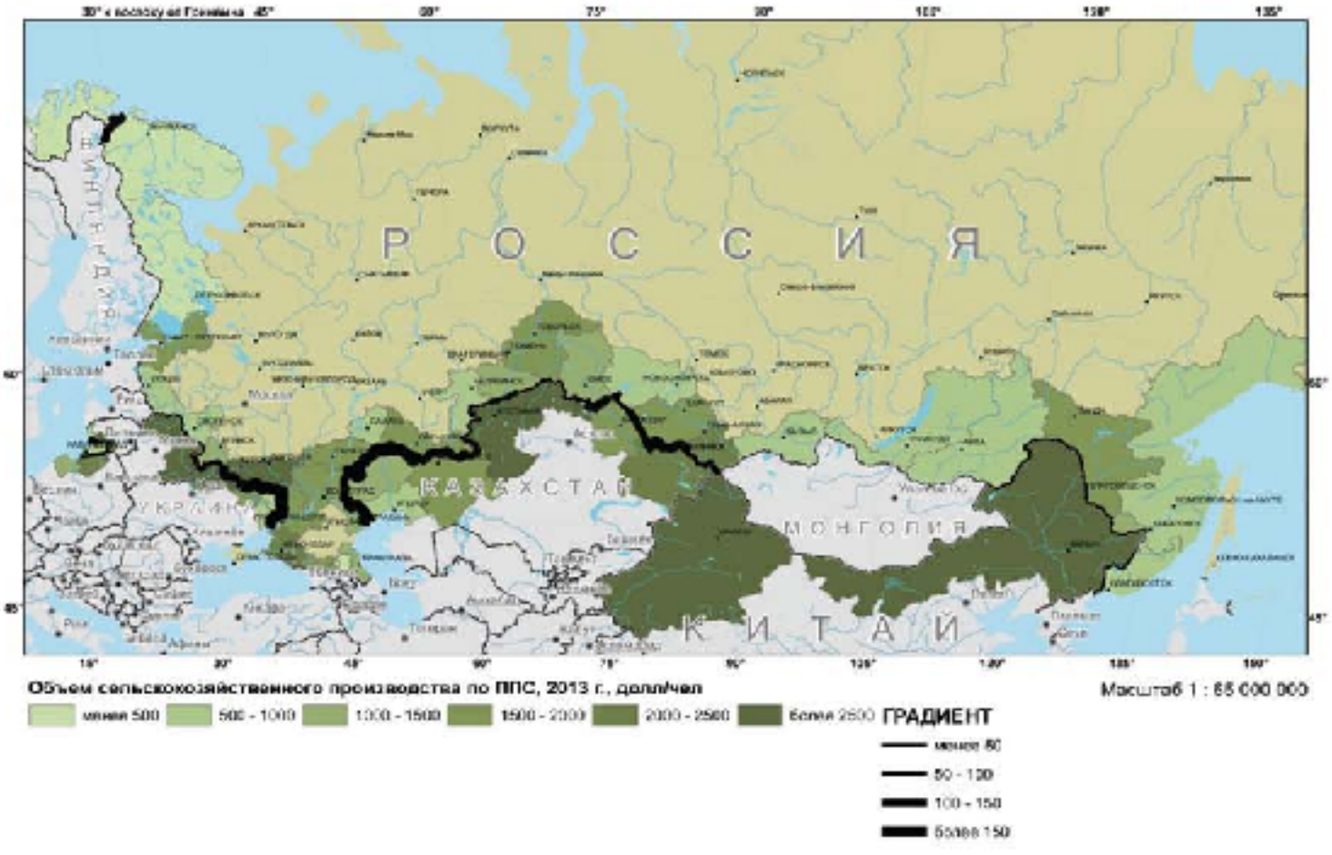


Рис. 15. Объем сельскохозяйственного производства по ППС, 2013 г.

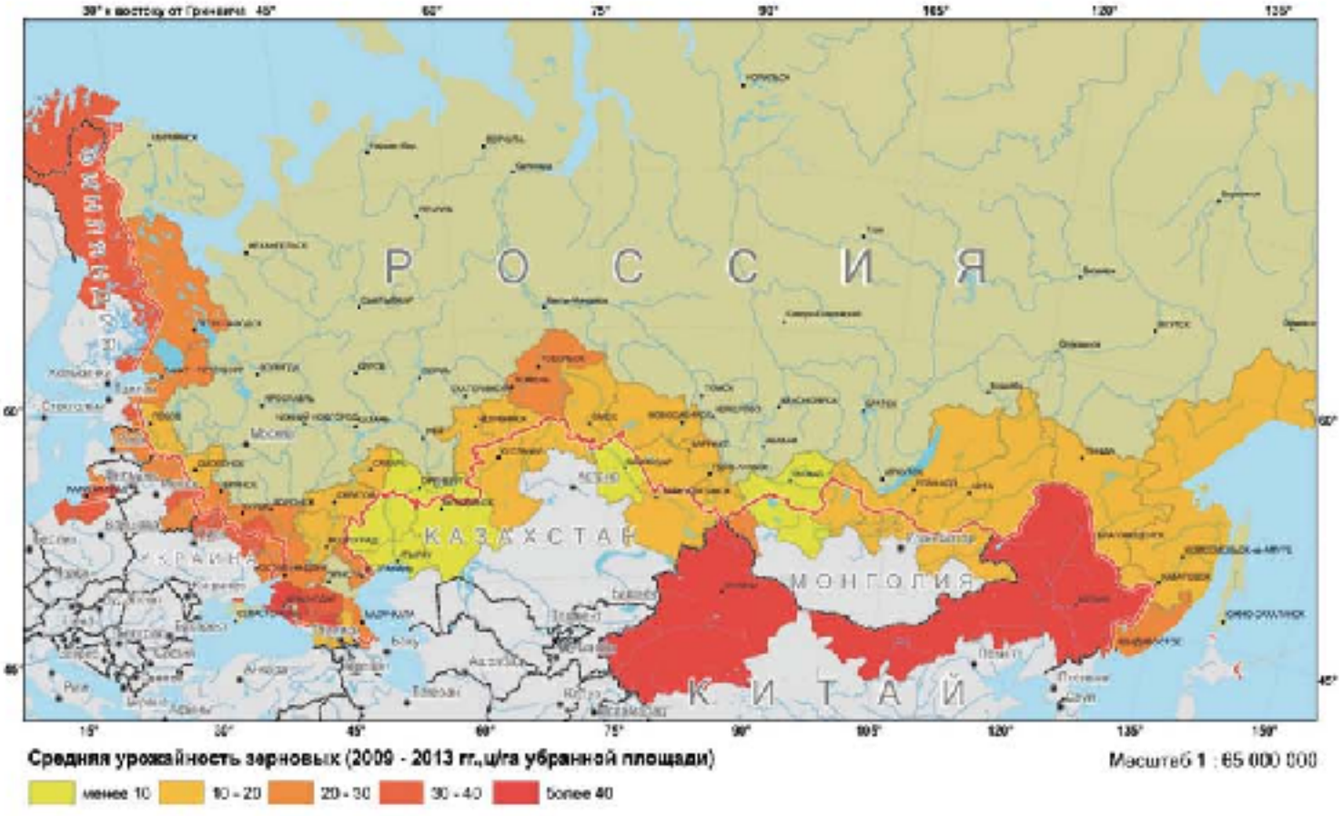


Рис. 16. Средняя урожайность зерновых, 2009–2013 гг.

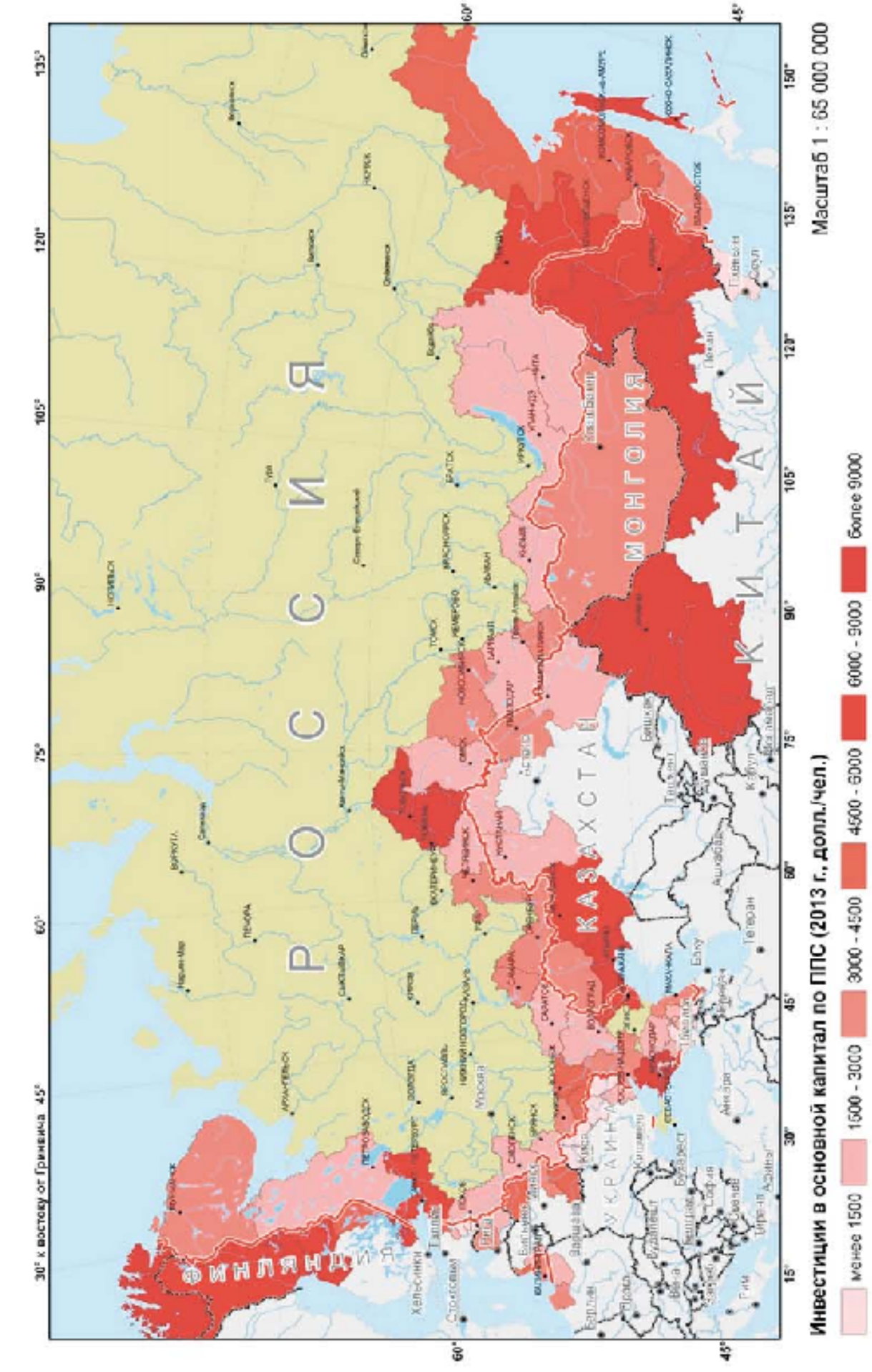


Рис. 17. Инвестиции в основной капитал по ППС, 2013 г.

Рис. 18. Наличие автомобилей на 1000 чел., 2014 г.

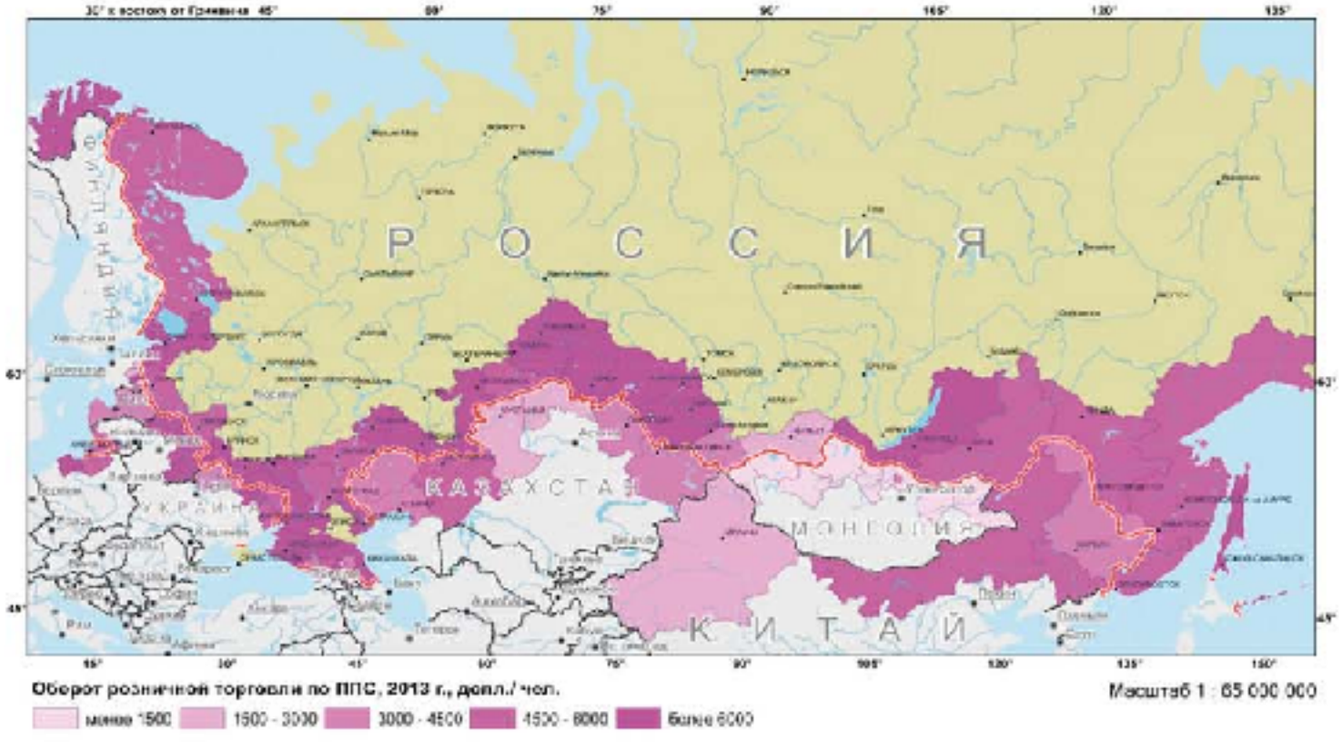


Рис. 19. Оборот розничной торговли по ППС, 2013 г.

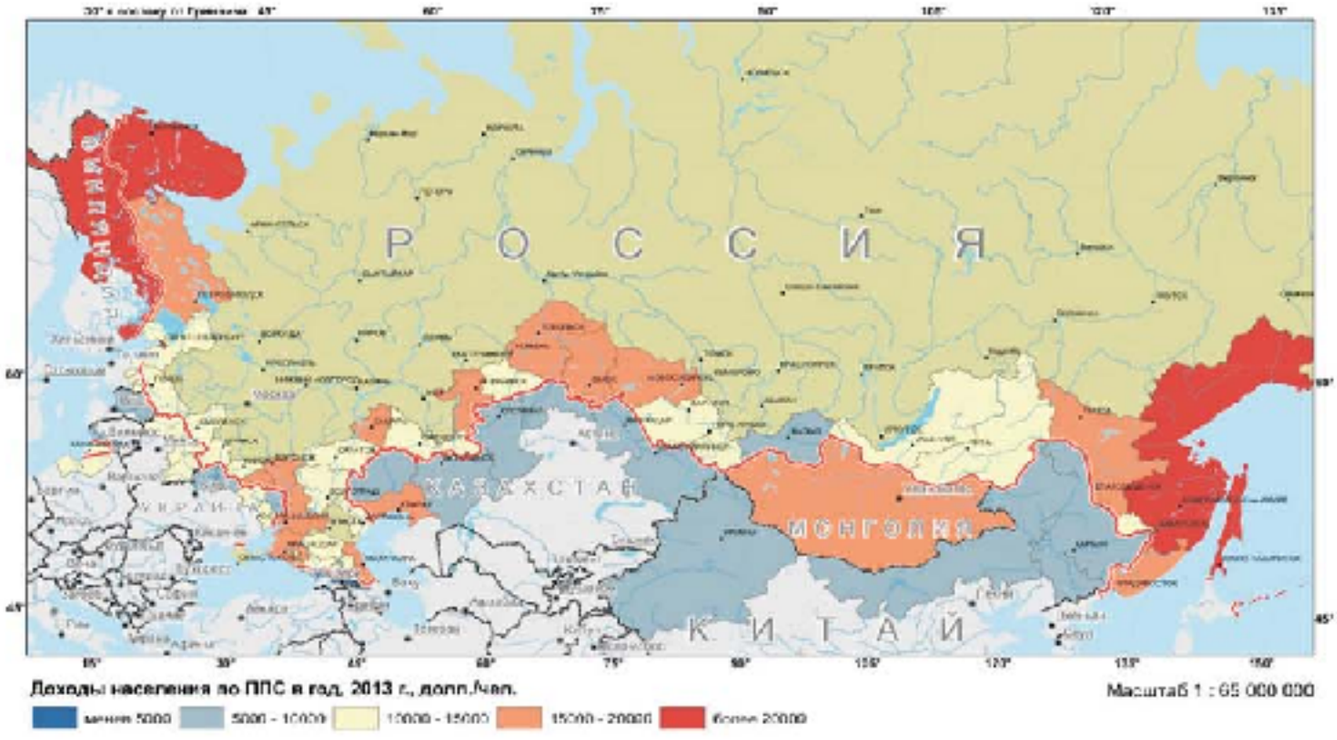


Рис. 20. Доходы населения по ППС, 2013 г.

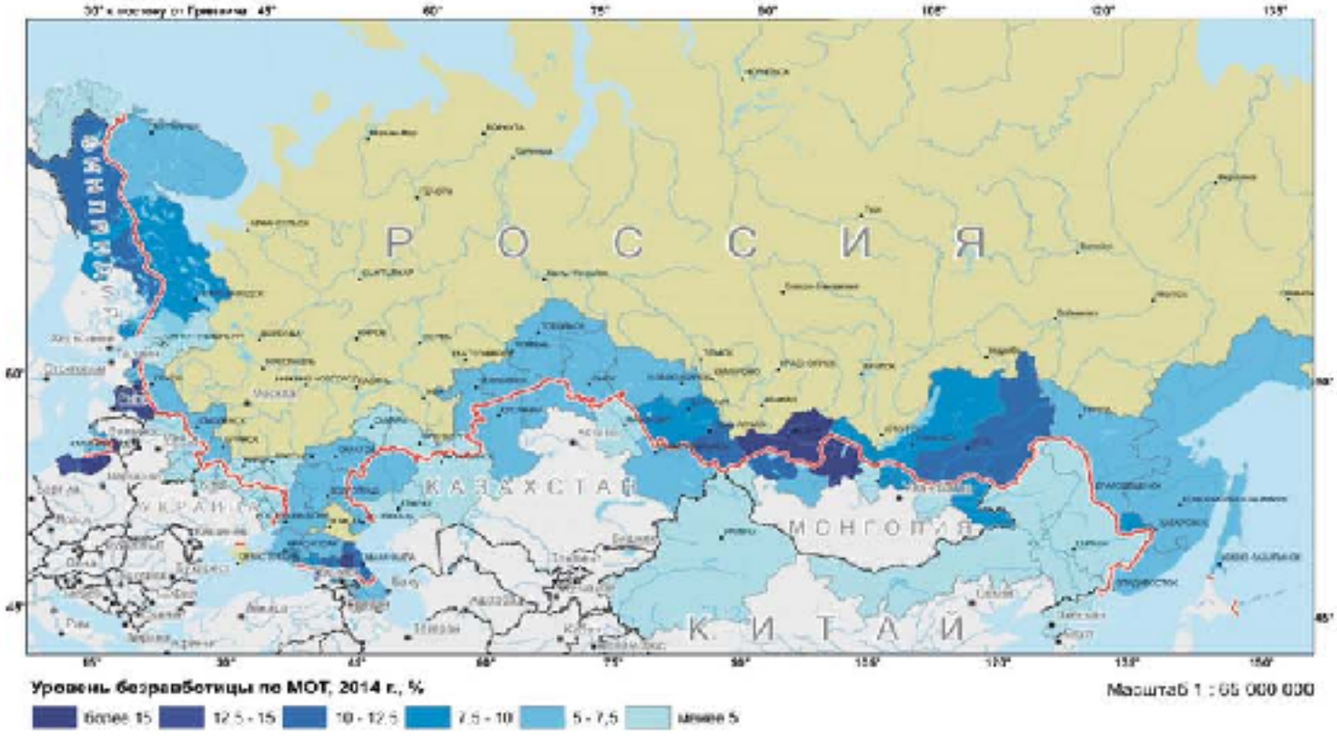


Рис. 21. Уровень безработицы по МОТ, 2014 г.

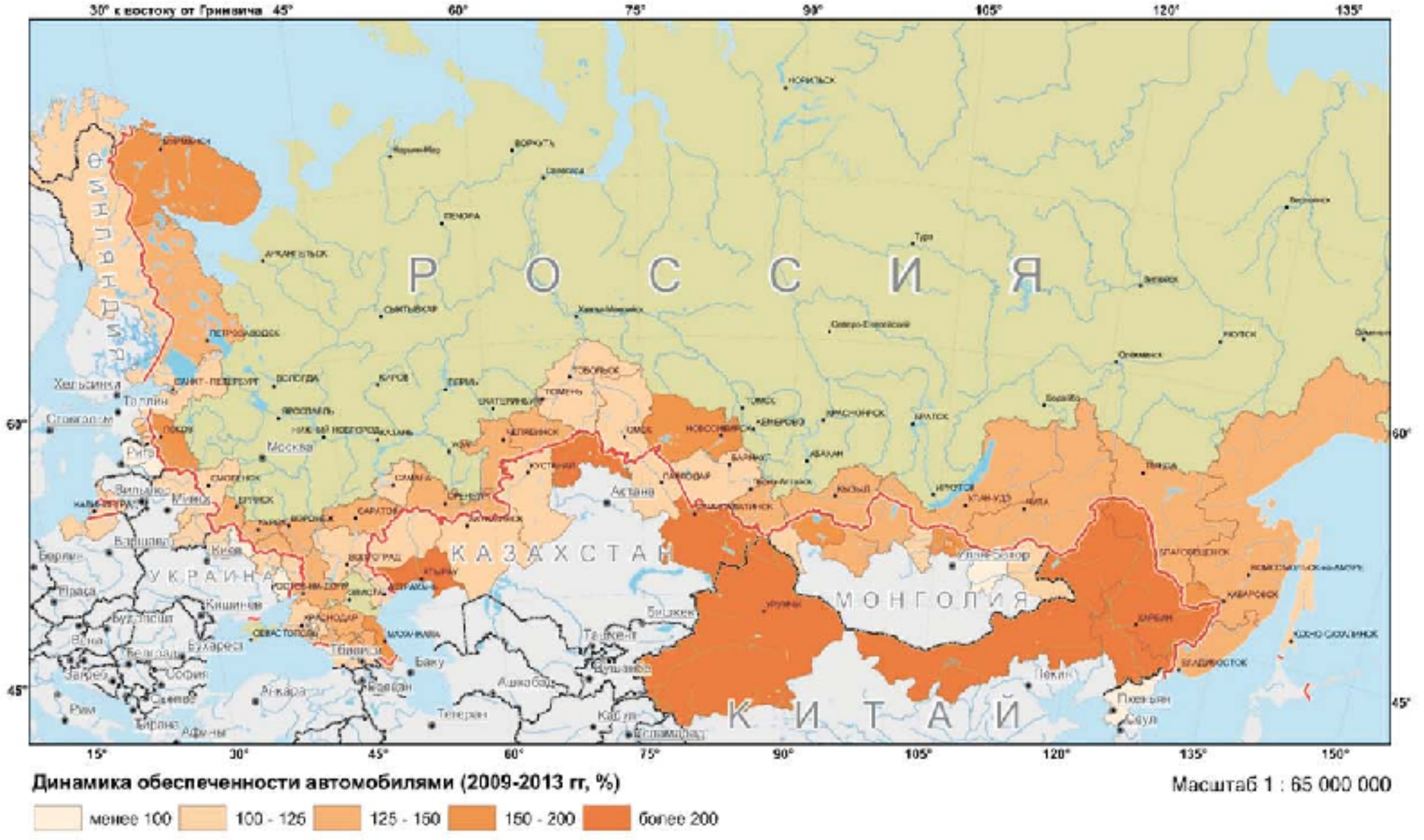


Рис. 22. Динамика обеспеченности автомобилями, 2009–2013 гг.

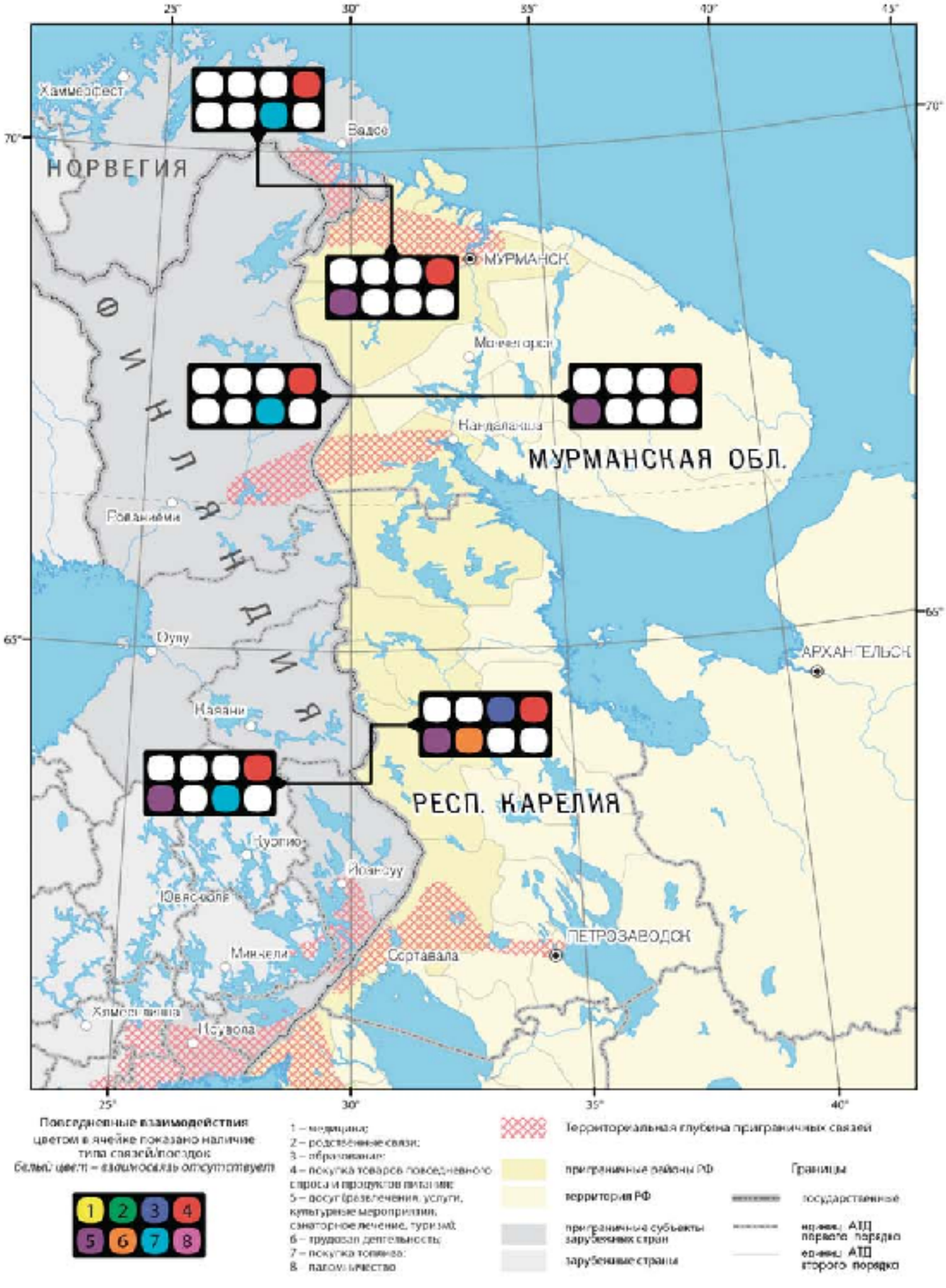


Рис. 23. Повседневные взаимодействия в пограничье России с Норвегией и Финляндией.

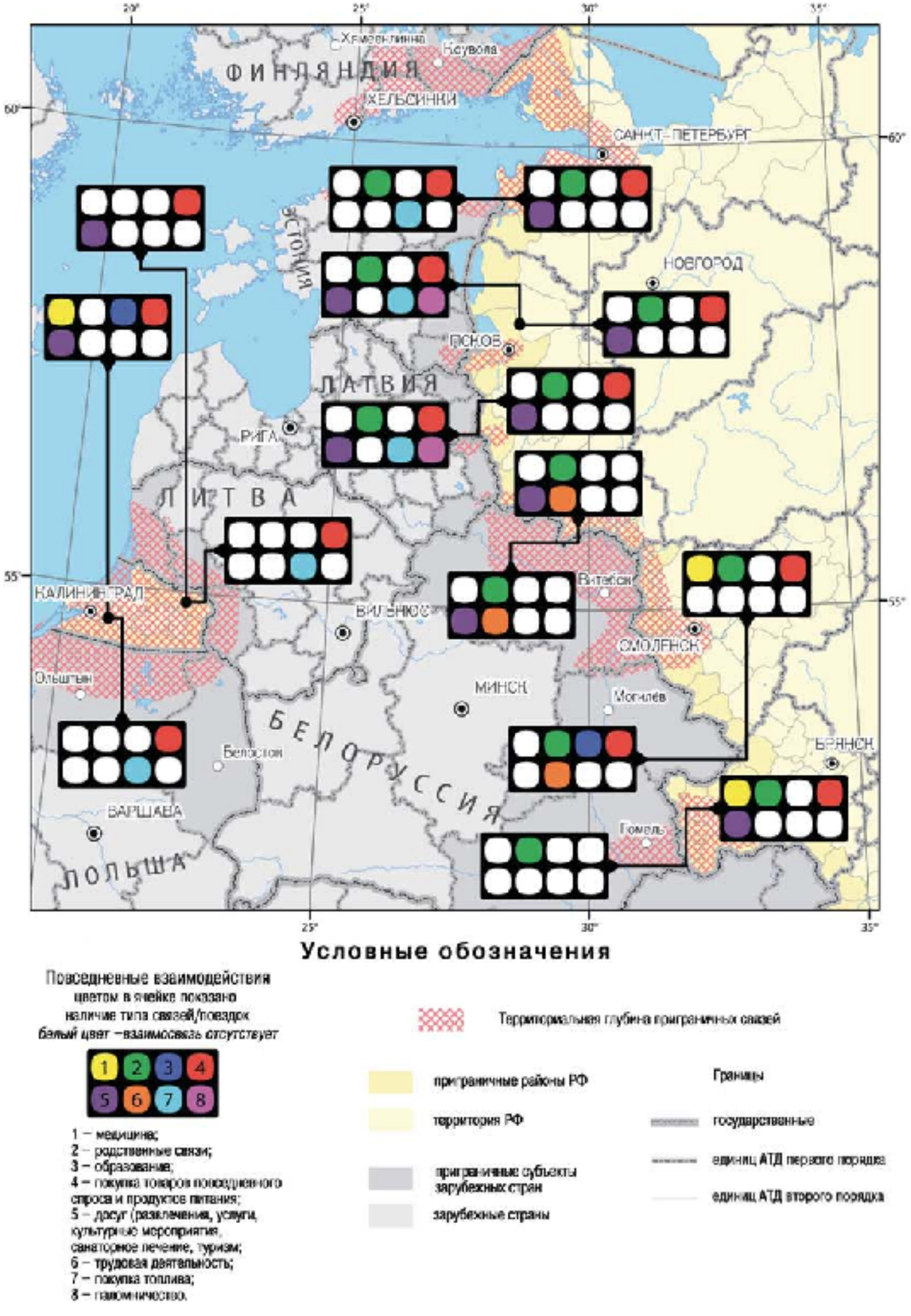
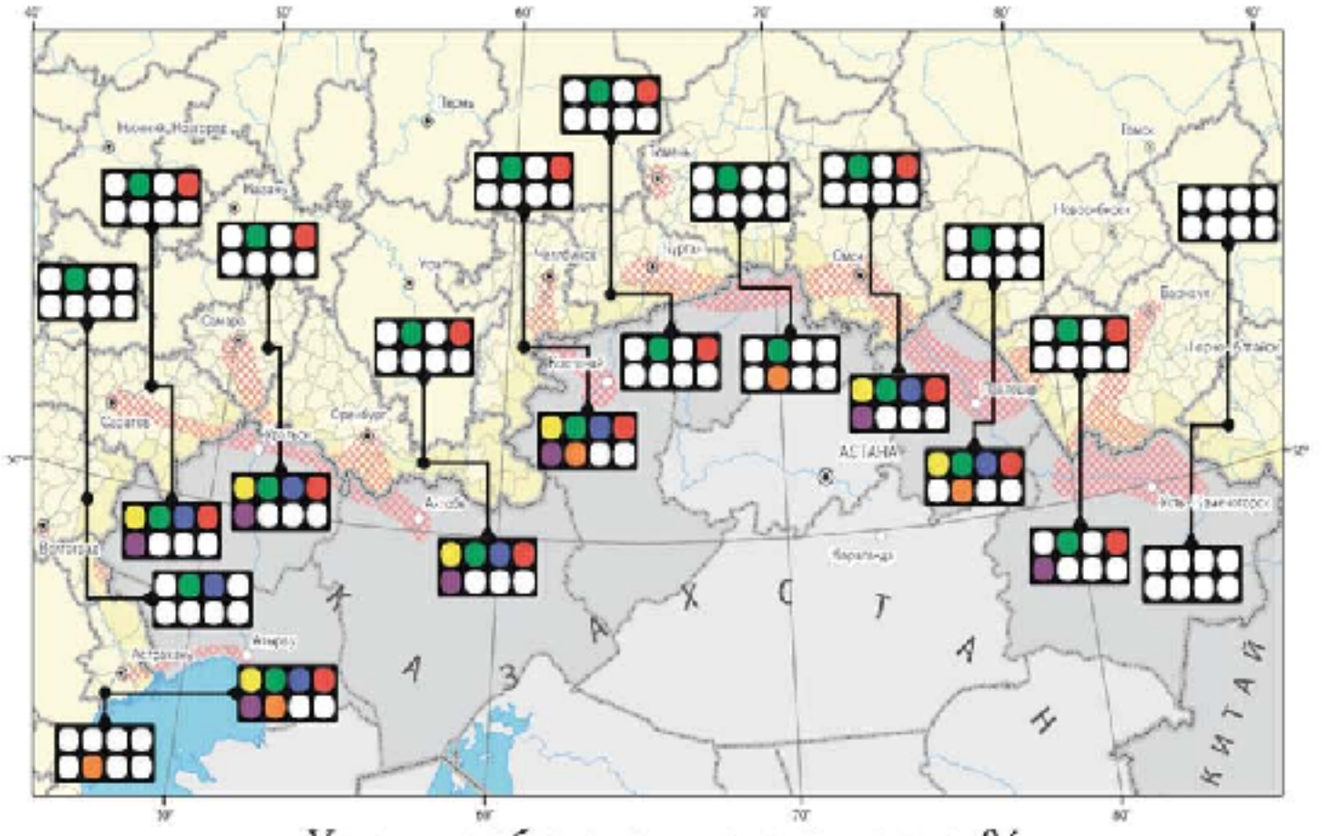


Рис. 24. Повседневные взаимодействия в пограничье России со странами Балтии, Польшей и Белоруссией.



Условные обозначения смотри на рис. 24.

Рис. 25. Повседневные взаимодействия в пограничье России с Казахстаном.

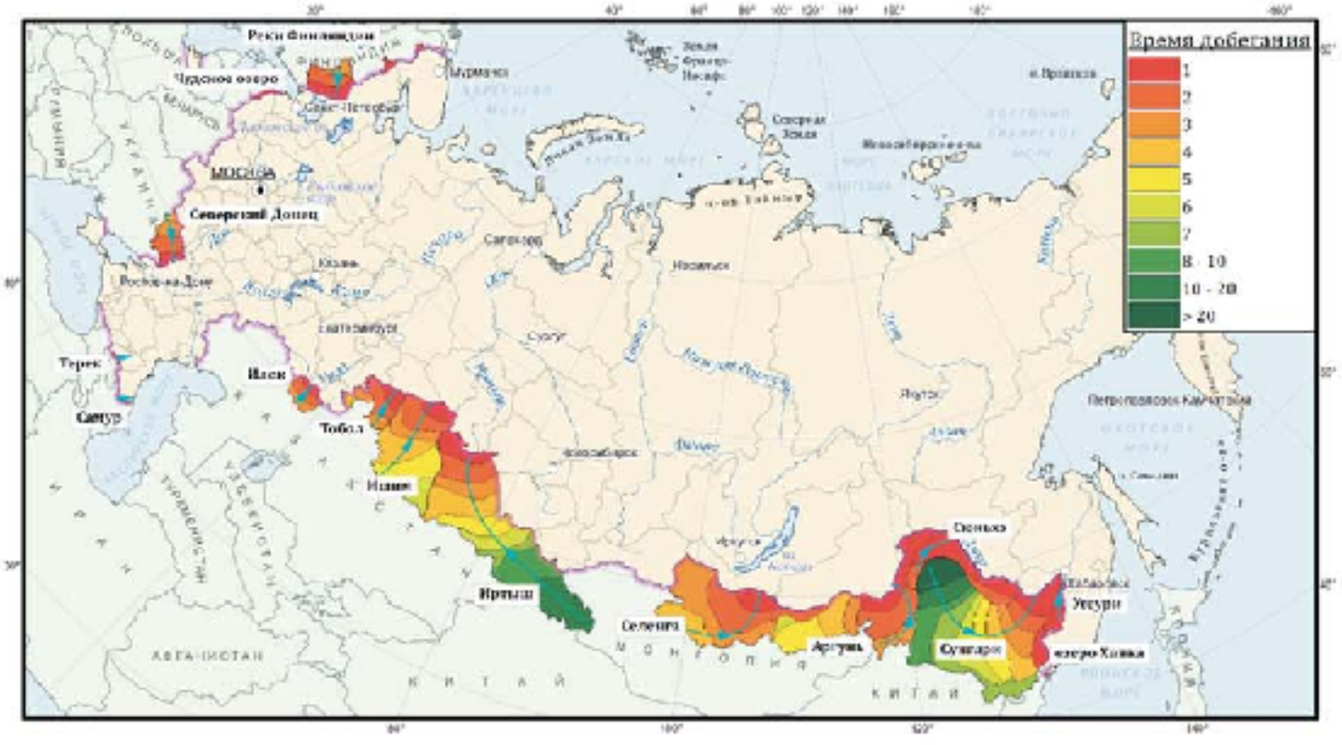


Рис. 26. Время (в сутках) достижения территории России негативными изменениями стока воды с территории сопредельных государств и содержания в ней загрязняющих веществ (Отчет..., 2014).

Рис. 27. Фантомные границы на постсоветском пространстве.

Рис. 28. Историко-символический ландшафт российско-украинского сегмента границы.

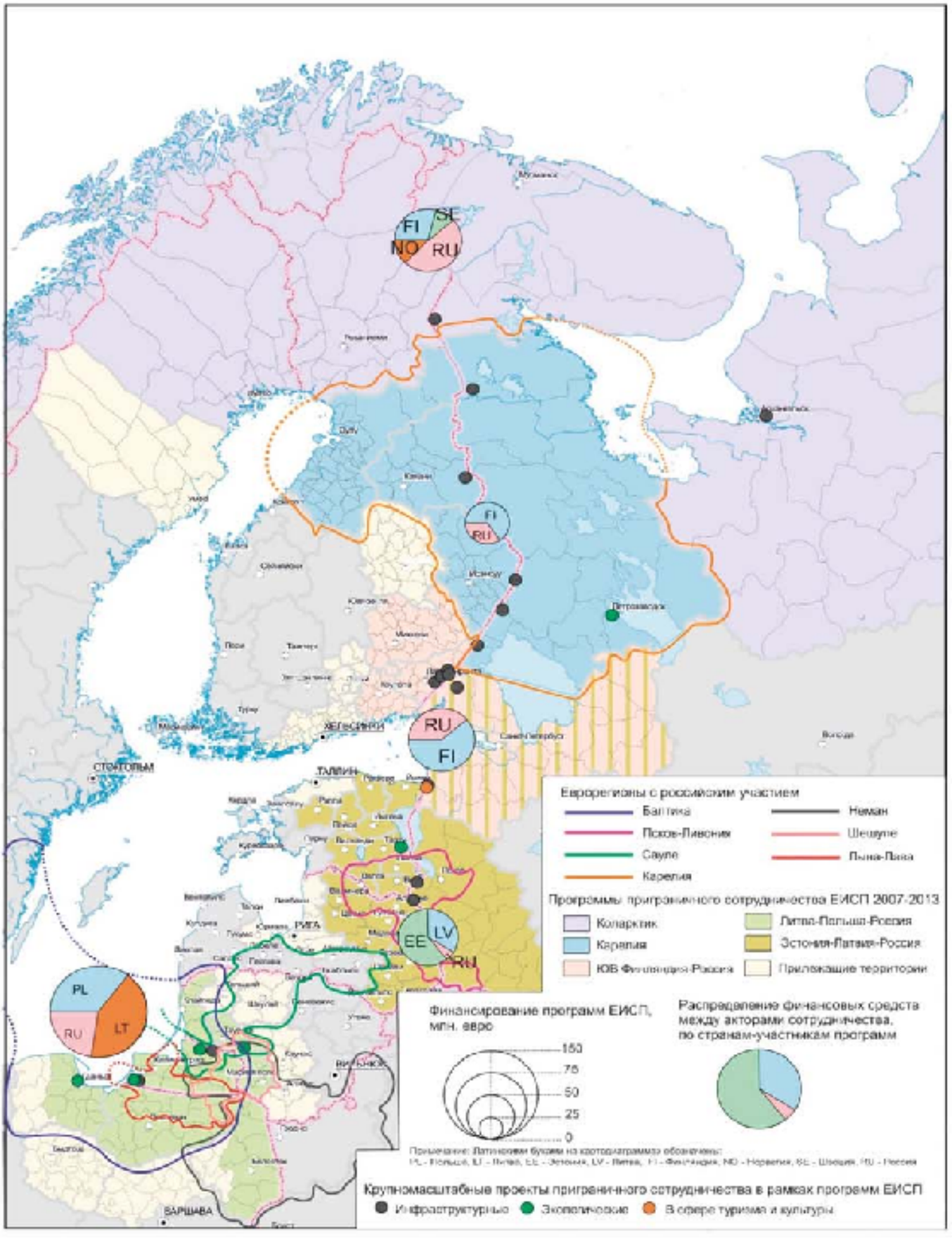
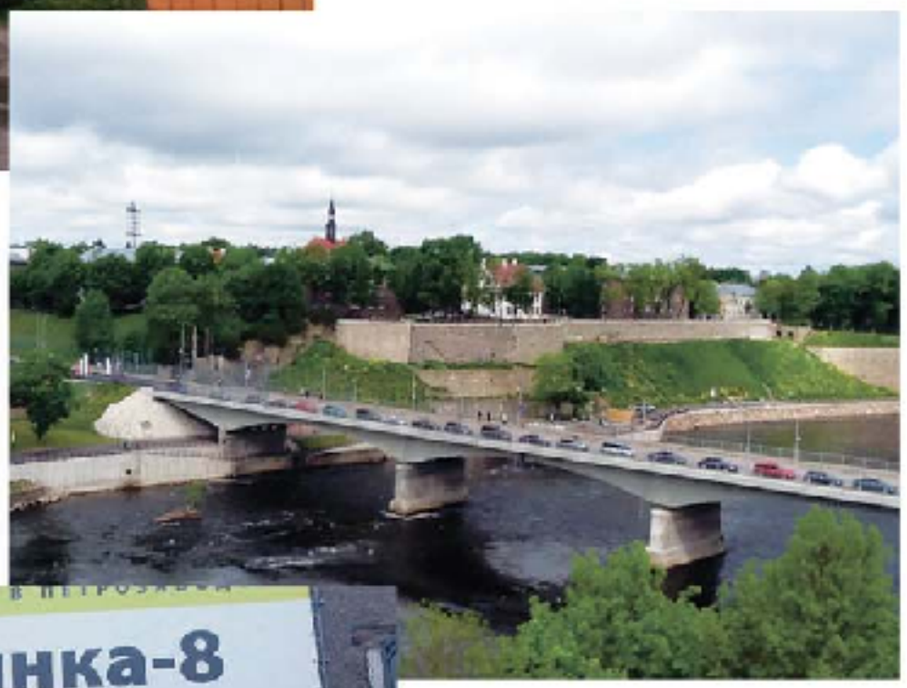


Рис. 29. Институты приграничного сотрудничества на северо-западном участке российского пограничья.

Переплетение разных эпох и стилей в облике пограничного карельского города Сортавала, входившего в состав Великого княжества Финляндского (1721–1918), независимой Финляндии (1918–1940), затем СССР (1940–1991) и Российской Федерации.



Очередь на пограничном пункте пропуска Нарва (Эстония) – Ивангород (Россия).

Реклама на одной из улиц Петрозаводска.

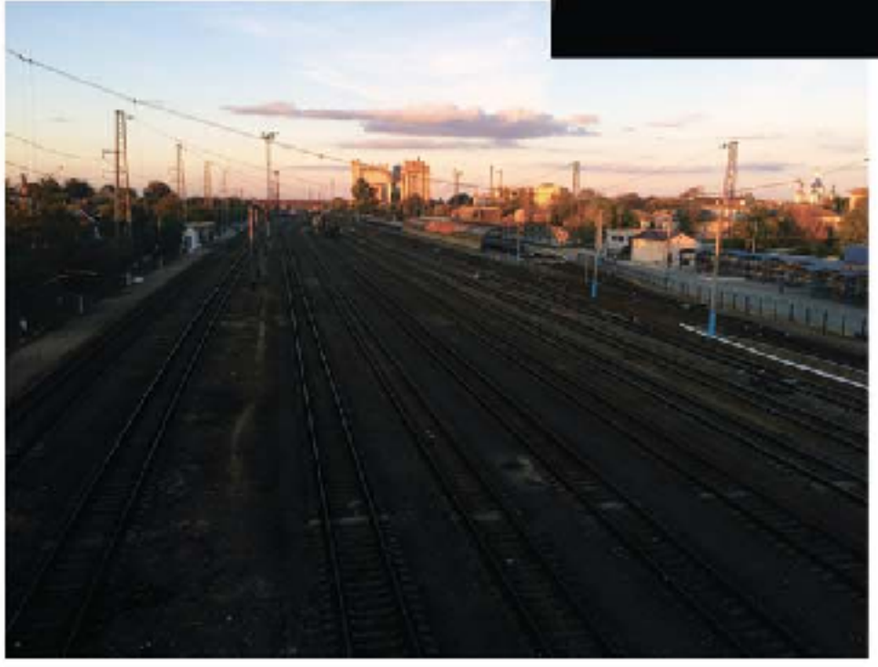
Табличка, информирующая, что променад в Ивангороде реализован в рамках проекта приграничного сотрудничества ENPI Эстония-Латвия-Россия. Слоган на табличке подтверждает, что несмотря на политические и исторические противоречия, между странами на локальном уровне существуют взаимодействия.

Харьковско-Белгородский участок российско-украинской границы до событий 2014 г.

Пограничье между Ростовской областью и непризнанной ЛНР вблизи российского города Донецк: село на горизонте находится по другую сторону российской границы.

Памятник
«вежливым людям»
в Симферополе.

Симферополь: объявления
с номерами телефонов
водителей, предлагающих
услуги по перевозке
пассажиров в города
Украины.



Узловая станция
Джанкой с 2014 года
опустела.

Пограничный пункт пропуска Верхний Ларс (Россия) – Казбеги (Грузия).

Памятник исследователям Казахстана Ч. Валиханову и Г. Потанину в Павлодаре, символизирующий культурные связи между Россией и Казахстаном.

Памятник российскому пограничнику в Благовещенске.

Памятный знак, установленный на месте ставки графа Н.Н. Муравьева-Амурского при подписании Айгунского договора 1858 г. о границе с Китаем. В 1973 г. был дополнен горизонтальной протяженной стелой с надписью «Земля Амурская была, есть и будет русской».

Память прошлого: пограничный катер на набережной Благовещенска как знак неприступности российских границ.

Вид на набережную города Хэйхэ из Благовещенска.

Вывески супермаркетов, ориентированных на российских покупателей, в китайском пограничном городе Хэйхэ.

Памятник А.С. Пушкину на центральной улице Хэйхэ создает «привычную» для русских туристов атмосферу.

Подъездная дорога к пограничному пункту пропуска Амурзет (Россия) — Лобей (Китай) в Еврейской автономной области.

Подъездная дорога к пограничному пункту пропуска Лобей (Китай) – Амурзет (Россия) в провинции Хэйлунцзян.

Памятник первому генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске, подчеркивающий историческую легитимность границы между Россией и Китаем по Айгунскому договору 1858 г.

Город Цзямусы сочетает черты крупного города и сельской местности.

Хабаровск: набережная и пляж на берегу Амура – у самой границы между Россией и Китаем.

Пограничный пункт пропуска Хуньчунь (Китай) – Краскино (Россия).

Российский и китайский пограничные столбы на стыке границ России, КНДР и КНР.

Граница как театр: 80-метровая пагода на стыке границ Китая, России и КНДР, где китайской стороной организованы обзорный пункт и музейная экспозиция.